

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

2 (52)

Апрель – Май – Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2016

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. НАНА *И.А. Бабаев* (Баку),
член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), член-корр. НАНУ *С.Д. Крыжицкий* (Киев),
проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем), проф. *К. Липполис* (Турин),
акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва), д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва),
д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь), проф. *М. Ольбрихт* (Жешув),
акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент), проф. *А.Ф. Строев* (Париж),
д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин), д.и.н. *Э.Д. Фролов* (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаилов* (ответственный секретарь, Москва), д.и.н. *Е.Г. Дэвлет* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@masu.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

2 (52)

April – May – June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2016

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Yl'yas Babaev* (Baku),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Eduard Frolov* (Saint-Petersburg),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Sergey Kryzhitsky* (Kiev), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuri Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Alexander Stroev* (Paris), Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *Ekaterina Devlet* (Moscow), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Prof. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexander Vlaskin* (Magnitogorsk)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@masu.ru

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древний Восток

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 5–17
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 5–17
©Автор(ы) 2016

К ВОПРОСУ О ЧТЕНИИ ТОПОНИМА IR-MR-A В «СТЕЛЕ САТРАПА»

К.В. Кузьмин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
djiznomir@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу дискуссионного пассажа из «Стелы сатрапа» 311 г. до н. э. (Urk. II. 15). Автор обосновывает перевод топонима *p3 t3 n H3r.w* как «Финикия» и подтверждает гипотезу, согласно которой в данном пассаже описан поход Птолемея I в Восточное Средиземноморье в 312–311 гг. до н. э. Подчеркивается особое значение данной военной кампании в пропаганде Птолемея I. Отмечается вероятная взаимосвязь «Стелы сатрапа» и «Оракула ягненка», пророческого текста, который мог быть составлен в это же время. Упоминание царя-спасителя Египта, наделенного 55 годами, автор приводит в связь с 55-летием Птолемея I, имевшим место в 312 г. до н. э. Композиция анализируемой части «Стелы сатрапа» указывает на то, что здесь рассказывается о двух эпизодах одной военной кампании. Указание на увод мирного населения в плен автор связывает с сообщениями античной традиции о депортации евреев в Египет, осуществленной Птолемеем I. Ставится под сомнение чтение топонима *irmr3* как *mrmt:tyw* «мармарийцы» и, соответственно, гипотеза о том, что текст сообщает о подавлении восстания в Кирене. Анализ фонетических данных и особенностей иероглифического письма, используемого в «Стеле сатрапа» дает автору возможность обосновать чтение данного слова как *i3mr.w* «амореи». Анахроническое употребление этого этнонима автор связывает с характерным для начального периода правления династии Птолемея обращением к истории Египта второй половины II тыс. до н. э., а также с вероятным обращением к текстам храмов эпохи Нового царства в Мединет-Абу.

Кузьмин Кирилл Вадимович – аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: djiznomir@rambler.ru

Статья публикуется в рамках проекта РГНФ №15-01-00431 «Эпоха эллинизма и ее правители в зеркале традиционных мировоззрений народов Ближнего Востока (на примере Египта и Месопотамии)».

Ключевые слова: Египет эллинистический, Птолемей I, Стела сатрапа, Оракул ягненка, амореи, Финикия, Кирена

Так называемая «Стела сатрапа»¹ оказывается одним из важнейших источников по истории государственной идеологии птолемеевского Египта. Памятник датируется 311 г. до н. э. Хотя дата в тексте указана по годам правления Александра IV, внимание автора целиком сосредоточено на деяниях «вождей великого в Египте» (*wr ʕ m B3k.t*) Птолемея I (Urk. II. 13. 5). В строках 4–6 рассказывается о походе Птолемея в «землю Хар» (*p3 t3 n Hr.w*), в результате которого Птолемей захватил и привел в Египет «знать их, коней их, корабли их, богатства их все» (*in.n=f wr.w=sn smsm.(w)=sn kbn.(wt)=sn nb.(w) r B3k.t*) (Urk. II 15. 9–10). О каком реальном историческом событии идет речь в данном пассаже?

Необходимо точно установить, какой регион обозначается в тексте топонимом «земля Хар». В классическом среднеегипетском языке это слово использовалось для обозначения Сирии и Палестины в совокупности². В таком же значении оно сохранилось и в демотическом языке (CDD H4 60–62). В иероглифических текстах птолемеевского периода оно встречается редко. Упоминания «страны Хар» мы находим в жреческих декретах III в. до н. э. В Александрийском декрете 243 г. до н. э. топониму *Hr* иероглифической (позднесреднеегипетской) версии соответствует демотическое обозначение *p3 t3 n n3 Hr.w* («область жителей (страны) Хар») (43)³. В Канопском декрете 238 г. до н. э. сообщается, что для борьбы с голодом в Египте Птолемей III завез зерно «из Сирии и Финикии» (ἐκ τῆς Συρίας καὶ Φοινίκης – Urk. II. 131. 59–60). В демотической версии текста читаем соответственно: *n p3 t3 p3 Tsr p3 t3 n3 Hr.(w)* (B 18)⁴. Таким образом, египетскому именованию «страна Хар» (*Hr*) в тексте на древнегреческом языке соответствует Финикия. Так называемый декрет Рафии 217 г. до н. э. подтверждает это наблюдение: позднесреднеегипетский текст *t3.wy Fnhw* (6)⁵ в демотической версии передан как *p(3) t3 n Hr.w* (22)⁶ – а в текстах эллинистического периода древний египетский топоним *Fnhw* используется для обозначения Финикии⁷. Г. Виттман отмечает, что обозначения *Hr* и *Tsr* в демотических текстах употребляются как наименования соответственно «береговой» и «континентальной» Сирии⁸ – то есть, по сути, Финикии и собственно Сирии-Палестины.

Приведенные наблюдения позволяют предполагать, что в «Стеле сатрапа» (памятнике, который близок к упомянутым жреческим декретам как по хронологии, так и по функциональному назначению – как памятник царской пропаганды), «страна Хар» обозначает не все Восточное Средиземноморье в совокупности (в исходном значении этого термина), а именно финикийское побережье. Это предположение подтверждается тем, что, согласно тексту, в результате победы Птолемею удалось захватить не только предводителей войска и лошадей, но и

¹ Последние издание «Стелы сатрапа»: Schäfer 2011.

² Hannig 2000, 1613. Ср. Wb. III 232. 7–8.

³ El-Masry, Altenmüller, Thissen 2012, 97.

⁴ Pfeiffer 2004, 94.

⁵ Gauthier, Sottas 1925, 25–26.

⁶ Gauthier, Sottas 1925, 36.

⁷ Gauthier, Sottas 1925, 26.

⁸ Vittmann 1998, 350.

корабли (Urk. II 15. 10). Кроме того, в описании подготовки экспедиции также говорится о снаряжении флота (id. 15. 1–2).

В какой из военных кампаний Птолемея в период до конца 311 г. до н.э. подчинение Финикии было главной или одной из основных задач? Хотя Птолемей захватывал Финикию и в 319–318 гг. до н.э. (на короткое время)⁹, его успехи на этом направлении оказались особенно впечатляющими в кампании 312–311 гг. до н.э., ход которой был подробно изложен в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (XIX. 80–86). Нанеся сокрушительное поражение войскам Деметрия Полиоркета при Газе, Птолемей затем двинулся в Финикию. Ему добровольно подчинился Сидон, а затем Птолемей осадил Тир, начальник гарнизона которого Андроник наотрез отказался сдавать город. Гарнизон Тира поднял мятеж против своего командующего, и город перешел в руки Птолемея.

По-видимому, правитель Египта имел все основания рассматривать победы 312 г. до н.э. как очень важное достижение. В результате достигнутых успехов Селевк смог вернуть себе Месопотамию (Diod. XIX. 88. 5, 90. 1), а в 311 г. до н.э. Антигон был вынужден заключить с другими диадохами мир, подтверждавший неприкосновенность их владений (id. XIX. 105. 1, ср. 85. 3). Кроме того, так называемая «эра Сотера», фиксируемая по нумизматическим источникам, отсчитывалась, по-видимому, именно от 312–311 гг. до н.э.¹⁰ Добавим к этому, что в труде Плиния Старшего сохранилось необычное указание на то, что в 312 г. до н.э. в Египте начался новый цикл «обращения великого года» (*conversio magni anni*), тождественный жизненному циклу священной для египтян птицы Феникс (X. 2). За этим годом, таким образом, закрепилось некое символическое значение – причем напрямую связанное с египетскими представлениями о больших временных циклах. Наконец, так называемый «Оракул ягненка», пророческий текст, возможно, также датируемый начальным периодом правления Птолемея I¹¹, сообщает о грядущем благом царе «55 (лет)» (*p3y p3-t3-55 p3 nty iw p3y=n* – «тот, что пятидесяти пяти, который – наш»)¹² – а в соответствии с единственным доступным нам указанием античной традиции (Lukian. *Makrobioi* 12) именно в 312 г. до н.э. Птолемей должен был отметить свое 55-летие¹³. Следует также добавить, что в восточном походе 312 г. до н.э. были впервые задействованы египтяне – возможно, они даже составили большую часть войска (Diod. XIX 80. 4). Этот факт делает упоминание данной кампании в пропагандистском тексте на египетском языке еще более вероятным. Таким образом, предположение о том, что военный поход, описанный в «Стеле сатрапа», представляет собой кампанию 312–311 гг. до н.э. в Восточном Средиземноморье, достаточно обосновано.

Наиболее проблематичной частью «Стелы сатрапа» является описание еще одного военного похода, следующее непосредственно за рассказом о подчинении Финикии. Приведем его полностью:

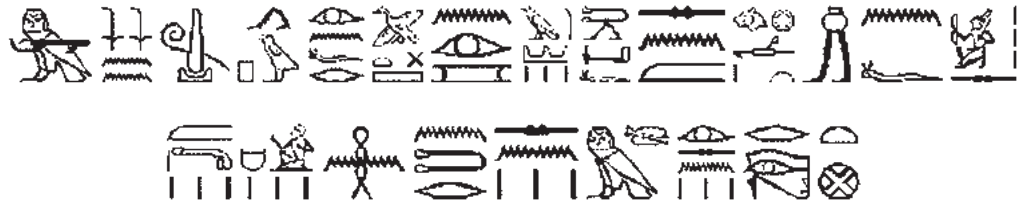
⁹ НуВ 2001, 123–124.

¹⁰ Ладынин 2016.

¹¹ Ладынин 2010.

¹² Zauzich 1983, 166, 168.

¹³ Ср. Кузьмин 2016.

m-ht nn wd3 pw ir:n=f r p3 tš n Tr-mr-3 it=f sn m 3t w^c.t in=f mš^c.s(n) m by.w hm.wt hn^c ntr:(w)=sn m-isw ir=sn r B3k.t – «После этого он (Птолемей I) отправился к границе / области (людей) *Tr-mr-3*. Захватил он их в одно мгновение. Привел (букв. «принес») он множество их людей – (и) мужчин, (и) женщин вместе с богом / богами их за то, что сделали они Египту» (Urk. II 15. 11–15).

Для того чтобы дать интерпретацию этого отрывка, необходимо обратиться к вопросу о композиции рассказа о военном походе в «Стеле сатрапа». Следует отметить, что о сборе войска рассказывается только перед описанием экспедиции в «страну Хар» (Urk. II 15. 1–2). В повествовании о походе в область *Trmr3* о подготовке уже ничего не говорится: этот эпизод непосредственно примыкает к сообщению о результатах победы в Сирии и начинается с фразы *m-ht nn* «после этого». Напротив, возвращение Птолемея в Египет описывается только после рассказа о победе в области *Trmr3* (id. 15. 16–17). Завершающая фраза «Отрадно (было) его сердцу относительно того, что сделал он! Провел он прекрасный день» (*ib ndm m nn ir:n=f wn=f hr ir:(t) hrw nfr*) также помещена уже после описания похода в область *Trmr3* (id. 15. 15–16). О захвате пленных и добычи и отправке захваченного в Египет сообщается дважды (в обоих эпизодах) (id. 15. 9–10, 14–15). Учитывая то, что обобщающая фраза о победах Птолемея примыкает лишь ко второму из них, отправку добычи в Египет по завершении первого эпизода кампании не следует рассматривать как завершение всей кампании. Употребленный здесь глагол *in* «приносить» не предполагает прямого участия царя в доставке добычи на территорию Египта (особенно с учетом того, что этот глагол широко использовался в различных образных значениях – Wb. I. 90). Итак, можно сделать вывод, что рассказ о приготовлениях к военной операции и одобрительный вывод об успехах царя как бы обрамляют состоящее из двух эпизодов описание военной кампании.

Приведенные наблюдения позволяют предполагать, что экспедиции в «страну Хар» и область *Trmr3* рассматривались составителем текста стелы как две операции в ходе одной военной кампании. В таком случае, коль скоро под завоеванием «страны Хар» мы понимаем подчинение Птолемею Финикии в 312 г. до н. э., захват области *Trmr3* должен представлять собой еще один важный эпизод кампании 312–311 гг. до н. э. Как уже было сказано, после победы над Деметрием при Газе Птолемей подчинил себе Сидон и Тир (*Diod.* XIX. 80–86). В. Хусс замечает, что то, как изложен ход кампании в труде Диодора, заставляет предполагать, что Тир был подчинен Птолемею, когда он со своим войском уже начал двигаться обратно в Египет¹⁴. Таким образом, после разгрома Деметрия Птолемей чувствовал себя в

¹⁴ Huß 2001, 163; Anm. 537.

достаточной безопасности, чтобы не только продвинуться вплоть до Сидона, но и осадить Тир даже на обратном пути. Логично было бы предположить, что, овладев первым делом финикийскими торговыми центрами, Птолемей на обратном пути в Египет, пока Деметрию еще не удалось собраться с новыми силами, мог счесть целесообразным закрепить свое влияние и в Палестине. Для решения вопроса о том, какие территории помимо финикийского побережья Птолемей мог захватить в 312 г. до н.э., особенно информативными оказываются сообщения античных авторов, писавших об истории еврейского народа.

В источниках прослеживается две традиции о подчинении евреев Птолемеем I¹⁵. Согласно одной из них, восходящей к автору II в. до н.э. Агафархиду, Птолемей захватил Иерусалим в субботу, пользуясь тем, что евреи в этот день не могли сражаться, правил в городе жестоко и, наконец, увел множество евреев в Египет, где они были расселены по гарнизонам (Ios. Ant. Iud. XII. 4–7; С. Ар. I. 209). Другая традиция, берущая начало от Гекатея Абдерского (конец IV в. до н.э.), говорит о добровольном переселении евреев в Египет при Птолемеи I во главе с первосвященником Езекией – причем в отрывке из труда Гекатея (в сочинении Иосифа Флавия «Против Апиона») подчеркивается, что переселение евреев в Египет имело место непосредственно после битвы при Газе (Ios. Ant. Iud. XII. 9; С. Ар. I. 186). Сведения о переселении евреев в Египет при Птолемеи I мы находим и в так называемом «Письме Аристея», псевдоэпиграфе, датированном, по-видимому, II в. до н.э. Здесь сообщается о том, что из примерно ста тысяч переселенных в Египет евреев треть Птолемей вооружил и расселил по гарнизонам, а остальных сделал рабами (Псевдо-Аристей подчеркивает, что царь поступил так по настоянию своих воинов, желавших получить законную награду за военные труды) (Aristeas 4. 12–14)¹⁶. Интересно, что в «Письме Аристея», так же как и в его пересказе у Иосифа Флавия, сообщается о том, что евреи были подчинены Птолемеи I в ходе военных действий в Сирии и Финикии (Aristeas 13, 22; Ios. Ant. Iud. XII. 28). Текст преамбулы якобы выпущенного Птолемеи II Филадельфом указа об освобождении проживавших на территории Египта евреев, приведенный в «Письме Аристея», также обнаруживает сходство с географией военных действий в «Стеле сатрапа»: «Всем, кто служил в армии нашего отца в кампании против Сирии и Финикии и в походе против страны евреев и приобрел еврейских пленников, и привел их в Александрию или в египетскую землю или продал их другим...»¹⁷ (Aristeas 22).

Таким образом, подчинение Палестины и увод оттуда пленников в ходе кампании 312 г. до н.э. надежно подтверждаются источниками. С некоторой осторожностью можно сделать и более широкий вывод: военные действия Птолемея I в Восточном Средиземноморье сопровождались захватом и уводом в Египет пленных среди мирного населения – подробность имеющихся в нашем распоряжении сведений именно о евреях обусловлена наличием эллинистической еврейской историографии. Для понимания текста «Стелы сатрапа» факт

¹⁵ Подробнее см.: Чериковер 2010, 84–87.

¹⁶ Charles 1913.

¹⁷ Ὅσοι τῶν συνεστρατευμένων τῇ πατρὶ ἡμῶν εἰς τοὺς κατὰ Συρίαν καὶ Φοινίκην τόπους ἐπελθόντες τὴν τῶν Ἰουδαίων χώραν ἐγκρατεῖς ἐγένοντο σωμάτων Ἰουδαϊκῶν καὶ ταῦτα διακεκομίσασιν εἰς τε τὴν πόλιν καὶ τὴν χώραν ἣ καὶ πεπράκασιν ἑτέροις.

осуществленных Птолемеем I депортаций имеет большое значение – ведь в тексте сообщается о том, что из области *Ἰρμρ3* Птолемей увел «множество их людей – (и) мужчин, (и) женщин вместе с богами их» (*mšꜥ.s(n) m ȝy.w ḥm.wt ḥnꜥ ntr:(w)=sn* – Urk. II. 15. 14).

Теперь мы, наконец, подходим к вопросу о том, какой регион в «Стеле сатрапа» обозначается топонимом *Ἰρμρ3*. Очевидно, что правильное прочтение этого слова является критически важным для понимания того, какие именно события описывает текст.

Представляется целесообразным начать анализ написания этого слова с его конечной части. Написание топонима оканчивается тремя детерминативами: GG(SL) T₁₄ «бумеранг; дубинка как иноземный вид вооружения», N₂₅ «песчаная холмистая местность на краю орошаемой территории» и Z₂ «тройная черта». Первый из этих знаков является стандартным детерминативом для определения иноземных народов и стран, второй – для иноземных территорий в целом. Третий представляет собой обозначение множественного числа или определитель коллективного имени существительного.

Сопоставим это написание с написаниями других географических названий в «Стеле сатрапа». Следует отметить, что автор текста последовательно применяет иероглиф GG(SL) Z₂ «тройная черта» для определения групп людей или предметов, а не собирательных понятий. Показательно, что хороним *ST.t* этим детерминативом не наделяется. Напротив, в двух фразах, восхваляющих могущество соответственно Александра IV и Птолемея («Вот, он в качестве царя в Египте и чужеземных странах» – *iw=fm nsw m t3.wy ḥ3sw.wt* Urk. II 13. 3; «Нет подобного ему в Египте и чужеземных странах!» – *n mit.t=f m t3.wy ḥ3sw.wt* id. 14. 6), знак GG(SL) Z₂ последовательно присоединяется к слову *ḥ3sw.wt* «чужеземные страны», однозначно подчеркивая «вселенский» характер власти и уникальность дарований египетских правителей. Как объяснить в таком случае употребление знака GG(SL) Z₂ во фразе *p3 t3 n Ḥ3r?* По-видимому, обозначение *Ḥ3r* следует понимать все-таки не как хороним, а как этноним, т.е. *Ḥ3r:(w)* – «люди (страны) Хар».

Знаком GG(SL) Z₂ оканчивается и топоним *Ἰρμρ3*, что подталкивает к тому, чтобы и его рассматривать как обозначение группы людей. В таком случае оба этих географических обозначения были построены автором по одной и той же синтаксической схеме: определенный артикль *p3* – обозначение «статуса» территории – формант родительного падежа *n* – обозначение населяющего данный регион этноса (*p3 t3 n Ḥ3r:(w)*; *p3 t3 n Ἰρμρ3.(w)*). Подтверждает эту точку зрения и использование местоимения третьего лица множественного числа в предложении, следующем непосредственно за фразой *p3 t3 n Ἰρμρ3.(w)*: *it=f sn m 3. t wꜥ.t* («захватил он их в одно мгновение») (Urk. II. 15. 12).

Вернемся теперь к первому иероглифу в рассматриваемом слове – знаку GG(SL) D₄ «глаз». Стандартное и наиболее распространенное его чтение – это *ir*. В иероглифических текстах греко-римского периода, тяготевших к необычным и усложненным написаниям, этот иероглиф приобретает ряд нестандартных чтений. Г. Бругш обратил особое внимание на слово *mr.t* «глаз» (Wb. II. 107. 10–15). Действительно, само по себе существование данного слова и его частое употребление в текстах греко-римского периода делают гипотетически возможным чтение знака GG(SL) D₄ как *mr*. Г. Бругш подробно проанализировал слово *mr.t*

в своем «Иероглифическом словаре»¹⁸. Необходимо отметить, что ни в одном из приведенных этим исследователем случаев употребления знак GG(SL) D₄ не используется как самостоятельная идеограмма и действует лишь в качестве детерминатива (тогда как корень слова выписывается слоговыми знаками). Повидимому, именование глаза словом *mr.t* всегда воспринималось как редкое и потому выписывалось таким образом, чтобы облегчить читателю правильное его чтение. Тем не менее, в своей «Иероглифической грамматике» Бругш включил чтение знака GG(SL) D₄ как *mr* в список фонетических значений иероглифов¹⁹. В своей работе, посвященной «Стеле сатрапа», он предложил читать первый иероглиф в топониме *Trmr3.(w)* как *mr*. Это дало исследователю возможность прочесть топоним как *Mrmr.ty.w* «жители Мармарики» и рассматривать соответствующую часть текста как сообщение о подавлении восстания в Кирене в 312 г. до н. э.²⁰

Как уже отмечалось выше, Г. Бругшу не удалось обнаружить примеров чисто идеографического использования знака GG(SL) D₄ как *mr* (без сопровождающих слоговых знаков). В собрании Берлинского словаря, авторам которого удалось отыскать 28 случаев употребления слова *mr.t* «глаз», мы находим лишь один такой пример (притом в двойственном числе, вообще более характерном для этого слова) (Wb. II. Belegst. II. 156). Кроме того, в основном слово *mr.t* использовалось в эпитете божества города Фарбаит, Хора-двух-глаз (*Hr Mr.ty*). Что же касается использования знака GG(SL) D₄ в фонетическом значении *mr* помимо слова *mr.t* «глаз», то примеров подобного использования данного знака вообще не обнаружено. Д. Курт не упоминает его в своем списке чтений иероглифических знаков греко-римского времени²¹, а в каталоге Института египтологии при университете им. П. Валери это чтение упоминается только со ссылкой на уже упоминавшуюся выше «Иероглифическую грамматику» Г. Бругша²².

Таким образом, само по себе чтение знака GG(SL) D₄ как *mr*, на котором базируется гипотеза Г. Бругша о возможном упоминании Мармарики и подавления Киренского восстания в «Стеле сатрапа», представляется нам весьма ненадежным. Для предположения, что знак GG(SL) D₄ «глаз» в топониме *Trmr3.(w)* был употреблен не в своем стандартном значении *ir*, на наш взгляд, явно не хватает оснований. Обратим теперь внимание на то, что известно об особенностях фонетики египетского языка в рассматриваемый период. В языке птолемеевского периода звук [r] в исходе слога ослабевает и иногда либо не выписывается совсем, либо передается через *i* / *iw*²³ (это явление фиксируется и на более раннем этапе – уже в новоегипетском языке²⁴). Д. Курт приводит многочисленные примеры как выпадения звука [r] в иероглифических текстах (и подтверждает их чтением соответствующих слов из коптского языка)²⁵, так и использования знака GG(SL)

¹⁸ Brugsch 1868, 675.

¹⁹ Brugsch 1872, 120.

²⁰ Brugsch 1871, 3.

²¹ Kurth 2010, 35.

²² Dumas 1988, 148 (№ 665).

²³ Kurth 2007/I, 63.

²⁴ Junge 2005, 35–36.

²⁵ Kurth 2007/II, 520–521.

D21 «рот» (*r*) для передачи фонем *ʒ*, *i*, *iw*²⁶. Непосредственное отношение к фонетическому значению знака D4 имеет тот факт, что в коптском языке грамматические формы, образованные от демотических форм *ir* и *i-ir*, звучат как А и АА²⁷. Слово «глаз», образованное от египетского *ir.t*, в коптском языке приобретает форму EIA, и звук [r] в нем проявляется лишь в отдельных случаях²⁸. Заметим также, что в самом тексте «Стелы сатрапа», для которого в целом не характерны редкие написания знаков или сложные иероглифические «ребусы», чередование *r* и *iw* встречается более десяти раз, а форма повелительного наклонения *imi* «дай» в 7 из 8 случаев начинается здесь со знака GG(SL) D21 «рот» (– Urk. II 16. 16; 17. 6; 18. 6, 10, 13, 17; 19. 4). Таким образом, для автора текста передача [r] через *iw* и наоборот была едва ли не орфографической нормой. Добавим, наконец, что, в отличие от предполагавшегося Бругшем чтения *mr*, случаи чтения знака D4 как *i* действительно зафиксированы²⁹. Приведенные наблюдения показывают, что знак GG(SL) D4 «глаз» в топониме *Imrʒ(w)* с большой вероятностью мог читаться как полугласный звук или, скорее, сочетание двух полугласных звуков – то есть при произнесении слова звук [r] не артикулировался и звучал как полугласный.

Остается теперь рассмотреть иероглиф GG(SL) G₁ «египетский гриф», стоящий в исходе слова непосредственно перед детерминативами. Чтение этого знака вызывает существенные затруднения. Из-за своего расположения в тексте иероглиф выписан мельче, чем остальные знаки, изображающие птиц, в «Стеле сатрапа». По этой причине оказывается чрезвычайно затруднительно определить, какой из двух схожих знаков употреблен в данном случае – GG(SL) G₁ () «египетский гриф» – A) или G₄ () «длинноногий канюк» – *tyw*)³⁰. Рассмотрение данного иероглифа при большом увеличении и сопоставление его с написанием иероглифа G₁ в «Стеле сатрапа» (Urk. II. 15. 4; 20. 4, 6, 11; знак G₄ в тексте стелы в других местах не встречается) позволяют отметить некоторые графические особенности. В изображении птицы в топониме *Imrʒ(w)* совершенно отсутствует изгиб в ногах, а клюв более вытянут и менее изогнут. Вопрос, однако, состоит в том, насколько преднамеренными были эти отличия – ведь они могут объясняться и элементарным недостатком места. Нам кажется более вероятным, что упомянутые отличия в написании знака являются случайными и рассматривать его следует все-таки как иероглиф GG(SL) G₁, передающий фонему *ʒ*.

Последнее замечание мы хотели бы сделать относительно порядка чтения знаков в рассматриваемом слове. В «Стеле сатрапа» имеется несколько примеров перестановки иероглифов – то есть расположения их в порядке, не соответствующем порядку чтения. В строке 20. 3 в слове *pʒ tš* «граница, область» знаки расставлены так: *pʒ* – *š* – *t* – детерминатив (). В строке 20. 6 слово *pʒ hs* «канал» (Wb. II 332. 4) записано как *pʒ* – *s* – *h* – детерминатив (). В строке 18. 13 слово *wḏj* «приказ, приказывать» выписано следующим образом: *wḏ* – *j* – *w* (). Наконец, самый важный пример дает написание топонима *Hʒr(w)* (Urk. II. 15. 4)

²⁶ Kurth 2007/II, 522.

²⁷ Cherny 1976, 1.

²⁸ Cherny 1976, 44.

²⁹ Kurth 2007/I, 167, 181 n. 59.

³⁰ Взаимозаменяемость этих двух иероглифов, обусловленная их чрезвычайным сходством, фиксируется уже для классического среднеегипетского языка: Gardiner 1927, 467.

с вероятным вынесением знака GG(SL) G₁ за пределы слова³¹. Перестановки в строках 20. 3, 6 и 15. 4 построены по одной и той же схеме: один из иероглифов из соображений каллиграфии ставится перед словом, так что само слово приходится читать как бы «по дуге» (начало слова – возвращение к знаку, предшествующему слову, – окончание слова, стоящее там, где ему полагается быть). В строке 18. 13 знак, обозначающий звук в самом начале слова, вынесен в его конец, но плотно «прилегает» к предпоследнему знаку.

Мы предполагаем, что в топониме *Irmr*з.(w) такая графическая перестановка также имела место. Помещение знака GG(SL) G₁ сбоку от основной части слова позволяет рассматривать написание топонима *Irmr*з.(w) как построенное по описанной выше схеме. Знак з в слове *Irmr*з.(w) в таком случае должен передавать полугласный звук вовсе не в конце, а в середине слова – а именно в исходе слога *ir*, где звук [г] переставал артикулироваться. Это дает гипотетическое чтение *Irmr*з.(w).

В Венском астрологическом папирусе на демотическом языке (II в. н.э.) неоднократно упоминается регион под названием *umr* за пределами Египта³². Для правильной интерпретации этого географического названия следует обратить внимание на особенности написания демотических слов со сходной структурой. Существительное «болезнь» встречается в формах *ub*.(t), *y^cb*.(t) и *y^b* (?) (CDD Y 6), существительное «вестник» – в формах *uš*, *š*, *šy* и *yš* (CDD с 37–39), прилагательное «большой, великий» пишется как *z*, *y* или *zy* (id. 23–25), а глагол «мыть» – как *y^c* или *y^y* (CDD Y 2). Эти примеры показывают, что разнообразные сочетания фонем *z*, *z* и *y* в начале слов демотического языка характеризуются высокой вариативностью: любой из перечисленных звуков может быть либо выпущен при написании, либо перемещен на другое место. Это означает, что топоним *umr* из Венского астрологического папируса может представлять собой вариант написания того же топонима, который мы встречаем в «Стеле сатрапа» – *Irmr*з.(w). Необходимо отметить, что и в уже упоминавшемся выше «Оракуле ягненка» сообщается о походе в область, название которой может быть прочитано как *Imr*з³³. Таким образом, три источника греко-римского периода предположительно содержат упоминания топонима с основной структурой *Imr*, в котором на различных позициях может появляться фонема *z* или *z*.

Каким же образом мы должны переводить это необычное географическое обозначение? Как ни странно, наиболее вероятным оказывается, что речь здесь идет об амореях – древнем семитском народе, известном по месопотамским текстам начиная с III тыс. до н.э., а в середине II тыс. до н.э. населявшем одноименное государство (Амурру) в северной части Восточного

³¹ Знаки в нем выписаны в следующем порядке: *p³ – t³ – n – z – h³ – r* – GG(SL) N25 (чужеземная страна) – GG(SL) Z2 (множественное число) (X). Издатель текста К. Зетэ предполагал, что знак GG(SL) G₁ («египетский гриф» – А) был перенесен вперед, по-видимому, из каллиграфических соображений и является, на самом деле, фонетическим компонентом к двусогласному знаку *h³* (GG(SL) N25 «лотос»). Вся фраза, таким образом, должна читаться как *p³ t³ n h³ r* «страна Хар» (Urk. II. 15. Anm. a).

³² Parker 1959, 8–27, 36–52.

³³ Thissen 1998, 1045. По-видимому, одновременное, как мы предполагаем, появление редкого для греко-римского Египта топонима в «Стеле сатрапа» и «Оракуле ягненка» является существенным аргументом в пользу не только их синхронности, но и смысловой взаимосвязи.

Средиземноморья³⁴. В настоящей статье мы сосредоточили внимание на том, как именно следует читать спорный топоним в «Стеле сатрапа» и в рамках какой военной кампании Птолемей I мог осуществить захват обозначаемого им региона. Полноценная конкретно-историческая интерпретация полученных данных должна стать предметом отдельной статьи. Отметим коротко, что предполагаемое нами употребление топонима *ʿImr(w)* в «Стеле сатрапа» может восходить к упоминаниям походов на территорию государства Амурру в северной части Восточного Средиземноморья в надписях царей египетской XIX династии. Повидимому, при Птолемеи I наблюдалось усиление интереса к египетской истории второй половины II тыс. до н.э.³⁵, и обращение к текстам периода XIX династии нужно рассматривать в этом контексте. Название древнего государства могло быть, таким образом, позаимствовано из текстов, к которым по ряду причин именно в эту эпоху проявляли особый интерес, и затем быть использовано в новом значении. В каком именно – нам еще предстоит выяснить.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузьмин, К.В. 2016: Царь Сетос и Птолемей I: использование исторической памяти в царской пропаганде эллинистического Египта. В сб.: *Сборник трудов Всероссийской конференции «Культурная память и культурная идентичность» (XI Колосницянские чтения)*. Екатеринбург. (в печати).
- Ладынин, И.А. 2010: «Отплатят за наосы богов Ниневии, в стране *ʿIsr...*»: об исходе бедствий Египта в Оракуле ягненка. В сб.: С.Ю. Сапрыкин (гл. ред.), И.А. Ладынин (отв. ред.), *Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений*. М., 55-67.
- Ладынин, И.А. 2016: «Эра Сотера»: об одной системе летосчисления в птолемеевой монетной чеканке. В кн.: О.Л. Габелко (ред.), *Очерки по истории династического летосчисления в эллинистическое время*. М. (рукопись).
- Ладынин, И.А. 2015: «Рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а»: еще раз об исторической интерпретации сообщения стк. 6 «Стелы сатрапа». (в печати).
- Чериковер, В. 2010: *Эллинистическая цивилизация и евреи*. СПб.
- Brugsch, H. 1868: *Dictionnaire hiéroglyphique et démotique, contenant en ordre méthodique les mots et les groupes les plus usités de la langue et de l'écriture sacrée et populaire des anciens Égyptiens, leur définition en Français, en Allemand et en Arabe et l'indication de leur affinité avec les mots correspondants de la langue Copte et des idiomes Sémitiques*. Bd. II. Leipzig.
- Brugsch, H. 1871: Ein Dekret Ptolemaios' des Sohnes Lagi, des Satrapen. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 19, 1–13.
- Brugsch, H. 1872: *Hieroglyphische Grammatik oder übersichtliche Zusammenstellung der graphischen, grammatischen und syntaktischen Regeln der heiligen Sprache und Schrift der alten Aegypter zum Nutzen der studierenden Jugend*. Leipzig.

³⁴ Ср. CDD I 140. Гипотеза о том, что в «Стеле сатрапа» может идти речь об амореях, была высказана Х.-Й. Тиссенем (в форме *ʿImr.tyw*) в устном сообщении (Winnicki 1991, 171, n. 74). Из-за отсутствия публикации, в которой эта точка зрения была бы обоснована, мы можем только догадываться о том, какие доказательства использовал Х.-Й. Тиссен. Однако тот факт, что именно этот автор предложил прочтение спорного топонима в «Оракуле ягненка» как *ʿImʿr* (Thissen 1998, 1045), позволяет предположить, что его выводы относительно топонима в «Стеле сатрапа» могли основываться на результатах работы с текстом «Оракула ягненка».

³⁵ Кузьмин 2016.

- Charles, R.H. (ed.) 1913: *The Letter Of Aristeas*. Oxford. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ccel.org/c/charles/otpseudepig/aristeas.htm>.
- Cherny, J. 1976: *Coptic etymological dictionary*. Cambridge.
- Daumas, F. et al. 1988: *Valeurs phonétiques des signes hiéroglyphiques d'époque gréco-romaine*. Montpellier.
- El-Masry, Y., Altenmüller, H., Thissen, H.-J. 2012: *Das Synodaldekret von Alexandria. Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahr 243 v. Chr.* Hamburg.
- Gardiner, A.H. 1927: *Egyptian Grammar*. Oxford.
- Gauthier, H., Sottas, H. 1925: *Un décret trilingue en l'honneur de Ptolémée IV*. Le Caire.
- Hannig, R. 2000: *Die Sprache der Pharaonen. (2800–950 v. Chr.)* Bd. 5: *Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. Mainz.
- Huß, W. 2001: *Ägypten in hellenistischer Zeit 332–30 v. Chr.* München.
- Junge, F. 2005: *Late Egyptian Grammar: An Introduction*. Oxford.
- Kurth, D. 2007: *Einführung ins Ptolemäische. Eine Grammatik mit Zeichenlisten und Übungsstücken*. T. I–II. Hützel.
- Kurth, D. 2010: *A ptolemaic sign-list. Hieroglyphs used in the temples of graeco-roman period of Egypt and their meanings*. Hützel.
- Lefebvre, G. 1924: *Le tombeau de Petosiris*. T. II: *Les texts*. Le Caire.
- Parker, R.A. 1959: *A Vienna Demotic Papyrus on Eclipse- and Lunar-Omina*. Providence.
- Pfeiffer, S. 2004: *Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.). Kommentar und historische Auswertung eines dreisprachigen Synodaldekretes der ägyptischen Priester zu Ehren Ptolemaios' III. und seiner Familie*. München–Leipzig.
- Schäfer, D. 2011: *Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen: Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern*. Leuven.
- Thissen, H.J. 1998: „Apocalypse now!“ Ammerkungen zum Lamm des Bocchoris. In: W. Clarysse, A. Schoors, H. Willems (eds.), *Egyptian Religion the last Thousand years. Part II*. Leuven, 1043–1053.
- Vittmann, G. 1998: *Das demotische Papyrus Rylands 9*. Wiesbaden.
- Zauzich, K.-Th. 1983: Das Lamm des Bokchoris. In: Kommission bei Brüder Hollinek (hrsg.), *Papyrus Erzherzog Rainer [P. Rainer Cent.]. Festschrift zum 100-jährigen Bestehen der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek*. Wien, 165–174.
- Winnicki, J. K. 1991: Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. in Syrien in den Jahren 312–311 v. Chr. (II). *Ancient Society* 22, 169–171.

REFERENCES

- Brugsch, H. 1868: *Dictionnaire hiéroglyphique et démotique, contenant en ordre méthodique les mots et les groupes les plus usités de la langue et de l'écriture sacrée et populaire des anciens Égyptiens, leur définition en Français, en Allemand et en Arabe et l'indication de leur affinité avec les mots correspondants de la langue Copte et des idiomes Sémitiques*. Bd. II. Leipzig.
- Brugsch, H. 1871: Ein Dekret Ptolemaios' des Sohnes Lagi, des Satrapen. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 19, 1–13.
- Brugsch, H. 1872: *Hieroglyphische Grammatik oder übersichtliche Zusammenstellung der graphischen, grammatischen und syntaktischen Regeln der heiligen Sprache und Schrift der alten Aegypter zum Nutzen der studierenden Jugend*. Leipzig.
- Charles, R.H. (ed.) 1913: *The Letter Of Aristeas?* <http://www.ccel.org/c/charles/otpseudepig/aristeas.htm>.
- Cherikover, V. 2010: *Ellinisticheskaja tsivilizatsiia i evrei*. Saint-Petersburg.
- Cherny, J. 1976: *Coptic etymological dictionary*. Cambridge.

- Daumas, F. et al. 1988: *Valeurs phonétiques des signes hiéroglyphiques d'époque gréco-romaine*. Montpellier.
- El-Masry, Y.; Altenmüller, H., Thissen, H.-J. 2012: *Das Synodaldekret von Alexandria. Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahr 243 v. Chr.* Hamburg.
- Gardiner, A.H. 1927: *Egyptian Grammar*. Oxford.
- Gauthier, H., Sottas, H. 1925: *Un décret trilingue en l'honneur de Ptolémée IV*. Le Caire.
- Hannig, R. 2000: *Die Sprache der Pharaonen. (2800–950 v. Chr.)* Bd. 5: *Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. Mainz.
- Huß, W. 2001: *Ägypten in hellenistischer Zeit 332–30 v. Chr.* München.
- Junge, F. 2005: *Late Egyptian Grammar: An Introduction*. Oxford.
- Kurth, D. 2007: *Einführung ins Ptolemäische. Eine Grammatik mit Zeichenlisten und Übungsstücken*. T. I–II. Hützel.
- Kurth, D. 2010: *A ptolemaic sign-list. Hieroglyphs used in the temples of graeco-roman period of Egypt and their meanings*. Hützel.
- Kuz'min, K.V. 2016: Tsar' Setos i Ptolemei I: ispol'zovanie istoricheskoi pamiati v tsarskoi propagande ellinisticheskogo Egipta. In: *Vserossiiskoi konferentsii "Kul'turnaia pamiat' i kul'turnaia identichnost" (XI Kolosnitsynskie chteniia)*. Ekaterinburg. (in print).
- Ladynin, I.A. 2010: "Otplatiat za naosy bogov Ninevii, v strane 'Isr...'": ob iskhode bedstvii Egipta v Orakule iagnenka. *XVI Sergeevskikh chtenii*. In.: S.Iu. Saprykin (gl. red.), I.A. Ladynin (otv. red.), *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 55–67.
- Ladynin, I.A. 2016: "Era Sotera": ob odnoi sisteme letoschisleniia v ptolemeevskoi monetnoi chekanke. *Ocherki po istorii dinasticheskogo letoschisleniia v ellinisticheskoe vremia*. O.L. Gabelko (red.). Moscow (typescript).
- Lefebvre, G. 1924: *Le tombeau de Petosiris*. T. II: *Les texts*. Le Caire.
- Parker, R.A. 1959: *A Vienna Demotic Papyrus on Eclipse- and Lunar-Omina*. Providence.
- Pfeiffer, S. 2004: *Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.). Kommentar und historische Auswertung eines dreisprachigen Synodaldekretes der ägyptischen Priester zu Ehren Ptolemaios' III. und seiner Familie*. München–Leipzig.
- Schäfer, D. 2011: *Makedonische Pharaonen und Hieroglyphische Stelen: Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern*. Leuven.
- Thissen, H.J. 1998: „Apocalypse now!“ Ammerkungen zum Lamm des Bocchoris. In: W. Clarysse, A. Schoors, H. Willems (eds.), *Egyptian Religion the last Thousand years. Part II*. Leuven, 1043–1053.
- Vittmann, G. 1998: *Das demotische Papyrus Rylands 9*. Wiesbaden.
- Winnicki, J. K. 1991: Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. in Syrien in den Jahren 312–311 v. Chr. (II). *Ancient Society* 22, 169–171.
- Zauzich, K.-Th. 1983: Das Lamm des Bokchoris. In: Kommission bei Brüder Hollinek (hrsg.). *Papyrus Erzherzog Rainer [P. Rainer Cent.]. Festschrift zum 100-jährigen Bestehen der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek*. Wien, 165–174.

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE TOPONYM IR-MR IN THE SATRAP STELE

Kiril V. Kuzmin

Lomonosov Moscow State University, Russia,
djiznomir@rambler.ru

Abstract. The article covers a problematic passage in the Satrap Stele of 311 BC (Urk. II. 15). The author gives proves for the toponym $p^3 t^3 n H^3r:w$ to be translated as Phoenicia and

confirms the hypothesis that the passage tells about Ptolemy I's campaign in the Eastern Mediterranean in 312–311 BC. A special significance of this campaign in Ptolemy I's propaganda is stressed. The author suggests a connection to exist between the Satrap Stele and the Oracle of the Lamb (a prophetic text possibly composed during the same period). The mentioning of a saviour king of 55 years is juxtaposed to the fact that in 312 BC Ptolemy was 55 years old. The composition of the passage of the Satrap Stele being discussed shows that the passage tells about two episodes of the same campaign. The statement about capturing and withdrawal of civilian population is linked to the data of the classical tradition about the deportation of the Jews to Egypt accomplished by Ptolemy I. The reading of the toponym *irmr3* as *mrmr.tyw* "marmarians" is called in question and consequently the hypothesis of a suppression of the Cyrene uprising to be mentioned in the text. The analysis of phonetic data as well as the peculiarities of the hieroglyphics of the text makes it possible to substantiate a reading of the word in question as *i3mr.w* „the Amoreans“. An anachronistic use of this ethnonym is put in connection with an interest in the Egyptian history of the II millennium BC typical for the early Ptolemaic period and also to a possible use of the texts from the temples of the New Kingdom period in Medinet Habu.

Key words: Hellenistic Egypt, Ptolemy I, The Satrap Stele, The Oracle of the lamb, phoenix, Amorites, Phoenicia, Cyrene

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 17–38
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 17–38
©Автор(ы) 2016

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ АФГАНИСТАНА. СЕВЕРНЫЙ РАЙОН

В.А. Гаибов*, Г.А. Кошеленко**

*Институт археологии РАН, Москва,
gaibov@mail.ru

** Институт археологии РАН, Москва,
koshelenko@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка дополнить базу данных по археологическим памятникам Афганистана на основе сопоставления сведений, представленных в известной книге В. Болла (в сотрудничестве с Ж.-К. Гарденом), равно как на опубликованный относительно недавно отчет о работах Советско-Афганской археологической экс-

Гаибов Вациф Абидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН. E-mail: gaibov@mail.ru

Кошеленко Геннадий Андреевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. E-mail: koshelenko@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 14-06-00154.

педиции (рук. И.Т. Кругликова). Эти данные рассматриваются на новом уровне, с использованием методов удаленного зондирования и разномасштабных топографических карт региона, ранее трудно доступных для изучения. Объектом исследования в данной статье стал регион, с севера и юга ограниченный окрестностями современных городов Андхой и Меймене, условными западной и восточной границей его стали долины рек Альмар и Ширинтагао.

Благодаря сопоставлению всего комплекса данных составлена археологическая карта региона, включившая в себя 53 памятника (от первых веков I тыс. до н. э. вплоть до позднего средневековья), из которых для 46 объектов определены географические координаты на основе анализа космических снимков и современных топографических карт. На основе имеющихся материалов сделан ряд выводов исторического характера.

Ключевые слова: Афганистан, Бактрия, Меймене, Андхой, археологическая карта, космические снимки

Данная статья является третьей в серии публикаций, посвященных проблеме археологической карты северного Афганистана. Первая из них освещает ситуацию с памятниками Гератского оазиса³⁶, объектом исследования второй статьи стала долина реки Мургаб с притоками (в пределах границ Афганистана)³⁷. То обстоятельство, что данная статья – третья в этой серии, освобождает нас от необходимости давать обширное введение. Отметим только, что основой для публикации явились материалы двух сводок по археологическим памятникам рассматриваемого региона: В. Болла (совместно с Ж.-К. Гарденом)³⁸ и И.Т. Кругликовой³⁹. При этом, наряду с сопоставлением данных этих авторов, в целях их верификации были широко использованы данные удаленного зондирования (не применявшегося в археологии в то время, когда создавались эти сводки), а также современные топографические карты. В ходе исследования естественно возникали определенные сложности, иногда достаточно труднопреодолимые⁴⁰. Объектом исследования в данной статье стал регион, с севера и юга ограниченный окрестностями современных городов Андхой и Меймене; условными западной и восточной границей его стали долины рек Альмар и Ширинтагао⁴¹ (рис. 1, 2).

А. Долина реки Альмар

В. Боллом (совместно с Ж.-К. Гарденом) зафиксирована группа из нескольких памятников, базировавшихся на реке Альмар (в одноименной долине). В этом же районе вели исследования и сотрудники Советско-Афганской археологической экспедиции.

³⁶ Gaibov, Koshelenko, Trebeleva 2010, 107–116.

³⁷ Гаилов, Кошеленко, Требелева 2015, 108–129.

³⁸ Ball avec la collaboration de Gardin 1982 (далее – Ball 1982).

³⁹ Кругликова 2005.

⁴⁰ Например, в сводке В. Болла отсутствуют многие памятники, представленные у И.Т. Кругликовой. В то же время в сводке И.Т. Кругликовой совершенно отсутствуют географические координаты открытых сотрудниками экспедиции памятников. Другую сложность, связанную с использованием материалов этой сводки, демонстрирует сравнение двух карт (Кругликова 2005, рис. 8 и рис. 8а), где представлен один и тот же район, используются близкие масштабы, но число памятников, отмеченных на картах, сильно различается. Мы не говорим уже об отсутствии библиографического списка.

⁴¹ Рассматриваемая территория расположена почти целиком в пределах современной провинции Фарьяб.

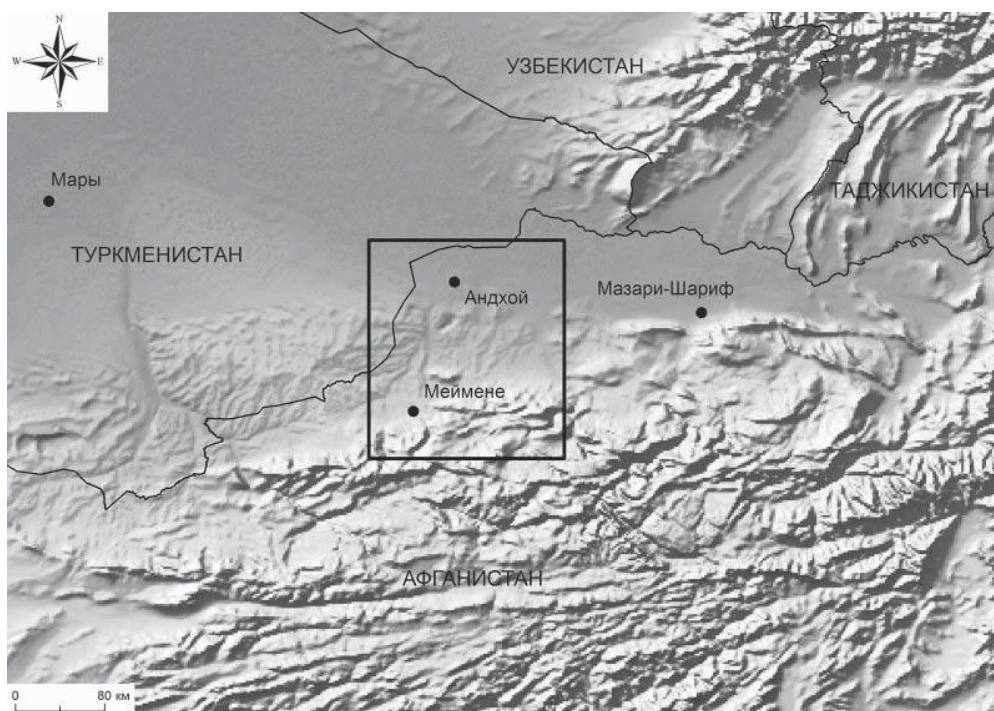

Рис. 1. Район обследования на карте региона

Рис. 2. Район обследования с указанием памятников

Памятники, зафиксированные в обеих сводках

К западу от основного русла реки находится памятник **Базар Тепе** (Bazar Tepе)⁴², описываемый как невысокий холм (высотой примерно 2 м) с большим количеством глазурованной керамики. Географические координаты памятника⁴³: 35°49' с.ш.; 64°31' в.д. Дополнительная информация: расположен в 32 км по дороге из Меймене⁴⁴ в Кайсар. Район, в котором расположен памятник, называется Кала-и Ага Касаб (Qala-I Agha Qasab), между Джилгалди (Jilgaldi) и Кара Кули (Qara Quli)⁴⁵. И.Т. Кругликова также зафиксировала этот памятник. Она считала его руинами караван-сарая⁴⁶.

Памятники, зафиксированные только В. Боллом

К востоку от основного русла этой реки им отмечен памятник, называемый **Адир** (Adir)⁴⁷. По сообщениям местного населения, здесь представлены петроглифы с изображениями (в натуральную величину) мелкого и крупного рогатого скота. Географические координаты памятника: 35°49' с.ш., 64°35' в.д., на склоне горы, в 5 км к юго-востоку от Альмара, в районе к юго-западу от Меймене.

Памятник, носящий название **Карайи** (Qarayı)⁴⁸, представляет собой (по описаниям местного населения) длинную, похожую на туннель пещеру. Пещера, в которой найден обильный археологический материал, расположена на склоне горы на высоте ок. 100 м над долиной. Туннель открывается наружу серией отдельных помещений, возможно покрытых росписями. Географические координаты памятника: 35°45' с.ш.⁴⁹, 64°32' в.д. Памятник расположен к югу от Альмара, к западу (*правильнее сказать – юго-западнее – Авт.*) от Меймене, за горным отрогом, называемым Дахан-и Дара.

В долине этой же реки, но гораздо выше по течению, зафиксирован еще один памятник – **Фаруд Бег** (Farud Beg)⁵⁰. Памятник представляет собой комплекс из 8-10 вырубленных в скале камер, расположенных на склоне скалы. Большая часть из них обрушилась. Еще несколько таких же пещер находится на склоне горы на высоте 1,5-2 км над деревней. Географические координаты памятника: 35°44' с.ш., 64°34' в.д.⁵¹, на правом берегу реки, в 27 км к югу от деревни Паин Гузар (Pa'in Guzar).

⁴² Ball 1982/I, 54, № 120.

⁴³ Здесь и далее координаты приводятся по Ball 1982, Современные координаты в системе WGS 1984 приведены (там, где их удалось определить) в приложении к статье.

⁴⁴ Имеются различные варианты этого названия.

⁴⁵ На топографической карте i-41-05 к югу от дороги обозначены населенные пункты Карагуйли и Джильгильда, несомненно аналогичные упомянутым В. Боллом.

⁴⁶ Кругликова 2005, 319, № К-107. Здесь и далее, чтобы избежать путаницы в нумерации памятников, объекты, зафиксированные Советско-Афганской экспедицией, будут индексироваться буквой К.

⁴⁷ Ball 1982/I, 29, № 11.

⁴⁸ Ball 1982/I, 220, № 916.

⁴⁹ У В. Болла, видимо ошибочно, указана широта 36°, что никак не согласуется с описанием местоположения памятника.

⁵⁰ Ball 1982/I, 98, № 322. См. также: Yate 1888, 239; Gazetteer 1979, 4, 222–223.

⁵¹ В тексте В. Болла указаны ошибочные координаты (Ball 1982, 98), однако в листе опечаток, приложенном к книге, эта ошибка исправлена. Мы, естественно, приводим исправленные координаты.

Памятники, зафиксированные только И.Т. Кругликовой

Памятник, расположенный около деревни **Чугумат**⁵². Представляет собой холм диаметром 15-20 м при высоте ок. 2,5 м. Подъемная керамика в основном средневековая, хотя в небольшом числе представлен и более ранний материал.

Б. Район Меймене

В этом районе зафиксировано несколько памятников различного времени.

Памятники, зафиксированные в обеих сводках

Науруз Тепе⁵³ (Nauruz Tere) представляет собой холм, на котором было собрано большое количество глазурованной керамики (рис. 3). На вершине – остатки форта. Географические координаты памятника: 35°56' с.ш., 64°44' в.д., возле аэропорта Меймене, в 5 км к западу от города. И.Т. Кругликова также упоминает этот памятник⁵⁴. Она сообщает, что диаметр холма ок. 30 м, высота – до 4 м. Подъемный материал – средневековый. По ее мнению, памятник представляет собой остатки рядового сельского поселения.

Рис. 3. Науруз Тепе. Космоснимок и карта

Памятники, зафиксированные только В. Боллом

Меймене (Maimana)⁴¹⁵⁵ представляет собой большой искусственный холм высотой до 20 м. Первоначально на вершине его находилась цитадель, ныне разрушенная. Географические координаты памятника: 35°55' с.ш., 64°46' в.д. Этот холм хорошо виден на космическом снимке – среди городской застройки. Космоснимок позволяет уточнить размеры холма – 135–140 м, форма – круглая (рис. 4). Собранные здесь коллекции керамики позволяют датировать памятник временем раннего железного века (рубеж II-I тыс. до н.э.). Следует отметить, что именно для

⁵² Кругликова 2005, 319, № К-106. Деревня обозначена на карте i-41-05 к северу от дороги из Меймене в Кайсар и южнее населенного пункта Чагатай.

⁵³ Ball 1982/I, 193, № 768.

⁵⁴ Кругликова 2005, 319, № К-105.

⁵⁵ Ball 1982/I, 178-179, № 697. См. также: Le Strange 1905, 424–425; Melikian-Chirvani 1979, 187–205; Gazetteer 1979, 4, 398–399. Удивительно, но И.Т. Кругликова, описывая памятники в окрестностях города Меймене (Кругликова 2005, 318–319), не уделила никакого внимания этому ключевому памятнику всего района.

Рис. 4. Меймене. Космоснимок и карта

этого времени характерны населенные пункты с круглой планировкой⁵⁶. В 1953 г. здесь случайно было найдено более 30 предметов из бронзы, относящихся к средневековому времени. Кроме того, на памятнике собрана керамика X–XI вв.

Гул Тепе (Gul Tepe; или **Михр-и Нига**/Mihr-i Niga)⁵⁷ представляет собой серию небольших холмов, на одном из которых зафиксированы низкие, явно искусственного происхождения, пещеры (рис. 5). Большинство из них обрушены, но некоторые прослеживаются по меньшей мере на протяжении 20 м. Стены в некоторых помещениях сохранили следы штукатурки. Обнаружено довольно много вылепленных от руки черепков сосудов. Объект, очевидно, представлял собой комплекс жилых помещений и не имел ритуального характера. Географические координаты памятника: 35°53' с.ш., 64°48' в.д., он находится в 5 км юго-восточнее Меймене, непосредственно к югу от деревни Имам Сахиб⁵⁸.

Рис. 5. Гул Тепе. Космоснимок и карта

⁵⁶ Подробнее об этом типе планировки см. Кошеленко, Гаилов 2013, 196–209.

⁵⁷ Ball 1982/I, 114, № 392.

⁵⁸ Деревня отмечена на карте i-41-05 и на космоснимке.

Дахан-и Дарра (Dahan-i Darra)⁵⁹ – этот пункт зафиксирован как место, где были найдены каменные сосуды и орудия. Географические координаты памятника: 35°52' с.ш., 64°50' в.д.⁶⁰, в 7 км к юго-востоку от Меймене, по дороге в Сар-и Хауз.

Гарлули (Gharluli)⁶¹ представляет собой естественную пещеру размером 23×13 м и высотой до 18 м. Керамический материал, полученный в ходе зондажей, охватывает несколько периодов: к. II – нач. I тыс. до н.э., кушанское и сасанидское время (I–VII вв. н.э.), раннеисламское время (VIII–XIII вв.). Географические координаты памятника: 35°45' с.ш., 64°54' в.д., в 23 км к югу от Меймене и рядом с Тахт-и Заганом⁶², «в четверти пути вверх по узкой долине, образованной рекой Меймене»⁶³.

В. Долина реки Ширинтагао и прилежащие районы

Памятники, зафиксированные только В. Боллом

Кага Кала (Kata Qal'a)⁶⁴ – местонахождение кремневых и каменных орудий. Географические координаты памятника: 35°55' с.ш., 65°02' в.д., в долине реки Ширинтагао, в 26 км к северо-западу от Бильчирага и в 26 км к востоку от Меймене⁶⁵.

Заршой (Zarshoy)⁶⁶ – местонахождение керамики парфянского-эфталидского (I–VI вв. н.э.) и тимуридского (XV–XVI вв. н.э.) времени. Географические координаты памятника: 35°54' с.ш., 65°06' в.д., в долине Ширинтагао, в 8 км на запад от Нишара, приблизительно в 20 км на северо-запад от Бильчирага, по дороге на Меймене⁶⁷.

Нишар (Nishar; или **Наи Шахр**/Nai Shahr)⁶⁸ – примерно 10-12 помещений, вырубленных в скалах, большинство из них руинированы. Вероятно, как-то связаны с пещерой Хамам Чашма (см. ниже), находящейся выше по течению реки. Географические координаты памятника: 35°54' с.ш., 65°09' в.д., на южном берегу Ширинтагао, в 38,5 км к востоку от Меймене и приблизительно в 12 км к северо-западу от Бильчирага⁶⁹.

Хамам Чашма (Hamam Chashma, Nishar)⁷⁰ – аккуратно вырубленное в скале помещение размером в 2,5 м² на правом берегу реки Ширинтагао, рядом с источником теплой воды (*видимо, в нем принимали ванны, отсюда и название – Авт.*)⁷¹.

⁵⁹ Ball 1982/I, 78, № 222.

⁶⁰ В тексте В. Болла указаны ошибочные координаты (Ball 1982/I, 78), однако в листе опечаток, приложенном к книге, эта ошибка исправлена. Мы, естественно, приводим исправленные координаты.

⁶¹ Ball 1982/I, 105, № 355. См. также: Davis 1969–1970, 76–78.

⁶² Данный населенный пункт обозначен на карте i-41-05 и на космоснимке.

⁶³ Ball 1982/I, 105.

⁶⁴ Ball 1982/I, 150, № 538. Данный населенный пункт обозначен на карте i-41-06.

⁶⁵ Здесь, как и во многих других случаях в книге В. Болла, расстояния от памятника до крупных населенных пунктов указаны весьма приблизительно.

⁶⁶ Ball 1982/I, 290, № 1258.

⁶⁷ Населенный пункт Заршой обозначен на топографической карте и на космоснимке.

⁶⁸ Ball 1982/I, 198, № 777.

⁶⁹ Населенный пункт Нишар обозначен на карте i-41-06 и на космоснимке.

⁷⁰ Ball 1982/I, 120, № 415.

⁷¹ На карте i-41-06 отмечен родник Хамамчашма и топографический знак, обозначающий пещеру.

По местному преданию – создано при шахе Аббасе. Географические координаты памятника: 35°54' с.ш., 65°10' в.д., в 38,5 км к востоку от Меймене и приблизительно в 12 км к северо-западу от Бильчирага. Находится в 1 км от Нишара, на противоположном берегу реки.

Бильчираг (Bilchiragh)⁷² – группа из нескольких пещер, посвященных какому-то местному святому. Географические координаты памятника: 35°51' с.ш., 65°13' в.д., на расстоянии 1 км к западу от населенного пункта Бильчираг⁷³, по дороге к Меймене, на северной стороне входа в ущелье.

Несколько памятников находятся к северу от реки Ширинтагао.

К их числу относится **Минар-и Санг** (Minar-i Sang)⁷⁴. Это выполненное из камня древнее сооружение с купольным перекрытием, напоминающее минарет, высотой 10-15 м. Сооружение обращено к водному потоку, на берегах которого расположено несколько искусственных пещер. Географические координаты памятника: 35°58' с.ш., 65°25' в.д., на расстоянии 1 км к востоку от Дарзаба⁷⁵, между Меймене и Сар-и Пул.

Сар-и Дарра-и Дарзаб (Sar-i Darra-i Darzab)⁷⁶ – местное население сообщает о пещере с большим количеством каменных предметов, найденных в ее нишах. Географические координаты памятника: 35°58' с.ш., 65°27' в.д.⁷⁷, приблизительно в 20 км к северо-востоку от Бильчирага, в долине Дарзаб, в 8 км к востоку от Дарзаба⁷⁸.

Целый ряд памятников находится к югу от реки Ширинтагао, располагаясь на ее левых притоках.

Ак Камар (Aq Kamar)⁷⁹ – устроенные в скале три искусственных пещерных помещения со сводчатым перекрытием. Частично разрушенные, они имели размеры ок. 2,1 м² каждое. Географические координаты памятника: 35°47' с.ш., 65°14' в.д., на расстоянии 6,5 км от Бильчирага на юг, на восточной стороне реки Чашма Хаб.

Хамам Чашма (Hamam Chashma, Bilchiragh)⁸⁰ – вырубленное в скале помещение, очень похожее на вышеупомянутый памятник Хамам Чашма близ Нишара. Имелась нечитаемая надпись над входом. Местное население приписывает ее Джамшиду. Географические координаты памятника: 35°46' с.ш., 65°14' в.д., в 9 км к югу от Бильчирага, на западном берегу Чашма Хаб, перед выходом ее в долину Гурзайван.

Гар-и Морда Гусфанд (Ghar-i Morda Gusfand)⁸¹ – большой скальный навес (глубина 100 м, ширина 300 м, высота 50 м). Архитектурных остатков не установлено. В лессовых отложениях найдены материалы времени среднего палеолита,

⁷² Ball 1982/I, 58, № 126.

⁷³ Населенный пункт Бильчираг обозначен на карте i-41-06 и на космоснимке.

⁷⁴ Ball 1982/I, 182, № 720.

⁷⁵ Населенный пункт Дарзаб (Дарзаб) обозначен на карте i-41-06 и на космоснимке.

⁷⁶ Ball 1982/I, 235, № 996.

⁷⁷ В тексте В. Болла указаны ошибочные координаты долготы (Boll 1982/I, 235), однако в листе опечаток, приложенном к книге, эта ошибка исправлена. Мы приводим исправленные координаты.

⁷⁸ Населенный пункт Сардара обозначен на карте i-41-06 и на космоснимке.

⁷⁹ Ball 1982/I, 37–38, № 45.

⁸⁰ Ball 1982/I, 120, № 414.

⁸¹ Ball 1982/I, 105, № 352. См. также: Davis 1969–1970, 78–80; Dupree, Lattman, Devis 1970, 1610–1612; Dupree 1977, 353–354; Davis 1978, 43–44.

позднего неолита, бронзового века. Находки включают в себя различные каменные предметы и керамику. Географические координаты памятника: 35°46' с.ш., 65°15' в.д., в 10 км к югу от Бильчирага и в 9 км к северу от Гурзайвана, у самого входа в долину, образованную рекой Чашма Хаб.

Гурзайван (Gurziwan)⁸² – местоположение на открытой речной террасе с керамикой и каменными орудиями неолитической эпохи, а также керамикой позднесасанидского, тюркского и раннеисламского времени. Географические координаты памятника: 35°42' с.ш., 65°14' в.д., в 19 км к югу от Бильчирага, недалеко от Гар-и Морда Гусфанд.

Дарра-и Шах (Darga-i Shakh)⁸³ – очень высокий холм с фрагментами конструкции из кирпича и камня со следами раствора (рис. 6). По всей видимости,

Рис. 6. Дарра-и Шах. Космоснимок и карта

⁸² Ball 1982/I, 115–116, № 401.

⁸³ Ball 1982/I, 82–83, № 248. См. также: Lee 1980, 73–78; Pinder-Wilson 1980, 90–98.

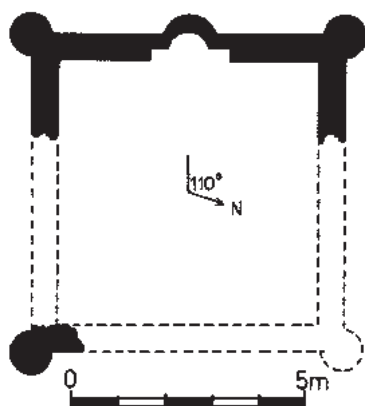

Рис. 7. Дарра-и Шах.
План цитадели

это остатки цитадели⁸⁴ (рис. 7). Сделано много находок здесь, включая монеты Хорезмшахов периода 1200–1220 гг. На вершине холма (расположенного в 1,5 км к северо-западу от деревни) находятся остатки мечети с частью стены киблы. На ней сохранился михраб с цветочным орнаментом и куфическая надпись, выполненная in stucco. Памятник возник, видимо, в сельджукидское время и просуществовал до монголов. Географические координаты памятника: 35°37' с.ш., 65°13' в.д. Расположен на притоке Ширинтагао, приблизительно в 35 км к югу от Бильчирага.

Таг-и Дараз (Tagh-i Daraz; или **Кафир Кала**/Kafir Qal'a)⁸⁵ – группа искусственных пещер, вырубленных в скале и соединенных туннелем, со стеной из сырцового кирпича перед входом.

Географические координаты памятника: 35°36' с.ш., 65°14' в.д., примерно в 4 км к юго-востоку от Дарра-и Шах, и в 40 км к югу от Бильчирага.

Кала-и Занги (Qal'a-i Zangi; или **Дарра-и Занг**/Darra-i Zang)⁸⁶ – комплекс искусственных пещер на восточной стороне долины. Состоит из нескольких комнат (с нишами) и туннеля, а также цистерны. Неподалеку находятся остатки каменных зданий. Местные жители считают, что здесь находилась столица царя Зангбара. Географические координаты памятника: 35°37' с.ш., 65°17' в.д., в верхнем течении Дарра-и Занг, примерно в 6 км к югу от Карья-и Дарра-и Занг⁸⁷.

Дех-и Миран (Deh-i Miran)⁸⁸ – комплекс из 120–130 помещений, вырубленных в скале на склонах двух ущелий на восточной стороне долины. Многие из них сообщаются друг с другом, они выполнены с большой тщательностью, снабжены нишами, бункерами, каминами, дымоходами и т.п. Географические координаты памятника: 35°44' с.ш., 65°18' в.д., в Ях Дарра, примерно в 16 км к югу от Бильчирага⁸⁹.

Кафир Кала (Kafir-Qal'a)⁹⁰ – комплекс, состоящий из двух вырубленных в скале низких помещений со стенами из сырцового кирпича, преграждающими вход. Предполагается, что это фортификационное сооружение, прикрывающее вход в долину. Географические координаты памятника: 35°44' с.ш., 65°22' в.д., напротив родника у истока реки Гульбиан, примерно в 2 км вверх по течению от деревни Гульбиан, в горной области к юго-востоку от Бильчирага⁹¹.

⁸⁴ Памятник хорошо виден на космоснимке и отмечен на карте i-41-06.

⁸⁵ Ball 1982/I, 264, № 1129. См. также: Lee 1980, 76–77.

⁸⁶ Ball 1982/I, 215, № 893.

⁸⁷ Населенный пункт обозначен на карте i-41-06 (Кара-Дарайи-Занг) и на космоснимке (Qaraya-i Dar-i Zang). Следует отметить, что указанное в книге В. Болла расстояние очень неточно, поэтому мы предпочли ориентироваться на географические координаты.

⁸⁸ Ball 1982/I, 89, № 279. См. также: Yate 1888, 239.

⁸⁹ Населенный пункт Дехмиран обозначен на карте i-41-06 и на космоснимке.

⁹⁰ Ball 1982/I, 138, № 490.

⁹¹ Населенный пункт обозначен на карте i-41-06 (Гульбиан) и на космоснимке (Ughulbyan).

Курах Дех (Kurah Deh)⁹² – примерно шесть или семь помещений, вырубленных в отвесной скале, расположенной над деревней. Они похожи на те, что зафиксированы в Дех-и Миран. Географические координаты памятника: 35°43' с.ш., 65°19' в.д., примерно в 3 км к югу от Дех Мирана (в Гурзайван), 20 км юго-востоку от Бильчирага⁹³.

Дарра-и Джауз (Darra-i Jauz)⁹⁴ – имеется лишь информация относительно комплекса искусственных пещер. Географические координаты памятника: 35°40' с.ш., 65°21' в.д.⁹⁵, в долине Дарра-и Джауз, между Дех Миран и Гал-и Намак, примерно в 40 км к юго-востоку от Бильчирага⁹⁶.

Дех-и Джауз (Deh-i Jauz)⁹⁷ – остатки каменной стены с башнями. Стена перегородивает долину в самом узком месте. Остатки стены заметны и на прилегающих холмах. Географические координаты памятника: 35°39' с.ш., 65°22' в.д., в Дарра-и Джауз, к ЮВ от Бильчирага, в 400 м к югу от деревни Дех-и Джауз⁹⁸.

Гал-и Намак (Ghal-i Namak)⁹⁹ – имеется информация о комплексе искусственных пещер. Географические координаты памятника: 35°37' с.ш., примерно 65°24' в.д., в верховьях Дарра-и Джауз, примерно в 50 км к юго-востоку от Бильчирага.

Кух-и Рагту (Kuh-i Raghtu)¹⁰⁰ – естественная пещера, расположенная на 200 м выше отвесного гласиса. Занимает командное положение на стыке двух долин. К пещере (по обе стороны от входа в нее) примыкает серия оборонительных стен из сырцового кирпича. Географические координаты памятника: 35°40' с.ш., 65°26' в.д., на дороге между деревней Гульбиан и фреской Гульбиан (см. ниже), примерно в 15 км вверх по течению реки, возле яйлага (*летнее высокогорное пастбище* – Авт.) Гульбиан.

Гульбиан (Ghulbiyan)¹⁰¹ – естественная пещера на северной стороне долины (рис. 8). Внутри находится фреска и надпись на оштукатуренной поверхности. На фреске представлены более десяти фигур¹⁰², изображающих группу донаторов во главе с царем и царицей перед тремя божествами, сидящими на тронах (рис. 9). На основании аналогий с памятниками сасанидского искусства исследователь датирует фреску IV – началом V вв. н. э.¹⁰³ (в отличие от В. Болла, который предлагает

⁹² Ball 1982/I, 170, № 645.

⁹³ См. прим. 52.

⁹⁴ Ball 1982/I, 81–82, № 243.

⁹⁵ В тексте В. Болла указаны ошибочные координаты долготы (Boll 1982/ I, 81–82), однако в листе опечаток, приложенном к книге, эта ошибка исправлена. Мы приводим исправленные координаты.

⁹⁶ Населенный пункт Гали-Намак обозначен на карте i-41-06. На космоснимке имеется отметка Ghale Namak.

⁹⁷ Ball 1982/I, 88, № 276.

⁹⁸ Деревня Дехджауз обозначена на карте i-41-06 и на космоснимке.

⁹⁹ Ball 1982/I, 104, № 348. См. прим. 58.

¹⁰⁰ Ball 1982/I, 165, № 624.

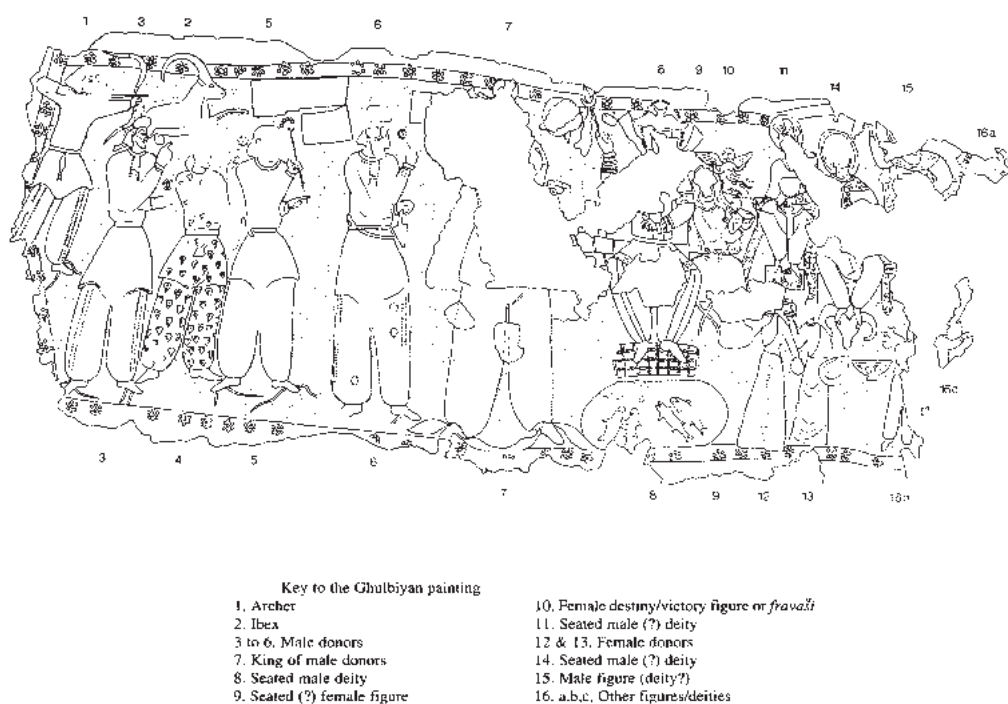
¹⁰¹ Ball 1982/I, 108, № 362. См. также: Lee 1980, 78–79; Grenet 1980, 81–89; Lee, Grenet 1998, 75–85.

¹⁰² Точное число персонажей определить невозможно ввиду сильной поврежденности правой части композиции. Анализ проведен Ф. Грене.

¹⁰³ Здесь следует отметить, что в ранней публикации автор предлагал несколько другую датировку – с конца III по конец V вв. н. э. Однако повторный анализ более качественных фотографий позволил ему уточнить датировку фрески.

Рис. 8. Карта района Гульбиана (по Lee, Grenet 1998)

Key to the Ghulbiyan painting

1. Archer	10. Female destiny/victory figure or <i>fravashi</i>
2. Ibex	11. Seated male (?) deity
3 to 6. Male donors	12 & 13. Female donors
7. King of male donors	14. Seated male (?) deity
8. Seated male deity	15. Male figure (deity?)
9. Seated (?) female figure	16. a,b,c. Other figures/deities

Рис. 9. Прорисовка фрески из Гульбиана (по Lee, Grenet 1998)

позднесасанидскую дату от к. VI до нач. VIII вв. н.э). Неподалеку зафиксирована некая структура из сырцового и обожженного кирпича, которую некоторые исследователи идентифицируют как развалины мечети¹⁰⁴. Географические координаты

¹⁰⁴ Pinder-Wilson 1980, 90–98.

памятника: 35°41' с.ш., 65°30' в.д., в 35 км к юго-востоку от Бильчирага, на горе, в 20 км вверх по течению от деревни Гульбиан¹⁰⁵.

Шахр-и Вайран (Shahr-i Wairan)¹⁰⁶ – руины большого неукрепленного города, покрывающие примерно 4 кв. км, состоят из многих холмов, развалов кирпича и большого некрополя (рис. 10). Местное население считает, что здесь находилась летняя резиденция царя Анбира. Географические координаты памятника: 35°46' с.ш., 65°37' в.д., в долине Астараб, примерно в 3 км от Чапа, в 12 км к западу от Хаваль¹⁰⁷.

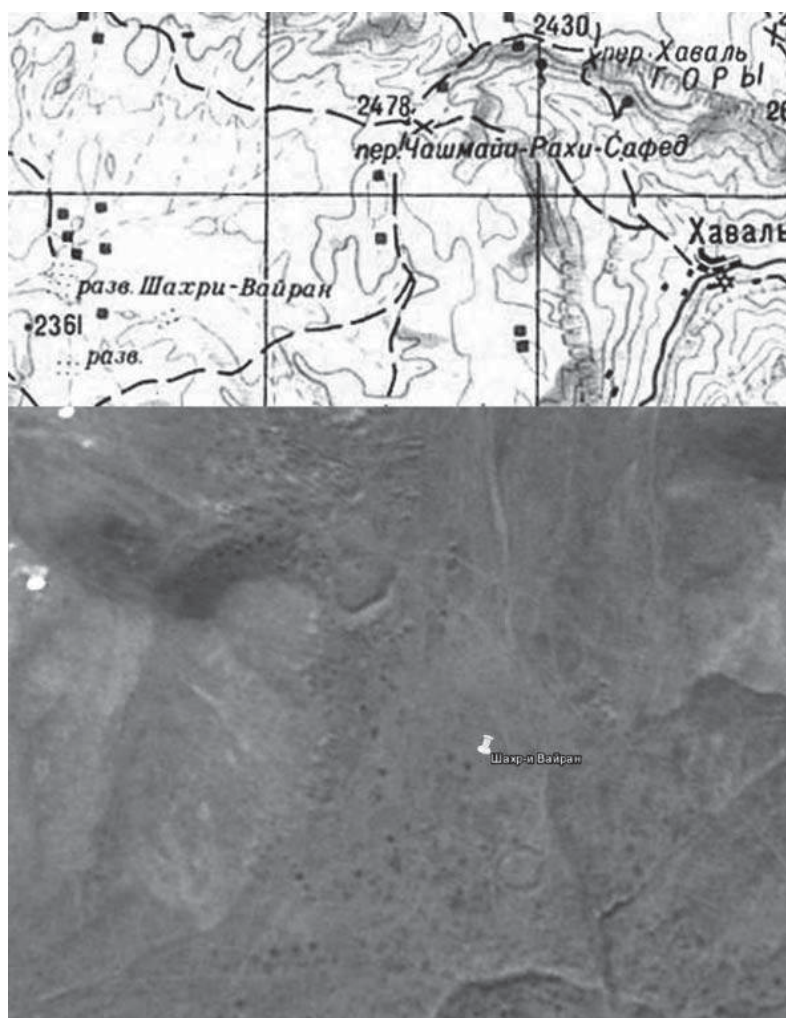

Рис. 10. Шахр-и Вайран. Космоснимок и карта

¹⁰⁵ См. прим. 54.

¹⁰⁶ Ball 1982/1, 246, № 1051. См. также: Caspani 1948, 24.

¹⁰⁷ На карте i-41-06 обозначен населенный пункт Хаваль и топографический знак развалин Шахр-и Вайран к западу от него. Населенный пункт отмечен и на космоснимке.

Нагала (Nagala)¹⁰⁸ – место обнаружения керамики эфталитского и тюркского времени. Географические координаты памятника: 35°55' с.ш., 65°53' в.д., в 7 км к западу от Джаргана, в районе Сар-и Пул¹⁰⁹.

Бидистан (Bidistan)¹¹⁰ – небольшой холм с какими-то малозначительными руинами на вершине. Возможно, соответствует Будхи (мнение Дж. Феррье). Географические координаты памятника: 35°50' с.ш., 65°54' в.д., на берегу реки Сар-и Пул, примерно в 10 км к югу от Джаргана, на дороге из Сар-и Пула в Чирас¹¹¹.

Г. Район Андхоя

Памятники, зафиксированные в обеих сводках

Сулдуз Тепе (Sulduz Tepe)¹¹² – очень большой искусственный холм с плоской вершиной. Представляет собой остатки форта или небольшого города (рис. 11). Географические координаты памятника: 36°54' с.ш., 65°07' в.д., в 6 км к югу от Андхоя, к востоку от дороги, ведущей в Меймене¹¹³. И.Т. Кругликова также отмечает этот памятник¹¹⁴. Она пишет о нем следующее: расположен около кишлака Кипчак¹¹⁵, холм высотой около 5 м высотой и до 70 м в диаметре¹¹⁶. Подъемный материал И.Т. Кругликова датирует средневековым временем, тогда как В. Болл не приводит никакой даты.

Рис. 11. Сулдуз Тепе. Космоснимок и карта

¹⁰⁸ Ball 1982/I, 190, № 755.

¹⁰⁹ На карте i-41-06 обозначен населенный пункт Нигала, а на космоснике – Негала.

¹¹⁰ Ball 1982/I, 57, № 123. См. также: Ferrier 1857, 230; Maricq, Wiet 1959, 74.

¹¹¹ Населенный пункт Бидистан обозначен на карте i-41-06.

¹¹² Ball 1982/I, 260, № 1113.

¹¹³ Населенный пункт Сульдуз обозначен на карте j-41-30.

¹¹⁴ Кругликова 2005, 317. № К-101.

¹¹⁵ Населенный пункт Кипчак обозначен на карте j-41-30.

¹¹⁶ Здесь явная ошибка, поскольку на космоснимке размеры памятника отчетливо определяются как 290x210 м. При этом, ссылаясь на Болла, она ошибочно указывает приведенную у него долготу: вместо 65°07' указано 65°02'.

Хирдай Тепе (Hirdai Tepe; или **Гирдай Тепе**/Girdai Tepe; или **Тикар 4**/Tikar 4)¹¹⁷ – остатки квадратного сельского поселения размерами 100х95 м. Поселение окружено оборонительной стеной с квадратными башнями (рис. 12). Материалы, полученные В.И. Сарианиди при шурфовке, позволили датировать памятник эпохой ранней бронзы (начало II тыс. до н.э.). Географические координаты памятника: 36°26' с.ш., 64°53' в.д., к западу от Давлатабада. Опираясь на данные разведочных исследований Советско-Афганской экспедиции, В. Болл отмечает, что данный памятник входит в группу из пяти искусственных холмов, каждый высотой ок. 2,5–3,5 м, расположенных на площади в 5 га, являвшихся, вероятно, неукрепленными сельскими поселениями или усадьбами с небольшими домами из сырцового кирпича¹¹⁸.

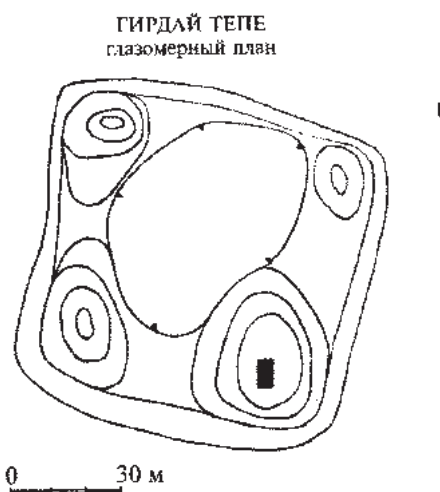

Рис. 12. Хирдай Тепе. Глазомерный план поселения (по Кругликова 2005)

Хайрабад (Khairabad, Faryab, или **Кала-и Джубин**/Qal'a-i Jubin, или **Кала-и Казаль**/Qal'a-i Kazal)¹¹⁹ – остатки цитадели средних размеров, расположенной на холме, известном под названием Кала-и Джубин. Высота холма 8–10 м, сохранилось несколько башен. Он со всех сторон окружен рвом. К востоку от цитадели в нескольких сотнях метров видны остатки города, состоящие из нескольких невысоких холмов с большим количеством глазурованной керамики. Возможно, город был окружен глинобитной оборонительной стеной. За его пределами имеется еще несколько более низких холмов. Город явно относится к раннеисламскому периоду. Вероятно, это древний Фарьяб (рис. 13). Географические координаты памятника: 36°22' с.ш., 64°53' в.д., в долине реки Ширинтагао, в 7 км к югу от Давлатабада, и в 60 км к северу от Меймене¹²⁰. Эту же информацию приводит и И.Т. Кругликова¹²¹.

Памятники, зафиксированные только В. Боллом

Как (Qaq)¹²² – местонахождение каменных орудий эпохи неолита. Географические координаты памятника: 37°11' с.ш., 65°30' в.д., в 7 км к югу от границы, на дороге из Андохя к Хамияб, через Кара Тепе, в 15 км к юго-западу от Кара Тепе.

¹¹⁷ Ball 1982/I, 125, № 430; См. также: Biscione 1977, 125; Сарианиди 1977, 22–26; Кругликова 2005, 318, рис. 10, 2–3.

¹¹⁸ См. Ball 1982/I, 277, № 1191; Сарианиди 1977, 22–26; Кругликова 2005, 318.

¹¹⁹ Ball 1982/I, 150–151, № 542. См. также: Yate 1888, 233–234.

¹²⁰ На карте j-41-35 обозначен населенный пункт Хайрабад и отметка разв. к северу от него.

¹²¹ Кругликова 2005, 318. К сожалению, несмотря на довольно подробное описание В. Боллом и на упоминания И.Т. Кругликовой, точно локализовать памятник на космоснимке не удалось.

¹²² Ball 1982/I, 217, № 905. См. также: Виноградов 1979, 23, рис.

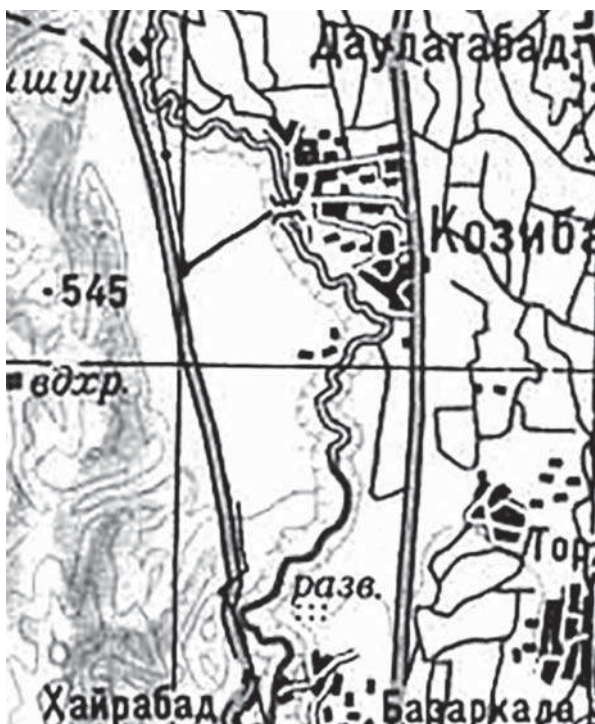

Рис. 13. Хайрабад. Карта района

Андхой (Andkhui)¹²³ – в северо-западной части современного города находятся руины Бала Гисара, представляющего собой нерегулярный многоугольник, окруженном рвом, примерно 100 м в диаметре (рис. 14). В городе находится купольная гробница Хазрат Ишан Баба Вали, датированная 1386 г. Имеется также несколько зиаратов, один из которых содержит дату – 1472 г. Из надписи на медrese явствует, что оно основано в XV веке. Среди находок, хранящихся в местном Mazag Museum, следует отметить буддийский рельеф. Город существовал, судя по находкам, в сасанидское, а также в тимуридское время. Географические координаты памятника: 36°57' с.ш., 65°07' в.д.¹²⁴

Тавачи (Tawachi)¹²⁵ – искусственный холм. Географические координаты памятника: 36°56' с.ш., 65°10' в.д., в непосредственной близости к востоку от Андхоя, к югу от дороги на Шиберган¹²⁶.

Джалаюр (Jalayuṛ)¹²⁷ – старый руинированный форт. Географические координаты памятника: 36°18' с.ш., 64°45', на левом берегу реки Меймене, в 20 км к ЮЮЗ от Давлетабада¹²⁸.

¹²³ Ball 1982/I, 37, № 41. См. также: Yate 1888, 347–349; Le Strange 1905, 426; Hayashi, Sahara 1962, 53, 106.

¹²⁴ Город обозначен на карте j-41-30 и на космоснимке.

¹²⁵ Ball 1982/I, 269, № 1155.

¹²⁶ Населенный пункт Тавачи обозначен на карте j-41-30.

¹²⁷ Ball 1982/I, 132, № 465.

¹²⁸ Населенный пункт Джалаир (Jalaier) обозначен на карте j-41-35 и на космоснимке.

Рис. 14. Андхой. Космоснимок и карта

Турт Куль Тепе (Turt Qul Tere или **Сайяд/Sayyad**)¹²⁹ – естественный холм, искусственно расширенный и тем самым превращенный в регулярную в плане крепость. Каждая из сторон длиной ок. 100 м, а высота свыше 15 м. Конструкции выполнены из блоков пахсы. На самом верху – зиарат и остатки каких-то стен, которые, однако, не имеют оборонительных признаков. Географические координаты памятника: 36°16' с.ш., 64°53' в.д., расположен на восточной стороне р. Ширинтагао, в 13 км к югу от Хайрабада и примерно в 50 км к северу от Меймене¹³⁰.

Кала-и Буин Кара (Qal'a-i Buin Qara или **Кафир Кала/Kafir Qal'a**)¹³¹ – большой естественный холм, искусственно увеличенный и превращенный в форт. Основные конструкции выполнены из пахсы, но заметны и остатки кирпичных стен. Географические координаты памятника: 36°12' с.ш., 64°52' в.д., в долине р. Ширинтагао, в 16 км к югу от Хайрабада.

Намуса (Namusa)¹³² – холм с остатками форта на вершине. Географические координаты памятника: 36°03' с.ш., 64°39' в.д., на западном берегу р. Меймене, в 20 км к северу от Меймене¹³³.

Бадкак (Badqaq)¹³⁴ – большой высокий холм с остатками форта на вершине (рис. 15). Географические координаты памятника: 36°06' с.ш., 64°39' в.д., на восточном берегу р. Меймене, в 38 км к северу от Меймене¹³⁵.

¹²⁹ Ball 1982/I, 280, № 1207.

¹³⁰ Населенный пункт Турткуль обозначен на карте j-41-35 и на космоснимке (Tort Kol).

¹³¹ Ball 1982/I, 205, № 837.

¹³² Ball 1982/I, 191, № 760.

¹³³ Населенный пункт Токали-Намуса обозначен на карте j-41-35.

¹³⁴ Ball 1982/I, 43-44, № 75.

¹³⁵ Населенный пункт Бадкак обозначен на карте j-41-35 и на космоснимке (Bad Qaq).

Рис. 15. Бадкак. Космоснимок и карта

Памятники, зафиксированные только И.Т. Кругликовой¹³⁶

Джилау Тепе¹³⁷ – крепость до 8 высотой и 100 м по длинной оси, имеет неправильную подтреугольную форму с очень крутыми внешними фасадами. Основной материал относится к позднеантичному и, возможно, раннесредневековому времени.

Шейх¹³⁸ – около этого села находится небольшой караван-сарай или рабат. Его размеры: около 50 м в диаметре и высота 3 м. Среди подъемного материала много поливной средневековой посуды¹³⁹.

Безымянный памятник¹⁴⁰ – небольшой бугор (диаметр 20 м, высотой 1 м), на поверхности которого довольно много средневековой глазурованной керамики. По предложению И.Т. Кругликовой, данный памятник – остатки небольшой станции на средневековом торговом пути.

Тикар – группа из нескольких памятников¹⁴¹. И.Т. Кругликова говорит о не менее чем 10 памятниках в непосредственной близости друг от друга. Важнейшим из них является **Тикар 1**¹⁴². Холм расположен к юго-западу от селения Давлатабад, между селениями Кози Бай Кала и Давлатабад¹⁴³. Памятник вытянут с юга на север, размеры 75×65 м при высоте 3,5 м. На холме были заложены два шурфа и выявлено наличие трех строительных горизонтов, относящихся к эпохе бронзы¹⁴⁴.

Рядом находится еще один памятник эпохи бронзы – **Тикар 2**¹⁴⁵. Он имеет размеры 80 х 55 м при высоте около 2 м. Здесь также был заложен шурф¹⁴⁶.

¹³⁶ Эта группа памятников не отмечена на нашей карте ввиду отсутствия даже приблизительных координат. См. прим. 5.

¹³⁷ Кругликова 2005, 318, № К-101а.

¹³⁸ Кругликова 2005, 318, № К-102.

¹³⁹ Населенный пункт Шайха обозначен на карте j-41-35 и на космоснимке (Shaikha).

¹⁴⁰ Кругликова 2005, 318, № К-103.

¹⁴¹ Кругликова 2005, 318, № К-104. В эту группу входит и упоминавшийся выше памятник Хирдай Тепе (или Тикар 4).

¹⁴² Кругликова 2005, 318, № К-104.

¹⁴³ Населенные пункты Давлатабад и Кози Бай Кала обозначены на карте j-41-35.

¹⁴⁴ Кругликова 2005, 382, рис. 9.

¹⁴⁵ Кругликова 2005, 318.

¹⁴⁶ Кругликова 2005, 318, рис. 10.1.

Наконец, третий памятник того же времени, расположенный рядом с предыдущими, – **Тикар 3**¹⁴⁷. Его размеры: 65×55 м при высоте около 3 м.

Памятник К – 104а¹⁴⁸. Холм расположен возле селения Кызыл Кишлак.

Заключение

Рассмотрение в данной статье материалов для археологической карты Афганистана позволяет сделать несколько достаточно важных выводов.

При беглом ознакомлении с итоговым отчетом по разведкам Советско-Афганской археологической экспедиции создается впечатление, что эта экспедиция покрыла своими маршрутами всю территорию северо-западного Афганистана: от Кундуза на запад и от Гиндукуша на север. Однако при более внимательном анализе выясняется, что имеются достаточно обширные районы, совершенно не затронутые этими исследованиями. Отметим, что меньше всего исследованы данной экспедицией были горные районы.

Анализ материалов по распределению отдельных памятников показывает в очень яркой форме полную зависимость населенного пункта от источника воды. Практически все зафиксированные памятники располагаются по берегам тех рек и речушек, которые здесь стекают с гор.

Наконец, работы в данном районе показали, сколь значительное место среди памятников прошлого занимают скальные комплексы – естественные и искусственные пещеры. В качестве предварительного заключения можно выдвинуть следующий тезис: как правило, большие естественные пещеры служили местом обитания людей в первобытную эпоху, искусственные же – начиная с кушанской эпохи. Можно предполагать, что создание искусственных скальных комплексов – результат распространения буддизма. Однако этот вывод нуждается в дальнейшем обосновании.

Приложение 1

Название памятника	№ на карте	Координаты в системе WGS 1984
Базар Тепе	1	35°49'0.04»С 64°31'0.03»В ?
Адир	2	35°48'59.22»С 64°34'56.58»В ?
Карайи	3	35°45'0.04»С 64°32'0.03»В ?
Фаруд Бег	4	35°34'0.65»С 64°34'0.26»В ?
Чугумат	5	35°51'30.20»С 64°34'8.65»В
Науруз Тепе	6	35°55'34.96»С 64°45'1.05»В
Меймене	7	35°55'16.13»С 64°47'3.44»В
Гул Тепе	8	35°53'23.17»С 64°48'1.98»В
Дахан-и Дарра	9	35°52'33.37»С 64°50'48.86»?
Гарлули	10	35°44'45.16»С 64°54'59.19»В
Ката Кала	11	35°54'47.12»С 65° 1'26.15»В ?
Заршой	12	35°54'23.50»С 65° 6'3.47»В ?
Нишар	13	35°53'49.29»С 65° 9'44.77»В ?

¹⁴⁷ Кругликова 2005, 318.

¹⁴⁸ Кругликова 2005, 318.

Хамам Чашма (Нишар)	14	35°54'3.41»С 65°14'26.73»В
Бильчираг	15	35°50'33.73»С 65°13'21.57»В ?
Минар-и Санг	16	35°58'41.24»С 65°24'23.77»В
Сар-и Дарра-и Дарзаб?	17	35°58'0.17»С 65°27'0.49»В
Ак Камар	18	35°47'4.90»С 65°14'32.68»В
Хамам Чашма (Бильчираг)	19	35°46'40.46»С 65°14'31.19»В
Гар-и Морда Гусфанд	20	35°46'23.85»С 65°15'6.10»В ?
Гурзайван	21	35°42'3.88»С 65°14'17.03»В ?
Дарра-и Шах	22	35°37'23.61»С 65°13'23.55»В
Таг-и Дараз	23	35°36'0.25»С 65°14'36.39»В
Кала-и Занги	24	35°37'30.71»С 65°17'2.35»В
Дех-и Миран	25	35°44'0.73»С 65°18'7.94»В
Кафир Кала	26	35°44'1.20»С 65°22'0.19»В
Курах Дех	27	35°43'1.43»С 65°19'2.46»В
Дарра-и Джауз	28	35°40'1.15»С 65°21'25.83»В
Дех-и Джауз	29	35°39'5.34»С 65°22'16.28»В
Гал-и Намак	30	35°37'2.27»С 65°24'1.05»В
Кух-и Рагту	31	35°40'10.20»С 65°26'35.75»В
Гульбиан	32	35°41'10.68»С 65°29'24.71»В
Шахр-и Вайран	33	35°46'5.35»С 65°37'5.37»В
Нагала	34	35°54'37.25»С 65°52'46.46»В
Бидистан	35	35°50'14.43»С 65°54'27.73»В
Сулдуз Тепе	36	36°54'1.61»С 65° 6'12.87»В
Хирдай Тепе	37	36°25'11.69»С 64°54'6.45»В
Хайрабад	38	36°22'18.81»С 64°53'47.92»В
Как	39	37°11'0.09»С 65°30'2.22»В
Андхой	40	36°57'16.07»С 65° 6'46.26»В
Тавачи	41	36°56'0.29»С 65°10'0.30»В ?
Джалаюр	42	36°18'31.81»С 64°45'7.73»В
Турт Куль Тепе	43	36°16'33.11»С 64°52'57.56»В
Кала-и Буин Кара	44	36°12'46.34»С 64°52'17.22»В
Намуса	45	36° 3'0.07»С 64°39'4.00»В
Бадкак	46	36° 6'17.91»С 64°39'28.41»В

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, А.В. 1979: Исследование памятников каменного века в Северном Афганистане. *Древняя Бактрия* 2, 7–62.
- Гаилов, В.А., Кошеленко, Г.А., Требелева, Г.В. 2015: Материалы к археологической карте Северного Афганистана. Долина реки Мургаб. *ПИФК* 4, 108–129.
- Кошеленко, Г.А., Гаилов, В.А. 2013: «Круглые города» Центральной Азии. *КСИА* 230, 196–209.
- Сарианиди, В.И. 1977: *Древние земледельцы Афганистана*. М.
- Adamec, L.W. (ed.) 1979: *Historical and Political Gazetteer of Afghanistan*. Reprints of Gazetteer 1907–1914? vol. 4: Mazar-i Sharif and North-Central Afghanistan. Graz.
- Biscione, R. 1977: The Crisis of Central Asia Urbanization in II Millenium BC and Village as an Aternative System. *Le Plateau iranien et l'Asie Centrale des originis à la conquête islamique. (Colloques internationaux de CNRS. № 567)*, 113–157.

- Caspani, P.E. 1948: A propos d'une suppose sculpture sur roche dans la region de Mazar-é Charif. *Afghanistan* 3, 1, 20–24.
- Davis, R. 1969–1970: Prehistoric Investigations in Northern Afghanistan. *Afghanistan* 22, 3–4, 75–90.
- Davis, R. 1978: The Palaeolithic. *The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period*. L. – New York – San Francisco, 17–69.
- Dupree, L., Lattman, L., Devis, R. 1970: Char-i-Mordeh Gusfand (Cave of the Dead Sheep). A new mustertian locality in North Afghanistan. *Science* 167, 1610–1612.
- Dupree, N. 1977: *An Historical Guide to Afghanistan*. Kabul.
- Ferrier, J. 1857: *Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Baluchistan with historical notices of the countries lying between Russia and India*. L.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A., Trebeleva, G.V. 2010: Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Addenda I. Heart oasis. *Parthica* 12, 107–116.
- Grenet, F. 1980: La fresque de style sasanide de Ghulbiyan: description et commentaire. *Studia Iranica* 9, 1, 81–89.
- Hayashi, M., Sahara, M. 1962: *Archaeological Sites of Northern Afghanistan. Haibak and Kashmir-Smast*. Ed. by S. Mizuno. Kyoto, 106–109.
- Lee, J. 1980: L'exploration de la region. Le site islamique de Darra-I Shakh et le réseau fortifié. *Studia Iranica* 9, 1, 71–81.
- Lee, J.L., Grenet, F. 1998: New Light on the Sasanid Painting at Ghulbian, Faryab Province, Afghanistan. *South Asian Studies* 14, 75–85.
- Le Strange, G. 1905: *The Lands of the Eastern Caliphate*. Cambridge.
- Maricq, A., Wiet, G. 1959: *Le Minaret de Djam. La découverte de la capitale des sultans Ghorides (XII–XIII siècles)*. (MDAFA 16). Paris.
- Melikian-Chirvani, A.S. 1979: Les bronzes du Khorasan. 3. Bronzes inédits du X et XI siècles. *Studia Iranica* 14, 2, 187–205.
- Pinder-Wilson, R. 1980: Le mihrab décoré de Darra-I Shakh. *Studia Iranica* 9, 1, 90–98.
- Yate, C.E. 1888: *Northern Afghanistan, or Letters from Afghan Boundary Commission*. Edinburgh & London.

REFERENCES

- Adamec L.W. (ed.) 1979: *Historical and Political Gazetteer of Afghanistan*. Reprints of Gazetteer 1907–1914? vol. 4: Mazar-i Sharif and North-Central Afghanistan. Graz.
- Biscione, R. 1977: The Crisis of Central Asia Urbanization in II Millenium BC and Village as an Alternative System. *Le Plateau iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. (Colloques internationaux de CNRS. № 567)*, 113–157.
- Caspani, P.E. 1948: A propos d'une suppose sculpture sur roche dans la region de Mazar-é Charif. *Afghanistan* 3, 1, 20–24.
- Davis, R. 1969–1970: Prehistoric Investigations in Northern Afghanistan. *Afghanistan* 22, 3–4, 75–90.
- Davis, R. 1978: The Palaeolithic. *The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period*. L. – New York – San Francisco, 17–69.
- Dupree, L., Lattman, L., Devis, R. 1970: Char-i-Mordeh Gusfand (Cave of the Dead Sheep). A new mustertian locality in North Afghanistan. *Science* 167, 1610–1612.
- Dupree, N. 1977: *An Historical Guide to Afghanistan*. Kabul.
- Ferrier, J. 1857: *Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Baluchistan with historical notices of the countries lying between Russia and India*. L.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A., Trebeleva, G.V. 2010: Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Addenda I. Heart oasis. *Parthica* 12, 107–116.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A., Trebeleva, G.V. 2015: Materialy k arheologicheskoy karte Severnogo Afganistana. Dolina reki Murgab. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4, 108–129.

- Grenet, F. 1980: La fresque de style sasanide de Ghulbiyan: description et commentaire. *Studia Iranica* 9, 1, 81–89.
- Hayashi, M., Sahara, M. 1962: *Archaeological Sites of Northern Afghanistan. Haibak and Kashmir-Smast*. Ed. by S. Mizuno. Kyoto, 106–109.
- Koshelenko, G.A., Gaibov, V.A. 2013: «Kruglye goroda» Central'noj Azii. *Kratkie soobshhenija instituta arheologii RAN* 230, 196–209.
- Le Strange, G. 1905: *The Lands of the Eastern Caliphate*. Cambridge.
- Lee, J. 1980: L'exploration de la region. Le site islamique de Darra-I Shakh et le réseau fortifié. *Studia Iranica* 9, 1, 71–81.
- Lee, J.L., Grenet, F. 1998: New Light on the Sasanid Painting at Ghulbian, Faryab Province, Afghanistan. *South Asian Studies* 14, 75–85.
- Maricq, A., Wiet, G. 1959: *Le Minaret de Djam. La découverte de la capitale des sultan Ghorides (XII – XIII siècles)*. (MDAFA 16). Paris.
- Melikian-Chirvani, A.S. 1979: Les bronzes du Khorasan. 3. Bronzes inédits du X et XI siècles. *Studia Iranica* 14, 2, 187–205.
- Pinder-Wilson, R. 1980: Le mihrab décoré de Darra-I Shakh. *Studia Iranica* 9, 1, 90–98.
- Sarianidi, V.I. 1977: *Drevnie zemledel'cy Afganistana*. M.
- Vinogradov, A.V. 1979: Issledovanie pamjatnikov kamennogo veka v Severnom Afganistane. *Drevnjaja Baktrija* 2, 7–62.
- Yate, C.E. 1888: *Northern Afghanistan, or Letters from Afghan Boundary Commission*. Edinburgh & London.

MATERIALS TO THE ARCHAEOLOGICAL MAP OF AFGHANISTAN NORTHERN AREA

Vasif A. Gaibov*, Gennady A. Koshelenko**

* *Institute of Archeology RAS, Russia,*
gaibov@mail.ru

** *Institute of Archeology RAS, Russia,*
koshelenko@mail.ru

Abstract. The article attempts to supplement the database of archaeological monuments of Afghanistan on the basis of a comparison of the data presented in the famous book by V. Ball (in collaboration with J.-Cl. Gardin), as well as on recently published report on the work of the Soviet-Afghan archaeological expedition (head I.T. Kruglikova). These data are discussed on a new level, using methods of remote sensing and multi-scale topographic maps of the region previously difficult to access for study. The region from the north and the south, bounded by the neighborhood of the modern cities of Andkhui and Maimana, bordered with the valley of the rivers Almar and Shirintagao from the West and East has become the object of the research in this article.

Thanks to the mapping of complex data, the archaeological map of the region which has included 53 monuments (from the first centuries of the I Millennium BC up to the late Middle Ages) is composed. Thus, for 46 objects geographical coordinates on the basis of the analysis of space pictures and modern topographic maps are determined. On the basis of the available materials a number of conclusions of historical character is made.

Key words: Afghanistan, Bactria, Maimana, Andkhui, archaeological map, space images

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС И ПРИСТАНЬ КРЕПОСТИ КАМПЫРТЕПА

Н.Д. Двуреченская

*Институт археологии РАН, Москва,
nigoradvur@mail.ru*

Аннотация. В бактрийской крепости Кампыртепа в 2010–2012 годах был открыт и исследован юго-восточный входной комплекс с пристанью. В результате впервые был получен образец древней инфраструктуры речных переправ на реке Окс (Аму-дарья). Пристань функционировала с самого начала обживания поселения Кампыртепа, со времени не позднее первой трети III в. до н.э. Об этом свидетельствует вскрытая в 2015 году входная часть масштабного раннеэллинистического сооружения № 36 (землянка-блиндаж), выходящего непосредственно к участку юго-восточной пристани. В это время здесь не было каких-либо искусственных построек. В I в. до н.э. – в первой половине I в. н.э. возводится входной комплекс крепости. Он состоит из башни на верхней террасе и из двухуровневой площадки, спланированной под пристань, на нижней природной террасе.

На первой ступени террасы был размещен дворик. Здесь располагались на краткое время вновь прибывшие и переправившиеся через реку люди. По всей видимости, они ожидали здесь определение их дальнейшего месторасположения внутри крепости. За это время они могли воспользоваться услугами, расположенных на второй террасной ступени торговых лавок. Здесь пекли и продавали хлеб, питьевую воду, вино, готовили мясо. Кроме того, после непростого мероприятия люди могли принести жертву своим богам, а также богу Окса в благодарность за благополучную переправу. Порядок за стенами двора непосредственно на пристани осуществлял караул из 2–3 воинов, которые укрывались в вырубленной в склоне холма пещере.

В правление Канишки I в начале II в. н.э. на Кампыртепа по единому плану производится строительство системы фортификационных укреплений, опоясывающих «нижний город» крепостной стеной с 11 башнями. Юго-восточная башня входного комплекса вписывается в этот план. На нижней части входного комплекса в это время производятся масштабные реконструкции. Юго-восточный входной комплекс интенсивно используется до конца жизни памятника вплоть до середины II в. н.э.

Ключевые слова: Бактрия, речная переправа, крепость Кампыртепа, эллинизм, юэдж, ранние Кушаны, пристань

На протяжении четырех лет Бактрийский отряд САЭ Института археологии РАН в рамках ТАЭ Института искусствознания АН РУз вел археологические исследования на юго-восточной окраине бактрийской крепости Кампыртепа. Здесь

Двуреченская Нигора Давлятовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН. E-mail: nigoradvur@mail.ru
Работа осуществлена при поддержке РГНФ. Грант № 13-31-01000.

в 2009–2010 годах был открыт входной комплекс со стороны реки Амударья (в древности Окс). В первые два года работ был вскрыт основной объем входного комплекса, укрепленного фортификационными сооружениями. Он состоял из двух частей: пристани и возвышающейся над ним башни¹.

Прежде чем перейти к описанию вновь открытой пристани, представляется необходимым остановиться чуть подробнее на характеристике географо-геоморфологической ситуации месторасположения памятника Кампыртепа, главным образом по его отношению к реке.

Как известно, Амударья образуется при слиянии Пянджа и Вахша, где ее русло режет геологические отложения верхнего мела, а ниже по течению долина реки проходит в структурах значительно более молодых отложений верхнего плейстоцена и голоцена.

Магистральное направление реки с юго-востока на северо-запад. Река окаймляет с юга долины, расположенные между почти меридионально вытянутыми горными хребтами, такими как Тешик-таш, Бабатаг, Кугитанг. Каждая из этих долин питает русла одного или нескольких крупных притоков Амударьи (Кафирниган, Кундуз, Сурхандарья, Шерабаддарья). Правый коренной берег реки имеет высокую надпойменную террасу, контур которой четко прослеживается по спутниковым снимкам на значительном отрезке среднего течения реки. С юга же к реке вплотную подходят пески северного Афганистана (рис. 1).

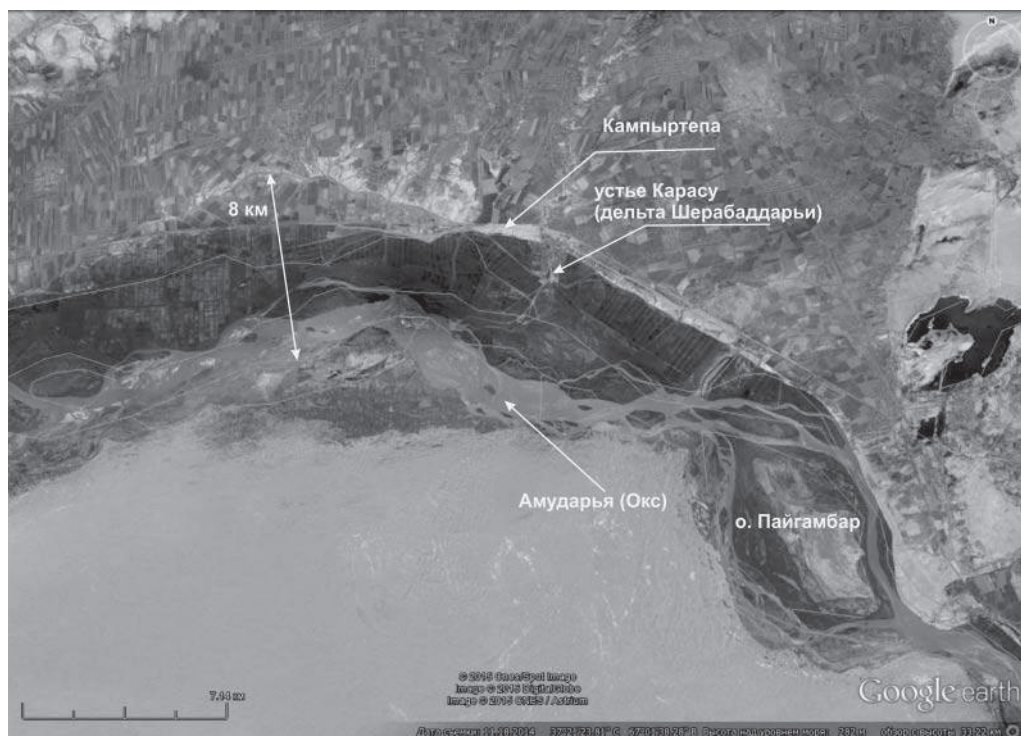

Рис. 1. Пойма реки Амударья в районе крепости Кампыртепа. Спутниковый снимок

¹ Материалы археологических исследований за 2009–2010 годы опубликованы в статье: Двуреченская 2013, 338–370.

Для долины Амударьи характерной особенностью здесь является выделение нескольких протоков, которые меандрируют и образуют многочисленные острова (к примеру, Пайгамбар), а также ряд озеровидных расширений. Осадочные породы пустынных берегов вымываются, и река постоянно меняет свое русло, размывая более всего правый берег, постоянно смещаясь к северу, как правило, вглубь долин рек-притоков.

Крепость Кампыртепа находится в 9 км к юго-востоку от крайней точки вреза реки Амударьи на север, после которой она плавно поворачивает на юго-запад и идет в этом направлении вплоть до южных отрогов гор Кугитанга. Именно на этом участке наблюдается максимальная ширина поймы реки, здесь она составляет до 8 км. И здесь же современное русло максимально отступило от правого берега: от 2,5 до 5,5 км, при том, что сама река имеет ширину до 1,9 км. Средняя глубина современной реки от 2,5 до 3,5 м. Сегодня на открытых пойменных участках в пределах первой полосы пограничной зоны размещены рисовые поля, южнее река покрыта тугаями, густыми зарослями тростника и изобилует множеством озер и болот.

Так как Амударья имеет смешанное снежно-ледниково-дождевое питание, то и паводки случаются на ней два раза в год: весной, в апреле-мае, когда в низкогорьях тает снег и проходят дожди, и летом, в июне-июле, когда тают ледники высокогорий. Иногда эти периоды смыкаются и высокая вода наблюдается до 4–5 месяцев подряд. Именно в это время река наиболее опасна и непредсказуема. Напомним, что южная часть крепости Кампыртепа была смыта еще в древности (не позднее II в. н. э.), что, возможно, и послужило поводом для ухода людей с поселения² (рис. 2). Следы обрушения мы видим и на средневековом городище Шуроб, расположенном всего в 1 километре вверх по течению на краю правого берега реки Амударьи, и на цитадели городища Старый Термез, расположенной в 20 км вверх по течению (рис. 2а).

Крепость Кампыртепа расположена в 1 км от устья последнего притока Амударьи – реки Шерабаддарья (на этом дельтовом участке она получила название Карасу). Шерабаддарья прорезает всю территорию правобережной Бактрии с севера на юг и, по сути, до сих пор представляет наикратчайший путь в долину Кашкадарьи (Южный Согд). Вдоль ее русла пролегают современные автотрассы, т.к. река движется между горными хребтами по наиболее эргономичному, самой природой выработанному пути.

В связи с вышеприведенными данными отметим, что вновь открытая нами часть крепости Кампыртепа имеет особо важное значение. На территории древней Бактрии это первый конкретный образец устройства речной пристани, датируемой от эпохи раннего эллинизма до середины II в. н. э.

В 2011 и 2012 годах Бактрийским отрядом САЭ производилось исследование планировки и деталей устройства и функционирования юго-восточного входного комплекса крепости на уровне пристани, расположенной за пределами крепостной стены. С востока комплекс выходит к правому борту восточного оврага, который идет вдоль всей восточной стороны крепости (рис. 3), но, в отличие от юго-восточной башни, входной комплекс с пристанью расположен на 10 м ниже укрепле-

² Ртвеладзе 2001, 11.

Рис. 2. Фото с обрушениями крепости Кампыртепа и городища Шуробкурбан Правый коренной берег Аму-Дарьи.

а – южный смытый край цитадели крепости Кампыртепа;

б – южный смытый край цитадели Шуробкурбана.

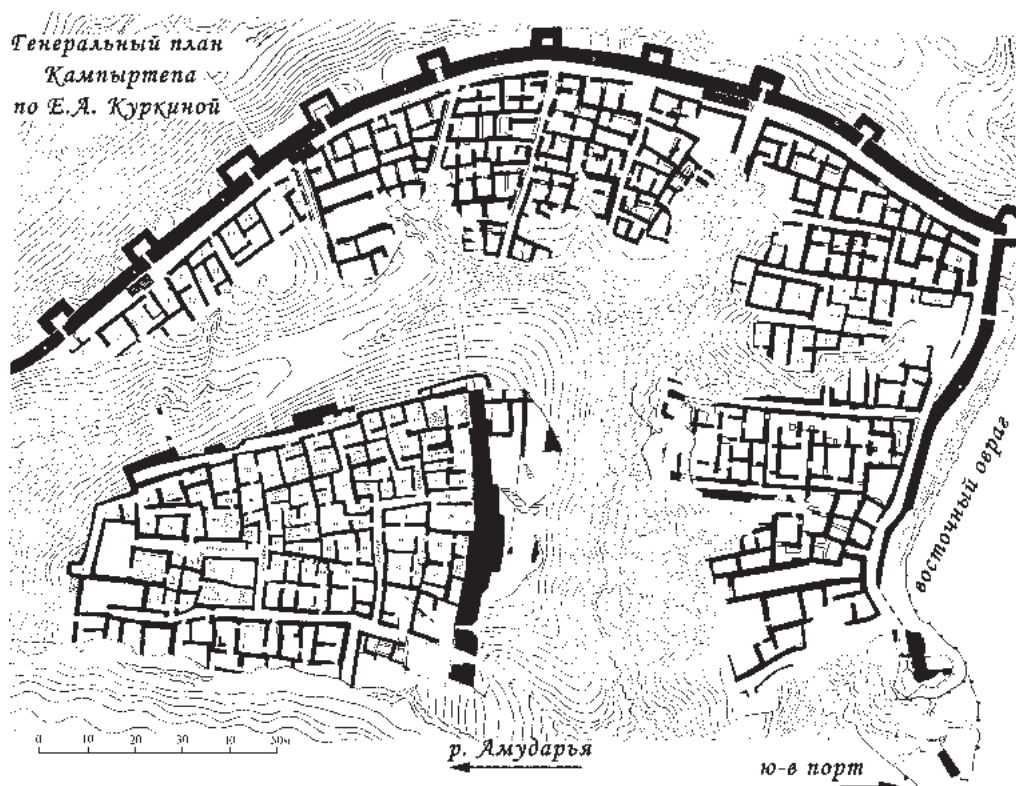

Рис. 3. Генеральный план крепости с участком юго-восточной пристани

ний крепости, на более низкой террасе. Здесь в своем устье овраг расширяется и составляет до 30 м в ширину. На краю его противоположного левого борта ранее были заложены шурф и стратиграфический разрез, давший материалы от II—I вв. до н. э. до начала II в. н. э.³ (рис. 4).

Весной 2012 года на всей обширной нижней террасе, расположенной на левом борту оврага, были проведены предварительные разведки. На площадке размером 70x25 м не удалось выявить следов каких-либо конструкций, а распространение культурного слоя локализовано только на самой кромке у борта оврага, на месте стратиграфического шурфа и разреза С. Дудакова. Заложенные в 10 м к югу от него стратиграфические шурфы и разрезы выявили нанесенный слой чистой глины с линзами песка с несогласными разнонаправленными углами залегания мощностью до 3 м. Однако в этом конгломерате природного характера встречаются отдельные фрагменты керамики. Представляется возможным предварительно связать формирование данного слоя с действием реки, размывшей край памятника и вмешавшей наиболее тяжелые составляющие культурного слоя в массу перемещаемой глины⁴.

³ Дудаков 2002, 23.

⁴ Детальное выяснение характера формирования всей нижней террасы требует отдельной работы геоморфолога и палеопочвенника.

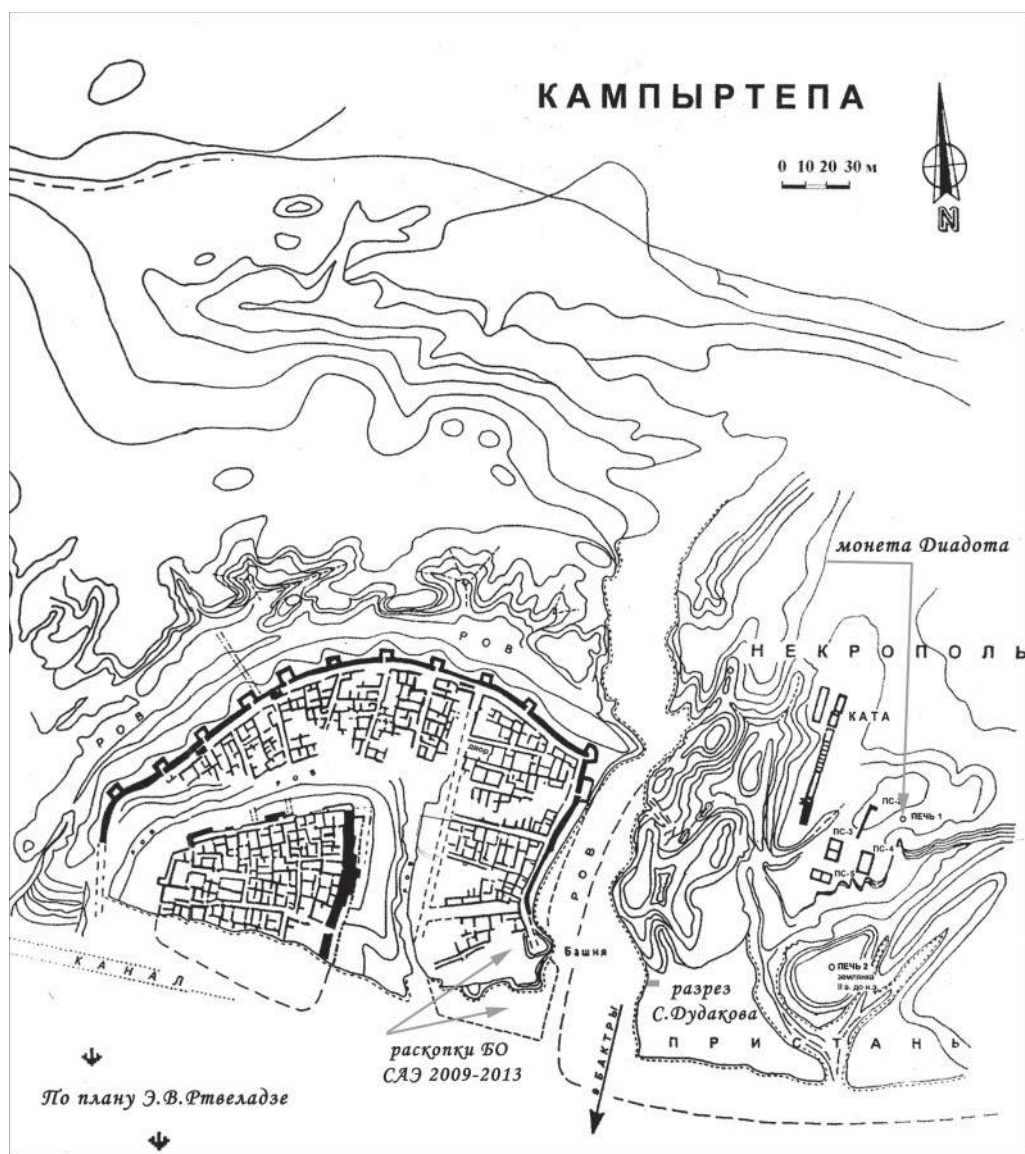

Рис. 4. Ситуационный план с участком пристани

Об интенсивном использовании этого участка говорит также расположение на верхней террасе к востоку от оврага значительного количества разнообразных и разновременных построек. От гончарных печей эллинистического периода⁵, где весной 2015 года в подъеме О.В. Двуреченским была обнаружена монета Диодота (рис. 4, 5), до погребально-культовых сооружений типа ката, относимых к I–II вв. н. э.⁶

⁵ Болелов 2001, 15–30.

⁶ В описании керамического комплекса из погребальных сооружений отмечается наличие керамики, характерной периоду II–I вв. до н. э. Ртвеладзе 2001, 67–68.

Рис. 5. Монета Диодота

Основные работы по исследованию нижней части юго-восточного входного комплекса с пристанью в 2011–12 годах были сконцентрированы на правом борту восточного оврага. Ранее на участке раскопа 2009–2010 гг. размером 15×12 м были обнаружены сооружения, вырубленные в материке, и стена, возведенная из сырцового кирпича; мощность культурного слоя достигала 1,8 м. Изучение стратиграфии позволило выделить три строительных горизонта и три хронологических этапа освоения и эксплуатации этого участка (рис. 6).

Первый хронологический период и 1 строительный горизонт относятся к кушано-юэчжийскому периоду и синхронны с периодом возведения башни. Они маркируются особыми строительными приемами, характерным керамическим комплексом, индивидуальными находками, а также монетами подражания драхме Гелиокла.

При строительстве пристани была проведена масштабная работа по перепланированию рельефа местности. Склон материкового холма был подрубен по линии запад-восток таким образом, что образовывал две террасные ступени (рис. 7).

Первая террасная ступень – нижняя – представляла собой выровненную материковую Г-образную в плане площадку, вытянутую по линии запад-восток. Длина ее составляла более 22 м, ширина от 9,5 м до 13 м. Разбор культурных слоев над первой ступенью (площадка пристани) в северо-западной части позволил уточнить, что край второй террасы был ровный, отвесный и местами сохранил хорошую штукатурку. Вдоль него в западной части зафиксированы хумы. В борту этой террасы также зафиксировано устройство типа небольшой печи со сторонами 40×35×30 см (рис. 7, 8).

К сожалению, при расчистке пола площадки пристани, т.е. первой террасной ступени, уровень материка был достигнут лишь у северо-восточного края второй террасы. На остальной площади под очень твердой коркой слоя спрессованной глины толщиной до 25 см выступил песок, и работы были прекращены (рис. 9). Очевидно, площадь первой ступени подвергалась неоднократному подтапливанию, что и привело к образованию столь твердых слоев глинистых натек.

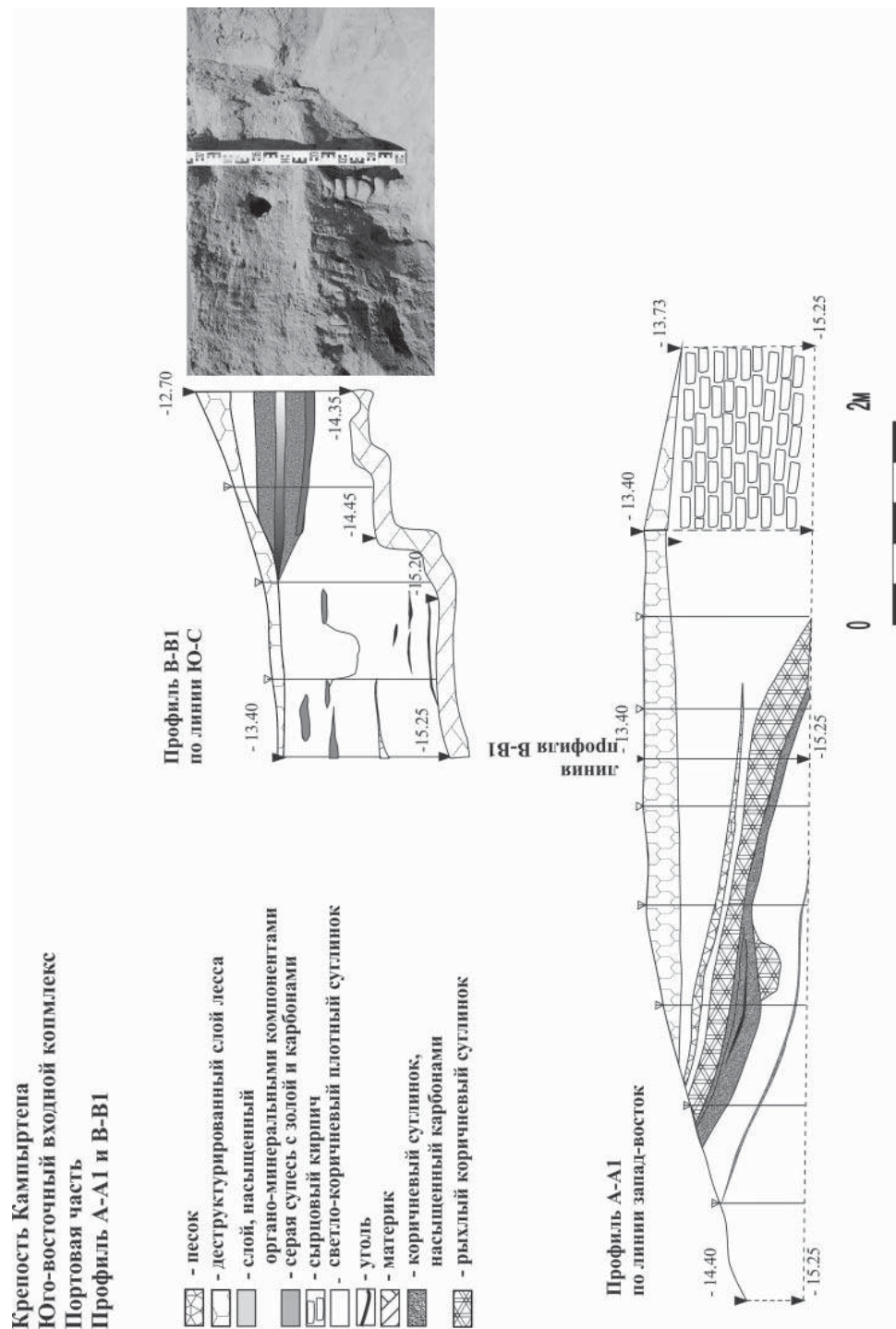

Рис. 6. Стратиграфические разрезы А-А1 и В-В1

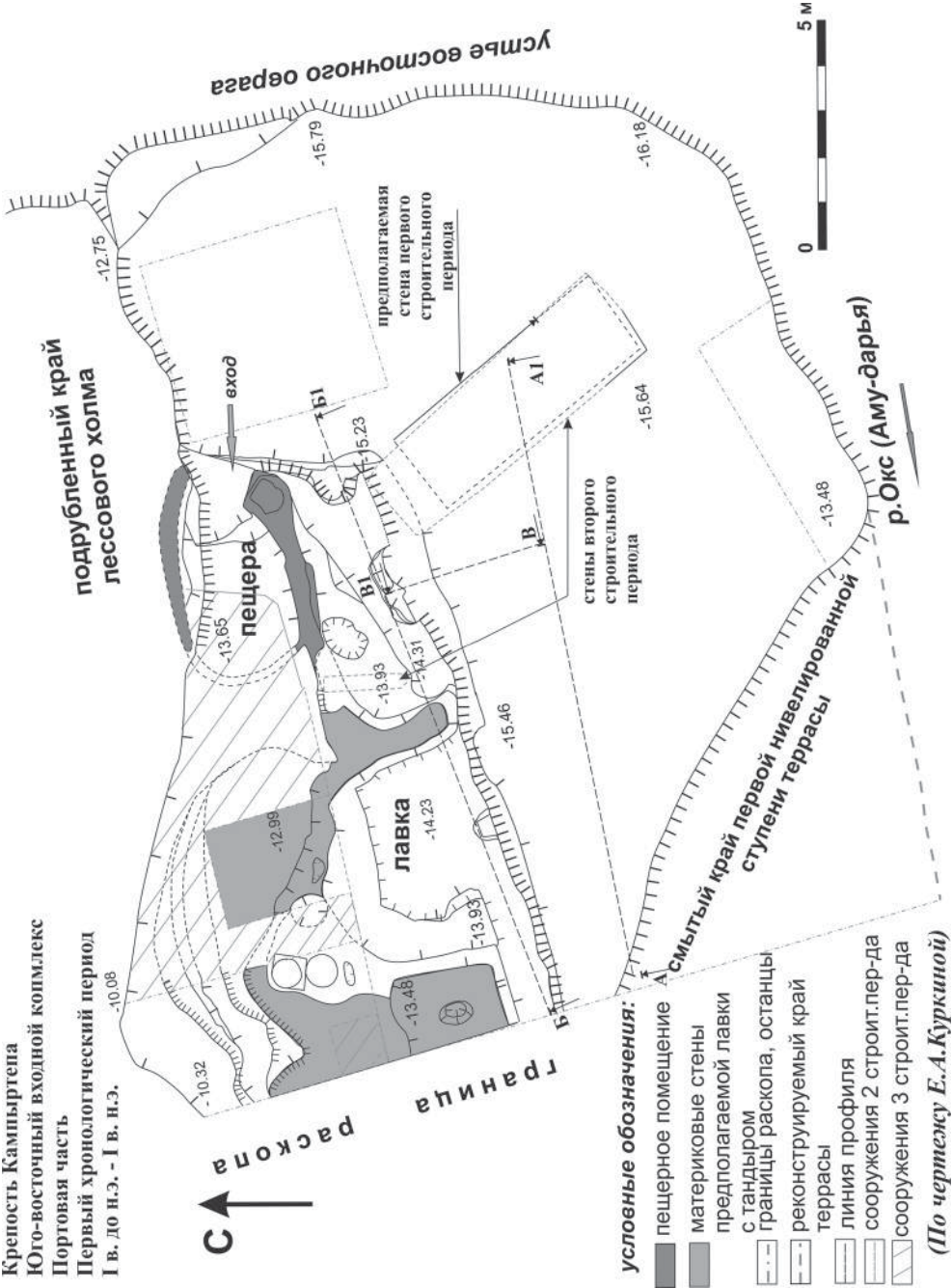

Рис. 7. Топографический план порта юго-восточного входного комплекса с пристанью

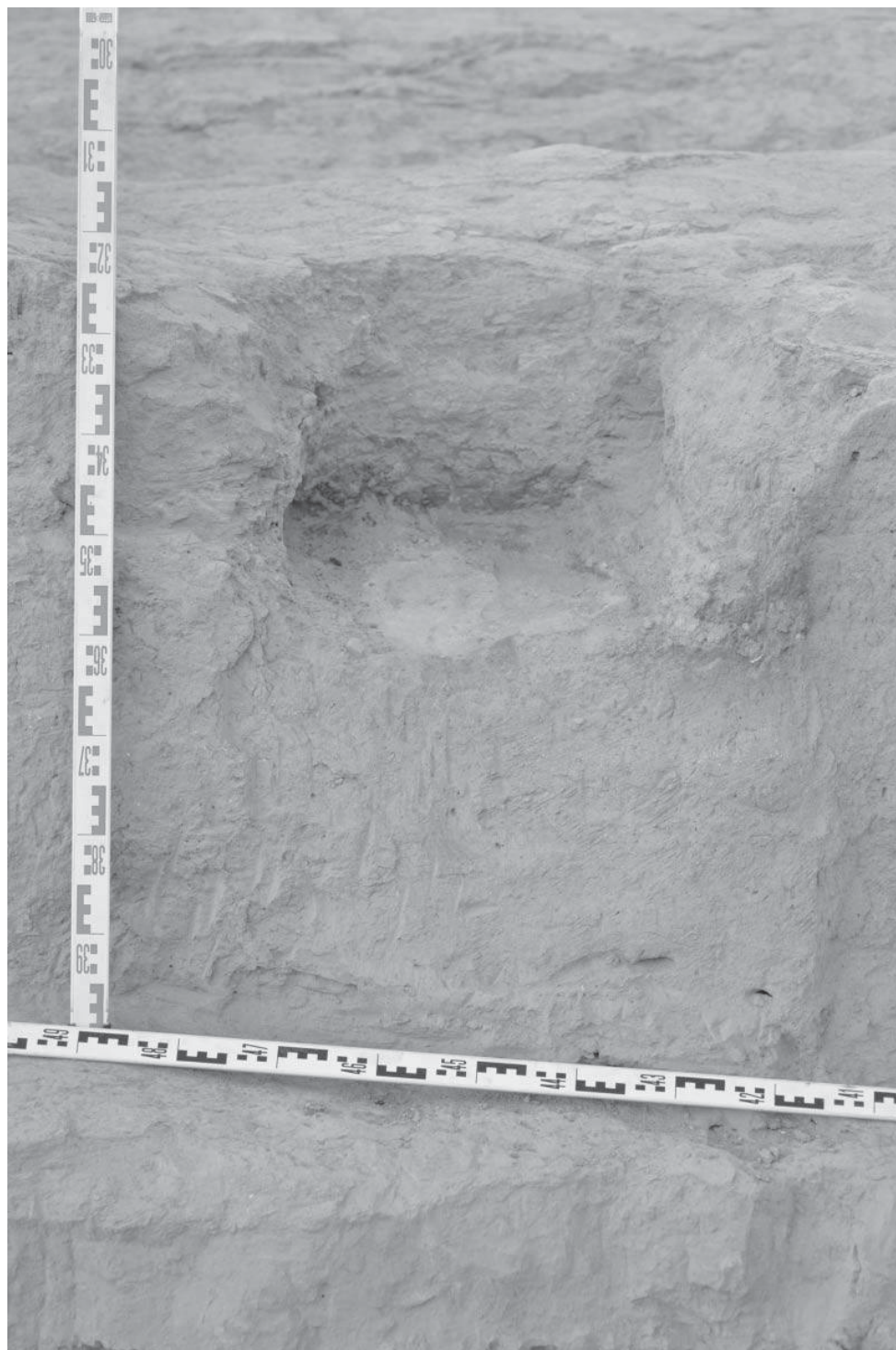

Рис. 8. Очаг в материковом борту второй террасной ступени

Рис. 9. Стена второго хронологического периода

Нижние слои площадки имели небольшой уклон к югу в сторону русла реки. Они содержали большое количество керамики.

Керамический комплекс (рис. 10). Обращает на себя внимание значительное число тарных сосудов, в частности кувшинов с ручками. Было зафиксировано более 60 отдельно взятых ручек. Этот факт хорошо согласуется с функциональным назначением пристани. В нижних слоях в комплексе был обнаружен целый миниатюрный горшковидный сосудик на плоском дне с невысоким горлом и простым чуть отогнутым наружу венчиком (рис. 10, 1). Такие тяжеловесные формы миниатюрных сосудиков хорошо известны по материалам могильников Бешкентской долины, в частности Тулхарского⁷. Кувшины с высоким горлом с утолщенным отогнутым наружу венчиком (рис. 10, 4) находят аналогии в материалах стратиграфического разреза на пристани в комплексе XI яруса, датируемого II–I в. до н.э.⁸ В этом же ярусе есть аналогии и толстостенным чашам с загнутым внутрь венчиком и рельефным линейным орнаментом непосредственно под венчиком снаружи (рис. 10, 7)⁹.

Индивидуальные находки. Нижние слои первой ступени террасы содержали более двух с половиной десятков дисковидных грузил с отверстием в центре, изготовленных из глины, без обжига (рис. 11, 10). Как правило, они имели диаметр до 8 см. Также здесь встречены пирамидальные грузила, как обожженные, так и не обожженные (рис. 11, 11, 12). Здесь были также обнаружены два каменных

⁷ Мандельштам 1966, табл. XVI, 12; табл. XVIII, 8.

⁸ Дудаков 2002, 23, рис. 3, 21.

⁹ Дудаков 2002, 23, рис. 3, 24.

у края материка 1 период

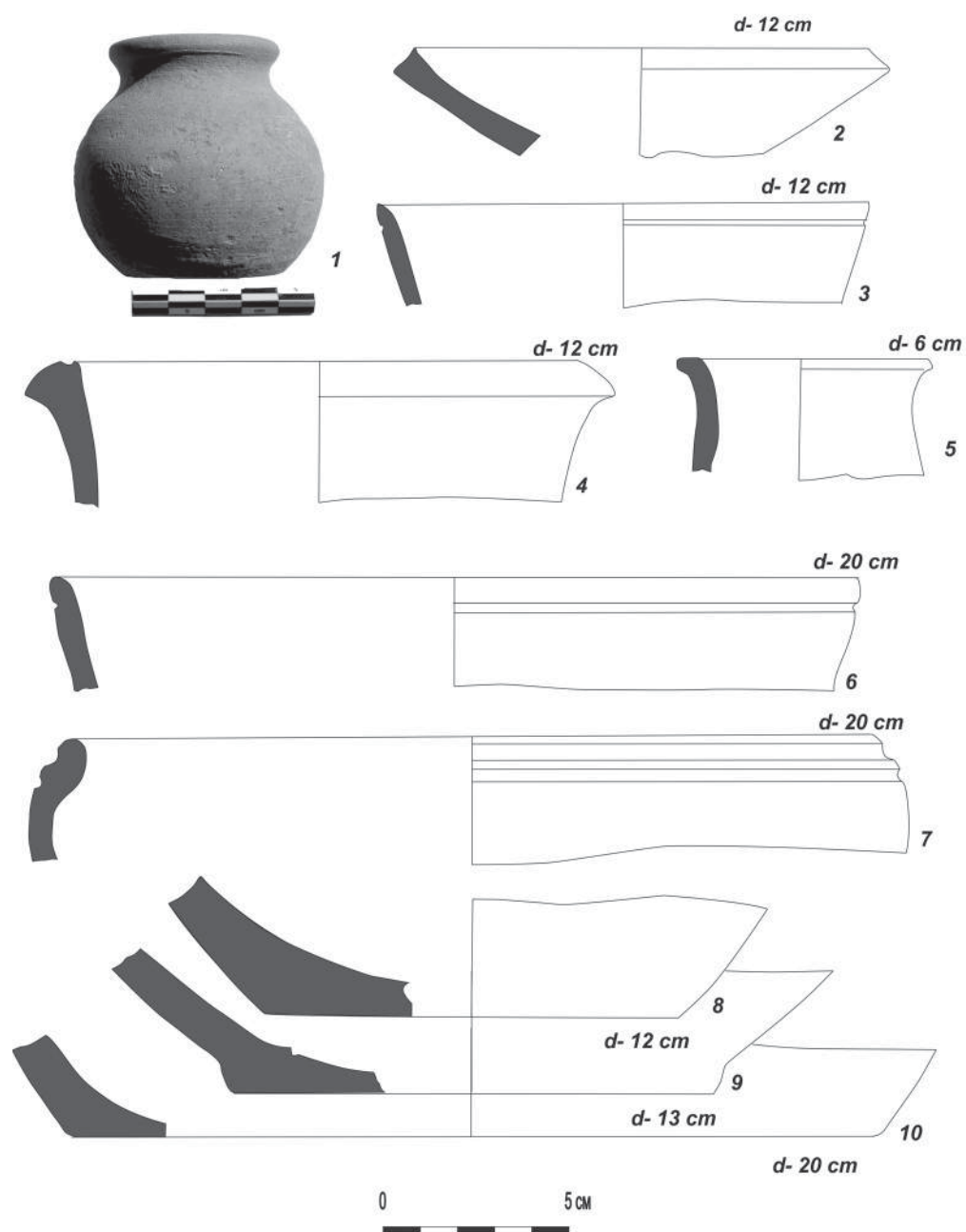

Рис. 10. Керамический комплекс первого хронологического периода

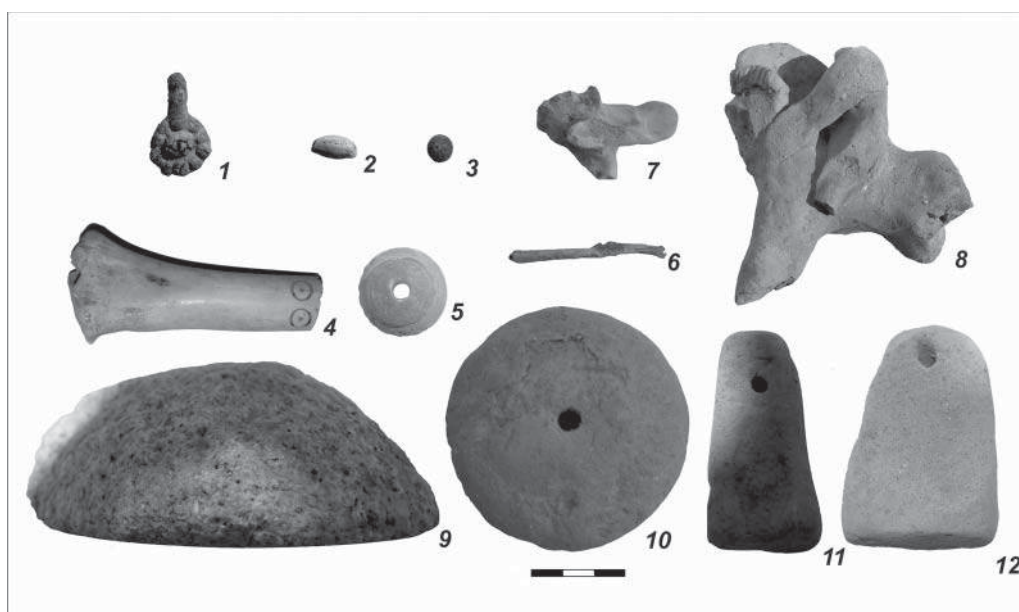

Рис. 11. Индивидуальные находки из восточного отсека второй террасной ступени

терочника с хорошо выделенными рабочими площадками и две крупные каменные зернотерки, овальные в плане и линзовидные в сечении (рис. 11, 9). Ядра для пращи представлены 6 экземплярами; за одним исключением, все они миниатюрных размеров – диаметром от 1,6 до 2,8 см.

Из ювелирных изделий встречена стеклянная бусина вытянутой биконической формы (рис. 11, 2). Следует также отметить терракотовую статуэтку всадника на лошади. Лошадка с коротким туловом высокой стоячей гривой, наlepным очельником в виде полосы с вертикальными рельефными насечками. Всадник с условными пропорция плотно посажен на спину, ноги приклеены к крупу, руки к шее лошадки. Статуэтка выполнена ручной лепкой в довольно грубом исполнении (рис. 11, 8).

Из необычных изделий хотелось бы отметить фрагмент керамических сопл и кусок металлического шлака¹⁰. Учитывая то, что ранее в материалах из стратиграфического разреза, заложенного на левом борту восточного оврага, были встречены металлические шлаки и крица¹¹, можно предполагать наличие на Кампыртепа или в непосредственной близости от крепости мастерской металлурга.

Кроме керамики и индивидуальных находок, нижние слои первой террасной ступени порта содержали большое число костей крупного скота¹².

Вторая террасная ступень вырублена в материке выше первой на 1 м, имеет то же направление – запад-восток, но на 7 м короче с восточной стороны. Длина ее

¹⁰ Подробно рассмотрение этих предметов представлено в статье Рузановой 2016 (в печати).

¹¹ Дудаков 2002, 21.

¹² Археозоологические материалы с крепости Кампыртепа рассмотрены в статье Двуреченская 2016 (в печати).

Рис. 12. Пещера. А – общий вид с востока с высоты останца; б – общий вид с юга на вход. Фото.

Рис. 13. Пещера. А – стратиграфия пещеры после пожара и закладки кирпичной забутовкой. Вид с востока; б – вход в пещеру и стратиграфия наслоений на первой террасной ступени, вид с запада. Фото.

более чем 15 м (в западной части еще в древности край холма был размыт рекой и обрушен). Край второй террасы подрублен таким образом, что образует прямой угол с площадкой первой террасы (рис. 7).

Пещера. На второй террасной ступени удалось обнаружить серию разноплановых конструкций. Так, на ее северо-восточном крае была выявлена вырубленная в склоне холма пещера. Вход в нее располагался с востока с уровня площадки первой террасы. Подъем оформлен ступеньками и пандусом. Ширина прохода 1,1 м, сохранился он на высоту до 1,33 м с южной стороны и на 1,5 м с северной стороны. Вход был, по всей видимости, оформлен округлым сводом. В целом же пещера имела вытянутую с востока на запад овальную в плане форму с ярко-выраженным сводчатым потолком высотой не менее 2 м. Общие размеры ее составляли не менее чем 4,5×2,2 м (рис. 7).

Характерно, что южная стенка пещеры толщиной от 0,3 м до 1 м сохранилась в высоту до 0,7 м, с внешней стороны имела вид материковой стенки из подрубленного холма. Изнутри стены пещеры следов штукатурки не сохранили, с определенного уровня они обгорели и прокалились в ходе сильного пожара и имеют характерный охристый цвет. Во время пожара пол был устлан слоем камыша и тростника; сгорев полностью, растения, тем не менее, сохранили структуру стеблей и узнаваемы. Поверх этого слоя рухнули материковые своды пещеры. После этого эксплуатация помещения была прекращена и никаких реконструкций не проводилось. Надо отметить, что пожар произошел в период, когда культурный слой на первой террасной ступени достигал уже более 0,8 м, а в самой пещере он был не менее 0,25 м (рис. 12). Характер залегания культурного слоя на первой ступени террасы ясно демонстрирует нам, что вне зависимости от нарастания, пещера постоянно использовалась, т.к. напротив входа в нее слои имеют характерный для улиц и проулков рисунок с прогибом в центре (рис. 13).

Керамический комплекс последнего этапа функционирования пещеры немногочислен. В северо-восточном углу на уровне завала стоял хум. Других индивидуальных находок обнаружено не было.

Пещеры, вырубленные в лессовых холмах коренного правого берега реки Амударьи, известны с раннеэллинистического времени. В частности, на Кампыртепа в 2004–2006 годах на краю оврага напротив цитадели был вскрыт террасный дом, одна из частей которого была вырублена в склоне материкового холма¹³. Это сооружение, круглое в плане, диаметром 2,2 в сечении, представляло собой толосовидную конструкцию высотой до 2,6 м. Использовалось в качестве хозяйственно-производственного, где изготавливались ядра для пращи, грузила, а также лепные сосуды хозяйственного назначения.

Однако хронологически к рассматриваемой нами пещерной конструкции ближе известный буддийский пещерный комплекс Кара-тепе, расположенный в 20 км вверх по течению реки Амударьи¹⁴, а также комплекс пещер Кара-Камар в 30 км к западу вниз по течению р. Амударьи¹⁵.

Характерно сводчатое округлое устройство потолка, хотя в пещерах Кара-Камара отмечаются и более горизонтальные потолки со скругленными углами.

¹³ Двуреченская 2011, 59–64.

¹⁴ Ставиский 1964.

¹⁵ Ртвеладзе, Аршавская, Шейко 1988, 24–26; Ртвеладзе 1990, 140–141.

Высота вырубленных помещений, как правило, колеблется в размерах от двух с небольшим метров до трех. В нашем же случае, так же как и в пещерах Кара-Камара, нет архитектурно определяющих признаков функций пещерных сооружений. Еще один интересный объединяющий момент – это отсутствие углубленности сооружений относительно дневной поверхности, т.е., в отличие от многих пещер Кара-тепа, сооружения не заглублены вниз, они идут только внутрь холма параллельно дневной поверхности.

К более позднему времени относится еще один комплекс из нескольких десятков пещер, вырубленных в крайнем правом берегу Амударьи в 100 км вверх по течению, в районе современного кишлака Айвадж Шаартузского района р. Таджикистан¹⁶.

Пещерное сооружение юго-восточного входного комплекса крепости Кампыртепа, судя по стратиграфии, было вырублено в первый же период постройки пристани. Учитывая характер индивидуальных находок, размещение хума у входа, наиболее вероятным представляется, что оно играло роль небольшой сторожки, отделенной от основного пространства порта и имеющей отдельный вход, где могли разместиться несколько воинов, обеспечивавших охрану порядка на пристани.

Восточный и западный отсеки (лавки). К югу от пещеры, пространство второй ступени имеет неправильную в плане форму, вытянуто с небольшим отклонением по оси запад-восток с максимальной длиной в 12,5 м и шириной от 2 м до 6,5 м к северу вглубь холма. С запада оно было ограничено краем раскопа и обрывом смытой части террасы (рис. 7).

Археологические раскопки позволили установить, что изначально пространство второй террасной ступени порта было поделено материковыми останцами-стенами на два отсека. Стены-перегородки сохранились в высоту до полуметра, они шли строго перпендикулярно южному краю уступа террасы. Какой изначально они были высоты, определить не представляется возможным, так же как определить, были ли они доложены сырцовым кирпичом: никаких следов последних не сохранилось. Возможно, это говорит в пользу использования легких конструкции под перекрытия, типа деревянных колонн.

Восточный отсек при ширине в 5 м имел небольшую глубину – до 2,5 м максимум¹⁷. Вдоль всей длинной стороны в материке вырублена ступенька, высота которой составила 0,3 м, а максимальная ширина до 0,8 м. На основной части отсека в северо-западном углу обнаружена овальная в плане яма размером 1х0,7 м, вырубленная в материке, небольшой глубины – до 0,25 м.

На этом участке интенсивно шла жизнь, с быстрым накоплением культурного слоя. Он представлял собой горизонтально залегающие слои рыхловатого или плотного суглинка с большим количеством продуктов горения, с прослойками золы, насыщенными карбонами, угольками, а также гумусными включениями, фрагментами печины, керамикой и индивидуальными находками. Прослеживается несколько уровней хорошо читаемых утопанных полов (рис. 7, 14).

Керамический комплекс включал в себя фрагменты сероглиняной столовой посуды (миски, чаши), а также колоколовидные бокалы (рис. 15). В материалах

¹⁶ Атаханов, Хмельницкий 1973, 187–204; Хмельницкий 2000, 250–254; Соловьев 2005.

¹⁷ Ранее этот участок был описан в статье Двуреченская 2013, 344–345.

Крепость Кампыртепа
Юго-восточный входной комплекс
Портовая часть. Разрез на второй
террасной ступени.

вид на стену-перегородку
второго строительного периода
на второй террасной ступени

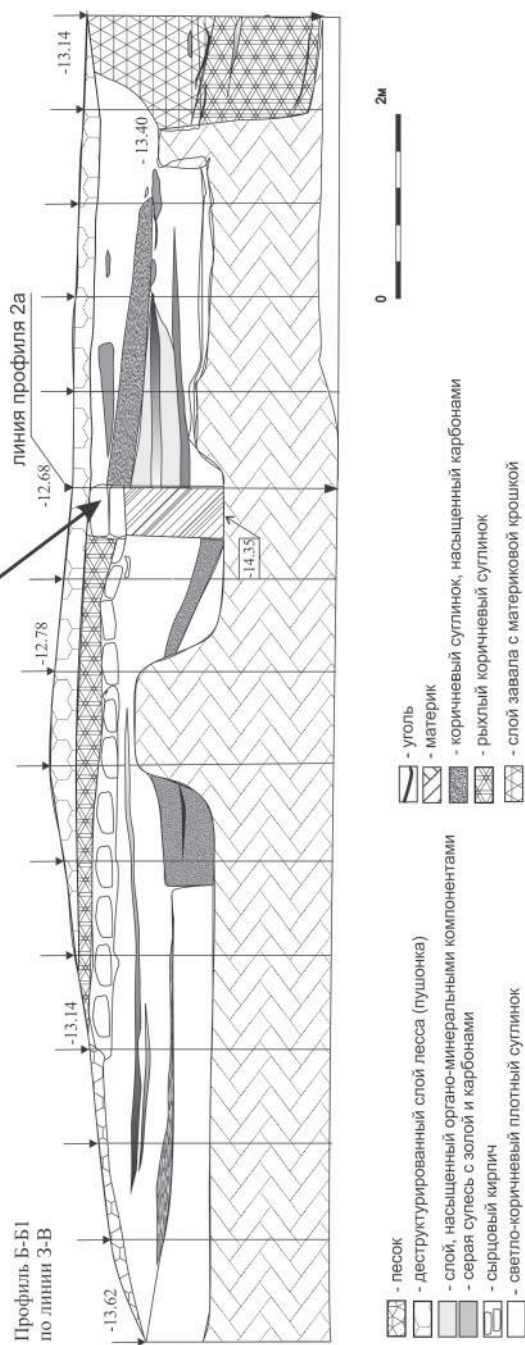

Рис. 14. Стратиграфический разрез Б-Б1. Чертеж

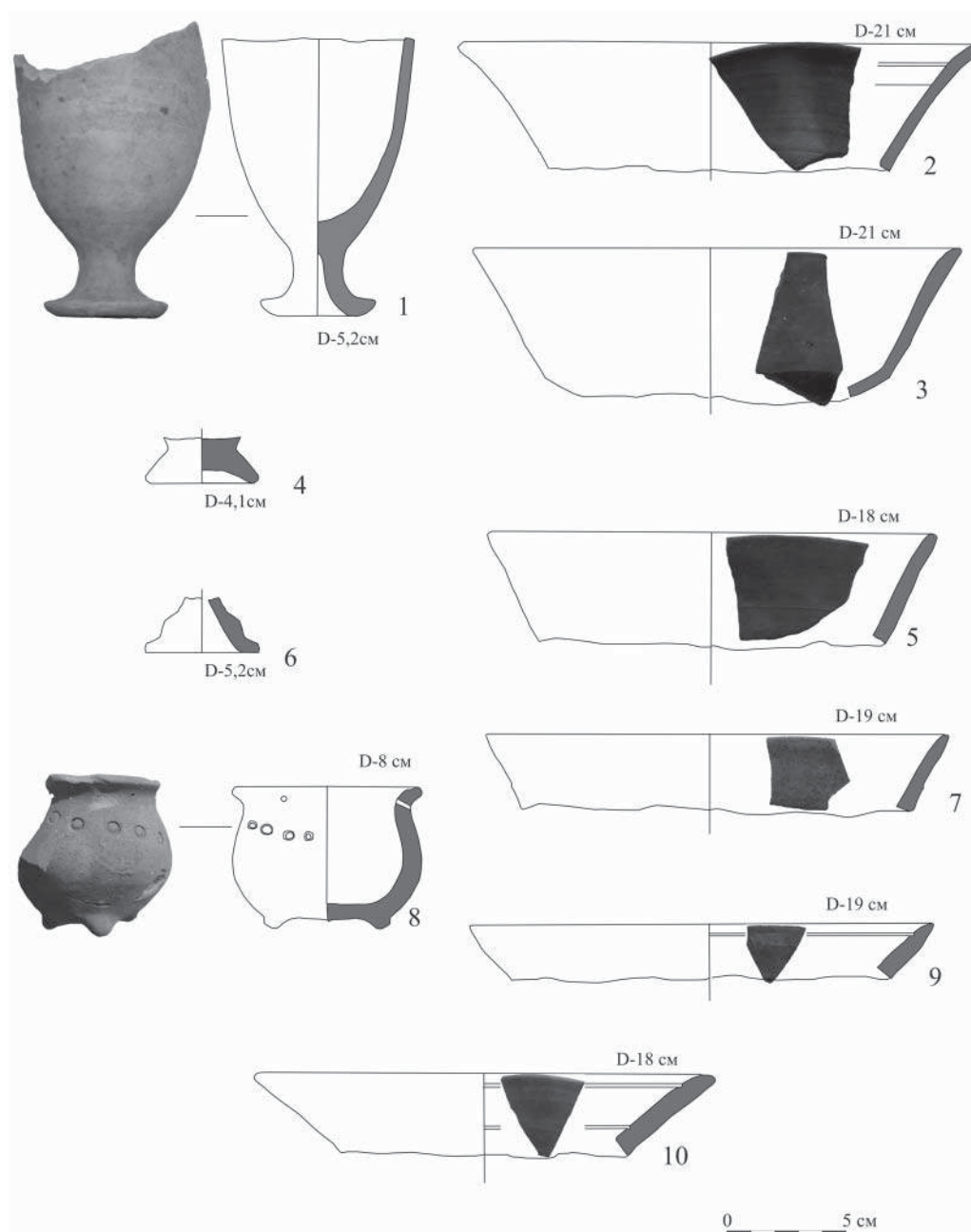

Рис. 15. Керамический комплекс первого хронологического периода с западного отсека второй террасной ступени пристани

Кампыртепа наиболее близкий керамический комплекс, в частности включающий сероглиняные миски и чаши, происходит из помещения 1 на западе цитадели, с уровня 3 и 4 полов¹⁸. Наиболее близкие аналогии бокалам с колоколовидным туловом мы находим в материалах погребально-культовых сооружений, расположенных к востоку от цитадели Кампыртепа¹⁹, а также в материалах Бабашовского могильника²⁰.

В слое было обнаружено несколько миниатюрных сосудиков. Наибольший интерес представляет горшочек на трех лепных ножках, украшенный орнаментальным пояском из ряда наколов пуансоном, а также с четырьмя сквозными отверстиями, расположенными под венчиком на равных расстояниях (рис. 15,8). Крупные и миниатюрные горшки на трех лепных ножках являются характерной формой сосудов в комплексах Тулхарского, Аруктаусского могильников. А.М. Мандельштам эти сосуды относит ко второй группе горшков с шаровидным туловом²¹.

Из индивидуальных находок можно отметить стопку грузил из необожженной глины. Всего их было 7; дисковидные по форме, средним диаметром около 7 см, вероятно, все они были нанизаны на веревку и потому сохранились в слое в вертикальном положении (рис.6). Отметим, что такие грузила – одна из наиболее массовых находок. Всего их обнаружено более полутора десятков, однако учитывая, что значительная часть сырцовых дисковидных грузил рассыпалась, скорее всего, их было не менее трех десятков. Интересно, что находки грузил с пристани принципиально отличны от дисковидных грузил с эллинистических сооружений Кампыртепа. Все они меньшего размера (в основном диаметром – 7,5 см и не более 9,5 см), почти без исключений имеют сквозное отверстие, размещенное в центре, тогда как у грузил раннеэллинистического времени отверстие одно или два, как правило, смещены в верхнюю часть.

Западный отсек на второй террасной ступени – более объемный, при той же ширине в 5 м имел глубину вреза в холм до 7 м. Однако первоначально, скорее всего, он был ограничен глубиной в 4 м и имел подпрямоугольные очертания. На материковом полу этой части была обнаружена медная монета – подражание драхме Гелиоклу с погрудным изображением правителя на лицевой стороне и шагающим влево конем – на оборотной²².

Таким образом, анализ керамического материала и индивидуальных находок как с площадки пристани первой террасы, так и с западного и восточного отсеков (лавок), расположенных на второй террасе, позволяют датировать первый хронологический период и I строительный горизонт синхронно с периодом возведения юго-восточной башни I в. до н. э. – I в. н. э.

Второй хронологический и строительный этап

На первой террасной ступени второй хронологический и строительный этап сопровождаются возведением мощной стены из сырцового кирпича, которая идет от угла второй террасной ступени перпендикулярно ей на юго-восток, отделяя

¹⁸ Восковский 2002, 16, рис. 6, 6; рис. 7, 1–4.

¹⁹ Ртвеладзе 2001, 74, рис. 11, 12.

²⁰ Мандельштам 1975, табл. XXI, 17; XXIII, 4.

²¹ Мандельштам 1966, 134, табл. XVI, 9–11, табл. XVII, 3–4; 1975, 46, табл. VI, 12–14; VII, 3, 4.

²² Двуреченская 2014, 345, рис. 20, 1.

восточную часть площадки пристани с выходом к правому борту устья оврага (рис. 7, 9).

Для возведения этой стены был совершен подруб культурного слоя, накопленного во дворе в кушано-юэчжийское время на высоту 1 м (рис. 6, 9). Таким образом, стена второго строительного горизонта была возведена выше пола кушано-юэчжийского времени на 0,2–0,5 м. Сложена она из сырцового кирпича форматом 32–34×32–34×8 см, имеет длину в 6,5 м, ширину до 2,1 м и сохранилась максимально на высоту до 1,3 м. Направление ее юго-восток – северо-запад, почти перпендикулярно линии второй ступени террасы. Стена кушанского периода отделяла участок нижней ступени террасы (площадки пристани кушано-юэчжийского времени) со стороны устья оврага. Неширокий, в 0,9 м, проход отделял ее от, по всей видимости, каких-то укреплений с южной стороны пристани, шедших по береговому краю и утраченных вследствие разрушительного действия реки. В связи с этим мы не можем говорить об исходной ширине первой ступени террасы, которая использовалась под площадку.

О речных наносах свидетельствует стратиграфия южного останца, где крупные массивы и линзы глины разной плотности и цвета, а также прослойки песка имеют несогласное залегание, т.е. располагаются под разными углами и в разных направлениях. Мощность таких, по всей видимости, динамичных образований составляет до 0,9 м. Выше них идут характерные горизонтально залегающие тонкие натечные глинистые прослойки, вероятно делювиального характера, мощностью до 0,6 м (рис. 16).

Рис. 16. Стратиграфия южного останца

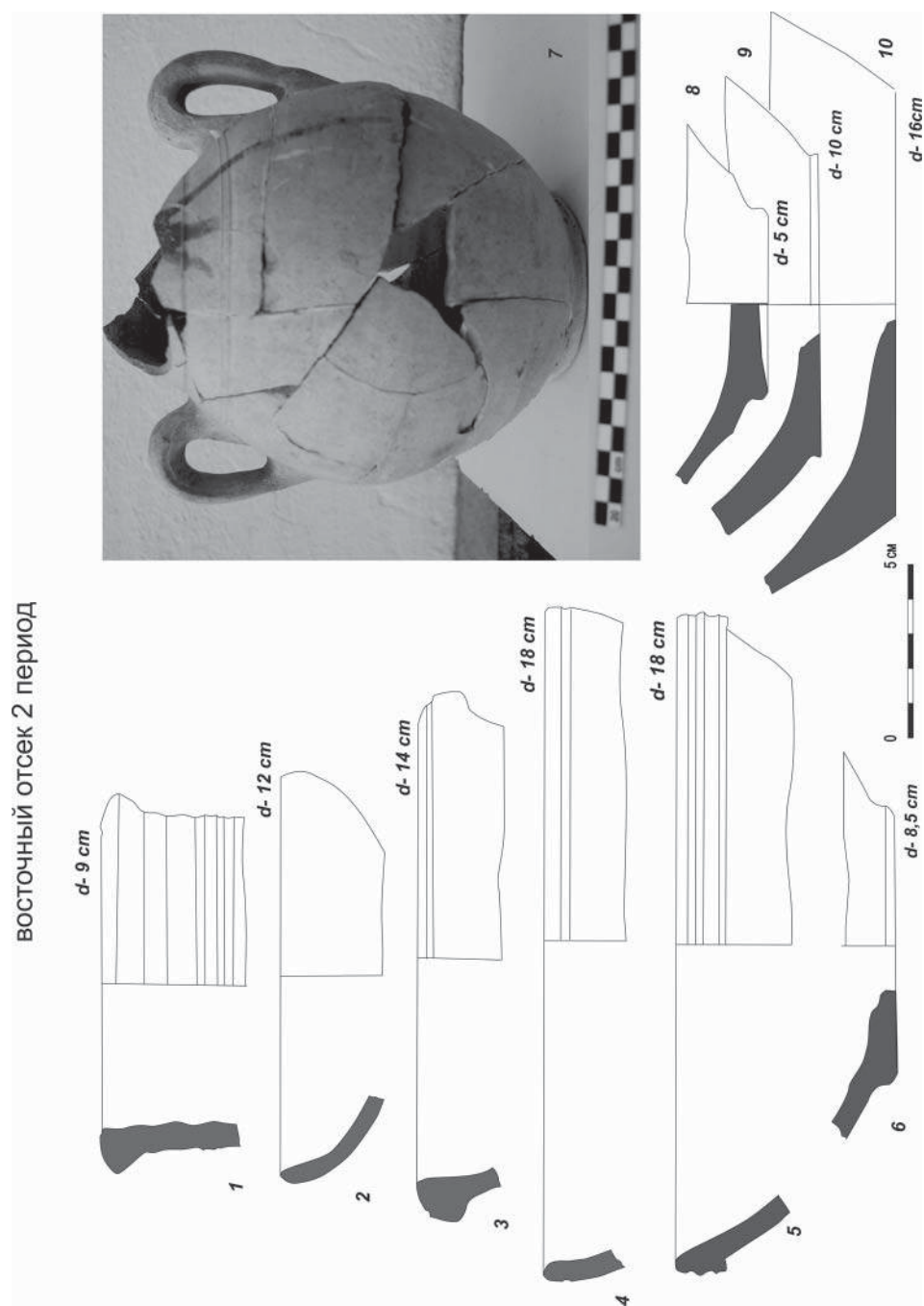

Рис. 17. Керамический комплекс второго хронологического периода с западного отсека второй террасной ступени пристани

Под толщей всех этих природных образований общей мощностью до 1,25 см сохранилось до 0,45 м культурного слоя площадки пристани, т.е. как раз того уровня, на котором возводится стена второго строительного горизонта (рис.7, 9).

Датировка второго хронологического периода и второго строительного горизонта основана, помимо стратиграфии, на богатом керамическом комплексе, а также на находке в слое у основания стены монеты Вимы Кадфиза и Канишки I.

При расчистке нижних слоев первой ступени террасы к востоку от кушанской стены из под нижнего ряда кирпичей, к сожалению, сразу выступил песок. Однако удалось установить, что нижний ряд кирпичей у северо-восточного угла стены выступает на 10 см, и далее постепенно сходит на нет, т.е. имеет иное направление (рис. 7). Это может говорить о том, что мы имеем остатки более ранней стены юэчжийского периода, которая шла несколько в ином направлении и сохранила лишь нижний ряд кирпичей. В пользу этого говорит также и разная стратиграфия нижних слоев с обеих сторон от стены.

На второй террасной ступени во втором хронологическом периоде и втором строительном горизонте происходит ряд перестроек.

Восточный отсек. Когда мощность культурного слоя на этом участке составила более 0,35–0,45 м, была произведена реконструкция с возведением новой стены – перегородки из сырцового кирпича, которая была смещена относительно первой материковой к востоку на 0,8 м. Мощность перегородки составила один кирпич, сохранилось всего 4 ряда на высоту 0,45 м, длина этой стены составила 2 м (рис. 7). Интересна такая деталь, что вновь возведенная стена примыкала не к материковому подрубу холма, а к сырцовому кирпичу, которым он был обложен, при этом в обкладке кирпич ставился на ребро. Характер культурного слоя несколько изменился: отсутствуют горелые прослойки и угольки, суглинок в основном плотный. Прослеживаемая ранее граница восточного края ступени террасы в виде материковой стеночки теперь сместилась, т.к. слои этапа перестройки вышли за ее границы (рис. 14).

Керамический комплекс, полученный с этого уровня, представлен формами, характерными для периода правления Канишки I (рис. 17). Ранее С.Б. Болелов выделил их на материалах жилого блока-квартала 10 крепости Кампыртепа²³.

Индивидуальные находки на рассматриваемом участке представлены фрагментом терракотовой статуэтки. Сохранилась лишь голова лошади с вытянутой мордой, сформованной защипом, с ярко выраженными удлиненными оттянутыми назад ушками. Сохранился также фрагмент стоячей гривы и хохолок (рис. 11, 7).

Западный отсек. Вероятно, ко второму строительному горизонту и второму хронологическому периоду может быть отнесена врезка вглубь холма на северо-западном углу отсека. Врезка имела подтреугольную в плане форму, обращенную вершиной к северу. На краях южной стороны зафиксированы две небольших и неглубоких подовальных в плане ямки, которые, возможно, предназначались для подпорных столбов (рис. 7).

В этой врезке стратиграфия культурного слоя представляет залегающие горизонтально и попеременно золистые прослойки с уголками и уплотненной глиной с прокалом. Мощность их составила 0,45 м (рис. 18). Характерно, что прокал затронул также материковые стенки врезки. Поверх указанных прослоек были уложены сырцовые кирпичи, на которых был установлен интересный объект в

²³ Болелов 2002, 41–66.

Рис. 18. Стратиграфия треугольной врезки с керамическими цилиндрами

Рис. 19. Керамический цилиндр. После расчистки

виде керамического цилиндра диаметром в полметра, высота которого сохранилась до 0,4 м. Изнутри цилиндр сильно прокалился, покрыт копотью и был заполнен чистой золой (рис. 19). Точно такая же конструкция с цилиндром была возведена здесь же чуть северо-западнее, когда от основания первого цилиндра мощность культурных слоев составила более 0,7 м, что говорит о долговременном использовании этого места под одни и те же цели.

Какие именно функции выполняли конструкции с цилиндрами, сказать однозначно сложно. Однако наиболее вероятным представляется использование их в качестве тандыров для выпечки хлеба (рис. 20).

Керамический комплекс. Верхние слои дали керамический комплекс с археологически целыми формами двух миниатюрных сосудов, чашечка с оттянутым наружу венчиком и плошка с закопченными изнутри стенками, которая играла роль светильника (рис. 21, 1,2). В комплексе можно отметить также высокую полую коническую с профилировкой ножку бокала (рис. 21, 3), аналогии которой наиболее близкие происходят из VI–XI ярусов стратиграфического разреза на пристани на восточном левом борту оврага²⁴. Два горшковидных сосуда (рис. 21, 4, 5) находят близкие аналогии в жилом комплексе В1. 10 периода Канишки I, описанном С.Б. Болеловым²⁵; здесь же встречаются и аналогии чаше с простым отогнутым венчиком (рис. 21, 7), а также более глубокой чаше с профилированными стенками (рис. 21, 6)²⁶.

²⁴ Дудаков 2002, рис. 2, 30; 3, 29.

²⁵ Болелов 2002, 48, рис. 5, 14, 15.

²⁶ Болелов 2002, рис. 5, 17, 19.

Рис. 20. Современные тандыры

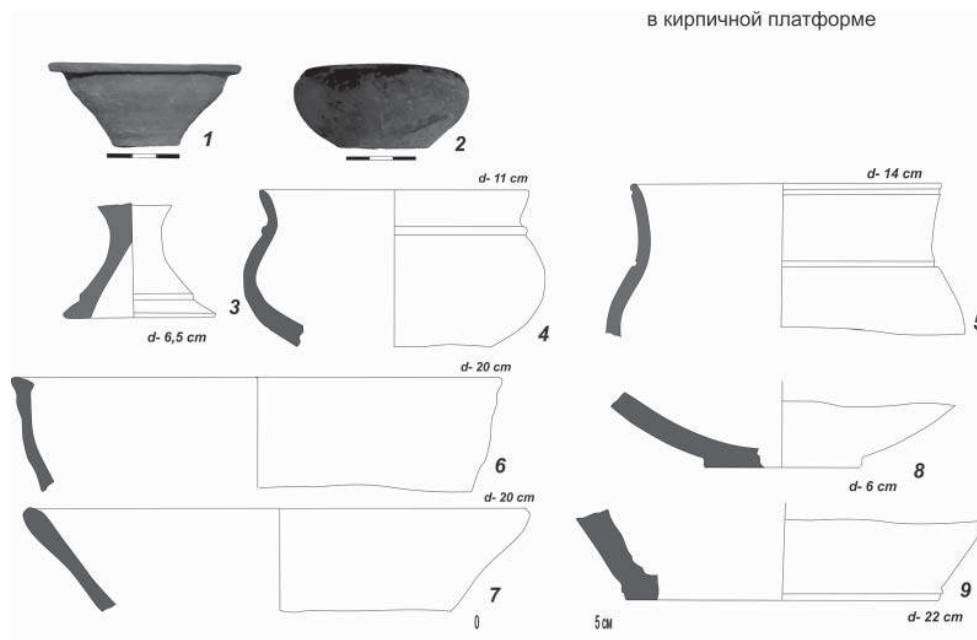

Рис. 21. Керамический комплекс второго хронологического периода с западного отсека второй террасной ступени пристани

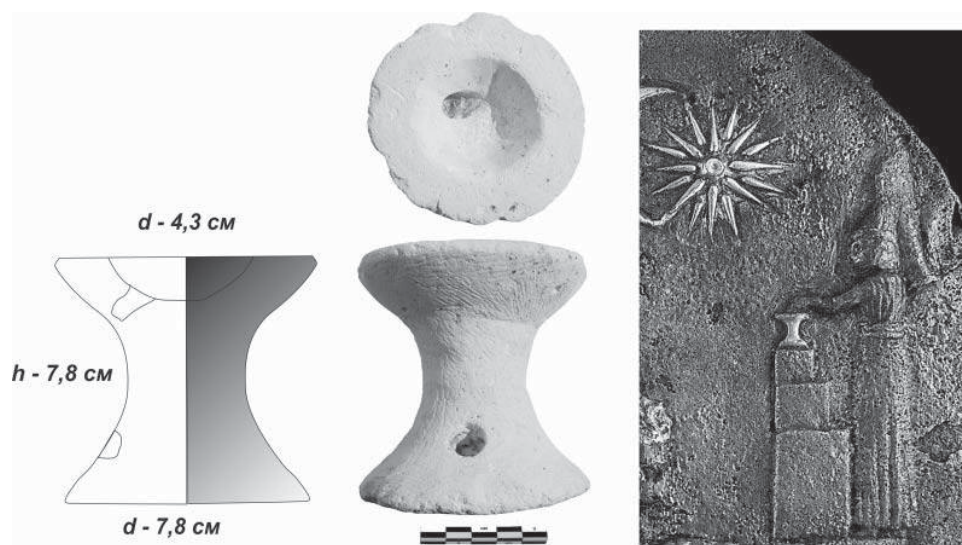

Рис. 22. Алтарик

Индивидуальные находки. К разряду уникальных находок можно отнести вырезанный из алебаstra алтарик (рис. 22). Он был обнаружен при разборе слоев в треугольной врезке с керамическими цилиндрами на верхнем позднем полу. Круглый в плане, в сечении имеет вид катушки биконической, с неглубоким округлым резервуаром на верхней площадке, $d - 4,3$ см, глубиной 1,6 см, на дне боковое углубление наискось, $d - 1$ см, с плоским дном подставки и округлым неглубоким отверстием на тулове у основания $d - 1$ см. Высота его 7,8 см, диаметр максимальный также 7,8 см.

Именно такая форма алтарика зафиксирована на известном серебряном диске из Ай-Ханума с изображением сцены Епифании Кибелы²⁷.

Помимо алтарика, в этом же комплексе были обнаружены фигурная бронзовая подвеска в виде круглой розетки, украшенной рельефными выпуклыми шарами по контуру и более крупным в центре, на вытянутом ушке (рис. 11, 1); пряслице из мраморовидного известняка, выточенное на токарном станке (рис. 11, 5); бусина шаровидная стеклянная. В нижних слоях западного отсека были обнаружены каменный терочник шаровидной формы с тремя рабочими площадками, костяная рукоятка (рис. 11, 4), вероятно, от ножа с орнаментом в виде двух кружков, и свинцовый стержень с петелькой на конце (рис. 11, 6), бусина шаровидная из аметиста (рис. 11, 3). На исследуемом участке встречены также две каменные зернотерки, овальные в плане и линзовидные в сечении.

К северу от треугольной врезки с керамическими цилиндрами на второй террасной ступени постепенно вместе с подъемом уровня культурного слоя происходили дополнительные врезки вглубь холма с целью увеличения полезного пространства для эксплуатации. Однако они производились без плана, и этим можно объяснить их хаотический характер, отсутствие симметрии (рис. 7).

²⁷ Francfort 1984, Pl. XLI; Литвинский 2010, 226–229.

Таким образом, археологические материалы позволяют второй хронологический период и второй строительный горизонт уверенно датировать концом I в. н. э. – первой третью II в. н. э., а именно временем правления от Сотер Мегаса до Канишки I (см. Приложение 1).

И, наконец, третий хронологический период и третий строительный горизонт на второй террасной ступени связаны с возведением мощной подпорной стены-платформы, трапециевидной в плане, при помощи которой был укреплен весь подрубленный при создании второй террасной ступени край холма.

В целях сохранения и консервации участка раскопа от разрушения склона холма выявленная подпорная стена была выбрана лишь частично (рис. 7).

Подпорная стена начинается в середине объема пещеры. Здесь в нижнем ряду на отметке –13.65 она сохранилась на ширину в пять кирпичей – 1,7 м и в высоту – 1,35 м, всего 10 рядов кирпича до отметки –12.33 (рис. 7, 12а, 13а). Далее стена идет вдоль и вплотную к верхней линии подруба материка, и мощность ее нарастает до 2,6 м в ширину и в высоту до 3 м (до отметки –10.08), общая протяженность с востока на запад достигает 10,5 м. В кладке используется кирпич форматом 31–32×31–32×10,5 см, отмечены экземпляры с нанесенными по сырой глине различными знаками (в виде двух глубоких пальцевых вмятин, вписанных в овал, двух параллельных полосок, идущих по диагонали кирпича, полуовал и др.).

Необходимо отметить высокое качество подпорной стены, которая целиком изготовлена из полноформатного кирпича, на глиняном растворе. Основной целью этой конструкции являлось предотвращение разрушения края подрубленного холма. Это, в свою очередь, указывает на важность сохранения площади, используемой в качестве двора входного комплекса у пристани. Решение по данной перестройке, вероятнее всего, принималось не отдельными частными лицами, а координировалось на уровне стратега крепости, т.к. одной стеной перекрывалось сразу несколько разделенных перегородами сооружений, что принципиально отличается от характера перестроек второго хронологического периода на примере западного отсека, в котором расширение площади велось хаотичными врубками в глубь холма на разных уровнях.

На первой террасной ступени в этот период культурный слой превысил уровень сохранившегося гребня раннекушанской стены (–13.79 м), отделявшей выход к оврагу, что хорошо фиксируется в стратиграфии разреза А-А1 (рис. 6). Пристань вновь функционирует как открытая площадка без каких-либо фортификационных сооружений.

Весь третий хронологический период может быть отнесен к последнему этапу жизни на крепости Кампыртепа – ко времени второй четверти II в. н. э.

* * *

Первооткрыватель крепости Кампыртепа Э.В. Ртвеладзе в своих исследованиях неоднократно отмечал, что через нее лежит наиболее короткий путь между столицами Согда и Бактрии. Подчеркивая географически удобные условия данного отрезка берега реки Амударья с разветвленной овражной сеткой, природными «цирками» и обширными террасными площадками для организации переправ, он обосновывает неслучайность расположения здесь на коротком 2-километровом

участке трех археологических памятников. Шортепа, Кампыртепа и Шуробкур-ган – поселения, жизнь которых связана с обслуживанием переправ с VI в. до н. э. по конец XIX века²⁸. Э.В. Ртвеладзе считает, что переправа через Окс войсками Александра Македонского происходила в районе Шортепа и у Кампыртепа, где в конце IV–III вв. уже располагалась мощная крепость²⁹.

Материалы, полученные Бактрийским Отрядом САЭ за последние 10 лет в ходе раскопок на восточном секторе «нижнего города» Кампыртепа, позволяют нам согласиться с мыслью Э.В. Ртвеладзе – в частности, об использовании под пристань удобного для переправы участка с обширной нижней лессовой террасой, расположенной к юго-востоку от основного ядра раннего Кампыртепа, с самого начала возникновения поселения.

Если ранее об этом косвенно свидетельствовали постройки на верхней террасе за восточным оврагом и за пределами крепости, в частности керамические печи эллинистического времени, то за последние годы раскопками Бактрийского отряда САЭ ИА РАН выявлены новые подтверждающие это факты. В первую очередь к ним относится вскрытое масштабное сооружение №36 (землянка-блиндаж)³⁰. Это сооружение относится к раннему этапу Кампыртепа, и начало его функционирования датируется по стратиграфии и археологическому комплексу, включающему богатый керамический материал, не позднее первой трети III в. до н. э. Расположено оно в восточном секторе «нижнего города» и идет по диагонали от «террасного дома» на западном крае блока-квартала V вплоть до месторасположения юго-восточного входного комплекса. Общая длина сооружения №36, вырубленного в материке, на сегодня составляет более 50 м. Восточный вход в сооружение № 36 был открыт в полевом сезоне 2014 года, располагается он по высоте на уровне между башней и нижней террасой пристани юго-восточного входного комплекса, на уровне отметки -10 м³¹. О непосредственной связи сооружения № 36 с пристанью свидетельствует в первую очередь расположение его восточного входа. На этом раннеэллинистическом этапе (не позднее первой половины III в. до н. э.) пристань могла использоваться без каких-либо перепланировок и построек, как была в своем исходном природном состоянии. На участке юго-восточного входного комплекса с пристанью неоднократно отмечались находки отдельных фрагментов эллинистической керамики в подъеме и в переотложенном состоянии.

Сведения о роли переправ в древности можно почерпнуть у Квинта Эппия Флавия Арриана. В труде «Поход Александра» переправам уделено более пятидесяти эпизодов, от простого упоминания до подробного описания организации и хода переправы на несколько страниц. И это не удивительно, т.к. Арриан был подготовлен к карьере военного-практика, он хорошо понимал значение переправ в военных компаниях и то, что от их успешности зачастую зависит исход сражения, и он учитывал это при составлении своего труда. Чем сложнее преграда, тем более развернуто и подробно представлено описание ее преодоления. Наибольшее внимание в труде Арриана уделено описанию переправ через крупнейшие реки

²⁸ Ртвеладзе 2000, 17; 2001, 5; 2002, 49, 52.

²⁹ Ртвеладзе 2009, 137.

³⁰ Двуреченская 2011, 64–74.

³¹ Итоговые материалы по завершению исследований сооружения №36 (на трех участках раскопов 2004–2015 гг.) планируется подготовить к печати в 2017 году.

Индии и Средней Азии. В силу разных характеристик преодолеваемых армией греко-македонян рек и способы переправ были разными, что отражало мастерство военных стратегов. В частности, переправа через Окс описывается, как одна из наиболее трудных (Ш. 29 (2–6)). Она заняла у войск Александра пять дней. В качестве средств переправы использовались шкуры, набитые сухой травой. В жестких условиях отсутствия судов, сожженных Бессом при его бегстве в Согдиану, а также леса, необходимого для постройки моста, это было единственное средство для многотысячной армии для преодоления более 6 стадий (свыше 1100 м) речной глади при быстром течении.

О правдоподобности этого эпизода красочно свидетельствуют аналогичные плавсредства, которые используются до сих пор для переправы через реки на территории от современного Ирана до Корокорума (фото итальянского альпиниста Карло Маури, сделанные во время похода на Карокорум в 1958 г., а также фото информационного агентства Ирана «Mehr» <http://en.mehrnews.com/>) (рис. 23).

Позднее, в I в. до н. э. – первой половине I в. н. э., на юго-восточном крае поселения строится входной комплекс с пристанью. В него входят расположенная на верхней террасе башня и спланированная под пристань двухуровневая площадка на нижней природной террасе с небольшим пещерным помещением, вырубленным в ней. Обе части, очевидно, были связаны друг с другом лестничным маршем или пандусом не менее чем в 8 м в высоту. К сожалению, место его возможного расположения обрушилось, по всей видимости, еще в древности в результате разрушительного действия реки Амударья.

Для строительства этого периода характерно комбинирование таких строительных приемов, как масштабная перепланировка рельефа, вырубка пещер, объемные вертикальные подрубы материка, которые использовались в качестве готовых стен, и возведение части построек из сырцового кирпича на глиняном растворе. На рубеже эр пристань работает в интенсивном режиме. Материалы археологических раскопок 2009–2012 годов показали, что в это время идет быстрое накопление культурного слоя на правом борту восточного оврага в рамках входного комплекса с пристанью³². Накопление культурного слоя отмечено также и на левом борту восточного оврага (данные стратиграфического разреза 2000–2002 гг. С. Дудакова). Оба борта у устья восточного оврага, который в древности был, по всей видимости, обводнен, производилась собственно разгрузка и погрузка прибывающих и отправляющихся судов.

На левом борту оврага, в частности на его верхней террасной площадке, по традиции размещались мастерские ремесленников. Если в эллинистическое время это были гончарные печи, то на рубеже эр в этом районе размещается, по всей видимости, мастерская металлурга – кузница. Анализ металлических изделий позволяет сделать вывод, что на Кампыртепа во II в. до н. э. – I в. н. э. осуществлялся полный цикл работ с железом – от выплавки его из руды до производства готовой продукции³³.

В археологическом комплексе этого времени характерны находки монет подражания Гелиоклу. Они зафиксированы в подъеме близ юго-восточной башни, на пристани на второй ступени искусственной террасы на полу западного отсека,

³² Двуреченская 2013.

³³ Рузанова 2016 (в печати).

а

б

Рис. 23. Этнографические примеры переправы на бурдюках
а – переправа альпинистов у каракорума (1958);
б – переправа в Иране (фото 2015 года инф. агентства «Мехр»

в переотложенном слое стратиграфического разреза на левом борту восточного оврага³⁴. Это чрезвычайно контрастирует с материалами остальных кварталов «нижнего города» крепости Кампыртепа. А.Н.Горин проанализировал нумизматические комплексы не менее чем из 38 помещений различных домовладений «нижнего города» Кампыртепа³⁵. Во многих из них присутствуют в разных сочетаниях монеты от Сотер Мегаса до Канишки I включительно, однако варварских подражаний Гелиоклу среди них не встречается.

В керамическом комплексе этого периода отмечается наличие повышенного процента керамики, изготовленной без доступа кислорода (серой), а также наличие характерных форм так называемого Бабашовского типа.

С начала строительства юго-восточного входного комплекса на пристани большое внимание было уделено безопасности участка. С мощной башни, возвышающейся над пристанью более чем на 10 м, можно было обозревать окрестности на несколько километров, в том числе русло реки вверх по течению. Однако этого оказалось недостаточно, и вскоре площадка пристани отгораживается мощной крепостной стеной с востока, образуя внутренний дворик с двумя уровнями (первая и вторая террасные ступени). С юга, по всей видимости, также была построена крепостная стена, которая, однако, не сохранилась (была смыта рекой). Вход осуществлялся через проход в юго-восточной части. На первой ступени во двореке располагались на краткое время вновь прибывшие и переправившиеся через реку люди, по всей видимости, оставаясь здесь до определения с местом дальнейшего расположения внутри крепости. За это время они могли воспользоваться услугами, расположенных на второй террасной ступени торговых лавок. Здесь пекли и продавали свежий хлеб, питьевую воду, вино, готовили мясо. Кроме того, после непростого мероприятия люди могли принести жертву своим богам, а также богу Окса в благодарность за благополучную переправу. В качестве примера распространенности этого обряда напомним сведения письменных источников о том, что за первую свою переправу с войском через Истр Александр Великий принес жертвы Зевсу-Спасителю, Гераклу и самому Истру за то, что он позволил ему переправиться (Arr. I, 4(5)).

После возведения крепостных стен на уровне первой ступени террасы пристани к востоку от них осталась небольшая открытая площадка (реконструируемая площадь ее составляла около 100 кв. м), выходящая собственно к краю правого борта оврага. С него осуществлялся подъем переправлявшихся через реку, вероятно, по лессовому пандусу или по несохранившимся деревянным конструкциям мостков. Порядок на этом участке за пределами крепостных стен пристани мог поддерживать небольшой пикет из 2–3 воинов. Для укрытия и отдыха они использовали пещеру, вырубленную в склоне холма, с входом, направленным в сторону оврага (рис. 24).

В правление Канишки I в начале II в. н.э. на Кампыртепа по единому плану производится строительство системы фортификационных укреплений, опоясывающих «нижний город» крепостной стеной с 11 башнями и застраивающий его кварталами-блоками, разделенными радиальными улицами. Юго-восточная башня входного комплекса вписывается в этот план. На нижней части юго-

³⁴ Дудаков 2002, 22.

³⁵ Горин 2009, 114, 117–120.

Рис. 24. Художественная реконструкция юго-восточного комплекса крепости Кампыртепа с пристанью (художник Вячеслав Ильев)

восточного входного комплекса производятся масштабные реконструкции. Заново перекладывается восточная крепостная стена, в основании которой были обнаружены монета предположительно Вимы Кадфиза и монета Канишки I. Площадь двора пристани вычищается от накопленного культурного слоя. На второй террасе возводится новая перегородка из сырцового кирпича между лавками. Западный отсек расширяется за счет треугольной врезки вглубь холма. Таким образом, внимание к фортификационной составляющей юго-восточного входного комплекса на крепость Кампыртепа и пристань сохраняется и в период наивысшего расцвета Кушанского государства.

Последний период функционирования пристани и входного комплекса можно датировать от второй четверти II в. н. э. до середины II в. н. э., и связан он с последним этапом жизни на памятнике. К этому времени культурные слои располагались уже выше уровня гребня крепостных стен. В пещере вследствие действия сильнейшего пожара был обрушен свод. В связи с этим угрозе обрушения подверглись и все сооружения, расположенные на второй террасной ступени к югу и западу от пещеры. В целях предотвращения этого было предпринято строительство мощной подпорной стены-платформы, возведенной из полноформатного качественного сырцового кирпича на глиняном растворе вдоль всего подрубленного края материкового холма (более 10 м). Эта стена полностью перекрывала восточный и западный отсеки (лавки). Таким образом, к концу своего существования входной комплекс утрачивает свои фортификационные функции на нижней террасе, так же как и инфраструктурные постройки в виде лавок и, по всей видимости, функционирует как двухуровневая открытая площадка.

Юго-восточный входной комплекс с пристанью играл важную роль в жизни крепости Кампыртепа. С момента возведения башни и построек на пристани можно отметить бдительное внимание к его военной защите, не ослабевающей на протяжении не менее полутора столетнего периода функционирования.

Однако не менее важно, что, помимо фортификационных задач, входной комплекс на нижней террасе решал самые насущные вполне мирные проблемы по первичному приему и обслуживанию прибывших людей вне рамок основной укрепленной части крепости, где они могли остановиться, передохнуть, поесть и совершить религиозные обряды в благодарность богам за благополучную переправу.

Благодаря полученным материалам из археологических раскопок пристани Кампыртепа мы имеем на сегодняшний день один из первых ярких образцов устройства, фортификации и инфраструктуры обслуживания речных переправ и пристаней на территории древней Бактрии.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаханов, Т.А. Хмельницкий, С.Г. 1973: О работе Шаартузского археологического отряда в 1968–1970 гг. *Археологические работы Таджикистана* 10, 187–204.
- Болелов, С.Б. 2009: Керамика эпохи Великих Кушан на территории Бактрии по материалам Кампыртепа (конец I – первая половина II в. н. э.). Традиции и инновации. Культура, история и археология Евразии. *ОС XXII*, 57–101.
- Болелов, С.Б. 2002: Керамический комплекс периода правления Канишки I на Кампыртепа. *МТЭ* 3, 41–66.
- Восковский, А. 2002: Стратиграфическое изучение помещения 1 цитадели Кампыртепа. *МТЭ* 3, 9–18.
- Горин, А.Н. 2009: Кушанский нумизматический комплекс Кампыртепа. Культура, история и археология Евразии. *ОС XXII*, 113–137.
- Двуреченская, Н.Д. 2011: Раннеэллинистический жилой комплекс бактрийской крепости Кампыртепа. *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. IV (дополнительный)*, 59–64.
- Двуреченская, Н.Д. 2013: Юго-восточный узел фортификации крепости Кампыртепа. *ПИФК* 2, 338–370.
- Двуреченская, С.О. 2016: Предварительные итоги изучения костных останков животных из раскопок на территории крепости Кампыртепа. *ПИФК* 2 (в печати).
- Дудаков, С. 2002: Раскопки пристани Кампыртепа. *МТЭ* 3, 19–25.
- Литвинский, Б.А. 2010: *Храм Окса* 3. М.
- Мандельштам, А.М. 1966: *Кочевники на пути в Индию*. МИА 136. М.
- Мандельштам, А.М. 1975: *Памятники кочевого населения кушанского времени в Северной Бактрии*. Л.
- Ртвеладзе, Э.В. 2002: *Александр Македонский в Бактрии и Согдиане*. Ташкент.
- Ртвеладзе, Э.В. 2009: Завоевание Александра Македонского и внедрение эллинско-македонской государственности. *История государственности Узбекистана* I, 132–142.
- Ртвеладзе, Э.В. 2001: Предисловие: Археологические исследования на Кампыртепа: цель и некоторые итоги. *МТЭ* 2, 3–4.
- Ртвеладзе, Э.В. 2000: Кампыртепа – структура. Периодизация в 2000 году. *МТЭ* 1, 5–18.
- Ртвеладзе, Э.В. 1990: Из недавних открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции в Северной Бактрии-Тохаристане. *ВДИ* 4, 135–145.

- Ртвеладзе, Э.В. Аршавская, З.А. Шейко, К.А. 1988: Пещерный комплекс Кара-Камар. *Архитектура и строительство в Узбекистане* 8, 24–26.
- Рузанова, С.А. Металлопроизводство на территории Северной Бактрии (результаты исследования материалов с крепости Кампыртепа). *ПИФК 2* (в печати).
- Соловьев, В.С. 2005: *У истоков археологии Таджикистана*. Елец.
- Ставиский, Б.Я. 1964: Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961–1962 гг. В кн.: *Кара-тепе – буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе*. М., 7–61.
- Хмельницкий, С.Г. 2000: *Между Кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв.* Берлин – Рига.

REFERENCES

- Atahanov, T.A. Khmelnitskiy, S.G. 1973: O rabote Shaartuzskogo arheologicheskogo otryada v 1968–1970 gg. *Arheologicheskie raboty Tadzhikistana* 10, 187–204.
- Bolelov, S.B. 2002: Keramicheskiy kompleks perioda pravleniya Kanishki I na Kampyrtepa. *Materialy Toharistanskoy ekspeditsii* 3, 41–66.
- Bolelov, S.B. 2009: Keramika epohi Velikih Kushan na territorii Baktrii po materialam Kampyrtepa (konets I – pervaya polovina II n.e.) Traditsii i innovatsii. Kul'tura, istoriya i arheologiya Evrazii. *Orientalia et Classica* XXII, 57–101.
- Dudakov, S. 2002: Raskopki pristany Kampyrtepa. *Materialy Toharistanskoy ekspeditsii* 3, 19–25.
- Dvurechenskaya, N.D. 2011: Ranneellinisticheskiy zhiloy kompleks baktriyskoy kreposty Kampyrtepa. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g.* IV (dopolnitel'niy), 59–64.
- Dvurechenskaya, N.D. 2013: Yugo–vostochniy uzel fortifikatsii kreposty Kampyrtepa. *Problemy istorii filologii, kul'tury* 2, 338–370.
- Dvurechenskaya, S.O. 2016: Predvaritel'nye itogi izucheniya kostnykh ostankov zhivotnykh iz raskopok na territorii kreposti Kampyrtepa. *Problemy istorii filologii, kul'tury* (v pechaty).
- Gorin, A.N. 2009: Kushanskiy numizmaticheskiy kompleks Kampyrtepa. Kul'tura, istoriya i arheologiya Evrazii. *Orientalia et Classica* XXI, 113–137.
- Hmelnitskiy, S.G. 2000: *Mezhdru Kushanami i arabami. Arhitektura Sredney Azii V–VIII vv.* Berlin–Riga.
- Litvinskiy, B.A. 2010: *Hram Oksa*, 3. Moscow.
- Mandel'shtam, A.M. 1975: *Pamaytniki kochevogo naseleniya kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii*. Leningrad.
- Rtveladze, E.V. 1990: Iz nedavniy otkrytiy Uzbekistanskoy iskusstvovedcheskoy ekspeditsii v Severnoy Baktrii–Toharistane. *Vestnik drevney istorii* 4, 135–145.
- Rtveladze, E.V. 2000: Predislovie. Arheologicheskie issledovaniya Kampyrtega: tsel' i nekotorye itogi. *Materialy Toharistanskoy ekspeditsii* 1, 3–4.
- Rtveladze, E.V. 2000: Kampyrtepa – struktura. Periodizatsiya v 2000 godu. *Materialy Toharistanskoy ekspeditsii* 1, 5–18.
- Rtveladze, E.V. 2002: *Alexandr Makedonskiy v Baktrii i Sogdiane*. Tashkent.
- Rtveladze, E.V. 2009: Zavoevanie Alexandra Makedonskogo i vnedrenie ellinsko–makedonskoy gosudarstvennosti. *Istoriya gosudarstvennosti Uzbekistana* I, 132–142.
- Rtveladze, E.V. Arshavskaya, Z.A., Sheyko, K.A. 1988: Peshchernyy kompleks Kara–kamar. *Arhitektura i stroitel'stvo v Uzbekistane* 8, 24–26.
- Ruzanova, S.A. Metalloprodukt na territorii Severnoy Baktrii (rezul'taty issledovaniya materialov s kreposty Kampyrtepa). *Problemy istorii filologii, kul'tury* (v pechaty).
- Solov'ev, V.S. 2005: *U istokov arheologii Tadzhikistana*. Elets.

- Staviskiy, B.Ya. 1964: Osnovnye itogi raskopok Kara-tepe v 1961–1962 gg. In: B. Staviskiy (eds.), *Kara-tepe – buddiyskiy peshchernyi monastyr v Starom Termeze*. Moscow.
- Voskovskiy, A. 2002: Stratigraficheskoe izuchenie pomeshcheniya 1 tsitadely Kampyrtepa. *Materialy Toharistanskoy ekspeditsii* 3, 9–18.

A SOUTH-EASTERN ENTRANCE COMPLEX AND A PIER IN THE FORTRESS KAMPYRTEPA

Nigora D. Dvurechenskaya

*Institute of Archeology RAS, Russia,
nigoradvur@mail.ru*

Abstract. In 2010–2012, a south-eastern entrance complex and a landing stage were discovered in the Bactrian fortress Kampyrtepa. A first sample of ancient infrastructure of the bridge across the Oxus (Amu Darya) was recovered. A pier had functioned from the foundation of the settlement Kampyrtepa in the first third of the 3rd century BC. In 2015 a new archaeological evidence was found. It is the entrance part of a large-scale Early Hellenistic construction No. 36 (a shelter) bordering with the territory of southeast pier. There were no other constructions in those times. The entrance complex of the fortress was build here in the 1st century BC – in the first half of the 1st century BC. It was composed of a tower situated on the top terrace and the two-level platform representing a pier on the lower natural terrace.

A courtyard was located at the first level of a terrace. Newcomers and people crossed the river stayed there for a short time. Most probably, they expected here an order on their further location in the fortress. Waiting people could visit shops located at the second level of the terrace to buy bread, water, wine and meat. Besides, after all adventures they could sacrifice to gods and the Deity of Oxus in gratitude for a safe crossing the river. We suppose that the order on pier could be maintained by a guard composed of two-three soldiers who took cover in a small cave in a hill slope. During the rule of Kanishka I in the beginning of the 2nd century AD “the lower city” of Kampyrtepa was surrounded with a wall and eleven towers. The southeast tower of an entrance complex was a part of this fortification. Large-scale reconstruction was made on the lower part of the entrance complex at this time. The southeast entrance complex was intensively used until the end of Kampyrtepa in the middle of the 2nd century AD.

Key words: Bactria, fortress Kampyrtepa, Hellenism, Early Kushans, landing stage

---

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ КРЕПОСТИ КАМПЫРТЕПА

С.О. Двуреченская

*Институт археологии РАН, Москва,
sima_d@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты археозоологических исследований материалов из бактрийской крепости Кампыртепа, датируемых от эллинистического времени до великокушанского (конец IV в. до н. э. – первая половина II в. н. э.). Основой для исследования послужили 1123 фрагментированных и целых кости позвоночных животных средней и хорошей сохранности, которые можно отнести к четырем временным периодам. Интерпретация исследованного материала позволила установить присутствие на территории памятника 14 видов животных. Характер фрагментации обнаруженных костей, а также наличие многочисленных прирезей, указывает на кухонное происхождение большинства остатков. Подавляющее количество найденных костей принадлежало домашним животным (9 видам). Домашние овцы составляли основу животноводства крепости, рост животных в холке варьировал от 56,1 – 62,2 см. Лошадь и крупный рогатый скот представлены в остатках в близком соотношении по минимальному количеству особей. Свиноводство в изучаемый период, по всей видимости, было развито слабо. В пищу употреблялась также птица – куры разных размеров. Охота в обеспечении кампыртепинцев мясными продуктами играла вторичную роль. Из промысловой фауны наиболее многочисленны остатки дикого кабана. Кроме того, она представлена костями бухарского оленя и единичным экземпляром джейрана. Нахождение костяных изделий, заготовок для них, костей со следами обработки позволили предположить присутствие на территории крепости в III в. до н. э. – II в. н. э. косторезной мастерской. По составу дикой фауны можно предположить, что окрестности городища были широкой подгорной равниной с большими участками тугайных зарослей.

Ключевые слова: Бактрия, крепость Кампыртепа, эллинизм, Кушаны, археозоология

С 2000 по 2015 гг. на территории крепости Кампыртепа в рамках Тохаристанской археологической экспедиции под общим руководством академика Э.В. Ртвеладзе велись археологические исследования на различных объектах памятника сотрудниками нескольких научных учреждений.

Благодаря работам Бактрийского отряда Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН (под руководством Н.Д. Двуреченской) были получены материалы с нескольких раннеэллинистических объектов с вос-

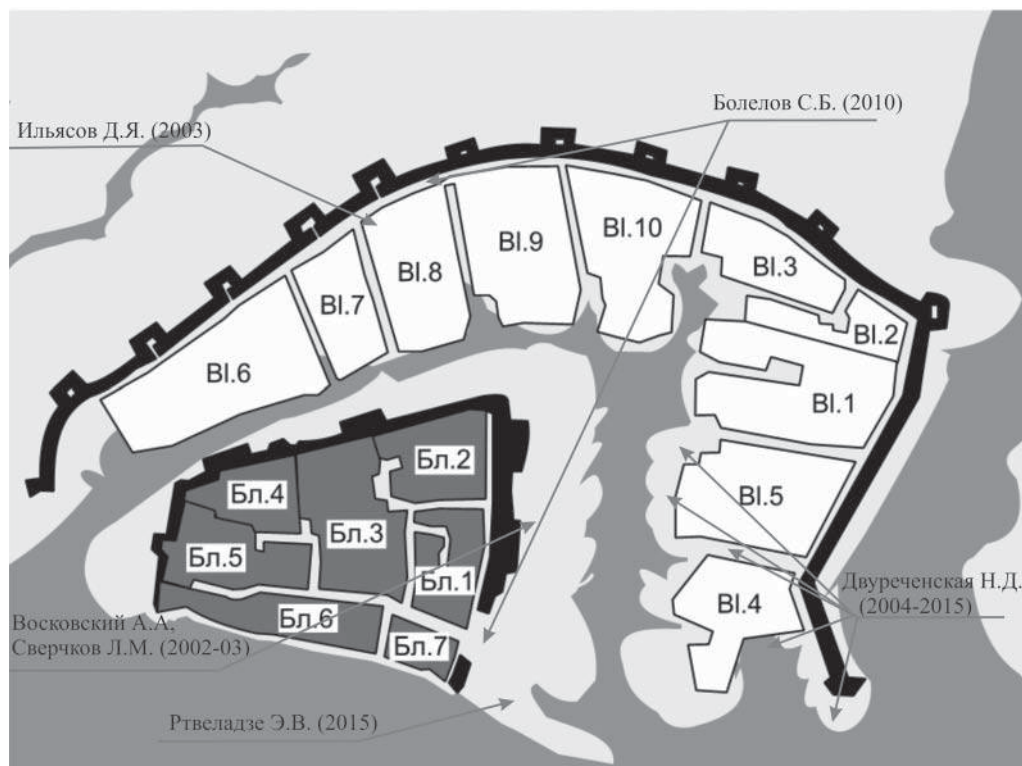

Двуреченская Серафима Олеговна – кандидат биологических наук. E-mail: sima_d@mail.ru.
Работа осуществлена при поддержке РГНФ. Грант № 13-31-01000.

точного сектора «нижнего города» (сооружение №36, террасный дом, хозяйственные ямы на западном краю террасы), а также материалы раннекушанского и кушанского времени с юго-восточного входного комплекса с пристанью¹.

Исследования отряда Государственного Музея Востока под руководством С.Б. Болелова дали комплекс материалов с эллинистических слоев юго-восточной части цитадели и с участка «нижнего города» в галереи у крепостной башни №6.

Значительный объем костных материалов был получен сотрудниками Института искусствоведения РУз. Так, А.А. Восковским и Л.М. Сверчковым была отобрана остеологическая коллекция из стратиграфического раскопа с раннеэллинистическими слоями, расположенного к востоку от цитадели. Д.Я. Ильясовым была получена выборка из помещения 1 жилого квартала блока 8 «нижнего города» кушанского времени. Также в работе были задействованы материалы академика Э.В. Ртвеладзе, полученные из раскопок предвратного сооружения, датируемые I в. до н.э. (рис. 1).

В результате проведенных работ был получен обширный остеологический материал, насчитывающий более двух с половиной тысяч экземпляров. Основной массив костных останков происходит из слоев последней трети IV в. до н.э. – середины II в. н.э.²

¹ Двуреченская 2006; 2011; 2013; 2016.

² Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность авторам раскопок за предоставленные для обработки и публикации материалы.

Материал и методика

После первичной обработки археозоологической коллекции, хранившейся в течение более 10 лет, для дальнейших исследований было отобрано 1123 фрагментированных и целых кости позвоночных животных средней и хорошей сохранности, который можно отнести к четырем временным периодам (табл. 1). В приведенной таблице указано общее количество останков каждого вида и минимальное число особей, которое рассчитывалось по методике Ш. Бекёне. Для определения таксономической принадлежности³, индивидуального возраста и размеров мы использовали руководства Громовой⁴, сравнительную остеологическую коллекцию Зоологического музея Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, а также ряд специализированных работ⁵ и современных видеокурсов по анатомии сельскохозяйственных животных. Замеры остеологического материала производились с помощью штангенциркуля с абсолютной точностью 0,1 мм, а также производилась фотосъемка каждого фрагмента со всех значимых сторон с применением масштабной линейки.

Результаты

Изучение имеющихся костных останков открывает возможность пополнить информацию о позвоночных животных, обитавших в Сурхандарьинской области во временной период последней трети IV в. до н.э. – середины II в. н.э., и дать представление об их облике. Изучение имеющегося материала открывает возможность получить представления о хозяйственной деятельности древних жителей крепости. Исследования материала показали, что определенные нами кости из раскопок Кампыртепа принадлежат 14 видам животных (табл. 1–5). Интересен тот факт, что в разные временные периоды складывалась разная картина в видовом соотношении как по количеству костных остатков, так и по минимальному количеству особей. Общим для всех периодов стало то, что подавляющее количество найденных костей принадлежало домашним животным, из которых большинство принадлежало мелкому рогатому скоту. Это обстоятельство служит свидетельством второстепенной роли охотничьего промысла в хозяйственной жизни кампыртепинцев. Предварительные результаты изучения остатков удобно обсудить в повидовых очерках.

Таблица 1

Количественно – видовой состав позвоночных из раскопок
крепости Кампыртепа

Вид	Периоды освоения крепости			
	Кон. IV в. до н.э. – сер. III в. до н.э.	III в. до н.э. – II в. до н.э.	I в. до н.э. – I в. н.э.	I в. н.э. – II в. н.э.
	Количество остатков /минимальное количество особей			
<i>Canis familiaris</i> (Собака)	7/1	1/1	1/1	5/2
<i>Sus scrofa ferus</i> (Дикий кабан)	68/5	2/1	1/1	

³ Громова 1950, 240.

⁴ Громова 1960, 117.

⁵ Клевезаль 2007, 283.

Вид	Периоды освоения крепости			
	Кон. IV в. до н.э. – сер. III в. до н.э.	III в. до н.э. – II в. до н.э.	I в. до н.э. – I в. н.э.	I в. н.э. – II в. н.э.
	Количество остатков /минимальное количество особей			
<i>Sus scrofa domestica</i> (Свинья)		27/7	6/1	9/3
<i>Equus caballus</i> (Лошадь)	19/4	239/17	63/3	36/2
<i>Equus hydruntinus</i> (Осел)	1/1	9/2		
<i>Bos Taurus</i> (КРС)	7/3	149/15	14/2	44/3
<i>Ovis aries</i> (Домашний баран)	37/5	135/24	78/5	49/4
<i>Capra hircus</i> (Домашняя коза)	35/2	25/2		3/1
<i>Gasella subgutturosa</i> (Джейран)		9/1		
<i>Camelus bactrianus domesticus</i> (Домашний двугорбый верблюд)	5/1	8/5		3/1
<i>Cervus elaphus bactrianus</i> (Бухар- ский олень)		14/3	1/1	
Вымерший вид		2/2		
Крыса		1/1		
Птицы		10/3		1/1
Всего	179/22	631/84	164/14	150/17

Мелкий рогатый скот, овца (*Ovis aries*) и коза (*Capra hircus*). Они представлены наибольшим количеством костных останков – 362 штуки (299 и 63 соответственно), а также минимальным количеством особей (38 и 5). Определение видовой принадлежности мы вели по наиболее диагностичным костям, в числе которых стержни рогов, метаподиальные кости и наиболее сохранившиеся фрагменты посткраниального скелета⁶. Полученное соотношение видов мелкого рогатого скота, географические условия обитания и хозяйственная целесообразность подтверждают преобладание овец над козами; это отмечают и другие авторы⁷.

Характер обнаруженных костей мелкого рогатого скота показывает, что сохранились почти все части скелета, но с высоким уровнем фрагментации, а также наличием многочисленных прирезей, что указывает на кухонное происхождение останков.

В числе обнаруженных остатков присутствуют черепа и костные основания рогов, дистальные отделы конечностей, что указывает на то, что разделка туш производилась на территории крепости.

Как среди овец, так и среди коз преобладают останки молодых особей в возрасте от года до двух лет, о чем можно судить по степени прорезывания зубов⁸. Сохранившиеся в целости 9 метаподий позволили нам рассчитать рост животных в холке от 56,1 до 62,2 см⁹.

Особый интерес представляют находки астрагалов (22 шт.) в переотложенном материке к западу от сооружения 36 (III–II вв. до н.э.), часть из них были отшлифованы, что может свидетельствовать о применении их в играх (ошик).

⁶ Громова 1953, 124.

⁷ Батыров 1990, 230.

⁸ Лесбр и др. 1932, 258.

⁹ Teichert 1975, 212–265.

К этому же периоду относится найденная нами отполированная плюсна овцы с кольцевым частичным пропилом диафиза (предположительно это изделие готовилось под ручку для какого-то инструмента), а также отполированный рог. Это может говорить о наличии косторезного промысла на территории крепости в этот период.

Лошадь (*Equus caballus*) представлена 356 костными фрагментами (25 особей). Останки найдены во всех временных периодах освоения крепости. В большинстве случаев они сильно разрушены, за исключением немногочисленных метаподий, а также многочисленных пяточных и таранных косей, фаланг пальцев. Это связано с использованием мяса животных в пищу.

По анализу сохранившихся одной плюсневой, одной пястной и двух лучевых костей, удалось установить конституционные характеристики их обладателей. Эти кости по всем параметрам принадлежали 4 разным взрослым особям. Три лошади должны быть отнесены к числу крайне тонконогих мелких (120–128 см в холке) особей и одной карликовой (112 см).

Особый интерес представляет хорошо сохранившийся череп 4-летнего жеребца. Согласно таблице в работе В.О. Витта¹⁰, жеребец относился к категории выше средних (рослой) и высота в холке составляла 136–144 см.

Более точно удалось определить возраст для одного 4-летнего жеребца, от которого сохранился фрагмент нижней челюсти. Также стоит отметить, что нами был найден хвостовой позвонок, который подвергся обработке, которая включала круговые пробои в эпифизах, круговой частичный пропил со шлифовкой. Эта находка, так же как и плюсна овцы, относится к периоду (III–II вв. до н.э.).

Крупный рогатый скот (*Bos Taurus*). Костные останки КРС на территории памятника сравнительно немногочисленны – 214 (23 особи). Практически все исследуемые кости были разрублены, с многочисленными следами прирезей, нанесенных при разделке туш. Большинство костных остатков принадлежат животным старше 2-2,5 лет, но есть остатки и молодых животных, даже телят. По сохранившемуся фрагменту левой ветви нижней челюсти был определен возраст ее обладателя – 12-15 месяцев. К сожалению, целыми сохранились только две пясти. Методом дискриминантного анализа с использованием эталонных выборок Цалкина¹¹ нам удалось определить половую принадлежность их обладателей. Обе пясти принадлежали коровам, высота в холке которых варьировала от 80 до 94 см. По имеющимся данным трудно определить породу, но можно сказать, что домашний бык из Кампыртепа был мелким, о чем свидетельствуют морфометрические признаки исследованных костей.

Дикий кабан (*Sus scrofa ferus*). Кабан представлен 71 костью, которая принадлежала минимум 7 особям. Наибольшее количество останков приходится из Блока V ямы № 9 из наиболее ранних слоев освоения крепости. Большая часть из сохранившихся элементов скелета предположительно относится к 3 особям. По сохранившимся черепам и фрагментам нижней челюсти удалось определить возраст пяти особей: три поросенка возрастом 3-5 месяцев, один поросенок 10 месяцев и одна взрослая особь 2-3 года (МЗ не прорезался). В двух других слу-

¹⁰ Витт 1952, 163–205.

¹¹ Цалкин 1965, 126.

чаях были отмечены костные остатки двух очень молодых особей, однако точный возраст определить по этим фрагментам не удалось.

Свинья домашняя (*Sus scrofa domestica*). Немногочисленные костные остатки (42 шт.) принадлежат 11 особям. По фрагменту нижней челюсти удалось определить возраст поросенка – 40 дней. Из-за сильной фрагментации и плохой сохранности более полную информацию о данном виде получить не удалось.

Двугорбый верблюд (*Camelus bactrianus domesticus*). Единичные кости двугорбого верблюда были найдены в трех периодах освоения крепости, за исключением I в. до н.э. – I в. н.э. что, вероятно, связано с малочисленностью общего количества исследуемых костей этого периода. Вид представлен в основном фалангами, метоподиями и одним фрагментом плечевой кости с сохранившимся дистальным эпифизом. Основная масса обломков костей является несомненно кухонными остатками, что объясняется сильной раздробленностью трубчатых костей.

Собака (*Canis familiaris*). Как и во многих среднеазиатских памятниках, кости собаки в крепости Кампыртепа встречаются в ограниченном количестве (14 шт.). Однако остатки этого животного были найдены во всех периодах освоения крепости. На самый ранний период приходится наибольшее количество костей и, что самое ценное, достаточно хорошей сохранности мезоцефальный череп взрослой особи. Также была обнаружена нижняя челюсть трехлетней собаки маленьких размеров. Лишенные повреждений длинные трубчатые кости конечностей указывает на то, что население Кампыртепа не употребляли мясо собак в пищу.

Бухарский олень (*Cervus elaphus bactrianus*). Кости оленя (15 шт.) представлены фрагментами посткраниального скелета и обломками рогов и принадлежали 4 особям. Костные остатки оленя относятся к периоду III в. до н.э. – I в. н.э.

Осел (*Equus hydruntinus*). Немногочисленные разрозненные кости осла (10 шт.), принадлежавшие трем особям, были найдены только в двух наиболее ранних периодах освоения крепости – конец IV–II вв. до н.э.

Джейран (*Gasella subgutturosa*). Кости джейрана были обнаружены в раскопе, относящемся к периоду III–II вв. до н.э. и принадлежали, по-видимому, одной особи. Джейраны и по сей день встречаются в горах Сурхандарьинской области. О нахождении костных останков этого вида в слоях памятников раннего железного века сообщает Н.М. Ермолова¹².

Крыса. Фрагмент нижней челюсти, зубы на которой были среднестерты, вероятно, принадлежал пластинчатозубой крысе (*Nesokia indica*). Этот вид известен как опасный вредитель. Поедает и портит пшеницу, пищевые продукты и фуражные корма, а роющая деятельность может привести к разрушению глинобитных хозяйственных построек.

На территории памятника также были обнаружены немногочисленные костные остатки птиц (11 шт.). Большинство из них принадлежало домашней курице (*Gallus gallus domestica*); по-видимому, размеры данного вида сильно варьировались.

¹² Ермолова 1987, 99.

Заключение

В результате раскопок на территории крепости Кампыртепа был получен и изучен значительный археозоологический материал. Исследование материала позволило сделать ряд предварительных выводов и охарактеризовать особенности фаунистической коллекции, свойственной культурным наслоениям крепости Кампыртепа. Закономерен тот факт, что среди костных остатков преобладают домашние животные: нами выявлено присутствие 9 видов. Овцы несомненно составляли основу животноводства крепости. Лошадь и крупный рогатый скот представлены в остатках в близком соотношении по минимальному количеству особей. Свиноводство в изучаемый период, по всей видимости, было развито слабо. В пищу употреблялась также птица – куры разных размеров. Охота в обеспечении кампыртепинцев мясными продуктами играла вторичную роль. Из промысловой фауны наиболее многочисленны остатки дикого кабана. Кроме того, она представлена бухарским оленем и единичным экземпляром джейрана. К периоду III в. до н. э. – II в. до н. э. относится находка двух фрагментов черепа с рогами, которые предположительно принадлежали двум особям вымершего вида плейстоценового оленя. Несколько найденных экземпляров отшлифованных костных останков с орнаментами указывает на то, что в III в. до н. э. – II в. до н. э. на территории крепости присутствовала косторезная мастерская. По составу дикой фауны можно характеризовать географические условия окрестностей крепости Кампыртепа. Так как здесь в основном встречаются обитатели полупустыни – джейран; тугайных зарослей – бухарский олень и дикий кабан, то можно предположить, что окрестности крепости были широкой подгорной равниной с большими участками тугайных зарослей.

ЛИТЕРАТУРА

- Батыров, А.Р. 1990: Фаунистические остатки млекопитающих поселения Джаркутан. *ИМКУ* 24, 228–235.
- Витт, В.О. 1952: Лошади Пазырыкских курганов. *СА* 16, 163–205.
- Громова, В.И. 1950: Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. *Труды Комиссии по изучению четвертичного периода*. Вып. 1. Т. 9. М. –Л.
- Громова, В.И. 1953: Osteологические отличия родов *Capra* козлы и *Ovis* бараны. *Труды Комиссии по изучению четвертичного периода*. Вып. 1. Т. 10. М. –Л.
- Громова, В.И. 1960: Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. *Труды Комиссии по изучению четвертичного периода*. Вып. 2. Т. 16. М. –Л.
- Ермолова, Н.М. 1987: Костные остатки из памятников раннего железного века Южного Узбекистана. В кн.: *Усадьбы Древней Бактрии*, 99–100.
- Клевезаль, Г.А. 2007: *Принципы и методы определения возраста млекопитающих*. М.
- Лесбр, Ф.К. 1932: *Распознавание возраста по зубам и производным эпителия: Лошади, коровы, собаки...*. М.
- Цалкин, В.И. 1960: Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности. *БМОИП* 65, 100–126.
- Teichert, M. 1975: Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhöhe bei Schaffen. In: *Archaeozoological Studies*, 212–265. Amsterdam.

- Batyrov, A.R. 1990: Faunisticheskie ostatki mlekopitayushchikh poseleniya Djarcutan. *Istoriya material'noi kul'tury Uzbekistana* 24, 228–235.
- Calkin, V.I. 1960: Izmenchivost' metapodiy I eye znachenie dlya izycheniya krupnogo rogatogo skota drevnosti. *Bull. Soc. Imp. Nat. Mosc* 65, 100–126.
- Ermolova, N.M. 1987: Kostnye ostatki iz pamyatnikov rannego zheleznogo veka Yuzhnogo Uzbekistana. In: *Usad'ba Drevney Baktrii*, 99–100.
- Gromova, V.I. 1950: Opredelitel' mlekopitayushchikh USSR po kostyam skeleta. *Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*. Ussue I. Vol. 9. Moscow.
- Gromova, V.I. 1953: Osteologicheskiye otlichiya rodov Capra кокозлы и Ovis barany. *Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*. Ussue I. Vol. 1. Moscow.
- Gromova, V.I. 1960: Opredelitel' mlekopitayushchikh USSR po kostyam skeleta. *Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*. Ussue II. Vol. 16. Moscow.
- Klevezal', G. A. 2007: *Principy i metody opredeleniya vozrasta mlekopitayushchikh*. Moscow.
- Lesbr, F.K. 1932: *Raspoznavanie vozrasta po zubam I proizvodnym epiteliya: Loshadi, korovy, sobaki...* Moscow.
- Teichert, M. 1975: Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhohe bei Schaffen. In: *Archaeozoological Studies*, 212–265. Amsterdam.
- Vitt, V.O. 1952: Loshadi Pazyrykskikh kyrganov. *Sovetskaya Arkheologiya* 16, 163–205.

A STUDY OF ANIMAL BONE REMAINS FROM EXCAVATIONS AT KAMPYRTEPA FORTRESS: PRELIMINARY RESULTS

Serafima O. Dvurechenskaya

*Institute of Archeology RAS, Russia,
sima_d@mail.ru*

Abstract. The article deals with preliminary results of a study of the archaeozoological material excavated in the Bactrian fortress Kampyrtepa. It is dated from the Hellenism to the Great Kushan Period (from the end of the 4th century BC to the first half of the 2nd century AD). Totally 1123 fragments and intact bones of vertebrates of the middle and fine condition belong to four chronological periods. The analysis of materials allows author to assume the presence of 14 animal species on the territory of the site. The character of fragmented bones and the presence of numerous cuttings prove the kitchen origin of most remains. The overwhelming majority of bones belong to domestic animals (9 species). A domestic sheep formed a basis of the fortress animal farming; her height varied from 56 to 62 cm. Horses and the cattle are presented by a minimal number of individuals. The pig breeding was most likely weakly developed during the investigated period. The poultry including hens was also a food sector. The hunting played a minor role in terms of supplying inhabitants with meat. Bones of a wild boar are most abundant among the hunting fauna. Remains of a Bokhara deer and Persian gazelle are also found. The presence of bone goods, work pieces, bones with the tool traces allowed author to assume the presence of a bone-carving workshop existed in the fortress during the 3rd century BC – the 2nd century BC. Analyzing the wild fauna, the author supposes that the surrounding territory of the ancient settlement was to be a wide foothill plain covered with tugay tangles.

Key words: Bactria, Kampyrtepa Fortress, Hellenism, Kushan, zooarcheology

ИМЯ «МАСИСТ» В ИСТОРИИ АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Э.В. Рунг*, В.П. Орлов**

* Казанский федеральный университет, Казань,

Eduard_Rung@mail.ru

** Казанский федеральный университет, Казань,

777warlock777@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются древнегреческие сюжеты о персах Масистре, Масистии и Масисте, которые восходят к ахеменидским источникам и связаны с применением по отношению к ним среди древних персов прилагательного *maθišta*, переводимого как «величайший», но в некоторых специфических случаях означающего военачальника или особо приближенного к царю. Предполагается, что при изложении соответствующих сюжетов античные авторы могли передавать не имена, но статус или должность, найденную ими при обращении к персидской традиции (хотя, нельзя совсем исключить возможность и того, что они могли ссылаться и на персов, носивших ЛИ, производные от *maθišta*). В случае же идентификации геродотовского Масисты и Ариамена, упоминаемого другими авторами, предположение о трансформации древнеперсидского термина в ЛИ получает дополнительное обоснование. Подобные метаморфозы могут объясняться тем, что в условиях различающейся социокультурной и лингвистической среды (в ходе греко-персидских коммуникаций) передача информации от одного источника к другому могла претерпевать искажения, и порой даже существенные.

Ключевые слова: Масист, Ахемениды, Дарий I, Ксеркс I, *maθišta*

Среди личных имен, известных из истории Ахеменидской империи, большинство являются «говорящими», т.е. являются производными или композитами от тех или иных слов, пришедших из древнеперсидского или мидийского языков¹. Однако поскольку основными письменными источниками по истории древней Персии являются произведения античных авторов, то таковые иранские ЛИ сохранились, помимо прочего, и в греческом варианте.

В данной статье будет уделено внимание нескольким таким именам, восходящим к иранской основе, но известным по произведениям античных авторов:

Рунг Эдуард Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета. E-mail: Eduard_Rung@mail.ru

Орлов Василий Павлович – аспирант кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета. E-mail: 777warlock777@rambler.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-01-00297 «Неофициальные имена и прозвища государственных деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен».

¹ О древнеперсидской ономастике: Justi 1895; Mayerhofer 1979; Schmitt 2011.

Масистр (Aesch. Pers. 30, 971), Масистий (Hdt. VII. 79; IX. 20, 22, 24–25, 31; Plut. Arist. 14; Paus. I. 27. 1) и Масист (Hdt. VII. 82, 121; IX. 107–108, 110–113). В историографии общепринято мнение, что эти имена связаны с древнеперсидским словом *maθišta*, которое переводится как «величайший» (мидийское слово *Masišta, суперлатив от **Masa-* – «великий», «большой»)².

В связи с этими именами, однако, возникают следующие вопросы: являются ли они передачей соответствующего древнеперсидского имени / имен, выражают качественную характеристику человека или же означают должность или титул упоминаемого лица. Для ответа на эти вопросы обратимся к семантике слова *maθišta*, значение которого напрямую зависит от контекста.

В древнеперсидских текстах в своем первоначальном значении слово *maθišta* употребляется применительно к Ахурамазде, обычно в выражении: «Великий Ахурамазда, величайший из богов» (*Auramazdā vazraka hya maθišta bagānām*) (DPd. 1–2; DPh. 9–10; DSf. 8–9; DSp. 1; DH. 6–8; XE. 1–2; A2Hc.1–2)³. Однако в контексте, описанном в Бехистунской надписи Дария I, термин *maθišta* приобретает иное значение – «глава / вождь», причем с явной военной коннотацией (DB. II. 13, 20, 24, 83; III. 12, 31, 57, 70, 85; V. 6, 8, 12, 27)⁴.

Как *maθišta* в Бехистунской надписи впервые обозначается некто Мартия, который поднял восстание против Дария I в Эламе (II. 13). Он объявил себя царем (*xšāyaθiya*), но был вскоре убит самими эламитами, которые устремились гнева Дария. Помимо эламитянина Мартии, *maθišta* являются и другие мятежники: маргианец Фрада, поднявший восстание в Маргиане (II. 12), некий человек, возглавивший войско мятежного перса Вахъяздаты (III. 70), и эламитянин Атамаита (V. 6). Чаще же всего в качестве *maθišta* в тексте обозначаются сподвижники Дария, которые отправляются подавлять восстания в тех или иных областях. Так, *maθišta* являются персы Видарна (II. 20), Артавардия (III. 31), Вивана (III. 57), Виндафарна (III. 85), Гобрий (V. 8), мидиец Тахмаспада (II. 83) и не названный по имени человек, которого Дарий поставил править землями скифов (V. 27). При этом этих людей, за исключением правителя Скифии, Дарий называет «своими рабами» (*manā bandaka*)⁵.

² Kent 1950, 201–202; Tavernier 2007, 242; Schmitt 2014, 213–214.

³ Здесь и далее ссылки на древнеперсидские надписи даются по изданию: Kent 1950.

⁴ Рунг 2014, 374–375; Rung 2015, 337–338. В эламской версии Бехистунской надписи в значении военачальника используется слово *irsara* (DB. I. 25), которое является точным эквивалентом *maθišta* по своему первоначальному значению (также переводится как «величайший») (Vallat 1977), однако обращение к строкам вавилонской версии этой надписи показывает, что в значении военачальника там используется соответствующий аккадский термин *rabû* с довольно широким спектром значений (DB. I. 73; 79; Voigtlander 1978, 56–58), одним из которых является обозначение военного командира (согласно словарю ассирийского языка, слово *rabû* может переводиться как «глава, предводитель, старейшина, важный, могущественный, великий, знатный») (Reiner, Roth 1999, *rabû*); именно этот термин, особенно в сочетании *uqu rabû* (DB. I. 82) (*uqu* – народ / войско – вавилонский эквивалент древнеперсидского слова *kāra* в Бехистунской надписи) является аналогом греческого термина στρατηγός в вавилонских текстах постахеменидского периода (Stolper 2006). В арамейской версии Бехистунской надписи (DB. I. 59) используется сочетание *rb 'l[hyl]* – «командир войска», которое дословно соответствует аккадскому *uqu rabû* (Greenfield, Porten 1982, 44–45; Folmer 1995, 272, 319). Сочетание *rb hyl* – *rab haylā*, обозначающее военного командира, встречается на арамейских папирусах ахеменидского периода из Элефантины (Cowley 1923, №1.3, 16.7, 20.4, 25. 24, 38.3; Tuplin 1987, 124).

⁵ О значении словосочетания *manā bandaka* см.: Fried 2004, 112; Haig 2008, 67. О переводе греками этого сочетания как δοῦλος τοῦ βασιλέως – «раб царя»: Missiou 1993.

В ином контексте термин *maθišta* встречается в так называемой «Гаремной надписи» Ксеркса, которая была найдена в Персеполе (XPf. 31–32). В ней персидский царь сообщает, что Дарий I выбрал его «величайшим» (*maθišta*) после себя (*pasā tanūm*), а после того как его отец покинул трон, он стал царем (*xšayaθiya*). В данном случае термин *maθišta* не означает военную должность, а характеризует политический статус близкого соратника царя⁶.

Что касается собственно иранских ЛИ, производных от *maθišta*, то они не встречаются в надписях на древнеперсидском, но их применение в Ахеменидской империи может быть предположено на основании их вавилонского эквивалента *Ma-si-iš-tu₄* (NBC 6157:8) и эламского *Maš-ši-iš-da* (PFa 31:27)⁷. Теперь обратимся к древнегреческим свидетельствам о персидских именах, которые закономерно рассматривать в качестве производных от *maθišta*.

В трагедии Эсхила «Персы» мы находим два упоминания (Pers. 30, 970) перса Масистра (Μασίστρης / Μασίστρας), который участвует в походе против Эллады во главе с Ксерксом⁸. А.А. Попов отождествляет эсхиловского Масистру с братом Ксеркса и сатрапом Бактрии⁹. На наш взгляд, такое утверждение исследователя не бесспорно, так как греческий автор нигде не говорит ничего о том, какое место занимал Масистр в Персии и был ли он родственником царя. Эсхил при первом своем упоминании этого лица дает лишь возможность понять, что Масистр был именно персом, а не египтянином или лидийцем. Другой пассаж о Масистре более информативный. В нем Эсхил упоминает о гибели Масистра, наряду с другими персидскими военачальниками в ходе сражения при Саламине. При этом Масистр фигурирует в одном списке с царьком Мемфисом, а также прославленными персами – Фарнухом, Ариомардом, Севалком, Лилеем, Тарибидом, Артембаром и Гистехмом¹⁰.

В труде Геродота присутствуют два персонажа со схожими именами: Масистий (Μασίστιος) и Масист (Μασίστης). «Отец истории» сообщает, что Масистий был «прославленным среди персов» (εὐδοκίμων παρὰ Πέρσῃσι: IX. 20); такая характеристика перекликается со словом *maθišta*, которое, как уже говорилось, переводится как «величайший». Геродот (VII. 79) сообщает, что Масистий был сыном Сиромитры и предводителем племен алародиев и каспиров в войске царя Ксеркса. Масистий в рассказе «отца истории» предстает могучим воином, который имел чешуйчатый золотой панцирь (IX. 22).

⁶ В связи с этой надписью Ксеркса в историографии дискутируется вопрос о том, может ли толковаться выражение «величайший после царя» как «второй после царя» (само выражение встречается в греческих источниках в схожем контексте: Plut. Mor. 173c; 488e), было ли это официальным титулом, означающим будущего наследника престола в Ахеменидской империи (Sánchez 2005, 229; 2014, 58–59) и можно ли, например, говорить о соправительстве Дария и Ксеркса, полагаясь на эту надпись (Меликян 2013, 103–105).

⁷ Tavernier 2007, 242.

⁸ Дж.М. Балсер на основании различной орфографии у Эсхила двух имен считает их отличающимися друг от друга персами: одного – Μασίστρης – командиром конницы, а другого – Μασίστρας – лучником, погибшим при Саламине (Balcer 1993, 177).

⁹ Попов 2008, 34.

¹⁰ Упоминаемые Эсхилом персидские ЛИ являются именами либо подлинных военачальников ахеменидской армии и флота, либо так или иначе засвидетельствованных в ономастике Персидской империи (Ebbott 2000, 87–88; Balcer 1993, 173–180).

Однако наибольший интерес представляет пассаж о гибели Масистия и реакции на его смерть персов¹¹. Геродот (IX. 24) пишет, что Масистий был самым уважаемым человеком после Мардония у персов и царя Ксеркса (μετά γε Μαρδόνιον λογιμωτάτου παρά τε Πέρσῃσι καὶ βασιλείῃ); его гибель в каком-то смысле деморализовала ахеменидское войско. Как пишет «отец истории», «персы погрузились в глубокую скорбь и остригли волосы в дань уважения». Подобным образом характеризует Масистия и Плутарх (Arist. 14), сообщая, что тот был начальником конницы варваров (Μασίστιος ὁ τῶν βαρβάρων ἵππαρχος)¹². В одном из своих пассажей автор отмечает, что Масистий отличался поразительной силой, огромным ростом и красотой (ἀνὴρ ἀλκῇ τε θαυμαστός μεγέθει τε καὶ κάλλει σώματος περιττός), а в другом, рассказывая о его смерти, говорит, что погиб муж, который был первым после Мардония в персидской армии, намного превосходя прочих доблестью и силой (ἄνδρα πολὺ πρῶτον ἀρετῇ καὶ δυνάμει μετά γε Μαρδόνιον αὐτὸν ἀποβαλόντες).

Таким образом, вполне очевидно, что античная традиция характеризует Масистия как одного из ведущих военачальников в персидском войске, а также как человека, который занимал достаточно высокое положение в Ахеменидской империи – «второй после Мардония». Поэтому, вполне вероятно, что в персидском восприятии он должен был считаться *maθiṣta* как по своему статусу военачальника, так и по своим личным качествам. Конечно, все это дает основание предположить, что в эпизодах с Масистием Геродот просто принял качественную характеристику или должность за личное имя.

Подобную замену можно предположить в другом случае. Геродот (VII. 82) сообщает, что в войске Ксеркса одного из военачальников сухопутных войск звали Масист (Μασίστης), при этом он был сыном Дария I и Атоссы, а следовательно – братом Ксеркса, а также наместником в Бактрии. Кроме того, «отец истории» рассказывает о том, что этот «бактрийский» Масист поднял против царя неудачное восстание, после которого Ксеркс велел его казнить (Hdt. IX. 113). Этот сюжет любопытен прежде всего тем, что в нем показано соперничество за престол между Ксерксом и Масистом. Соответственно, если верить Геродоту, положение этого Масиста в рядах персидской аристократии было настолько высоким, что трансформация персидского термина греческим автором в имя собственное уже вполне соответствует реальному историческому контексту и соотносится с данными «Гаремной надписи» Ксеркса, в который возможный соправитель или наследник царя называется *maθiṣta*. По мнению А.А. Попова, подтверждением высокого положения Масиста в рядах персидской аристократии является то, что Бактрия, наместником которой он был, имела особый привилегированный статус в составе Ахеменидской империи¹³. Такого же мнения придерживается И.Р. Пичикян, который на основании анализа античных источников пришел к выводу, что Бактрия отдавалась в управления брату Великого царя¹⁴. Соответственно, претензии Масиста на царский престол могли быть вполне оправданы.

¹¹ По мнению К. Тьюта, сюжет о смерти Масистия, представленного у Геродота могучим героем, восходит к описанию гибели Патрокла и Гектора, тем самым придавая эпическое значение битве при Платеях (Tuite 2006, 133–180).

¹² Подобным образом и Павсаний (I. 27. 1) пишет, что Масистий был во главе конницы в битве при Платеях (εἶχεν ἐν Πλαταιαῖς τὴν ἡγεμονίαν τῆς ἵππου).

¹³ Попов 2008, 35.

¹⁴ Пичикян 1992, 11.

Согласно же сообщениям Плутарха (Mor. 173b–c; 488c–f) и Юстина (II. 10. 1–10), другой бактрийский наместник Ариамен¹⁵, старший сын Дария I, также претендовал на престол. Между братьями разгорелся конфликт, но династический вопрос в конечном итоге был урегулирован мирным путем благодаря авторитетному вмешательству брата Дария – Артабана (Plut. Mor. 488c–f) или же Артаферна (Iust. II. 10. 9)¹⁶. Однако, говоря о фигуре Ариамена, необходимо отметить существующее в историографии мнение о том, что геродотовский Масист и Ариамен, о котором сообщают другие авторы, – это один и тот же человек. Такую точку зрения, к примеру, поддерживает Пьер Бриан. По мнению французского историка, рассказ Плутарха и Юстина, повествующий об относительно мирном воцарении Ксеркса I на царский престол, не соответствует реальности и является искаженной версией той, которую приводит Геродот¹⁷. Й. Визехефер также не исключает идентичности Масиста и Ариамена, отмечая, что другие источники не сообщают о Масисте, поскольку он мог быть убит, как об этом говорит Геродот¹⁸. По мнению этого исследователя, рассказ «отца истории» может отражать реальную политическую борьбу между представителями рода Ахеменидов. И, наконец, британский исследователь Р. Стоунмэн также не исключает, что за Масистом у Геродота скрывается Ариамен¹⁹. Отечественные исследователи же в большинстве своем разделяют точку зрения о том, что Бактрией по очереди сначала правили сыновья царя Дария I (Ариамен, Масист, Гистасп), а затем уже сыновья царя Ксеркса (к примеру, Артабан). Что же касается даты восстания, то М.А. Дандамаев и П. Бриан относили мятеж Масиста к 478 г до. н. э.²⁰

Примечательно, что именно в случае с Ариаменом можно найти несколько косвенных данных, которые бы указывали на возможность его отождествления с Масистом посредством применения к нему термина *maθišta*. Обратимся к сведениям Плутарха, представленным в двух его трактатах («Изречения царей и полководцев» и «О братской любви»), согласно которым Ариамен смирился с переходом престола к Ксерксу (Mor. 173b–c; 488c–f). Во-первых, из сообщений Плутарха следует, что Ксеркс назначил этого Ариамена «величайшим» при нем (μέγιστος παρ' αὐτῷ) (Mor. 173b; 488f); греческое слово μέγιστος является дословным переводом древнеперсидского *maθišta*. Во-вторых, херонейский биограф также отмечает, что Ксеркс вслед за своим вступлением на престол поставил Ариамена «вторым после себя» (ὁ δὲ Ξέρξης ἐκείνῳ τὴν δευτέραν μεθ' ἑαυτὸν ἔδωκε τάξιν (Mor. 173c; 488e).

При такой трактовке сообщение Плутарха перекликается с «Гаремной надписью» Ксеркса, упомянутой выше, с той лишь разницей, что там сам Ксеркс фигурирует «величайшим» после Дария. В-третьих, сведения Плутарха (Them.

¹⁵ Геродот (VII. 2–3) соперника Ксеркса в споре за царский престол называет Артобазаном, а решение династического спора еще при жизни Дария приписывает изгнанному спартанскому царю Демарату. Примечательно, что Геродот упоминает об этом Артобазане только единожды, при рассказе об обстоятельствах вступления на престол Ксеркса, и совсем не называет Ариамена среди братьев этого персидского царя.

¹⁶ Оба упомянутых перса были братьями Дария I и в качестве таковых упомянуты у Геродота (Артабан IV. 83, 143; VII. 10, 13–18, 46–53; Артаферн V. 25, 30, 73).

¹⁷ Briant 2002, 524.

¹⁸ Wiesehöfer 2001, 53.

¹⁹ Stoneman 2015, 87.

²⁰ Дандамаев 1985, 175; Briant 2002, 524.

14; Мог. 488f) о том, что этот Ариамеи, брат Ксеркса, доблестно сражаясь, пал в Саламинской битве, наводит на мысль о том, а не его ли мог иметь в виду Эсхил под именем Масистр. При этом Плутарх красноречиво характеризует Ариамена следующими словами (Them. 14): «Человек храбрый, лучший и справедливейший из братьев царских» (ἀνὴρ ἀγαθὸς ὢν καὶ τῶν βασιλέως ἀδελφῶν πολὺ κρᾶτιστος καὶ δίκαιότατος), – то есть дает ему качественную характеристику, что еще более позволяет ассоциировать его со словом *mabīšta*.

Однако основные возражения по поводу отождествления Масиста и Ариамена могут быть сведены к следующим моментам. Так, Масист, согласно Геродоту (VII. 82), был родным братом Ксеркса; по сведениям же Плутарха (Мог. 488d), Ариамеи обосновывал свои претензии на престол своим старшинством в роду, а Ксеркс – рождением от Атоссы, дочери Кира, когда Дарий уже царствовал. Этот рассказ явно перекликается с геродотовым, согласно которому претендовавший на царский престол Артобазан был сводным братом Ксеркса (Hdt. VII. 2). Кроме того, судьба Масиста и Ариамена в источниках представляется также различно: первый поднял восстание и был казнен Ксерксом, а второй добровольно отказался от своих притязаний на престол, находился в почете у царя и героически пал в битве при Саламине.

Поэтому допустимо предположение, что Плутарх, рассказывая историю об Ариамене, на самом деле спорил с Геродотом лишь в отношении имени претендента на трон и обстоятельств урегулирования конфликта (из чего следует, что Ариамена скорее нужно отождествлять с Артобазаном, чем с Масистом). Однако, увлеченный полемикой с «отцом истории», Плутарх как раз в этом вопросе заслуживает меньше всего доверия. Поэтому не исключено, что Ариамеи и мог быть тем самым мятежным братом царя, который ввиду своей репутации и статуса предводителя восставших в Бактрии именуется у Геродота Μασίστης (от *mabīšta*, которым назывался как предводитель мятежников в Бехистунской надписи, так и наиболее приближенный к царю в «Гаремной надписи» Ксеркса; Ариамеи же оказывался и тем и другим). Примечательно также и то, что вплоть до своей ссоры с Ксерксом геродотов Масист был достаточно близок к царю (Hdt. IX. 107), а во время похода против Греции в 480 г. до н. э. он даже командовал одной из шести основных частей, на которые делилась персидская сухопутная армия (Hdt. VII. 82).

Исходя из всего вышесказанного, можно прийти к выводу, что античные упоминания о Масистре, Масистии и Масисте восходят к ахеменидским источникам, датируемым периодом правления Дария I и Ксеркса. Тот факт, что в случае двух последних персов греческие авторы дают им качественную характеристику, соотносимую со значением древнеперсидского слова *mabīšta*, может предполагать, что в изложении соответствующих сюжетов они передают фактически не имена, но статус или должность, найденную ими при обращении к персидской традиции. И тем не менее нельзя совсем исключить возможность и иной интерпретации сведений в источниках: греческие авторы, конечно, могли ссылаться и на персов, носивших ЛИ, производные от *mabīšta*, хотя в одном случае, если придерживаться аргументации в пользу идентификации геродотовского Масисты и Ариамена, предположение о трансформации античными авторами древнеперсидского термина в ЛИ получает дополнительное обоснование. Вообще же не только не исключено, но даже вполне закономерно, что в условиях различающейся социокультурной

и лингвистической среды (при осуществлении греко-персидских коммуникаций) передача информации от одного источника к другому могла претерпевать определенные искажения, и порой даже довольно существенные.

ЛИТЕРАТУРА

- Дандамаев, М.А. 1985: *Политическая история Ахеменидской державы*. М.
- Меликян, А.Т. 2013: Институт «второй после царя» в иранской государственной системе ахеменидской эпохи. *Метаморфозы истории* 4, 88–118.
- Пичикян, И.Р. 1992: *Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды)*: автореф. дис. д.и.н. М.
- Попов, А.А. 2008: *Греко-Бактрийское царство*. СПб.
- Рунг, Э.В. 2014: Термины для обозначения военачальника в Ахеменидской империи. В кн.: А.А. Силин и М.М. Холод (ред.), *Koinon doron. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег*. СПб, 374–378.
- Balcer, J.M. 1993: *A Prosopographical Study of the Ancient Persians Royal and Noble C. 550–450 B.C.* Lewiston.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Winona Lake (Indiana).
- Cowley, A. 1923: *Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C.* Oxford.
- Ebbott, M. 2000: The List of the War Dead in Aeschylus' Persians. *HSCPh* 100, 83–96.
- Folmer, M.L. 1995: *The Aramaic Language in the Achaemenid Period. A Study in Linguistic Variation*. Leuven.
- Greenfield, J.C., Porten, B. 1982: *The Bisitun inscription of Darius the Great. Aramaic Version. Text, Translation and Commentary*. London.
- Haig, G. 2008: *Alignment Change in Iranian Languages: A Construction Grammar Approach*. New York.
- Justi, F. 1895: *Iranisches Namenbuch*. Marburg.
- Kent, R.G. 1950: *Old Persian: Grammar, Text, Lexicon*. New Haven–Conn.
- Fried, L.S. 2004: *The Priest and the Great King: Temple-palace Relations in the Persian Empire*. Winona Lake (Indiana).
- Mayerhofer, M. 1979: *Iranisches Personennamenbuch: Die Altiranischen Namen (Iranische Onomastik)*. Vienna.
- Missiou, A. 1993: ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The Politics of Translation. *CQ* 43. 3, 377–391.
- Reiner, E., Roth, M.T. 1999: *The Assyrian Dictionary*. Chicago.
- Rung, E. 2015: Some Notes on Karanos in the Achaemenid Empire. *IA* 50, 333–356.
- Sánchez, M.G. 2005: La figura del sucesor del Gran Rey en la Persia aqueménida. *Gerión* 9, 223–239.
- Sánchez, M.G. 2014: The Second after the King and Achaemenid Bactria on Classical Sources. In: B. Antela-Bernárdez & J. Vidal (eds.), *Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches*. Oxford, 37–43.
- Schmitt, R. 2011: *Iranisches Personennamenbuch. 5A: Iranische Personennamen in der griechischen Literatur vor Alexander d. Gr.* Vienna.
- Schmitt, R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden.
- Stolper, M.W. 2006: Iranica in post-Achaemenid Babylonian Texts. In: P. Briant & F. Joannès, *La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques* 9, 223–260.
- Stoneman, R. 2015: *Xerxes: A Persian Life*. Cornwall.
- Tavernier, J. 2007: *Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B. C.): Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords Attested in Non-Iranian Texts*. Leuven.
- Tuite, K.M. 2006: *Herodotean Tools: The Thematic Function of Objects in the Histories*. Austin.

- Tuplin, C.J. 1987: The Administration of the Achaemenid Empire. In: I. Carradice (ed.), *Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires*. Oxford, 109–166.
- Vallat, F. 1977: *Corpus des inscriptions royales en elamite achéménide*. Paris.
- Voigtlander, E.N. von. 1978: *The Bisitun Inscription of Darius the Great: Babylonian Version*. London.
- Wiesehofer, J. 2001: *Ancient Persia from 550 BC to 650 AD*. London–New York.

REFERENCES

- Balcer, J.M. 1993: *A Prosopographical Study of the Ancient Persians Royal and Noble C. 550–450 B.C.* Lewiston.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Winona Lake (Indiana).
- Cowley, A. 1923: *Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C.* Oxford.
- Dandamaev, M.A. 1985: *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy*. Moscow.
- Ebbott, M. 2000: The List of the War Dead in Aeschylus' Persians. *HSCPh* 100, 83–96.
- Folmer, M.L. 1995: *The Aramaic Language in the Achaemenid Period. A Study in Linguistic Variation*. Leuven.
- Fried, L.S. 2004: *The Priest and the Great King: Temple-palace Relations in the Persian Empire*. Winona Lake (Indiana).
- Greenfield, J.C., Porten, B. 1982: *The Bisitun inscription of Darius the Great. Aramaic Version. Text, Translation and Commentary*. London.
- Haig, G. 2008: *Alignment Change in Iranian Languages: A Construction Grammar Approach*. New York.
- Justi, F. 1895: *Iranisches Namenbuch*. Marburg.
- Kent, R.G. 1950: *Old Persian: Grammar, Text, Lexicon*. New Haven, Conn.
- Mayerhofer, M. 1979: *Iranisches Personennamenbuch: Die Altiranischen Namen (Iranische Onomastik)*. Vienna.
- Melikyan, A.T. 2013: Institut “vtoroy posle tsarya” v iranskoy gosudarstvennoy sisteme akhemenidskoy epokhi. *Metamorfozy istorii* 4, 88–118.
- Missiou, A. 1993: ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The Politics of Translation. *CQ* 43. 3, 377–391.
- Pichikyan, I.R. 1992: *Kultura Baktrii (akhemenidskiy I ellinisticheskiy periody)*: avtoref. dis. d.i.n. Moscow.
- Popov, A.A. 2008: *Greko-Baktriyskoe tsarstvo*. Saint-Petersburg.
- Reiner, E., Roth, M.T. 1999: *The Assyrian Dictionary*. Chicago.
- Rung, E. 2015: Some Notes on Karanos in the Achaemenid Empire. *IA* 50, 333–356.
- Rung, E.V. 2014: Terminy dlya oboznacheniya voenachalnika v Akhemenidskoy imperii. In: A.A. Sititzyn & M.M. Kholod (red.), *Koinon doron. Issledovaniya i esse v chest' 60-letnego yubileyu Valeriya Pavlovicha Nikonorova ot družey i kolleg*. Saint-Petersburg, 374–378.
- Schmitt, R. 2011: *Iranisches Personennamenbuch. 5A: Iranische Personennamen in der griechischen Literatur vor Alexander d. Gr.* Vienna.
- Schmitt, R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden.
- Stolper, M.W. 2006: Iranica in post-Achaemenid Babylonian Texts. In: P. Briant & F. Joannès, *La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques* 9, 223–260.
- Stoneman, R. 2015: *Xerxes: A Persian Life*. Cornwall.
- Sánchez, M.G. 2005: La figura del sucesor del Gran Rey en la Persia aqueménida. *Gerión* 9, 223–239.
- Sánchez, M.G. 2014: The Second after the King and Achaemenid Bactria on Classical Sources. In: B. Antela-Bernárdez & J. Vidal (eds.), *Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches*. Oxford, 37–43.

- Tavernier, J. 2007: *Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B. C.): Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords Attested in Non-Iranian Texts*. Leuven.
- Tuite, K.M. 2006: *Herodotean Tools: The Thematic Function of Objects in the Histories*. Austin.
- Tuplin, C.J. 1987: The Administration of the Achaemenid Empire. In: I. Carradice (ed.), *Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires*. Oxford, 109–166.
- Vallat, F. 1977: *Corpus des inscriptions royales en elamite achéménide*. Paris.
- Voigtlander, E.N. von. 1978: *The Bisitun Inscription of Darius the Great: Babylonian Version*. London.
- Wiesehofer, J. 2001: *Ancient Persia from 550 BC to 650 AD*. London– New York.

THE NAME OF MASISTES IN THE HISTORY OF THE ACHAEMENID EMPIRE

Eduard V. Rung*, Vasily P. Orlov**

* *Kazan Federal University, Russia,*

Eduard_Rung@mail.ru

** *Kazan Federal University, Russia,*

777warlock777@rambler.ru

Abstract. The article deals with the ancient Greek stories of some Persians who carried the names originated from Old-Persian *maθišta* that is usually translated as ‘greatest’ (Masistres / Masistras, Masistius and Masistes). In some specific cases, however, this word was used by the Persians as a term for designation of army commander or a person chosen as ‘second after King’ in his rank. It seems to us the ancient Greek authors were misleading when mentioning Old-Persian PN instead of the title of *maθišta*. The possible identification of herodotean Masistes with Ariamenes (known only from Plutarch and Justin) should be taken as an argument for suggestion. These metamorphoses may be due to the different socio-cultural and linguistic conditions in which the Greco-Persian communications were carrying out for two centuries.

Key words: Masistes, Achaemenids, Darius I, Xerxes I, *maθišta*

Древняя Греция и Рим. Эллинизм. Поздняя античность

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 92–99
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 92–99
© Автор(ы) 2016

РЕЛЬЕФ ИЗ РАЙОНА АМФИПОЛЬСКОЙ ГРОБНИЦЫ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ю.Н. Кузьмин

*Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара,
yurimac@yandex.ru*

Аннотация. Наиболее полная на сегодняшний день презентация результатов исследований гробницы «македонского типа» под холмом Каста ок. Амфиполя состоялась в марте 2016 г. на конференции в Салониках. Там был представлен и фрагмент рельефа с изображением «воина», который по мнению команды археологов под руководством К. Перистери был элементом декора этого монумента. Итальянский искусствовед А. Корсо предположил, что рельеф следует датировать последними десятилетиями IV в. до н.э. и что на нем изображен Александр Великий, возглавляющий погребальную процессию Гефестиона, кенотафом/герооном которого Перистери и ее коллеги считают комплекс холма Каста. Однако кавалерийский щит и шлем человека, изображенного на рельефе, указывают на его датировку более поздним периодом. Во-первых, во время Александра и по крайней мере в начале эпохи диадохов македонская конница вообще не использовала щиты. Круглый плоский кавалерийский щит со *spina*, показанный на рельефе, получил распространение на Балканах и эллинистическом Востоке не ранее 70-х гг. III в. до н.э. Во-вторых, шлем «воина» (разновидность типа κῶνος) имеет хорошие аналогии в изобразительных источниках и артефактах из Македонии, а также других регионов эллинистического мира, которые датируются временем не ранее конца III в. до н.э. Также представляется сомнительной принадлежность рельефа, несмотря на место его обнаружения, именно к комплексу амфипольской гробницы. Более вероятно, что рельеф был частью не сохранившегося целиком надгробия македонского всадника, современника последних Антигонидов – Филиппа V

Кузьмин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета. E-mail: yurimac@yandex.ru

(221–179 гг. до н.э.) или Персея (179–168 гг. до н.э.). Скорее всего, на рельефе – точнее, на его сохранившемся фрагменте – изображен не главный персонаж (фигура которого могла находиться на отколотой части), а лишь оруженосец/слуга (композиционные параллели многочисленны в посвященных и погребальных изображениях в Македонии и за ее пределами).

Ключевые слова: Македония, Амфиполь, холм Каста, гробница, рельеф, кавалерийский щит, шлем

Раскопки монументальной гробницы «македонского типа», обнаруженной под окруженным величественным мраморным периболом холмом Каста, расположенным северо-восточнее древнего Амфиполя, стали археологической сенсацией лета – осени 2014 г.

Предварительные результаты исследований были представлены командой археологов под руководством К. Перистери в ходе ряда пресс-конференций, лекций и симпозиумов. Наиболее полная на сегодняшний день презентация состоялась в начале марта 2016 г. на 29-й ежегодной конференции в Салониках, посвященной археологическим изысканиям в Македонии и Фракии (АЕМΘ). По мнению Перистери и ее коллег, монументальный комплекс в районе Амфиполя был построен в последние десятилетия IV в. до н.э. и был кенотафом/герооном Гефестиона, друга и ближайшего сподвижника Александра Великого, умершего в 324 г. до н.э. в Экбатанах. Следует упомянуть, что в ходе последовавшей дискуссии, а также в кулуарах было озвучено множество критических замечаний и вопросов по поводу датировки этого памятника и его исторической интерпретации¹.

На конференции в Салониках был представлен и найденный недалеко от амфипольской гробницы фрагмент рельефа с изображением «воина» (рис. 1), который, по мнению команды Перистери, мог быть элементом декора (частью фриза) комплекса на холме Каста. Итальянский археолог и искусствовед А. Корсо в совместном с Перистери выступлении предположил, что рельеф следует датировать концом IV в. до н.э. и что на нем изображен не кто иной, как Александр Великий, возглавляющий погребальную процессию Гефестиона².

Однако защитное вооружение (кавалерийский щит и шлем) человека, показанного на рельефе, однозначно свидетельствуют о его датировке значительно более поздним периодом.

Рис. 1. Рельеф из района амфипольской гробницы

¹ Ср. с высказанными ранее критическими замечаниями О. Палагии (Palagia 2015, 107–109); впрочем, не со всеми из них можно согласиться.

² В феврале 2016 г. Корсо посвятил данному рельефу часть лекции об амфипольской гробнице, прочитанной в МГУ. Публикация: Corso 2016.

Рис. 2. Изображение македонского всадника в т.н. «Гробнице Кинча» (конец IV – начало III вв. до н.э.)

Во-первых, судя по данным изобразительных источников, во время Александра и, по крайней мере, в начале периода диадохов македонская конница вообще не использовала щиты (рис. 2); античная литературная традиция также не позволяет думать об обратном³. Вероятно, начало процесса адаптации кавалерийских щитов в армиях диадохов было связано с появлением в Восточном Средиземноморье всадников-тарентинцев из Италии (впервые в 317 г. до н.э. в армии Антигона Монофталма – Diod. XIX.29.2), имевших круглые выпуклые щиты гоплитского типа (*ἀσπίς*), о чем известно благодаря изобразительным источникам⁴. Возможно, что вследствие этого в начале III в. до н.э. в армиях диадохов могли появиться собственные кавалерийские отряды со щитами подобного типа⁵. Однако позднее, где-то в течении III в. до н.э., в коннице эллинистических государств получили распространение и плоские круглые щиты с ребром жесткости (*spina*), показанные на «Монументе Эмилия Павла» в Дельфах (построен после 168 г. до н.э.) и многих других памятниках (в том числе и из Македонии) (рис. 3–4)⁶. Вероятно, что этот тип щита, широко применявшийся в Западном Средиземноморье⁷, появился на Балканах и эллинистическом Востоке после кампаний Пирра в Италии и Сицилии (280–275 гг. до н.э.) или же в результате кельтского нашествия (279–277 гг. до н.э.)⁸.

³ Ср.: Nefedkin 2009, 357–358.

⁴ О тарентинцах и использовании ими щитов см.: Fields 2008, 28–30.

⁵ По мнению П. Жюэля, возможное изменение боевой экипировки конницы в армиях диадохов было связано с тем, что с прежним вооружением (наличие длинного копья и отсутствие щита) всадники уже не могли бороться с фалангитами, вооруженными сариссами, что и привело к началу использования кавалерией щитов, а также дротиков (Hatzopoulos, Juhel 2009, 431–432, not. 63).

⁶ Kähler 1965, 35, Taf. 18–19; Hatzopoulos 2001, 52–54, pl. I, IIIa–b; Juhel 2010, 106–111.

⁷ Подобный тип щита фиксируется со второй половины IV в. до н.э. в Италии (Eichberg 1987, 159–161; Nefedkin 2009, 360–361).

⁸ См. подробнее: Nefedkin 2009, 358–366; ср.: Sekunda 2013, 69–71.

Рис. 3. Фрагмент фриз «Монумента Эмилия Павла» в Дельфах (после 168 г. до н.э.)

Рис. 4. Македонский всадник. Рельеф из Калиндои (II–I [?] вв. до н.э.)

На рельефе из района амфипольской гробницы показан именно кавалерийский щит со *spina*, что делает невозможной датировку этого артефакта временем Александра или даже эпохой диадохов. Кстати, Корсо увидел в *spina* наконечник сариссы (!), но это, несомненно, ошибочная интерпретация, особенно удивительная для искусствоведа.

Во-вторых, шлем воина (разновидность типа κῶνος) имеет хорошие аналогии в изобразительных источниках из Македонии (например, надгробие Аминты, сына Александра, и фрески в «Гробнице Лисона и Калликла»⁹), а также и других

⁹ Juhel 2010, 107; Miller 1993, pl. IIIb. Оба упомянутых памятника можно датировать временем ок. 200 г. до н.э. на основании палеографических и некоторых иных критериев.

регионов эллинистического мира, которые датируются временем не ранее конца III в. до н.э. (рис. 5)¹⁰. Имеются и подлинные экземпляры шлемов подобного типа; с северо-западом античной Македонии связан шлем из Градиште в современной Республике Македония (регион древней Пелагонии) (рис. 6)¹¹.

Рис. 5. Шлем на фризе из комплекса храма Афины Никифоры в Пергаме (ок. 170 г. до н.э.)

Рис. 6. Шлем из Градиште (конец III–I [?] вв. до н.э.)

Все вышеизложенное исключает возможность датировки рельефа из района амфипольской гробницы концом IV в. до н.э. Наиболее вероятно, что он относится к концу III – первым трем десятилетиям II вв. до н.э. (можно допустить, что до времени ликвидации римлянами македонской монархии в 168 г. до н.э.).

Сюжет рассматриваемого памятника, несомненно, носит погребальный характер; на дереве за человеком показана змея – хтонический символ, часто встречающийся на надгробиях и в погребальной живописи.

Следует обратить внимание на то, что на рельефе – точнее, на его сохранившемся фрагменте, – скорее всего, изображен не главный персонаж (фигура которого могла находиться на отколотой части), а лишь оруженосец/слуга (композиционные параллели многочисленны в посвятельных и погребальных изображениях, в том числе и в Македонии, включая и район Амфиполя¹²) (рис. 7–8). Пропорции тела в сравнении с размером щита также свидетельствуют о том, что человек, его держащий, являлся второстепенным персонажем в общей оригинальной композиции памятника.

¹⁰ Dintsis 1986, 57–58, 77–85; Juhel 2008, 97–102; Sekunda 2013, 71–72; Дедюлькин 2014, 59–71.

¹¹ Juhel 2008, 89–102.

¹² Hatzopoulos 2001, 53, pl. IIIa (рельеф из Амфиполя с изображением делающего посвящение всадника и его оруженосца в шлеме и со щитом; М. Хадзопулос датирует его концом III – началом II вв. до н.э.).

Рис. 7. Рельеф из Амфиполя (конец III – начало II вв. до н.э.)

Рис. 8. Надгробие Аминты, сына Александра (район Требеништы)
(ок. 200 г. до н.э.) (© Pierre O. Juhel)

В конце необходимо особо отметить, что, несмотря на место обнаружения, вообще представляется крайне сомнительной принадлежность рассматриваемого рельефа к комплексу амфипольской гробницы и холма Каста. Более вероятно, что рельеф был частью не сохранившегося целиком надгробия македонского всадника, современника последних Антигонидов – Филиппа V (221–179 гг. до н.э.) или Персея (179–168 гг. до н.э.).

Последнее: историческая интерпретация и датировка комплекса холма Каста не являются целью данной заметки. До появления официальной и полной публикации результатов исследований данного интереснейшего памятника от этого лучше воздержаться¹³.

ЛИТЕРАТУРА

- Дедюлькин, А.В. 2014: Шлемы-коносы на северо-западном Кавказе и в эллинистической ойкумене. В сб.: *IV «Анфимовские чтения» по археологии западного Кавказа*. Краснодар, 59–71.
- Corso, A. 2016: *The Sculptures of the Tumulus Kasta near Amphipolis* (Part 1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archaeology.wiki/blog/2016/03/21/sculptures-tumulus-kasta-near-amphipolis-part-1>.
- Dintsis, P. 1986: *Hellenistische Helme*. Bd. I. Rom.
- Eichberg, M. 1987: *Scutum. Die Entwicklung einer italisch-etruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Caesars*. Frankfurt am Main.
- Fields, N. 2008: *Tarentine Horseman of Magna Graecia, 430–190 BC*. Oxford.
- Hatzopoulos, M.B. 2001: *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides*. Athènes.
- Hatzopoulos, M.B., Juhel, P. 2009: Four Hellenistic Funerary Stelae from Gephyra, Macedonia. *American Journal of Archaeology* 113.3, 423–437.
- Juhel, P. 2008: Un casque inédit de la Basse époque hellénistique conservé au musée de Prilep (République de Macédoine). *Revue des études anciennes* 110.1, 89–102.
- Juhel, P. 2010: La stèle funéraire d'Amyntas, fils d'Alexandre, cavalier des confins macédoniens. *Acta archaeologica* 81.1, 106–111.
- Kähler, H. 1965: *Der Fries vom Reiterdenkmal des Aemilius Paullus in Delphi*. Berlin.
- Miller, S.G. 1993: *The Tomb of Lyson and Kallikles: a Painted Macedonian Tomb*. Mainz.
- Nefedkin, A.K. 2009: On the Origin of Greek Cavalry Shields in the Hellenistic period. *Klio* 91.2, 356–366.
- Palagia, O. 2015: Greek Sculpture, Archaic, Classical & Hellenistic: New Findings & Developments 2014–2015. *Archaeological Reports* 61, 104–114.
- Sekunda, N.V. 2013: *The Antigonid Army*. Gdańsk.

REFERENCES

- Corso, A. 2016: *The Sculptures of the Tumulus Kasta near Amphipolis* (Part 1), <http://www.archaeology.wiki/blog/2016/03/21/sculptures-tumulus-kasta-near-amphipolis-part-1>.
- Dedyul'kin, A.V. 2014: Shlemy-konosy na severo-zapadnom Kavkaze i v ellinisticheskoy oykumene. In: *IV «Anfimovskie chteniya» po archeologii zapadnogo Kavkaza*. Krasnodar, 59–71.
- Dintsis, P. 1986: *Hellenistische Helme*. Bd. I. Rom.

¹³ Я хочу поблагодарить О.Л. Габелко, А.В. Дедюлькину, П. Жюэля, Т.П. Кишбали, И.А. Ладынина, О.М. Макарову, П. Родса, М. Хадзопулоса и М.Н. Химины. Естественно, что вся ответственность за представленные выводы лежит только на авторе.

- Eichberg, M. 1987: *Scutum. Die Entwicklung einer italisch-etruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Caesars*. Frankfurt am Main.
- Fields, N. 2008: Tarentine Horseman of Magna Graecia, 430–190 BC. Oxford.
- Hatzopoulos, M.B. 2001: *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides*. Athènes.
- Hatzopoulos, M.B., Juhel, P. 2009: Four Hellenistic Funerary Stelae from Gephyra, Macedonia. *American Journal of Archaeology* 113.3, 423–437.
- Juhel, P. 2008: Un casque inédit de la Basse époque hellénistique conservé au musée de Prilep (République de Macédoine). *Revue des études anciennes* 110.1, 89–102.
- Juhel, P. 2010: La stèle funéraire d'Amyntas, fils d'Alexandre, cavalier des confins macédoniens. *Acta archaeologica* 81.1, 106–111.
- Kähler, H. 1965: *Der Fries vom Reiterdenkmal des Aemilius Paullus in Delphi*. Berlin.
- Miller, S.G. 1993: *The Tomb of Lyson and Kallikles: a Painted Macedonian Tomb*. Mainz.
- Nefedkin, A.K. 2009: On the Origin of Greek Cavalry Shields in the Hellenistic period. *Klio* 91.2, 356–366.
- Palagia, O. 2015: Greek Sculpture, Archaic, Classical & Hellenistic: New Findings & Developments 2014–2015. *Archaeological Reports* 61, 104–114.
- Sekunda, N.V. 2013: *The Antigonid Army*. Gdańsk.

A RELIEF FROM THE AREA OF THE AMPHIPOLIS TOMB: PRELIMINARY NOTES

Yuri N. Kuzmin

Samara branch of Moscow City University, Russia,
yurimac@yandex.ru

Abstract. The results of the excavations of the “Macedonian type” tomb under the Kasta Hill near Amphipolis were presented by far most completely at the 29th *AEMTh* conference (March 2016, Thessaloniki). Among the objects covered by this presentation there was a relief depicting a “warrior”. According to the team of archaeologists under K. Peristeri, it was a part of the decoration of the Kasta Hill monumental complex serving as a cenotaph or a heroon to Hephaestion. The Italian historian of art A. Corso suggested that this relief should be dated to the last decades of the 4th century BC, and that it shows Alexander the Great at the head of Hephaestion’s funeral procession. However, the cavalry shield and the helmet of the person depicted in the relief indicate that it should be dated to a much later period. Firstly, in the time of Alexander and at least in the early period of the Successors the Macedonian cavalry did not use shields at all. The relief shows a round flat cavalry shield with *spina*, which started spreading across the Balkan region and the Hellenistic East not earlier than 270s BC. Secondly, the helmet in the relief (a variant of the κῶνος type) has good analogies in the pictorial evidence and artefacts from Macedonia, as well as other parts of the Hellenistic world, which date back to the time not earlier than the end of the third century B.C. Besides, it is questionable that the relief belongs to the complex of the Kasta Hill despite the place of its finding. It is much more likely that the relief belonged to a tombstone of a Macedonian horseman, a contemporary of the last Antigonid kings, Philip V (221–179 BC) or Perseus (179–168 BC), which was not completely preserved. Most probably, the relief, or rather the preserved fragment of it, represented not the main character (whose figure could have been in the lost part), but a servant (parallels to such composition are numerous in votive and funerary monuments in Macedonia and abroad).

Key words: Macedonia, Amphipolis, Kasta Hill, tomb, relief, cavalry shield, helmet

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СТАСАНОРА СОЛИЙСКОГО

Е.О. Стоянов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
eostoyanov@mail.ru*

Аннотация. В статье подвергнута критическому анализу распространенная гипотеза о родстве Стасанора Солийского – видного военачальника и политика времен Александра и диадохов – с царским домом кипрских Сол. Прямых свидетельств о происхождении Стасанора античная традиция не сохранила. Известия о солийских царях и их генеалогии слишком фрагментарны и ситуацию не проясняют. Этнохороним «Солиец» (ὁ Σόλιος / Soleus), иногда прилагаемый к имени Стасанора, также не является маркером принадлежности к правящему дому: все случаи его употребления, связанные с разделом сатрапий в Вавилоне и Трипарадесе, отражают стиль первоисточника – документа из македонской канцелярии, различающего греков (этнокон указан) и македонян (этнокон опущен). Наконец, анализ имени «Стасанор» (Στασάνωρ) в контексте кипрской и общегреческой ономастики показывает, что оно принадлежит к группе массово представленных на острове имен с корнем Στασ- / Στησ-. Составляя характерную особенность кипрского ономастикона, эти имена, однако, не обладают сколь-нибудь выраженной социальной спецификой. Так из 4 известных нам Стасаноров (среди которых 3 несомненных киприота) лишь один имел отношение к верховной власти. Все это позволяет заключить, что гипотеза о царском происхождении Стасанора, пусть и осященная авторитетом корифеев антиковедения, все же остается именно гипотезой, причем на сегодняшний день – неverifiedируемой.

Ключевые слова: Стасанор, Кипр, Солы, эллинизм, диадохи, династическая история, просопография, ономастика

Фигура Стасанора из Сол до сих пор пребывает на периферии исследовательского интереса¹. Вряд ли подобное пренебрежение справедливо: один из гетайров Александра (Strab. XIV.6.3; Arr. Anab. III.29.5), видный участник восточного похода (Arr. Anab. III.29.5, IV.7.1, 18.1; Diod. XVII.81.3), сатрап Арейи и Дрангианы (Arr. Anab. III.29.5, IV.18.3; Curt. VIII.3.17; Diod. XVIII.3.3; Dexipp. frg. 1.6), а затем Бактрии и Согдианы (Diod. XVIII.39.6, XIX.48.1; Arr. Succ. Alex. frg. 1.36) – этот незаурядный деятель заслуживает куда более пристального внимания².

Стоянов Евгений Олегович – соискатель кафедры истории Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: eostoyanov@mail.ru.

¹ Показательно, что Стасанору до сих пор не посвящено ни одной специальной работы – за исключением энциклопедических статей и разделов в просопографических справочниках: Berve 1926b, 361–362; Honigmann 1929, 2152–2153; Billows 1997, 448–449; Heckel 2005, 255.

² То же самое, впрочем, можно сказать и о других, не менее ярких современниках Стасанора: Певкесте, Пифоне, Сибиртии и остальных диадохах «второго ряда» или, по удачному определению С.В. Смирнова (2014, 163–164), «малых диадохах».

Среди белых пятен, которыми изобилует биография Стасанора, – вопрос о его происхождении. Как известно, Стасанор был уроженцем кипрских Сол³. Это единственный факт его ранней биографии (до появления на службе у Александра), не вызывающий сомнений. Никаких иных сведений (родословная военачальника, его социальный и политический статус на родине) античная традиция до нас не донесла. Тем поразительнее единодушие, с которым почти все писавшие о Стасаноре допускали – с разнообразными оговорками – его принадлежность к солийскому царскому дому. Это предположение, сделанное впервые В.Г. Энгелем⁴, было затем подхвачено И.Г. Дройзеном⁵ и постепенно превратилось в историографический трюизм. При этом, как ни парадоксально, до сих пор не было приведено ни одного серьезного аргумента в пользу этой версии⁶. Кажется, мы имеем дело с одним из тех случаев, когда постоянное тиражирование гипотезы автоматически обеспечивает ей весомость.

Насколько же обосновано мнение о родстве Стасанора с солийской династией?

История царского дома Сол известна фрагментарно. Мы не располагаем даже полным списком правителей, а наши представления об их генеалогии еще более туманны⁷. Впрочем, то же самое можно сказать и о большинстве династий Кипра: нарративная традиция о внутренней истории острова довольно скупа и только отчасти компенсируется данными эпиграфики и нумизматики.

Первые представители солийской династии, чьи имена дошли до нас⁸ – современник Солона царь Филокипр (Hdt. V.113; Plut. Sol. 26) или Кипранор (Vita Arati I)⁹ и его сын Аристокипр, участник ионийского восстания, павший в бою с персами у кипрского Саламина (Hdt. V.113). Эпиграфический памятник IV в. до н.э. фиксирует имена еще двух царей – Стасия и его сына Стасикрата¹⁰. Неясны время и обстоятельства правления в Солах карийца Глоса (Athen. VI. 69)¹¹, понятно лишь, что речь идет о чужеземце (вероятно, узурпаторе), к солийской династии

³ Прямо указывает на это Страбон (Strab. XIV.6.3). Кроме того, Стасанор неоднократно упоминается именно как «солиец» (ὁ Σόλειος / Soleus): Diod. XVIII.3.3, 39.6; Arr. Succ. Alex. frg.1.36; Dexipp. frg.6; встречается также искаженное написание Sicheos Staganor (Iust. XIII.4.23) и Sichaeus Itacanor (Oros. III.23.13) – вместо Soleus Stasanor.

⁴ Engel 1841, 357.

⁵ Droysen 1952, 215. В первом издании «Истории диадохов» (ср. Droysen 1836, 339–340) вопрос о происхождении Стасанора не поднимается – так что приоритет здесь принадлежит именно Энгелю.

⁶ Исключения наперечет: Schiff 1907, 1138; Brown 1947, 689. Аргументация этих авторов будет рассмотрена далее.

⁷ Строго говоря, нельзя поручиться, что все перечисленные далее правители принадлежали к одному роду. Поэтому понятие «солийская династия» достаточно условно.

⁸ Мы не учитываем здесь данные т.н. призмы Асархаддона (673/2 гг. до н.э.) ввиду сложности их интерпретации, хотя велика вероятность, что некий Erêsu, царь Sillu, упомянутый среди 10 правителей Кипра, был именно царем Сол. См., напр. Oberhammer 1903, 13; Hill 1949, 107.

⁹ Обзор мнений по проблеме Филокипр / Кипранор: Hill 1949, 117.

¹⁰ Masson 1961, 218–220 (№ 212). Посвящение Афине царя Стасикрата, сына Стасия: [ὁ Σόλων βασιλ]ε[ὺς] Στασικράτ[ης] ὁ βασιλ]έως [Στασίου].

¹¹ Приведенная Афинеем выдержка из Клеарха Солийского – единственное свидетельство о правлении Глоса в Солах. Датировка зависит от идентификации Глоса: идет ли речь об известном сыне Тамоса (Xen. Anab. I.4.16, 5.7; II.1.3, 4.24; Diod. XIV.35.3; XV.3.2–6, 9.3–5, 18.1; м.б. Polyaeon VII.20) или о другом лице.

не принадлежавшем¹². Современником Александра – а, стало быть, и Стасанора – был царь Пасикрат (Plut. Alex. 29; Arr. Succ. Alex. fr. 24.6)¹³. И наконец, последним занимал солийский трон некий Эвност – союзник Птолемея, выдавшего за него свою дочь Ирину (Athen. XIII.37; Eustaph. Sch. II. XXIII 826).

Членами царского дома также, видимо, являлись анакты и анассы – ближайшие родственники царя¹⁴. Из солийских анактов нам известны Стасий, сын Стасикрата¹⁵, а также сын Пасикрата Никокл (Arr. Ind. 18.8; Epit. Mett. 55)¹⁶.

Какое место мог занимать в этом ряду Стасанор? Очевидно, что царем он не был – это невозможно даже хронологически: Стасанор впервые оказывается в поле нашего зрения в 329 г. до н.э., в начале среднеазиатской кампании (Arr. Anab. III.29.5), когда Солами уже правит (минимум с 331 г. до н.э.) Пасикрат (Plut. Alex. 29)¹⁷. К тому же при упоминании кипрских царей в античной нарративной традиции титул никогда не опускался (Diod. XVI. 46. 1–3; XIX. 62.6, 79.4; Arr. Anab. II.20.6, 22.2; Arr. Succ. Alex. fr.24.6; Plut. Alex. 29.1–2), и вряд ли именно для Стасанора было сделано исключение¹⁸.

Если Стасанор и мог принадлежать к царскому дому, то только как один из анактов. Обычно ему приписывают родство с Пасикратом – обязательно оговаривая, правда, гипотетичность этого предположения. Братом или сыном Пасикрата видели его В.Г. Энгель и Ф. Вотке¹⁹, братом – А. Шифф²⁰, сыном Пасикрата и, соответственно, братом Никокла – И.Г. Дройзен, Г. Берве, Э. Хонигман, Р. Биллоуз²¹. Очевидно, однако, что все эти конструкции совершенно умозрительны, а привязка Стасанора к Пасикрату объясняется исключительно соображениями хронологии²².

¹² Ср. с ситуацией в Саламине, где во второй половине V в. до н.э. финикийцы на время отстранили от власти род Тевкридов.

¹³ Попытки идентифицировать Пасикрата с упомянутым выше Стасикратом (Oberhammer 1927, 939) едва ли оправданы (Hill 1949, 150–151).

¹⁴ Термин ἄναξ (ῥάναξ), -ктоś известен в Восточном Средиземноморье с микено-минойской эпохи. О кипрских анактах и анассах доэллинистической эпохи см. в сохранившемся фрагменте «Кипрской политики» Аристотеля: οἱ μὲν οὖτοι τοῦ βασιλέως καὶ οἱ ἀδελφοὶ καλοῦνται ἄνακτες, αἱ δὲ ἀδελφαὶ καὶ γυναικες ἄνασσαι (Suidas s.v. ἄνακτες καὶ ἄνασσαι). Ср. реплику Исократ о потомках Эвагора (Isocr. Euag. 72): ἀλλὰ τὸν μὲν βασιλέα καλοῦμενον, τοὺς δ' ἄνακτας, τὰς δ' ἄνασσας. Кроме того, анакты обладали, видимо, специальными полномочиями, будучи чем-то вроде коллегиального надзорного органа (Athen. VI. 68; Eustaph. Sch. II. 13. 582).

¹⁵ Masson 1961, 217–218 (№ 211): ὁ ῥάναξ Στασίης Στασικράτεος (силл. o-wa-na-xe sa-ta-si-ya-se sa-ta-si-ka-ra-te-o-se).

¹⁶ Никокл не назван анактом, но это не должно вводить в заблуждение: античная нарративная традиция вообще не обозначает кипрских «принцев крови» никаким титулом, тогда как эпиграфика все же свидетельствует о его использовании – см. пример со Стасием, а также пространную надпись из Идалия: Masson 1961, 246 (№ 220).

¹⁷ Упомянутая хорегия Пасикрата имела место в Финикии, на обратном пути Александра из Египта, т.е. должна датироваться весной – началом лета 331 г. до н.э.

¹⁸ Арриан, вводя героя в повествование, называет его лишь «одним из гетайров» (Arr. Anab. III.29.5). Страбон повторяет это определение, добавляя к нему расплывчатую формулировку ἀνὴρ ἡγεμονίας ἡγεμόνιος (Strab. XIV.6.3). Вне зависимости от толкования слова ἡγεμονία понятно, что речь идет не о наследственной власти в Солах.

¹⁹ Engel 1841, 357; Wotke 1949, 2063.

²⁰ Schiff 1907, 1139–1140.

²¹ Droysen 1952, 215; Berve 1926b, 361; Honigmann 1929, 2152; Billows 1997, 448.

²² Схожим образом обстоит дело с Эвностом. Предположение, что Эвност – еще один сын Пасикрата (Droysen 1952, 215; Schiff 1907, 1138–1140; Oberhammer 1927, 939; Hill 1949, 165 etc.), столь же распространено, сколь и бездоказательно. Трудно признать убедительной и изящную гипотезу

Сколь-нибудь содержательных аргументов в пользу родства Стасанора с царями Сол, как уже было отмечено, немного. И если соображения Т.С. Брауна легко опровержимы²³, то куда большего внимания заслуживает предположение А. Шиффа. По его мнению, маркером царского достоинства кипрских правителей мог быть не только титул (βασιλεύς или δυνάστης), но и просто этникон – например ὁ Σόλιος²⁴. Хотя это наблюдение носит общий характер, оно кажется особенно любопытным именно для Стасанора, имя которого сопровождается этником достаточно часто.

Сам по себе этникон (этнохороним) являлся, наряду с личным именем и патронимом, традиционным элементом греческой антропонимии²⁵. Он мог, конечно же, нести и дополнительную смысловую нагрузку – но определять это необходимо в каждом отдельном случае, исходя из контекста.

Если систематизировать случаи упоминания Стасанора с этником «солиец» или без него, обнаружим, что оба варианта могут встречаться не только у одного автора (в «Анабасисе Александра» Арриан обходится без этникона, а в сохранившихся фрагментах «Истории после Александра» использует его), но и в одном сочинении (ср. Diod. XVIII.3.3, 39.6 и XVII.81.3, XIX.48.1), причем с внутренней логикой повествования такое варьирование никак не связано.

Есть основания полагать, что оборот «Стасанор солиец» – воспроизведение специфической терминологии источника. Показательно, что этникон появляется только в списках сатрапов, разделивших империю Александра в Вавилоне и Трипарадисе (Diod. XVIII.3.3, 39.6; Arr. Succ. Alex. frg.1.36; Dexipp. frg.1.6; Iust. XIII.4.23; Oros. III.23.13).

Рассказ об этих двух разделах, согласно общепринятой точке зрения, восходит (прямо или опосредованно) к сочинению Иеронима из Кардии²⁶. Считается вероятным при этом, что в распоряжении Иеронима находилась официальная документация²⁷ и оборот Στασίνορ ὁ Σόλιος мог быть заимствован им именно оттуда.

Какова была смысловая нагрузка этнохоронима ὁ Σόλιος в списках сатрапов? Разрешение этого вопроса упирается в проблему реконструкции протографа²⁸. Не ставя перед собой столь масштабную задачу, отметим, что наиболее близким к

Шиффа (Schiff 1907, 1139): старший сын царя наследует трон, младший участвует в походе Александра (ср. Эвност и Никокл в Солах, Никокреонт и Нитафонт в Саламине). К тому же весомым контраргументом является нехарактерное для Кипра беотийское имя Эвноста (Schiff 1907, 1139).

²³ По мнению Брауна, Стасанор обязан должностью сатрапа своему высокому происхождению, поскольку иначе такой карьерный рост для грека на македонской службе был возможен лишь при наличии special qualifications (Brown 1947, 689). Странно, что автор отказывает Стасанору в профессиональных достоинствах: и успешное выполнение ответственных поручений в тяжелой среднеазиатской кампании (Arr. Anab. III.29.5, IV.7.1, 18.1), и высокий авторитет в Бактрии, не позволивший Антигону низложить нелояльного сатрапа (Diod. XIX.48.1), доказывают, что Стасанор был далеко не бездарен – и как военный, и как администратор.

²⁴ Schiff 1907, 1138.

²⁵ О структуре и характерных особенностях имени у древних греков см.: Fraenkel 1935, 1611–1648; Masson 1995, 706–710.

²⁶ Иероним, по точному определению Феликса Якоби, – maßgebender Historiker для пятидесятилетия после смерти Александра (Jacoby 1913, 1340). См. также: Reuss 1876, 101; Brown 1947, 292; Roisman 2010, 135.

²⁷ Brown 1947, 687–688.

²⁸ Мы располагаем 13 вариантами вавилонского списка и 2 – для раздела в Трипарадисе (Klinkott 2000, 17–49, 67–74).

исходному тексту Иеронима представляется вариант Диодора²⁹. Его списки – самые ранние из сохранившихся (не исключено, что он пользовался сочинением Иеронима непосредственно³⁰) и одни из самых полных. Известный недостаток писательского метода Диодора – опора на «главный», зачастую единственный для каждого крупного сюжетного блока источник при его минимальной стилистической обработке³¹ – оборачивается здесь явным достоинством. Именно его текст мы примем за основу – естественно, при учете всех остальных вариантов.

Помимо самого Стасанора, еще два имени в списках сатрапий сопровождают этником: Стасандр Кипрский и Лаомедонт Митиленский. О происхождении Стасандра неизвестно ничего³², о генеалогии Лаомедонта, сына Лариха и брата Эригия, мы знаем немногим больше (Arr. Anab. III.6.5–6)³³; но, во всяком случае, принадлежность последнего к царскому роду исключена: монархия в Митиле была упразднена несколькими столетиями ранее³⁴. Даже если ограничить гипотетическое соответствие «этникон–царский род» лишь киприотами, остается непонятным, почему Стасандр назван ὁ Κύπριος вместо ожидаемого в таком случае указания на определенное царство.

Этникон здесь если и коррелирует, то скорее с этническим, нежели с социальным происхождением фигурантов обоих списков: и Лаомедонт, и Стасанор со Стасандром – греки, в то время как имена многочисленных македонян этнохоронимом не сопровождаются³⁵. Можно предположить, что перед нами намеренное разделение сатрапов по этническому принципу, причем, скорее всего, с точки зрения македонян. Такая гипотеза не лишена слабых мест³⁶, но выглядит довольно перспективной. Если наше наблюдение все же верно, то оно может оказаться дополнительным подтверждением того, что в основе списков сатрапий, поделенных в Вавилоне и Трипарадисе, лежал документ, происходящий именно из македонской канцелярии.

²⁹ Klinkott 2000, 102.

³⁰ Обзор мнений: Brown 1947, 692–693; Bizière 1974, 369–370.

³¹ Reuss 1876, 115–131; Schwartz 1905, 669; Bizière 1974, 374

³² Античная традиция о Стасандре: Diod. XVIII.39.6; XIX.14.7, 27.3; Arr. Succ. Alex. frg. 1.36. Гиперкритический подход, отказывающий Стасандру в историчности и делающий его «двойником» Стасанора (Lehmann-Haupt 1921, 158; Berve 1926 b, 361; Launey 1949, 487), кажется нам неприемлемым (Beloch 1927, 315–316; Hill 1949, 151; Heckel 2005, 255, 341).

³³ См. также: Berve 1926 b, 231–232; Heckel 2005, 146.

³⁴ О политической истории Митиле до Александра см.: Herbst 1935, 1412–1414; Мякин 2004, 9–15.

³⁵ В пользу нашего предположения может свидетельствовать любопытная параллель из другого списка – знаменитого перечня навархов арриановой «Индики», где критянин и гражданин Амфиополя Неарх (кстати, наиболее вероятный автор списка) охарактеризован как Νέαρχος ὁ Ἀνδροτίμου, τὸ γένος μὲν Κρής ὁ Νέαρχος (Arr. Ind. 18.10). Эта формулировка интересна тем, что наглядно соотносит два способа именования, отражающие двойственность положения Неарха – грека по рождению и подданного македонского царя.

³⁶ Прежде всего, не вписывается в эту схему Эвмен, почти во всех имеющихся вариантах списков упоминаемый без этника, кроме единичного Εὐμένης ὁ Καρδιανός (Arr. Succ. Alex. frg. 1.3). Можно объяснить это особым статусом Эвмена и его близостью к македонскому двору, но как тогда быть с Лаомедонтом, с юности проживавшим в Амфиполе и находившимся при дворе еще во времена Филиппа? В упомянутом списке навархов, структурированном по гражданскому, а не этническому принципу (Холод 2013, 119–120), Лаомедонт фигурирует как македонянин (Arr. Ind. 18.4). Эти вопросы (и ряд других) в конечном счете упираются в сложнейшую проблему соотношения македонской и греческой идентичностей во времена Александра и диадохов.

Возможен, наконец, еще один подход к вопросу о происхождении Стасанора: взглянуть на проблему сквозь призму исторической ономастики. Рассмотрев имя Στασάνωρ в контексте царской антропонимии Кипра, а также на более широком фоне кипрского и общегреческого ономастикона, можно определить – хотя бы приблизительно – географический и социальный ареал его распространения.

Такая процедура сопряжена с рядом трудностей. Ономастический материал нарративных источников далек от желаемой полноты, а интерпретация данных эпиграфики и нумизматики часто затруднена: к проблемам традиционным (датировка, локализация, идентификация персоналий) здесь добавляется широкое использование на острове кипрского слогового письма.

Тем не менее, с поправкой на эти обстоятельства, нами был предпринят максимально полный анализ кипрской антропонимии. Рассматривались при этом только греческие имена³⁷. Имена финикийские, удельный вес которых в кипрском ономастическом комплексе весьма высок³⁸, по понятным причинам не учитывались. Была тотально проработана прежде всего антропонимика доалександрова³⁹ и александрова времени, хотя также был учтен и материал последующих эпох.

В результате удалось выделить некоторые особенности ономастического комплекса античного Кипра. Так, для кипрского ономастикона характерна диахронная стабильность: репертуар имен не претерпел радикальных изменений от архаики до поздней античности. Едва ли не самая характерная (и при этом вполне объяснимая) его черта – имена с корнем *-кипр-* (*-κυпр-*): Όνασίκυπρος, Φιλόκυπρος, Στασίκυπρος, Πασίκυπρος, Αριστόκυπρος, Κυπραγόρας и т.д. Они встречаются почти во всех областях острова. Правда, их доля в общем антропонимическом массиве не слишком велика⁴⁰.

Наибольшей же повторяемостью (в этом отношении они оставляют далеко позади остальные имена) обладают 2 корня⁴¹:

1) Корень *Οнас-* / *Οнес-* (Όνασ- / Όνης-) ⁴², этимологически связанный с ὄνασις / ὄνησις, -εως («польза, выгода, благо»). Имена широко представлены во всех регионах острова во все периоды древности⁴³.

³⁷ Основой для подсчетов стал материал первого тома LGPN (Fraser, Matthew 1987). Все дальнейшие выкладки, кроме особо оговоренных случаев, основаны на данных этого свода. Многие данные перепроверены по первоисточникам. Цифра в 2656 учтенных составителями персоналий, естественно, не может считаться ни абсолютно точной, ни окончательной.

³⁸ Так, например, все цари Кития носили финикийские имена: Баалмелек, Азбаал, Баалрам и т.д. (Oberhummer 1921, 537).

³⁹ Самые ранние данные относятся к I половине VII в. до н.э. – т.н. призма Асархаддона 673/2 г. до н.э. с именами 10 кипрских царей (Oberhummer 1903, 11–15; Hill 1949, 105–108).

⁴⁰ Исключение составляет Марий (Арсиноя), где зафиксированы: Αριστόκυπρος, Κυπραγόρας, Κυπρόκλῆς, Κυπρόμεδων, Κυπρόφιλος, Όνασίκυπρος (2 раза), Τιμόκυπρος, Φαόκυπρος, Φιλόκυπρος; из женских имен – Αριστοκύπρα (2), Θεμιστοκύπρα, Κυπρόκράτις, Κυπρότιμα, Όνασικύπρα (2), Τιμοκύπρα (3), Φιλοκύπρα (основной массив имен – V–IV вв. до н.э.).

⁴¹ Закономерность отмечена еще: Fraser & Matthews (eds.) 1987, x.

⁴² Чередование α / η связано с диалектными особенностями греческого языка. Первое характерно для аркадо-кипрского диалекта, второе – для ионийского и сформировавшегося затем на его основе эллинистического койне. О вариативности койне / местный диалект (в т.ч. на примере Кипра) см.: Morpurgo Davies 2000, 25–34.

⁴³ Самое раннее из этих имен (Οнасагор, ассир. U-na-sa-gu-su) встречается уже в надписи на призме Асархаддона. Проиллюстрируем распространенность этого корня рядом примеров: Курий: Όνασιμᾶς (VI в. до н.э.), Όνασίας (IV в. до н.э.), Όνασαγόρας (кон. III в. до н.э.), Όνήσιλος (2: III/II и

2) Корень *Стас-* / *Стес-* (Στασ- / Στησ-), семантически крайне многообразный (что соответствует разбросу значений родственного глагола ἵστημι). По распространённости несколько уступает предыдущему⁴⁴.

Важно отметить, что имена последней группы не просто характерны, но именно специфичны для Кипра. Если проследить их распространение в общегреческом масштабе, то выяснится, что киприотами были 11 из 14 Стасикратов (Στασικράτης / Στησικράτης), все 6 Стасикретов (Στασικρέτης), 11 из 12 Стасиеков (Στασιόκος), 9 из 18 Стасагоров (Στασαγόρας), 4 (?) из 6 Стасандров (Στάσανδρος), 2 из 3 Стасинов (Στασίνοϛ). Нарушают эту закономерность разве что 3 кипрских Стасия (Στασίας) из известных 14.

Что же касается имени Стасанор, то известны еще 3 его носителя:

1) Стесенор (Στησήνωρ) – тиран Курия. Участник ионийского восстания на Кипре. Во время решающей битвы при Саламине (кипрском) изменнически покинул поле боя, предрешив победу персов (Hdt. V.113). Единственный обладатель этого имени, являвшийся монархом⁴⁵.

2) Стасанор (Στα[σά]νωρ, силл. sa-ta-[sa]-no-ro). Эпитафия из Мария V–IV вв. до н.э.: «Тимокипра, жена Манеса сына Стасанора»⁴⁶.

3) Стасенор (Στασήνωρ) – муж сестры Каллимаха Мегатимы и отец Каллимаха младшего (Suidas s.v. Καλλιμάχος)⁴⁷.

Итак, имя Στασάνωρ не принадлежит к числу самых распространенных на Кипре, хотя и относится к группе характерных для острова имен. К тому же оно не является сугубо солийским – впрочем, признаки локальных ономастических комплексов для Кипра вообще просматриваются плохо.

Так же сложно определить особенности царской антропонимики Кипра. В целом она характеризуется теми же чертами. Здесь столь же часты имена с корнями Ὀνασ- и Στασ-. К последним, помимо солийских Стасикрата и двух Стасиев, относятся также Стасид, Стасифил и Стасандр из Пафоса, два Стасиека из Мария,

II вв. до н.э.), Ὀνησικράτης (II в. до н.э.); Идалий: Ὀνασαγόρας (2), Ὀνασίκυπρος, Ὀνάσιλος (все 478–470 гг. до н.э.), Ὀνήσιμος (222/1 гг. до н.э.); Голги: Ὀνασίκυπρος, Ὀνασίорος, Ὀνασίτιμος (все V–IV вв. до н.э.), Ὀνασαγόρας (III в. до н.э.); Саламин: Ὀνήσιλος (начало V в. до н.э.) и Ὀνάσιλος (2, IV в. до н.э.), Ὀνάσας (V/IV в. до н.э.), Ὀνάσιμος (IV / III в. до н.э.), Ὀνασιφῶν (III / II в. до н.э.), Ὀνησίκριτος (120 г. до н.э.); Хитры: Ὀνασικ[ράτης] (V–IV вв. до н.э.), Ὀνασίорος, Ὀνησαγόρας (оба IV–III вв. до н.э.), Ὀνασίθεμις (IV–III вв. до н.э.); Марий: Ὀνασαγόρας (7), Ὀνάσας (2), Ὀνασίας, Ὀνασίδαμος, Ὀνασικρέτης (2), Ὀνασίκυπρος (2), Ὀνάσιλος (6), Ὀνασίοκος, Ὀνασίτιμος (4), Ὀνασις (все г.о. VI–IV вв. до н.э.); женские: Ὀνασικύпра (2), Ὀνασιτίμα (все V в. до н.э.), Ὀνασίθεμις (V–IV вв. до н.э.).

⁴⁴ Также несколько примеров по царствам: Китий: Στησικράτης (IV–III вв. до н.э.) и Στασιόκος (2, II в. до н.э.); Курий: Στησήνωρ и Στασιόκος (V в. до н.э.); Ледры: Στασαγόρας и Στασάγορος (V–IV вв. до н.э.); Марий: Στασαγόρας (6), Στασιόκος (6), Στάσις, Στάσανδρος, Στασάνωρ, Στασιτίμα (все – VI–IV вв. до н.э.); Пафос: Στασιάναξ, Στάσις, Στασιφίλος (все – VI в. до н.э.), Στάσανδρος (460 г. до н.э.), Στασίας (V–IV вв. до н.э.), Στασικρέτης (IV в. до н.э.), Στασιόκος, Στασίτιμος (оба – III в. до н.э.), Στασιδһμος (ок. 160 г. до н.э.); женские: Στασιθέа (III в. до н.э.), [Στα]σικράτεια (II в. до н.э.); Саламин: Στασίνοϛ (полулегендарный автор «Киприй», около VIII в. до н.э.), Στασιόκος (V вв. до н.э.), Σταсикρέτης (V–IV вв. до н.э.), Στήσανδρος (Athen. XIV.42, в тексте Σάμιος, вероятная конъектура Σαλαμίνιος); Солы: Στασίας (2), Σταсикράτης, Σταсάνωρ (все – IV в. до н.э.).

⁴⁵ Геродот называет его τύραννος, а не βασιλεύς. Но похоже, что для Кипра эти титулы были синонимичны: (ср. Hdt. V. 109 и 110), во всяком случае, «тиран» также означал наследственного легитимного правителя. Аналогично у Страбона (Strab. XIV.6.6): πρότερον μὲν οὖν κατὰ πόλεις ἐτύραννοντο οἱ Κύπριοι.

⁴⁶ Masson 1961, 172–173 (№154 b).

⁴⁷ Каллимах младший обозначен как Κυρηναῖος, но был ли уроженцем Кирены сам Стасенор?

Стаикипр из Идалия и уже упомянутый Стесенор Курийский. К чертам, характерным именно для царского ономастикона, можно отнести разве что относительную повторяемость таких имен, как Тимохарид (Τιμόχαρις, один в Пафосе, два в Марии), Пасикрат (Πασικράτης, цари Курия и Сол) и Никокл (Νικόκλης, солийский анакт, цари Пафоса и Саламина). Не исключено, что это объясняется междинастическими связями кипрских царств⁴⁸.

Как видим, ономастический комплекс античного Кипра обладает достаточной внутренней однородностью – настолько, что вычленив имена, характерные для определенного региона или сословной группы, не представляется возможным. Это справедливо и для имени Στασάνωρ / Στησήνωρ: оно входит в обширную группу имен, характерных для Кипра в целом, и нет оснований считать его специфической принадлежностью царского рода – ни солийского, ни какого-либо иного.

Итак, на сегодня в нашем распоряжении нет ни одного надежного аргумента, который позволял бы считать Стасанора анактом солийского дома. Нельзя сказать, что это предположение неправдоподобно – иначе у него не было бы такого количества сторонников – но оно совершенно неverifiedуемо, во всяком случае при имеющейся источниковой базе. Почти не вызывает сомнений принадлежность Стасанора к кругу кипрской знати, о чем свидетельствует хотя бы его членство в аристократической корпорации гетайров, но каким именно было его положение внутри этой сословной группы – остается неясным.

ЛИТЕРАТУРА

- Мякин, Т.Г. 2004: *Лесбосская демократия. Политический строй античной Митилены с древнейших времен до V в. н. э.* Новосибирск.
- Смирнов, С.В. 2014: Пифон, Селевк и традиция Иеронима из Кардии. *Мнемон* 14, 161–170.
- Холод, М.М. 2013: К вопросу о вхождении греческих городов Малой Азии в Коринфскую лигу. *Мнемон* 13, 117–122.
- Beloch, K.J. 1927: *Griechische Geschichte. 4. Die griechische Weltherrschaft* 2. Berlin–Leipzig.
- Berve, H. 1926 a–b: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. 1. Darstellung; 2. Prosopographie.* München.
- Billows, R.A. 1997: *Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State.* Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Bizière, F. 1974: Comment travaillait Diodore de Sicile. *RÉG* 87, 369–374.
- Brown, T.S. 1947: Hieronymus of Cardia. *AHR* 52. 4, 684–696.
- Droysen, J.G. 1836: *Geschichte des Hellenismus. 1. Geschichte der Nachfolger Alexanders.* Hamburg.
- Droysen, J.G. 1952: *Geschichte des Hellenismus. 2. Geschichte der Diadochen.* Tübingen.
- Engel, W.H. 1841: *Kypros. Eine Monographie. 1.* Berlin.

⁴⁸ Эта версия, при всей ее логичности, лишена прямых доказательств – что неудивительно при общей фрагментарности наших знаний о внутренней истории Кипра. А. Шифф (Schiff 1907, 1138) увидел указание на родственные отношения в следующем пассаже Арриана: ἐν δὲ τούτῳ Περδίκκας μαθὼν τὸν ἐν Κύπρῳ βασιλέων Νικοκρέοντά τε τὸν Σαλαμίνιον καὶ τοὺς αὐτῷ συγγενομένους Πασικράτην τὸν Σόλιον καὶ Νικοκλέα τὸν Πάφιον, τοῦτον καὶ Ἀνδροκλέα τὸν Ἀμαθούσιον πρὸς μὲν Πτολεμαῖον συμμαχίαν πεποιμένους (Arr. Succ. Alex. frg.24.6). Однако понимание συγγενόμενος как синонима συγγενής кажется натяжкой. Куда более оправдан в данном контексте вариант «поддержавшие, пришедшие на помощь».

- Fraenkel, E. 1935: Namenwesen. *RE* 16.2 (33), 1611–1670.
- Fraser, P.M., Matthews, E. (eds.) 1987: *A Lexicon of Greek Personal Names. 1. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica*. Oxford.
- Heckel, W. 2005: *Who Was Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford.
- Herbst, R. 1935: Mytilene. *RE* 16 (32), 1411–1427.
- Hill, G. 1949: *A History of Cyprus. 1. To the Conquest by Richard Lion Heart*. Cambridge.
- Honigsmann, E. 1929: Στασάνωρ. *RE* II, 3A (6), 2152–2153.
- Jacoby, F. 1913: Hieronymos. *RE* 8 (16), 1540–1560.
- Klinkott, H. 2000: *Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit (Historia: Einzelschriften. 145)*. Stuttgart.
- Launey, M. 1949: *Recherches sur les armées hellénistiques*. Paris.
- Lehmann-Haupt, C.F. 1921: Satrap (und Satrapie). *RE* II, 2A (3), 82–188.
- Masson, O. 1961: *Les inscriptions chypriotes syllabiques. Recueil critique et commenté*. Paris.
- Masson, O. 1995: Les noms propres d'hommes en grec ancien. In: E. Eichler usw. (Hrsg.), *Namenforschung. Name Studies. Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik. 1 (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. 11.1)*. Berlin–New York, 706–710.
- Morpurgo Davies, A. 2000: Greek Personal Names and Linguistic Continuity. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names. Their Value as Evidence (Proceedings of the British Academy. 104)*. Oxford, 15–40.
- Oberhummer, E. 1903: *Die Insel Cypern. Eine Landeskunde auf historischer Grundlage. 1. Quellenkunde und Naturbeschreibung*. München.
- Oberhummer, E. 1921: Kition (1). *RE* 11 (21), 535–545.
- Oberhummer, E. 1927: Soloi (2). *RE* II, 3A (5), 938–941.
- Reuss, F. 1876: *Hieronymos von Kardia. Studien zur Geschichte der Diadochenzeit*. Berlin.
- Roisman, J. 2010: Hieronymus of Cardia: Causation and Bias from Alexander to his Successors. In: E. Carney, D. Ogden (eds.), *Philip II and Alexander the Great: Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford, 135–148.
- Schiff, A. 1907: Eunostos. *RE* 6 (11), 1138–1140.
- Schwartz, E. 1905: Diodorus. *RE* 5 (10), 663–704.
- Wotke, F. 1949: Pasikrates. *RE* 18.2 (36.3), 2062–2063.

REFERENCES

- Beloch, K.J. 1927: *Griechische Geschichte. 4. Die griechische Weltherrschaft* 2. Berlin–Leipzig.
- Berve, H. 1926 a–b: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. 1. Darstellung; 2. Prosopographie*. München.
- Billows, R.A. 1997: *Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State*. Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Bizièvre, F. 1974: Comment travaillait Diodore de Sicile. *RÉG* 87, 369–374.
- Brown, T.S. 1947: Hieronymus of Cardia. *AHR* 52, 4, 684–696.
- Droysen, J.G. 1836: *Geschichte des Hellenismus. 1. Geschichte der Nachfolger Alexanders*. Hamburg.
- Droysen, J.G. 1952: *Geschichte des Hellenismus. 2. Geschichte der Diadochen*. Tübingen.
- Engel, W.H. 1841: *Kypros. Eine Monographie. 1*. Berlin.
- Fraenkel, E. 1935: Namenwesen. *RE* 16.2 (33), 1611–1670.
- Fraser, P.M., Matthews, E. (eds.) 1987: *A Lexicon of Greek Personal Names. 1. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica*. Oxford.

- Heckel, W. 2005: *Who Was Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford.
- Herbst, R. 1935: Mytilene. *RE* 16 (32), 1411–1427.
- Hill, G. 1949: *A History of Cyprus. I. To the Conquest by Richard Lion Heart*. Cambridge.
- Holod, M.M. 2013: К вопросу о вхождении греческих городов Малой Азии в Коринфскую лигу. *Mnemon* 13, 117–122.
- Honigsmann, E. 1929: Στασάνωρ. *RE* II, 3A (6), 2152–2153.
- Jacoby, F. 1913: Hieronymos. *RE* 8 (16), 1540–1560.
- Klinkott, H. 2000: *Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit (Historia: Einzelschriften. 145)*. Stuttgart.
- Launey, M. 1949: *Recherches sur les armées hellénistiques*. Paris.
- Lehmann-Haupt, C.F. 1921: Satrap (und Satrapie). *RE* II, 2A (3), 82–188.
- Masson, O. 1961: *Les inscriptions chypriotes syllabiques. Recueil critique et commenté*. Paris.
- Masson, O. 1995: Les noms propres d'hommes en grec ancien. In: E. Eichler usw. (Hrsg.), *Namenforschung. Name Studies. Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik. 1 (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. 11.1)*. Berlin–New York, 706–710.
- Morpurgo Davies, A. 2000: Greek Personal Names and Linguistic Continuity. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names. Their Value as Evidence (Proceedings of the British Academy. 104)*. Oxford, 15–40.
- Myakin, T.G. 2004: *Lesboskaya demokratiya. Politicheskiy stroy antichnoy Mitileny s drevneyshih vremen do V v. n. e. Uchebnoe posobie*. Novosibirsk.
- Oberhummer, E. 1903: *Die Insel Cypern. Eine Landeskunde auf historischer Grundlage. 1. Quellenkunde und Naturbeschreibung*. München.
- Oberhummer, E. 1921: Kition (1). *RE* 11 (21), 535–545.
- Oberhummer, E. 1927: Soloi (2). *RE* II, 3A (5), 938–941.
- Reuss, F. 1876: *Hieronimos von Kardia. Studien zur Geschichte der Diadochenzeit*. Berlin.
- Roisman, J. 2010: Hieronymus of Cardia: Causation and Bias from Alexander to his Successors. In: E. Carney, D. Ogden (eds.), *Philip II and Alexander the Great: Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford, 135–148.
- Schiff, A. 1907: Eunostos. *RE* 6 (11), 1138–1140.
- Schwartz, E. 1905: Diodorus. *RE* 5 (10), 663–704.
- Smirnov, S.V. 2014: Pifon, Selevk i tradiciya Ieronima iz Kardii. *Mnemon* 14, 161–170.
- Wotke, F. 1949: Pasikrates. *RE* 18.2 (36.3), 2062–2063.

ON THE ISSUE OF THE STASANOR THE SOLIAN'S DESCENT

Evgeny O. Stoyanov

Saint-Petersburg State University, Russia,
 eastoyanov@mail.ru

Abstract. The paper presents a critical investigation of a wide-spread hypothesis that Stasanor the Solian (a prominent soldier and statesman of the time of Alexander and the Diadochi) was a member of the royal house from Cyprian Soli. In fact, this opinion has no reasonable arguments. Ancient authors mention nothing about Stasanor's descent. Our knowledge about Solian dynasty is very scarce and we are not able to denominate all its members or to determine the grade of their kinship. The ethnonym Solian, added to Stasanor's name in narrations of the division of Alexander's empire in Babylon and Triparadisus, is not connected with royal dignity: the

use of this epithet reflects stylistic features of the primary sources – official documents where the distinction between Greeks (mentioned with ethnonym / native city-state name) and the Macedonians (without it) was drawn. As for the name Stasanor itself, it belonged to the large group of names with the root Stas- (Stes-). These names were not only widespread in ancient Cyprus, but also specific for the local onomasticon. But we cannot trace any connection between the name Stasanor (likewise other names of this group) and social or political status of its bearers. All these facts and considerations allow us to conclude that the hypothesis of Stasanor's royal origin, despite of its enormous popularity among scholars, cannot be verified.

Key words: Stasanor, Cyprus, Soli, Hellenism, Diadochi, dynastic history, prosopography, onomastics

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 110–120
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 110–120
© Автор(ы) 2016

ТРАДИЦИОННЫЕ И ОФИЦИАЛЬНЫЕ КУЛЬТЫ ЛЕГИОНОВ РИМСКОЙ ДАКИИ

М.В. Попов

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
maxim_popov@hotmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются данные посвятительных надписей легионеров, армейских командиров и ветеранов римской Дакии. Эпиграфические данные помогают выяснить религиозные предпочтения военных, характер и специфику исповедуемых верований и ритуальных практик. Опубликованные и собранные эпиграфические материалы Дакии показывают, что наибольшей популярностью в среде легионеров пользовались официальные божества и, прежде всего, культ Юпитера Всеблагого Величайшего. Посвящения римских военных Дакии Юпитеру носили не только профессиональный, но и официально-декларативный характер. Частыми в Дакии также являются посвящения, совершенные легионерами и командирами группе божеств: Юпитеру Всеблагому Величайшему совместно с другими официальными римскими божествами или божествами армейского круга. Наиболее распространенными в этой категории являются посвящения Капитолийской триаде. Эпиграфические данные являются источником о практике специфических военных культов в среде дакийских легионеров, в том числе и практике поклонения гениям легиона. Эпиграфика свидетельствует о почитании официального государственного культа в Дакии. Командиры дакийских легионов различных рангов оставили

Попов Максим Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: maxim_popov@hotmail.com

посвящения божественной персоне императора и его гению. Во II в. в армейскую среду римской Дакии стали проникать местные синкретичные верования, распространенные в Балкано-Дунайском регионе.

Ключевые слова: провинция Дакия, римские легионеры, религиозный культ, римский императорский культ

Накопленная база эпиграфических источников помогает установить культовые предпочтения и характер верований командиров, легионеров и ветеранов римской армии¹. Поклонение верховному богу римского пантеона занимало особое место в культовой практике. Культ Юпитера являлся универсальным и корпоративным культом как в римской армии в целом, так и в римском легионе в частности. Юпитера почитали все категории военнослужащих, начиная от солдат и заканчивая легатами легионов. Верховный бог упоминается в надписях военнослужащих Дакии, как в своей «классической» ипостаси покровителя Римского государства – Юпитера Всеблагого Величайшего (*Optimus Maximus*), так и с другими сакральными эпитетами: Спаситель (*Conservator* – CIL. III, 1020), Величайший (*Maximus* – CIL. III, 1031), *Monitori Conservatorique* (CIL. III, 1032) и *Sartus* (CIL. III, 4081). В Апуле было обнаружено посвящение Юпитеру Останавливающему (*Stator* – CIL. III, 1089). Также в Дакии, в единственном случае, засвидетельствован синкретизм Юпитера Всеблагого Величайшего и Марса (AISC. I, 2, 54)².

Алтарь Юпитеру Всеблагому Величайшему установили в Апуле ветераны XIII Сдвоенного легиона, зачисленные в часть в 102 и 103 гг. и оставшиеся здесь жить после службы в 127 г. (CIL. III, 7754 = ILS. 2300)³. Алтарь Юпитеру Всеблагому Величайшему поставил перед апрельскими нонами (*pridie nonis aprilis*) 215 г., трибун XIII легиона Г. Аврелий Сигилл (CIL. III, 1063); посвящение выполнено за здоровье императора Каракаллы⁴. Консулярный бенефициарий из этого же легиона Валерий Вибий Валериан исполнил обет Юпитеру Всеблагому Величайшему (CIL. III, 823). Посвящения Юпитеру Всеблагому Величайшему выполнили солдаты XIII легиона: П. Элий Гай (CIL. III, 1034), Т. Флавий Сильван и Т. Флавий Юстин (CIL. III, 1042), Септимий Пий (CIL. III, 1052). Солдат-либраний (*immunus librarius*) V Македонского легиона Аврелий Седат поставил посвящение Юпитеру в Потаиссе (CIL. III, 885). Солдат родом из Дакии М. Ульпий Муциан из XIII Сдвоенного легиона сделал посвящение Юпитеру и Диане Регине за здоровье императора Каракаллы и его матери Юлии Домны, возведя небольшое святилище с часами (CIL. III, 1000, 1070)⁵. Легионеры-дакийцы, принятые на службу, будучи местными провинциалами, делали посвящения официальным капитолийским божествам, знаменуя, таким образом, о своём новом статусе военных римской армии.

Посвящения Юпитеру имели не только профессиональный, но и официально-декларативный характер. В период 185–191 гг. страторы XIII легиона выполнили

¹ Соловьянов 2015а, 20–21; 2015б, 40–41; 2015в.

² Moga 1985, 133.

³ Macrea 1969, 184; Moga 1985, 126; Евтушенко 1996, 18.

⁴ Macrea 1969, 187.

⁵ Russu 1941–1943, 1944, 213, n. 48; Колосовская 1957, 92; Macrea 1969, 185; Moga 1985, 121.

посвящение Юпитеру Всеблагову Величайшему за здоровье наместника консульского ранга трех Дакий⁶. Один из консулярных страторов, военнослужащий этого же легиона Аврелий Муциан, сделал посвящение Юпитеру Всеблагову Величайшему на территории Апула (CIL. III, 7786).

Посвящения Юпитеру Всеблагову Величайшему выполнили центурионы XIII легиона: Юлий Прим (CIL. III, 1045), Викторин (CIL. III, 1058), Г. Кассий Прокулин (Apulum. II, 97 = Materiale. II, 889). М. Доместий Ресститут, центурион в ранге *X hastatus posterior* XIII Сдвоенного легиона поставил в Апуле 24 авг. 154 г. votivный памятник Юпитеру Победоносному и Отражающему (*Depulsor*)⁷. Кассий Севериан выполнил единственное известное посвящение Юпитеру от имени центурионов V Македонского легиона⁸.

Известно несколько посвящений Юпитеру, исполненных ветеранами. Гн. Сенций Басс, ветеран, бывший тубицен XIII легиона, сделал посвящение Юпитеру Всеблагову Величайшему (Apulum. XVI, 169–174), найденное недалеко от римского некрополя Апула⁹. Посвящение Юпитеру Всеблагову Величайшему оставил другой ветеран легиона Кавон Вернулий (CIL. III, 1037). Алтарь Юпитеру Всеблагову Величайшему был установлен в Апуле в память М. Аврелия Кресценцина, солдата-иммуна XIII Сдвоенного Антониниана легиона (CIL. III, 1038).

На территории *Ansamensilor*, вошедшей в состав Дакии в 239 г., было обнаружено посвящение Юпитеру Всеблагову Величайшему, исполненное от имени легатов XIII Сдвоенного Северианского легиона П. Элия Фабиана и Аврелия Руфина (Potaissa. II, 124–125. fig. 2. b)¹⁰.

С территории Дакии происходят несколько посвящений, сделанных военными группами божеств: Юпитеру Всеблагову Величайшему в числе с другими официальными римскими божествами или божествами армейского круга. Самые часто встречающиеся в этой категории – посвящения Капитолийской триаде: Юпитеру, Юноне и Минерве.

Алтарь Капитолийской триаде установили в 135 г. в Апуле, во время декабрьских ид, ветераны XIII легиона, уволенные в период наместничества в Верхней Дакии Л. Юлия Басса (CIL. III, 1078 = ILS, 2301)¹¹. Два посвящения Капитолийской триаде также были сделаны в Апуле от имени легата XIII легиона Л. Анния Италика Гонората и его семьи (CIL. III, 1071, 1072). Л. Анний Италик Гонорат руководил легионом в период правления Каракаллы, что удостоверяет указанный в надписях эпитет легиона – Антонинианов¹².

Посвящение Юноне Регине Популонии («охраняющей от грабежей») совместно сделали легат XIII легиона Г. Цереллий Сабин и его жена Фуфидия Поллита. В надписи Юнона названа отеческой богиней: *Iunoni Reginae Populoniae Deae Pa-*

⁶ Moga 1982, 432–436.

⁷ Moga 1985, 101.

⁸ Russu 1968, 467–468; Bărbulescu 1987, 69.

⁹ Moga 1985, 112.

¹⁰ Moga 1985, 115.

¹¹ Л. Юлий Басс был одновременно наместником Верхней Дакии и легатом XIII Сдвоенного легиона. После своего наместничества в Дакии, он был четыре года консулом-суффектом в Риме. Stein 1944, 22; Moga 1985, 82; Евтушенко 1996, 19.

¹² Moga 1985, 87.

triae (CIL. III, 1057)¹³. Единственное на настоящий момент известное посвящение Юпитеру Всеблагодарному Величайшему и Юноне Регине (CIL. III, 1070) было сделано одним из дакийских легионеров. Еще одно посвящение Юноне с эпитетом *Semlia* выполнено в Апуле актарием XIII легиона (имя не сохранилось – CIL. III, 7753).

Военные и легаты Дакии сделали отдельные посвящения Минерве: имя без эпитета (CIL. III, 1015), с эпитетом *Sancta* (CIL. III, 1106), *Minervae Iovis Consiliorum Participi* (CIL. III, 1076). Посвящение Минерве Высшей (*Supera*) было выполнено легатом XIII легиона М. Геррнием Фаустом¹⁴.

В целом, культы Юноны и Минервы не были типичными для военной среды. Посвятителем Минервы как правило были принципалы, занятые канцелярской работой и чтившие эту богиню в качестве покровительницы своей службы¹⁵.

Поклонение Диане засвидетельствовано несколькими надписями: посвящение Диане и Аполлону (CIL. III, 6161), посвящение Диане Святой (*Sancta*) (CIL. III, 1000), посвящение Диане Августе (CIL. III, 940, 7742). Алтарь Диане Августе, установленный за здоровье императора Антонина Пия, был найден в Амполе (CIL. III, 1299). Посвящение Диане Августе сделал в Колонии Аврелии Апуленс бывший консулярный стратор, военнослужащий XIII Сдвоенного Северианского легиона М. Ульпий Респект, который поселился здесь после службы¹⁶. Посвящение Диане (совместно с Аполлоном и Летой) было сделано бывшим консулярным бенефициарием V Македонского легиона, декурионом Апула Г. Юлием Фронтонианом, участвовавшим в организации общественного строительства в этом римском провинциальном городе¹⁷.

В Градиштя Мунчелелуй было обнаружено посвящение Виктории Августа, поставленное легатом М. Стацием Приском (CIL. III, 1416). Это официально-декларативное посвящение было, скорее всего, исполнено по случаю победы в одном из локальных столкновений с вольными даками. Известно еще одно посвящение Виктории Августа от имени легата XIII легиона Л. Анния Италика Гонората (CIL. III, 1172). Вотивный алтарь Виктории Августа, установил предположительно ветеран XIII легиона Л. Юлий Левган (CIL. III, 1158 = ILS, 2477). Этот солдат кельтского происхождения, как отмечено в надписи, был записан в Галериеву трибу. После своей службы Л. Юлий Левган был магистратом в канабе при лагере легиона и отвечал здесь за состояние оборонительных сооружений¹⁸.

Алтари Фортуне были установлены легатами XIII легиона К. Цецилием Летом в Апуле (*Fortuna Redux* – CIL. III, 1011) и Писторием Ругианом (Немесиде и Фортуне – CIL. III, 1125 = ILS. 3736)¹⁹. Алтарь Фортуне установил в 224 г. в Напоке декурион Ульпий Маскулин – бывший сигнифер V Македонского легиона (CIL. III, 854 = 7657).

В провинциальной войске Дакии засвидетельствованы характерные только для армейской среды, специфические культы и верования²⁰. Г. Аврелий Сигилл,

¹³ Колосовская 1957, 87.

¹⁴ Berciu 1949, 200–208; Macrea 1969, 187; Moga 1985, 86.

¹⁵ Колобов 1999, 60 со ссылкой на Birley 1988, 403.

¹⁶ Daicoviciu 1929, 309; Moga 1985, 117.

¹⁷ Moga 1979, 201–206; Piso 1980, 84–86; Bărbulescu 1987, 83.

¹⁸ Moga 1985, 127.

¹⁹ Moga 1985, 88.

²⁰ Ankersdorfer 1973; Speidel, Dimitrova-Milceva 1978, 1542–1555.

трибун XIII легиона, сделал посвящение *diis deabusque immortalibus et Dacia* за здоровье императора Каракаллы (CIL, III, 1063). Префект V Македонского легиона исполнил обет *diis deabusque et Genio loci* (CIL, III, 892). Консульский бенефициарий XIII Сдвоенного легиона Валерий Вибий Валериан также сделал обещанное посвящение *diis deabus omnibus* (CIL, III, 823). Командир XIII Сдвоенного легиона исполнил посвящение Луне, Августе, Асклепию, Августу, Гению Карфагена и Гению Дакии (CIL, III, 993). Гения места почтил легат V Македонского легиона Кальпурний Юлиан (CIL, III, 1566).

К военным верованиям относятся множественные случаи поклонения гениям. Как отмечается в литературе, в культе гениев выражался корпоративизм, свойственный римской армии как неотъемлемой части античного общества²¹. Все военные формирования были сакрально связаны со своими гениями-покровителями. В римской армии известны гении легионов и вспомогательных частей, гении знамен, гении кастров, гении различных должностей военного характера, включая командирские. Распространение этих культов имело не только спонтанный характер, но и было обусловлено официальной религиозной политикой. Интенсивность почитания этих культов снижается, начиная со второй пол. III в. Одним из последних свидетельств поклонения является votivный алтарь IV Флавиева легиона, возведенный не позднее времени правления Диоклетиана. В Дакии, в Апуле, алтарь Гению XIII Сдвоенного легиона установил трибун-латиклав М. Целлий Юлиан (*Daciis Tribus et Genio legionis XIII Geminae* – CIL, III, 995 = ILS, 3920)²². Алтарь Гению XIII Сдвоенного легиона установил легат Целлий Лет (CIL, III, 1012)²³. Марк Валерий Лонгин, командующий легионом во время Александра Севера²⁴, установил алтарь Гениям претория лагеря легиона (CIL, III, 1019). Один из опционных XIII легиона (имя не сохранилось) установил алтарь Гению своей центурии (CIL, III, 1015). В Дакии также было обнаружено посвящение военным ларам. Трибун XIII легиона П. Каций Сабин установил в Апуле алтарь двенадцати божествам, среди которых указаны *dis Penatibus Laribus Militaribus*²⁵.

В римской Дакии почитался официальный государственный культ. Военнослужащие дакийских легионов совершали посвящения божественной персоне императора и его семье. Большинство посвящений были сделаны командующими легионов. Также среди посвятителей были легионные трибуны, центурионы, фрументарии. В Апуле, в *schola speculatorum*, было совершено коллективное посвящение персоне императора от имени младших командиров легиона. Типичным было употребление военными в своих посвящениях выражения *pro salute Imperatoris* или *pro salute Domini nostri sanctissimi* (такое написание получает распространение во время правления династии Северов). На алтаре из Апула, установленном уволенным из легиона в 191 г. ветераном, использовано выражение *in honorem Imperatoris Commodi* (CIL, III, 1172). В почетной надписи Колонии Ульпии Трая-

²¹ Колобов 1999, 72.

²² Л. Юний Руфин Прокулин позднее при Коммодe был *legatus Augusti pro praetore* в Далмации (CIL, III, 3202). См.: Jagenteufel 1958, L. Iunius Rufinus Proculinus; Moga 1985, 93.

²³ Moga 1985, 87.

²⁴ Macrea 1969, 184.

²⁵ Moga 1985, 94, 136. П. Каций Сабин был трибуном в легионе в период около 200 г. После наместничества в Норике, он был назначен в 208 (209) г. консулом-суффектом, а затем – ординарным консулом в 216 г. См.: Macrea 1969, 187; Winkler 1971, nr. 23.

ны в честь наместника провинции П. Фурия Сатурнина сделано посвящение *Dis Faventibus et Concordia Imperatorum* (CIL. III, 7902).

Известно, что императорский культ включал в себя элементы староримского культа семьи. На алтаре, установленном трибуном XIII легиона и посвященном Гелиогабалу 23 авг. 219 г., содержится синкретичное выражение: *genio pro salute Imperatoris Caesaris M. Aurelii Pii Felicis* (An. Ёр. 1968, 422). Алтарь Гению императора Гордиана установил, в связи с окончанием срока своих полномочий легата в Дакии и переводом на другую должность, Петроний Полиан (CIL. III, 1017)²⁶. К числу официальных посвящений можно отнести и надпись из Апула, сообщающую о сооружении водопровода (CIL. III, 1061). Эта надпись содержит интересную посвятительную формулу *pro salute Imperii Romani et virtute legionis XIII Geminae*²⁷.

С началом развития системы местного военного набора, уже с периода правления Адриана, в воинской среде римской Дакии распространяются верования традиционные в Балкано-Дунайском регионе. В Дакии существовал региональный культ «Дунайского всадника»²⁸. Рельефы с изображением этого божества были найдены в военных и административных центрах Дакийских провинций. К кругу местных верований также можно отнести и посвящения Либеру. В надписи из Гермисары представлено обращение к *Libero patri et Liberae matri* (CIL. III, 12572). Ю.К. Колосовская указывает, что *Liberae matri* является женским божеством плодородия варварского происхождения. Легионер, сделавший это посвящение, вероятно, был выходцем из кельтской или германской среды, или мог быть переведен в войско Дакии из какой-то рейнской провинции, поскольку культы божеств с эпитетом *matres* были распространены в рейнской армии²⁹. Посвящения Либеру Патеру сделали ветераны XIII легиона. Покровительства этого божества искал совместно с супругой П. Элий Фронтин (CIL. III, 1091). Посвящение Либеру на благо своей семьи выполнил декурион апулской канабы Клавдий Аттей Целер (CIL. III, 1093 = ILS. 7140). Алтарь Либеру Патеру за здоровье императора Коммода установил в Апуле между 183–185 гг. примипил XIII легиона Л. Калвизий Секунд (CIL. III, 1092). Распространение культа Либера среди солдат и ветеранов дакийских легионов также было вызвано практикой местного набора провинциальной армии³⁰.

В Дакии получил распространение культ Сильвана, который традиционно выступал как покровитель лесных угодий, пастбищ и домашнего хозяйства и в этих функциях был схожим с местными дунайскими божествами. В Дакии известны несколько посвящений Сильвану: без эпитета (CIL. III, 1142), Сильвану Священному (*Sacrum* – CIL. III, 7041), Сильвану Домашнему (*Domesticus* – CIL. III, 4440), Сильвану Лесному (*Silvester* – CIL. III, 1155). Посвящение Сильвану Лесному выполнил ветеран Г. Лонгиний Аквилин (CIL. III, 1155). Культ Сильвана был распространен среди ветеранов, поскольку многие из них являлись землевладельцами и

²⁶ Moga 1985, 88.

²⁷ Moga 1985, 133.

²⁸ О культе «Дунайского всадника» в Дакии см.: Колосовская 1957, 83.

²⁹ Колосовская 1957, 83.

³⁰ Колосовская 1957, 84.

занимались сельским хозяйством³¹. Несмотря на популярность, культ Сильвана не имел официального статуса, поэтому поклонение ему со стороны военнотружущих скорее носило личный, чем декларативный характер³².

Единственное известное в Дакии посвящение Нептуну исполнили по обету вексиляции V Македонского и I Итальянского легионов (CIL. III, 14433). Ответственными посвятителями выступили центурионы обоих легионов. Интересно, что один из них, центурион V легиона Эптидий Модест, был даком по происхождению³³. Также единственное известное в Дакии посвящение Гекате было обнаружено в Ульпии Траяне Сармизегетузе (An. Ép., 1913, 51 = ILS, 9515). Вотивный алтарь, датируемый II в., установил трибун XIII легиона Эренний Гемеллин (*Aerennius Gemellinus*) за здоровье своей супруги Элии Сатурнии³⁴.

На территории Дакии обнаружены два посвящения Меркурию (CIL. III, 1434; V, 5451) и одно посвящение Марсу Спасителю (*Conservator*) (CIL. III, 1099). Алтарь Марсу за здоровье императора установил принципал префекта лагеря XIII легиона П. Элий Руфин, который исполнял обязанности *coadiutor officium rationum cornicularius praefecti legionis XIII Geminae*.

Статус официального имел в Империи культ Геракла. Широкое распространение этого культа в армии и среди провинциальной элиты началось с эпохи Антонинов и Северов³⁵. Геракл почитался официальным покровителем императорского дома. В его культе, по-видимому, выражалось поклонение героической харизме императора, поэтому культ Геракла имел особое значение в официальной идеологии армии³⁶. Посвящение Гераклу выполнил Кальпурний Юлиан, светлейший муж, легат V Македонского легиона (CIL. III, 1566). Алтарь в честь Геркулеса был найден в Деве, где в римскую эпоху находился каменный карьер, охраняемый вексиляцией XIII легиона (CIL. III, 12 565 = ILS, 3470)³⁷. Этот алтарь поставил Л. Аврелий Аримо, легионер-иммун, судя по имени, восточного происхождения. В надписи Геркулес имеет теофорный эпитет Сильван. Это уникальное свидетельство такого синкретизма в Дакии³⁸. В Дакии также обнаружены посвящения Геркулесу Спасителю (CIL. III, 1026) и Геркулесу Непобедимому (*Invictus* – CIL. III, 12.565). Алтарь Геркулесу Непобедимому установил в Потаиссе центурион V Македонского легиона Трозий Крисп. Этот центурион, возможно, был выходцем из Венето-Истрийского региона³⁹.

В Дакии найдены надписи с упоминанием Аполлона. В двух из них Аполлон назван без эпитета (CIL. III, 990, 989), одно посвящение сделано Аполлону Августу (CIL. III, 14.469), одно – Аполлону Пифию (в группе с сирийским божеством *Bonus Puer Azizos* – CIL. III, 1138). Посвящение Аполлону Августу было выполне-

³¹ Колосовская 1957, 85.

³² Соловьянов 1986, 54.

³³ Колосовская 1957, 91.

³⁴ По поводу персоны Эренния Гемеллиана дискуссия: Macrea 1969, 82; Devijver 1976–1980, 423; Moga 1985, 94, 134.

³⁵ Колосовская 1957, 86; Культ Геркулеса в римской армии подробно исследуется А.В. Колобовым: Колобов 2000, 40–46.

³⁶ Кошеленко 1963, 187; Соловьянов 1986, 52–53; О культе Геракла по данным нумизматики см.: Абрамзон 1994, 185.

³⁷ Macrea 1969, 186; Евтушенко 1986, 19.

³⁸ Moga 1985, 133.

³⁹ Russu 1936–1940, 325–330; Bărbulescu 1987, 69.

но Г. Юлием Лизием, центурионом XIII Сдвоенного Северианского легиона⁴⁰. Почитателем Аполлона Пифия был Д. Юлий Рузоний, хранитель оружейного склада (*custos armorum*) XIII легиона. Посвящение Аполлону сделал также ветеран XIII Сдвоенного Антонинианова легиона Л. Аврелий Марин (CIL. III, 14.476). Спекулятор XIII легиона Ульпий Прокулин исполнил волю Аполлона (*ex iussu dei Apollini* – CIL. III, 990) и перестроил водный источник, расположенный недалеко от лагеря легиона, возможно, с целью его дальнейшего использования сослуживцами – солдатами и кавалеристами⁴¹. Центурион V Македонского легиона Г. Кассий Виталий установил в Потаиссе алтарь *deo forti Phoebus Apollini Parthico*⁴². Посвящение Аполлону (в группе с Дианой и Летой) сделал Г. Юлий Фронтониан, бывший консулярный бенефициарий, военнослужащий V легиона⁴³.

Алтари Немесиде установили легат XIII легиона Писторий Ругиан (CIL. III, 1125) и два принципала этого же легиона (CIL. III, 827 = 7633, 1124). Аврелий Марин и М. Ульпий Флавин, принципалы, сделавшие посвящение Немесиде, были помощниками сигниферов легиона⁴⁴. Не исключена возможность, что с поклонением Немесиде был связан небольшой храм – *templum novum*, построенный в Апуле благодаря участию одного из бенефициариев XIII легиона (CIL. III, 14.474)⁴⁵. Кассий Эроциан, консулярный бенефициарий, военный смотритель (*agens in munere stationes*) в Кэшеу на севере Дакии, перестроил в этом пункте разрушившееся из-за древности святилище (*a solo restituit sacrarium vetustate dilapsum*), и посвятил его *Deae Nemesei* (CIL. III, 825)⁴⁶.

Эскулапу и Гигие установили алтари военные из XIII легиона: префект М. Аврелий Ветеран (CIL. III, 1560) и один из центурионов (имя не сохранилось, CIL. III, 981). М. Аврелий Ветеран был префектом легиона в период правления Галлиена⁴⁷. Его посвящение Эскулапу и Гигие, *diis magnus et bonis*, было найдено в курортном месте, в Бэйле-Еркулане, где он, скорее всего, поправлял подорванное службой здоровье. Г. Юлий Фронтониан, бывший консулярный бенефициарий, ветеран V Македонского легиона, декурион Апула, сделал посвящение Асклепию и Гигие⁴⁸. С божествами здоровья был тесно связан культ Нимф. Сохранилось несколько посвящений этим божествам (упоминание без эпитета – CIL. III, 4118, 7789, с эпитетом Священные (*Sacrum*) – CIL. III, 4563, с эпитетом Целительные (*Salutares*) – CIL. III, 10.893 = AII. 462). Алтарь за здоровье Каракаллы и в честь Нимф (*Nymphis novis sacrum*) поставил в Апуле Руфрий Сульпициан, легат XIII Сдвоенного Антонинианова легиона (CIL. III, 1129 = ILS. 3867).

⁴⁰ Эпитет «Северианский» был пожалован XIII легиону Александром Севером; самое раннее упоминание этого почетного эпитета представлено именно в рассматриваемом посвящении Аполлону Августу. См.: Moga 1985, 102.

⁴¹ Надпись датируется временем правления Гордиана III. См.: Macrea 1969, 185

⁴² Macrea 1969, 194.

⁴³ Moga 1979, 201–206; Piso 1980, 84–86.

⁴⁴ Moga 1985, 110.

⁴⁵ Moga 1985, 42.

⁴⁶ Macrea 1969, 199.

⁴⁷ Macrea 1969, 187.

⁴⁸ Moga 1979, 201–206; Piso 1980, 84–86.

Таким образом, в среде солдат и командиров легионов римской Дакии официальные и традиционные культы были достаточно распространены⁴⁹. Культурные приоритеты военных римской Дакии являлись типичными для Дунайских провинций II–III вв. и свидетельствуют об интенсивной романизации этого региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 1994: *Римская армия и ее лидер по данным нумизматики*. Челябинск.
- Евтушенко, А.А. 1996: *Роль армии в романизации провинции Дакия (II–III вв.)*: дис. канд. ист. наук. М.
- Колобов, А.В. 1999: *Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи)*. Пермь.
- Колобов, А.В. 2000: Геркулес и римская армия Ранней империи (по данным из западной части Балкано-Дунайского региона). *ПИФК* 9, 40–46.
- Колосовская, Ю.К. 1957: О романизации Дакии. *ВДИ* 1, 81–101.
- Кошеленко, Г.А. 1963: Римская армия и римская религия. *ВИ* 4, 186–187.
- Попов, М.В. 2015: Религия легионеров римской Дакии (восточные культы). В сб.: *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: материалы 73-й международной научно-технической конференции*. Т. 3. Магнитогорск, 43–46.
- Соловьянов, Н.И. 1986: О культах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в I–III вв. н.э. В сб.: *Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях*. М., 45–62.
- Соловьянов, Н.И. 2015: К истории III Августова легиона в I–III вв. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология* 19 (216), Вып. 36, 19–21.
- Соловьянов, Н.И. 2015: О культах легиона III Augusta в Африке в I–III вв. *ПИФК* 4, 39–41.
- Соловьянов, Н.И. 2015: *Эпиграфические памятники о римской армии в I–III вв.* Красноярск.
- Ankersdorfer, H. 1973: *Studien zur Religion des Römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Dissertation*. Konstanz.
- Bărbulescu, M. 1987: *Din istoria militară a Daciei romane. Legiunea V Macedonica și castrul de la Potaissa*. Cluj-Napoca.
- Berciu, I.M. 1949: Herrenius Faustus legatus III Daciarum. *Apulum* 3, 200–208.
- Birley, E. 1988: The Religion of the Roman Army. In: *The Roman Army. Papers 1929–1986*. Amsterdam, 403–410.
- Daicoviciu, C. 1929: Cronica arheologică și epigrafică a Transilvaniei (1919–1929). *ACMIT* 2, 299–320.
- Devijver, H. 1976–1980: *Prosopographia militiarum equestrium quae fuerunt ab Augusto ad Gallienum*. Vol. I–III. Leuven.
- Jagenteufel, A. 1958: Die Statthalter der Römischen Provinz Dalmatia von Augustus bis Diocletian. *Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung* 12, 3–81.
- Macrea, M. 1969: *Viața în Dacia romană*. București.
- Moga, V. 1979: O in inscripție inedită dedicată zeiței Leto și copiilor săi. *Apulum* 17, 201–206.
- Moga, V. 1982: Un nou consularis trium Daciarum. *SCIVA* 33 (4), 432–436.
- Moga, V. 1985: *Din istoria militară a Daciei romane. Legiunea XIII Gemina*. Cluj-Napoca.
- Piso, I. 1980: Epigraphica (XII). *ActaMN* 17, 81–90.
- Russu, I.I. 1936–1940: Inscriptiile latine. *AISC* 3, 325–330.
- Russu, I.I. 1941–1943, 1944: Onomasticon daciae. Numele de persoane în inscripțiile provinciei. *AISC* 4, 186–233.

⁴⁹ Восточные культы в среде легионеров Дакии рассматриваются нами в отдельной статье. См.: Попов 2015.

- Russu, I.I. 1968: Note epigrafice. Inscriptiï din Dacia Porolissensis. *ActaMN* 5, 451–470.
 Speidel, M.P., Dimitrova-Milceva, A. 1978: The cult of the Genii in the Roman Army. *ANRW* 2, 1542–1555.
 Stein, A. 1944: *Die Reichsbeamten von Dazien*. Budapest.
 Winkler, G. 1971: Die Statthalter der Römischen Provinz Raetien unter dem Prinzipat. *Bazeri-sche Vorgeschichtesblätter* 36, 50–101.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 1994: *Rimskaya armiya i eye lider po dannym numizmatiki*. Chelyabinsk.
 Ankersdorfer, H. 1973: *Studien zur Religion des Römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Dissertation*. Konstanz.
 Bărbulescu, M. 1987: *Din istoria militară a Daciei romane. Legiunea V Macedonica și castrul de la Potaissa*. Cluj-Napoca.
 Berciu, I.M. 1949: Herrenius Faustus legatus III Daciarum. *Apulum* 3, 200–208.
 Birley, E. 1988: The Religion of the Roman Army. In: *The Roman Army. Papers 1929–1986*. Amsterdam, 403–410.
 Daicoviciu, C. 1929: Cronica arheologică și epigrafică a Transilvaniei (1919–1929). *ACMIT* 2, 299–320.
 Devijver, H. 1976–1980: *Prosopographia militiarum equestrium quae fuerunt ab Augusto ad Gallienum*. Vol. I–III. Leuven.
 Evtushenko, A.A. 1996: *Rol' armii v romanizatsii provintsii Dakiya (II–III vv.)*: dis. kand. ist. nauk. Moscow.
 Jagenteufel, A. 1958: Die Statthalter der Römischen Provinz Dalmatia von Augustus bis Diocletian. *Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung* 12, 3–81.
 Kolobov, A.V. 1999: *Rimskie legiony vne poley srazheniy (Epokha ranney Imperii)*. Perm'.
 Kolobov, A.V. 2000: Gerkules i rimskaya armiya Ranney imperii (po dannym iz zapadnoy chasti Balkano-Dunayskogo regiona). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 9, 40–46.
 Kolosovskaya, Yu.K. 1957: O romanizatsii Dakii. *Vestnik drevney istorii* 1, 81–101.
 Koshelenko, G.A. 1963: *Rimskaya armiya i rimskaya religiya Voprosy istorii* 4, 186–187.
 Macrea, M. 1969: *Viața în Dacia romană*. București.
 Moga, V. 1979: O in inscripție inedită dedicată zeiței Leto și copiilor săi. *Apulum* 17, 201–206.
 Moga, V. 1982: Un nou consularis trium Daciarum. *Studii și Cercetări de Istorie Veche și arheologie* 33 (4), 432–436.
 Moga, V. 1985: *Din istoria militară a Daciei romane. Legiunea XIII Gemina*. Cluj-Napoca.
 Piso, I. 1980: Epigraphica (XII). *Acta Musei Napocensis* 17, 81–90.
 Popov, M.V. 2015: Religiya legionerov rimskoy Dakii (vostochnye kul'ty). V sb.: *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya: materialy 73-y mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii*. T.3. Magnitogorsk, 43–46.
 Russu, I.I. 1936–1940: Inscriptiï latine. *Anuarul Institutului de Studii Clasice* 3, 325–330.
 Russu, I.I. 1941–1943, 1944: Onomasticon daciae. Numele de persoane în inscripțiile provinciei. *AISC* 4, 186–233.
 Russu, I.I. 1968: Note epigrafice. Inscriptiï din Dacia Porolissensis. *Anuarul Institutului de Studii Clasice* 5, 451–470.
 Solov'yanov, N.I. 1986: O kul'takh rimskoy armii v Nizhney Myezii i Frakii v I–III vv. n.e. V sb.: *Problemy ideologii i kul'tury v ranneklasovykh formaziyakh*. M., 45–62.
 Solov'yanov, N.I. 2015: *Epigraficheskie pamyatniki o rimskoy armii v I–III vv.* Красноярск.
 Solov'yanov, N.I. 2015: K istorii III Avgustova legiona v I–III vv. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya* 19 (216), Vyp. 36, 19–21.

- Solov'yanov, N.I. 2015: O kul'takh legiona III Augusta v Afrike v I–III vv. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4, 39–41.
- Speidel, M.P., Dimitrova-Milceva, A. 1978: The cult of the Genii in the Roman Army. *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forshung* 2, 1542–1555.
- Stein, A. 1944: *Die Reichsbeamten von Dazien*. Budapest.
- Winkler, G. 1971: Die Statthalter der Römischen Provinz Raetien unter dem Prinzipat. *Bayerische Vorgeschichtesblätter* 36, 50–101.

TRADITIONAL AND OFFICIAL CULTS OF LEGIONS OF THE ROMAN DACIA

Maxim V. Popov

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
maxim_popov@hotmail.com

Abstract. The article observes votive inscriptions of legionaries, officers and veterans of the Roman Dacia. Epigraphic materials make it possible to learn religious preferences of soldiers, the specific nature of their religious faiths and practices. Published and collected epigraphic materials of Dacia show us that the great majority of legionaries worshiped official deities. The cult of Jupiter Optimus Maximus was extremely popular. Their dedications to Jupiter Optimus Maximus had not only professional but also officially declarative nature. There were cases in Dacia when legionaries and officers worshiped a number of deities, for example, Jupiter Optimus Maximus with other officially recognized deities or army deities. The most common dedications here were the ones made to the Capitoline Triad. Moreover epigraphic materials show us that there were also practices of worshiping legion geniuses. Epigraphic sources demonstrate the fact that people in Dacia worshiped official cult. It is known that the commanders of Dacia Legions left their dedications to the divine emperor and his genius. The local syncretic religious beliefs, which were common in Balkan-Danube region, began to spread among the soldiers of Dacia in the 2nd century BC

Key words: province of Dacia, the Roman legionnaires, religious cult, the Roman imperial cult

---

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЧИТАНИЯ ГЕРАКЛА В РИМСКОЙ АРМИИ

Н.И. Соловьянов

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск,
nikolai_solovyanov@mail.ru*

Аннотация. Несмотря на весьма широкую популярность греческих культов среди гражданского населения Империи, воины римской армии почитали их лишь в романизированных вариантах, в сочетании с богами римского пантеона или перегригальными божествами Балканского полуострова. Последнее объясняется тем, что греческие культы были известны фракийцам задолго до прихода римлян и воспринимались жителями Балкан как свои, а чаще их наименования применялись воинами как эквиваленты римских богов в грекоязычных надписях. Геракулес в посвящениях воинов выступает в качестве бога-покровителя императоров и их легатов, а также как божество-воитель и исцелитель. Проникновение его в части римского гарнизона связано как с официальной стороной культа, так и с воинами греческого и фракийского происхождения, служившими в римской армии. Но и в последнем случае, памятники воинов несут значительные черты романизации. Рассмотренные эпиграфические материалы позволяют связать почитание Геракла и с вспомогательными войсками и с легионами.

Ключевые слова: религия римской армии, греческие культы, принципат, Геракл, Геракулес, легионы, вспомогательные войска

Актуальность темы определена тем, что, как общеизвестно, величие такой мировой державы древности, как Римская империя, держалось на двух столпах – религиозности жителей и мощи императорской армии.

Проблема почитания Геракла в Риме затрагивалась во множестве работ как отечественных авторов, так и зарубежных. Наиболее близки к теме заявленного исследования статьи А. Домашевского, Е.М. Штаерман, Г.А. Кошеленко, А.В. Колобова.

А. Домашевский утверждал, что Геракулес почитался воинами в качестве главного божества-покровителя вспомогательных войск¹.

Е.М. Штаерман отмечала, что в Риме существовало два культа Геракла: непобедимый воин для римской элиты и труженик, совершающий подвиги для простых людей². Это, вероятно, верно для гражданского населения империи, но отнюдь не для армии.

Соловьянов Николай Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: nikolai_solovyanov@mail.ru

¹ Domaszevski 1895, 74.

² Штаерман 1949, 60–72.

Г.А. Кошеленко высказал мнение, что Геракл олицетворял цивилизаторскую роль Рима в покоренных областях³.

А.В. Колобов высказался за то, что греческие культы проникали в римскую армию с выходцами из Греции и эллинизированных еще в доримскую эпоху Балканских провинций⁴.

Ваш покорный слуга, автор данной публикации, еще в первых работах отмечал, что культ Геракла даже в Балканских провинциях почитался воинами в сугубо римском варианте и проникал в пантеон армии через Рим⁵.

Однако эти выводы были сделаны на весьма ограниченном числе источников. Теперь же в наших руках подборка памятников из всех регионов римской империи.

Цель работы – уточнить аспекты отправления культов Геракла-Геркулеса воинами римской армии и их отличие от почитания его же гражданским населением империи.

Источники. Первостепенное значение для решения этой задачи имеют эпиграфические памятники: посвятительные, надгробные надписи и votivные рельефы воинов. Именно надписи, не рассчитанные, в отличие от нарративных источников, созданных весьма образованными людьми античной цивилизации, на широкого читателя, несут в себе наименьшую долю субъективизма и потому заслуживают наибольшего доверия. Только надписи дошли до нас в первозданном виде, то есть в оригинале.

Памятники взяты из академических собраний, опубликованных во второй половине XX века: Корпуса латинских надписей⁶, собрания латинских надписей Германа Десо⁷ и болгарского исследователя Георгия Михайлова⁸.

Ещё Полибий писал, что «... важнейшее преимущество римского государства состоит... в воззрениях римлян на богов. ...Богобоязнь у римлян составляет основу государства. И в самом деле, она у них облекается в столь грозные формы и в такой мере проходит в частную и государственную жизнь, что невозможно идти дальше в этом отношении...» (Polyb. VI. 56. 6).

Отношение римлян к иноземным богам всецело и наиболее ярко проявлялось в обряде «заклинания богов» – «*evocatio deorum*». Римляне, как и другие народы древности, считали, что воевать можно только с людьми, с богами воевать нельзя. Обряд «*evocatio deorum*» должен был лишить противника поддержки богов. Перед началом боевых действий римляне узнавали через своих разведчиков, как правило, путешественников и торговцев, как и сейчас, какие боги властвуют над данной территорией, какие ритуалы в честь них проводятся, какие дары им преподносят. Всё это они многократно увеличивали и призывали богов перейти на их сторону. Только после этого жрец-фециал перебрасывал священное копье через сакральную колонну на форуме Рима в сторону будущего противника в знак начала войны с народом, лишённым, как считали римляне, божественной поддержки.

³ Кошеленко 1963, 186–187.

⁴ Колобов 2008, 40–47.

⁵ Соловьянов 1984, 67–68; 2013.

⁶ CIL.I–XVI, 1893–1955.

⁷ Desau 1954–1955.

⁸ Michailov 1956.

После окончания победоносной войны боги покорённых не забывались, а включались в римский пантеон, и их почитание продолжалось. Так разрастался римский пантеон.

В начале в него были включены этрусские божества, затем самнитские. В VI–IV вв. до н.э. эллинские, во II–I вв. до н.э., по мере расширения территории Римской державы, кельтские, восточные и, наконец, фракийские, малоазийские, германские и африканские.

Влияние Эллады на формирование и развитие римской культуры трудно переоценить. Оно началось задолго до завоевания Эллады Римом и превращения эллинов в греков – жителей римских провинций. Ещё в республиканскую эпоху наиболее знатные римляне выезжали в Элладу для обучения риторике и науке наук – философии. В поздней римской республике, в конце II в. до н.э., в Риме существовал кружок эллинофилов под руководством Сципиона Эмилиана, из которого вышли знаменитые римские реформаторы – братья Тиберий и Гай Гракхи.

Активная фаза взаимообогащения культур началась в VI в. до н.э. после основания и укрепления эллинских колоний в Южной и Средней Италии и распада господствовавшего в Северной Италии Этрусского военно-религиозного союза. После завоевания Римом Италии в IV в. до н.э. сложились представления о едином греко-римском сакральном пантеоне двенадцати Старших богов. Римляне перестали считать греческих богов иноземными.

В исследуемый период Ранней Римской империи (эпоха принципата), в I–III вв. н.э., греческие культы были весьма популярны среди гражданского населения Империи. Часто посвящения ставились в честь Зевса Олимпийского, Геры, Афины Паллады, что можно рассматривать как эллинизированные варианты обращения к богам римской Капитолийской триады, Геракла. Дедиканты – фракийцы, греки, выходцы из Малой Азии, римляне⁹. Часто наименования греческих богов являлись заменителями римских в грекоязычных посвящениях. Об этом свидетельствуют билингвы. Например, АИНМ, 169. № 216: *Iovi et Iunoni Aug. Mucianos votu feci. Διὶ καὶ Ἥρᾳ Αὐρήλ. Μουκιανὸς εὐχὴν κόμης Μασκίβρι[ας]*.

Несмотря на весьма широкую популярность греческих культов среди гражданского населения Империи, воины римской армии почитали их лишь в романизированных вариантах, в сочетании с богами римского пантеона или peregrinatio божествами Балканского полуострова. Последнее объясняется тем, что греческие культы были известны фракийцам задолго до прихода римлян и воспринимались жителями Балкан как свои.

Почитание Геракла представляет собой весьма сложную картину. Геракл воспринимается воинами лишь в романизированном варианте под именем бога Геркулеса. И если в Греции существовало два культа Геракла – как бога и как героя, то для римлян Геркулес – только бог.

Геракл – один из самых популярных героев античного мира. Культ Геракла был распространен во многих местах Греции и за ее пределами. В честь него устраивались игры (гераклеи) в Сикионе, Фивах, на островах Кос и Мендос. Геракл почитался одновременно как бог и как герой, имея в городах два храма: Геракла Олимпийского и Героя. Исследователи считают, что культ Геракла включал

⁹ IGBulg. I, n. 372. II, nn. 498, 669, 670, 715, 800; III, n. 1839.

в себя элементы финикийского культа Мелькарта, египетских верований и солнечных божеств Востока. В Греции Геракл олицетворял физическую силу. Он покровитель атлетов, герой с львиным сердцем, непобедимый воин, который ведет войска в мужественные походы и добивается победы. В мирное время он совершает подвиги для людей, защищая их от всякого зла.

Культ Геракла проникает в Рим из греческих колоний Южной Италии и уже к IV в. до н. э. приобретает общегосударственное значение. Здесь его почитали как непобедимого воина наряду с Марсом и Викторией. Он имел также верховный надзор над термами и лечебными источниками и почитался как заздравное божество, был патроном цирковых и гладиаторских представлений, руководителем игр в честь *Venus Genetrix* и *Victoria Caesaris*, а также протектором муз.

В эпоху Империи Геркулес – покровитель побед и триумфа, сын Юпитера. Он становится символом императорской мощи. Особенно популярен в период правления династии Антонинов, императоры которой (Адриан и Коммод) изображались в образе Геркулеса. В конце III в. соправитель Диоклетиана Максимиан официально носил титул *Heraclius*¹⁰.

В посвящениях воинов Геркулес неизменно присутствует наряду со старшими богами.

Два посвящения Юпитеру, Юноне, Минерве, Геркулесу, Фортуне, Меркурию, Фелицитате, Салюте, Фатуму, Кампестеру, Сильвану, Аполлону, Диане, Эпоне, Сулевию и Гению *sig.* Августа выполнены воинами действительной службы. Сюда же следует отнести два посвящения Юпитеру, Юноне Регине и Геркулесу. Одно выполнил опций I Итальянского легиона некий Гней (номен и когномен не сохранились), другое – декурион I легиона Минервы Марк Гепий Марциан за здравие императора Адриана. Два посвящения Юпитеру и Геркулесу *Saxsetario*. Одна надпись поставлена Пием Талпидием Клеменсом, центурионом VIII легиона Августа, другая – вексилляцией XIII Сдвоенного Марсова Победоносного легиона под наблюдением Гая Аппия Капитона, центуриона. Одна из надписей сообщает, что воины XXX легиона *Ulpiā victrix* Марк Непот Ваннон, Тит Марк, Марк Непот Зеллавин, Тит Аврелий Завин выполнили надпись по обету охотно с радостью Юпитеру, Гению места, Марсу, Геркулесу, Меркурию. Все памятники этой группы воздвигнуты воинами действительной службы¹¹.

Два посвящения воздвигнуты Геркулесу Непобедимому за здравие Антонина Пия и его цезаря Аврелия Вера. Первое – от имени ветеранов и граждан римских, а также бессов села Квинтион, второе – от ветеранов, граждан римских и жителей канабного поселения Абрит¹².

Даже в балканских, весьма эллинизированных провинциях Рима Геракл почитался воинами только в романизированных вариантах.

О большой популярности культа Геркулеса среди воинов нижнемезийского гарнизона свидетельствуют находки большого числа мраморных статуэток и терракот этого бога в местах дислокации войск, а также пять votivных надписей легионеров и ветеранов.

¹⁰ Дякович 1922, 1–18.

¹¹ ILS, 3913, 4553, 4837, 2094, 4634.

¹² Иванов 1955, 175; IdScM I, n. 324.

Одно посвящение воздвигнуто ветеранами и гражданами римскими канабного поселения кастелла Абрит за здоровье Антонина Пия, Люция Вера, другое – Люцием Мезием Примом, центурионом I Италийского легиона, за здоровье наместника провинции Тита Витразия Поллиона (157 г.) Как мы видим, в данных случаях Геркулес выступает в чисто римском аспекте с эпитетами непобедимого и заздравного божества, покровителя императоров и их легатов¹³.

Также в чисто римском варианте Геркулес представлен и в посвящении опция I Италийского, некоего Гнея. Надпись изваяна в честь Юпитера Наилучшего Высочайшего, Юноны Регины и Геркулеса. Это посвящение, как мы уже отмечали выше, носило, по-видимому, военный характер.

Только в трех памятниках Геркулес представлен в греческом аспекте, однако в достаточно романизованном варианте. В первом из них, вотивном рельефе из с. Ютюклер, воздвигнутом корникуларием (имя не сохранилось), Геркулес представлен полулежащим на шкуре льва, как в подобном же рельефе из Мадары. Рядом с ним изображены животные, символизирующие его подвиги: Стимфалийские птицы, Критийский бык, Киринейская лань, голова коня (возможно, олицетворение победы Геракла над царем Диамедом). Второй памятник – известковая статуя из с. Стратидисе – представляет Геракла в борьбе со львом. Латинская надпись на подставке гласит: «Геркулесу непобедимому. Аврелий Диздос, воин, установил по обету». Дедикант – романизированный фракиец, на что указывает его имя. Надпись датируется временем правления Северов. И, наконец, третий – надпись на базе статуэтки Геракла и Аполлона: «Гераклу Священному и Аполлону Патри (отцу, покровителю). Сделал сам Гай Рабирий Александр, ветеран». Памятник обнаружен в Одессосе, бывшей греческой колонии, на фракийском побережье Понта. Когномен ветерана – греческого происхождения¹⁴.

Как было сказано выше, в Риме Геркулес почитался как бог и герой, очищающий землю от чудовищ, под которыми понимались силы, враждебные Риму, в том числе и покоренные римлянами племена. В официальной идеологии римской армии он выступал, по мнению Г.А. Кошеленко, как покровитель «цивилизаторской» роли римлян и римской армии в частности¹⁵.

В западных провинциях Рима Геркулес имел широкую популярность и как божество-целитель. Об этом говорят заздравные надписи, обращенные к нему.

Геркулесу Салютарию от имени куратора Марка Октавия Каррия. Надпись обнаружена в Риме¹⁶.

Геркулесу, Сильвану и Гению. Надпись обнаружена в Дакии¹⁷. Геркулесу и Сильвану от имени Аврелия Аримо из легиона XIII Геминия Антонинианского. Надпись обнаружена в Дакии¹⁸.

Геркулесу Магику от имени Валерия Нигрина¹⁹.

¹³ Иванов 1955, 175; CIL. III. 6125.

¹⁴ Кацаров 1926-27, n. 48; Геров 1952/53, nn 96, 589.

¹⁵ Кошеленко 1963, 187.

¹⁶ ILS. 7315.

¹⁷ ILS. 4630.

¹⁸ ILS. 3470.

¹⁹ ILS. 4628.

Геркулесу Непобедимому от имени Максимилиана Валенса префекта, претория Аврелия Флавия и Валерия Фирмина²⁰.

Геркулесу и Гению Центурий от имени Луция Домициана Валерия из военной когорты X и центуриона Флавия Каралина из легиона VI. Надпись обнаружена в Риме²¹.

Таким образом, Геркулес в посвящениях воинов выступает в качестве бога-покровителя императоров и их легатов, а также как божество-воитель и исцелитель. Проникновение его в части римского гарнизона связано как с официальной стороной культа, так и с воинами греческого происхождения, служившими в римской армии. Но и в последнем случае памятники воинов несут значительные черты романизации. Рассмотренные выше материалы позволяют связать почитание культа Геракла и с легионами. Это противоречит утверждению А. Домашевского о том, что Геркулес почитался воинами в качестве главного божества-покровителя вспомогательных войск.

ЛИТЕРАТУРА

- Геров, Б. 1952/53: Романизм между Дунава и Балкана. *ГСУИФФ* 47/48, 307–415.
 Дякович, Б. 1922: Оброчны барелиефы на Херкулес в България. *ГПНБ* 1–18.
 Иванов, Т. 1955: Два надписа от античния град при Разград. *ИАИ* XIX, 25–33.
 Колобов, А.В. 2008: Геркулес и римская армия Ранней Империи: на материале западной части Балкано-Дунайского региона. *ПИФК* 9, 40–47.
 Кошеленко, Г.А. 1963: Римская армия и римская религия. *ВИ* 9, 186–187.
 Соловьянов, Н.И. 1984: Греческие культы в нижнемезийских частях римской армии в I–III вв. В сб.: *Тезисы докладов IX Всесоюзной авторско-читательской конференции Вестника древней истории*. М., 67–68.
 Соловьянов, Н.И. 2013: *Образ Геракла в votivных памятниках римских воинов*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polyclub/konfa/solovyanov-n-i-kgpu-im-v-p-astafeva>
 Штаерман, Е.М. 1949: Отражение классовых противоречий II–III вв. в культе Геракла. *ВДИ* 2, 60–72.
Corpus Inscriptionum Latinarum consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussiae editum. Vol. I–XVI. Ed. 2. 1893–1955. Berolini.
 Desau, H. 1954–1955: *Inscriptiones Latinae selectae*. Berolini.
 Domaszewski, A. 1895: Die Religion des römischen Heers. *Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst* 14, 1–124.
 Michailov, G. (ed.). 1956: *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*. Serdicae.

REFERENCES

- Corpus Inscriptionum Latinarum consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussiae editum*. Vol. I–XVI. Ed. 2. 1893–1955. Berolini.
 Desau, H. 1954–1955: *Inscriptiones Latinae selectae*. Berolini.
 Domaszewski, A. 1895: Die Religion des römischen Heers. *Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst* 14, 1–124.
 Dyakovich, B. 1922: Obrochny bariefy na Herkules v B'lgariya. *GPNB* 1–18.

²⁰ ILS. 6766.

²¹ ILS. 2103.

- Gerov, B. 1952/53: Romanizmt mezhdun Dunava i Balkana. *GSUIFF* 47/48, 307–415.
- Ivanov, T. 1955: Dva nadpisa ot antichniya grad pri Razgrad. *IAI* XIX, 25–33.
- Kolobov, A.V. 2008: Gerkules i rimskaya armiya Ranney Imperii: na materiale zapadnoy chasti Balzano-Dunayskogo regiona. *PIFK* 9, 40–47.
- Koshelenko, G.A. 1963: Rimskaya armiya i rimskaya religiya. *Voprosy istorii* 9, 186–187.
- Michailov, G. (ed.). 1956: *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*. Serdicae.
- Shtaerman, E.M. 1949: Otrazhenie klassovykh protivorechiy II–III vv. v kulte Gerakla. *VDI* 2, 60–72.
- Solovyaynov, N.I. 1984: Grecheskie kul'ty v nizhnemeziyskikh chastyakh rimskoy armii v I–III vv. *Tezisy dokladov IX Vsesojuznoy avtorsko-chitatel'skoy konferentsii Vestnika drevney istorii*. M., 67–68.
- Solovyaynov, N.I. 2013: *Obraz Gerakla v votivnykh pamyatnikakh rimskih voynov*, <http://polyclub/konfa/solovyaynov-n-i-kgpu-im-v-p-astafeva>

PECULIARITIES OF THE WORSHIP OF HERCULES IN THE ROMAN ARMY

Nikolay I. Solov'yaynov

Krasnoyarsk State Pedagogical University name V. P. Astafievs, Russia,
nikolai_solovyaynov@mail.ru

Abstract. In spite of the great popularity of Greek cults among the citizenhood of the Empire, Roman warriors preferred their Romanized variants only, in combination with deities of the Roman pantheon or local Balkan gods. This fact is explained with Greek cults were widespread among the Thracians long before the Roman occupation and the inhabitants of the Balkans considered Greek gods their own deities. Their names were used in Greek inscriptions by the Roman warriors as equivalents of Roman deities. Hercules appeared in soldiers dedications as the god-protector of the Emperor and his legates, as well as a deity-warrior and healer. The worship of Hercules by the Roman troops is linked with the official character of this cult on one hand, and with warriors of the Greek and Thracian origin who served in the Roman army, on the other hand. Dedications of warriors had strongly Romanized features. A study of this epigraphic material allows the author to link the worship of Hercules with auxiliaries and legions.

Key words: religion of the Roman army, Greek cults, principate, Hercules, Heracles, auxiliaries, legions

---

ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДОВ РИМСКОЙ БРИТАНИИ В НОВЕЙШЕЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.Е. Барышников

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга,
baryshnikov85@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается новейший этап изучения романо-британского урбанизма. Данный этап следует начинать с момента выхода монографии Дж. Уочера, которая стала фундаментом для дальнейших исследований «городской» проблематики. Современное изучение городов римской Британии тесно связано с рядом масштабных и многолетних полевых работ (М. Фулфорда в Силчестере, Ф. Крамми в Колчестере, Ш. Фриэра и Р. Ниблетт в Сент-Олбансе), результаты которых в последнее десятилетие все активнее дополняются данными охранных раскопок (последние имеют особое значение в Лондоне). Теоретическое переосмысление урбанизации римской Британии началось с публикации монографии М. Миллетта, сделавшего акцент на региональной специфике и вариативности городского развития, а также подчеркнувшего «бриттский» фактор в появлении и жизни городов. Идеи, высказанные М. Миллеттом, получили развитие в работах Дж. Крайтона, который предпринял попытку реконструировать роль местных элит в урбанизации Британии. Несколько иной подход продемонстрирован в работах М. Питтса и Д. Перринга, рассматривавших региональный контекст урбанизации; по их мнению, провинциальные города представляли собой «чуждый» для автохтонного окружения элемент. Ряд специальных вопросов – о характере городских идентичностей, связи городов с источниками воды, кризисе городов в позднеантичное время – анализируется в трудах Д. Мэттингли, Л. Ревелл, А. Роджерса. Все это – вкуче с постоянным увеличением числа источников, как вещественных, так и археологических – создает необходимые условия для перехода исследований романо-британского урбанизма на качественно новый уровень.

Ключевые слова: римская Британия, города, историография, романизация

Научное изучение городов римской Британии и феномена романо-британского урбанизма начинается – как и вообще научное изучение истории самой северной провинции Рима – с публикаций в первые десятилетия XX в. работ Фрэнсиса Хэверфилда¹. В силу целого ряда объективных обстоятельств до 1960-х гг. римские

Барышников Антон Ералыевич – старший преподаватель кафедры истории Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: baryshnikov85@gmail.com

¹ Haverfield 1906; 1911; 1923. Отметим, что первые раскопки романо-британского города начались за пятьдесят лет до этого: группа антикваров и археологов под руководством преподобного Джеймса Джойса взяли за исследование центральных районов древней Каллевы (совр. Силчестер). Результаты полевых экспедиций в Силчестере вкуче с отдельными находками из других городов составили фактическую основу для изысканий Ф. Хэверфилда.

города Альбиона нерегулярно привлекали внимание ученых. Тем не менее, еще в довоенное время наметилось два основных направления в исследовании городов провинции. Первое заключалось в рассмотрении романо-британского урбанизма как целостной проблемы, тесно связанной с более масштабными процессами социокультурной трансформации (т.н. «романизации») Британии в римскую эпоху. Наиболее удачными примерами реализации подобного подхода могут служить «городские» разделы в обзорных трудах Робина Коллингвуда и Шеппарда Фриэра, а также монография Лео Риве². Второе направление нашло свое выражение в изучении отдельных городов провинции – прежде всего, Веруламия (совр. Сент-Олбанс), Камулодуна (совр. Колчестер) и Лондиния (совр. Лондон). Важнейшую роль в организации систематического полевого изучения остатков древних поселений сыграли Мортимер и Тесса Уилеры, фактически заложившие теоретико-методологические основы «городской» археологии римской Британии³.

Результатом развития и синтеза указанных направлений стало появление в 1975 г. монографии Джона Уочера⁴. В ней сочетались реконструкции развития конкретных городов римской Британии, основанные на новейших данных археологии, и стремление воссоздать общий характер романо-британского урбанизма, понять его роль в фундаментальных культурных переменах, происходивших на острове в I–IV вв. н.э. Монография Дж. Уочера была не только первым специальным исследованием, посвященным городам римской Британии, но и первой книгой, где внимание уделялось не только развитию городского пространства и хозяйства, но и населению городов⁵. При этом Дж. Уочер не прибегал к подробному рассмотрению свидетельств о доримских *oppida* и вопросов преемственности в развитии доримских поселений и римских городов. Эта особенность предопределялась малой изученностью бриттских сообществ позднежелезного века, что существенно усложняло понимание сущности романо-британских городов и начального этапа урбанизации острова. Тем не менее, книга Дж. Уочера стала своеобразным итогом первого этапа изучения романо-британского урбанизма и фундаментальным трудом, к которому восходят современные исследования романо-британского урбанизма.

Ключевым фактором в новейшем изучении «городского» аспекта истории римской Британии стала систематизация и расширение масштабов полевых исследований романо-британских городов. Многолетние проекты археологических работ – Филиппа Крамми в Колчестере⁶, Шеппарда Фриэра в Сент-Олбанс⁷, Майкла Фулфорда в Силчестере⁸, Ральфа Меррифилда, Густава Милна, Доминика Перринга в Лондоне⁹ – на порядок обогатили корпус источников по романо-британскому урбанизму и стали основой для появления новых обобщающих публикаций. В это же время сформировался устойчивый интерес специалистов-

² Collingwood, Myres 1949; Rivet 1958; Frere 1967.

³ Wheeler 1919; 1930; Wheeler, Wheeler 1936.

⁴ Wachter 1975.

⁵ Подобный подход получит развитие в монографии Энтони Берли: Birley 1980, 115–136.

⁶ Crummy 1977; Crummy 1982.

⁷ Frere 1964; 1972; 1983; 1984.

⁸ Fulford, Corney 1984; Fulford 1989.

⁹ Merrifield 1975; 1983; Marsden 1980; Milne 1995; Maloney, de Moulins 1990; Perring, Roskams, Allen 1991.

археологов к позднему железному веку Британии и бриттским протогородским поселениям, что создало возможности для изучения провинциальных городов в широком историческом контексте и преодоления «романоцентризма», характерного для предыдущего этапа романо-британских штудий.

Следствием этого стала ревизия взглядов на романо-британский урбанизм в целом. Как и в случае с пересмотром концепции романизации, ключевую роль в этом сыграла монография Мартина Миллетта¹⁰. В ней процесс урбанизации и дальнейшего развития городов обладал большей вариативностью. Появление городов представлялось не только результатом целенаправленной политики римской администрации. Их развитие зависело от комплекса факторов, среди которых важную (а порой определяющую) роль играл «бриттский». Благополучное существование городов оказывалось возможным, если местные племена были уже достаточно развиты и активно вовлекались в процессы культурного преобразования острова (как было в случае с катувеллаунами). Если же местные элиты вступали в конфликт с Римом, или туземное общество было недостаточно сложным и развитым, то процесс урбанизации шел медленно или не начинался вовсе (как у иценов или карветиев)¹¹. Стоит отметить, что М. Миллетт рассматривал урбанизм как важную, но не единственную сторону процесса культурной трансформации острова; основное внимание он уделил социально-экономическому развитию провинции в целом, поэтому обстоятельного анализа развития конкретных романо-британских городов в книге нет. Сами города интересовали его как административные и экономические центры, в то время как вопросы этнокультурного состава населения городов остались вне поля зрения ученого. Тем не менее, наблюдения М. Миллетта способствовали формированию новых исследовательских подходов, его вывод о значительной роли бриттов (и прежде всего племенных аристократий) в урбанизации и романизации Британии сейчас является общепризнанным¹².

Во многом благодаря монографии М. Миллетта «городская» тематика, до этого изучаемая в рамках общих проблем истории римской Британии, теперь окончательно обрела самостоятельное значение. Урбанизация острова и отдельных его регионов, развитие и жизнь городов все чаще становились объектами исследования¹³.

Так, проблемы романо-британского урбанизма и специфики развития различных городов провинции обсуждались на тематических конференциях в Сент-Олбансе и Глостере. Результаты этих обсуждений были опубликованы в сборниках под редакцией Стивена Грипа и Генри Херста¹⁴. В фокусе исследований, помимо традиционных вопросов развития архитектуры и хозяйства, оказались новые вопросы – идентичности населения городов, соотношение римских и

¹⁰ Millett 2005. См. также: Барышников 2012a, 202.

¹¹ Millett 2005, 100 fig. 4.3.

¹² Creighton 2006, 74ff.

¹³ Иллюстрацией этому может служить ситуация с докторскими (PhD) диссертациями. В период 1940–1970-х гг., насколько нам известно, была защищена лишь одна диссертация о городах Британии: Esmonde-Cleary 1979. За тридцать пять последующих лет появилось восемь работ, посвященных различным аспектам романо-британского урбанизма: Burnham 1984; Bates 1989 (посвящена преимущественно позднеантичному периоду существования романо-британских городов); Dobinson 1993; Rogers 2008; Speed 2013; Bonsall 2013; Lodwick 2014; Ingate 2014.

¹⁴ Greep 1993; Hurst 1999.

местных традиций¹⁵. В данных сборниках, включающих работы по всем крупным городам провинции, особенно ярко проявилась многоаспектность изучения романо-британских городов и возможность многообразия подходов к их пониманию. Сложности выработки новой методологии изучения данных проблем обсуждались в рамках конференции по римской археологии в Дархэме; в сжатом виде итоги диспутов были зафиксированы в статьях М. Миллетта, Б. Бернхэма и ряда других исследователей¹⁶. По мнению М. Миллетта, археологические исследования обогнали развитие теории: интерпретации постоянно обновляющегося корпуса источников основываются на традиционных, устаревающих моделях и методах. Необходимо, как подчеркивал автор, пересмотреть критерии выделения и классификации романо-британских городов, чтобы точнее определить их роли в жизни провинции в целом и отдельных регионов¹⁷. Кроме того, насущной задачей исследователей оказывается соотнесение развития конкретных городов с региональным контекстом и сравнение различных вариантов урбанизации¹⁸. В заметке Б. Бернхэма и его коллег очерчен круг важнейших проблем изучения романо-британских городов. Среди них указывались общая хронология урбанизации, региональная специфика развития протогородских и городских поселений, комплексы артефактов и остатки влияния человека на окружающую среду, демографические изменения, идентичности городского населения¹⁹.

В 1990-х гг. произошел переход от унифицирующего (и неизбежно утрирующего) взгляда на романо-британский урбанизм к более точной, допускающей локальные вариации, картине урбанизации римской Британии. Все чаще стали звучать слова о необходимости рассматривать жизнь провинциальных городов с учетом исторических реалий позднелезного века и специфики культурного развития каждого региона. Этому также способствовали публикации книг, синтезирующих и обобщающих результаты археологических экспедиций в важнейших городах острова – прежде всего, монографий Ф. Крамми о Камулоне и Р. Ниблетт о Веруламии²⁰.

Логичным стало появление работ, предлагающих новый взгляд на романо-британский урбанизм. Важнейшей среди них является монография Джона Крайтона, посвященная вопросам организации и ранней истории провинции Британия²¹. Особое место в книге занимают проблемы континуитета традиций и распространения социокультурных новаций (в том числе городов и городского образа жизни) на острове. В концептуальном смысле подход исследователя серьезно отличается от предшественников, хотя и отчасти продолжает линию, заданную трудами М. Миллетта, Б. Бернхэма, Э. Берли. По мнению Дж. Крайтона, специфика развития городов римской Британии во многом определялась «человеческим фактором»: чтобы ее понять, необходимо реконструировать различные этнокультурные идентичности городского населения – разобраться, кто

¹⁵ Hurst 1999.

¹⁶ Millett 2001, 60–62; Burnham, Collis, Dobinson, Haselgrove, Jones 2001, 73–76.

¹⁷ Millett 2001, 64.

¹⁸ Millett 2001, 65–66.

¹⁹ Burnham, Collis, Dobinson, Haselgrove, Jones 2001, 75–76.

²⁰ Crummy 1997; Niblett 2001.

²¹ Creighton 2006.

жил в городах и как эти жители понимали саму «идею города»²². Для изучения социальной и культурной сторон урбанизма Дж. Крайтон привлекает свидетельства из Лондиния, Камулодуна, Вироконий (совр. Роксетер), Веруламия, Каллевы, Венты ицен (совр. Кайстор Сент-Эдмундс)²³. Специфика развития каждого из указанных городов определялась, прежде всего, локальными политическими и культурными условиями их возникновения: бритты по-разному воспринимали и воспроизводили городской образ жизни. Развитие практически всех городов (за исключением Лондиния) было связано не столько с деятельностью римской администрации, сколько с активностью местной аристократии²⁴. Эта активная вовлеченность бриттской знати в римский образ жизни возникла раньше римского завоевания, поэтому многие города провинции «вырастали» из доримских поселений, сочетая местные элементы с римскими. Уточняя и развивая тезисы М. Миллетта, автор выявил несколько основных вариантов урбанизации острова. Так, бриттский субстрат играл наибольшую роль в развитии городов на территории лояльных Риму царств Тогидубна и Прасутага – в частности, в Каллеве и Венте ицен. Значительно меньшим его значение было в «милитаризированных» областях Британии, что Дж. Крайтон показывает на примере Вирокония²⁵. Реконструкции, предлагаемые исследователем, интересны и кажутся весьма вероятными, во многом благодаря тому, что аргументация автора основана на новейших достижениях романо-британской археологии. Но в целом подход Дж. Крайтона не бесспорен. Во-первых, многие выводы о политической ситуации в Британии позднего века основаны на предположениях и допущениях, потому имеют гипотетический характер²⁶. Так, находки римского вооружения в Каллеве и Новиомаге могут свидетельствовать как о присутствии здесь подразделений римской армии, так и о попытках местных правителей – Верики и Тогидубна – создать собственную армию, снаряженную по римскому образцу²⁷. Выбор одного из предположений существенно влияет на восстанавливаемую картину урбанизации: в первом случае она проходила в присутствии легионеров и провинциальных властей, во втором – по инициативе верхушки местной аристократии. Соответственно, если новые источники поставят под сомнение гипотезы о характере развития бриттских племен накануне римского вторжения, то вся предложенная исследователем картина урбанизации окажется неверной. «Элитоцентризм», другой ключевой элемент построений Дж. Крайтона, также вызывает ряд вопросов. Мы с достаточной уверенностью можем судить о проримской политической ориентации, культурных привычках Тогидубна и Прасутага. Однако это лишь отдельные представители местной знати. Какой была позиция других аристократов по отношению к Риму и

²² Creighton 2006, 77.

²³ Creighton, 92–108 (Лондиний), 110–116 (Камулодун), 115–121 (Вироконий), 124–130 (Веруламий), 135–144 (Каллева), 142–145 (Вента ицен).

²⁴ Внимание Джона Крайтона к местной аристократии неудивительно и логически следует из его предыдущих работ, посвященных бриттским обществам накануне римского вторжения. Основная среди публикаций автора на данную тему: Creighton 2000.

²⁵ Creighton 2006, 115ff.

²⁶ Подчеркнем, что для подобной критики открыты все публикации, посвященные кануну римского вторжения; реконструкции основаны на узком круге источников, новые находки монет или артефактов могут в корне изменить наши представления.

²⁷ Creighton 2001, 7ff.

урбанизации, сказать сложно, поскольку вплоть до конца I в. н.э. бриттские элиты практически «неуловимы»: об их существовании и вовлеченности в городскую жизнь мы можем судить по косвенным источникам. Наконец, хотя Дж. Крайтон последовательно учитывает локальные обстоятельства возникновения и развития городов, региональная перспектива воссоздана недостаточно полно. Исследователь иллюстрирует романо-британский урбанизм несколькими наиболее яркими примерами, оставляя в стороне ряд поселений, которые могли бы прояснить специфику локального развития городов. Так, рассматривать Каллеву следует в комплексе с другими городами царства Тогидубна – Новиомагом и Вентой бельгов. Следует заметить, что указанные спорные моменты объективны и неизбежно проистекают из авторского подхода: гипотетичность ряда тезисов о роли бриттских элит предопределяется состоянием источников, отсутствие обстоятельного анализа окружающих города территорий является обратной стороной метода «кейсов», используемого автором. Несмотря на эти недостатки, книга Дж. Крайтона стала новой ступенью в изучении романо-британского урбанизма.

Иной подход продемонстрирован в трудах Мартина Питтса и Доминика Перринга, посвященных доримской и римской урбанизации районов Большого Лондона, Эссекса и Хартфордшира²⁸. Здесь развитие крупных поселений – Камулодуна (прежде всего), Лондиния, Веруламия – рассматривалось в местном контексте. Особое внимание в этих публикациях уделялось не развитию пространства города, а идентичностям и потребительским привычкам его жителей. Их авторы пытаются реконструировать с помощью анализа комплекса различных артефактов (прежде всего, керамики)²⁹. Выводы Д. Перринга и М. Питтса несколько отличаются от заключений Дж. Крайтона. Так, они не соглашались с тезисом о прямой преемственности между доримскими поселениями и городами провинции: ситуация была более сложной и неоднозначной, влияние переселенцев с континента, принесших свои обычаи и практики на остров, часто оказывалось сильнее, чем влияние местного элемента³⁰. Города рождались и развивались как «чужеродный» феномен, активно воздействуя на бриттов и постепенно поглощая их традиции. Роль городов в жизни окружающих их территорий нельзя сводить к торговым или административным функциям: как отмечают исследователи, реальное экономическое значение крупных поселений еще предстоит выяснить³¹. Население городов было неоднородным: внутри городских стен сосуществовали и взаимодействовали разные идентичности. Носителями одних были мигранты из Италии, Галлии, Германии, других – представители бриттских племен; численный перевес был, судя по отдельным ремаркам исследователей, на стороне первых³². Подход

²⁸ Perring 2002, 21ff.; Perring, Pitts 2013 (монография, подготовленная по итогам нескольких исследовательских проектов, прежде всего «Town and Country in Roman Essex: Settlement Hierarchies in Roman Essex», организатором которого выступил департамент археологии юго-востока при Лондонском университете); Pitts, Perring 2006; Pitts 2007; Pitts 2014.

²⁹ Методика работы с керамикой кратко изложена здесь: Pitts, Perring. 2006, 197–199. Стоит иметь в виду, что термин «идентичность», используемый в первых работах Мартина Питтса и Доминика Перринга, в настоящее время употребляется исследователями редко и с большой осторожностью.

³⁰ Perring, Pitts 2013, 201ff.

³¹ Pitts, Perring 2013, 208–209.

³² Pitts 2014, 166.

Д. Перринга и М. Питтса, будучи достаточно продуктивным, в то же время сталкивается с объективными трудностями. Самая главная из них заключается в том, что значительная часть артефактов, необходимых для успешной работы выбранных учеными методик, еще не обработана и не опубликована (как, к примеру, броши из Лондиния)³³. Тем не менее, авторам удалось показать, что процессы урбанизации и формирования городского населения были сложнее и противоречивее, чем представлялось ранее.

Рубеж тысячелетий ознаменовался новыми полевыми работами археологов. Самые значимые из них были организованы в Силчестере, в рамках проекта Майкла Фулфорда и Джейн Тимби³⁴. Объектами полевых исследований стали несколько центральных районов римского города; некоторые их результаты, опубликованные в виде монографий, позволяют внести целый ряд уточнений в современные представления о романо-британском урбанизме. Продолжились работы в Колчестере (где был открыт фундамент римского цирка, единственного подобного памятника в Британии) и Лондоне³⁵. Меньше внимания получили другие города – в Винчестере было изучено кладбище позднеимперского времени, несколько локальных исследований было проведено в Чичестере и Кентерберии³⁶. Кульминация археологических работ в Сент-Олбансе пришлась на 1980–1990-е гг., в начале нового века Р. Ниблетт систематизировала полученные результаты³⁷. Так же поступил Ф. Крамми, подготовивший к печати монографию, посвященную истории древнего Колчестера³⁸.

В условиях политики последовательного сокращения государственных расходов на науку и образование, проводимых под влиянием партии консерваторов, особую роль начинает играть коммерческая археология³⁹. Охранные раскопки, несмотря на разницу в уровне их организации и качестве публикаций, существенно расширили корпус археологических источников из городов⁴⁰. Прежде всего это касается Лондона, центральные районы которого сейчас активно перестраиваются. Продолжаются раскопки в Силчестере, где после консервации траншей IX инсулы команда Джейн Тимби и Майкла Фулфорда приступала к изучению соседней с ней III инсулы⁴¹. Новые свидетельства позволяют уточнить вопросы происхождения городов, выявить ранее незаметные различия в их развитии, образе жизни и обычаях их обитателей⁴².

Изменения теоретических подходов к изучению романо-британского урбанизма вкупе с результатами новейших археологических исследований сделали

³³ Pitts 2014, 135, 166.

³⁴ Fulford 2015a, 115ff.

³⁵ Crummy 2008. В Лондоне одними из самых масштабных стали раскопки в Финсбери, Чипсайде и в районах строительства новой высокоскоростной железной дороги «Crossrail»: Harward, Powers, Watson 2015; Watson 2015.

³⁶ Seager Smith, Cooke, Gale, Knight, McKinley, Stevens 2007; Weekes 2012.

³⁷ Niblett 2005.

³⁸ Crummy 1997.

³⁹ Holbrook 2015.

⁴⁰ Fulford 2015b.

⁴¹ Сезон 2015 года стал первым в изучении III инсулы и района Пондс фарм, его результаты будут опубликованы в 2016 году.

⁴² Fulford 2015b, 88–89. В целом о результатах и перспективах охранных раскопок в городах см.: Fulford 2015c.

насушной задачу создания актуальной картины возникновения и развития провинциальных городов. Попытка создать такую картину была предпринята в масштабной работе Д. Мэттингли⁴³. Автор посвящает городам римской Британии три главы своей объемной монографии. В первой Д. Мэттингли подробно рассматривал обстоятельства возникновения и основные модели развития (прежде всего архитектуры и городского пространства) важнейших городов острова⁴⁴. Автор выделил несколько вариантов возникновения и эволюции городов: во-первых, появление города на основе укрепленного поселения позднего железного века – примерами таких городов могут быть Силчестер, Кентербери, Сент-Олбанс; во-вторых, возникновение поселения в результате деятельности армии – например, на месте постоянного лагеря, покинутого легионом, как это было в случае с Колчестером; в-третьих, в случае Лондона, – появление города как торгового центра, на пересечении важнейших дорог. Указанные варианты возникновения и эволюции городов не являлись для Д. Мэттингли элементами жесткой типологии – он отмечал, что юридический статус, благосостояние и дальнейшее развитие каждого города отличалось своеобразием⁴⁵. Разные города объединял схожий облик – узкие прямые улицы, здания хозяйственного назначения, по большей части деревянные⁴⁶. Отдельное внимание автор уделял так называемым «малым городам» (*«small towns»/«minor towns»*), появление которых было предопределено прежде всего экономическим развитием провинции – они были транзитными пунктами в торговле, ремесленными центрами. Данные обстоятельства, по мнению Д. Мэттингли, способствовали тому, что в IV в. «малые города» не пришли в упадок, в отличие от важнейших городских центров провинции⁴⁷.

В следующей главе – «Городское население: демография, культура и идентичность» – центральное место отведено анализу идентичности жителей городов Римской Британии⁴⁸. Д. Мэттингли отметил, что в случае с горожанами следует говорить о существовании не одной, а многих идентичностей, связанных с происхождением, социальным статусом, родом занятий⁴⁹. Для городов было характерно сосуществование нескольких языков – бриттских диалектов как основы устного общения, латыни в качестве языка делопроизводства и торговли. При этом, как указывал автор, большинство латинских надписей встречается в городах, где значительную часть населения составляли либо официальные лица, либо представители «воинского сообщества» – Йорке, Лондоне, Колчестере, Силчестере и

⁴³ Mattingly 2007. Часть выводов, связанных с вопросами городской идентичности, Д. Мэттингли повторил в статье 2010 года: Mattingly 2010. Подробнее см.: Барышников 2012б. Среди обобщающих публикаций последнего времени стоит также упомянуть статью М. Джонса: Jones 2004, Revell (forthcoming), Rogers (forthcoming).

⁴⁴ Mattingly 2006, 255–291.

⁴⁵ Отметим, что тезис о вариативности романо-британского урбанизма получил общепризнанный характер и на правах методологического принципа был внесен в «Стратегию археологического исследования римской Британии», разработанную крупнейшим государственным заказчиком научных проектов – Комиссией по историческим памятникам Англии (до 2015 года известной под названием «English Heritage», с 2015 года – «Historic England»). См.: Wilson 2012, 14, 21–22.

⁴⁶ Mattingly 2006, 285.

⁴⁷ Mattingly 2006, 290–291.

⁴⁸ Mattingly 2006, 292–324.

⁴⁹ Mattingly 2006, 292.

других⁵⁰. Городским культам было свойственно стремление к синкретизму, здесь, в отличие от армии, большую роль играли местные верования, сочетавшиеся с классической греко-римской иконографией⁵¹. Наконец, городская материальная культура, питание тоже имели ряд особенностей, о которых Д. Мэттингли, впрочем, говорил чрезвычайно кратко⁵². Позже, в IV в. н.э., развитие городов стало противоречивым. С одной стороны, археология ясно указывает на сокращение численности населения, кризис городского хозяйства, симптомы которого особенно ярко проявились в судьбе общественных зданий – базилик, бань, театров. С другой стороны, в городах IV в. появлялись богатые дома частных лиц со сложной планировкой пространства, искусными мозаиками и прочими признаками достатка⁵³. Д. Мэттингли не выдвинул предположений о том, какие причины предопределили подобную судьбу городских центров, ограничиваясь лишь мыслью о том, что бриттское общество оказалось не готово к развитию урбанизма⁵⁴.

За последнее время было опубликовано несколько крупных исследований по отдельным аспектам романо-британского урбанизма. В книге Луизы Ревелл, посвященной римскому империализму и локальным идентичностям, развитие городов Британии рассматривалось с общеимперской перспективы⁵⁵. С точки зрения городского развития Британия, по наблюдению автора, отличалась от других регионов римского мира⁵⁶. В качестве примера Л. Ревелл проанализировала особенности двух провинциальных городов – Лондиния и Венты силуров (современный Кэрвент). В случае с Лондинием отличия от континентальных центров имеют скорее внешний характер. Город на Темзе был не столь упорядочен в смысле городской застройки, не имел статуса муниципия или колонии⁵⁷. Однако идентичности жителей Лондиния достаточно близки идентичностям других городов римского мира⁵⁸. Население города, как полагает исследовательница, вполне усвоило традиции городского образа жизни и воспроизводило их в повседневной жизни⁵⁹. Иной вариант развития романо-британского урбанизма представляет собой Вента силуров, расположенная на границе с Уэльсом, который находился под контролем и надзором армии. Большинство жителей Венты жили за пределами городских стен, сохраняя часть доримских традиций. Сам город, несмотря на статус центра *civitatis*, отличался небольшими размерами, скромной архитектурой⁶⁰. Л. Ревелл удалось наглядно показать специфичность и внутреннюю неоднородность развития романо-британских городов, возникшие в результате взаимодействия Империи и местного населения. При этом исследовательница не рассматривает внутрипровинциальные различия процесса урбанизации, ограничиваясь лишь двумя наиболее яркими примерами.

⁵⁰ Mattingly 2006, 296, 306.

⁵¹ Mattingly 2006, 308–309.

⁵² Mattingly 2006, 318–322.

⁵³ Mattingly 2006, 325–326.

⁵⁴ Mattingly 2006, 350.

⁵⁵ Revell 2009.

⁵⁶ Revell 2009, 67.

⁵⁷ Revell 2009, 69–72.

⁵⁸ Revell 2009, 72.

⁵⁹ Revell 2009, 73.

⁶⁰ Revell 2009, 74–75.

Городской проблематике посвящено несколько исследований Адама Роджерса. В диссертационной работе он предпринял попытку рассмотреть появление и упадок городов как «значимых» (*«meaning-laden»*) мест⁶¹. Сравнительный анализ развития пространства крупных и малых городов провинции, прилегающих к ним территорий с сельскими поместьями позволил исследователю обстоятельно аргументировать тезис о комплексной взаимосвязи римских городов с доримскими поселениями. Связь эта, по мнению А. Роджерса, несводима к прямой преемственности. Пространство и жизнь провинциальных городов выстраивались под влиянием ряда факторов: положения на торговых путях, воздействия окружающего этнокультурного ландшафта, вложений властей провинции и местных элит, устойчивости культовых традиций⁶². Изучение публичных строений позволяет А. Роджерсу продемонстрировать специфику развития различных городов, показать, что единообразие урбанизации и городской жизни не было⁶³. Важнейшую часть диссертационной работы занимает анализ позднеримского периода и попытка пересмотреть взгляды на кризис и упадок городов провинции.

Из диссертационного исследования Адама Роджерса «выросло» две монографии. Первая была посвящена городам позднеримской Британии и проблеме их кризиса⁶⁴. Во второй исследователь затронул новую, до того специально не рассматривавшуюся тему – комплексную связь городов провинции с водоемами⁶⁵. Разбирая вопросы использования жителями крупных поселений близлежащих источников воды, строительства и эксплуатации канализационных сооружений, А. Роджерс пришел к выводам, дополняющим результаты его диссертационной работы. В отношении города с водой прослеживается комплексный характер урбанизма; технологии и обычаи, пришедшие вместе с римской властью, сочетались с местными традициями⁶⁶. Примечательно, что во всех своих работах А. Роджерс рассматривает города как нечто единое, не прибегая к анализу жизни этнокультурного состава городских жителей и реконструкциям их идентичностей. Кроме того, автор, подчеркивая сложность и специфичность урбанизации Британии, привлекает материалы из практически всех крупных городов, но не ставит перед собой задачу выявить и упорядочить региональные различия в развитии городов. В результате выводы А. Роджерса оказываются порой слишком общими и требуют дополнительного обоснования⁶⁷.

Кроме работ Л. Ревелл и А. Роджерса, представляющих собой попытки проанализировать романо-британский урбанизм в целом, в последние годы было опубликовано несколько крупных исследований по отдельным городам. Результаты

⁶¹ Rogers 2008, 4–5, 68–70. Термин «*meaning-laden place*», используемый Адамом Роджерсом, не имеет буквального перевода; по тексту диссертации его можно интерпретировать как хозяйственный и административный центр, объединяющий округ и находящийся на пересечении путей торгового и культурного обмена. Корректность понимания понятия усложняется тем, что автор не дал ему собственного определения.

⁶² Rogers 2008, 277–278.

⁶³ Rogers 2008, 133–153.

⁶⁴ Rogers 2011. См. также критические рецензии Саймона Эсмонда Клири и Майкла Фулфорда, где высказываются сомнения в обоснованности стремления Адама Роджерса пересмотреть принятые взгляды на развитие городов: Esmonde-Cleary 2011; Fulford 2013.

⁶⁵ Rogers 2013.

⁶⁶ Rogers 2013, 217ff.

⁶⁷ Esmonde-Cleary 2011, 820.

археологических исследований римского периода в истории Колчестера, которыми уже несколько десятилетий руководит Филипп Крамми, были обобщены в монографии Дэвида Рэдфорда и Эдриана Гаскойна⁶⁸. Несколько коллективных трудов, посвященных отдельным проблемам истории Каллевы атребатов, было подготовлено под редакцией Майкла Фулфорда⁶⁹. Лэйси Уоллес, основываясь на лондонских раскопках последнего десятилетия, исследовала вопрос возникновения Лондиния, а также остановилась на раннем периоде его истории⁷⁰.

В целом в последнее десятилетие предпринимаются попытки окончательно преодолеть привычные для исследований романо-британских городов упрощения; общепризнанным стал тезис о вариативности развития крупных поселений острова и региональной специфике существования каждого из них. Ранее практически все исследователи подчеркивали, что города, возникшие после римского завоевания, играли важную роль в культурных процессах, происходивших в провинции; чаще всего речь шла о том, что города были одним из главных средств романизации, распространения античной культуры и образа жизни в Британии. В современных работах, основанных на отказе от концепции романизации, города оказываются пространствами, в которых формируются новые идентичности, местами, находящимися в сложных отношениях (трактовка которых колеблется от взаимной изоляции и отчуждения до эксплуатации городами сельской округи) с окружающими территориями. Города все реже рассматриваются в рамках жесткой дихотомии «римляне/бритты», все больше внимания уделяется потенциальному многообразию этнокультурных групп (как местных, так и континентальных), существовавших в пределах городских стен.

Сейчас, как нам представляется, в исследованиях романо-британского урбанизма сложились все условия для перехода на качественно новый уровень. В распоряжении ученых находится большее количество разнообразных источников, чем раньше; корпус материальных памятников и эпиграфики постоянно пополняется, позволяя увидеть проблему с новых ракурсов. Методология исследований усложнилась, став точнее и тоньше – на смену общему подходу, основанному на идее романизации, пришло несколько новых. Наиболее продуктивными и интересными нам представляются два – подход, позволяющий поставить вопросы преемственности городов с поселениями доримской эпохи, также связи процесса урбанизации с политикой и поведением бриттских элит (Дж. Крайтон), и подход, базирующийся на реконструкции идентичностей городского населения с помощью комплекса различных материальных источников (М. Питтс и Д. Перринг).

ЛИТЕРАТУРА

- Барышников, А.Е. 2012а: Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении. *Вестник ННГУ* 6(3), 200–211.
- Барышников, А.Е. 2012б: История римской Британии без романизации: концепция Дэвида Мэттингли. *Studia Historica* 12, 283–294.

⁶⁸ Radford, Gascoyne 2013.

⁶⁹ Clarke, Eckardt, Fulford 2006; Clarke, Fulford 2011; 2012. Результаты исследований слоев раннего римского времени и позднего железного века должны быть опубликованы в ближайшее время.

⁷⁰ Wallace 2015.

- Bates, W.E. 1989: *Aspects of the Town in Roman Britain*. PhD thesis. Reading.
- Birley, A. 1980: *The People of Roman Britain*. Berkeley-Los Angeles.
- Bonsall, L. 2013: *Variations in the Health Status of Urban Populations in Roman Britain: a Comparison of Skeletal Samples from Major and Minor Towns*. PhD thesis. Edinburgh.
- Burnham, B.C., Collis, J., Dobinson, C., Haselgrove, C., Jones, M. 2001: Themes for Urban Research In: S. James, M. Millett (eds.), *Britons and Romans: Advancing an Archaeological Agenda*. York, 67–76.
- Burnham, B.C. 1984: *The Small Towns of Roman Britain: an Analysis of Their Structural and Functional Complexity*. PhD thesis. Cambridge.
- Clarke, A., Eckardt, H., Fulford, M. 2006: *Life and Labour in Late Roman Silchester: Excavations in Insula IX since 1997*. L.
- Clarke, A., Fulford, M. 2011: *Silchester: City in Transition. The Mid-Roman Occupation of Insula IX c. AD 125–250/300. A Report of Excavations Undertaken since 1997*. L.
- Collingwood, R.G., Myres, J.N.L. 1949: *Roman Britain and the English Settlements*. Oxford.
- Creighton, J. 2000: *Coins and Power in Late Iron Age Britain*. Cambridge.
- Creighton, J. 2001: The Iron Age – Roman Transition. In: S. James, M. Millett (eds.), *Britons and Romans: Advancing an Archaeological Agenda*. York, 4–11.
- Creighton, J. 2006: *Britannia. The Creation of Roman Province*. L.
- Crummy, P. 1977: Colchester: the Roman Fortress and the Development of the Colonia. *Britannia* 8, 65–195.
- Crummy, P. 1982: The Roman Theatre at Colchester. *Britannia* 13, 299–302.
- Crummy, P. 1997: *City of Victory: Story of Colchester – Britain's First Town*. Colchester.
- Crummy, P. 2008: The Roman circus at Colchester. *Britannia* 39, 15–31.
- Dobinson, S.C. 1993: *Studies in Romano-British Urban Structure: a Consideration of Aspects of Planning, Building Stock and Internal Structure of the Major Towns of Roman Britain*. PhD thesis. Cambridge.
- Esmonde-Cleary, A.S. 1979: *Towns and Urbanization in Roman Britain: the Evidence from Outside the Defences*. PhD thesis. Oxford.
- Esmonde-Cleary, A.S. 2011: Late Romano-British Towns: a Real Rethink? *Journal of Roman Archaeology* 24, 819–821.
- Frere, S. 1964: Verulamium: Three Roman Cities. *Antiquity* 38 (150), 103–112.
- Frere, S. 1967: *Britannia: a History of Roman Britain*. L.
- Frere, S. 1972: *Verulamium Excavations*. Vol. I. Oxford.
- Frere, S. 1983: *Verulamium Excavations*. Vol. II. L.
- Frere, S. 1984: *Verulamium Excavations*. Vol. III. Oxford.
- Fulford, M. 1989: *The Silchester Amphitheatre: Excavations of 1979–1985*. L.
- Fulford, M. 2013: Review of 'Late Roman Towns in Britain: Rethinking Decline and Change' by A. Rogers. *Britannia* 44, 423–424.
- Fulford, M. 2015a: Silchester: the Town Life Project 1997–2014: Reflections on a Long Term Research Excavation. In: T. Brindle, M. Allen, E. Durham, A. Smith (eds.), *Theoretical Roman Archaeology Conference 2014*. Oxford, 114–121.
- Fulford, M. 2015b: The Towns of South-East England In: M. Fulford, N. Holbrook (eds.), *The Towns of Roman Britain: the Contribution of Commercial Archaeology since 1990*. L., 59–89.
- Fulford, M. 2015c: Retrospect and Prospect: Advancement of Knowledge, Methodologies and Publication In: M. Fulford, N. Holbrook (eds.), *The Towns of Roman Britain: the Contribution of Commercial Archaeology since 1990*. L., 198–209.
- Fulford, M. (ed.) 2012: *Silchester and the Study of Romano-British Urbanism*. Portsmouth, Rhode Island.
- Fulford, M., Corney, M. 1984: *Silchester: Excavations on the Defences, 1974–1980*. L.

- Greep, S.J. (ed.) 1993: *Roman Towns: the Wheeler Inheritance. A Review of 50 Years' Research*. York.
- Harward, C., Powers, N., Watson, S. 2015: *The Upper Walbrook Valley Cemetery of Roman London: Excavations at Finsbury Circus, City of London, 1987–2007*. L.
- Haverfield, F. 1906: The Romanization of Roman Britain. *Proceedings of the British Academy* 2, 185–217.
- Haverfield, F. 1911: Roman London. *Journal of Roman Studies* 1, 141–172.
- Haverfield, F. 1923: *The Romanization of Roman Britain*. Oxford.
- Holbrook, N. 2015: Introduction. In: M. Fulford, N. Holbrook (eds.). *The Towns of Roman Britain: the Contribution of Commercial Archaeology since 1990*. L., 1–6.
- Hurst, H. 1999: Topography and Identity in *Glevum colonia*. In: H. Hurst (ed.), *The Coloniae of Roman Britain: New Studies and a Review*. Portsmouth, Rhode Island, 113–135.
- Hurst, H. (ed.) 1999: *The Coloniae of Roman Britain: New Studies and a Review*. Portsmouth, Rhode Island.
- Ingate, J. 2014: *Hybrid Waterscapes: an Examination of Meaning-Laden Waterflow in the Towns of Roman Britain*. PhD thesis. Canterbury.
- Jones, M. 2004: Cities and Urban Life. In: M. Todd (ed.), *A Companion to Roman Britain*. L., 162–192.
- Lodwick, L.A. 2014: *An Archaeobotanical Analysis of Silchester and the Wider Region Across the Late Iron Age-Roman Transition*. PhD thesis. Oxford.
- Maloney, C., de Moulins, D. 1990: *The Archaeology of Roman London. Volume I: The Upper Walbrook in the Roman Period*. L.
- Marsden, P. 1980: *Roman London*. L.
- Mattingly, D. 2007: *An Imperial Possession: Britain in the Roman Empire*. L.
- Mattingly, D. 2010: Urbanism, epigraphy and identity in the Towns of Britain under Roman Rule. In: H.M. Schellenberg, V.E. Hirschmann, A. Kriekhaus (eds.), *A Roman Miscellany: Essays in Honour of Anthony R. Birley on his Seventieth Birthday*. Gdansk, 53–71.
- Merrifield, R. 1975: *The Archaeology of London*. Santa Barbara.
- Merrifield, R. 1983: *London. City of Romans*. Berkeley and Los Angeles.
- Milne, G. 1995: *Roman London*. L.
- Millett, M. 2001: Approaches to Urban Societies. In: S. James, M. Millett (eds.), *Britons and Romans: Advancing an Archaeological Agenda*. York, 60–66.
- Millett, M. 2005²: *The Romanization of Britain: an Essay in Archaeological Interpretation*. Cambridge.
- Niblett, R. 2001: *Verulamium: the Roman City of St. Albans*. Stroud.
- Niblett, R., Thompson, I. 2005: *Alban's Buried Town: an Assessment of St. Albans Archaeology Up to AD 1600*. Oxford.
- Perring, D. 2002: *Town and Country in England: Frameworks for Archaeological Research*. L.
- Perring, D., Roskams, S., Allen, P. 1991: *The Archaeology of Roman London. Volume II: Early Developments of Roman London West of the Walbrook*. L.
- Perring, D., Pitts, M. 2013: *Alien Cities: Consumption and the Origins of Urbanism in Roman Britain*. L.
- Pitts, M., Perring, D. 2006: The Making of Britain's First Urban Landscape: the Case of Late Iron Age and Roman Essex. *Britannia* 37, 189–212.
- Pitts, M. 2007: *Consumption and Identity in Essex and Hertfordshire c. 50 BC – AD 200: a Ceramic Perspective*. PhD Thesis. York.
- Pitts, M. 2014: Reconsidering Britain's First Urban Communities. *Journal of Roman Archaeology* 27, 133–174.
- Radford, D., Gascoyne, A. 2013: *Colchester, Fortress of the War God: Archaeological Assessment*. Oxford.

- Revell, L. 2010: *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge.
- Revell, L. (forthcoming): Urban Monumentality in Roman Britain. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford.
- Rogers, A. 2008: *Roman Towns as Meaning-Laden Places: Reconceptualising the Growth and Decline of Towns in Roman Britain*. PhD thesis. Durham.
- Rogers, A. 2011: *Late Roman Towns in Britain: Rethinking Decline and Change*. Cambridge.
- Rogers, A. 2013: *Water and Roman Urbanism. Towns, Waterscapes, Land Transformation and Experience in Roman Britain*. Leiden–Boston.
- Rogers, A. (forthcoming): The Development of Towns. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford.
- Seager Smith, R., Cooke, N., Gale, R., Knight, S., McKinley, J.I., Stevens, C. 2007: Archaeological Investigations on the Site of the Former Rowe's Garage, Chichester, West Sussex. *Sussex Archaeological Collections* 145, 67–80.
- Speed, G. 2013: *Towns in the Dark? Urban Transformations from Late Roman Britain to Anglo-Saxon England (AD 300–600)*. PhD thesis. Leicester.
- Wacher, J. 1975: *The Towns of Roman Britain*. L.
- Wallace, L. 2015: *The Origin of Roman London*. Cambridge.
- Watson, S. 2015: *Urban Development in the North-West of Londinium: Excavations at 120–122 Cheapside to 14–18 Gresham Street, City of London, 2005*. L.
- Weekes, J. 2012: Additional evidence of Roman (and later) occupation adjacent to the Marlowe arcade, Canterbury: excavations at Rose Lane, 2002–4. *Archaeologia Cantiana* 132, 235–258.
- Wheeler, M. 1919: Roman Colchester. *Journal of Roman Studies* 9, 139–169.
- Wheeler, M. 1930: *London in Roman Times*. L.
- Wheeler, M., Wheeler, T. 1936: *Verulamium: a Belgic and Two Roman Cities*. L.
- Wilson, P. 2012: *Research Strategy for the Roman-Period Historic Environment*. L.

REFERENCES

- Baryshnikov, A. 2012a: Rimskaya Britaniya I problema romanizatsii: krizis traditsionnoy kontseptsii I diskussiya o novykh podkhodakh v sovremennom angliyskom antikovedenii. *Vestnik NNGU* 6(3), 200–211.
- Baryshnikov, A. 2012b: Istoriya rimskoy Britanii bez romanizatsii: kontseptsiya Devida Mettingli. *Studia Historica* 12, 283–294.
- Bates, W.E. 1989: *Aspects of the Town in Roman Britain*. PhD thesis. Reading.
- Birley, A. 1980: *The People of Roman Britain*. Berkeley-Los Angeles.
- Bonsall, L. 2013: *Variations in the Health Status of Urban Populations in Roman Britain: a Comparison of Skeletal Samples from Major and Minor Towns*. PhD thesis. Edinburgh.
- Burnham, B.C. 1984: *The Small Towns of Roman Britain: an Analysis of Their Structural and Functional Complexity*. PhD thesis. Cambridge.
- Burnham, B.C., Collis, J., Dobinson, C., Haselgrove, C., Jones, M. 2001: Themes for Urban Research In: S. James, M. Millett (eds.), *Britons and Romans: Advancing an Archaeological Agenda*. York, 67–76.
- Clarke, A., Eckardt, H., Fulford, M. 2006: *Life and Labour in Late Roman Silchester: Excavations in Insula IX since 1997*. L.
- Clarke, A., Fulford, M. 2011: *Silchester: City in Transition. The Mid-Roman Occupation of Insula IX c. AD 125–250/300. A Report of Excavations Undertaken since 1997*. L.
- Collingwood, R.G., Myres, J.N.L. 1949: *Roman Britain and the English Settlements*. Oxford.
- Creighton, J. 2000: *Coins and Power in Late Iron Age Britain*. Cambridge.

- Creighton, J. 2001: The Iron Age – Roman Transition. In: S. James, M. Millett (eds.), *Britons and Romans: Advancing an Archaeological Agenda*. York, 4–11.
- Creighton, J. 2006: *Britannia. The Creation of Roman Province*. L.
- Crummy, P. 1977: Colchester: the Roman Fortress and the Development of the Colonia. *Britannia* 8, 65–195.
- Crummy, P. 1982: The Roman Theatre at Colchester. *Britannia* 13, 299–302.
- Crummy, P. 1997: *City of Victory: Story of Colchester – Britain's First Town*. Colchester.
- Crummy, P. 2008: The Roman circus at Colchester. *Britannia* 39, 15–31.
- Dobinson, S.C. 1993: *Studies in Romano-British Urban Structure: a Consideration of Aspects of Planning, Building Stock and Internal Structure of the Major Towns of Roman Britain*. PhD thesis. Cambridge.
- Esmonde-Cleary, A.S. 1979: *Towns and Urbanization in Roman Britain: the Evidence from Outside the Defences*. PhD thesis. Oxford.
- Esmonde-Cleary, A.S. 2011: Late Romano-British Towns: a Real Rethink? *Journal of Roman Archaeology* 24, 819–821.
- Frere, S. 1964: Verulamium: Three Roman Cities. *Antiquity* 38 (150), 103–112.
- Frere, S. 1967: *Britannia: a History of Roman Britain*. L.
- Frere, S. 1983: *Verulamium Excavations*. Vol. II. L.
- Frere, S. 1984: *Verulamium Excavations*. Vol. III. Oxford.
- Frere, S. 1972: *Verulamium Excavations*. Vol. I. Oxford.
- Fulford, M. (ed.) 2012: *Silchester and the Study of Romano-British Urbanism*. Portsmouth, Rhode Island.
- Fulford, M. 1989: *The Silchester Amphitheatre: Excavations of 1979–1985*. L.
- Fulford, M. 2013: Review of 'Late Roman Towns in Britain: Rethinking Decline and Change' by A. Rogers. *Britannia* 44, 423–424.
- Fulford, M. 2015a: Silchester: the Town Life Project 1997–2014: Reflections on a Long Term Research Excavation. In: T. Brindle, M. Allen, E. Durham, A. Smith (eds.), *Theoretical Roman Archaeology Conference 2014*. Oxford, 114–121.
- Fulford, M. 2015b: The Towns of South-East England In: M. Fulford, N. Holbrook (eds.), *The Towns of Roman Britain: the Contribution of Commercial Archaeology since 1990*. L., 59–89.
- Fulford, M. 2015c: Retrospect and Prospect: Advancement of Knowledge, Methodologies and Publication. In: M. Fulford, N. Holbrook (eds.), *The Towns of Roman Britain: the Contribution of Commercial Archaeology since 1990*. L., 198–209.
- Fulford, M., Corney, M. 1984: *Silchester: Excavations on the Defences, 1974–1980*. L.
- Greep, S.J. (ed.) 1993: *Roman Towns: the Wheeler Inheritance. A Review of 50 Years' Research*. York.
- Harward, C., Powers, N., Watson, S. 2015: *The Upper Walbrook Valley Cemetery of Roman London: Excavations at Finsbury Circus, City of London, 1987–2007*. L.
- Haverfield, F. 1906: The Romanization of Roman Britain. *Proceedings of the British Academy* 2, 185–217.
- Haverfield, F. 1911: Roman London. *Journal of Roman Studies* 1, 141–172.
- Haverfield, F. 1923: *The Romanization of Roman Britain*. Oxford.
- Holbrook, N. 2015: Introduction. In: M. Fulford, N. Holbrook (eds.), *The Towns of Roman Britain: the Contribution of Commercial Archaeology since 1990*. L., 1–6.
- Hurst, H. (ed.) 1999: *The Coloniae of Roman Britain: New Studies and a Review*. Portsmouth, Rhode Island.
- Hurst, H. 1999: Topography and Identity in *Glevum colonia*. In: H. Hurst (ed.), *The Coloniae of Roman Britain: New Studies and a Review*. Portsmouth, Rhode Island, 113–135.

- Ingate, J. 2014: *Hybrid Waterscapes: an Examination of Meaning-Laden Waterflow in the Towns of Roman Britain*. PhD thesis. Canterbury.
- Jones, M. 2004: Cities and Urban Life. In: M. Todd (ed.), *A Companion to Roman Britain*. L., 162–192.
- Lodwick, L.A. 2014: *An Archaeobotanical Analysis of Silchester and the Wider Region Across the Late Iron Age-Roman Transition*. PhD thesis. Oxford.
- Maloney, C., de Moulins, D. 1990: *The Archaeology of Roman London. Volume I: The Upper Walbrook in the Roman Period*. L.
- Marsden, P. 1980: *Roman London*. L.
- Mattingly, D. 2007: *An Imperial Possession: Britain in the Roman Empire*. L.
- Mattingly, D. 2010: Urbanism, epigraphy and identity in the Towns of Britain under Roman Rule. In: H.M. Schellenberg, V.E. Hirschmann, A. Kriekhaus (eds.), *A Roman Miscellany: Essays in Honour of Anthony R. Birley on his Seventieth Birthday*. Gdansk, 53–71.
- Merrifield, R. 1975: *The Archaeology of London*. Santa Barbara.
- Merrifield, R. 1983: *London. City of Romans*. Berkeley–Los Angeles.
- Millett, M. 2001: Approaches to Urban Societies. In: S. James, M. Millett (eds.), *Britons and Romans: Advancing an Archaeological Agenda*. York, 60–66.
- Millett, M. 2005²: *The Romanization of Britain: an Essay in Archaeological Interpretation*. Cambridge.
- Milne, G. 1995: *Roman London*. L.
- Niblett, R. 2001: *Verulamium: the Roman City of St. Albans*. Stroud.
- Niblett, R., Thompson, I. 2005: *Alban's Buried Town: an Assessment of St. Albans Archaeology Up to AD 1600*. Oxford.
- Perring, D. 2002: *Town and Country in England: Frameworks for Archaeological Research*. L.
- Perring, D., Pitts, M. 2013: *Alien Cities: Consumption and the Origins of Urbanism in Roman Britain*. L.
- Perring, D., Roskams, S., Allen, P. 1991: *The Archaeology of Roman London. Volume II: Early Developments of Roman London West of the Walbrook*. L.
- Pitts, M. 2007: *Consumption and Identity in Essex and Hertfordshire c. 50 BC – AD 200: a Ceramic Perspective*. PhD Thesis. York.
- Pitts, M. 2014: Reconsidering Britain's First Urban Communities. *Journal of Roman Archaeology* 27, 133–174.
- Pitts, M., Perring, D. 2006: The Making of Britain's First Urban Landscape: the Case of Late Iron Age and Roman Essex. *Britannia* 37, 189–212.
- Radford, D., Gascoyne, A. 2013: *Colchester, Fortress of the War God: Archaeological Assessment*. Oxford.
- Revell, L. (forthcoming): Urban Monumentality in Roman Britain. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford.
- Revell, L. 2010: *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge.
- Rogers A. 2011: *Late Roman Towns in Britain: Rethinking Decline and Change*. Cambridge.
- Rogers, A. (forthcoming): The Development of Towns. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford.
- Rogers, A. 2008: *Roman Towns as Meaning-Laden Places: Reconceptualising the Growth and Decline of Towns in Roman Britain*. PhD thesis. Durham.
- Rogers, A. 2013: *Water and Roman Urbanism. Towns, Waterscapes, Land Transformation and Experience in Roman Britain*. Leiden–Boston.
- Seager Smith, R., Cooke, N., Gale, R., Knight, S., McKinley, J.I., Stevens, C. 2007: Archaeological Investigations on the Site of the Former Rowe's Garage, Chichester, West Sussex. *Sussex Archaeological Collections* 145, 67–80.

- Speed, G. 2013: *Towns in the Dark? Urban Transformations from Late Roman Britain to Anglo-Saxon England (AD 300 - 600)*. PhD thesis. Leicester.
- Wacher, J. 1975: *The Towns of Roman Britain*. L.
- Wallace, L. 2015: *The Origin of Roman London*. Cambridge.
- Watson, S. 2015: *Urban Development in the North-West of Londinium: Excavations at 120–122 Cheapside to 14–18 Gresham Street, City of London, 2005*. L.
- Weekes, J. 2012: Additional evidence of Roman (and later) occupation adjacent to the Marlowe arcade, Canterbury: excavations at Rose Lane, 2002–4. *Archaeologia Cantiana* 132, 235–258.
- Wheeler, M. 1919: Roman Colchester. *Journal of Roman Studies* 9, 139–169.
- Wheeler, M. 1930: *London in Roman Times*. L.
- Wheeler, M., Wheeler, T. 1936: *Verulamium: a Belgic and Two Roman Cities*. L.
- Wilson, P. 2012: *Research Strategy for the Roman-Period Historic Environment*. L.

A STUDY OF THE TOWNS OF ROMAN BRITAIN IN MODERN BRITISH HISTORIOGRAPHY

Anton E. Baryshnikov

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Russia,
baryshnikov85@gmail.com

Abstract. The paper considers the latest stage of the research of Romano-British urbanism. A new stage began when John Wacher's "The Towns of Roman Britain" was published. That book became a stepping stone for the further research of Romano-British towns and urbanization of the island. Contemporary scholarship is closely connected with the number of large-scale and long-time fieldwork projects in Silchester, Colchester, St. Albans and the development of the commercial archaeology which is specifically important in London. Theoretical rethinking of Romano-British urbanism started with Martin Millett's "Romanization of Britain". M. Millett emphasized regional diversity in the origins and development of Romano-British towns and pointed at the impact of local, "British" factor in the urbanization. Some of these ideas were developed by John Creighton who tried to understand the role of local elites in the growth of Romano-British towns. Another research framework is demonstrated in papers by Martin Pitts and Dominic Perring who studied the urbanization of Britain in regional context. In their opinion provincial towns were "alien" to the British cultural landscape. Some problems (urban identities, relations between towns and waterscapes, a decline of townlife) are studied by D. Mattingly, L. Revell, A. Rogers and other scholars. These papers and books along with the growing body of archaeological and epigraphic data create conditions for the further progress of the research of Romano-British urbanism.

Key words: Roman Britain, towns, historiography, Romanization

ВОЙНА ИМПЕРАТОРА ВАЛЕНТА С ГОТАМИ 367–369 гг. н.э.

С.В. Ярцев

*Тульский государственный педагогический университета им. Л.Н.Толстого, Тула,
s-yartsev@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена событиям войны императора Валента с готами 367–369 гг. н.э. По мнению автора, данная война не входила в планы готов. Военные действия развязал Валент, стремившийся к укреплению своей власти в государстве. Учитывая то обстоятельство, что готы занимали ключевое место в структуре буферной зоны Римской империи в Северном Причерноморье, очень трудно определить в начавшейся по инициативе Рима войне какую-то конкретную цель, которая соответствовала бы стратегическим интересам римлян в регионе. Скорее всего, именно внутренние процессы в государстве, связанные с мятежом Прокопия, помешали императору провести рациональную стратегию в Северном Причерноморье. Напомним, что, начав свой мятеж с горсткой сторонников, мятежник уже через сравнительно небольшой промежуток времени обладал огромной армией, и это в основном были войска Валента. Только по счастливой случайности Прокопию не удалось одержать полную победу и не устранить Валента. Все это являлось, достаточно наглядным свидетельством крайне непрочного положения императора на троне. Вот почему развязанная Валентом война с готами больше напоминала акцию, которая, хотя и шла вразрез с римской стратегией в регионе, но, тем не менее, должна была поднять его авторитет в войсках и таким образом укрепить верховную власть в государстве. Не стоит считать также, что с окончанием военных действий римско-готская война закончилась. Договор императора с готами 369 г. н.э. явился лишь промежуточным этапом в противостоянии с варварами, которое перешло на новый уровень борьбы. Конечной же ее целью, по замыслу Валента, должна была стать серьезная трансформация северопричерноморской буферной зоны империи. Скорее всего, она заключалась в смене варварских правителей на более лояльных к Риму, а возможно даже и в полном уничтожении всех этих объединений. По-видимому, в Северо-Западном Причерноморье, по плану Валента, должно было остаться только земледельческое и зависимое от римских властей население, ориентированное на Тиру и Ольвию.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Римская империя, император Валент, Прокопий, готы

Исследователи, изучающие историю готов в Северном Причерноморье и на Балканах, уже не один раз обращались к событиям войны императора Валента с данными варварами. Однако до сих пор остаются неизвестными ни точные при-

---

Ярцев Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого. E-mail: s-yartsev@yandex.ru

Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 1014/389 (НИР № 1799).

чины этих военных действий, ни цели, которые ставил перед собой император в этой борьбе¹.

Все началось еще в 363 году, когда император Юлиан, забыв «о панцире» и о «личной опасности», получил смертельную рану в бою с персами (Amm. Marc. XXV. 3, 1–7). Его гибель однозначно поставила под угрозу и планы по восстановлению в Северном Причерноморье буферной зоны. Правда, произошло это не сразу.

Вначале провозглашенный офицерами новый император Иовиан, довольно быстро завоевавший авторитет в армии, отказался от религиозной политики Юлиана. Однако вступить в Константинополь он не успел, так как в начале 364 года был обнаружен мертвым при загадочных обстоятельствах². Исходя из найденного на Волини наградного медальона Иовианна готы все это время находились в составе римской армии в Сирии³.

Следующий офицер Валентиниан, также провозглашенный своими сослуживцами императором, сумел сохранить свою власть. Через некоторое время он возвысил своего брата Валента, назначив его своим соправителем. После этого Валентиниан разделил с ним империю, решив отдать ему Восток (Египет, Вифинию и Фракию), а себе взять Иллирик (Zosim. IV. 1–3). Однако положение новоявленных императоров омрачала ситуация с бывшим армейским командиром Прокопием, которому еще Юлиан, его родственник, вручил «пурпур по причине, известной только им одним» (Zosim. IV. 4,2). Неумелая попытка его арестовать осенью 365 года привела к тому, что Прокопий «бежал со всей семьей к Понту Евксинскому, где сел на корабль и добрался до Херсонеса Таврического. Он пробыл там некоторое время, но, видя, что тамошние жители совершенно ненадежны, и боясь, что его выдадут когда-либо преследователям, Прокопий с семьей сел на проходящий торговый корабль» (Zosim. IV, 5, 2) и, вернувшись в Константинополь, открыто выступил против братьев-императоров.

К сожалению, этот кратковременный визит Прокопия в Херсонес не нашел у Зосима вразумительного объяснения. Однако, учитывая, что после пребывания в Крыму он принял решение начать борьбу за власть, можно предположить, что именно из Херсонеса или Боспора⁴ вместе с какими-то знатными мужами (Zosim. IV. 7,2) Прокопий отправил готам письмо с указанием на его «родство с домом Константина» (Amm. Marc. XXVI. 10, 3) и предложением его поддержки (Amm. Marc. XXVII. 5, 1). То, что быструю и надежную связь с готами Прокопий осуществил с территории Крыма, не должно вызывать удивления, учитывая ту роль, которую играли в судьбе грейтунгов античные государства полуострова. Однако заметим, что письмо было адресовано главам обоих объединений⁵, так как известно, что готы в ходе дальнейших событий «объединились» (Amm. Marc. XXVI. 6, 11) и послали ему войско от имени нескольких царей (Amm. Marc. XXVI. 10, 3).

¹ Schmidt 1934, 229–233; Дмитрев 1950, 66–80; Курбатов 1958, 3–26; Ременников 1967, 95–106; Heather 1991, 101–116; Буданова 2001, 182–189; Вольфрам 2003, 98–107; Щукин 2005, 219–222; Kulikowski 2007, 112–117; Голдсуорти 2014, 395–397.

² Голдсуорти 2014, 375–381.

³ Щукин 2005, 219–220.

⁴ Под Херсонесом Зосим мог понимать весь полуостров, а не только город с одноименным названием (Храпунов 2008, 43).

⁵ Корсунский 1965, 73; Буданова 2001, 183.

Возможно, в Крыму он и дождался на свое письмо положительного ответа. К сожалению, нам остались неизвестными те награды, льготы и привилегии, которые предложил готам Прокопий в случае своей победы. Однако вряд ли это могли быть только субсидии, как полагал А.М.Ременников⁶.

В любом случае, получив известия о первых победах Прокопия⁷, весной 366 года готы отправили ему на помощь войско в количестве от трех (Amm. Marc., XXVI, 10, 3) до десяти тысяч человек (Zosim. IV. 7,2). Однако варвары не успели к финальной битве при Фиатиры, закончившейся поражением Прокопия, его пленением и казнью (Zosim. IV. 8; Amm. Marc. XXVI. 9, 8). Путь в свои земли варварам был отрезан, и они оказались в плену⁸ (Amm. Marc. XXVI. 10, 3; Eunap. Fr. 37; Zosim. IV. 10, 1).

На просьбу готов отпустить своих соотечественников домой Валент «не обратил никакого внимания», заметив, что «эти люди должны быть взяты в плен не потому, что они были друзьями узурпатора, но потому, что они враги» (Zosim. IV. 10,2). Не помогло и объяснение готов, что якобы произошла «ошибка», так как они считали, что помогали родственнику Константина, принявшему «верховную власть» (Amm. Marc. XXVII, 5, 1). По словам Аммиана Марцеллина, Валент «не придавал никакого значения этому пустому оправданию и двинул против них войска» (Amm. Marc. XXVII. 5, 1). Зосим, правда, утверждает, что в это время «банды скифов» уже нарушили «римские границы» (Zosim. IV. 10,1). Однако тут же уточняет, что варвары только намеревались «атаковать римские границы» спешно собранными силами (Zosim. IV. 10, 3).

Очевидно, что в планы готов не входила война с Римом. Военные действия демонстративно развязывал Валент, из-за чего не совсем понятной выглядит связь воинственных планов императора с римской стратегией в Северном Причерноморье. Учитывая то обстоятельство, что готы занимали ключевое место в структуре буферной зоны Римской империи в Северном Причерноморье, очень трудно определить в начавшейся по инициативе Рима войне какую-то конкретную цель, которая соответствовала бы стратегическим интересам римлян в регионе. Походом римской армии по территории тервингов и грейтунгов Валент никак не мог добиться ни смены правителей этих объединений, ни тем более полного покорения многочисленных варваров и превращения их в зависимых земледельцев. Сами же варварские вожди успели высказать покорность Валенту и даже попытались оправдаться перед ним. Остается думать только о сугубо карательной акции, которая явно шла вразрез с достаточно трудным процессом восстановления в Северном Причерноморье эшелонированной буферной зоны Римской империи.

По-видимому, чтобы разобраться в данной ситуации, необходимо обратить внимание на особенность стратегии в древности. В античное время, понимая под ней в первую очередь, полководческую деятельность, внимание концентрировалось в основном на самой личности полководца⁹. Оценивая же с этих пози-

⁶ Ременников 1967, 99.

⁷ Болгов 2010, 166, прим. 5.

⁸ Возможно, речь шла только о тех, кто не успел вовремя уйти в свою землю до того, как император Валент направил против готов карательную экспедицию во главе с Виктором и Аринфеем (Буданова 2001, 184).

⁹ Перевалов 2010, 306.

ций римско-готскую войну 367–369 гг., действительно можно прийти к выводу об огромной роли в ней непосредственно самого Валента. Скорее всего, именно внутренние процессы в государстве помешали императору провести рациональную стратегию в регионе. Напомним, что, начав свой мятеж с горсткой сторонников, Прокопий уже через сравнительно небольшой промежуток времени обладал огромной армией, и это в основном были войска Валента. Только по счастливой случайности Прокопию не удалось одержать полную победу и не устранить Валента. Все это являлось, достаточно наглядным свидетельством крайне непрочного положения императора на троне¹⁰. Вот почему развязанная Валентом война с готами больше напоминала акцию, которая, хотя и шла вразрез с римской стратегией в регионе, но тем не менее должна была поднять его авторитет в войсках и таким образом укрепить верховную власть в государстве. При этом не нужно сбрасывать со счетов и банальную мстительность императора, который, возможно, невзирая ни на какие доводы, решил наказать выступивших против него варваров.

Подробности этой войны, по нашему мнению, вполне подтверждают такие выводы. Так, итог военной кампании 367 года заключался только в том, что весной Валент со своей армией переправился на вражескую территорию «близ укрепления, называемого Дафна»¹¹ (Amm. Marc. XXVII. 5, 2). Однако император «не встретил никого, кого бы мог победить или утратить ... готы ... направились в горы серов, крутые и доступные для прохода только людям, хорошо знакомым с местностью»¹² (Amm. Marc. XXVII. 5, 3). Тогда Валент «пообещал заплатить любому ту сумму, которую будет составлять вес принесенных варварских голов. Побуждаемые надеждой на обогащение, все солдаты немедленно двинулись в леса и болота и убивали всех встречных варваров. Они получили обещанные суммы, когда предъявили головы убитых» (Zosim. IV. 11, 2–3)¹³. При этом, по-видимому, пострадала часть готских семейств, не успевших «достигнуть пересеченных горных местностей» (Amm. Marc. XXVII. 5, 4).

На следующий год Валент планировал продолжение победоносной грабительской кампании, однако разлив Дуная не позволил ему это сделать (Amm. Marc. XXVII. 5, 5). Тогда в 369 году, наладив «мост на судах для переправы через реку», император, двигаясь, скорее всего, вдоль побережья по направлению к городам Тира – Ольвия, «после продолжительного похода напал на воинственное племя гревтунгов, обитавшее в отдаленных местах» (Amm. Marc. XXVII. 5, 6). Последних, как представляется, можно было встретить и на территории Буджакской степи, поэтому перехода римского войска через Днестр могло и не быть¹⁴. После этого Валент «встретился с самым могущественным в ту пору царем Атанарихом, который отважился оказать ему сопротивление с очень сильным, как ему

¹⁰ Голдсуорти 2014, 385.

¹¹ Буданова 2001, 184–185.

¹² Принято считать, что это Юго-Восточные склоны Карпат (Трансильванские Альпы) (Буданова 2001, 185).

¹³ Трудно согласиться с мнением А.М. Ременникова, что Зосим, описавший трехлетнюю войну в виде единой кампании грабежа незащищенного населения, имел в виду второй и последний поход Валента (Ременников 1967, 101). Скорее всего, речь в тексте Зосима все же идет о военной кампании 367 года, как в свое время считал еще К. Пач (Patsch 1928, 46).

¹⁴ Ярцев 2014, 49–50.

казалось, войском. Атанарих был, однако, вынужден бежать, едва спасшись от гибели» (Amm. Marc. XXVII. 5, 6). Вот в принципе и все, что нам известно о данной войне. По имеющимся отрывочным данным, очень трудно реконструировать не то что последнюю битву, подозрительно кратко изложенную римским автором¹⁵, но и вообще весь ход всей этой трехлетней войны с готами (Amm. Marc. XXVII. 5, 7).

Наиболее сложно при этом объяснить утверждение Аммиана Марцеллина о войне, длившейся три года, так как совершенно неясно, закончилось ли противостояние с готами заключением мира в 369 году (Amm. Marc. XXVII. 5, 9; Zosim. IV, 11, 4) или же оно просто перешло на новый уровень борьбы. Уже само по себе необычное заключение мира «на гребных судах на середине реки» между Атанарихом «со своими людьми» и Валентом «с оруженосцами» (Amm. Marc. XXVII. 5, 9) указывает на огромные сложности во взаимоотношениях между, казалось бы, примирившимися сторонами. Объяснение Атанариха, что дело здесь было исключительно в страшной клятве и завете «отца своего никогда не ступать на римскую землю» (Amm. Marc. XXVII. 5, 9), убеждает мало. Если к этому еще добавить отмену римских выплат и серьезные ограничения в торговле для готов по условиям нового договора¹⁶ (Amm. Marc., XXVII. 5, 7, 8; Zosim. IV, 11; Themist. Orat. X. 135), то становится очевидным, что его заключение явилось для Валента лишь этапом в борьбе против Атанариха и Эрманариха. Вряд ли будет возможным иначе объяснить противоречие между высоким статусом готских объединений – ядром буферной зоны Римской империи в Северном Причерноморье – и экономическими ограничениями против своих союзников, которые позволяют ввергать «варваров в крайний недостаток в самом необходимом» (Amm. Marc., XXVII. 5, 7). Даже проблемы на персидском фронте, который потребовал в данный момент несколько большего внимания¹⁷, не могут этого объяснить. Тем более что Валент, перед тем как заключить с готами мир, «подверг этот вопрос тщательному обсуждению» (Amm. Marc. XXVII. 5, 8). Не исключено, что именно на этом совещании римская стратегия в Северном Причерноморье была детально разобрана императором вместе с его ближайшим окружением и с готами решено было покончить раз и навсегда. Если это так, то стратегической целью в новых условиях могла стать смена варварских правителей на более лояльных к Риму, а возможно, даже и полное уничтожение всех этих объединений. По-видимому, в Северо-Западном Причерноморье, по плану Валента, должно было остаться только земледельческое и зависимое от римских властей население, ориентированное на Тиру и Ольвию.

Таким образом, если вначале Валент, начиная войну с готами, ориентировался исключительно на внутренние проблемы в государстве, то в дальнейшем он вернулся к проведению римской стратегии в регионе. Однако в этой новой стратегической линии императора, направленной на организацию буферной зоны империи в Северном Причерноморье, не оказалось места готским предгосударственным объединениям, участь которых тем самым была предрешена.

¹⁵ Ременников 1967, 104.

¹⁶ Буданова 2001, 188.

¹⁷ Ременников 1967, 104.

ЛИТЕРАТУРА

- Болгов, Н.Н. 2010: *Зосим. Новая история*. Белгород.
- Буданова, В.П. 2001: *Готы в эпоху Великого переселения народов*. СПб.
- Вольфрам, Х. 2003: *Готы*. СПб.
- Голдсуорти, А. 2014: *Падение Запада. Медленная смерть Римской империи*. М.
- Дмитрев, А.Д. 1950: Восстание вестготов на Дунае и революция рабов. *ВДИ* 1, 66–80.
- Корсунский, А.Р. 1965: Вестготы и Римская империя в конце IV-начале V в. *ВДИ* 3, 54–74.
- Курбатов, Г.Л. 1958: Восстание Прокопия (365–366). *ВВ* XIV, 3–26.
- Перевалов, С.М. 2010: Римская стратегия на Кавказе в Каппадокийское легатство Флавия Арриана. В сб.: *Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов (Сер. Древнейшие источники по истории Восточной Европы)*. М., 302–380.
- Ременников, А.М. 1967: Вестготы и Римская империя накануне нашествия гуннов. *ВДИ* 1, 95–106.
- Храпунов, Н.И. 2008: *Администрация византийского Херсона*: дисс... канд. ист. наук. Киев.
- Щукин, М.Б. 2005: *Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)*. СПб.
- Ярцев, С.В. 2014: Тервинги и грейтунги: проблема готского разделения. *Научные ведомости БелГУ* 15 (186), 31, 46–53.
- Heather, P. 1991: *Goths and Romans Ad 332–489*. Oxford.
- Kulikowski, M. 2007: *Rome's Gothic Wars*. Baltimore.
- Patsch, C. 1928: Die Völkerbewegungen an der unteren Donau: Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa III. *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse* 208. 2, 1–68.
- Schmidt, L. 1934: *Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung*. Bd.1–2. Bd.1: Die Ostgermanen. München.

REFERENCES

- Bolgov, N.N. 2010: *Zosim. Novaja istorija*. Belgorod.
- Budanova, V.P. 2001: *Goty v jepohu Velikogo pereselenija narodov*. Saint-Petersburg.
- Dmitrev, A.D. 1950: Vosstanie vestgotov na Dunae i revoljucija rabov. *Vestnik drevney istorii* 1, 66–80.
- Goldsuorti, A. 2014: *Padenie Zapada. Medlennaja smert' Rimskoj imperii*. Moscow.
- Heather, P. 1991: *Goths and Romans Ad 332–489*. Oxford.
- Hrapunov, N.I. 2008: *Administracija vizantijskogo Hersona*: diss... kand. ist. nauk. Kiev.
- Korsunskij, A.R. 1965: Vestgoty i Rimskaja imperija v konce IV – nachale V v. *Vestnik drevney istorii* 3, 54–74.
- Kulikowski, M. 2007: *Rome's Gothic Wars*. Baltimore.
- Kurbatov, G.L. 1958: Vosstanie Prokopija (365–366). *Vizantiiskij Vremennik* XIV, 3–26.
- Patsch, C. 1928: Die Völkerbewegungen an der unteren Donau: Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa III. *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse* 208. 2, 1–68.
- Perevalov, S.M. 2010: Rimskaja strategija na Kavkaze v Kappadokijskoe legatstvo Flavija Arriana. V sb.: *Takticheskie traktaty Flavija Arriana: Takticheskoe iskusstvo; Dispozicija protiv alanov (Ser. Drevnejšie istochniki po istorii Vostochnoj Evropy)*. Moscow, 302–380.
- Remennikov, A.M. 1967: Vestgoty i Rimskaja imperija nakanune nashestvija gunnov. *Vestnik drevney istorii* 1, 95–106.

- Schmidt, L. 1934: *Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung*. Bd.1–2. Bd.1: Die Ostgermanen. München.
- Shhukin, M.B. 2005: *Gotskij put' (goty, Rim i chernjahovskaja kul'tura)*. Saint-Petersburg.
- Vol'fram, H. 2003: *Goty*. Saint-Petersburg.
- Yartsev, S.V. 2014: Tervingi i grejtungi: problema gotского razdelenija. *Nauchnye vedomosti BelGU* 15 (186), 31, 46–53.

EMPEROR VALENS' WAR WITH THE GOTHs DURING AD 367–369

Sergey V. Yartsev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia,
s-yartsev@yandex.ru

Abstract. The article deals with the events of Emperor Valens' war against the Goths during AD 367–369. The author believes that the Goths did not plan this war. Valens started military actions, seeking to strengthen his power in the state.

Taking into account the fact that the Goths occupied a key position in the structure of the buffer zone of the Roman Empire in the Northern Black Sea Region, it is very difficult to determine some specific purpose of the war which began at the Roman initiative, which would be consistent with the strategic interests of the Romans in the region. Most likely, the internal processes in the state associated with the revolt of Procopius, prevented the emperor to hold a rational strategy in the region. It is necessary to remind, that starting the rebellion with a handful of his revolt supporters, the rebel had a huge army within a relatively short period of time, and it was mainly the troops of Valens. Only by sheer luck Procopius failed to win a complete victory and eliminate Valens. All of this is quite clear evidence of the extremely precarious position of the emperor on the throne. That's why Valens waged war with the Goths was more like an action, which, although was at odds with the Roman strategy in the region, but, nevertheless, had to raise his authority in the armed forces and thus strengthen the supreme power in the state. Nor should we assume that the end of hostilities Roman-Gothic war ended.

The treaty of AD 369 between the Goths and the emperor was only an intermediate step in this confrontation with barbarians which passed to a new level of struggle. Of course, its purpose, according to the Valens, was to become a major transformation of the Northern Black Sea buffer zone of the empire. It was rather to change the barbaric rulers for more loyal to Rome, and perhaps even in the complete destruction of all these associations. The ultimate goal of combating the barbarians, according to the Valens, was to transform seriously the buffer zone in the Northern Areas of the Black Sea Coasts of the Empire. Apparently, according to Valens' plan only agricultural population and population dependent on the Roman authorities, focused on Tyre and Olbia was to stay.

Key words: Northern Areas of the Black Sea Coasts, the Roman Empire, Emperor Valens, Procopius, the Goths

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 152–162
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 152–162
© Автор(ы) 2016

ГОРАПОЛЛОН МЛАДШИЙ (ОК. 440–500 гг.) И ЕГО ШКОЛА В МЕНУФИСЕ

А.М. Болгова*, Н.Н. Болгов**

* *Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
bolgova@bsu.edu.ru*

** *Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
bolgov@bsu.edu.ru*

Аннотация. Одна из наиболее интересных фигур в истории позднеантичной учености и образования – египтянин Гораполлон, которого обычно упоминают в связи с авторством трактата об иероглифах. Авторы статьи уточняют, вслед за сведениями Суды, что Гораполлонов было два – дед и внук. Особый интерес представляет деятельность Гораполлона Младшего в качестве преподавателя школы и схоларха в Менуфисе близ Александрии. Авторы пытаются уточнить различия между этой школой и Александрийской неоплатонической школой V–VII вв. Главное из них заключается в том, что школа Гораполлона изначально была риторической, а кафедра философии в ней появилась позднее. При этом одни и те же учителя могли преподавать в обеих школах. Доказать тождество этих школ невозможно, они были различными и автономными. В отличие от христианизированной школы Аммония (сохранившей основы философского преподавания в новой ситуации), Гораполлон не пошел на принятие христианства и компромисс с церковью, продолжал сохранять языческие теургические практики, в результате чего его школа не пережила своего схоларха (493–500 гг.). Гораполлон пережил и личную драму: в то время когда он находился под следствием во время гонений на школу, его поместье ограбила его жена. Гонения на школу и ее схоларха, приведшее в итоге к ее закрытию, связаны с эпизодом со студентом Паралием. Вопрос об авторстве «Иероглифики» в настоящее время не может быть разрешен, так как этот текст не дает никаких дополнительных хронологических и содержательных реперов.

Ключевые слова: Гораполлон, Александрия, школа, схоларх, философия, риторика, неоплатонизм, филопоны

Гораполлон (Ὠραπόλλων) – один из важных деятелей позднеантичной культуры, однако во всех популярных словарях он известен почти исключительно как автор сочинения «Иероглифика» и астролог из Египта.

Болгова Анна Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»). E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

Болгов Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»). E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

В действительности существовало два Гораполлона. Первый из них (Hōrapollon 1: PLRE I 442; PLRE II 569), как сообщает Суда (s.v. Hōrapollon), жил в конце IV – середине V вв. Он родился в Фенебитисе, ном Панополя. Учил грамматике в Александрии и в Константинополе при императоре Феодосии (предположительно Великом, 379–395). Написал сочинение «О храмах» и комментарии к Софоклу, Алкею и Гомеру. Как упоминает патриарх Фотий (Bibl., cod. 279), он также писал «драмы» и может быть отождествлен с безымянным египетским юношей в Константинополе в 377 г., который, как сообщает Фемистий, умел составлять «трагедии и дифирамбы» (Them. Or. XXIX 347A). У него было два сына – Асклепиад и Гераиск.

По версии составителей PLRE II, императором, при котором Гораполлон учил в Константинополе, был Феодосий Младший (408–450). В таком случае его отождествление с юным египетским поэтом 377 г. маловероятно.

Гораполлон наиболее известен как указанный в рукописи автор сочинения о египетских иероглифах, дошедшего «в греческом переводе Филиппа» под названием «Иероглифика», которое обычно датируется концом IV в. (Γερογλίφικα, 379–395 гг.?). Сочинение посвящено толкованию египетских иероглифов. Считается, что оно изначально было написано на коптском языке. Греческая рукопись была найдена в 1419 г. на острове Андрос итальянским купцом. В авторе видно некоторое знакомство с древнеегипетским языком; он объясняет довольно правильно многие идеограммы, часто встречаемые в Птолемеевских надписях, но ничего не говорит о фонетическом значении иероглифов. Автор, судя по содержанию книги, иероглифической письменностью не владел, в своем методе истолкования он следует общей эллинистической традиции. Символическое толкование иероглифов в труде Гораполлона оказало большое влияние на историю дешифровки египетских иероглифов. Но попытки прочесть египетские тексты с опорой на сведения Гораполлона, предпринимавшиеся с XVII в. (А. Кирхер) вплоть до открытия Шампольона, оказались бесплодными, поскольку египетское письмо не было чисто идеографическим, а сочетало фонетический и идеографический принципы.

Для нас значительно больший интерес представляет другой Гораполлон – Флавий Гораполлон Младший¹ (Hōrapollon 2; PLRE II, 569–570; полное имя – P. Cairo III 67295). В византийском словаре Суда он назван одним из последних представителей египетского жречества. Сообщается, что он преподавал философию в школе в Менуфисе близ Александрии в правление императора Зенона и Анастасия. Время его жизни, таким образом, определяется как середина-конец V в., приблизительно 440–500 гг.

Местом его рождения называют Нилополь, Афродито или Фенебитис (Phenebytis) в номе Панополя в Фиваиде (Suid. Ω 159). Более вероятна последняя версия, так как в Фенебитисе Гораполлон имел родовое имение, унаследованное, видимо, по смерти отца (Pap. I 1, 23, 26).

По мнению Ж. Масперо и в стемме 31 в PLRE II, Гораполлон Младший – сын Асклепиада, внук Гораполлона Старшего и племянник Гераиска². Его предки, следовательно, были людьми образованными, учителями (Pap. I 14–15). Образование Гораполлон получил домашнее, от своего отца (Pap. I 15).

¹ Maspero 1914, 163ff.

² Maspero 1914, 176–181.

Его расцвет пришелся на годы правления Зенона (Zachar. Vit. Sev. 14ff; Damasc. Fr. 314 = Suid. Ω 159). Он был еще жив в правление Анастасия (Pap. II 16–17) (вероятно, в начале его правления)³.

Ряд свидетельств определяют его как философа (Pap. I 1; II 24; Zachar. Vit. Sev. 16) и грамматика в Александрии (Zachar. Vit. Sev. 20, 22, 23). Он учил философии в Александрии (Pap. I 12ff, 29; Zachar. Vit. Sev. 20). По Дамаскию, он не был настоящим (т.е. оригинальным) философом (Damasc. Fr. 317 = Suid. Ω 159). Среди его учеников наиболее известен Тимофей (Timotheus 3 PLRE).

Гораполлон был женат на своей двоюродной сестре, дочери его родного дяди (Гераиска). Они вместе выросли в имении его отца (Pap. I 18–19).

Вероятно, он является автором сочинения «Отчизна александрийцев» (Patria Alexandreias) (Phot. Bibl., cod. 280). Был прозван христианами «Психаполлоном» (Zachar. Vit. Sev. 32).

По мнению Ж. Масперо и составителей PLRE, именно он, возможно, является автором сохранившегося сочинения об иероглифах⁴. Однако проблема заключается в том, что ни один византийский источник не сообщает о трактате «Иероглифика» и Гораполлоне как его авторе. Этот трактат под именем Гораполлона существует независимо от прочей традиции. Поэтому приходится без весомых аргументов просто механически привязать трактат либо к одному Гораполлону, либо к другому. Кроме того, мы не исключаем и литературной фикции, когда трактат об иероглифах мог быть просто приписан авторитетному писателю. Поэтому если связывать трактат с реальным Гораполлоном, то нам представляется более верным традиционное отождествление автора трактата с Гораполлоном Старшим в связи с его преподаванием в столице «при Феодосии».

Гораполлон Младший наиболее известен как преподаватель, руководивший школой в качестве схоларха, где преподавались риторика и философия.

Впервые о школе Гораполлона в Александрии мы слышим в связи с неоплатоником Гермием. Гермий, ученик Сириана, учившийся в Афинах одновременно с Проклом, основал по возвращении на родину в риторической школе Гораполлона кафедру платоновской философии.

Риторическая и философская языческая школа, о которой идет речь, располагалась в Менуфисе близ Александрии и руководилась вначале Гераиском и Асклепиадом, отцом Гораполлона. Формально Гораполлон стал ее схолархом только после смерти отца и дяди. Но он был наиболее известным ее учителем, поэтому школа называлась школой Гораполлона еще с 470-х гг.

Сын Гермия Аммоний (между 435–445 — между 517–526), ученик Прокла, открыл «неоплатоническую эру» комментирования Аристотеля (475–517) в Александрии. Мать Аммония, Эдесию афинянку, родственницу Сириана, родители первоначально хотели выдать замуж за Прокла, но после отказа того от женитьбы Эдесия вышла замуж за Гермия и уехала с ним в Александрию. Их сыновья Аммоний и Гелиодор избрали философское поприще. По окончании обучения Аммоний вернулся в Александрию и в 475 г. возглавил, как и его отец, кафедру философии в школе Гораполлона. Вероятно, со временем Аммоний смог отделиться и

³ Maspero 1914, 190.

⁴ Maspero 1914, 191–193.

создать свою собственную школу, которая и известна как Александрийская школа неоплатонизма V–VII вв.

Несмотря на религиозно гетерогенное студенчество, резонирующая языческая религиозная культура в конце V в. еще существовала среди студентов и их учителей в Александрии. Свидетельством этому – профессор Гораполлон, позволявший отбирать студентов, принадлежавших к язычеству, чтобы участвовать вместе с ним в языческих ритуалах (Zachar. Vit. Sev. 15). Это вполне открыто продолжалось в школе до 480-х гг. Однако вскоре произошли события, приведшие к христианизации языческих школ.

Искра, от которой вспыхнула пороховница, зажглась в 486 г., немного времени спустя после того, как студент из Афродисии по имени Паралий приехал учиться грамматике к языческому учителю Гораполлону. Датировка основана на большом количестве свидетельств источников. Паралий был еще в Афродисии, когда мятеж Илла был подавлен в августе 484 г. (Zachar. Vit. Sev. 40–41). Кроме того, Захария рассказывает нам, что Паралий говорил Исидору о философских вопросах, начиная с первого года своей учебы. Известно, что Исидор находился в Афинах со времени смерти Прокла 17 апреля 485 г.; так как сезон навигации продолжался с 10 марта по 10 ноября, ясно, что он находился там с предыдущей осени⁵.

Паралий был младшим сыном из видной языческой семьи. Два его старших брата были учителями в Афродисии и твердыми язычниками. Третий брат, Афанасий, изучал право в Бейруте и затем приехал в Александрию по делам. Когда в этой поездке он встретил Стефана, благочестивого христианского учителя риторики, он убедился в необходимости обращения в христианство. Вскоре они со Стефаном решили присоединиться к Энатону, строгому антихалкедонскому монастырю, который сотрудничал со студентами-филопонами («трудолюбыв») (Zachar. Vit. Sev. 14).

О деятельности филопонов в школах Александрии и связанных с ними монастырях лучше всего известно по истории монастыря Энатон, бастиона радикальных антихалкидонских монахов, расположенного в 9 милях от Александрии. В поздней античности Энатон был фактически конгломератом многих маленьких монашеских групп (называемых койнобии – киновии) и объединенных одним высшим руководством. Несмотря на составную структуру, каждый койнобион имел собственную церковь, святых и руководителя⁶. Каждая монашеская община Энатона также имела свои индивидуальные интересы. Во многих случаях эти интересы были интеллектуальными и были связаны со школьными экзаменами в теологических пунктах. Среди ученых, работавших непосредственно в Энатоне, были богослов Феодор, архиепископ Дамиан, Фома Аркел, Павел Телльский.

Эти филопоны, учась в школе, будучи христианами, работали над постепенной христианизацией школы «изнутри». Выбор Афанасия так напугал его старших братьев, что они опасались, что Паралий тоже будет «испорчен» христианами, когда уедет учиться. Чтобы не допустить этого, они послали Паралия учиться к Гораполлону, учителю, который был известен как оратор, учитель и знаток языческой религии (Zachar. Vit. Sev. 15).

⁵ О сезоне навигации см.: Casson 1971.

⁶ Van Cauwenbergh 1914, 64–72.

Когда Паралий приехал в Александрию, Горapolлон тепло встретил его. Захария говорит: «В отношениях с Горapolлоном язычество Паралия расцвело; он ревностно относился к жертвоприношениям идолам вместе со своим учителем» (Zachar. Vit. Sev. 15). Но чувства Паралия в конце концов одолели его и, не слушая предупреждений своих братьев, он нанес визит своему брату в Энатон. Как он рассказывал брату и его другу Стефану, при этом зашел разговор о религии и Стефан умело посеял сомнения в уме Паралия о власти языческих богов (Zachar. Vit. Sev. 16). Он затем отпустил Паралия и стал обсуждать его религиозные интересы с языческими учителями Горapolлоном, Гераиском, Асклепиодотом, Аммонием и Исидором (три последних учились у Прокла)⁷.

Идея Полимнии Афанассиады о том, что Аммоний, Гелиодор, Асклепиад, Гераиск, Горapolлон, Исидор и Асклепиодот работали в одной большой школе, весьма интересна⁸. Однако тесная концентрация интеллектуалов не обязательно означает школу как институцию, существовавшую в реальности; по мнению Э. Уоттса, это темный вопрос⁹. Например, в IV в. существовала группа неаффилированных риторов вокруг храма Муз в Антиохии (Lib. Or. I, 101–104).

Так как Горapolлон, кажется, учил в одних и тех же аудиториях, что и другие учителя, Паралию было нетрудно найти их. Этот комплекс образовательных помещений в Менуфисе должен быть похож на тот, что был найден археологами в Ком эль-Дикка (неоплатоническая школа Аммония)¹⁰.

В течение нескольких дней Паралий имел множество разговоров с видными философами, с которыми он встречался. Он нашел, что их ответы на вопросы, которые поднял Стефан, слабы и неубедительны. Однако Паралий еще крепко держался своей веры. Его уверенность была укреплена историей рождения ребенка философа Асклепиодота, что предположительно было достигнуто с помощью богини Изиды. Это языческое чудо было представлено как событие, произошедшее в реальности. Когда Стефан выслушал это, он призвал Паралия не верить сообщению, если оно не могло быть доказано, так как жена Асклепиодота кормила ребенка молоком. Паралий возвратился в школу, поспрашивал вокруг и убедился, что такой род объяснения невозможен.

Вера Паралия была окончательно поколеблена, когда он посетил святилище Изиды, при котором якобы произошло чудо Асклепиодота. Святилище, кажется, стало известным и популярным среди студентов как место, куда они могли совершать благочестивые паломничества под руководством богов (Zachar. Vit. Sev. 18–19)¹¹. Существует эффектный контраст между мирской, местной, религиозной деятельностью святилища в Менуфисе и более захватывающими службами для александрийских интеллектуалов и их студентов. Святилище было частично привлекательно для этих ученых потому, что экстраординарные усилия его жрецов приспособлялись к религиозным ожиданиям его посетителей. Опыт Паралия относительно этого святилища, однако, убедил его, что ему давали недостоверную информацию (Zachar. Vit. Sev. 20–21). Расстроенный этим, Паралий возвра-

⁷ Cribiore 2001, 34.

⁸ Athanassiadi 1999, 20 ff.

⁹ Watts 2006.

¹⁰ Tkaczow 1993, 99; Cribiore 2001, 34.

¹¹ Frankfurter 2000, 191–192; Bowersock 1990, 60–61.

тился в Александрию, вернулся в школу и составил речи против языческих богов и их святилищ¹². Он издевался над видными языческими учителями, которых он знал, и поносил святилище Изиды, сравнивая его жрецов с проститутками (*Zachar. Vit. Sev.* 23).

Его выпады вызвали сильный ответ со стороны среди его собратьев – студентов-язычников. Мотивированные как на лояльность к своим учителям, так и на религиозное рвение – гнев, они подождали до следующей пятницы – дня, когда большинство христианских студентов не присутствовали в школе. Не увидев Гораполлона, они напали на Паралия. Паралий бежал, но толпа язычников побежала за ним, поймала его и начала бить. В такой ситуации Захария и двое из его друзей-филопонов бросились в толпу и смогли вырвать Паралия оттуда. Они незамедлительно передали его в руки своих сторонников из Энатоны, показав монахам его раны, и объяснили инцидент Саломону, главе койнобиона (*Zachar. Vit. Sev.* 24).

Гораполлон, который казался причиной всего этого инцидента, даже получил от христиан прозвище «Психаполлон» («Душа разрушения») за слухи об обращении студентов-христиан в язычество (*Zachar. Vit. Sev.* 20–21).

В это время догматические противоречия между христианами Александрии были временно сняты, и на какое-то мгновение Петр Монг оказался один во главе неразделенной христианской паствы¹³. У таких учителей, как Гораполлон и Аммоний, эта ситуация вызвала большое беспокойство. После почти 75 лет относительно спокойного преподавания толпы христиан снова готовились совершить акты насилия против языческих целей. Языческие схолархи помнили о судьбе Гипатии и понимали, что теперь, в отличие от Гипатии, они больше не рассматривались широкими кругами как невинные¹⁴. Гибель Гипатии была еще столь памятной, что Дамаский дает длинное сообщение об этом, чтобы показать сходство с ситуацией в 480-е гг. Александрийские христиане увидели в избиении Паралия провокацию, и вследствие этого они искренне поддержали насильственный ответ против действий языческих учителей и их школ.

Был устроен судебный процесс над язычниками, который вел Энтрехий. Учитывая негативный опыт убийства Гипатии, христиане старались вести дело в рамках закона. Вскоре после окончания этого процесса Гораполлон и другие язычники, указанные в обвинительном документе, бежали. Ни для кого не стало неожиданностью, что Гораполлон и другие причастные к этому инциденту оставили город. Невозможно узнать, кто были эти прочие причастные, включали ли они других учителей или только студентов Гораполлона, замешанных в избиении Паралия. Возможно, ожидая, что всё это просто закончится само по себе, Энтрехий не побеспокоился об их реальном наказании (*Zachar. Vit. Sev.* 26–27). Учитывая обстановку в городе, нас не должно удивлять, что Энтрехий вёл дело так, чтобы избежать настоящего погрома. Однако, независимо от угрозы, было очевидно, что Гораполлон и его помощники исчезли надолго.

И действительно, он вернулся, но вскоре после его возвращения последовал второй процесс, который вел Никомед. После мятежа Илла императорский двор должен был очиститься от вышедших из доверия людей, таких как Аммоний и

¹² Trombley 1994. 2, 11 ff.

¹³ Haas 1997, 328–329.

¹⁴ Watts 2005, 335–337.

Гораполлон. Поэтому, когда Петр Монг затребовал результаты расследования дела в отношении этих учителей, было бы справедливо предположить, что правительство, которое уже говорило об этих людях как о потенциальных смутьянах, удовлетворило его просьбу.

Вскоре после того, как схолярх Александрийской неоплатонической школы Аммоний заключил сделку с Петром Монгом о мирной христианизации его школы при сохранении основ философского преподавания, Никомед запустил второе расследование относительно деятельности языческих учителей. Это расследование было по масштабу намного больше, чем первое, и служило для того, чтобы разгромить и рассеять крайние элементы александрийской яввлиховой общины (эти неоплатоники активно занимались языческими теургическими практиками). Это заставило философа Исидора совершить неуклюжую попытку бежать из Александрии на лодке (Damasc. Vit. Is. Ath. 119A-K; Z. Ep. 180–185, fr. 318–320), а Дамаския – совершить лучше спланированный отъезд в Афины¹⁵. Вместе с тем лишь два члена александрийского философского сообщества были реально арестованы в ходе гонений. Следователи, кажется, хотели изменить положение вещей в школе, широко распространяя страх, но наказания применялись избирательно.

Гораполлон вместе с Гераиском был арестован Никомедом, вероятно, в Александрии, и выдал под пытками местонахождение Гарпократы (Harpokras 3 PLRE) и Исидора (Isidorus 5 PLRE) (Damasc. Fr. 314). Хотя Гораполлон подвергся пыткам на заключительной фазе следствия, ничего не известно о том, какой вердикт второй процесс Никомеда вынес ему лично.

Схолярх Гераиск тем временем, выйдя из тюрьмы, заболел и умер, скрываясь от новых преследований (Damasc. Vit. Is. Ath. 128; Z. fr. 335, 335a), а его брат, философ и схолярх Асклепиад, отец Гораполлона, умер вскоре после него, между 491 и 493 гг.¹⁶ Если этот папирус имеет датировку около 491–493 гг., то Асклепиад, по мнению Масперо, умер где-то до 493 г.

Вслед за смертями своего дяди Гераиска и отца Асклепиада, Гораполлон, кажется, окончательно стал главой своей школы¹⁷ и руководил ею единолично не менее семи лет (до 500 г.?).

Однако почти в то же время он испытал еще и весьма неприятные вещи личного свойства. Он жил в Александрии и со своей женой (которая была одновременно его двоюродной сестрой) сохранял владение в его родовом имении в Фенебитисе. Жена предприняла энергичные усилия, чтобы самой претендовать на собственность, которую Гораполлон только что окончательно получил в качестве наследства после смерти своего отца (до 493 г.). Когда Гораполлон находился в Александрии, его жена неоднократно приезжала в имение и вместе со своим любовником ограбила его, забрав оттуда всё, что смогла (Pap. I 22 – II 7). П. Афанасиади считает, что Гораполлон мог в это время еще находиться в тюрьме. Ж. Масперо опровергает это мнение¹⁸.

¹⁵ Athanassiadi 1999, 32–38.

¹⁶ Maspero 1914, 163–195. Если этот папирус имеет датировку около 491–493 гг., то Асклепиад, по мнению Масперо, умер где-то до 493 г.

¹⁷ Maspero 1914, 166.

¹⁸ Athanassiadi 1993, 21; Maspero 1914, 167.

Сохранившиеся папирусы содержат петицию, которую Гораполлон адресовал через местного чиновника в Фенебитисе в соответствующие правовые органы в целях возмещения ущерба (Pap. II 13 ff). В петиции-жалобе, которую он подал против своей жены между 491 и 493 гг., Гораполлон описал ее отца как святого с помощью тонкого, но безошибочного языческого выражения. Это утверждает нас в мысли, что он не был еще христианином, когда имел место этот судебный иск.

После этого он стал скрывать свои языческие верования и в конечном счете спустя некоторое время стал христианином, как было предсказано Гераиском (Damasc. Fr. 317). Он перешел в христианство «без какого бы то ни было видимого принуждения», будучи, очевидно, сломленным человеком (Damasc. Vit. Is. Ath. 120B; Z, fr. 317). Идея П. Афанасиади о том, что это обращение могло стать результатом частых стрессов во время гонений и адюльтера со стороны его жены возможно, но недоказуемо¹⁹. Это произошло, по всей видимости, уже ближе к 500 г. Вскоре после этого Гораполлон умер.

Гораполлон Младший представляет собой тип языческого схоларха, сходный с руководителями Афинской школы до 529 г. Он был открытым язычником и старался сохранять такой же характер своей школы, в то время как главная Александрийская школа неоплатонизма во главе с Аммонием, испытав мощное давление со стороны филопонов, заключила соглашение с патриархом Петром Монгом и внешне христианизировалась, убрав ямвлиховские теургические практики в конце 480-х гг.

Сам Гораполлон не был глубоким философом, поэтому его личная судьба, как и судьба его школы, не стали главными в судьбе александрийского философского образования. После смерти своего схоларха школа в Менуфисе вряд ли просуществовала какое-либо длительное время.

Школа же Аммония благополучно дожила до 1-й пол. VII в., отъезда Стефана Александрийского в Константинополь и прихода арабов. В позднеантичной Александрии серия из 15 помещений для аудиторий была недавно раскопана рядом с подобными сооружениями, которые уже были открыты ранее²⁰. Теперь можно увидеть места для преподавателя, ряды сидений для студентов, что образует в целом достаточно мощный комплекс зданий для высшего образования (совр. Ком-эль-Дикка), в основном для грамматики, риторики и философии²¹. Учитывая всю сложность археологического изучения Александрии, факт обнаружения этих зданий является редкой удачей.

Школа Гораполлона в Менуфисе и школа Аммония в Ком-эль-Дикка, вопреки мнению П. Афанасиади, все же были, вероятно, разными школами как учреждениями, хотя этот факт совершенно не исключает возможности преподавания ведущих философов и в той, и в другой школе одновременно по совместительству (Гермий и Аммоний, например, как было сказано выше, преподавали в Менуфисе).

Мы ничего не знаем о том, какая философия преподавалась в школе Гораполлона, какой философии придерживался он сам, но можем предположить, что это был ямвлиховский неоплатонизм с теургическими практиками, а возможно, и

¹⁹ Athanassiadi 1993, 21; Watts 2006, 204–231.

²⁰ Cribiore 2001, 34.

²¹ Majcherek 2007, 11–150; Cribiore 2007, 143–150; McKenzie 2007, 53–83.

традиционный платоновский неоплатонизм с элементами аристотелизма (на это указывает факт работы в данной школе Аммония).

Таким образом, Гореполлон Младший предстаёт перед нами как видный деятель позднеантичной высшей школы в Александрии и последовательный язычник, а судьба его школы оказалась сходна с судьбой Афинской школы, предвосхитив ее на четверть века.

Распространенный топос о Гореполлоне лишь как об астрологе и толкователе тайного смысла иероглифов должен быть пересмотрен.

ЛИТЕРАТУРА

- Athanassiadi, P. 1999: *Damascius: The Philosophical History*. Athens.
- Athanassiadi, P. 1993: Persecution and Response in Late Paganism: The evidence of Damascius. *JHS* 113, 1–29.
- Bowersock, G. 1990: *Hellenism in Late Antiquity*. Ann Arbor.
- Casson, L. 1971: *Ships and Seamanship in the Ancient World*. Princeton.
- Cribiore, R. 2001: *Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton.
- Cribiore, R. 2007: Spaced for Teaching in Late Antiquity. In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 143–150.
- Frankfurter, D. 2000: The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious Worlds and Actors. In: J. Assman (ed.), *Archiv für Religionsgeschichte*. Bd. 2. Berlin: B.G. Teubner, 162–194.
- Haas, K. 1997: *Alexandria in Late Antiquity. Topography and Social Conflict*. Baltimore – London.
- Majcherek, G. 2007. The Late Roman Auditoria. In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 11–150.
- Maspero, J. 1914: Horapollon et la fin du paganisme Egyptien. *Bulletin de l'Institut français d'Archeologie Orientale* 11, 163–195.
- McKenzie, J.S. 2007: The Place in Late Antique Alexandria «Where the Alchemists and Scholars Sit ... Was Like Stairs». In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 53–83.
- Tkaczow, B. 1993: *Topography of Ancient Alexandria: An Archaeological Map*. Warsaw.
- Trombley, F. 1994: *Hellenic Religion and Christianization c. 370–529*. Vol. 2. Leiden.
- Van Cauwenbergh, P. 1914: *Etude sur les moines d'Egypte: depuis le Concile de Chalcedoine, jusqu'à l'invasion arabe*. Paris - Louvain.
- Watts, E. 2005: The Murder of Hypatia: Acceptable or Unacceptable Violence. In: H.A. Drake (ed.), *Violence in Late Antiquity*. Aldershot, 335–337.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley - Los Angeles.

REFERENCES

- Athanassiadi, P. 1999: *Damascius: The Philosophical History*. Athens.
- Athanassiadi, P. 1993. Persecution and Response in Late Paganism: The evidence of Damascius. *Journal of Hellenic Studies* 113, 1–29.
- Bowersock, G. 1990: *Hellenism in Late Antiquity*. Ann Arbor.

- Casson, L. 1971: *Ships and Seamanship in the Ancient World*. Princeton.
- Cribiore, R. 2001: *Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton.
- Cribiore, R. 2007: Spaced for Teaching in Late Antiquity. In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 143–150.
- Frankfurter, D. 2000: The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious Worlds and Actors. In: J. Assman (ed.), *Archiv für Religionsgeschichte*. Bd. 2. Berlin: B.G. Teubner, 162–194.
- Haas, K. 1997: *Alexandria in Late Antiquity. Topography and Social Conflict*. Baltimore – London.
- Majcherek, G. 2007. The Late Roman Auditoria. In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 11–150.
- Maspero, J. 1914: Horapollo et la fin du paganisme Egyptien. *Bulletin de l'Institut francais d'Archeologie Orientale* 11, 163–195.
- McKenzie, J.S. 2007: The Place in Late Antique Alexandria «Where the Alchemists and Scholars Sit ... Was Like Stairs». In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 53–83.
- Tkaczow, B. 1993: *Topography of Ancient Alexandria: An Archaeological Map*. Warsaw.
- Trombley, F. 1994: *Hellenic Religion and Christianization c. 370–529*. Vol. 2. Leiden.
- Van Cauwenbergh, P. 1914: *Etude sur les moines d'Egypte: depuis le Concile de Chalcedoine, jusqu'a l'invasion arabe*. Paris - Louvain.
- Watts, E. 2005: The Murder of Hypatia: Acceptable or Unacceptable Violence. In: H.A. Drake (ed.), *Violence in Late Antiquity*. Aldershot, 335–337.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley–Los Angeles.

HORAPOLLO THE YOUNGER (c. 440–500 AD) AND HIS SCHOOL IN MENOUTHIS

Anna M. Bolgova*, Nikolay N. Bolgov**

* Belgorod State National Research University, Russia,

bolgova@bsu.edu.ru

** Belgorod State National Research University, Russia,

bolgov@bsu.edu.ru

Abstract. One of the most interesting figures in the history of the Late learning and education is Horapollo Egyptian, who is commonly referred to in connection with the authorship of the treatise on hieroglyphs. The authors clarify the information after the Suda, that there were two Horapollo – a grandfather and a grandson. Of a particular interest is the activity of Horapollo The Younger as a teacher of the school and the scholarch in Menouthis near Alexandria. The author tries to specify the differences between this school and the Alexandrian Neoplatonic School at 5–7 centuries AD. The main one is that the school was originally Horapollo rhetorical, and the chair of philosophy appeared later. At the same time the same teachers could teach at both schools. It is impossible to prove identity of these schools, they were different and autonomous. Unlike Christianized school of Ammonius (preserved philosophical teaching of the foundations of the new situation), Horapollo refused to adopt of Christianity and make a compromise with the

church, continued to maintain pagan theurgical practices, as a result his school did not survive his scholarch (493–500 AD). Horapollo had a personal drama too: being under investigation during the persecution of the school, his mansion was robbed by his wife. The persecution of the school and its scholarch, which led eventually to its closure, associated with an episode of the student Paralius. The question of the authorship of “Hieroglyphics” at the moment cannot be resolved, as the text does not give any additional meaningful and chronological reference points.

Key words: Horapollo, Alexandria, school, scholarch, philosophy, rhetoric, Neo-Platonism, Philoponi

---

Причерноморье

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 163–178
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 163–178
©Автор(ы) 2016

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ВАРВАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА ВО II в. до н.э. — НАЧАЛЕ II в. н.э. ПО АМФОРНОЙ ТАРЕ И КРАСНОЛАКОВОЙ КЕРАМИКЕ

М.С. Шапцев

*Институт археологии Крыма РАН, Симферополь,
shapcevm@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу амфорной тары и краснолаковой керамики из раскопок памятников Северо-Западного Крыма. Позднеэллинистические слои с находками керамики на всех памятниках региона сохранились плохо, материал из этих комплексов крайне практически не опубликован. В этих слоях обнаружены амфоры родосского, синопского, книдского, косского и колхидского производства. Краснолаковая керамика относится, в основном, к группе Восточная сигиллата А. Стратифицированные комплексы римского времени отличаются по составу амфорной тары и краснолаковой керамики. Для этого периода зафиксировано интенсивное накопление слоя на всех памятниках и массовый ввоз на них импортной гончарной продукции. К концу I – началу II вв. н.э., т.е. ко времени постепенного запустения варварских городищ Северо-Западного Крыма, Чёрное море окончательно превращается в замкнутый экономический регион. В этот период в культурных слоях городищ преобладает амфорная тара Гераклеи, Синопы и Колхиды, а среди краснолаковой посуды на первый план выходит Понтийская сигиллата.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, амфорная тара, краснолаковая керамика, позднеэллинистический период, ранний римский период

Географическое понятие «Северо-Западный Крым» включает в себя территорию от побережья Каркинитского залива на севере до Евпатории на юге, то есть

Шапцев Михаил Сергеевич – младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН. E-mail: shapcevm@mail.ru

Работа выполнена по гранту РФФИ № 15-18-30047 «Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в.н.э.)».

в пределах Сакского, Черноморского, Раздольненского районов и административной зоны города Евпатория¹. Следует отметить, что в археологии локализация Северо-Западного Крыма несколько шире, к нему присоединяют памятники на прибрежном участке между озёрами Сасык-Сиваш и Кизил-Яр.

В работе использованы находки амфорной тары и краснолаковой керамики из раскопок городищ Кара-Тобе с некрополем, Беяус с некрополем, Кульчук, Калос-Лимен. Эти памятники подверглись полномасштабным раскопкам и имеют слои позднеэллинистического и римского времени, материалы которых введены в научный оборот или обработаны автором данной статьи.

Нижней хронологической границей исследования является середина II в. до н.э. Считается, что именно в это время варвары захватывают дальнюю хору Херсонеса и оседают на ней². В качестве верхней границы принят конец I – начало II вв. н.э., когда территория Северо-Западного Крыма была фактически полностью оставлена варварским населением³. Находки амфор и краснолаковой керамики в целом разделяются на две хронологические группы: 1) сосуды позднеэллинистического времени (вторая пол. II – первая пол. I вв. до н.э.) и 2) сосуды римского времени (вторая пол. I в. до н.э. – нач. II в. н.э.).

Позднеэллинистические слои с находками керамики на всех памятниках региона сохранились плохо, материал из этих комплексов крайне редко привлекал внимание исследователей и практически не опубликован. К первой хронологической группе относятся амфоры родосского, синопского, книдского, косского и колхидского производства. Так, амфоры синопского производства представлены типами Син I, Син III (рис. 3, 5, 7)⁴. Довольно большую группу составляют амфоры Синопы с уплощёнными венцами и «кручёной» конической ножкой Варианта III D (рис. 1, 5–6)⁵. Колхидские амфоры типа Кх IV, как и синопские, встречаются на всех поселениях региона (рис. 1, 1–3)⁶. Косские амфоры представлены сосудами с двустовальными ручками. Среди клейм на ручках родосских амфор (рис. 1, 4) преобладают штампы V хронологической группы, датирующейся в целом второй пол. II в. до н.э.⁷

Краснолаковая керамика Крыма в позднеэллинистическое время немногочисленна, ее типология и хронология пока слабо разработаны. В Северо-Западном Крыму обнаружены сосуды открытых и закрытых форм и их фрагменты.

Одними из наиболее распространённых на памятниках региона в этот период являются краснолаковые тарелки со слегка закругленной скошенной стенкой, отогнутым вертикально вниз краем, с углублением в донной части, на кольцевом поддоне (рис. 2, 8–9). Судя по аналогичным находкам на Афинской агоре, появление этой формы можно отнести к эллинистическому времени⁸. В III – первой половине II в. до н.э. морфологически близкие тарелки производились на Боспоре⁹.

¹ Кутайсов 2010, 291.

² Щеглов 1978, 131; Дашевская 1991, 43; 1994, 82; Кутайсов 2004, 126; Пуздровский 2001, 91.

³ Пуздровский 2001, 108; Храпунов 1990, 167–168.

⁴ Внуков 1993, 204–214; 2003, 130–155; 2006, 106–170.

⁵ Монахов 1992, 178–179.

⁶ Внуков 2003, 160–194; 2006, 106–170; Внуков, Цецхладзе 1991, 174–177.

⁷ Бадалянц 1976, 41; 1980, 164; Уженцев 1997, 119.

⁸ Rotroff 1997, 720–722, fig. 51.

⁹ Гайдукевич 1952, 202, рис. 115.

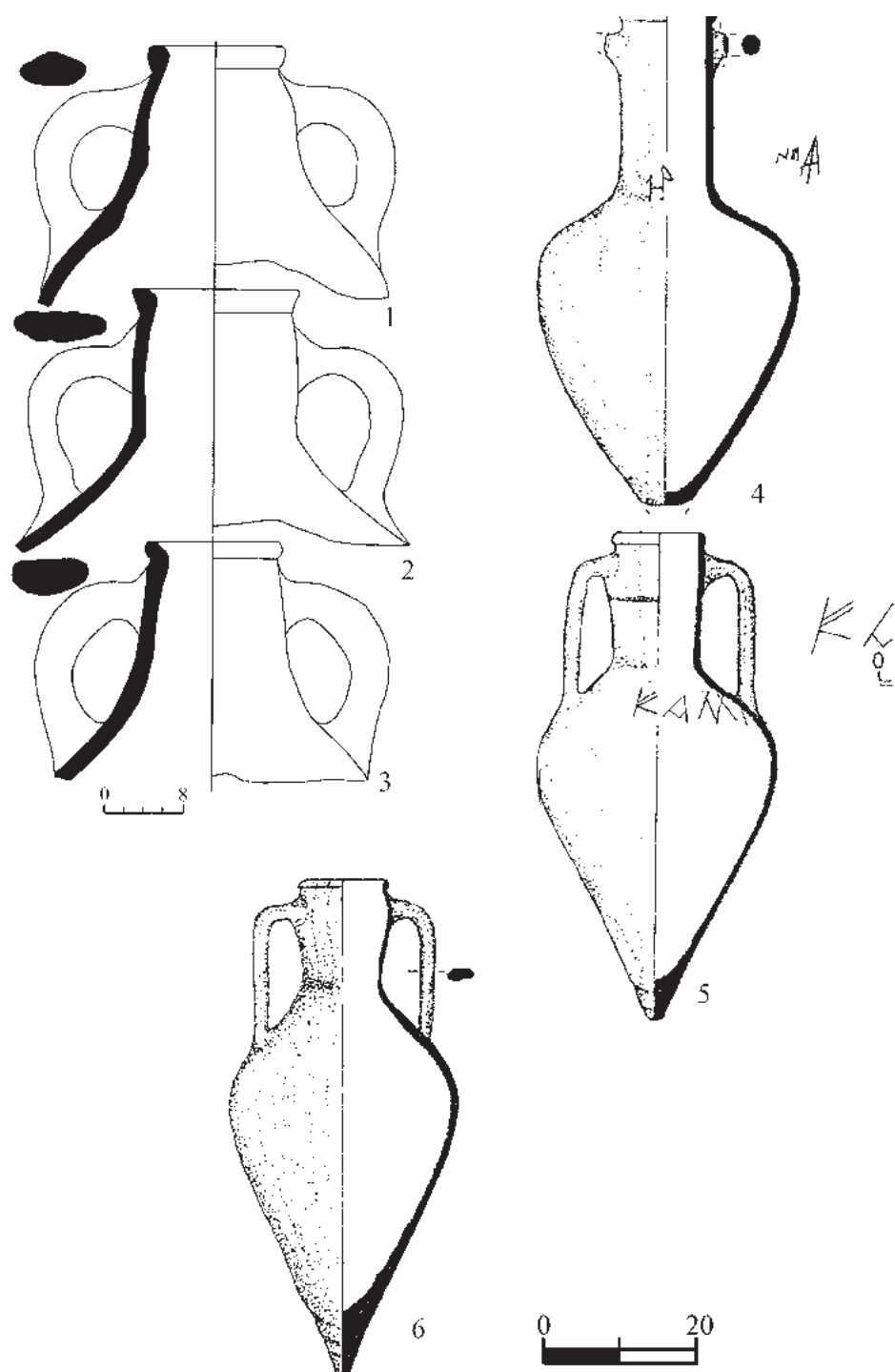

Рис. 1. 1–3. Амфоры из раскопок городища «Чайка» (по Внуков, Цецхладзе 1991); 4–6 — амфоры из раскопок городища Калос-Лимен (по Уженцев 2006)

Судя по результатам исследования Южного дворца Неаполя скифского, сосуды аналогичной формы, но с матовым серым покрытием встречаются в закрытых комплексах вплоть до третьей четверти II в. до н.э. включительно¹⁰. Тарелки этого типа, покрытые красным лаком, включены Дж. Хейсом в группу Восточная сигиллата А (form 1) и датированы в пределах I в. до н.э.¹¹ Однотипные тарелки из Пергама отнесены к середине II – середине I в. до н.э.¹²

Следующим типом открытых сосудов являются чаши группы net-pattern. Это сосуды полусферической формы с отогнутым наружу краем, их тулово украшено врезным орнаментом в виде пятиугольников (рис. 2, 1–5). Данная группа находок представлена материалами из раскопок городища Чайка и подробно проанализирована Д.В. Журавлёвым. Им предложена дата наибольшего распространения данного типа – середина – вторая половина II в. до н.э.¹³

Ещё одним распространённым типом краснолаковых сосудов являются тарелки с заострённым либо закруглённым краем, вертикальным бортиком, со слабо выраженным ребром в месте его перехода к усечённо-коническому тулову, на кольцевом поддоне (рис. 2, 6–7). Близкие сосуды известны в Пергаме (формы T-1 и T-2), где датируются от середины II в. до н.э. до конца I в. до н.э. – начала I в. н.э.¹⁴ Похожие тарелки из группы Восточная сигиллата А (формы 2А и 3) отнесены Дж. Хейсом ко второй половине II–I в. до н.э.¹⁵ В Северном Причерноморье сосуды рассматриваемой формы встречены в Горгиппии – в комплексах, относящихся к строительному периоду конца III – середины I в. до н.э.¹⁶, в Кутлакской крепости – с материалом последней четверти I в. до н.э. – начала I в. н.э.¹⁷, при раскопках башни на Узунларском валу – в комплексе второй половины I в. до н.э.¹⁸ В Северо-Западном Крыму подобные находки происходят из комплексов второй половины II – первой половины I в. до н.э.¹⁹

Кубки представлены двуручными сосудами с плавно отогнутым венчиком, с ребром в нижней части тулова, на кольцевом поддоне (рис. 2, 10–11). Такие сосуды известны в Пергаме (форма S-9), где датируются второй половиной II – третьей четвертью I в. до н.э.²⁰ На Кара-Тобе подобные кубки найдены в слоях и комплексах второй половины II – первой половины I в. до н.э.

В конце II в. до н.э. на поселения региона начинают поступать краснолаковые пелики с каннелированным туловом (рис. 2, 12). Данный тип бытует здесь до начала I в. н.э. Подробно эти сосуды рассмотрены в работе С.Ю. Внукова и О.И. Штепы, где проанализировано время появления данной формы, изучено тестовое сосудов и разработана их хронология²¹.

¹⁰ Зайцев 1998, 59, рис. 2, 21.

¹¹ Hayes 1985, 14, Tav. 1, 1, 2.

¹² Meyer-Schlichtmann 1988, Taf. 41.

¹³ Журавлёв 2007, 278.

¹⁴ Meyer-Schlichtmann 1988, Taf. 41–43.

¹⁵ Hayes 1985, 14–15, tav. I, 4, 7, 8.

¹⁶ Алексеева 1997, 117, табл. 54, 38, 40, 41.

¹⁷ Ланцов, Труфанов 1999, 166–167, рис. 5, 15.

¹⁸ Масленников 1998, 182, рис. 6, 6.

¹⁹ Уженцев 2006, рис. 83, 3, 4; Уженцев, Труфанов 2004, 278; Дашевская 1991, табл. 56, 10, 11; 2014, 86, рис. 37, 7; 41, 10; 49, 4; 52, 3 и т. д.

²⁰ Meyer-Schlichtmann 1988, Taf. 40–42.

²¹ Внуков, Штепа 2010, 324–360.

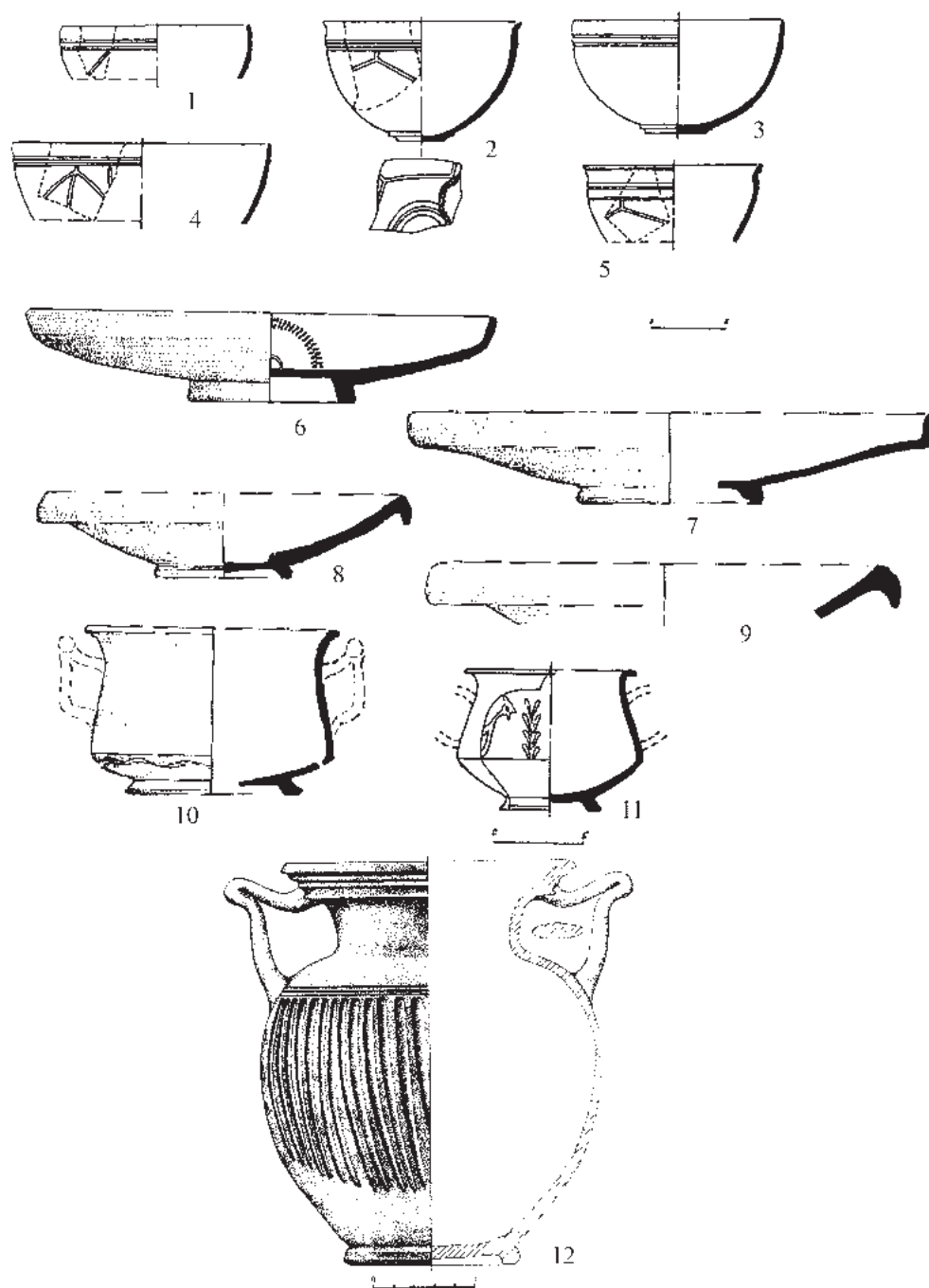

Рис. 2. 1–5, 11 – краснолаковые сосуды из раскопок городища «Чайка» (по Журавлёв 2007); 6 – краснолаковая тарелка из раскопок городища Калос-Лимен (по Уженцев 2006); 7–10, 12 — краснолаковые сосуды из раскопок городища Кара-Тобе

Стратифицированные комплексы римского времени отличаются по составу амфорной тары и краснолаковой керамики в сравнении с предыдущим периодом. Для этого периода зафиксировано интенсивное накопление слоя на всех памятниках и массовый ввоз на них импортной гончарной продукции.

В I–II вв. н.э. основными поставщиками продукции в амфорной таре становятся Гераклея, Синопа и Колхида. В недавно вышедшей статье С.Ю. Внукова подробно рассмотрены находки амфор из слоёв римского времени городища Кара-Тобе, где исследователь выделил продукцию черноморских центров (Гераклея, Синопа, Колхида – 90%), а также сосуды средиземноморских и неизвестных центров (10%)²². При этом следует отметить, что на это городище продолжало поступать вино в косских, родосских и книдских амфорах до середины – второй трети I в. до н.э. В более позднее время сосуды этих центров здесь не встречаются²³.

В целом в римский период в регионе Северо-Западного Крыма преобладала продукция Гераклеи (амфоры типа С I, С II, С III, С IVa по С.Ю. Внукову (рис. 3, 1–2, 4, 6, 10–11)) и Синопы (амфоры типа Син III, Син IA и B, Син V по С.Ю. Внукову (рис. 3, 3, 5–7, 9)). Следующими по популярности были амфоры Колхиды (амфоры типа Кх IB2 по С.Ю. Внукову (рис. 3, 8, 13))²⁴.

Отдельную группу составляют амфоры с воронковидным горлом. Они встречаются в наиболее поздних слоях поселений Северо-Западного Крыма середины I – начала II вв. н.э.²⁵. Данные амфоры (рис. 3, 12, 14–16), по-видимому, производились в Восточном Средиземноморье, они встречаются на протяжении всего римского времени на территории Крымского полуострова.

Краснолаковая керамика римского времени из Северо-Западного Крыма довольно хорошо разработана, изданы коллекции Калос-Лимена и городища «Чайка»²⁶. На памятниках преобладают находки открытых сосудов различных форм, которые производились, видимо, в малоазийских мастерских.

Помимо стандартных мисок и тарелок в наборах столовой посуды встречаются так называемые «поздние килики» – сосуды на кольцевом поддоне с туловом усечено-конической формы, вертикальным бортиком и двумя прижатыми горизонтальными ручками (рис. 4, 1). Вероятнее всего, они производились на Боспоре во второй половине I в. до н.э. – начале I в. н.э.²⁷ Особую форму представляют двуручные «канфаровидные кубки» на кольцевом поддоне с усечённо-конической нижней частью и слегка сужающимися кверху стенками цилиндрической верхней части, заострённым вертикальным венчиком и двумя петлевидными ручками, которые орнаментированы вертикальными налечами и расположенными параллельно им врезными линиями (рис. 4, 2). Датируется эта форма концом I в. н.э. – началом II в. н.э.²⁸ Такие сосуды находят аналогии только в Ольвии и на Козырьском

²² Внуков 2013, 21–54.

²³ Внуков 2013, 36.

²⁴ Внуков 2003.

²⁵ Внуков 2013, 38, рис. 10Б; Уженцев 2006, 32, рис. 82, 5; Уженцев, Юрочкин 1996, 170; Уженцев, Юрочкин 1998, 100, рис. 1, 1, 8; Яценко 1983, 51, рис. 3, 3.

²⁶ Уженцев, Труфанов 2004, 265–284; Журавлёв 2007, 275–312.

²⁷ Домжалский, Журавлёв 2003, 90; Шапцев 2009, 5.

²⁸ Уженцев 1999, 160.

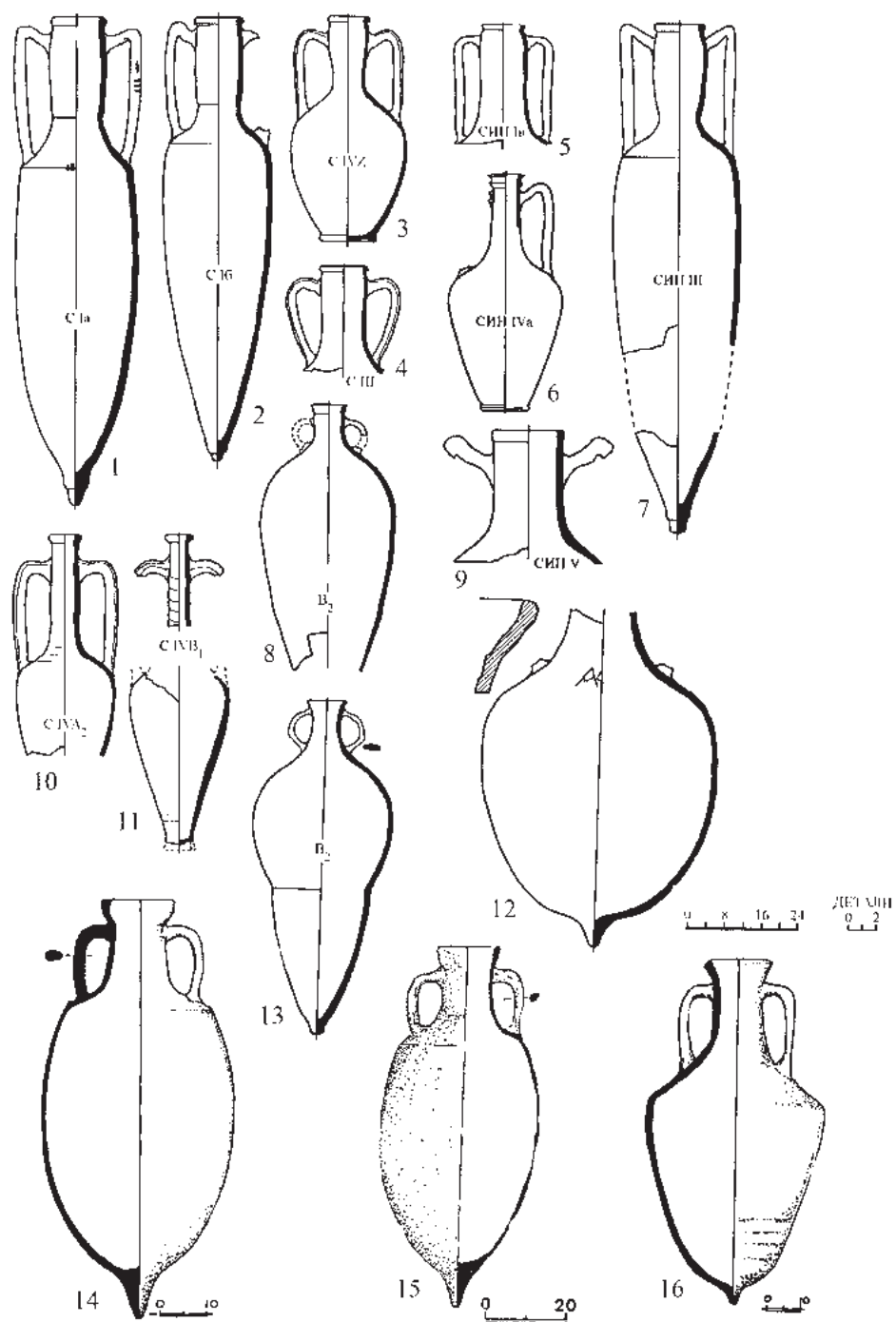

Рис. 3. 1–13 – амфоры из раскопок городища Кара-Тобе (по Внуков 2013); 14–15 – амфоры из раскопок городища Калос-Лимен (по Уженцев 1999); 16 – амфора из раскопок городища «Чайка» (по Яценко 1983)

городище, что, возможно, говорит об их ольвийском производстве²⁹. В Северо-Западном Крыму, помимо Калос-Лимена, они пока не известны.

Показательны находки в верхних слоях городищ чашек с вертикальным бортиком³⁰, которые относятся к Понтийской сигиллате (рис. 4, 3). Считается, что впервые они появляются в последней четверти I – начале II вв. н.э.³¹ Комплексы городища Кара-Тобе позволяют удревнить эту дату до третьей четверти I в. н.э. Также следует отметить находки в этих же слоях двуручных канфаров с различной формой тулова (рис. 4, 4–5), а также Понтийской сигиллаты³². Появление этих форм датируется в целом второй четвертью – серединой I в. н.э.³³ Выделяются также немногочисленные находки тарелок с вертикальным бортиком (рис. 4, б) из слоёв второй половины I – начала II вв. н.э., произведённых в Понтийском регионе³⁴.

Сосуды закрытых форм представлены кувшинами и кубками различных форм, причём большое количество кувшинов имеет орнамент белой краской (рис. 4, 8), что в основном характерно для изделий I в. до н.э.³⁵ Среди них можно выделить двуручный кувшин-амфору из раскопок городища Кара-Тобе (рис. 4, 7), происходящий из комплекса середины I в. н.э. Это сосуд больших размеров, с широким горлом, округло-биконическим туловом на кольцевом поддоне. Ручки Г-образной формы, с «катушками» на перегибах, крепятся к середине тулова и к венчику. Единственной аналогией этой форме является сосуд, происходящий с Гераклеяского полуострова, который датируется авторами статьи I в. н.э.³⁶ Встречаются также кувшины с округлым туловом, высоким усечено-коническим горлом и петлевидной ручкой (рис. 4, 9), вероятнее всего, херсонесского производства, которые датируются I в. н.э.³⁷ К тому же времени относятся и краснолаковые горшки с округлым туловом и отогнутым венчиком (рис. 4, 10), возможно, как и предыдущие сосуды, производимые в Херсонесе. На городище Кара-Тобе они встречаются в комплексах I в. н.э. Аналогичные им сосуды из других регионов имеют более широкую дату – I-II вв. н.э.³⁸

В результате вышеизложенного можно сделать вывод, что с середины II в. до н.э., т.е. с момента предполагаемого захвата варварами греческих поселений Северо-Западного Крыма, состав центров, поставлявших товары в амфорах, практически не изменился по сравнению с предшествующим периодом. Как и раньше, основными поставщиками товаров в амфорах оставались Синопа, Книд, Косс, Колхида, Родос. Можно отметить только увеличение количества ввозимых на поселения региона родосских амфор. Одновременно сюда начинает поступать и краснолаковая керамика, производство которой примерно в это время начинается в Восточном Средиземноморье. Трудно сказать, через какие транзитные центры

²⁹ Бураков 1976, 108, табл. XI, 18; Крапивина 1993, 117, рис. 59; Уженцев 1999, 159–161, рис. 1–2.

³⁰ Hayes 1985, Form V.

³¹ Уженцев, Труфанов 2004, 271.

³² Hayes 1985, Form X и XA.

³³ Журавлёв 2002, 200; Шапцев 2014, 218–219.

³⁴ Hayes 1985, Form I.

³⁵ Ланцов, Труфанов 1999, 162; Каменецкий 1993, 102; Журавлёв 2007, 291.

³⁶ Kovalevskaja, Sarnowski 2003, 229.

³⁷ Уженцев 2006, 267, рис. 1, 3; 4, 39.

³⁸ Шапцев 2014, 219–220.

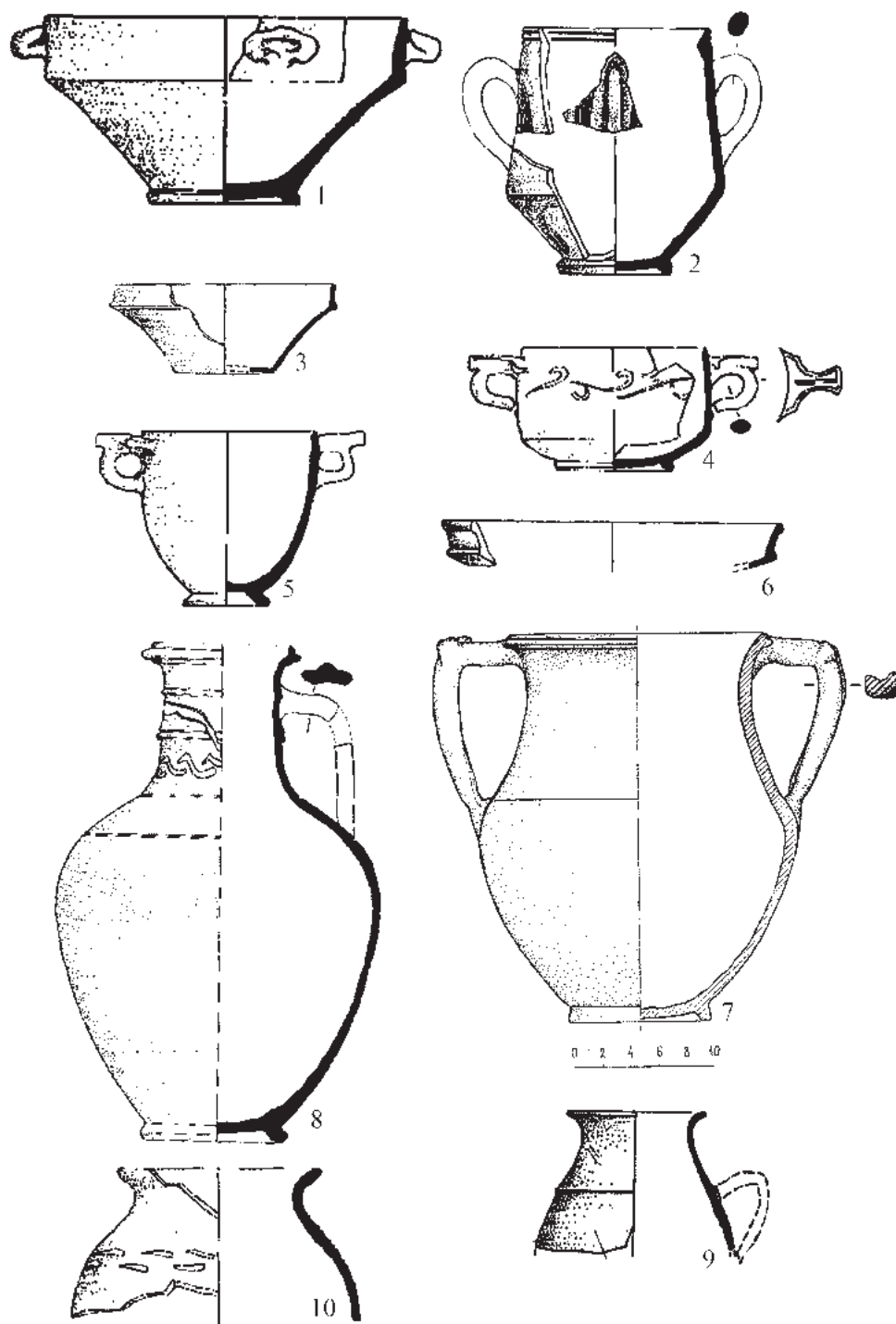

Рис. 4. 1, 4–5, 7–8, 10 – краснолаковые сосуды из раскопок городища Кара-Тобе; 2–3, 6, 9 – краснолаковые сосуды из раскопок городища Калос-Лимен (по Уженцев, Труфанов 2004)

осуществлялись поставки, но скорее всего это была Ольвия (в пользу этого говорит и резкое увеличение родосского импорта), товары из которой могли ввозиться через Калос-Лимен³⁹. Исследованные коллекции амфорных клейм и мегарских чаш, обнаруженных на позднескифских памятниках, позволяют предположить тесные экономические отношения Ольвии и варварского населения Северо-Западного Крыма⁴⁰. Считается также, что в это время Ольвия находилась в политической зависимости от крымских скифов, каковой период длился приблизительно 30 лет⁴¹. Это могло способствовать налаживанию с ними тесных экономических отношений. Следовательно, в период позднего эллинизма, видимо, именно Ольвия была центром транзитной торговли краснолаковыми сосудами и продуктами в амфорах с варварами Таврики и Северо-Западного Крыма.

В конце II в. до н.э. происходит объединение греческих центров Крыма под властью Митридата VI. Последовавшие за этим войны Митридата с Римом болезненно отразились на греческих центрах причерноморского региона, многие из них оказались полностью разорены и разрушены. Особенно сильно пострадала Гераклея, игравшая важную роль в торговле с Северным Причерноморьем. Она подверглась полному разграблению и была предана огню (Memn. LI, LII). Кроме того, римляне блокировали проливы, что также негативно отразилось на причерноморской торговле. С этими потрясениями, скорее всего, следует связать небольшое количество поступлений краснолаковой керамики и амфор на варварские поселения Крыма в этот период.

Второй половиной I в. до н.э. — началом I в. н.э. исследователи датируют расцвет позднескифской культуры⁴². В это время краснолаковая керамика и амфоры появляются массово на варварских памятниках Крыма. В слоях городищ встречаются все типы амфор, производившихся в южно-понтском регионе, при этом уменьшается количество продукции синопских и восточно-причерноморских мастерских⁴³. Нельзя сказать, что ремесленная продукция из отдаленных районов непосредственно доставлялась в Херсонес и на Боспор, откуда поступала к варварам. Скорее всего, вышеупомянутые южно-понтские центры и являлись основными контрагентами, через посредство которых привозилась ремесленная продукция из удаленных от Таврики мест. Возможно, краснолаковая керамика малоазийского производства доставлялась сухим путём в южно-понтские города (Синопу, Гераклею и др.), которые имели давние тесные торговые связи с Северным Причерноморьем. В это же время практически прекращается поступление эгейских амфор, что можно связать с нестабильной политической ситуацией, сложившейся в это время в Восточном Средиземноморье. Черноморский регион становится по сути замкнутым в экономическом плане⁴⁴.

В середине I в. до н.э. происходит ослабление греческих центров Западного Причерноморья, спровоцированное походом гетов, в ходе которого около 55 г. до н.э. была полностью разгромлена Ольвия. В результате этих событий экономиче-

³⁹ Уженцев 2006, 123.

⁴⁰ Внуков, Коваленко 1998, 74.

⁴¹ Виноградов 1989, 241, 246–248.

⁴² Храпунов 2004, 110.

⁴³ Внуков 2006, 258.

⁴⁴ Внуков 2013, 46.

ские связи Ольвии с населением Северо-Западного Крыма ослабли, если совсем не исчезли. При этом следует отметить, что восстановление Ольвии произошло в последней четверти I в. до н.э. по инициативе местных варварских племён, заинтересованных в широких торговых контактах с античным миром (Dio. Chrys. XXXVI, II). Вероятно, одним из следствий этого было усиление экономических связей варваров Северо-Западного Крыма с Боспорским царством, о чём говорят находки краснолаковой керамики боспорского производства, появившиеся как раз в это время на поселениях региона. Следует отметить, что большинство сосудов, которые можно отнести к Боспорской сигиллате, на городище Кара-Тобе встречено в слоях и комплексах второй половины I в. до н.э.

По керамическому материалу трудно установить, насколько были развиты экономические связи Херсонеса с варварским населением Северо-Западного Крыма в римский период. Не разъясняет ситуацию и обращение к письменным источникам. Так, Страбон не упоминает Херсонес в качестве основного торгового центра для соседних варваров, как он делает это, описывая центры Боспора (Strabo. XI. II). Отношения варваров с Херсонесом тоже не всегда были спокойными, о чём говорит и обращение херсонеситов за военной помощью к администрации Мезии и последующий поход Плавтия Сильвана. Всё это говорит в целом о неустойчивых торговых связях варварского населения Северо-Западного Крыма с Херсонесом. В то же время С.Ю. Внуков считает, что для данного региона Херсонес являлся ближайшим естественным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции. Ольвия, которая в это время только восстанавливалась, а также города Европейского Боспора не могли играть роль экспортных центров для позднескифских поселений Северо-Западного Крыма в период их расцвета (до начала I в. н.э.). Относительно небольшое количество херсонесских изделий в Северо-Западном Крыму С.Ю. Внуков объясняет тем, что этот центр в I в. до н.э. – начале I в. н.э. в экономическом плане переживал не лучшие времена. Поэтому он мог расплачиваться за вывозимый скифами хлеб не собственной продукцией, как это было ранее, а дешевыми импортными товарами⁴⁵. Такая гипотеза отчасти объясняет стабильное поступление краснолаковой керамики и амфор на варварские памятники Северо-Западного Крыма.

С последней четверти I в. до н.э. Гераклея становится практически монополистом в поставках вина в Северное Причерноморье, и её продукция достигает максимума на варварских памятниках⁴⁶. Этим же временем можно датировать и большинство находок краснолаковой керамики на поселениях. С этих пор в Крым начинают поставляться амфоры с воронковидным горлом, производившиеся в Восточном Средиземноморье, что говорит о восстановлении экономических связей с этим регионом.

Со второй четверти I в. н.э. многие из скифских поселений Северо-Западного Крыма переживают упадок, что может быть связано, как полагает С.Ю. Внуков, с походом царя Боспора Аспурга. Это приводит к изменению политической и экономической ситуации в Крыму⁴⁷. Достигнув максимума в начале I в. н.э., товарооборот Северо-Западного Крыма в абсолютном измерении постепенно со-

⁴⁵ Внуков 2006, 259–260.

⁴⁶ Внуков 2013, 47.

⁴⁷ Внуков 2006, 261.

крашается. Об этом говорят и находки краснолаковой керамики. Так, здесь отсутствует ряд керамических форм, массово представленных в северо-причерноморских комплексах последней трети I в. н.э. Это относится к сосудам группы Восточная сигиллата В2, производство которых и торговля ими были налажены в третьей четверти I в. н.э. В последней четверти I в. н.э. керамика этой группы становится в Северном Причерноморье частым явлением.

К концу I – началу II вв. н.э., т.е. ко времени постепенного запустения варварских городищ Северо-Западного Крыма, Чёрное море окончательно превращается в замкнутый экономический регион. В этот период в культурных слоях городищ преобладает амфорная тара южно-понтийских центров и на первый план выходит Понтийская сигиллата, что в целом и демонстрируют наиболее поздние слои исследуемых памятников. Если в последующее время здесь и продолжалась жизнь, то ни по масштабам, ни по торгово-экономической активности она несопоставима с предшествующим периодом.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгиппия*. М.
- Бадалянц, Ю.С. 1976: Хронологические соответствия имён эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса. *СА* 4, 32–41.
- Бадалянц, Ю.С. 1980: Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм. *НЭ* 13, 3–12.
- Бураков, А.В. 1976: *Козырское городище рубежа и первых столетий н.э.* Киев.
- Виноградов, Ю.Г. 1989: *Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование*. М.
- Внуков, С.Ю. 1993: Новые типы позднесинопской амфорной тары. *РА* 3, 204–214.
- Внуков, С.Ю. 2003: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э.* Ч. I. Морфология. М.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э.* Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.
- Внуков, С.Ю. 2013: Амфоры римского времени городища Кара-тобе. *Древности Боспора* 17, 21–54.
- Внуков, С. Ю., Коваленко, С. А. 1998: Мегарские чаши с городища Кара-Тобе. *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ* 102, 61–76.
- Внуков, С.Ю., Цецхладзе, Г.Р. 1991: Колхидские амфоры Северо-Западного Крыма. *Памятники железного века в окрестностях Евпатории*. М., 170–185.
- Внуков, С.Ю., Штепа, О.И. 2010: Краснолаковая пелика с городища Кара-Тобе (опыт комплексного исследования). *ПИФК XXVII*, 324–360.
- Гайдукевич, В.Ф. 1952: Раскопки Тиритаки 1935–1940. *Материалы и исследования по археологии СССР* 25. М.
- Дашевская, О.Д. 1991: *Поздние скифы в Крыму*. М.
- Дашевская, О.Д. 1994: О разорении греческих и скифских могил в древности. *РА* 4, 79–84.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Домжалский, К., Журавлёв, Д.В. 2003: Боспорская сигиллата. *БЧ* IV, 88–91.
- Журавлёв, Д.В. 2002: Керамический комплекс римского времени из Пантикапея. *БИ* II, 193–218.
- Журавлёв, Д.В. 2007: О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики с городища «Чайка». В сб.: *Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму*. М., 275–312.

- Зайцев, Ю.П. 1998: Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского. *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ* 102, 52–60.
- Зубарь, В.М. 1993: *Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения)*. Киев.
- Каменецкий, И.С. 1993: *Городища донских меоты: Вопросы датировки*. М.
- Крапивина, В.В. 1993: *Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э.* Киев.
- Кутайсов, В.А. 2004: *Керкинитида в античную эпоху*. Киев.
- Кутайсов, В.А. 2010: Природа Северо-Западного Крыма в античную эпоху. *БИ XXIV*, 291–320.
- Ланцов, С.Б., Труфанов, А.А. 1999: Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости. *ДБ* 2, 161–174.
- Масленников, А.А. 1998: *Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху*. М.
- Монахов, С.Ю. 1992: Динамика стандартов и форм синопских амфор. В сб.: *Греческие амфоры*. Саратов, 163–204.
- Пуздровский, А.Е. 2001: Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. *ВДИ* 3, 86–117.
- Уженцев, В.Б. 1997: О торговых связях Родоса с поселениями Херсонесской хоры (по керамическим клеймам из раскопок Калос-Лимена). В сб.: *Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект*. Севастополь, 117–119.
- Уженцев, В.Б. 1999: Редкий тип краснолаковых кубков из Калос-Лимена. *ХС X*, 159–161.
- Уженцев, В.Б. 2006: *Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.)*. Симферополь.
- Уженцев, В.Б., Труфанов, А.А. 2004: Краснолаковая керамика из Калос-Лимена. *ХС XIII*, 265–284.
- Уженцев, В.Б., Юрочкін, В.Ю. 1996: Амфори с лійкоподібним горлом з Північного Надчерномор'я. *Матеріали IV Міжнародної археологічної конференції студентів і молодих вчених*. Київ, 170–171.
- Уженцев, В.Б., Юрочкин, В.Ю. 1998: Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья. *Херсонесский сборник IX*, 100–109.
- Шапцев, М.С. 2009: Взаимоотношения Боспорского царства и позднескифской культуры в Крыму во втор. пол. I в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам позднескифского городища Булганак). *«Terra Alustiana»*. Алушта, 3–9.
- Шапцев, М.С. 2014: Краснолаковая керамика из позднескифского городища Булганак. В сб.: *История и археология Крыма I. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского*. Симферополь, 210–226.
- Щеглов, А.Н. 1978: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Л.
- Храпунов, И.Н. 1990: О причине гибели некоторых позднескифских поселений. *МАИЭТ I*, 167–169.
- Храпунов, И.Н. 2004: Этническая история Крыма в раннем железном веке. *БИ VI*. Симферополь–Керчь.
- Яценко, И.В. 1983: Северный квартал I первого скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974–1975 гг.). В сб.: *Население и культура Крыма в первые века н.э.* Киев, 46–65.
- Hayes, J.W. 1985: Sigillate Orientali. *Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero)*, *Atlante delle forme ceramiche II*, 1–96.
- Kovalevskaja, L., Sarnowski, T. 2003: La vaisselle des habitants d'une maison rurale de l'époque romaine dans la chôra de Chersonèse Taurique. *REI CRETARIAE ROMANAE FAVTORVM ACTA* 38, 221–237.

- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyi gorod Gorgippia*. Moscow.
- Badal'yants, Yu.S. 1976: Khronologicheskie sootvetstviya imyon eponimov i fabrikantov v amforakh Rodosa. *SA* 4, 32–41.
- Burakov, A.V. 1976: *Kozyrskoe gorodishche rubezha i pervykh stoletiy n.e.* Kiev.
- Dashevskaya, O.D. 1991: *Pozdnie skify v Krymu*. Moscow.
- Dashevskaya, O.D. 1994: O razorenii grecheskikh i skifskikh mogil v drevnosti. *RA* 4, 79–84.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa*. Simferopol.
- Domzhalskiy, K., Zhuravlyov, D.V. 2003: Bosporskaya sigillata. *Bosporskie chteniy* IV, 88–91.
- Gaydukevich, V.F. 1952: Raskopki Tiritaki 1935–1940. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* 25. Moscow.
- Hayes, J.W. 1985: Sigillate Orientali. *Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero)*, *Atlante delle forme ceramiche* II, 1–96.
- Kamenetskiy, I.S. 1993: *Gorodishcha donsikhmeotov: Voprosy datirovki*. Moscow.
- Khrapunov, I.N. 1990: O prichine gibeli nekotorykh pozdneskifskikh poseleniy. *MAIET* I, 167–169.
- Khrapunov, I.N. 2004: Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke. *Bosporskie issledovaniya* VI. Simferopol–Kerch.
- Kovalevskaya, L., Sarnowski, T. 2003: La vaisselle des habitants d'une maison rurale de l'époque romaine dans la chôra de Chersonèse Taurique. *REI CRETARIAE ROMANAE FAVORVM ACTA* 38, 221–237.
- Krapivina, V.V. 1993: *Ol'viya. Material'naya kul'tura I – IV vv.n.e.* Kiev.
- Kutaysov, V.A. 2004: *Kerkinitida v antichnuyu epokhu*. Kiev.
- Kutaysov, V.A. 2010: Priroda Severo-Zapadnogo Kryma v antichnuyu epokhu. *Bosporskie issledovaniya* XXIV, 291–320.
- Lantsov, S.B., Trufanov, A.A. 1999: Stolovaya posuda s lakovym pokrytiem iz Kutlakskey kreposti. *Drevnosti Bospora* 2, 161–174.
- Maslennikov, A.A. 1998: *Ellinskaya khora na krayu Oykumeny. Sel'skaya territoriya evropeyskogo Bospora v antichnuyu epokhu*. M.
- Meyer-Schlichtmann, C. 1988: *Die Pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. v. Chr. – Mitte 2. Jh. n. Chr.* Berlin–New York.
- Monakhov, S.Yu. 1992: Dinamika standartov i form sinopskikh amfor. *Grecheskie amfory*. Saratov, 163–204.
- Puzdrovskiy, A.E. 2001: Politicheskaya istoriya Krymskoy Skifii vo II v. do n.e. – III v.n.e. *Vestnik drevney istorii* 3, 86–117.
- Rotroff, S.I. 1997: *Hellenic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials. The Athenian Agora*. Vol. XXIX. Princeton–New Jersey.
- Shaptsev, M.S. 2009: Vzaimootnosheniya Bosporskogo tsarstva i pozdneskifskoy kul'tury Kryma vo vtor.pol. I v. do n.e. – I v.n.e. (po materialam pozdneskifskogo gorodishcha Bulganak). *«Terra Alustiana»*. Alushta, 3–9.
- Shaptsev, M.S. 2014: Krasnolakovaya keramika iz pozdneskifskogo gorodishcha Bulganak. *Istoriya i arkheologiya Kryma I. Sbornik statey, posvyashchenniy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Olega Ivanovicha Dombrovskogo*. Simferopol, 210–226.
- Shcheglov, A.N. 1978: *Severo-Zapadnyi Krymv antichnuyu epokhu*. Leningrad.

- Uzhentsev, V.B. 1997: O torgovykh svyazyakh Rodosa s poseleniyami Khersonesskoy khory (po keramicheskim kleymam iz raskopok Kalos-Limena). In: *Khersones v antichnom mire. Istoriko-arkheologicheskiy aspekt*. Sevastopol, 117–119.
- Uzhentsev, V.B. 1999: Redkiy tip krasnolakovykh kubkov iz Kalos-Limena. *Khersonesskiy sbornik* X, 159–161.
- Uzhentsev, V.B. 2006: *Elliny i varvary Prekrasnoy gavani (Kalos Limen v IV v. do n.e. – II v.n.e.)*. Simferopol.
- Uzhentsev, V.B., Trufanov, A.A. 2004: Krasnolakovaya keramika iz Kalos-Limena. *Khersonesskiy sbornik* XIII, 265–284.
- Uzhentsev, V.B., Yurochkin, V.Yu. 1996: Amfory s liykopodibnym gorlom z Pivnichnogo Nadchernomor'ya. *Materialy IV Mizhnarodnoy arkheologichnoy konferentsii studentiv i molodykh vchenykh*. Kiev, 170–171.
- Uzhentsev, V.B., Yurochkin, V.Yu. 1998: Amfory s voronkovidnym gorlom z Prichernomor'ya. *Khersonesskiy sbornik* IX, 100–109.
- Vinogradov, Yu.G. 1989: *Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa VII – I vv. do n.e. Istoriko-epigraficheskoe issledovanie*. Moscow.
- Vnukov, S. Yu. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v.n.e.* Part I. Morfologiya. Moscow.
- Vnukov, S. Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v.n.e.* Part II. Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli. Moscow.
- Vnukov, S. Yu. 1993: Novye tipy pozdnesinopskoy amfornoy tary. *RA* 3, 204–214.
- Vnukov, S. Yu. 2013: Amfory rimskogo vremeni gorodishcha Kara-tobe. *Drevnosti Bospora* 17, 21–54.
- Vnukov, S. Yu., Kovalenko, S.A. 1998: Megarskie chashi s gorodishcha Kara-Tobe. *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomor'e. Trudy GIM* 102. Moscow, 61–76.
- Vnukov, S. Yu., Shtepa, O.I. Krasnolakovaya peloka s gorodishcha Kara-Tobe (opyt kompleksnogo issledovaniya). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* XXVII, 324–360.
- Vnukov, S. Yu., Tsetskhladze, G.R. 1991: Kolkhidskie amfory Severo-Zapadnogo Kryma. *Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii*. Moscow, 170–185.
- Yatsenko, I.V. 1983: Severnyi kvartal I pervogo skifskogo poseleniya na Chaykinskom gorodishche v Evpatorii (po materialam raskopok 1974–1975 gg.). In: *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e.* Kiev, 46–65.
- Zaytsev, Yu.P. 1998: Keramika s lakovym pokrytiem izsloya pozhara I Yuzhnogo dvortsa Neapolya Skifskogo. *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomor'e. Trudy GIM* 102, 52–60.
- Zhuravlyov, D.V. 2002: Keramicheskiy kompleks rimskogo vremeni iz Pantikapeya. *Bosporskie issledovaniya* II, 193–218.
- Zhuravlyov, D.V. 2007: O nekotorykh kategoriakh pozdneellinisticheskoy krasnolakovoy keramiki s gorodishcha “Chayka”. In: *Materialy issledovaniy gorodishcha “Chayka” v Severo-Zapadnom Krymu*. Moscow, 275–312.
- Zubar, V.M. 1993: *Khersones Tavricheskiy v antichnuyu epokhu (ekonomika i sotsial'nye otnosheniya)*. Kiev.

ECONOMIC LINKS OF THE BARBARIAN POPULATION OF THE NORTH-WESTERN CRIMEA IN THE 2nd CENTURY BC TO THE EARLY 2nd CENTURY AD BASED ON THE ANALYSIS OF AMPHORAE AND RED-SLIP POTTERY

Mikhail S. Shaptsev

*Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Russia,
shapcevsm@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of amphorae and red-slip pottery found on the sites of the North-Western Crimea. The layers dated to the Late Hellenistic period are poor. There are found amphorae produced in Rhodes, Sinope, Knidos, Kos, and Kolchis. Red-slip pottery belongs mainly to the group of Eastern sigillata A. The stratified complexes with amphora containers and red-slip pottery of the Roman period differ from the earlier period. Amphorae of Heraclea, Sinope and Colchis, as well as Pontic sigillata are common for the layers of the late 1st – early 2nd century AD.

Key words: North-western Crimea red-lacquer ceramics, Roman period

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 178–195
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 178–195
©Автор(ы) 2016

ПОЯВЛЕНИЕ ПОЗДНЕСКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ: ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ И АТРИБУЦИИ

Е.Е. Антонов

*Институт археологии РАН, Москва,
antonov.yegor@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена проблеме появления оседлого позднескифского населения в Северо-Западном Крыму. Проблема рассматривается на опубликованных материалах поселений, раскрытых большими площадями: Калос Лимена, Беляуса, Керкинитиды и «Чайки». В центре внимания находятся три вопроса: время появления поздних скифов, атрибуция позднескифских строительных остатков и слоёв, а также теории о происхождении населения, занявшего регион во II в. до н.э. Обзор мнений о времени появления

Антонов Егор Евгеньевич – аспирант Отдела классической археологии Института археологии РАН, специалист по учебно-методической работе кафедры археологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: antonov.yegor@gmail.com

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ №15-31-10125а(ц) «Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований».

поздних скифов показывает широкий диапазон датировок. Как считают авторы раскопок, скифы занимают Беляус уже в начале II в. до н.э., Калос-Лимен – в середине этого столетия, Керкинитиду – в третьей четверти века, а «Чайку» – в конце столетия. Такой разброс датировок и их географию сложно принять безоговорочно. В части случаев определение дат строится на устаревших хронологических схемах. В других случаях проблема может заключаться в атрибуции строительных остатков и напластований. Те остатки, которые одни исследователи считают «ранними скифскими», другие относят к «поздним греческим». Анализ публикаций показывает, что признаками, которые позволяют говорить о появлении поздних скифов, могут считаться только наличие особого типа землянок и некоторые особенности строительной техники. Лепная керамика, которая могла бы стать важным индикатором, не опубликована. Обзор литературы демонстрирует широкий диапазон мнений о том, откуда поздние скифы приходят на северо-западное побережье Крыма. В большинстве случаев эти мнения основываются на сходствах отдельных признаков позднескифской культуры. При этом последние рассматриваются вне связи с хронологией. Одним из способов решения описанных проблем представляется детальное исследование позднескифского домостроительства.

Ключевые слова: поздние скифы, Северо-Западный Крым, позднескифское домостроительство, Крымская Скифия

Основной задачей статьи является обобщение и анализ опубликованных материалов о времени появления оседлого позднескифского населения в Северо-Западном Крыму. Определение хронологических рамок этого процесса является принципиальным для решения вопросов о происхождении позднескифской археологической культуры и ее атрибуции.

История изучения древностей региона охватывает почти два столетия¹, но первые научные концепции о времени и обстоятельствах появления здесь оседлого скифского населения появляются только с началом раскопок памятников с позднескифским слоем. В 1918 году, основываясь на материалах собственных раскопок в Евпатории и на свидетельстве Страбона (VII, IV, 6), Л.А. Моисеев выдвигает гипотезу о том, что Херсонес взял у скифских царей земли на западном побережье Крыма «как бы на откуп и стал по отношению к ним в положение арендатора»². По его мнению, во II в. до н.э. Херсонес стремится доказать свое право на владение землей «на правах незапамятной давности»³ и, игнорируя скифов, «переходит из положения “арендатора” ... в роль полновластного ее хозяина»⁴. Именно эти притязания стали причиной военного конфликта между крымскими скифами и херсонеситами в конце II в. до н.э.⁵

Следующая концепция рождается после широкомасштабных разведок, которые в 30-е годы провел в Северо-Западном Крыму П.Н. Шульц. Одной из главных целей этих работ было стремление обнаружить цепь позднескифских поселений, которая могла бы связать крымскую и приднепровскую часть Малой Скифии⁶. По итогам разведок П.Н. Шульц выдвинул гипотезу о двух «противостоящих» систе-

¹ Щеглов 1978, 4–8; Кутайсов 1990, 6–11; Колтухов 2003, 320–321; Тункина 2002, 473–478; Кутайсов 2012, 35–40.

² Моисеев 1918, 254.

³ Моисеев 1918, 255.

⁴ Моисеев 1918, 255.

⁵ Моисеев 1918, 253–256.

⁶ Шульц 1971, 129.

мах поселений в Северо-Западном Крыму: греко-скифской и скифо-сарматской. Обе системы, как считал исследователь, возникли одновременно в IV в. до н.э., но греческая прекратила существование во II в. до н.э., а скифо-сарматская доживает до III–IV вв. н.э.⁷ Идеи П.Н. Шульца поддержал А.И. Тюменев. Он полагал, что «скифы западного побережья» были земледельцами, и херсонеситы большую часть хлеба покупали у них⁸.

Теория П.Н. Шульца была пересмотрена с началом долговременных раскопок памятников в Северо-Западном Крыму. В конце 50-х – начале 60-х годов началось планомерное исследование двух поселений с позднескифским слоем – Беляуса и «Чайки».⁹ С 80-х годов список позднескифских памятников, затронутых многолетними исследованиями, дополняется Керкинитидой, Калос Лименом, Кульчуком и Кара-Тобе.¹⁰

Первые итоги систематических раскопок были подведены в статье О.Д. Дашевской. Главный вывод исследовательницы заключался в том, что ни одного поселения, которое было бы основано скифами на «пустом месте», в Северо-Западном Крыму нет. Раскопки показали, что под скифскими напластованиями на всех изученных памятниках находится греческий слой. Поскольку существование догреческих скифских и таврских поселений было опровергнуто, О.Д. Дашевская отвергла и гипотезу об аренде Херсонесом земель у скифов. Появление здесь оседлого скифского населения она датировала II в. до н.э.¹¹

Следующее по времени обобщение полевых исследований принадлежит А.Н. Щеглову. Он предположил, что захват территории Херсонеса скифами был длительным процессом. Начало его исследователь видел в следах разрушений и пожаров первой половины – середины III в. до н.э. Часть херсонесских поселений, по его мнению, погибла сразу, часть продолжала существовать до рубежа III–II вв. до н.э. или до первой половины II в. до н.э. Окончательно Северо-Западный Крым оказывается «в руках скифов» не позже середины II в. до н.э.¹² Теорию об аренде земли у скифов А.Н. Щеглов отвергал. При этом он считал, что на дальней хоре Херсонеса до занятия ее скифами существовали «туземные сельские поселения», жители которых были зависимы от греков¹³. Непосредственной причиной скифо-херсонесских войн А.Н. Щеглов считает стремление варваров захватить плодородные земли Северо-Западного Крыма¹⁴.

О.Д. Дашевская, которой принадлежит единственный пока свод, охватывающий почти все стороны позднескифской культуры, также относил первый этап скифо-херсонесского конфликта к началу III в. до н.э. Появление позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму на месте греческих исследовательница датировала серединой II в. до н.э.¹⁵

⁷ Шульц 1941, 268, 270–271.

⁸ Тюменев 1950, 51.

⁹ Кутайсов 2012, 48–49.

¹⁰ Кутайсов 2012, 52.

¹¹ Дашевская 1971, 151, 153.

¹² Щеглов 1970, 19; 1978, 42–43, 128–132.

¹³ Щеглов 1978, 126.

¹⁴ Щеглов 1978, 128.

¹⁵ Дашевская 1991, 42–43.

К вопросу о времени смены населения в регионе неоднократно обращались авторы раскопок на памятниках Северо-Западного Крыма. Попробуем обобщить их выводы. Как уже отмечалось, до настоящего времени многолетними раскопками исследовались позднескифские напластования и сооружения на шести памятниках Северо-Западного Крыма: Калос Лимен, Кульчук, Беляус, «Чайка», Керкинитида и Кара-Тобе.

Верхнюю границу греческого горизонта городища Калос Лимен В.Б. Уженцев датировал серединой – началом третьей четверти II в. до н.э. Такая дата устанавливается по родосским клеймам, а также по чернолаковой и буролаковой керамике в стиле *West slope*. Примечательно, что в напластованиях греческого яруса В4, который предшествует приходу поздних скифов, нет клейм V группы (вторая половина II в. до н.э.), между тем в первом скифском ярусе родосские клейма V группы представлены достаточно широко¹⁶. Таким образом, по мнению автора раскопок, поздние скифы впервые заселяют Калос Лимен в середине – начале третьей четверти II в. до н.э.

Появление поздних скифов на городище Кульчук датировалось авторами раскопок по-разному. А.С. Голенцов определял нижнюю хронологическую границу скифских построек как вторую четверть II в. до н.э.¹⁷ С.Б. Ланцов относит появление поздних скифов на городище к середине II в. до н.э.¹⁸ Ни один из авторов раскопок на Кульчуке не приводит подробной аргументации своим датировкам.

О.Д. Дашевская первоначально датировала захват Беляуса скифами серединой I в. до н.э.¹⁹ Позже эта дата была пересмотрена. В специальной статье, посвященной периодизации городища, О.Д. Дашевская и А.С. Голенцов указали, что поздние скифы занимают Беляус уже в начале II в. до н.э. Они обосновали такую дату клеймами из золистых напластований, которые связывают с пребыванием поздних скифов: родосскими, херсонесскими, синопскими и книдскими. Родосские клейма авторы раскопок характеризуют очень суммарно, отмечая лишь, что их больше всего – 27, из них 18 датируются 220–180 гг. до н.э. Началом II в. до н.э. авторы статьи датируют и самые ранние погребения на некрополе Беляуса²⁰.

Представления о времени появления первых скифских сооружений на городище Чайка менялись в ходе исследований. Первоначально И.В. Яценко относил ко II в. до н.э. два скифских строительных периода: период I – к третьей четверти этого столетия, а период II – к последней четверти²¹. Затем эти датировки были пересмотрены, а «додиофантовским» временем стали датировать только первый период²². Занятие скифами поселения И.В. Яценко датировала временем «около середины II в. до н.э.»²³.

По мнению Е.А. Поповой, греческое поселение на «Чайке» существует до третьей четверти II в. до н.э. На это указывают родосские клейма групп IVb²⁴ и

¹⁶ Уженцев 2006, 29–30.

¹⁷ Голенцов 1994, 82.

¹⁸ Ланцов 2010, 142; 2012, 13.

¹⁹ Дашевская 1990, 145.

²⁰ Дашевская, Голенцов 2004, 35.

²¹ Яценко 1970, 34.

²² Яценко 1983, 65.

²³ Яценко 1974, 211.

²⁴ Попова 2007, 25.

V²⁵, книдское клеймо VI группы²⁶, а также фрагменты мегарских чаш второй-третьей четверти II в. до н.э.²⁷ При этом нужно отметить, что значительная часть узко датированного материала происходит не из напластований последнего греческого периода, а из слоев, перекрывших греческие строительные остатки. Сам материал единичен, а сохранность строительных остатков, которые исследователь атрибутирует как греческие, очень плохая.

Начало позднескифского периода I в пределах юго-западного квартала «Чайки», по мнению Е.А. Поповой, можно относить ко II в. до н.э. только предположительно, а «более обоснованной датой строительства» она называла начало I в. до н.э.²⁸ Позже исследователь определила дату прихода поздних скифов как «середину последней четверти» II в. до н.э., «то есть около 113–112 гг. до н.э.»²⁹. В последней обобщающей статье о «Чайке» говорится, что поздние скифы занимают городище к концу II в. до н.э.³⁰ Между тем две последних даты вызывают сомнения, так как они совпадают со временем Диофантовых войн³¹.

В отличие от Калос Лимена, в напластованиях последнего греческого периода Керкинитиды присутствуют родосские клейма V группы, которые датировались второй половиной II в. до н.э.³² В.А. Кутайсов полагает, что Керкинитиды была занята позднескифским населением «накануне похода понтийских войск»³³. Исследователь высказывал и более конкретную дату – 40-е гг. II в. до н.э.³⁴ Он обосновывал ее косвенными свидетельствами. Это упоминание керкинита в афинской надписи 119/118 г. до н.э.³⁵, а также случайные монетные находки: афинская тетрадрахма 151/150 г. до н.э. и две тетрадрахмы с соседнего поселения Тереклы-Конрат (афинская, около 140/139 гг. до н.э., и фасосская, начала второй половины века)³⁶. Между тем сам автор раскопок отмечает, что в надписи мог упоминаться уроженец африканского острова, а не греческого города в Таврике³⁷. Кажется странным и то, что для построения периодизации используются нумизматические находки, не имеющие привязки к стратиграфии.

Весь позднескифский ярус Керкинитиды В.А. Кутайсов отнес к последней четверти II в. до н.э.³⁸ В то же время в описанном им материале, как отмечает С.Ю. Внуков,³⁹ присутствуют фрагменты светлоглиняных амфор варианта С Ia (середина I в. до н.э. – первая четверть I в. н.э.)⁴⁰ и сосудов типа Син III (середина I в. до н.э. – третья четверть I в. н.э.)⁴¹. Узкогорлых светлоглиняных амфор, кото-

²⁵ Попова 2007, 24.

²⁶ Попова 2007, 27.

²⁷ Попова 2007, 28.

²⁸ Попова 1991, 67.

²⁹ Попова 2009, 117–118.

³⁰ Попова, Пежемский, Беловинцева 2015, 93.

³¹ Виноградов 1987, 70; Сапрыкин 1996, 134, 135; Кутайсов 2003, 88.

³² Кутайсов 1990, 31–32.

³³ Кутайсов 1990, 26–28.

³⁴ Кутайсов 1992, 66.

³⁵ Граков 1939, 244; Кутайсов 1990, 26.

³⁶ Голенко, Щеглов 1971, 41–42.

³⁷ Кутайсов 2004, 127.

³⁸ Кутайсов 1990, 26–28.

³⁹ Внуков 1997; Vnukov 2001, 171–172, прим. 1.

⁴⁰ Внуков 2006, 167.

⁴¹ Vnukov 2010, 364.

рые появляются со второй четверти I в. н.э.⁴², в слоях Керкинитиды нет. Это позволяет предполагать, что позднескифское поселение существовало здесь и в I в. до н.э., возможно, до первой четверти I в. н.э.

Позже В.А. Кутайсов писал, что указанные фрагменты единичны, собраны «над каменными развалами скифских построек II в. до н.э.»⁴³ и принадлежат не к открытым сооружениям, а к не обнаруженному еще «скромному населенному пункту»⁴⁴. Вместе с тем в этой же работе он упоминал, что горло одной из синопских амфор было обнаружено в яме⁴⁵, то есть в полузакрытом комплексе. Таким образом, вопрос о времени существования позднескифского поселения на месте Керкинитиды остается открытым.

На Кара-Тобе напластования «додиофантовского» периода практически не сохранились. К этому времени относятся надматериковые отложения на отдельных участках и ряд ям. По мнению С.Ю. Внукова, первые позднескифские сооружения были полностью разобраны при сооружении укреплений времен похода Диофанта⁴⁶. Появление поздних скифов на Кара-Тобе автор раскопок относит к середине⁴⁷ или первой половине II в. до н.э.⁴⁸ Это предположение строится на косвенных данных и анализе общей политической ситуации в регионе⁴⁹.

Как видим, из шести затронутых многолетними раскопками поселений только по четырем памятникам опубликованы материалы, которые служат основой для определения времени появления поздних скифов в Северо-Западном Крыму. Если принимать выводы авторов раскопок, то получается, что смена греческого населения позднескифским в регионе происходила неравномерно. Ранее всех, в начале II в. до н.э., был занят скифами Беляус, затем, около середины столетия, — Калос Лимен (возможно, также Кульчук и Кара-Тобе), затем, в третьей четверти века, Керкинитида, и последней, в конце столетия, «пала» «Чайка». Если в этом списке оставить только Калос Лимен и Керкинитиду, то занятие региона поздними скифами выглядит логично, можно даже проследить направление этого процесса — с условного севера на условный юг. Однако Беляус и «Чайка» полностью меняют эту картину. Получается, что первым пунктом, перешедшим под контроль варваров, стал Беляус, находящийся почти посередине прибрежной полосы, контролировавшейся херсонеситами, то есть позднескифское поселение на Беляусе около 50 лет сосуществовало с греческими городищами. Это выглядит как минимум странным. Не менее странным кажется столь продолжительное пребывание греков на «Чайке». Если существование во враждебном окружении крупного греческого города, которым была Керкинитида, еще можно допустить, то как удалось так долго продержаться маленькому греческому поселку, каким описывает «Чайку» этого времени Е.А. Попова,⁵⁰ представить сложно.

⁴² Внуков 2006, 160, 167.

⁴³ Кутайсов 2004, 132.

⁴⁴ Кутайсов 2004, 132–133.

⁴⁵ Кутайсов 2004, 132.

⁴⁶ Внуков 1999, 210.

⁴⁷ Внуков 1997.

⁴⁸ Внуков 2010, 37.

⁴⁹ Устное сообщение С.Ю. Внукова.

⁵⁰ Попова 2007, 28.

Между тем разброс датировок может происходить из-за разницы в подходах к археологическому материалу. Время появления позднескифских поселений определяется в первую очередь по керамике. В связи с активными исследованиями этой категории археологического материала, которые ведутся в последнее время, ряд датировок требует пересмотра. В первую очередь это касается выводов И.В. Яценко.

Большая часть работ последних 25 лет при установлении абсолютной хронологии памятников опирается на клейма. В интересующий нас период наиболее массовыми являются клейма на родосских амфорах. Но последние разработки Г. Финкельштейна вносят в их распределение по группам и датировки существенные коррективы⁵¹. Следовательно, датировки, которые были даны авторами раскопок до 2001 года, требуют ревизии. Например, в монографии В.А. Кутайсова 1990 года используется классификация В. Грейса⁵². В последнем переиздании монографии о Керкинитиде как античном полисе В.А. Кутайсов уже опирается на разработки Г. Финкельштейна, однако он использует их для изучения динамики торговли,⁵³ а датировку периодов не пересматривает⁵⁴. О.Д. Дашевская и А.С. Голенцов в статье, посвященной периодизации Беляуса⁵⁵, вовсе не указали, какой хронологической схемой они пользовались при обработке клейм. Классификация Г. Финкельштейна используется для хронологических построений только в последних работах В.Б. Уженцева⁵⁶ и Е.А. Поповой⁵⁷.

Еще более существенным обстоятельством является то, что датирующий материал в поздних греческих напластованиях и ранних скифских примерно одинаков: клейма, чернолаковая керамика и мегарские чаши. Различается лишь атрибуция контекстов, в которых были сделаны находки.

В работах В.А. Кутайсова⁵⁸, В.Б. Уженцева⁵⁹, О.Д. Дашевской и А.С. Голенцова⁶⁰, посвященных периодизации памятников, рассматриваются прежде всего планировка поселений, строительные остатки и сооружения, их принадлежность позднескифской культуре не подвергается сомнению, а материал приводится только датирующий. Техника строительства всех ранних позднескифских каменных сооружений региона одинакова: это в основном двуслойные иррегулярные кладки. В основаниях стен часто используются камни, установленные орфостатно⁶¹. При этом на Беляусе орфостатные основания кладок отмечаются только во второй половине II в. до н.э.⁶²

Примечательно, что для самого раннего позднескифского яруса на Калос Лимене неизвестна ни одна собственно скифская наземная каменная постройка. Все кладки этого времени — это новые ярусы греческих стен, а также отдельные кон-

⁵¹ Кац 2007, 204–220.

⁵² Кутайсов 1990, 28–30.

⁵³ Кутайсов 2013, 103–104.

⁵⁴ Кутайсов 2013, 203.

⁵⁵ Дашевская, Голенцов 2004.

⁵⁶ Уженцев 2006, 21.

⁵⁷ Попова 2007, 10, 24, 27.

⁵⁸ Кутайсов 1990.

⁵⁹ Уженцев 2006.

⁶⁰ Дашевская, Голенцов 2004.

⁶¹ Кутайсов 1990; 122; Попова 1998, 187; Дашевская, Голенцов 2004, 35; Уженцев 2006, 94.

⁶² Дашевская, Голенцов 2004, 35.

струкции внутри помещений⁶³. К первой половине II в. до н.э. на Беляусе относят только локальные перестройки внутри греческих помещений: разборка некоторых стен и сооружение перегородок. Застройка дворов греческих усадеб здесь начинается во второй половине II в. до н.э.⁶⁴ На «Чайке» греческое «здание III в. до н.э.» становится центром позднескифского поселения и его своеобразной «ци-таделью», в нем отмечены отдельные перестройки⁶⁵. В Керкинителиде случаи использования скифами греческих помещений не зафиксированы⁶⁶.

Планировка позднескифских поселений на раннем этапе их существования, судя по всему, зависит от сохранности греческих строительных остатков. Хорошей сохранностью греческой фортификации и домов объясняется регулярная планировка позднескифской цитадели Калос Лимена. На остальной территории городища планировка носит хаотичный характер⁶⁷. Возможно, хорошей сохранностью «здания III в. до н.э.» объясняется регулярность позднескифской планировки «Чайки»: новые улицы и кварталы выстраиваются вокруг греческой усадьбы, которая и задает их ориентацию⁶⁸. Планировка позднескифской Керкинителиды хаотичная⁶⁹.

Еще одной чертой, характерной для позднескифского периода, является появление землянок и полуземлянок устойчивой формы. Во II в. до н.э. в Северо-Западном Крыму они все округлые, с обложенными камнем или сырцовыми кирпичами «лежанками-ступеньками» вдоль стенок. Землянки такой формы, датирующиеся II в. до н.э., зафиксированы только в Керкинителиде⁷⁰ и Калос Лимене⁷¹.

Отличительной чертой каменных построек позднескифской Керкинителиды является использование зольных «подстилок» под полами и стенами⁷². Для ранних скифских построек Калос Лимена характерно устройство загорода перед входами в помещения. Сооруженные из поставленных на ребро камней, они, по мнению В.С. Уженцева, должны были защищать дома от дождя⁷³.

Приведенные материалы пока что позволяют выделить только два признака позднескифского домостроительства раннего этапа, которые можно рассматривать как диагностирующие. Первый – наличие землянок и полуземлянок устойчивой формы. Второй – устройство орфостатных оснований кладок. Судя по опубликованным материалам, эти признаки появляются не ранее второй половины II в. до н.э. Позднескифская атрибуция отдельных перестроек внутри греческих помещений на Беляусе, а также их связь с позднескифскими напластовками и находками из них требует дополнительной аргументации.

⁶³ Уженцев 2006, 93.

⁶⁴ Дашевская, Голенцов 2004, 35.

⁶⁵ Яценко 1970, 31; Яценко, Турина 1991, 82.

⁶⁶ Кутайсов 1990, 112.

⁶⁷ Уженцев 2006, 92–93.

⁶⁸ Яценко 1970, 31–32; 1983, 46–48; Яценко, Турина 1991, 82; Попова 1991, 37; 2012, 5–6.

Похожая ситуация в более позднее время (в середине I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э.) наблюдается на Кара-Тобе: позднескифские улицы и постройки выстраиваются вокруг башни, построенной ранее «понтийцами».

⁶⁹ Кутайсов 1990, 122.

⁷⁰ Кутайсов 1990, 113–115.

⁷¹ Уженцев 1994, 238–242; 2006, 94–95.

⁷² Кутайсов 1990, 115.

⁷³ Уженцев 2006, 95–96.

К сожалению, ни В.С. Уженцев, ни В.А. Кутайсов, ни О.Д. Дашевская и А.С. Голенцов, затрагивая вопрос о смене населения, не приводят полного описания ранних керамических комплексов и находок, которые могли бы стать индикаторами⁷⁴ такой смены. Исследователи «Чайки» весьма подробно описывают, в частности, лепную керамику. Но она либо рассматривается в целом, без привязки к периодизации поселения, либо происходит из более поздних стратиграфических горизонтов⁷⁵. Новых работ, анализирующих лепную керамику из позднескифских слоев памятников Северо-Западного Крыма, пока нет. Опубликованные материалы, по-видимому, привлекал в своей диссертации В.П. Власов⁷⁶. Однако из автореферата его диссертации невозможно понять, какая часть керамики, отнесенная автором ко второй половине III – концу II вв. до н.э., происходит из Северо-Западного Крыма. Исследованию комплекса лепной керамики из башни на городище Кульчук посвящена статья Н.А. Гаврилюк, однако этот комплекс датируется более поздним временем – серединой I в. н.э.⁷⁷

Определение времени появления позднескифских строительных остатков и их атрибуция неразрывно связаны с проблемой смены населения в Северо-Западном Крыму. Отсутствие здесь скифских поселений, которые сосуществовали бы с греческими на протяжении III в. до н.э., указывает на миграцию. Как известно, попытки определить, откуда новое население появилось в регионе, ведутся уже давно.

Сторонники преемственности культур «классических» и поздних скифов предполагали заселение Северо-Западного Крыма с территории Нижнего Поднепровья⁷⁸. Главными аргументами в пользу этой концепции были сходство лепной керамики и фортификации. Однако последние исследования существенно «омолодили» возраст нижнеднепровских поселений. Н.А. Гаврилюк и М.И. Абикулова⁷⁹ датируют их возникновение первой половиной II в. до н.э., В.П. Былкова – серединой II в. до н.э.⁸⁰ Последняя дата, таким образом, полностью исключает возможность миграции из этого региона в Северо-Западный Крым в интересующее нас время.

Между тем, еще до пересмотра датировок нижнеднепровских памятников – в конце 1990-х годов – география предполагаемых «прародин» поздних скифов Северо-Западного Крыма существенно расширилась. Так, Е.А. Попова выдвинула предположение о том, что новое население Северо-Западного Крыма происходило с территории Боспора. По ее мнению, это были скифы, перешедшие к оседлости в Восточном Крыму еще в V в. до н.э. Свои выводы исследователь обосновала сходствами между позднескифской «Чайкой» и боспорскими поселениями в планировке, технике строительства, лепной керамике, некоторых памятниках искусства и ритуальной практике⁸¹.

⁷⁴ Власов 1999.

⁷⁵ Яценко 1983, 55–60; Попова 1991, 70–71; 1998, 189–190; 2012, 6–7.

⁷⁶ Власов 1999.

⁷⁷ Гаврилюк 2013, 358.

⁷⁸ Щеглов 1978, 132; Дашевская 1991, 42.

⁷⁹ Гаврилюк, Абикулова 1991, 30.

⁸⁰ Былкова 2007, 111–115.

⁸¹ Попова 1998, 193–194; 1999, 153–155; 2009, 119–121; 2012.

Справедливость значительной части наблюдений Е.А. Поповой нельзя отрицать, но вместе с тем у них есть ряд недостатков: 1) выявленные сходства не отменяют отличий в тех же (и других) категориях археологического материала; 2) концепция, построенная только на материалах одного памятника, безусловно, требует апробации на материалах других памятников; 3) материалы «Чайки», аналогии которым находятся на Боспоре, рассматриваются без учета их хронологии.

В.А. Кутайсов предложил искать источник миграции в Поднепровье или лесостепи. На эти районы, по его мнению, указывает состав культурных злаков и сопутствующих им сорняков, найденных в позднескифских слоях Керкинитиды⁸². Этот аргумент безусловно интересен, однако очевидно, что он требует подкрепления палеоботаническими материалами с других памятников региона.

Еще один регион, откуда поздние скифы могли прийти в Северо-Западный Крым, очевиден – это центральная часть полуострова. Время возникновения поселений в Предгорном Крыму в современных исследованиях остается предметом дискуссии. Т.Н. Высотская относил заселение этого региона к рубежу IV и III вв. до н.э.⁸³ И.Н. Храпунов считает III в. до н.э. «переходным периодом», временем оседания скифов на землю, а сложение позднескифской культуры датирует II в. до н.э.⁸⁴ А.Е. Пуздровский определял время формирования позднескифской культуры первой половиной II в. до н.э.⁸⁵ Ю.П. Зайцев полагает, что наиболее ранние объекты Неаполя Скифского появляются и существуют во второй четверти – середине II в. до н.э.⁸⁶ Однако раскопки этого же исследователя на «типично позднескифском»⁸⁷ городище Ак-Кая/Вишенное показали, что оно возникает в конце IV в. до н.э.⁸⁸

Новые полевые материалы позволили Ю.П. Зайцеву выделить два варианта позднескифской культуры – «аккайский» и «неапольский». С первым из них он связывает коллективные захоронения в каменных подкурганых гробницах⁸⁹, со вторым – грунтовые катакомбы. «Неапольский» вариант автор связывает с территорией нижнего Приднестровья и характеризует его как имеющий «приднестровско-ольвийскую окраску» и «среднелатенское содержание»⁹⁰, а распространение варианта прослеживает с запада на восток – от некрополей Кульчука и Беяуса до Феодосии. Время зарождения «неапольского» варианта, по Ю.П. Зайцеву, конец III – начало II в. до н.э., а время расцвета – вторая половина II – первая половина I в. до н.э.⁹¹

Результатом новых полевых исследований в Северо-Западном Крыму стало также частичное возрождение концепций Л.А. Моисеева и П.Н. Шульца. В конце 2000-х – начале 2010-х годов в регионе были проведены масштабные разведки

⁸² Кутайсов 2004, 18, 128.

⁸³ Высотская 2004, 41.

⁸⁴ Храпунов 2004, 123–124.

⁸⁵ Пуздровский 1999, 212; 2007, 198.

⁸⁶ Зайцев 2003, 14–15, 41–42.

⁸⁷ Зайцев 2015, 171.

⁸⁸ Зайцев 2013, 499; 2015, 168.

⁸⁹ Зайцев 2013, 500.

⁹⁰ Зайцев 2013, 504.

⁹¹ Зайцев 2013, 502, 504.

под руководством Т.Н. Смекаловой⁹². Исследования показали наличие здесь более 100 поселений и примыкающих к ним следов землепользования, а также более 3 тысяч курганов с каменными и земляными насыпями. Подъемный материал и ограниченные по площади раскопки позволили датировать часть поселений второй половиной IV – первой третью III в. до н.э. По мнению автора исследования, ее работа показывает, что в IV в. до н.э. в Северо-Западном Крыму присутствовали три группы населения: не только греки-колонисты и скифы-кочевники, но и «многочисленные оседлые земледельцы и пастухи, скорее всего, родственные кизил-кобинцам и таврам»⁹³. Т.Н. Смекалова считает, что местное оседлое население обрабатывало землю, греки управляли сельскохозяйственными работами и вывозили урожай в Херсонес, а скифы-кочевники контролировали эти процессы. Местные земледельцы, таким образом, находились в зависимости как от греков, так и от скифов. Последние были номинальными владельцами земли, за использование которой греки платили дань. Поселения земледельцев прекращают существование в конце первой трети III в. до н.э., а их жители, по мнению авторов разведок, могли переселиться в греческие города и поселения. При этом Т.Н. Смекалова не исключает, что именно эти «варвары»-земледельцы позже участвовали в сложении позднескифской археологической культуры⁹⁴.

Результаты разведок позволили их участникам заявить о новом этапе в истории изучения Северо-Западного Крыма⁹⁵. По сути, главный итог разведок конца 2000-х – начала 2010-х годов – это возвращение к идеям Л.А. Моисеева и П.Н. Шульца, хоть и дополненное рядом оговорок. Примечательно, что в начале XXI века базой для широких исторических выводов и реконструкций, как и в первой половине XX в., служат разведки, не всегда выразительный подъемный материал и ограниченные по площади раскопки. При этом выводы о возможном участии оседлого варварского населения открытых памятников в формировании позднескифской культуры не учитывают очевидного хронологического разрыва между ними: столетнего, если принять датировку самых ранних скифских сооружений Беляуса, или продолжительностью примерно в 150 лет, если опираться на даты других памятников.

Подводя итог, нужно признать, что проблеме появления оседлого позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму нельзя считать решенной. Время смены населения в регионе определяется керамическим материалом, который в поздних греческих и в ранних позднескифских слоях практически одинаков. Вопрос, таким образом, переходит из сферы установления хронологии в область культурной атрибуции находок и строительных остатков. Главными индикаторами смены состава населения городищ у авторов раскопок (судя по опубликованным материалам) выступают особенности строительной техники и наличие полуземлянок. Вместе с тем этот материал до сих пор не обобщен и не разработан. Лепная керамика из ранних позднескифских напластований, которая могла бы стать еще одним существенным индикатором рассматриваемого события, не опубликована и не обработана.

⁹² Смекалова, Столба 2009; Смекалова 2010; 2013; Смекалова, Чудин, Котин, 2013.

⁹³ Смекалова 2013, 6.

⁹⁴ Смекалова 2013, 6–8.

⁹⁵ Кутайсов 2012, 58–59.

С выявленной проблемой также тесно связаны поиски источника миграции, которая во II в. до н.э. привела к смене населения в Северо-Западном Крыму. Большинство теорий, предлагающих решение этого вопроса, опирается на отдельные признаки позднескифской культуры. Они как правило, рассматриваются вне связи с хронологией и выделяются на основе всего разновременного материала. Тем самым де-факто культура поздних скифов признается статичным явлением.

Решение этих проблем возможно путем новых исследований, которые можно разделить на несколько направлений. Первым из них должна стать полная публикация комплексов керамики с поселений, в которой бы особое внимание уделялось их хронологии, привязке к строительным остаткам и стратиграфии. Второе направление – ревизия уже накопленных материалов, пересмотр их датировок с учетом последних наработок в области хронологии. Третье направление – исследования, посвященные домостроительству и лепной керамике Северо-Западного Крыма. В таких работах особое внимание следует уделять выявлению признаков культуры и их эволюции. Нельзя обойтись и без привлечения аналогии с соседних территорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Былькова, В.П. 2007: *Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений)*. Херсон.
- Виноградов, Ю.Г. 1987: Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. *ВДИ* 1, 55–87.
- Власов, В.П. 1999: *Етнокультурні процеси в Криму у III ст. до н.е. – IV ст.н.е.*: автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. К.
- Внуков, С.Ю. 1997: Новые данные об истории Северо-Западного Крыма (по результатам раскопок последних лет). *Крымская археология* 2, 37–47.
- Внуков, С.Ю. 1999: Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. *ПИФК* VIII, 207–211.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э.* Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.
- Внуков, С.Ю. 2010: Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.), *ΣΙΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. I. М., 37–42.
- Высотская, Т.Н. 2004: Общее и особенное в культуре поздних скифов Крыма. В сб.: С.Г. Колтухов, С.Б. Ланцов, А.Е. Пуздровский (ред.), *У Понта Эвксинского (памяти П.Н. Шульца)*. Симферополь, 41–49.
- Гаврилюк, Н.А. 2013: Лепная керамика из башни поселения Кульчук в северо-западном Крыму. В сб.: В.В. Ключников (ред.), *Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова*. Ростов-на-Дону, 341–361.
- Гаврилюк, Н.А., Абикулова, М.И. 1991: *Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы)*. II. К.
- Голенко, К.В., Щеглов, А.Н. 1971: Три позднеэллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма. *ВДИ* 1, 41–47.
- Голенцов, А.С. 1994: Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993. В сб.: И.А. Баранов, В.А. Кутайсов, А.Г. Литвиненко, В.Л. Мыц (ред.), *Археологические исследования в Крыму. 1993 год*. Симферополь, 80–84.

- Граков, Б.Н. 1939: Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. *ВДИ* 3, 231–312.
- Дашевская, О.Д. 1971: Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий. *МИА* 177, 151–155.
- Дашевская, О.Д. 1990: Позднескифская фортификация и ее вариант на городище Беляус. В сб.: А.И. Мелюкова (ред.), *Проблемы скифо-сарматской археологии*. М., 143–158.
- Дашевская, О.Д. 1991: Поздние скифы в Крыму. *САИ* Д 1–7. М.
- Дашевская, О.Д., Голенцов, А.С. 2004: К 40-летию раскопок городища Беляус. В сб.: Т.Е. Приднева (ред.), *Археология Северо-Западного Крыма*. Симферополь, 26–41.
- Жебелев, С.А. 1953: *Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи*. М.–Л., 231–232.
- Зайцев, Ю.П. 2003: *Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.)*. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П. 2013: Неаполь Скифский – Ак-Кая – Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III–I вв. до н.э. В сб.: *Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.)*. СПб., 499–506.
- Зайцев, Ю.П. 2015: Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в Центральном Крыму (эпоха эллинизма и римский период). В сб.: Д.В. Журавлёв (ред.), *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова*. М., 164–173.
- Кац, В.И. 2007: *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. Симферополь–Керчь.
- Колтухов, С.Г. 2003: История исследований Крымской Скифии. *Stratum plus Старая Скифия* 3, 320–321.
- Кутайсов, В.А. 1990: *Античный город Керкинитида. VI–II вв. до н.э.* К.
- Кутайсов, В.А. 1992: *Керкинитида*. Симферополь.
- Кутайсов, В.А. 2003: Керкинитида и Херсонес в IV–II вв. до н.э. *ВДИ* 2, 60–90.
- Кутайсов, В.А. 2004: *Керкинитида в античную эпоху*. К.
- Кутайсов, В.А. 2012: История исследования античных памятников Северо-Западного Крыма. В сб.: З.И. Пысач (сост.) *Калос-Лимен: музей и заповедник*. Симферополь, 34–72.
- Кутайсов, В.А. 2013: Античный полис Керкинитида. *МАКК XIII*. Симферополь.
- Ланцов, С.Б. 2010: Результаты исследования Кульчукского городища (IV в. до н.э. – I в. н.э.) на хоре Херсонеса Таврического. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.), *СИМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. I*. М., 142–151.
- Ланцов, С.Б. 2012: Кульчукское городище. Краткий обзор исследований Донузлавской экспедиции КФ ИА НАНУ. В сб.: З.И. Пысач (сост.), *Калос-Лимен: музей и заповедник*. Симферополь, 73–89.
- Моисеев, Л.А. 1918: Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории. *ИТУАК* 54, 1918. С. 241–259.
- Попова, Е.А. 1991: Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории. В сб.: Ю.Л. Щапова, И.В. Яценко (отв. ред.), *Памятники железного века в окрестностях Евпатории*. М., 37–75.
- Попова, Е.А. 1998: О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам квартала Запад-II городища «Чайка»). В сб.: *Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина*. М., 182–195.
- Попова, Е.А. 1999: Позднескифские городища Северо-Западного Крыма и проблема истоков позднескифской культуры, 60 лет кафедре археологии МГУ им. Ломоносова. М., 153–155.

- Попова, Е.А. 2007: Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III–II в. до н.э. В сб.: В.Л. Янин, Ю.Л. Щапова (отв. ред.), *Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму*. М., 4–130.
- Попова, Е.А. 2009: Проблемы археологии и истории Северо-Западного Крыма в IV в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное). *Вестник Московского университета. Серия 8. История* 3, 102–128.
- Попова, Е.А. 2012: Городище «Чайка» позднеэллинистического времени и проблема истоков позднескифской культуры. *ПЛИФК* 2 (36), 3–17.
- Попова, Е.А., Пежемский, Д.В., Беловинцева, Н.И. 2015: Городище Чайка, некрополь и каменоломня античной эпохи на окраине Евпатории в Северо-Западном Крыму: итоги и перспективы исследования. *Исторические исследования* 3, 76–112.
- Пуздровский, А.Е. 1999: Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.). *ХС* X, 208–225.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство*. М.
- Смекалова, Т.Н. 2010: Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: каталог. *МАКК* II.
- Смекалова, Т.Н. 2013: Динамика системы расселения и иерархия поселений в северо-западном Крыму в позднем бронзовом и раннем железном веках. *МАКК* VIII, 2, 6–16.
- Смекалова, Т.Н., Столба, В.Ф. 2009: Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: предварительное сообщение. *МАКК* I.
- Смекалова, Т.Н., Чудин, А.В., Котин, М.А. 2013: Каталог поселений эпохи бронзы и раннего железного века и следы пахотных участков, открытых в ходе разведок в 2007–2012 г. *МАКК* VIII, 2, 194–215.
- Тункина, И.В. 2002: *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–середина XIX в.)*. СПб.
- Тюменев, А.И. 1950: Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население: скифы. *ВДИ* 2, 48–56.
- Уженцев, В.Б. 1994: Землянки из скифского горизонта Калос Лимена. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. К., 238–252.
- Уженцев, В.Б. 2006: *Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.): Материалы по археологии Крыма*. Симферополь.
- Храпунов, И.Н. 2004: Этническая история Крыма в раннем железном веке. *БИ* VI.
- Шульц, П.Н. 1941: Евпаторийский район. В сб.: М.И. Артамонов (ред.), *Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.* М.-Л., 265–277.
- Шульц, П.Н. 1971: Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. *МИА* 177, 127–143.
- Щеглов, А.Н. 1970: Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху. *КСИА* 124, 19–24.
- Щеглов, А.Н. 1978: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Л.
- Яценко, И.В. 1970: Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964–1967 гг.). *КСИА* 124, 31–38.
- Яценко, И.В. 1974: Археологические раскопки в предместье Евпатории. *ВИ* 4, 211–215.
- Яценко, И.В. 1983: Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974–1975 гг.). В сб.: Т.Н. Высотская (отв. ред.), *Население и культура Крыма в первые века н.э.* К., 46–66.
- Яценко, И.В., Турина, Т.Н. 1991: Здание III в. до н.э. на городище Чайка в Евпатории. В сб.: Ю.Л. Щапова, И.В. Яценко (отв. ред.), *Памятники железного века в окрестностях Евпатории*. М., 82–154.

- Vnukov, S.Yu. 2001: The North-Western Crimea: an historical-archaeological essay. *Colloquia Pontica* 6. 149–176.
- Vnukov, S.Yu. 2010: Sinopean Amphorae of the Roman Period. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 16, 361–370.

REFERENCES

- Bylkova, V.P. 2007: *Nizhnee Podneprov'e v antichnuu epohu (po materialam raskopok posele-niy)*. Kherson.
- Dashevskaya, O.D. 1971: Skify na severo-zapadnom poberezh'e Kryma v svete novykh otkrytiy. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* 177, 151–155.
- Dashevskaya, O.D. 1990: Pozdneskifskaya fortifikatsiya i ee variant na gorodishche Belyaus. In: A.I. Melyukova (red.), *Problemy skifo-sarmatskoy arheologii*. Moscow, 143–158.
- Dashevskaya, O.D. 1991: Pozdnie skify v Krymu. *Svod arheologicheskikh istochnikov* D 1–7. M.
- Dashevskaya, O.D., Golentsov, A.S. 2004: K 40-letiyu raskopok gorodishcha Belyaus. In: T.E. Pridneva (red.), *Arheologiya Severo-Zapadnogo Kryma*. Simferopol, 26–41.
- Gavrilyuk, N.A. 2013: Lepnaya keramika iz bashni poseleniya Kul'chuk v severo-zapadnom Krymu. In: V.V. Clyuchnikov (red.), *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchenny 65-letiyu professora V.P. Kopylova*. Rostov-na-Donu, 341–361.
- Gavrilyuk, N.A., Abikulova, M.I. 1991: *Pozdneskifskie pamiatniki Nizhnego Podneprov'ya (novye materialy)*. II. Kiev.
- Golenko, K.V., Shcheglov, A.N. 1971: Tri pozdneellinisticheskie tetradrakhmy iz Severo-Zapadnogo Kryma. *Vestnik drevney istorii* 1, 41–47.
- Golentsov, A.S. 1994: Okhrannye raskopki antichnogo Kul'chuk'skogo gorodishcha i mogil'nika v 1989–1993. In: I.A. Baranov, V.A. Kutaysov, A.G. Leetvinenko, V. L. Mytsc (red.), *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1993 god*. Simferopol, 80–84.
- Grakov, B.N. 1939: Materialy po istorii Skifii v grecheskikh nadpisiakh Balkanskogo poluostrova i Maloy Azii. *Vestnik drevney istorii* 3, 231–312.
- Kats, V.I. 2007: *Grecheskie keramicheskie cleyma epohi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya)*. Simferopol–Kerch'.
- Khrapunov, I.N. 2004: Etneycheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke. *Bosporskie issledovaniya* VI.
- Koltuhov, S.G. 2003: Istoriya issledovaniy Krymskoy Skifii. *Stratum plus. Staraya Skifiya* 3, 320–321.
- Kutaysov, V.A. 1990: *Antichnyy gorod Kerkinitida. VI–II vv. do n.e.* Kiev.
- Kutaysov, V.A. 1992: *Kerkinitida*. Simferopol.
- Kutaysov, V.A. 2003: Kerkinitida i Khersones v IV–II vv. do n.e. *Vestnik drevney istorii* 2, 60–90.
- Kutaysov, V.A. 2004: *Kerkinitida v antichnuyu epohu*. Kiev.
- Kutaysov, V.A. 2012: Istoriya issledovaniya antichnykh pamyatnyakov Severo-Zapadnogo Kryma. In: Z.I. Pysach (red.), *Kalos-Limen: muzey i zapovednik*. Simferopol, 34–72.
- Kutaysov, V.A. 2013: Antichnyy polis Kerkinitida. *Materialy k arheologicheskoy karte Kryma XIII*. Simferopol.
- Lantsov, S.B. 2012: Kul'chuk'skoe gorodishche. Kratkiy obzor issledovaniy Donuzlavskoy ekspeditsii KF IA NANU. In: Z.I. Pysach (red.), *Kalos-Limen: muzey i zapovednik*. Simferopol, 73–89.
- Lantsov, S.B. 2010: Rezul'taty issledovaniya Kulchuk'skogo gorodishcha (IV v. do n.e. – I v. n.e.) na hore Khersonesa Tavricheskogo. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavrilyuk, A.A. Zavoykin (red.), *SIMBOA. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nahodki i otkrytiya. 1*. Moscow, 142–151.

- Moiseev, L.A. 1918: Khersones Tavricheskiy i raskopki 1917 g. v Evpatorii. *ITUAK* 54, 241–259.
- Popova, E.A. 1991: Yugo-zapadnyy kvartal skifskogo poseleniya u sanatoriya Chaika bliz Evpatorii. In: Yu.L. Shchapova I.V. Yatsenko (red.), *Pamyatnyaki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii*. Moscow, 37–75.
- Popova, E.A. 1998: O Severo-Prichernomorskom domostroitel'stve I v. do n.e. – I v. n.e. (po materialam kvartala Zapad-II gorodishcha «Chaika»). In: *Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Avdusina*. Moscow, 182–195.
- Popova, E.A. 1999: Pozdneskifskie gorodishcha Severo-Zapadnogo Kryma i problema istokov pozdneskifskoy kul'tury. In: *60 let kafedre arkheologii MGU im. Lomonosova*. Moscow, 153–155.
- Popova, E.A. 2007: Grecheskoe poselenie na gorodishche «Chaika» vo vtoroy polovine III–II v. do n.e. In: Yu.L. Shchapova I.V. Yatsenko (red.), *Materialy issledovaniy gorodishcha «Chaika» v Severo-Zapadnom Krymu*. Moscow, 4–130.
- Popova, E.A. 2009: Problemy arkheologii i istorii Severo-Zapadnogo Kryma v IV v. do n.e. – I v. n.e. (po materialam gorodishcha «Chaika» i nekropolya u posyelka Zaozerno). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* 3, 102–128.
- Popova, E.A. 2012: Gorodishche «Chaika» pozdneellinisticheskogo vremeni i problema istokov pozdneskifskoy kul'tury. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 2 (36), 3–17.
- Popova, E.A., Pezhemskiy, D.V., Belovintseva, N.I. 2015: Gorodishche Chaika, nekropol' i kamenolomnya antichnoy epohi na okraine Evpatorii v Severo-Zapadnom Krymu: itogi i perspektivy issledovaniya. *Istoricheskie issledovaniya* 3, 76–112.
- Puzdrovskiy, A.E. 1999: Etneycheskaya istoriya Krymskoj Skifii (II v. do n.e. – III v. n.e.). *KHS* X, 208–225.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'ny'e pamyatniki*. Simferopol.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo*. M.
- Shcheglov, A.N. 1970: Poseleniya Severo-Zapadnogo Kryma v antichnuyu epohu. *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii* 124, 19–24.
- Shcheglov, A.N. 1978: *Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epohu*. L.
- Shul'ts, P.N. 1941: Evpatoriyskiy rayon. In: M.I. Artamonov (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR 1934–1936 gg.* M.-L., 265–277.
- Shul'ts, P.N. 1971: Pozdneskifskaya kul'tura i ee varianty na Dnepre i v Krymu. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* 177, 127–143.
- Smekalova, T.N. 2010: Pamyatnyaki epohi bronzy i rannego zheleznogo veka na poluostrove Tarhankut: katalog. *Materialy k arheologicheskoy karte Kryma* II.
- Smekalova, T.N. 2013: Dinamika sistem' rasseleniya i ierarhiya poseleniy v severo-zapadnom Krymu v pozdnem bronzovom i rannem zheleznom vekakh. *Materialy k arheologicheskoy karte Kryma* VIII, 2. 6–16.
- Smekalova, T.N., Chudin, A.V., Kotin, M.A. 2013: Katalog poseleniy epohi bronzy i rannego zheleznogo veka i sledy pahotnykh uchastkov, otkrytykh v khode razvedok v 2007–2012 g. *Materialy k arheologicheskoy karte Kryma* VIII, 2. 194–215.
- Smekalova, T.N., Stolba, V.F. 2009: *Pamyatniki epohi bronzy i rannego zheleznogo veka na poluostrove Tarhankut: predvaritel'noe soobshchenie. Materialy k arheologicheskoy karte Kryma* I.
- Tyumenev, A.I. 1950: Khersonesskie etyudy. IV. Khersones i mestnoe naselenie: skify. *Vestnik drevney istorii* 2, 48–56.
- Tunkina, I.V. 2002: *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII–seredina XIX v.)*. Saint-Petersburg.
- Uzhentsev, V.B. 1994: Zemlyanki iz skifskogo gorizonta Kalos Limena. In: V.A. Kutaysov (red.), *Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epohu*. Kiev, 238–252.

- Uzhentsev, V.B. 2006: *Elliny i varvar` Prekrasnoy Gavani (Kalos Limen v IV v. do n.e. – II v. n.e.): Materialy po arkheologii Kryma*. Simferopol.
- Vinogradov, Yu.G. 1987: Votivnaya nadpis` docheri tsarya Skilura iz Pantikapeya i problemy istorii Skifii i Bospora vo II v. do n. e. *Vestnik drevney istorii* 1, 55–87.
- Vlasov, V.P. 1999: *Etnokul`turni procesy v Krimu u III st. do n.e. - IV st.n.e.*: avtoreferat disertacii` na zdobuttja naukovogo stupenja kandidata istorichnyh nauk. Kiev.
- Vnukov, S.Yu. 1997: Novye dannye ob istorii Severo-Zapadnogo Kryma (po rezul`tatam raskopok poslednikh let). *Krymskya arkheologiya* 2. Simferopol, 37–47.
- Vnukov, S.Yu. 1999: Raskopki gorodishcha i nekropolya Kara-Tobe u g. Saki v 1998 g. *Problemy istorii, filologii, kul`tury* VIII, 207–211.
- Vnukov, S.Yu. 2001: The North-Western Crimea: an historical-archaeological essay. *Colloquia Pontica* 6, 149–176.
- Vnukov, S.Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Chast` II: Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli*. Saint-Petersburg.
- Vnukov, S.Yu. 2010: Novye issledovaniya i nahodki na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavriluk, A.A. Zavoykin (red.), *ΣΙΜΒΟΛΑ. Antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya. 1*. Moscow, 37–42.
- Vnukov, S.Yu. 2010: Sinopean Amphorae of the Roman Period. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 16, 361–370.
- Vysotskaya, T.N. 2004: Obshchee i osobennoe v kul`ture pozdnikh skifov Kryma. In: S.G. Koltuhov, S.B. Lantsov, A.E. Puzdrovskiy (red.), *U Ponta Evksinskogo (pamyati P.N. Shul'tsa)*. Simferopol, 41–49.
- Yatsenko, I.V. 1970: Issledovanie sooruzheniy skifskogo perioda na gorodishche Chaika v Evpatorii (1964–1967 gg.). *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii* 124, 31–38.
- Yatsenko, I.V. 1974: Arkheologicheskie raskopki v predmest'e Evpatorii VI. 4, 211–215.
- Yatsenko, I.V. 1983: Severnyy kvartal I skifskogo poseleniya na Chaikinskom gorodishche v Evpatorii (po materialam raskopok 1974–1975 gg.). In: T.N. Vysotskaya (red.), *Naselenie i kul`tura Kryma v pervye veka n.e.* Kiev, 46–66.
- Yatsenko, I.V., Turina T.N. 1991: Zdanie III v. do n.e. na gorodishche Chaika v Evpatorii. In: Yu.L. Shchapova I.V. Yatsenko (red.), *Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii*. Moscow, 82–154.
- Zaytsev, Yu.P. 2003: *Neapol` Skifskiy (II v. do n. e. – III v. n. e.)*. Simferopol.
- Zaytsev, Yu.P. 2013: Neapol` Skifskiy – Ak-Kaya – Pantikapey: varvary Kryma i Bospor v III–I vv. do n.e. In: *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Saint-Petersburg, 19–22 noyabrya 2013 g.)*. Saint-Petersburg, 499–506.
- Zaytsev, Yu.P. 2015: Oboronitel'nye sooruzheniya kreposti Ak-Kaya v Central'nom Krymu (epoha ellinizma i rimskiy period). In: D.V. Zhuravlyev (red.), *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiyu V.P. Tolstikova*. Moscow, 164–173.
- Zhebelev, S.A. 1953: *Severnoe Prichernomor'e. Issledovaniya i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoy epohi*. Moscow–Leningrad, 231–232.

THE APPEARANCE OF THE LATE SCYTHIAN SETTLEMENTS IN THE
NORTH-WESTERN CRIMEA: THE PROBLEM OF DATING AND ATTRIBUTION

Egor E. Antonov

Institute of Archeology RAS, Russia,
antonov.yegor@gmail.com

Abstract. The article deals with the question of settle of the Late Scythian population in the North-Western Crimea. The problem is considered on the base of materials from the longstanding excavations of four settlements: Kalos Limen, Belyaus, Kerkinitis and «Chayka». The article is focused on three aspects: the time of arrival of the Late Scythians, the ethnic attribution of the discovered constructions and layers of the second century BC and the hypothesis of the origin of the population, which occupied the region in that period. Overview of the ideas about the date of the settle of the Late Scythians shows wide range of views. According to opinions of the different scholars, the Scythians occupied Belyaus in the early second century BC, Kalos Limen – at the middle, Kerkinitis – at the third quarter, and «Chaika» – at the end of the same century. Such dispersion of the dates and geography is difficult to accept unconditionally. In some cases these dates are based on the old chronological schemes. In other cases the problem may lie in the cultural attribution of the constructions and layers. Some researchers consider the remains of the second century BC as «early Scythian» and others regard them as «late Greek». The analysis of publications shows, that only pit-houses of a particular type and some features of building technology can be considered as markers of Late Scythian presence. Hand-made pottery, which could become an important indicator, is not published yet. Overview of the publications demonstrates a wide range of opinions on where the Late Scythians came from. In the most cases, these opinions are based on the similarities of the particular characteristics of the Late Scythian culture. However, these characteristics are considered without attention to chronology. One of the ways to solve described problems is the special research of the Late Scythian housebuilding.

Key words: later Scythian, North- Western Crimea, Crimean Scythia

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 196–212
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 196–212
© Автор(ы) 2016

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СЕРЕДИНЫ I в. н.э. ИЗ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

А.А. Труфанов*, В.И. Мордвинцева**

* *Институт археологии Крыма РАН, Симферополь,*
trufanov.29@gmail.com

** *Институт археологии Крыма РАН, Симферополь,*
v_mordvintseva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена публикации погребения в подбойной могиле середины I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя. Комплекс входит в группу захоронений варварской элиты, сопровождающихся золотыми венками и лицевыми пластинами. Практически все эти погребения совершены в грунтовых склепах, поблизости от дороги, ведущей по направлению к городищу, и отличаются необычайной пышностью погребального инвентаря, что позволяет отнести погребенных в них лиц к высшей социальной элите, возможно, надлокального уровня. Употребление нехарактерной формы погребального сооружения (подбойная могила) и относительная немногочисленность погребального инвентаря при наличии знаков высокого социального статуса свидетельствуют об особом прижизненном статусе погребенного в могиле № 1074.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, позднескифская культура Крыма, социальная элита, погребальные обряды

Усть-Альминский некрополь расположен на побережье Юго-Западного Крыма, в устье реки Альма, рядом с одноименным позднескифским городищем. Изучение памятника продолжается несколько десятилетий, и за это время здесь раскопано более тысячи погребальных сооружений I в. до н. э. – середины III в. н. э.¹

В 2015 г. в центральной части некрополя, в непосредственной близости от северного края древней дороги, проходившей через некрополь от городских ворот в юго-восточном направлении, исследована подбойная могила № 1074 (рис. 1). Погребальное сооружение обнаружено при выборке грунта из ямы, принятой вначале за древний грабительский шурф. Заполнение этой ямы состояло из относительно рыхлого грунта, перемешанного с галькой, в котором найдены обломки

Труфанов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Раннего железного века Института археологии Крыма РАН. E-mail: trufanov.29@gmail.com

Мордвинцева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, зав. Отделом археологии Раннего железного века Института археологии Крыма РАН. E-mail: v_mordvintseva@mail.ru

Статья подготовлена в рамках выполнения прикладной плановой темы «Археологические памятники варварского населения Крыма в III в. до н.э. – VI в. н.э.» (1005-2015-0003), утвержденной государственным заданием отделу археологии раннего железного века ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» на 2016 г.

¹ Высотская 1994; Пуздровский 2007; Puzdrovskij 2013.

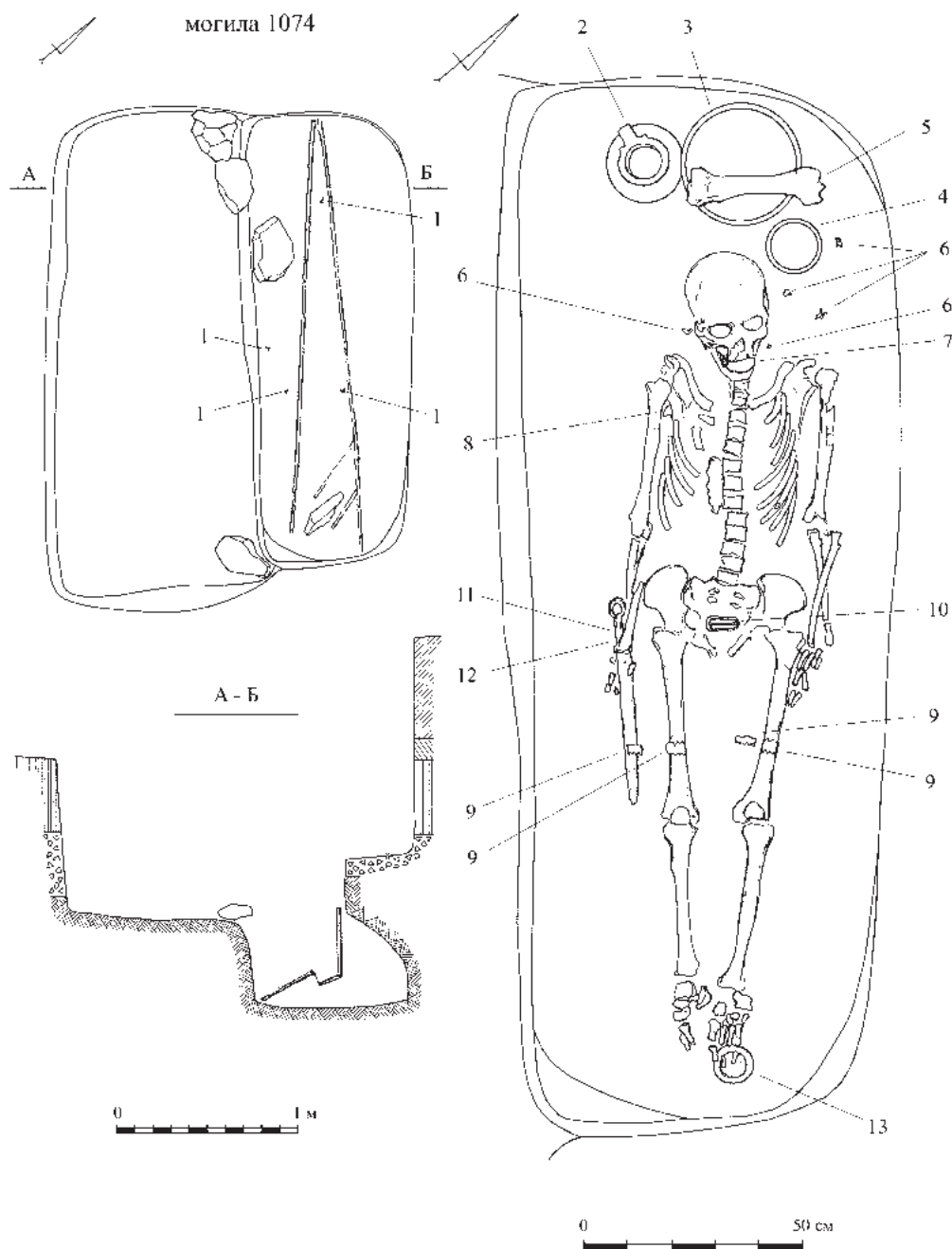

Рис. 1. Могила 1074. План, разрез, план погребения.

1 – гвозди, 2 – кувшин, 3 – тарелка, 4 – чашка, 5 – кость животного, 6 – трилистники от венка, 7 – нагубник, 8 – наглазники, 9 – фрагменты лент, 10 – пряжка, 11 – нож, 12 – меч, 13 – лепной сосуд

керамических сосудов², в том числе фрагменты широкогорлых светлоглиняных амфор с двустольными ручками (рис. 2, 1–4), фрагмент ручки узкогорлой светлоглиняной амфоры (рис. 2, 5), обломки красноглиняных амфор (рис. 2, 6, 7) и краснолакового канфара (рис. 2, 8).

После удаления рыхлого грунта из ямы стало ясно, что она выкопана в более плотном заполнении другой, еще большей ямы, имеющей прямоугольные очертания, являющейся входной ямой подбойной могилы.

Входная яма размерами 1,05–1,18х2,62–2,75 м, глубиной 1,56–1,60 м от современной поверхности, ориентирована по оси ЮВ–СЗ. Ее размеры несколько превышают средние параметры входных ям подбойных могил, известных на территории Усть-Альминского некрополя.

Камера подбоя, размерами 2,26 х 0,76–0,85 м, расположена к северо-востоку от входной ямы и вырублена в плотном мергелистом грунте. Спуск в подбой оформлен в виде ступени высотой 0,48–0,50 м. Каменный заклад, который должен отгораживать подбой от входной ямы, отсутствовал. Однако по ряду признаков можно определить, что изначально он имелся, но впоследствии был разрушен, а составлявшие его каменные плиты удалены из входной ямы. Так, на дне ямы обнаружено несколько небольших обломков песчаника, оставшихся от разрушенной конструкции заклада. Такие обломки, в том числе поставленные вертикально, с упором на стенки входной ямы, сохранились по краям линии, отделяющей подбой от входной ямы, еще два найдено в верхней части заполнения камеры подбоя. Кроме того, на грунте, заполняющем камеру, за скоплением камней в северном углу входной ямы сохранился отпечаток поверхности большой плоской плиты, относившейся к конструкции заклада, но отсутствующей в могиле. Данный отпечаток имел белесый цвет и производил впечатление заизвесткованного грунта.

Обнаруженных в яме камней, учитывая их небольшие размеры, явно недостаточно для того, чтобы закрывать подбойную камеру. Дальнейшие исследования показали, что погребение в могиле № 1074 не было разграблено, поэтому отсутствие целостного каменного заклада нельзя объяснить его разрушением в процессе ограбления. Иными словами, разборка заклада и удаление составлявших его больших каменных плит не были мотивированы намерением ограбить могилу, а являлись следствием каких-то иных причин.

В верхней части заполнения подбойной камеры удалось проследить белесые отпечатки длинных досок, среди которых найдены фрагменты не менее четырех железных гвоздей (рис. 1, 1; рис. 3, 7). Судя по этим отпечаткам, две доски размещались горизонтально, с небольшим уклоном по направлению к входной яме, третья была поставлена на ребро, отгораживая северо-восточную часть камеры подбоя.

На дне подбоя располагалось захоронение взрослого человека, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Экспертиза костных остатков³, обнаруженных в могиле № 1074, позволила установить следующее.

² Всего в заполнении ямы найдено 23 фрагмента керамики. Из них широкогорлые светлоглиняные амфоры: венчик – 1 экз., ручки – 3 экз., стенки – 2 экз.; узкогорлые светлоглиняные амфоры: ручка – 1, стенки – 5; красноглиняные амфоры: ручки – 2, стенка – 1; гончарные столовые сосуды: стенки – 6; краснолаковые сосуды: ручка – 1, стенка – 1.

³ Экспертиза проведена А.А. Казарницким, к.и.н., м.н.с. отдела антропологии Музея антропологии и этнографии РАН, доцентом кафедры этнографии и антропологии Института Истории СПбГУ, которому авторы выражают глубокую признательность.

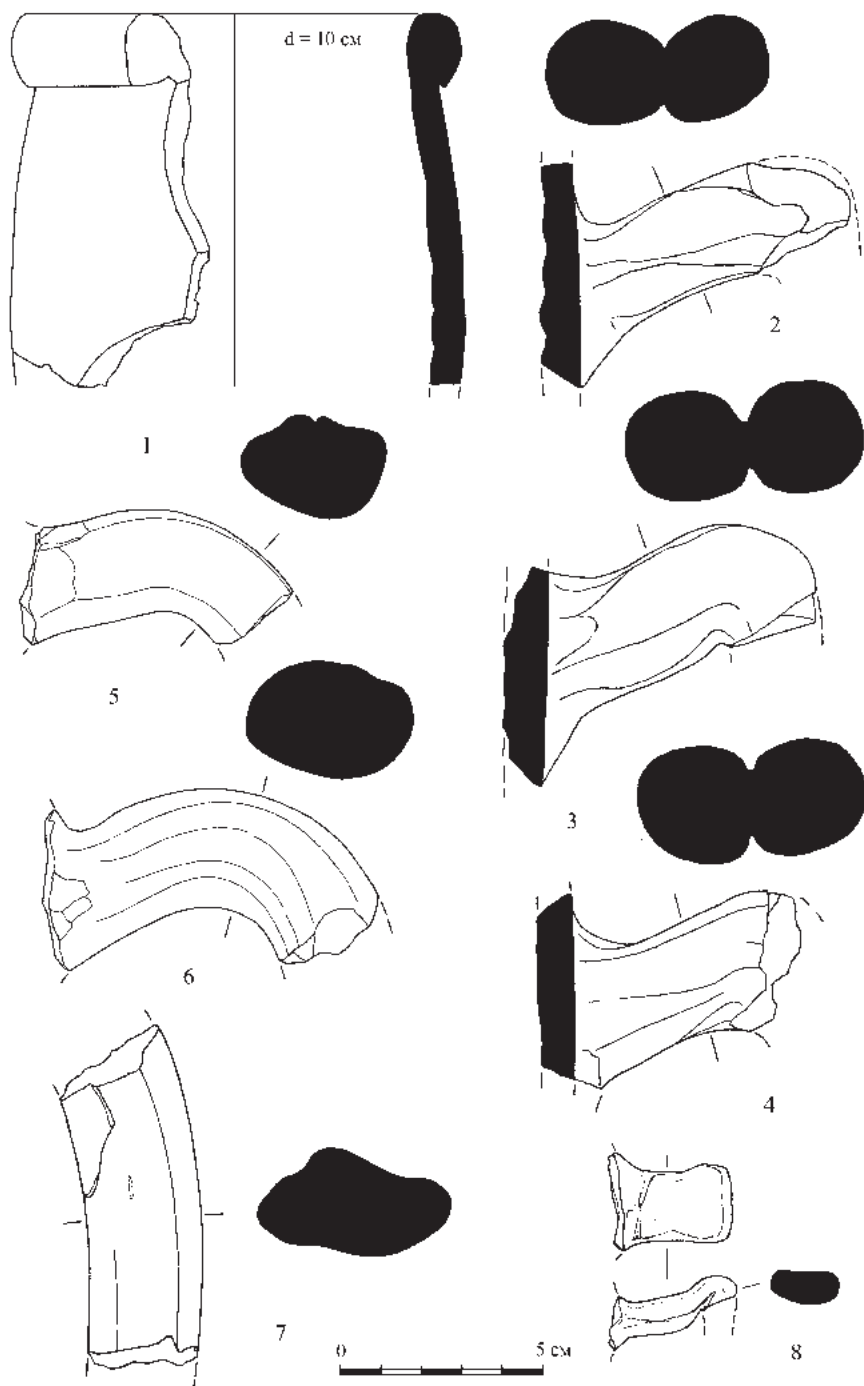

Рис. 2. Могила 1074. Фрагменты керамики из заполнения ямы, выкопанной во входной яме: 1–4 – широкогорлые светлоглиняные амфоры, 5 – узкогорлая светлоглиняная амфора, 6, 7 – красноглиняные амфоры, 8 – краснолаковый канфар

Состояние суставных поверхностей длинных костей, жевательной поверхности зубов и степень облитерации черепных швов соответствуют возрастной категории 25–35 лет. Морфология тазовых костей, рельеф черепа и общие размеры скелета свидетельствуют о мужской половой принадлежности погребенного. Отмечены следы нескольких прижизненных травм со следами застарелости: перелом дистальной трети левой ключицы; поверхностный дефект костной ткани левой половины чешуи лобной кости в виде черты длиной около 30 мм (вероятно, след от рублевой раны); горизонтальное углубление на правой скуловой кости возле лобно-скулового шва; следы прижизненных повреждений ребер левой половины грудной клетки (сквозное отверстие в одном ребре – результат зажившей колотой раны). Краниометрические признаки: 1. Продольный диаметр 183 мм; 8. Поперечный диаметр 139 мм; 11. Ширина основания черепа 129 мм; 9. Наименьшая ширина лба 99 мм; 45. Скуловой диаметр 128 мм; 48. Верхняя высота лица 72 мм; 55. Высота носа 52 мм; 54. Ширина носа 26 мм; 46. Средняя ширина лица 97 мм; 43. Верхняя ширина лица 108 мм; 51. Ширина орбиты 39 мм; 52. Высота орбиты 31 мм; 75(1). Угол выступания носа 35,5°.

На черепе и вокруг него найдены остатки погребального венка в виде золотых трилистников (рис. 1, 6; рис. 5, 1). Большинство из них находилось в сильно деформированном, скомканном состоянии, некоторые – довольно далеко от черепа. Всего найдено семь таких трилистников (размеры: 4,4–4,6 x 2,9–3,3 см).

Поверх зубов лежал нагубник в виде овальной золотой пластины (размеры: 8,1 x 2,8 см) (рис. 1, 7; рис. 5, 2). У правой ключицы под лопаткой найдены два золотых наглазника полукруглой формы (размеры: 4,1 x 2,4 см и 4,1 x 2,3 см) с рельефным изображением глаз, сложенные вместе, один поверх другого (рис. 1, 8; рис. 5, 3).

За черепом у северо-западной стенки погребальной камеры стояла краснолаковая посуда: тарелка с лежащей внутри нее крупной костью животного, кувшин и чашка.

Краснолаковый одноручный кувшин с широким горлом и округлым приземистым туловом, с конусовидными выступами на венчике по бокам от верхнего прилепа ручки (рис. 1, 2; рис. 3, 4). Диаметр венчика 8,8 см, высота 17,0 см, диаметр поддона 7,4 см.

Краснолаковая усеченно-коническая тарелка с плавно загнутым, почти вертикальным венчиком (рис. 1, 3; рис. 3, 3). Диаметр венчика 23,2 см, высота 7,0 см, диаметр поддона 6,4 см.

Краснолаковая полусферическая чашка (рис. 1, 4; рис. 3, 1). Диаметр венчика 10,1 см, высота 5,0 см, диаметр поддона 4,5 см.

Глина всех трех сосудов красно-оранжевая, относительно плотная, с примесью бурых частиц и пустотами. Лаковое покрытие невысокого качества, матовое, бурого цвета, местами более светлого оранжевого оттенка, неплотное, неравномерное. Нижняя часть оставлена без покрытия. Сосуды сформованы довольно небрежно, с более или менее выраженным отклонением от вертикальной оси, на поверхности видны неровности, образовавшиеся при вращении на гончарном круге.

У ног погребенного, рядом со ступнями, находился маленький толстостенный лепной сосуд, выполнявший роль курильницы (рис. 1, 13; рис. 3, 2). Диаметр венчика 5,5 см, высота 4,6 см, диаметр дна 2,6 см.

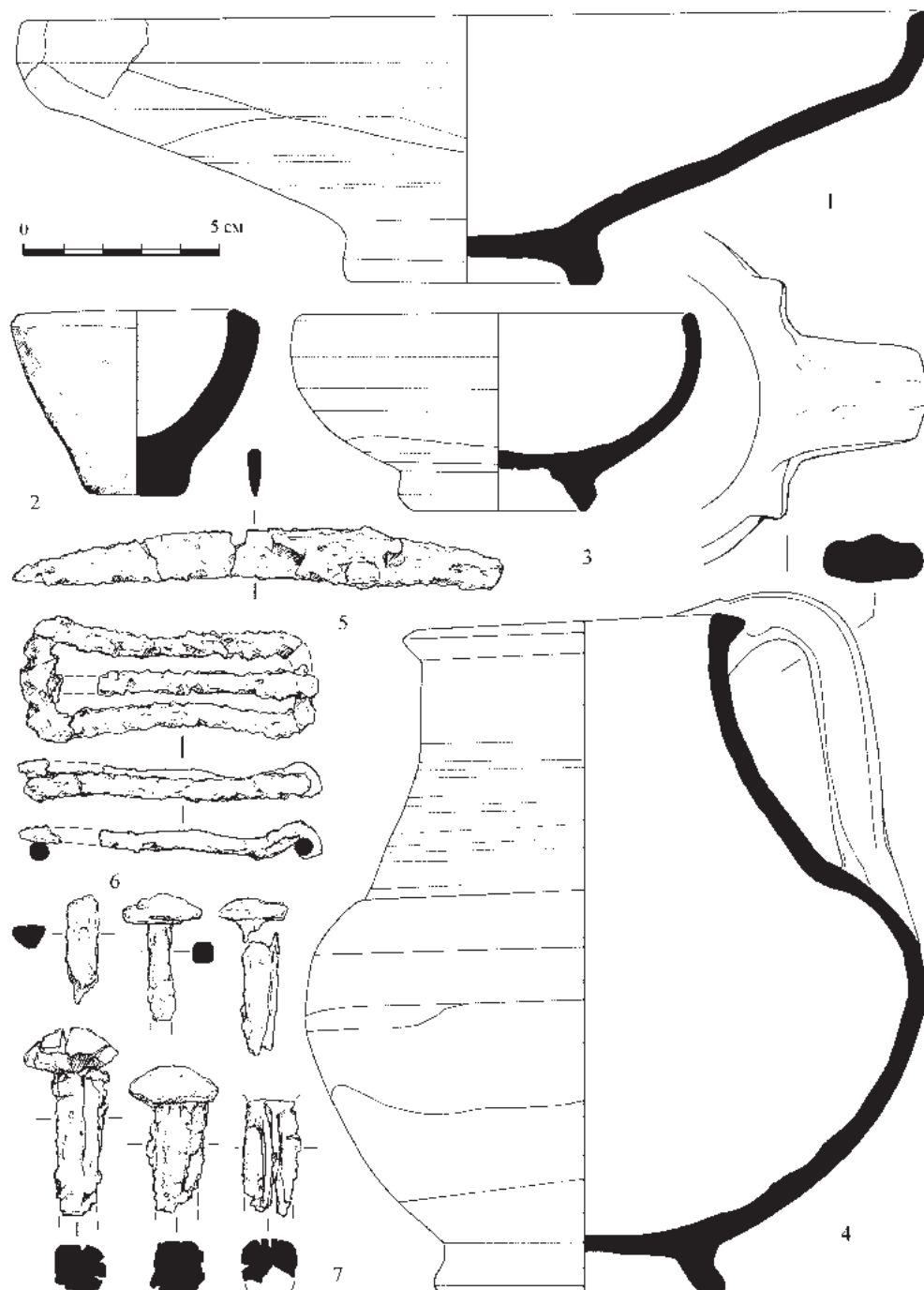

Рис. 3. Могила 1074. Находки: 1 – краснолаковая тарелка, 2 – лепной сосуд, 3 – краснолаковая чашка, 4 – краснолаковый кувшин, 5 – нож, 6 – пряжка, 7 – фрагменты гвоздей (1–4 – глина, 5–7 – железо)

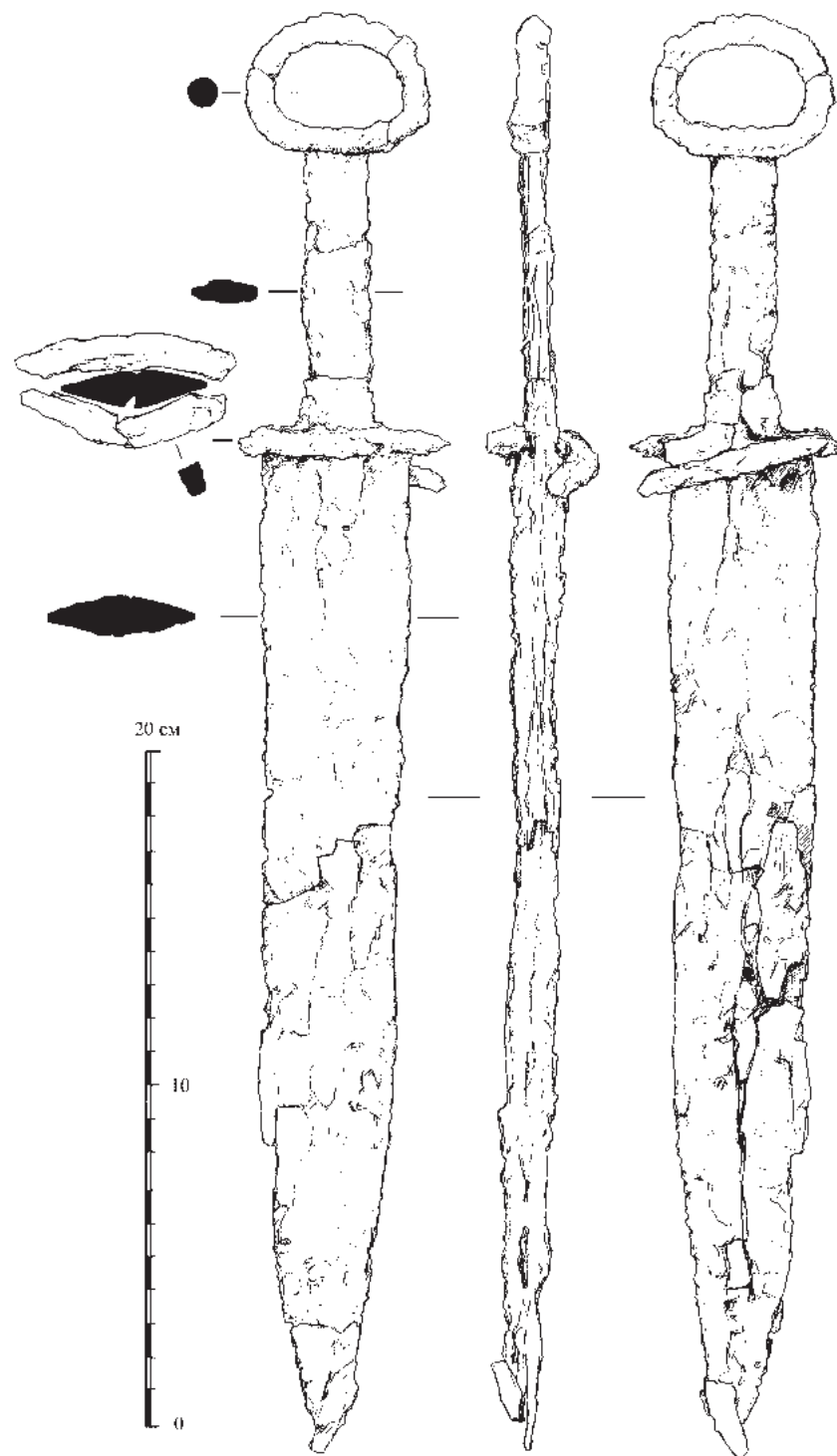

Рис. 4. Могила 1074. Железный меч

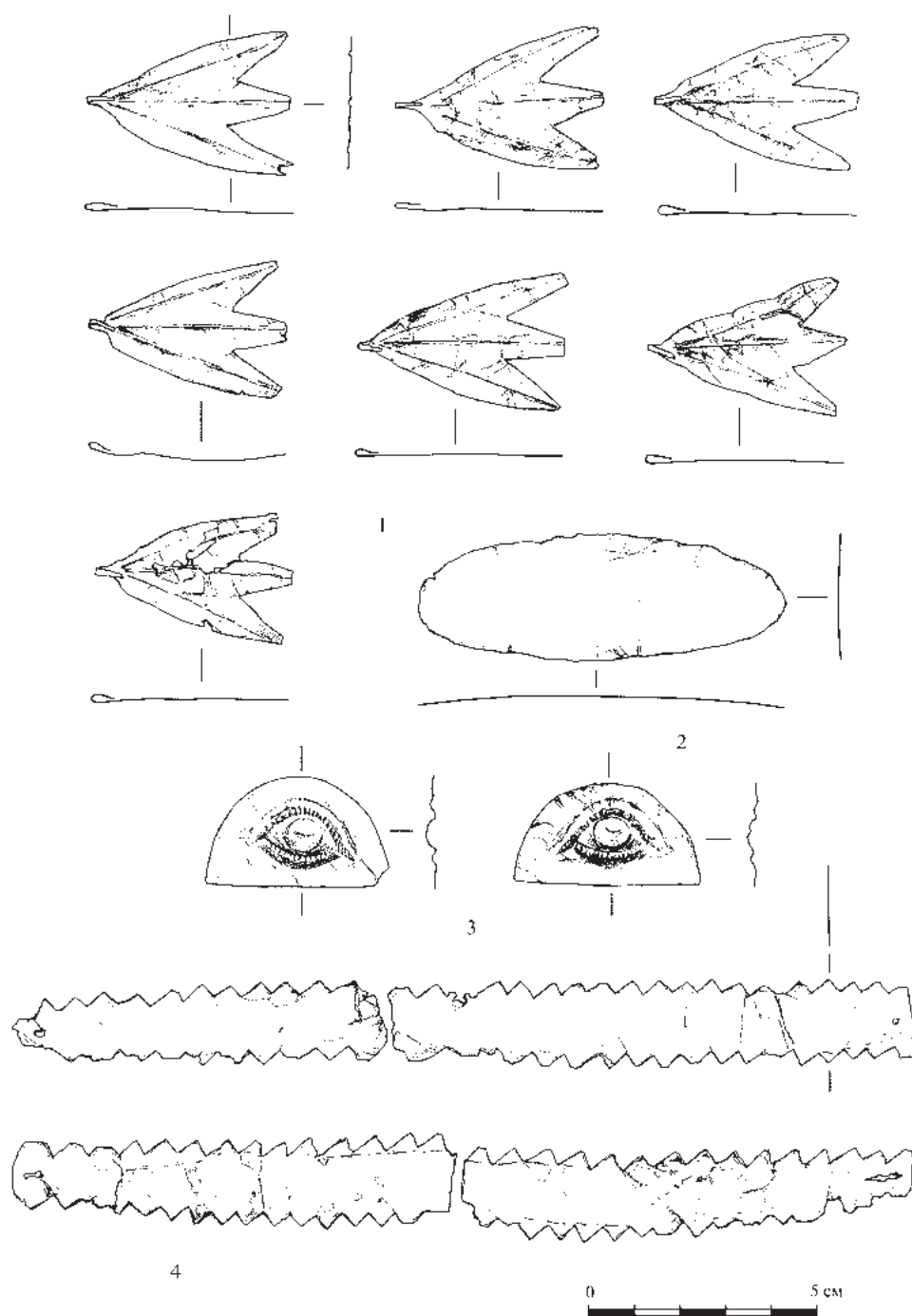

Рис. 5. Могила 1074.

Золотые изделия: 1 – трилистники от венка, 2 – нагубник, 3 – наглазники, 4 – ленты с зубренными краями

Среди тазовых костей находилась железная поясная пряжка (рис. 1, 10; рис. 3, 6) с длинной, почти прямоугольной рамкой, сужающейся посередине, и подвижным язычком (длина рамки 7,6 см, наибольшая ширина 3,2 см).

Вдоль правой бедренной кости погребенного, под костями кисти правой руки, лежал железный меч с перекрестием и кольцевым навершием (общая длина 42,7 см, длина лезвия 29,5 см, наибольшая ширина 4,4 см) (рис. 1, 12; рис. 4). Рядом с его рукоятью располагался железный нож (длина 12,5 см) (рис. 1, 11; рис. 3, 5).

Поперек лезвия меча, на бедренных костях и между этими костями обнаружены четыре фрагмента лент с зубчатыми краями, изготовленных из тонкой золотой фольги, располагавшиеся в линию (рис. 1, 9; рис. 5, 4). Длина фрагментов 8,3 см, 11,6 см, 8,8 см и 9,9 см при ширине 1,8–1,9 см. Принимая во внимание форму этих фрагментов, наличие одного маленького сквозного отверстия на краю каждого из них, а также неровности, заметные на краях и похожие на следы разрывов, можно предположить, что первоначально полос было две и, возможно, они были укреплены на одежде или на ремне. Впоследствии по неизвестной причине каждая из двух пластинчатых лент была разорвана на две части. Примечательным является то, что полоски из золотой фольги плотно прилегали к бедренным костям, облекая их, лежали ровно, оборачиваясь вокруг кости. Невозможно вообразить, чтобы это произошло естественным образом, в процессе разложения одежды и самого тела. Напротив, создается впечатление, что обе бедренные кости были намеренно обернуты золотыми полосками и это произошло тогда, когда сами эти кости уже были обнажены.

Наблюдения, сделанные во время полевых исследований, позволяют сделать вывод о том, что в случае с могилой № 1074 спустя некоторое время после совершения погребения и засыпки входной ямы, видимо, были проведены постпогребальные обряды⁴. Для этой цели был выкопан шурф в юго-восточной части входной ямы, каменные плиты заклада разобраны и изъяты, совершено повторное вскрытие могилы. После проникновения в камеру бедренные кости ног погребенного, очищенные от мягких тканей в процессе разложения трупа, были обернуты двумя фрагментами золотой пластины, перед этим, очевидно, являвшейся частью погребального костюма. Третий фрагмент пластины поместили посередине между бедренными костями, четвертый положили поперек лезвия меча. Целостность погребального венка была также повреждена, некоторые из составлявших его листиков были смяты. После этого костяк был прикрыт тремя досками, в которых находилось несколько гвоздей. Возможно, эти доски составляли крышку гроба, снятую для проведения обрядовых действий, хотя следов древесного тлена, свидетельствующих о наличии такого гроба, на уровне залегания костяка не замечено. Затем выкопанную яму засыпали перемешанным грунтом с фрагментами битой посуды, возможно, от тризны.

Датировка комплекса

Большинство вещей из могилы № 1074 слабо информативны в хронологическом отношении.

Кувшин, миска и чашка не имеют полных аналогий по своей форме как в Усть-Альминском некрополе, так и в других могильниках Юго-Западного Крыма. По качеству керамического теста и лакового покрытия, высоте поддона они отно-

⁴ Флеров 2007, 121; 1993, 58.

Рис. 6. Могила 1074.
Деталь погребения

Рис. 7. Могила 1074. Деталь погребения

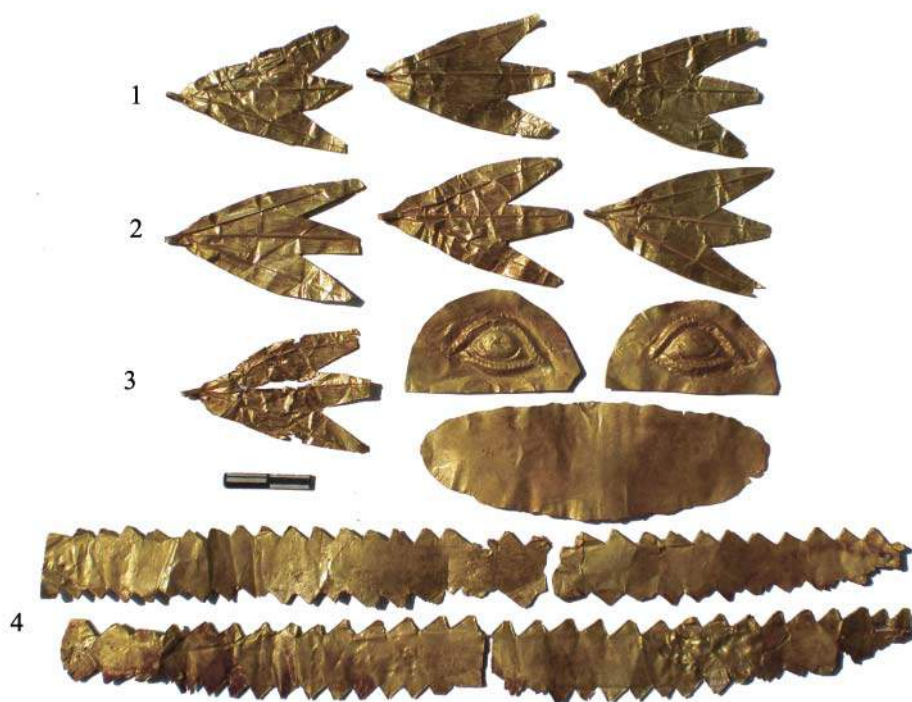

Рис. 8. Могила 1074. Золотые изделия
1 – трилистники от венка, 2 – нагубник, 3 – наглазники,
4 – ленты с зазубренными краями

сятся к группе Понтийской сигилляты А⁵. Чашка относится к форме 14.1⁶. Миска по большей части признаков близка форме 17.1.1⁷, хотя форма бортика отличает ее от других экземпляров этой группы. Наиболее необычен по своей форме кувшин, особенно способ крепления верхней части его ручки к венчику сосуда, что сближает его с кружками и канфарами. По форме тулова и горла кувшин можно отнести к форме 2.1⁸. В целом, все эти формы датируются Д.В. Журавлевым в широких пределах I – первой половины II вв. н.э., но посуда с нестандартными формальными признаками, по наблюдению А.А. Труфанова, имеет, как правило, более раннюю дату.

Лепные курильницы, как и любые лепные сосуды, сильно вариативны. Курильница из могилы № 1074 относится к типу мисочек усеченно-конусовидной формы⁹, которые встречаются в могилах Крыма I в. до н.э. – первых веков н.э.

Короткие мечи с кольцевым навершием обнаружены в комплексах варварской элиты Крыма с I в. до н.э. (погребение 20 ящика XXIV Мавзолея Неаполя скифского¹⁰) до II в.н.э.¹¹, причем наибольшее число экземпляров происходит из Усть-Альминского могильника.

Лицевые пластины в комплекте из пластинчатых золотых наглазников и нагубника известны в погребальных комплексах варварской элиты Центрального, Юго-Западного Крыма и Нижнего Поднепровья II–I в. до н.э.¹² В I–II вв. н.э. находки лицевых пластин в той же и расширенной комплектации, которая включает нагрудники и наушники, концентрируются в погребениях элиты некрополей некоторых античных городов Боспора (например, Горгииппии¹³), Ольвии¹⁴, Херсонеса¹⁵, а также ближайшей к Херсонесу варварской периферии (Чернореченский, Усть-Альминский могильники). Такие комплекты известны также в погребальных комплексах греко-римской культуры первых веков н.э. в Сирии (Дура-Европос)¹⁶ и Румынии¹⁷.

Все перечисленные находки имеют индивидуальные формальные особенности. Как правило, они имеют овальную форму, довольно часто украшены рельефным орнаментом в виде линий, точек, изображений зрачка на наглазниках и линий губ на нагубниках и – реже – прорезями. В некоторых случаях наглазники изготовлены из одной металлической пластины с перемычкой для переносицы. Каких-либо закономерностей, которые могли бы выступать датирующими признаками, не выявлено, хотя «натуралистичное» изображение глаз с детализировкой зрачка и ресниц отмечено только на экземплярах римского времени.

⁵ Журавлев 2010, 40, 66.

⁶ Журавлев 2010, 54, 219, табл. 23.

⁷ Журавлев 2010, 55, 220, табл. 24.

⁸ Журавлев 2010, 74–75, 235–238, табл. 39–42.

⁹ Высотская 1994, 84, рис. 4, 7, рис. 14, 30; Пуздровский 2007, 311, рис. 38, 1; 355, рис. 81, 5–6, 8–9.

¹⁰ Пуздровский 2007, рис. 25, II.1.

¹¹ Пуздровский 2007, рис. 86, 1–3, рис. 87, 1–3, 5, рис. 88, 1–4; Волошинов, Масакин 2007, рис. 3, 11, рис. 6, 2.

¹² Погребова 1956; Зайцев 2004.

¹³ Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко 2010, кат. 1–3, 8–9; Новичихин, Галут 2015, 42, 56.

¹⁴ Пяташева 1956, 36.

¹⁵ Пяташева 1956, 29–30, табл. V.

¹⁶ Rostovtzeff 1946, Taf. XXXIV, Tomb 6 – III; Taf. XXXVII, Tomb 6 – XV; Taf. XLI, Tomb 13; Taf. XLV, Tomb 24 – XIV, XIX; Taf. XLVII, Tomb 24 – XIV; Taf. XLVIII, Tomb 28; Taf. XIX, Tomb 32.

¹⁷ Slej, Sörling, Popovici 2004, 196–197 № 155–158.

Две находки лицевых пластин (только наглазники, без нагубника) происходят из Прикубанья. Они отличаются по форме и орнаментации от крымских и поднепровских экземпляров. Во впускном погребении кургана «Острый» наглазник изготовлен в виде двух дисков, вырезанных из тонкой пластины со штампованным изображением лежащего оленя с подогнутыми ногами, окруженного ободком-«веревочкой»¹⁸. По стеклянному канфару типа Ша.3¹⁹ могила датируется 1 половиной I в.н.э. Аналогичный наглазник обнаружен в погребении 1 кургана 15 у станицы Батуриная²⁰, которое не может быть узко датировано ввиду отсутствия в могиле хронологически информативных предметов.

Золотые венки и их детали находят в погребениях греческих и римских некрополей, начиная с классического периода до конца римского времени²¹. Венки надевали на умершего во время обряда *prothesis*, но снимались перед кремацией и затем помещались в урну вместе с кремированными остатками. Обнаруженные в могиле № 1074 листья венка изображают листья сельдерея (*Apium graveolens* L.) стандартного типа – в виде трилистника с прямыми сторонами, с прямыми линиями, идущими от кончиков листа к его основанию. Они либо пришивались, либо наклеивались на основу из материи, кожи или дерева. Такие стилизованные листья венка чаще всего встречаются в погребениях первых веков н.э.

Наиболее узко датирующей находкой в составе вещей из могилы № 1074, является пряжка первой половины – середины I в. н. э. (рис. 3, 6). В Крыму пряжки подобной формы известны по находкам из комплексов, датирующихся в пределах первой половины – середины I в. н. э., иногда попадая в погребения третьей четверти I в. н. э.²² Несколько таких застёжек, порой имеющих более скругленную переднюю часть, найдено в погребениях Кольчугинского²³, Кульчукского²⁴ и Усть-Альминского²⁵ некрополей.

Таким образом, погребение в могиле № 1074 можно датировать приблизительно серединой I в.н.э. О времени осуществления повторного вскрытия могилы свидетельствуют фрагменты керамики, обнаруженные в заполнении шурфа.

Так, в засыпь ямы, вырытой для проведения постпогребального обряда, попали обломки широкогорлых амфор с двустовальными ручками (тип С-I по С.Ю. Внукову). Такие амфоры С.Ю. Внуков разделил на ранний и поздний варианты. Судя по довольно резкому перегибу ручек (рис. 2, 2–4), эти обломки скорее всего относятся к позднему варианту сосудов (С-Iб), датирующихся концом первой четверти (или 10-ми годами) I – первой третью II в. н. э.²⁶ Отнесение найденного здесь же фрагмента венчика (диаметр около 10 см) (рис. 2, 1) к какому-либо варианту вызывает затруднения, так что приходится датировать его общими рамками существования типа, пределами второй половины I в. до н. э. – первой трети II в. н.э.²⁷

¹⁸ Гущина, Засецкая 1989, 95, кат. 20.

¹⁹ Засецкая, Марченко 1989, 72–73.

²⁰ Чернопицкий 1985, 253, рис. 2.

²¹ Kurtz, Boardman 1971, 101, 163, 165, Abb. 39.

²² Труфанов 2004, 162–164, 168, рис. 2, 5–11.

²³ Храпунов, Масыкин, Мульд 1997, рис. 14, 21; 15, 4; 17, 1, 11.

²⁴ Дашевская 2014, табл. 170, 11, 12.

²⁵ Пуздровский 2007, рис. 96, 9, 10.

²⁶ Внуков 2003, 53; 2006, 202.

²⁷ Внуков 2006, 202.

Среди прочих обломков, найденных в заполнении ямы, имеется фрагмент ручки узкогорлой светлоглиняной амфоры (рис. 2, 5), который может относиться к сосуду типа С-IVA или к амфоре типа С-IVB, датирующимся соответственно второй четвертью – концом I в. н. э. и последней четвертью I – первой третью II в. н.э.²⁸

На основании этих датировок, а также принимая во внимание предполагаемую дату совершения погребения, засыпку шурфа, а значит, и само повторное вскрытие могилы следует относить ко второй половине I в. н. э. или же к последней четверти I – первой трети II в. н. э. Если правомерна первая датировка, то срок между совершением захоронения и повторным вскрытием могилы мог быть совсем незначительным, но если фрагмент ручки светлоглиняной амфоры относится к сосуду типа С-IVB, то между упомянутыми событиями должно было пройти не менее 10–15 лет.

Особенности погребального обряда и социальное положение погребенного

Захоронения, сопровождающиеся золотыми венками и лицевыми пластинами, составляют в Усть-Альминском некрополе относительно немногочисленную, но яркую группу. На настоящий момент, включая раскопки 2015 г., здесь зарегистрировано не менее 19 погребений с остатками золотых венков, из них 8 захоронений сопровождалось не только венками, но и лицевыми пластинами. Золотые венки вместе с наглазниками и нагубниками найдены в склепах №№ 138, 612, 806, 777 (4 погребения) и в могиле № 1074. Венки без лицевых пластин, в том числе отдельные золотые трилистники из разграбленных погребальных сооружений, найдены в склепах №№ 54, 88 (4 погребения), 92, 120, 620, 777 (1 погребение), 791. Кроме того, в ограбленном склепе № 987 найдены фрагментированные наглазники. В склепе № 944 фрагменты венка и золотые наглазники найдены в разных местах погребальной камеры, что заставило связывать их с различными погребениями. Практически все погребения с венками и лицевыми пластинами совершены в грунтовых склепах²⁹, большинство из которых находится поблизости от дороги, ведущей по направлению к городищу. Обнаружение такого захоронения в подбойной могиле пока является единичным случаем.

Погребения с золотыми венками и лицевыми пластинами Усть-Альминского некрополя, насколько можно судить по составу инвентаря³⁰, принадлежали преимущественно мужчинам, хотя зафиксированы также и женские захоронения³¹. Мужские погребальные комплексы в большинстве случаев сопровождалось оружием – мечом, луком, наконечниками стрел. Как правило, инвентарь этих могил чрезвычайно богат и разнообразен. Утилитарные элементы костюма, часто изготовленные из драгоценных металлов, представлены браслетами, фибулами, подвесками, амулетами, элементами поясной гарнитуры, нашивными бляшками. Среди погребальных приношений отмечены амфоры, деревянная посуда с резными изображениями животных, бронзовая римская посуда и пр. Учитывая использование погребальных сооружений особого типа, размещение могил на участке

²⁸ Внуков 2006, 202.

²⁹ Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002; Пуздровский 2007, 156, рис. 109, 1–3; 112; 119; 121; 122; Puzdrovskij 2013.

³⁰ Из-за неудовлетворительного состояния костяков половозрастные определения в большинстве случаев не проводились.

³¹ В частности, женскими, скорее всего, являются захоронения в склепах №№ 54, 88, 92, 612/2, 620/1.

вдоль дороги, идущей на городище, а также необычайную пышность погребального инвентаря, можно сделать вывод о том, что здесь была похоронена высшая элита, возможно, надлокального уровня. Наличие в могильнике детских погребений, сопоставимых по обряду и богатству находок с захоронениями взрослых (например, склеп № 735), является признаком того, что в данном обществе социальный статус передавалась по наследству³². Наличие оружия в мужских погребениях элиты свидетельствует о военном характере власти и иерархичной структуре общества. Демонстрирование во время погребальной церемонии золотых венков, перенятое из обычаев греков и римлян, характеризует элиту Усть-Альминского поселения как филэллинов.

Погребение в могиле № 1074 выглядит в сравнении с другими комплексами более скромно. В частности, за исключением железной пряжки, практически отсутствуют элементы костюма. В то же время параллели с другими погребениями элиты Усть-Альминского некрополя очевидны. Так, листики венка обнаружены смятыми в большинстве грунтовых склепов могильника. Наглазники, как правило, обнаружены лежащими стопкой рядом с костяком или под ним. Кроме того, близкое соответствие обряду, зафиксированному в могиле № 1074, имеется в склепе 777. Там, в составе вещей, относящихся к мужскому погребению 3, помимо золотого венка и лицевых пластин, находились две золотые продолговатые ажурные орнаментированные пластины³³. Как и в рассматриваемом случае, те пластины располагались поперек ног (на уровне коленей), причем каждая из них была разорвана на две части. Отличие состоит в том, что обрывки тех пластин не были обернуты вокруг костей, а лежали поверх них и около них – очевидно, они были положены, когда тело еще не разложилось. А.Е. Пуздровский считал данные пластины «украшением пояса или подола верхней одежды»³⁴. В этой связи интересна находка узкой золотой пластины (22х2,4 см) с изображением последовательности животных близ тазовых костей погребенного в основной могиле кургана «Острый» у станицы Ярославская³⁵. Учитывая, что во впускном погребении того же кургана обнаружены золотые наглазники – случай уникальный для памятников варварской элиты Прикубанья, не исключено, что размещение золотой ленты на тазовых костях покойного также является специфической деталью обряда, сближающей прикубанский и крымские комплексы.

Употребление нехарактерной формы погребального сооружения (подбойная могила) и относительная немногочисленность погребального инвентаря при наличии знаков высокого социального статуса свидетельствуют об особом прижизненном статусе умершего. Учитывая многочисленные рубленые раны и сравнительно молодой возраст покойного, использование для похорон индивидуальной могилы, а не семейного склепа, можно предположить, что на эти особенности обряда могли повлиять обстоятельства его гибели и, возможно, специфика семейного положения.

³² Иванова 2000, 392.

³³ Пуздровский 2007, рис. 121, 1, вклейка 12, 1; Puzdrovskij 2013.

³⁴ Пуздровский 2007, рис. 121.

³⁵ Гущина, Засецкая 1989, 91, 124, кат. 1. Аналогичная пластина, разорванная на 5 частей (общая длина более 50 см, ширина 2,5 см), происходит из Краснодарского края (Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко 2010, кат. 171).

ЛИТЕРАТУРА

- Внуков, С.Ю. 2003: *Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. I. Морфология*. М.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. – Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли*. СПб.
- Волошинов, А.А., Масыкин, В.В. 2007: Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв.н.э. в Юго-Западном Крыму (Раскопки 2005–2006 гг.). В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. К 80-летию Татьяны Николаевны Высоцкой*. Симферополь, 291–302.
- Высотская, Т.Н. 1994: *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев.
- Гушина, И.И., Засецкая, И.П. 1989: Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в.н.э.). В сб.: М.П. Абрамова (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ 70*. М., 71–141.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Журавлев, Д.В. 2010: Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I—III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). *МАИЭТ 9*. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П. 2004: Золотые «лицевые» пластины в позднескифской культуре Крыма В сб.: Н.А. Захарова (ред.), *Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников 13 colloquium (12–18 апреля 2004 г.)*. СПб., 47–50.
- Засецкая, И.П., Марченко, И.И. 1989: Литые стеклянные канфары из Прикубанья (классификация и хронология), *I Кубанская Археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар*, 72–73.
- Иванова, С.В. 2000: О социальном устройстве ямного общества Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus 2*, 388–403.
- Мордвинцева, В.И., Хачатурова, Е.А., Юрченко, Т.В. 2010: *Сокровища древней Кубани*. Симферополь–Краснодар.
- Новичихин, А.М., Галут, О.В. 2015: *Золото Горгииппии*. Анапа–Краснодар.
- Погребова, Н.Н. 1956: Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища. *КСИИМК 63*, 94–97.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пяташева, Н.В. 1956: Ювелирные изделия Херсонеса (конец IV в. до н.э. – IV в.н.э. *Памятники культуры 18*. М.
- Труфанов, А.А. 2004: Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье. *РА 3*, 160–170.
- Флеров, В.С. 1993: *Погребальные обряды на севере Хазарского каганата (Маяцкий могильник)*. Волгоград.
- Флеров, В.С. 2007: Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в.н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в.н.э. *Труды Клин-Ярской экспедиции III*. М.
- Храпунов, И.Н., Масыкин, В.В., Мульд, С.А. 1997: Позднескифский могильник у с. Кольчугино. *Бахчисарайский историко-археологический сборник I*, 76–155.
- Чернопицкий, М.П. 1985: Курган с погребением «жрицы» на Кубани. *СА 3*, 251–255.
- Kurtz, D.C., Boardman, J. 1971: *Greek Burial Customs. Aspects of Greek and Roman Life*. London.
- Loboda, I.I., Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2002: Prunkbestattungen des 1.Jh.n.Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim (Die Ausgrabungen des Jahres 1996). *Eurasia antiqua 8*, 295–346.

- Puzdrovskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer: Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung*. Bonn, 290–323.
- Rostovtzeff, M.I., Bellinger, A.R., Brawn, F.E., Welles, C.B. 1946: *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935–1936*. Part II. Necropolis. New Haven.
- Slej, K., Sörling, S.U., Popovici, D.N. (eds.) 2004: *Guldsätter. Rumänien under 7000 år*. Stockholm.

REFERENCES

- Chernopitskiy, M.P. 1985: Kurgan s pogrebeniem “zhritsy” na Kubani. *Sovetskaya arheologiya* 3, 251–255.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa*. Simferopol.
- Flyorov, V.S. 1993: *Pogrebal'nye obryady na severe Khazarskogo kaganata (Mayatskiy mogil'nik)*. Volgograd.
- Flyorov, V.S. 2007: Postpogrebal'nye obryady Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I v. do n.e. – IV v.n.e. i Vostochnoy Evrope v IV v. do n.e. – XIV v.n.e. *Trudy Klin-Yarskoy ekspeditsii* III. Moscow.
- Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1989: Pogrebeniya zubovsko-vozdvizhenskoy gruppy iz raskopok N.I. Veselovskogo v Prikuban'e (I v. do n.e. – II v.n.e.). In: M.P. Abramova (red.), *Arkheologicheskoe issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy. Trudy GIM* 70. Moscow, 71–141.
- Ivanova, S.V. 2000: O sotsial'nom ustroystve yamnogo obshchestva Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya. *Stratum plus* 2, 388–403.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V., Mul'd, S.A. 1997: Pozdneskifskiy mogil'nik u s. Kol'chugino. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskii sbornik* I, 76–155.
- Kurtz, D.C., Boardman, J. 1971: *Greek Burial Customs. Aspects of Greek and Roman Life*. London.
- Loboda, I.I., Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2002: Prunkbestattungen des 1.Jh.n.Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim (Die Ausgrabungen des Jahres 1996). *Eurasia antiqua* 8, 295–346.
- Mordvintseva, V.I., Khachaturova, E.A., Yurchenko, T.V. 2010: *Sokrovishcha drevney Kubani*. Simferopol–Krasnodar.
- Novichikhin, A.M., Galut, O.V. 2015: *Zoloto Gorgippii*. Anapa–Krasnodar.
- Pogrebova, N.N. 1956: Pogrebenie na zemlyanom valu akropolya Kamenskogo gorodishcha. *Kratkie soobshheniya instituta istorii material'noj kul'tury* 63, 94–97.
- Puzdrovskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer: Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung*. Bonn, 290–323.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v.n.e. Pogrebal'nye pamyatniki*. Simferopol.
- Pyatysheva, N.V. 1956: Yuvelirnye izdeliya Khersonesa (konets IV v. do n.e. – IV v.n.e. *Pamyatniki kul'tury* 18. Moscow.
- Rostovtzeff, M.I., Bellinger, A.R., Brawn, F.E., Welles, C.B. 1946: *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935–1936*. Part II. Necropolis. New Haven.
- Slej, K., Sörling, S.U., Popovici, D.N. (eds.) 2004: *Guldsätter. Rumänien under 7000 år*. Stockholm.
- Trufanov, A.A. 2004: Pryazhki rannikh provintsial'no-rimskikh form v Severnom Prichernomor'e. *Rossiyskaya arheologiya* 3, 160–170.

- Vnukov, S. Yu. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v.n.e. Part I. Morfologiya*. Moscow.
- Vnukov, S. Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v.n.e. Part II. Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli*. Moscow.
- Voloshinov, A.A., Masyakin, V.V. 2007: Pogrebeniya s oruzhiem iz nekropolya rimskogo vremeni u s. Zavetnoe (Alma-Kermen) 1–3 vv.n.e. v Yugo-Zapadnom Krymu (Raskopki 2005–2006 gg.). In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (red.), *Drevnyaya Tavrika. K 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy*. Simferopol, 291–302.
- Vysotskaya, T.N. 1994: *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*. Kiev.
- Zasetskaya, I.P., Marchenko, I.I. 1989: Litye steklyannye kanfary iz Prikuban'ya (klassifikatsiya i khronologiya). *I Kubanskaya Arkheologicheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov*. Krasnodar, 72–73.
- Zaytsev, Yu.P. 2004: Zolotye "litsevye" plastiny v pozdneskifskoy kul'ture Kryma. In: N.A. Zakharova (red.), *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura. Tezisy dokladov uchastnikov 13 kollokviuma (12–18 aprelya 2004 g.)*. Saint-Petersburg, 47–50.
- Zhuravlev D.V. 2010: Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'betskoy doliny). *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavriki* 9. Simferopol.

A WARRIOR GRAVE OF THE 1st CENTURY AD FROM THE UST'-AL'MA NECROPOLIS (THE SOUTH-WESTERN CRIMEA)

Alexander A. Trufanov*, Valentina I. Mordvintseva**

**Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Russia,*
trufanov.29@gmail.com

***Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Russia,*
v_mordvintseva@mail.ru

Abstract. In 2015 during excavations in the Ust'-Al'ma necropolis there was discovered a niche-grave No. 1074 with a burial of male 25–35 years old having many intravital injuries which should be traces of battle strokes. The burial complex is dated to the mid-1st century AD. It belongs to a group of burials of barbarian elite accompanied by gold funeral wreaths and face-coverings (eye- and mouth-pieces). Most of these graves are earthen catacombs located along the road leading towards the ancient fortified settlement of Ust'-Al'ma on the western coast of the Crimean peninsula. Male burial complexes of this group usually consist of weapons (sword, bow, arrows). As a rule, the burial goods are plentiful and rich. The utilitarian elements of burial dress are often made of precious metals, and are represented by arm-rings, brooches, pendants, amulets, elements of belt-equipment, sewn plaques. Among other burial goods there are amphorae, wooden utensils with carved figures of animals, and Roman imported bronze and silver ware etc. Taking in consideration the use of the burial structures of a special type, placement of the graves in a special area along the road leading to the settlement, as well as the extraordinary splendor of the funeral equipment, it can be concluded that here there was buried representatives of the social elite of a highest rank. The use of a not usual type of the burial structure (a niche-grave) and the relative scarcity of funeral inventory presenting, however, signs of a high social status (funeral wreath, face-coverings, a sword) indicate the special status of the buried in the grave No. 1074 person.

Key words: South-Western Crimea, necropolis, warrior grave

РИМСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИЗ СВЯТИЛИЩА У ПЕРЕВАЛА ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО В ГОРНОМ КРЫМУ

М.В. Новиченкова

*Институт археологии НАН Украины, Киев,
novichenkovamaria@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются находки бронзовых и железных медицинских инструментов итальянского производства, датируемых рубежом н.э. – I в. н.э., из археологических раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло в Горном Крыму. Группа из 53 предметов представлена медицинскими и хирургическими инструментами, тубусами для хранения инструментов. Публикуемые инструменты были найдены вместе с предметами римского наступательного и защитного вооружения, деталями военного костюма, предметами лагерного быта.

Ключевые слова: Рим, медицинские инструменты, римское военное снаряжение, святилище, Горный Крым

Греко-римские медицинские инструменты относятся к числу редких находок в Северном Причерноморье. Основные предметы происходят из археологических памятников – Ольвии, Пантикапея, Херсонеса, а также римской крепости Харакс¹.

В этой связи чрезвычайно интересна группа медицинских инструментов итальянского производства, происходящая из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло в Горном Крыму². Изделия были выявлены вместе с предметами римского военного снаряжения, датируемыми I в. до н.э. – I в. н.э.³

Группа медицинских инструментов разнообразна по составу и представлена как медицинскими инструментами полифункционального назначения – спатолами-зондами, иглами, пинцетами (рис. 1, 2, 3), так и специализированными хирургическими – остеотомами, катетерами (рис. 4, 5). Вторую группу предметов представляют трубки-тубусы, использовавшиеся для хранения и транспортировки медицинских инструментов (рис. 7).

Зонды

Из раскопок святилища происходят находки шести бронзовых спатол-зондов (рис. 1, 1–6). Четыре лопатковидных зонда (*spathomelae*), применявшихся для исследования ран, расширения суженных каналов и полостей⁴, прижигания⁵, пред-

---

Новиченкова Мария Викторовна – лаборант отдела античной археологии Института археологии НАН Украины. E-mail: novichenkovamaria@gmail.com

¹ Кропоткин 1970, 40; Кадеев 1996, 127–139; Финогонова 1967, 167 – 171; Хомчик 1991, 63, рис. 1.

² Новиченкова 2015, 82, рис. 155, 156–7, 8; 2002, 89, рис. 43–6; 91, рис. 45–7, 8; 95, рис. 47–6, 7.

³ Новиченкова 1998, 51–65; 2011, 271–297; 2013, 311–313; 2015, 69–76, рис. 117–129, 133, 135–1, 4.

⁴ Нейгебауэр 1884, 71.

⁵ Cels. De re medica, V, 26, VI, 28, VII, 8, 11, 12; Финогонова 1967, 152.

ставлены предметами с окончаниями в виде подпрямоугольной и овальной листовидной лопаток. Первая спатолас длинным стержнем и подпрямоугольной, слегка сужающейся к центру лопаткой (рис. 1–1) находит наиболее ранние аналогии из набора позднелатенских бронзовых хирургических спатол-зондов оппидума Страдонисе (Богемия) эпохи позднего Латена, I в. до н.э.⁶ Согласно находкам из римского военного лагеря Магдаленсберг, спатолы такого типа датируются периодом раннего правления Августа⁷; аналогии также происходят из Бингена, Британского музея⁸. В дальнейшем схожие формы продолжали бытовать в римских лагерях и в более поздний период⁹.

Спатола-зонд с лопаткой овальной листовидной формы (рис. 1–2) находит, согласно форме, общие аналогии с ложечкой-зондом из Помпей¹⁰. Два других лопатковидных зонда (рис. 1 – 3, 4) находят аналогии в коллекции медицинских инструментов лагерей Аугст и Кайзер Аугст¹¹. Второй предмет атрибутируется согласно форме лопатки. Датировка первого зонда – вторая половина I в. н.э. – первая половина II в. н.э. Датировка второго зонда в каталоге не представлена¹².

Из святилища также происходит находка бронзового полого крюка J-образной формы (рис. 1–7) с окончанием в виде иглы, лопатковидным навершием, двумя отверстиями в центре. Схожий с рассматриваемым предмет без подобных отверстий в коллекции медицинских инструментов из Аугста относится к лопатковидным зондам. Датировка зонда в каталоге не представлена¹³. Два отверстия, возможно, использовались для наложения лигатур.

Два следующих зонда ложкоподобной формы (*cyathiscumela*) (рис. 1–3, 4) могли использоваться для удаления гноя, посторонних предметов из раны¹⁴, смешивания порошков¹⁵. Зонд с ложечкой подовальной формы (рис. 1–5), согласно отдельным элементам, датируется третьей четвертью I в. н.э., по аналогии из Аугста¹⁶. Вторая спатола с ложечкой подтреугольной остролистной формы (рис. 1–6) находит аналогии ложечке из римского военного лагеря Магдаленсберг¹⁷.

Из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло также происходят два фрагмента изделий в виде петель из бронзового круглого в сечении стержня (рис. 1–8, 9). Данные петли предположительно могут быть окончаниями медицинских инструментов латенского типа более позднего времени, согласно аналогии из Среднего Латена – петлевидной ручке одного из хирургических инструментов из гробницы № 7 воина-хирурга, погребенного с предметами вооружения, Мюнхен-Оберменцинг (Бавария), конца III – начала II вв. до н.э.¹⁸

⁶ Künzl 1991, 73.

⁷ Gostenčnic 2002, 149, 150, Taf. 3, 4.

⁸ Финогенова 1967, 154, рис. 2–15, 18.

⁹ Riha 1986, 167, Taf. 52, № 582.

¹⁰ Финогенова 1967, 154, рис. 2–7.

¹¹ Riha 1986, 169, Taf. 54, № 604, 596.

¹² Riha 1986, 77.

¹³ Riha 1986, 170, Taf. 55, № 605.

¹⁴ Бернард 1907, 41.

¹⁵ Финогенова 1967, 160.

¹⁶ Riha 1986, Taf. 39, № 416.

¹⁷ Gostenčnic 2002, 152, Abb. 7–2.

¹⁸ Künzl 1991, 372, 373.

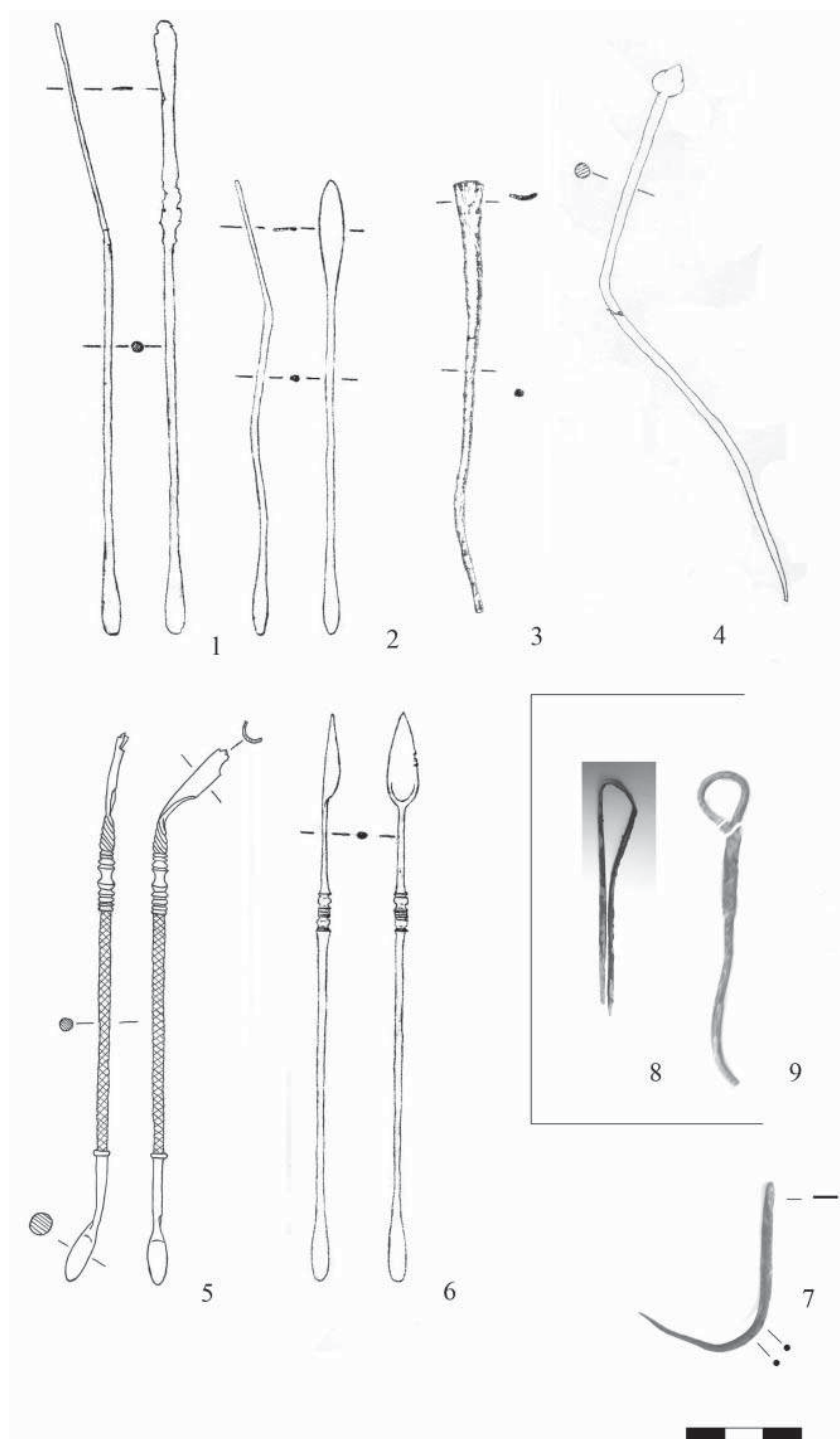

Рис. 1. Зонды, 1–4, 7 – лопатковидные , 5–6 – ложковидные. 8–9 – петлевидные окончания инструментов

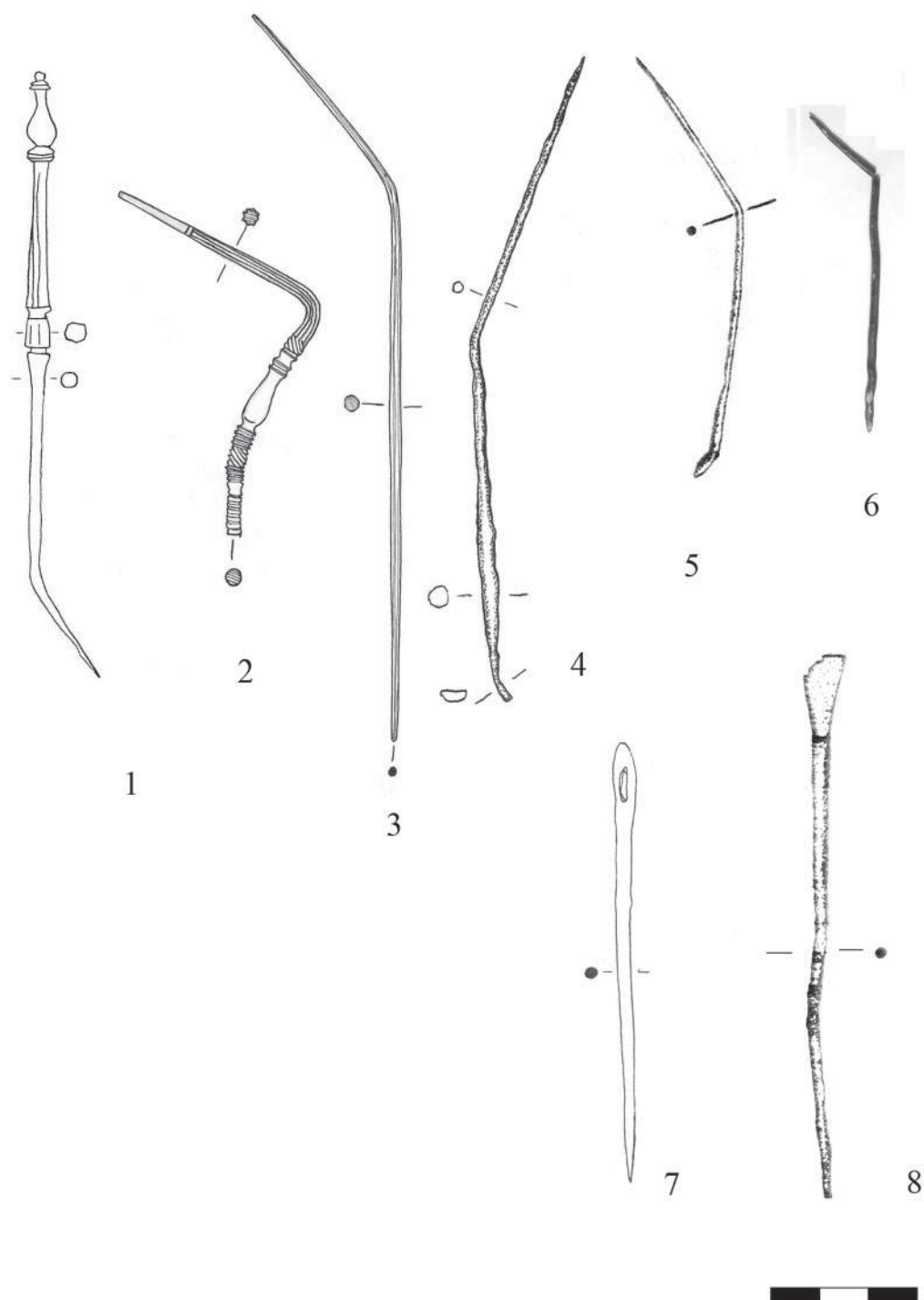

Рис. 2. 1–7 – иглы, 8 – прижигатель

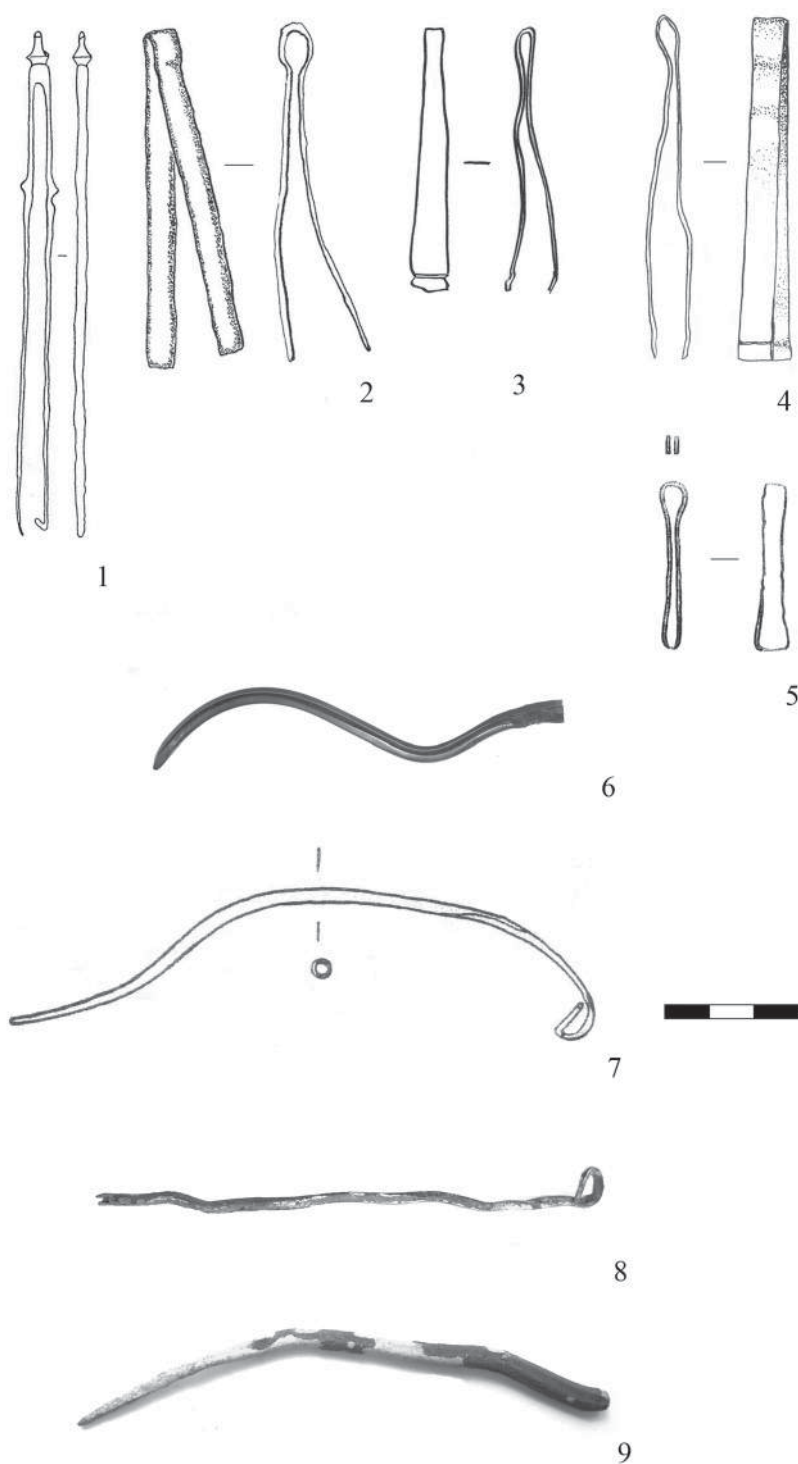

Рис. 3. 1-5 – пинцеты, 6-9 – катетеры

Иглы (*acus*)

Длинные одинарные и двойные хирургические иглы в виде узкого стержня без ушка (рис. 2–1–6) встречаются при раскопках римских военных лагерей. Так, аналогии иглам с Гурзуфского Седла происходят из Хальтерна¹⁹, Ниймегена²⁰. Медицинские иглы из раскопок святилища имеют загибы, видимо, выполняя также функцию крюков (*hamus*, *hamulus acutus*, *hamulus retusus*), применявшихся в медицине для фиксирования краев раны, поднятия кровеносных сосудов, извлечения мышечной ткани для иссечения, изъятия инородных объектов, глазных операциях²¹. Иглы с ушком (рис. 2–7) не использовались в хирургии. В медицине они применялись для фиксирования бандажей²². Датировка инструментов – эпоха Августа – первая половина I в. н.э.

Прижигатель (*ferrum candens*). Инструмент с окончанием в виде трапециевидной плоской лопатки (рис. 2–8) находит аналогию среди медицинских инструментов из Херсонеса. Предмет, относимый к плоским прижигателям²³, имеет сходную форму стержня и лопатки.

Пинцеты (*vulsellae*). Длинный узкий пинцет со слегка загнутыми концами (рис. 3–1) для хирургической эпиляции находит общие аналогии с инструментом из Помпей, с пинцетом, найденным в захоронении римского врача-окулиста Гая Северав Реймсе²⁴. Пинцеты с перехватом – с прямыми и загнутыми концами (рис. 3, 2–5) – были широко распространены в медицинской практике. Аналогии происходят из Помпей, Геркуланума²⁵.

Катетеры (*aneas fistulas*)

Из раскопок святилища происходят находки четырех бронзовых катетеров (рис. 3, 6–9). У Цельса присутствует описание мужских и женских катетеров, их отличий в размере и форме. По его свидетельству, каждый врач должен был иметь набор из нескольких катетеров разной длины. Мужские катетеры выделялись выраженной S-образной формой²⁶. Аналогии находкам из святилища – Майнц, Неаполь²⁷, римские военные лагеря Наисс (Нейс)²⁸, Карнунт²⁹.

Хирургические инструменты для работы с костью (*osteotomes*)

Из раскопок святилища также происходят два хирургических инструмента, связанных с операциями на кости (рис. 4).

Первый бронзовый инструмент с серебряной инкрустацией, в виде стержня с двумя лопатками³⁰ (рис. 4–1), был предназначен для выравнивания, удаления фракций кости, в том числе краниума. Аналогии инструменту происходят из музея Неаполя, Бингена³¹.

¹⁹ Müller 2002, Pl. 75, n°813, n°814, 815, Pl. 76, n°820.

²⁰ Künzl 1982, 94, Fig. 75, n°10.

²¹ Milne 1907, 86, 87, Pl. XXIII, 4, XL, 3.

²² Milne 1907, 75, Pl. XVII.

²³ Кадеев 1996, 134, ГХМ, инв. № 2288.

²⁴ Финогенова 1967, 152, 156, рис. 4–8, 33; Milne 1907, Pl. XXVI, 1, 6.

²⁵ Milne 1907, 93, Pl. XXVI, 5, XXVIII, 2.

²⁶ Cels, 26, 1; Smith 1843, 244.

²⁷ Milne 1907, 143, 144, XLV, 1, 3; Fig. 5, 2.

²⁸ Tabanelli 1958, 143.

²⁹ Krug 1992, 158.

³⁰ Новиченкова 2015, рис. 154.

³¹ Milne 1907, 122–123, 284, Pl. XLI, 1; King 2005, Fig. 5, 2.

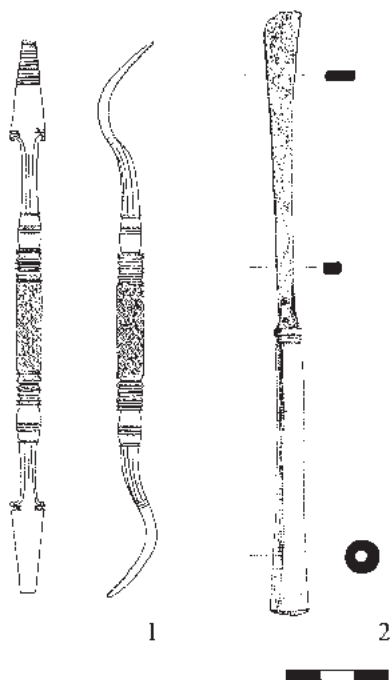

Рис. 4. 1–2 – остеотомы

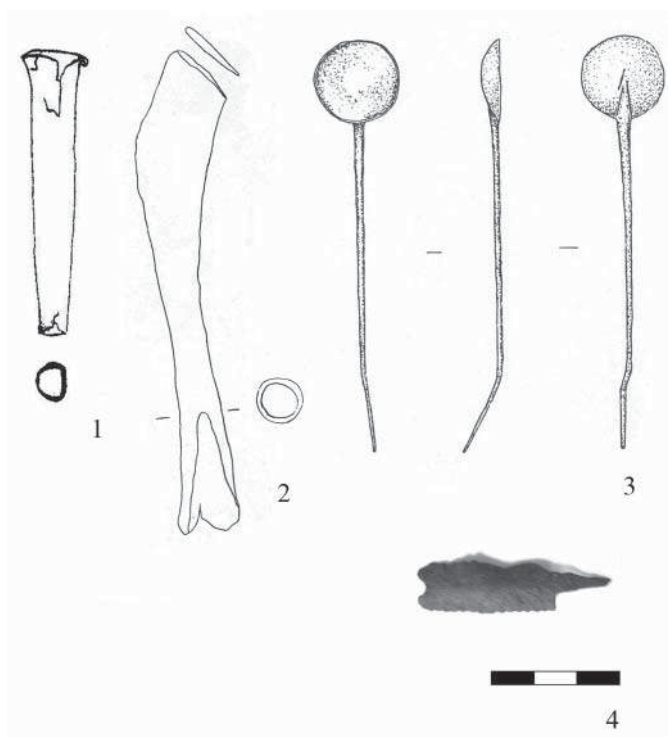

Рис. 5. 1–2 – расширители, 3 – ложка, 4 – пилочка

Второй инструмент с бронзовой цилиндрической рукоятью и железным напильником (рис. 4–2) использовался для чистки кости. Прямые аналогии предмету – Италия³², коллекция Британского музея³³. В Крыму такой инструмент был найден на Неаполе Скифском³⁴.

Другие инструменты. Две бронзовых полых трубки, прямой и изогнутой формы (рис. 5–1, 2), по функциональному принципу близки трубкам-расширителям (*plumbea fistula*), изготавливавшимся из бронзы или свинца. Такие инструменты использовались после проведения отдельных хирургических операций путем введения трубки в полость для предотвращения возможных послеоперационных контрактур, спаек, для введения медикаментов³⁵.

Железная пилочка (*serrula*) (рис. 5–4) относится к ножеобразному типу³⁶, по аналогии с наличием у полотна данного типа пил рукояти, схожей с ножевой, в отличие от хирургических пил рамочного, мечеобразного типа. Аналогии – Кельн, Британский музей³⁷.

Серебряная ложечка (*cochleae*) (рис. 5–3) относится к числу предметов, не только встречаемых в наборах сервизов, но и в наборах медицинских инструментов. Они также найдены в римских военных лагерях Айслинген³⁸, Нима³⁹, Виндонисса⁴⁰, Аугста⁴¹, при раскопках лагеря флота В. Агриппы Фрежюса (Форум Юлия)⁴². Данный ранний вариант таких ложечек датируется первой половиной I в. н.э.

Стригили (*strigili*). Дж. Милн относит стригили к медицинским инструментам, ссылаясь на свидетельства Галена, Цельса и других античных авторов⁴³. Так, отмечается, что стригили широко применялись в медицинской практике, в частности при лечении слухового канала путем вливания через ложку стригеля предварительно нагретого в ней же лекарства или масла⁴⁴. С.И. Финогенова также публикует стригили в группе медицинских инструментов⁴⁵, отмечая их нахождение среди античного медицинского инструментария в римской крепости Саальбург, античной гробнице Балчик⁴⁶.

Из раскопок святилища происходят находки двух римских стригилей, бронзового и железного (рис. 6)⁴⁷, и фрагментов. Стригили находят аналогии в коллекции римских туалетных и медицинских инструментов из Аугста⁴⁸. Первый стригиль со следами гравировки орнамента в виде ланцетовидного листа на внешней стороне ручки относится к варианту А и датируется позднеереспубликан-

³² King 2005, Fig. 5, 1.

³³ <http://www.britishmuseum.org>.

³⁴ Сымонович 1983, 87, Табл. XIX, 11.

³⁵ Milne 1907, 114, Pl. XXXIX, 1; Bliquez 2015, 226.

³⁶ Milne 1907, 131.

³⁷ Milne 1907, 130, Pl. XLI, 2, 3.

³⁸ Ulbert 1959, Pl. 24, n° 12, 13.

³⁹ Manniez 1990, 212, Fig. 6, n° 33.

⁴⁰ Trumm, Flück 2013, 944, Taf. 32, Bm 49.

⁴¹ Riha, Stern 1982, n° 108–145.

⁴² Feugère 2009, 147, Fig. 43, n° 622.

⁴³ Celsus (VI, vii. 1); Galen. Med. sec. loc. (xii. 622); Milne 1907, Pl. XXV, 88–89.

⁴⁴ Milne 1907, 88–89.

⁴⁵ Финогенова 1967, рис. 6, 29–31.

⁴⁶ Финогенова 1967, 160; Стоянов 1912, 63–64; Tabanelli 1956, Tav. XII, XIV.

⁴⁷ Новиченкова 2015, 89, рис. 171, 3–4, 175.

⁴⁸ Riha 1986, Taf. 6–8.

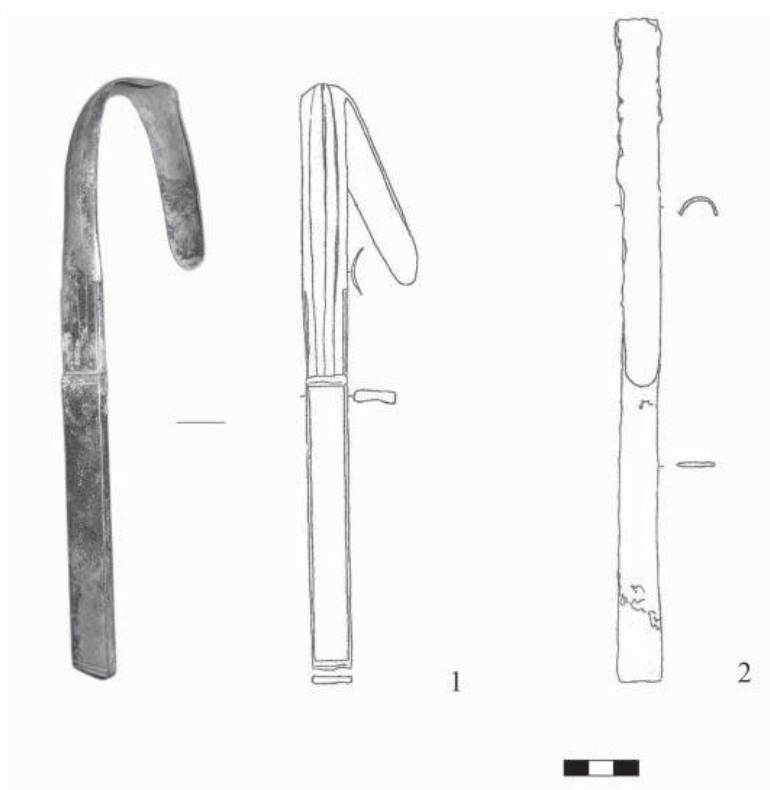

Рис. 6. 1–2 – стригили

ским периодом – первой половиной I в. н.э.⁴⁹ Второй стригиль, согласно форме ложки, относится к варианту В и датируется эпохой Клавдия-Нерона⁵⁰.

Трубки-тубусы. Из раскопок святилища происходят восемнадцать бронзовых трубок-тубусов длиной 7,1–8,3 см, диаметром 1,6–1,7 см⁵¹ (рис. 7), применявшихся для хранения и перевозки медицинских инструментов⁵². В одной из трубок сохранились остатки дерева (рис. 7–3). Функцию трубок-футляров выполняли и трубочки, изготовленные из свернутого листа бронзы (рис. 6 – 9, 10). Один из инструментов был найден в одной из таких трубок (рис. 7–11). Аналогии происходят из Брегенза, Рейна, Помпей, Геркуланума, Бадена⁵³. Бронзовые трубки-тубусы в Северном Причерноморье найдены в погребениях первых веков н.э. некрополей Херсонеса, Боспора, Бельбекской долины⁵⁴.

Медицинские шкатулки. Из святилища у перевала Гурзуфское Седло также происходят несколько бронзовых ручек (рис. 7–12)⁵⁵, листовых обкладок, типич-

⁴⁹ Riha 1986, 24, Taf. 6, №№ 59–61.

⁵⁰ Riha 1986, 25, Taf. 7, № 62.

⁵¹ Новиченкова 2015, 49, рис. 81.

⁵² Milne 1907, Pl. LIII.

⁵³ Milne 1907, 168–169.

⁵⁴ Новиченкова 2015, 48; Кадеев, 1996, 131; Гущина 1982, рис. V, 15; Белов 1927, рис. 5; Гайдукевич 1952, 124, рис. 157.

⁵⁵ Новиченкова 2015, 69, рис. 117–12.

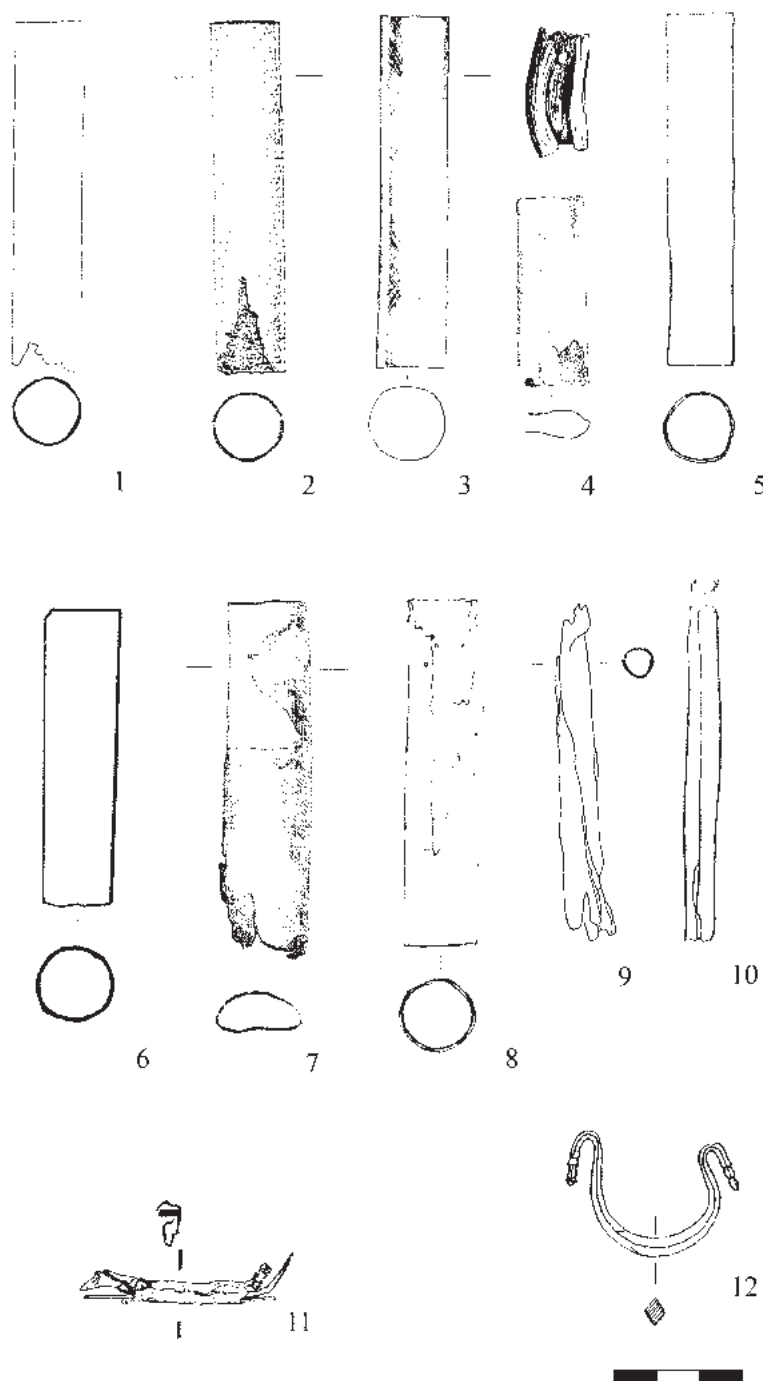

Рис. 7. 1–8 – трубки-тубусы, 3 – с остатками дерева внутри трубки, 9–10 – трубки из свернутого листа бронзы, 11 – инструмент в трубке из свернутого листа бронзы, 12 – ручка шкатулки

Рис. 8. Золотой перстень с изображением жезла Асклепия (Эскулапа). 30-е гг. I в. до н.э. – первая половина I в. н. э. Святилище у перевала Гурзуфское Седло

ных для деталей и элементов римских медицинских шкатулок, аналогии которым происходят из Наисса, Неаполя, Майнца. На сдвижной крышке шкатулки из Майнца изображена змея Асклепия, обвивающая ствол лаврового дерева⁵⁶.

Основные изменения в становлении системы медицинского обеспечения в римской армии произошли в эпоху Поздней Римской республики⁵⁷, получив дальнейшее развитие в эпоху Августа⁵⁸. Как и в Северном Причерноморье, находки римских медицинских инструментов на территории Римской Империи фиксируются в городах в гражданском контексте⁵⁹, а также в римских военных лагерях⁶⁰, погребениях римских военных докторов (*medici, medicus ordinarius, medicus legionis, medicus cohortis*)⁶¹; медицинские инструменты были найдены среди предметов римского военного снаряжения из Калькризе⁶². Госпитали (*valetudinaria*) были выявлены в Наиссе, Виндониссе, Аквинкуме, Нове, Хальтерне, Ниймегене, Ветере, Бонне⁶³.

Наиболее ранние аналогии медицинским инструментам из святилища происходят из первых римских военных лагерей Рейна и долины Липпе – Хальтерна, Ниймегена (Новиомаг), Наисса (Нойс), Могонциака (Майнц), Виндониссы, а также Магдаленсберга (Норик). Наиболее поздние аналогии – инструменты из городов Помпеи, Геркуланум (79 г. н. э.), а также датировка одного из зондов по аналогии из Августа (Аугуста Раурика) второй половиной I в. н.э. – первой половиной II в. н.э.

Датировка инструментов по известным аналогиям соотносится с данными стратиграфии Гурзуфского Седла. В 30–20 гг. I в. до н.э. в святилище был создан новый ритуальный комплекс с применением обрядов сожжения. Сопутствующие инструментам находки слоя, в том числе и римского наступательного и защитного воору-

⁵⁶ Milne 1907, 172, 173, Pl. LIV.

⁵⁷ Scarborough 1968, 257.

⁵⁸ Byrne 1910, 267; Künzl 1991a, 185–202.

⁵⁹ Krug 1985; Jackson 1988; Künzl 2002; Ghiretti 2010, 81–96.

⁶⁰ Ulbert 1959; Riha 1986; Krug 1992; Gui 2011; Gostenčnic 2002; Müller 2002; Aparaschvei 2012; Trumm, Flück 2013.

⁶¹ Como 1925, 152–162; Scarborough 1968, 271.

⁶² Rost, Rost 2010, 123.

⁶³ Schultze 1934, 54–63; Davies 1989, 221–2; Nutton 1969, 262–3; Baker 2004.

жения, римских монет, имеют общую датировку – последняя четверть I в. до н.э. – рубеж I–II вв. н. э. Однако большая часть находок датируется эпохой правления Августа – первой половиной I в. н.э.⁶⁴, где количество предметов эпохи Августа является наиболее значительным. Поступление римских медицинских и хирургических инструментов, предметов римского наступательного и защитного вооружения последней четверти I в. до н.э. – первой половины I в. н. э. в святилище у перевала Гурзуфское Седло, наиболее вероятно, следует соотносить с событиями римско-боспорской войны 45–49 гг., однако, возможно, часть предметов данной группы поступила в святилище в эпоху правления Августа и может быть связана с определенными военными акциями в Северном Причерноморье на рубеже эр.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов, Г.Д. 1927: Римские приставные склепы № № 1013 и 1014. *ХСб.* II, 105–146.
- Бернард, А.А. 1907: *Значение Цельса в медицине и в частности в хирургии.* СПб.
- Гайдукевич, В.Ф. 1952: Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. *МИА* 25, 15–134.
- Гушина, И.И. 1982: О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины в первые века н. э. *Труды ГИМ* 54, 20–30
- Кадеев, В.И. 1996: *Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.).* Харьков.
- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.).* САИ. М.
- Нейгебауэр, Л.А. 1884: О древних хирургических и гениатрических инструментах, найденных в развалинах римских городов Помпеи и Геркуланума. *Варшавские университетские известия* 1, 64–125
- Новиченкова, М.В. 2011: Римская кольчуга *Logica Namata* I в. до н.э. – I в. н.э. из ритуального комплекса святилища у перевала Гурзуфское Седло. *БИ* XXV, 271–297
- Новиченкова, М.В. 2013: К находкам двух нащечников шлемов из святилища у перевала Гурзуфское Седло. *Шестая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции*, 311–313.
- Новиченкова, Н.Г. 1998: Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло. *ВДИ* 2, 51–65.
- Новиченкова, Н.Г. 2002: *Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло.* Ялта.
- Новиченкова, Н.Г. 2015: *Горный Крым: II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло.* Ялта.
- Стоянов, П.И. 1912: Хирургические инструменты. *Известия на Варненското археологическо дружество* V, 63–64.
- Сымонович, Э.А. 1983: *Население столицы позднескифского государства.* Киев Финогенова, С.И. 1967: Античные медицинские инструменты. *СА* 1, 148–161.
- Хомчик, М.А. 1991: Хирургічні інструменти в Ольвії. *Археологія* 3, 63–69.
- Aparaschvei, D. 2012: *Healthcare and Medicine in Moesia Inferior.* Iași.
- Baker, P. 2004: *Medical Care for the Roman Army on the Rhine, Danube and British Frontiers from the First through Third Centuries AD.* Oxford.
- Bliquez, L. 2015: *The Tools of Asclepius: Surgical Instruments in Greek and Roman Times.* Leiden.
- Byrne, E.H. 1910: Medicine in the Roman army. *The Classical Journal* Vol. 5, No. 6, 267–272.
- Como, J. 1925: Das Grab eines römischen Arztes in Bingen. *Germania* 9, 152–162.

⁶⁴ Новиченкова 2015, 116–120, рис. 219.

- Davies, R. 1989: The Roman Military Medical Service. In: D. Breeze and V. Maxfield (eds.), *Service in the Roman Army*. Edinburgh, 209–236.
- Feugère, M. 2009: Militaria, objets en os et en métal. In: C. Goudineau, D. Brentchaloff (eds.), *Le camp de la Flotte d'Agrippa à Fréjus. Les fouilles du quartier de Villeneuve*. Paris, 107–177.
- Ghiretti, G. 2010: Un ambulatorio medico tico: due libri recenti sul «Chirurgo di Rimini». *Papyrotheke* 1, 81–96.
- Gostenčnik, K. 2002: Medizinische Instrumente aus dem römischen Kärnten. *Carinthia* I, 192, 139–164.
- Gui, M. 2011: Evidence for medical and personal care in the case of Roman army in Dacia. *Ephemeris Napocensis* XXI, 115–130.
- Jackson, R.P.J. 1988: *Doctors and Diseases in the Roman Empire*. London.
- King, H. 2005: *Health in Antiquity*. London–New York.
- Krug, A. 1985. *Heilkunst und Heilcult: Medizin in der Antike*. München.
- Krug, A. 1992: Medizin und Ärzteswesen. In: W. Jobst (hrsg.), *Das Erbe Roms an der Donau. Katalog Archäologisches Museum Carnuntum*. Carnuntum, 153–161.
- Künzl, E. 1991: The Tomb of the Warrior and Surgeon of München-Obermenzing and Other Archaeological Evidence of Celtic Medicine. *The Celts*, 372–373.
- Künzl, E. 1991a: Die medizinische Versorgung der römischen Armee zur Zeit des Kaisers Augustus und die Reaktion der Römer auf die Situation bei den Kelten und Germanen. In: B. Trier (hrsg.), *Die römische Okkupation nördlich der Alpen zur Zeit des Augustus. Kolloquium Bergkamen 1988. Bodenaltertümer Westfalens* 26, 185–202.
- Manniez, Y. 1990: Le petit mobilier. *Archéologie à Nîmes, 1950–1990. Catalogue d'exposition, Musée Archéologique*. Nîmes.
- Milne, J.S. 1907: *Surgical instruments in Greek and Roman times*. Oxford.
- Müller, M. 2002: *Die Römischen Buntmetallfunde von Haltern*. Bodenaltertümer Westfalens 37. Mainz.
- De Navarro, J.M. 1955: A Doctor's Grave of the Middle La Tène Period from Bavaria. *Proceedings. Prehistoric Society* 21, 231–248.
- Nutton, V. 1969: Medicine and the Roman Army: A Further Reconsideration. *Medical History* 13, 260–70.
- Rica, E., Stern W. B. 1982: *Die römischen Löffel aus Augst und Kaiseraugst. Archäologische und metallanalytische Untersuchungen*. Forschungen in Augst 5. Augst.
- Riha, E. 1986: *Römisches Toilettgerät und medizinische Instrumente aus Augst und Kaiseraugst*. Forschungen in Augst 6. Augst.
- Rost, A., Rost, S.W. 2010: Weapons at the battlefield of Kalkriese. Armas en el campo de batalla de Kalkriese. *Gladius* XXX, 117–136.
- Scarborough, J. 1968: Roman medicine and the Legions: a reconsideration. *Medical History* 12, 254–261.
- Schultze, R. 1934: Die römischen Legionslazarette in Vetera und anderen Legionslagern. *Bonner Jahrbücher* 139, 54–63.
- Smith, W. 1843: *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. New-York.
- Tabanelli, M. 1956: *Chirurgia nell'antica Roma*. Torino.
- Tabanelli, M. 1958: *Lo Strumento Chirurgico e la sua Storia dalle Epoche Greca e Romana al Secolo Decimosesto*. Forlì.
- Trumm, J., Flück, M. et al. 2013: Am Südtor von Vindonissa. *Ver. Ges. Pro Vindonissa* XXII, Brugg.
- Ulbert, G. 1959: *Die römischen Donau-Kastelle Aislingen und Burghöfe*. Berlin.

REFERENCES

- Belov, G.D. 1927: Rimskiye pristavniye sklepi № № 1013 i 1014. *Khesonessky Sbornik* II, 105–106.
- Bernard, A.A. 1907: *Snachenije Celsya v medicine I v chastnosti v hirurgii*. Saint-Petersburg.
- Finogenova, S.I. 1967: Antichniye medicinskiye instrumenti. *SA* 1, 148–161.
- Gaidukevich, V.F. 1952: Raskopki Tiritaki v 1935–1940 gg. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* 25, 15–134.
- Gushchina, I.I. 1982: O lokalnih osobennostyah kulturi naseleniya Belbekskoy doliny v perviye veka n. e. *Trudi GIM* 54, 20–30.
- Kadeev, V.I. 1996: *Chersones Tavricheskiy. Byt i kultura (I–III vv. n.e.)*. Harkov.
- Khomchik, M.A. 1991: Hirurgicheskiye instrumenti v Olvii. *Arheologiya* 3, 63–69.
- Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskiye importniye izdeliia v Vostochniy Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.)*. SAI. M.
- Neigebauer, L.A. 1884: O drevnih hirurgicheskikh i geniatricheskikh instrumentah, naidennih v rasvalinah rimskih gorodov Pompei i Gerculanuma. *Varshavskiy universitetskiye izvestiya* 1. 64–125.
- Novichenkova, M.V. 2011: Rimskaya kolchuga Lorica Hamata I v. do n.e. – I v. n. e. is ritualnogo kompleksa svyatilichsha u perevala Gurzufskoye Sedlo. *Bosporskiye issledovaniya* XXV, 271–297.
- Novichenkova, M.V. 2013: K nahodkam dvuh naschechnikov shlemov is svyatilichsha u perevala Gurzufskoye Sedlo. *Shestaya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya. Materiali konferencii*, 311–313.
- Novichenkova, N.G. 1998: Rimskoye voennoye snaryajeniye is svyatilichsha u perevala Gurzufskoye Sedlo. *Vestnik drevney istorii* 2, 51–65.
- Novichenkova, N.G. 2002: *Ystroistvo i obryadnost svyatilichsha u perevala Gurzufskoye Sedlo*. Yalta.
- Novichenkova, N.G. 2015: *Gorniy Krim: II v. do n.e. – II v. n. e. Po materialam raskopok svyatilichsha u perevala Gurzufskoye Sedlo*. Yalta.
- Stoyanov, P.I. 1912: Hirurgicheskite instrumenti. *Isvestiya na Varnenskoto arheologicheskoto drujestvo* V, 63–64.
- Syimonovich, E.A. 1983: *Naseleniye stolitsyi posdneskofskogo gosudarstva*. Kiev.

ROMAN MEDICAL INSTRUMENTS FROM A SANCTUARY NEAR THE PASS GURZUFSKOE SEDLO IN THE MOUNTAIN CRIMEA

Maria V. Novichenkova

*Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine,
novichenkovamaria@gmail.com*

Abstract. In the article finds of the bronze and iron medical instruments of Italic production dated by a boundary AD – the 1st century AD, from archaeological excavations of a sanctuary at the pass the Gurzufskoe Sedlo in the Mountain Crimea are considered. The group of 53 objects is presented by medical and surgical tools, tubes for storage of tools. The published tools have been found together with pieces of the Roman offensive and protective arms, details of a military suit, things of camp life.

Key words: Roman medical instruments, Roman military equipment, sanctuary, Mountain Crimea

ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ЗАЛЕЖЕЙ НА ЩЕБНИСТЫХ ПОЧВАХ В СЕЛЬСКОЙ ОКРУГЕ КЕРКИНИТИДЫ

Ф.Н. Лисецкий*, О.А. Маринина**, Э.А. Терехин***

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
liset@bsu.edu.ru

**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
marinina@bsu.edu.ru

***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
terekhin@bsu.edu.ru

Аннотация. В работе представлен опыт картографирования разновременных залежей в малоизученном районе сельскохозяйственной округа Керкинитиды с использованием геоархеологических (дистанционных, геоинформационных, геофизических, почвенно-генетических) методов, которые дополнены оценками длительности режима залежи по определениям внутрпочвенного объема камней. Для широко распространенных в Степном Крыму условий формирования залежей на поверхностно-каменистых почвах установлены объективные критерии отнесения залежей к постантичным и более раннего времени (по статистической оценке степени погружения щебня в почву). Это позволило разработать гетерохронную модель территориального развития системы землепользования с ядром в виде системы размежевания земель для античного полеводства в IV–II вв. до н.э.

Ключевые слова: древнее землеустройство, античное земледелие, космические снимки, залежи, Северо-Западный Крым, Керкинитиды

Регионы древнего земледелия с идентифицированными *in situ* массивами старопашотных почв изучены, как показано в обзоре¹, от Европы и Америк до Азии. Объектами исследования становятся применявшиеся организационно-производственные структуры землепользования; системы землеустройства (конфигурация,

---

Лисецкий Федор Николаевич – доктор географических наук, профессор кафедры природопользования и земельного кадастра НИУ «БелГУ». E-mail: liset@bsu.edu.ru

Маринина Ольга Андреевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела геоинформатики НИУ «БелГУ». E-mail: marinina@bsu.edu.ru

Терехин Эдгар Аркадьевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела геоинформатики НИУ «БелГУ». E-mail: terekhin@bsu.edu.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Геоархеология памятников и древнеземледельческих ландшафтов Крыма» № 15–31–10136 а(ц).

¹ Goldberg 2006.

длина, ширина и форма полей, их производственное значение, транспортная инфраструктура); метрические системы земельных наделов, закрепленных правом собственности или использования с помощью выраженных в натуре границ (валов, оград); старопашотные почвы, сохраняющие в памяти свидетельства агрогенных трансформаций (обработки, удобрения, мелиорации, состав посевов, процессы проградации и деградации) и др.

Описание практики античного землеустройства и классификации земельных участков содержит наиболее ранний труд по этому вопросу, дошедший до нашего времени, – трактат государственного деятеля древнего Рима Секста Юлия Фронтин, написанный в I в.² Но представления о землеустроительной организации сельских округ античных полисов по реликтовым маркерам в постагрогенных ландшафтах или сохранившимся границам, визуально закреплявшим право собственности или использования индивидуализированных земельных участков, могут быть сформированы в результате дешифрирования данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ).

Исключительно благоприятные условия для использования этого подхода предоставляет территория Крымского полуострова. Здесь доля почв, сформированных на плотных породах и их делювии, составляет 33,7% от всей площади, а на территории Северо-Западного Крыма, восточная граница которой принята по Географической энциклопедии Украины³, доля щебнистых почв составляет 39% от общей площади (454,6 тыс. га). В Крыму черноземы щебнистые на элювии карбонатных пород могут быть использованы под зерновые культуры, если подстилающая порода (горизонт D по принятой в почвоведении кодировке) залегает не выше 50 см⁴. В Степном Крыму часть поверхностно-каменистых почв относятся по современным агротехническим требованиям к пахотонепригодным землям и среди разновременных залежей там обнаруживаются античные земельные наделы, в том числе уникальные, не измененные последующими хозяйственными воздействиями. Один из таких районов, расположенный к северо-востоку от современной Евпатории, на равнине, наклоненной к оз. Сасык-Сиваш и расчлененной древними овражно-балочными системами, стал изучаться с 2013 г. комплексом геоархеологических (дистанционных, геоинформационных, геофизических, почвенно-генетических и др.) методов⁵.

По совокупности археологических данных нет сомнений в том, что во второй половине IV – первой половине III в. до н. э. растениеводство на территории Северо-Западного Крыма специализировалось на производстве зерна (мягкая и карликовая пшеницы, ячмень, рожь, зернобобовые культуры)⁶. И если основными сельскохозяйственными культурами в структуре посевных площадей IV – начала III вв. до н.э. были злаковые: голозерная (карликовая) пшеница (*Triticum aestivo-compactum*), составлявшая основу херсонесского хлебного экспорта, существенное место занимал ячмень, – то с началом III в. до н.э. возрастает роль

² Resina 1991.

³ Маринич 1990, 480.

⁴ Когель 1969, 26.

⁵ Смекалова, Лисецкий, Маринина 2015.

⁶ Рогов 1996, 76.

ржи⁷. Об устойчивой специализации Северо-Западного Крыма на производстве хлебных и фуражных злаков имеется все больше объективных свидетельств применявшихся землеустроительных действий, отраженных в виде размежеванных земельных массивов, которые присутствуют почти на всех поселениях местного земледельческого населения на п-ве Тарханкут, а также в окрестностях Керкинитиды. Однако ранее существовавшие представления о роли дополняющего профиля растениеводства, в особенности многолетних насаждений (виноградников и садов)⁸, были существенно расширены по результатам исследований последнего времени⁹ как в пространственном, так и организационно-хозяйственном аспектах развития этих важных отраслей аграрного сектора.

Сельскохозяйственная округа Керкинитиды в период ее наибольшего расцвета в середине IV в. до н.э. могла охватывать площадь в 8–9 тыс. га, на рубеже V–IV в. до н.э. – 6–7 тыс. га, а в начале V в. до н.э. – 5,0–5,5 тыс. га¹⁰. И только одни лишь площади пахотных земель под основные культуры (пшеницу и ячмень) могли занимать 5050–5519 га¹¹. Поэтому, продолжая изучение традиционно локализуемого местоположения сельской округа Керкинитиды к западу от города, важно обратиться и к новым малоизученным ядрам освоения, расположенным в приморской полосе шириной до 7 км и протяженностью 65 км между озерами Кизил-Яр на юго-востоке и Донузлав на северо-западе. Так, на дальней хоре Херсонеса, к северо-востоку от древнего города Керкинитиды – по обоим бортам Тюменской балки (длиной 17 км) и продолжающегося от её устья одноименного лимана, разведками открыты три античные усадьбы (IV–III вв. до н.э.), три поселения раннего железного века (IV–II вв. до н.э.) и пять поселений эпохи поздней бронзы (XI–IX вв. до н.э.)¹².

Цель работы состояла в разработке и апробации методики реконструкции истории землепользования в недавно открытом районе дальней хоры Херсонеса (к северо-востоку от античной Керкинитиды), используя междисциплинарный потенциал естественнонаучных и геоархеологических методов исследования постагrogenных почв и ландшафтов.

В качестве информационной основы для определения состояния растительного покрова, по которой можно диагностировать пространственно-временную картину аграрного освоения ландшафтов к северо-востоку от Евпатории за последние полстолетия, использовали следующие источники данных: топографическая карта масштаба 1:25 000 по результатам съемки 1957 г., материалы аэрофотосъемки 1973 г. и космические снимки с пространственным разрешением 30–80 м, полученные со спутников Landsat-2,3,4,5,7 за период 1977–2009 гг. (рис. 1).

Подборка снимков была выполнена с учетом того обстоятельства, что в условиях степного Крыма для идентификации типа сельскохозяйственного использования земель наиболее подходят изображения, выполненные в весенний период, особенно в конце апреля, когда вероятность идентификации

⁷ Stolba 2012, 318.

⁸ Щеглов 1978; Винокуров 2007.

⁹ Смекалова, Кутайсов 2014; Smekalova et al. 2016.

¹⁰ Кутайсов 2013, 213.

¹¹ Кутайсов 2013, 114.

¹² Смекалова, Кутайсов, Чудин 2013, 143, рис. 120.

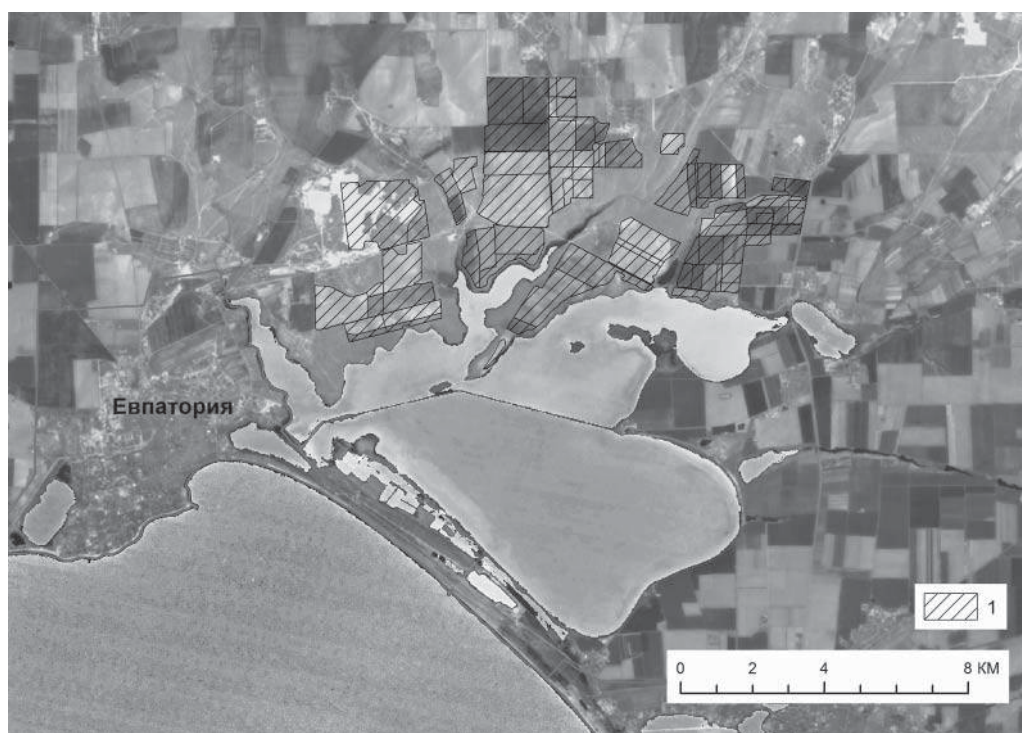

Рис. 1. Месторасположение тестовых полей на территории к северу от озера Сасык: 1 – контуры тестовых полей по состоянию на начало 1980-х. В подложке – спутниковые снимки Landsat TM 19.05.1986 г. Комбинация каналов 7–53

участков с интенсивно растущей растительностью либо с ее отсутствием наиболее высока. Снимки полученные сенсорами Landsat 5TM, 7ETM+ с пространственным разрешением 30 м, позволяют достоверно определять тип растительности для сельскохозяйственных полей и залежей. Снимки с сенсора Landsat 2–3 MSS с пространственным разрешением 80 м имеют ограничения, если рабочие участки небольшие по площади. Однако для периода с середины 1970-х гг. до 1984 г. они являются единственным источником спутниковых данных, позволяющим по сериям снимков выявить динамику растительного покрова. Исследование спектрально-отражательных свойств пашни или залежей осуществляли в границах векторной маски их контуров, предварительно созданной на основе снимков Quick Bird-2 с пространственным разрешением 0,6 м/пиксель. Важным дешифровочным признаком залежных земель является стабильность их спектрального отклика на протяжении вегетационного сезона, а также на протяжении одних и тех же сроков в разные годы. Принципиальная особенность спектрально-отражательных свойств залежных земель обусловлена тем, что на них присутствует как зеленая фитомасса, так и мертвая (ветошь и подстилка), что вместе определяет своеобразный отклик восстанавливающихся растительных сообществ.

Реконструкцию древнего землеустройства проводили с использованием ГИС-технологий (программный комплекс ArcGIS) и путем дешифрирования ДДЗ (ар-

живных АФС и разновременных КС из ресурса Google Earth). В полевых условиях хорошо видимые вершины межевых валов фиксировали GPS-навигатора и натурными измерениями расстояний между осями валов.

Типизация разновременных залежей проведена по результатам кластерного анализа (метод Уорда, Евклидова дистанция, значения нормированы по средне-квадратическому отклонению). Содержание химических элементов в залежных почвах определяли на рентгеновском спектрометре «СПЕКТРОСКАН МАКС-GV». По этим данным рассчитаны величины 25 геохимических соотношений и коэффициентов. Формулы для их расчета, представленные в работе¹³, использованы для характеристики особенностей почв на постселитебных и постагрогенных залежах. Полученные результаты обрабатывали с использованием пакетов программ *Microsoft office Excel* и *STATISTICA*.

Северная часть водосбора оз. Сасык в геологическом отношении представляет собой пестрое сочетание неогеновых пород, которые сверху перекрыты нижне-средне-верхнеплейстоценовыми элювиально-делювиальными отложениями. В Тюменской балке при глубине ее вреза до 14 м сформированы денудационные склоны с маломощными почвами при близком залегании плотных карбонатных пород.

В районе исследования при наличии в пахотном горизонте камней размером свыше 5 см по принятой классификации¹⁴ рекомендуется разделение почв по степени каменистости их поверхности на поверхностно-слабокаменистые (% покрытия < 10%) и поверхностно-среднекаменистые (% покрытия до 20%). Поверхность почвы (особенно если это участок постагрогенной залежи) покрыта обломочными угловатыми осадочными породами, которые чаще имеют размер 1–10 мм (дресва), но встречается и более крупный щебень (10–100 мм). Это плотные известняки сарматского яруса (нижнего яруса верхнего миоцена неогеновой системы). На учетных площадках для формирования большой выборки отбирали по 25–35 камней диаметром до 10 см, которые частично были видны на поверхности и многолетнее погружение в почву которых не вызывало сомнений. Из-за использования всех залежей для выпаса мелкого рогатого скота, а на пл. 15 и лошадей, некоторые камни могли быть перевернуты. Но по отсутствию накипных лишайников (и/или черной пленки «пустынного загара») на дневной поверхности камней можно в полевых условиях объективно выбраковывать камни-перевертыши – «выбросы» (в статистическом понимании). Это позволяет сформировать выборочную совокупность данных для последующих оценок методами статистики. Ранее в целях диагностики возраста залежей провели оценку наиболее информативных характеристик камней из числа таких показателей, как: 1) глубина погружения камня в почву, мм; 2) доля заглубления камня по высоте, %; 3) внутрисочвенный объем камня, дм³; 4) доля заглубления камня по объему (V), %. Анализ результатов¹⁵ показал, что наиболее приемлемые для полевых условий измерения глубины погружения камня в почву уступают способу определения внутрисочвенного объема камня. Это объясняется прежде всего сложной (кавернозной) формой щебня известняка, который заглублен в почву.

¹³ Лисецкий, Смекалова, Маринина 2016.

¹⁴ Егоров и др. 1977, 213.

¹⁵ Lisetskii, Marinina, Jakuschenko 2014.

С учетом индивидуальной формы каждого камня его объем оценивали в полевых условиях по массе вытесненной им воды в мерном сосуде диаметром 11 см. Причем определяли и весь объем камня, и той его части, которая была заглублена в почву.

В Степном Крыму, как и в исследуемом нами районе, довольно значительные площади земель находятся в залежи. Если по современным агротехнологическим требованиям оценивать почвы по их пригодности под пашню в Крыму¹⁶, то критерием выступает глубина залегания плотных карбонатных пород не меньше 30 см, но в таких случаях уровень плодородия почв под зерновые культуры уступает на 50–70% полноразвитым почвам, имеющим корнеобитаемую толщу в 150 см и более. Однако почвы, которые в корнеобитаемом слое содержат скелета (частиц размером > 1 мм) от 10 до 30% от объема, относятся к слабохрящеватым, и они при оценке пригодности под зерновые культуры уступают лишь 10% мелкоземистым почвам (с долей скелета < 10%). Таким образом, при плужной отвальной обработке к малопродуктивным пастбищам в условиях Крыма относили земли с глубиной залегания плотных карбонатных пород до 30 см. К этой категории относятся и современные залежи, возникшие на месте кратковременно используемых (чаще в 50–60-е гг. XX в.) участков пашни, при которых невысокий уровень продуктивности (на 70–80% от нормы), высокие энергозатраты на тягловые усилия, сильный износ и регулярность поломок плугов не оправдывали такой тип землепользования. При этом важно отметить, что в древности при агротехнологиях, не предполагавших глубокую обработку почвы, такие земли могли быть вовлечены в пахотные угодья.

В конце XIX в. в степной зоне Украины, когда стал активно развиваться рынок фабричной обрабатывающей техники взамен традиционной¹⁷, глубина основной обработки обычно не превышала 12–15 см¹⁸. Во второй половине XX в. мощность пахотного горизонта в степных условиях Украины существенно менялась: от 16–18 см в 1935–40 гг., 18–22 см в 1945–54 гг. и 25–27 см в 1960–65 гг. до 30–35 см в 1970–83 гг.¹⁹ При такой тенденции земельные участки, которые раньше при мелкой обработке входили в состав пахотного клина, довольно быстро приходилось забрасывать. Такие залежи возникали и при вовлечении в пашню степных пастбищ с маломощным гумусовым горизонтом, что кратковременно происходило под административным нажимом.

Маломощные на элювии карбонатных пород щебнистые почвы, которые при земледельческом использовании в пахотном горизонте (мощностью 20–22 см под зерновые культуры сплошного сева) вмещают всю первоначальную толщу гумусового горизонта, должны идентифицироваться как агроземы с профилем, соответствующим формуле Р-В-С или Р-С²⁰. В таких случаях щебень, который содержится в материнской породе (С) или в переходном горизонте (В), постоянно привносится на поверхность из-за увеличения глубины обработки или уменьше-

¹⁶ Кочкин, Важов, Иванов и др. 1972.

¹⁷ Постников 1891, 235.

¹⁸ Павлюк 1991, 197.

¹⁹ Полупан 1986.

²⁰ Лебедева, Тонконогов Шишов 1996, 353.

ния мощности пахотного горизонта в результате дефляции и/или эрозионной деградации (при размещении почв на склонах).

В архаичном (домашинном) земледелии решению ключевой задачи агротехнологического цикла – проведению предпосевной обработки почвы – соответствовала (в определенной мере вынужденно) мелкая обработка, когда площадь определяемого жизненными потребностями земельного массива необходимо было подготовить для качественного проведения посева (при известных ограничениях в тягловой силе животных) за короткое время формирования оптимальных параметров агрофизической готовности почвы и ее увлажнения, что критично для засушливых условий степи. Поэтому, в отличие от современных агротехнологических предпочтений, древние земледельцы могли вовлекать в обработку земли не только плоских и пологих элементов ландшафта, но и прибалочных склонов с близким (< 30 см) залеганием щебнистого элювия известняков.

Самобытность степных экосистем всегда определяли такие ведущие факторы их природной эволюции, как изъятие фитомассы стадными копытными, степные пожары, воздействие роющих млекопитающих, но со второй половины голоцена антропогенные составляющие эволюции перманентно, но с разной интенсивностью (в корреляции с периодическими (разнонаправленными) изменениями климата) приводили к существенной трансформации степной растительности и почв.

Можно предположить, что в таком малозаселенном районе, как изучаемый нами, в доантичную эпоху существенную роль играли domestифицированные копытные и зональный облик степи уже был частично утрачен. Для понимания эколого-экономических условий хозяйствования местных племен в поздней бронзе большое значение имеет открытие Т.Н. Смекаловой²¹ ранее неизвестного типа археологических памятников – двойных, реже одинарных загонов (диаметром 50 м) для скота. К такого рода памятникам относится поселение Тюмень 7 (№3 на рис. 2) в 200 м от тальвега балки, где обнаружен загон для скота овальной формы (48×30 м), периметр которого маркируется камнями из известняка.

Поселения позднего бронзового века, как Тюмень 7 и Тюмень 15 (№3 и 1 на рис. 2), тяготеют к бровкам балки, которая позволяла получить воду в колодцах с меньших глубин, а в древности могла быть более обводненной, включая использование искусственных запруд. Эти поселения, видимо, контролировали пастбищеоборот по обоим берегам Тюменской балки. Но к иному (земледельческому) типу относится Тюмень 3 – большое (более 20 жилых домов) поселение позднебронзового времени, расположенное на водоразделе. Это поселение датировано педохронологическим методом XII-XIII вв. до н.э. и, видимо, относится к сабатиновской культуре²². Таким образом, нет причин отвергать возможность земледельческого использования земель в XII-XIII вв. до н.э., однако полевые свидетельства организации пахотных земельных массивов у нас отсутствуют²³. Это может быть связано с ясно выраженной системой землеустройства у поселения Тюмень 2, которая охватывала и территорию поселения Тюмень 3.

²¹ Смекалова, Кутайсов 2013, 6.

²² Смекалова, Лисецкий, Маринина 2015, 156.

²³ Мы располагаем аналитическими способами обнаружения признаков древнего агрогенеза (для крымских почв подробнее см. Lisetskii, Stolba, Marinina 2015), однако в данном случае это затруднено наложением нескольких этапов земледельческого освоения территории.

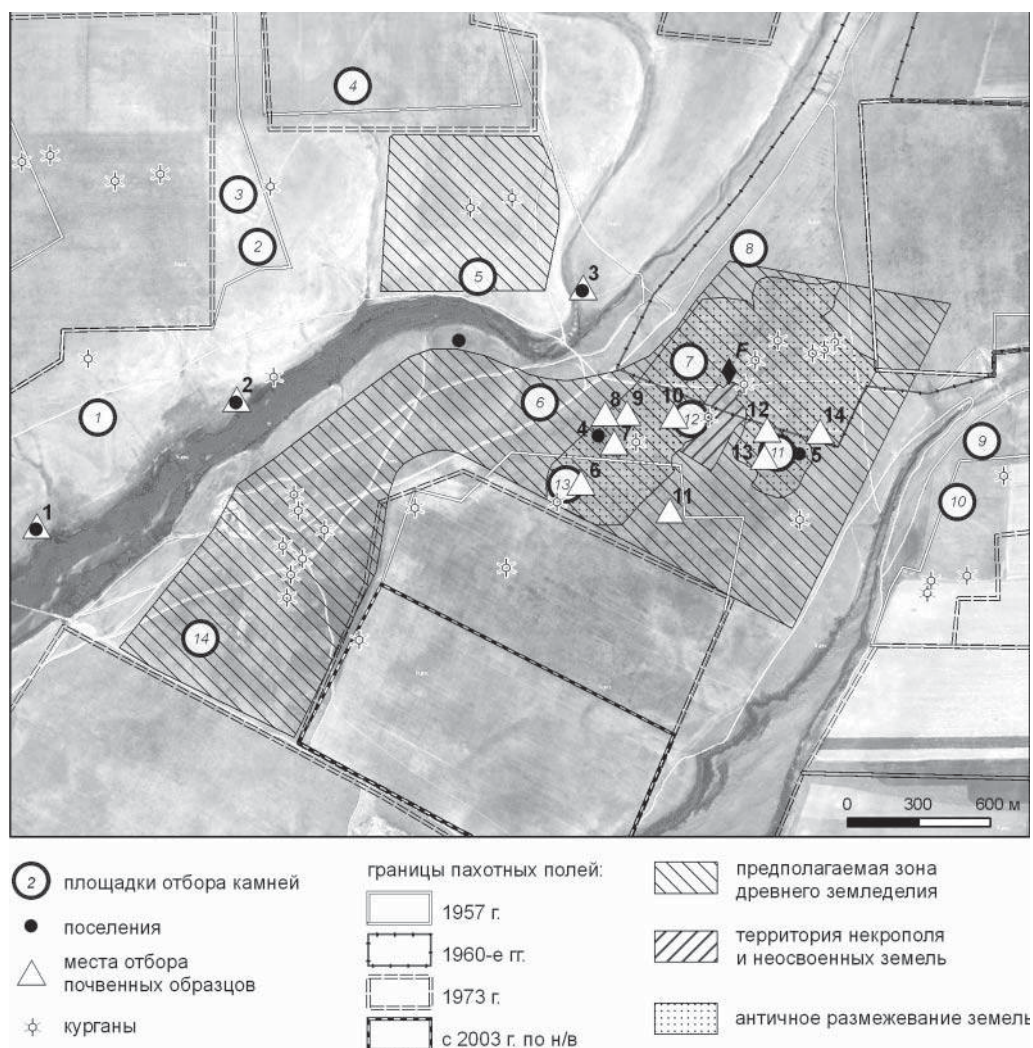

Рис. 2. Распространение разновременных залежей вокруг массива античного землепользования в верховье Тюменской балки

Изучение постагрогенных экосистем²⁴ показало, что в лесостепи и степи процесс восстановления природных экосистем длится до 50–60 лет, при этом почвы восстанавливаются медленнее, чем растительность, а запасы органического углерода в почвах устойчиво возрастают на стадии начиная от 30–80 до 150–170 лет. Залежи можно отнести к старым, если восстановительные изменения растительности длятся свыше 50 лет, у средневозрастных залежей – 18–50 лет и у молодых залежей < 18 лет. На старозалежных участках (стадия вторичной целины) близкие к коренным сообщества формирует доминирующий вид – ковыль Лессинга (*Stipa*

²⁴ Люри, Горячкин, Караваева и др. 2010, 321.

lessingiana), который характерен для засушливых степных условий. Очень показательный пример – это полувековая залежь с индексом F (у пл. 7 на рис. 2), где в зоне античного размежевания земель с последующей вспашкой поля в 1960-х гг. сформировался сплошной покров в виде разнотравно-лессинговоковыльной ассоциации с проективным покрытием до 70%. Таким образом, старозалежные участки к определенным стадиям ренатурации становятся мало различимыми по степени зрелости растительных сообществ, что требует применения других методов определения возраста залежи.

Используя почвенно-морфологический метод исследования в шурфах длиной около 10 м, заложенных поперек земляных валиков (у поселения Тюмень 3), установлено, что они по результатам реконструкции имели ширину по основанию 2,8–3,5 м. По результатам нивелирования современная относительная высота напашного вала по отношению к зоне отвала составляет около 30 см. Кроме того, при хорошей сохранности межевых границ даже в современном микрорельефе визуально просматриваются сопряженные с валиками канавы (их ширина в наиболее низкой части составляет 4,3 м).

Спутниковые изображения субметрового пространственного разрешения позволяют идентифицировать небольшие по размеру объекты земной поверхности размером около 1 м. Соответственно, на этих снимках удастся распознать объекты, линейные размеры которых больше этой величины. В результате была изучена система античного землеустройства²⁵, которая располагается на межбалочном водоразделе с полнопрофильными карбонатными черноземами и по данным ДЗЗ представляет собой сочетание неделимых земельных участков размером 48×29 м. В пределах этой системы находятся поселения – античное Тюмень 2 и поздне-бронзового времени Тюмень 3, некрополь с необрабатывавшимися землями между ними, а также более 20 высоких курганов. Система размежевания земель датирована педохронологическим методом IV–II вв. до н.э.²⁶ Однако не ясны границы системы размежевания земель у поселения Тюмень 2 из-за охвата периферийных зон современной обработкой (второй половины XX в.).

После разработки в 1820 г. Правил для генерального межевания земель Таврической губернии становится доступной серия разномасштабных карт Евпаторийского уезда, куда входил район исследования. Анализ картографического отображения системы расселения, местоположения хозяйственных центров и дорожной сети показал, что исследуемый район относился к отгонно-скотоводческой зоне.

С использованием анализа дешифровочных признаков по космическим снимкам среднего и высокого пространственного разрешения за последние 40 лет выполнена идентификация растительного покрова, свойственного постагрогенным залежам нового времени (табл. 1). Это позволило дополнить картографические источники результатами дешифрирования космических снимков и провести геоинформационное картографирование истории сельскохозяйственного освоения территории к северо-востоку от Евпатории. В результате получена гетерохронная модель территориального развития системы землепользования с ядром в виде системы размежевания земель для античного полеводства в IV–II вв. до н.э. (рис. 2).

²⁵ Смекалова, Лисецкий, Маринина 2015, 155, рис. 3.

²⁶ Лисецкий 2015, 97.

Таблица 1. История землепользования в верховье Тюменской балки по результатам дешифрирования космических снимков

№ на рис. 2	Географические координаты (WGS-84)	Годы*									
		1957	1973	1977	1981	1984	1986	1987	1992	2000	2009
1	N 45° 15.567'; E 33° 30.808'	1	0	0	0	0	0	0	1	1	1
2	N 45° 15.952'; E 33° 31.324'	2	0	0	0	0	0	0	1	1	1
3	N 45° 16.080'; E 33° 31.251'	2	0	2	2	1	2	1	1	1	1
4	N 45° 16.315'; E 33° 31.634'	2	2	1	1	1	1	1	2	1	1
5	N 45° 15.880'; E 33° 32.031'	1	0	0	0	0	0	0	1	1	1
6	N 45° 15.594'; E 33° 32.229'	1	0	0	0	0	0	0	1	1	1
7	N 45° 15.684'; E 33° 32.709'	1	0	1	1	3	3	0	3	3	1
8	N 45° 15.941'; E 33° 32.903'	1	0	1	1	3	3	0	3	3	1
9	N 45° 15.500'; E 33° 33.648'	1	1	0	0	0	0	0	1	1	1
10	N 45° 15.314'; E 33° 33.568'	2	1	0	1	1	2	1	1	2	1
11	N 45° 15.477'; E 33° 32.990'	1	0	0	0	0	0	0	1	1	1
12	N 45° 15.554'; E 33° 32.713'	1	0	0	0	0	0	0	1	1	1
13	N 45° 15.407'; E 33° 32.311'	2	0	0	0	0	0	0	1	1	1
14	N 45° 15.064'; E 33° 31.132'	1	0	0	0	0	0	0	1	1	1
15 ²⁷	N 45° 14.762'; E 33° 28.039'	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1

* Для 1957 г. использована топографическая карта. 1 – зональная продуктивность степной растительности; 2 – пашня (поле распаханно на момент съемки); 3 – земли в режиме залежи с различной степенью зрелости растительного покрова, 0 – нет сведений или дешифрирование по снимку затруднено

Определение возраста залежей обычно основано на сочетании данных земельно-кадастровых, картографических и дистанционного зондирования. Однако для старозалежных земель и тех из них, которые испытывали неоднократные трансформации, при невозможности получения исторических данных и в условиях формирования залежей на поверхностно-каменистых почвах, длительность режима залежи можно определить по глубине погружения камней в почву.

По каким причинам после оставления пашни щебень известняков, находившийся на поверхности почвы, может по мере внутрисочвенного погружения выступать хронологическим маркером длительности залежного режима? По нашим данным, при зацементировании крымских залежей в слое 0–10 см общая масса корней (в пересчете на сухое вещество) составляет 0,15–0,20 г/см³ ²⁸. Горизонт дернинный состоит на половину или больше из живых и отмерших корней травянистых растений, имеет множество биопор. Поэтому верхние дернинные горизонты как постагрогенных, так и целинных почв характеризуются небольшой плотностью

²⁷ Из-за удаленности постантинская залежь у поселения Мамай-Тюп на рис. 2 не показана.

²⁸ Лисецкий, Смекалова, Маринина 2016.

сложения – $0,8\text{--}0,9\text{ г/см}^3$, тогда как плотность (d) неогеновых известняков в Крыму колеблется в пределах от $1,04$ до 2 г/см^3 ²⁹. Поэтому обломки известняка как тела более тяжелые (в нашем случае, $d=2,3\text{--}2,5\text{ г/см}^3$) в почвенной массе органо-минеральных горизонтов со временем все больше и больше опускаются вниз.

Как известно, почва развивается сверху вниз путем физико-химической ассимиляции верхних слоев материнской породы продуктами гумусообразования. В природно-климатических условиях района исследования увеличение мощности гумусового горизонта почв, как это было установлено нами по исследованию новообразованной почвы на культурном слое античной усадьбы Ортли, время существования которой укладывается в промежуток времени с последней четверти IV по первую треть III в. до н.э.³⁰, составляет в среднем 18 мм/100 лет . И лишь при учете сверхвековой эволюции значимым может быть привнос извне (космическая пыль, растворенные вещества атмосферных осадков, привнос непочвенного материала педобионтами при их вертикальной миграции, импัลверизация солей с морских акваторий, фиксация ветошью и степной подстилкой эоловых наносов и продуктов смыва (в разной степени от позиции в ландшафте и др.). Но, помимо указанных факторов, значительна роль биоты. Так, по нашим оценкам, муравьи вида *Myrmica rubra* ежегодно выбрасывают на дневную поверхность $1,1\text{ т/га}$ мелкозема, причем преимущественно более мелкого размера (менее $0,5\text{ мм}$), чем структура почвы их среды обитания. Дождевые черви в целинных степных почвах могут переместить за период почвообразования из подгумусовых горизонтов вверх до 240 т/га материала материнской породы, т.е. мощность гумусового горизонта может быть увеличена за счет этого фактора не менее чем на $1\text{--}2\text{ см}$. В контактной зоне погруженного камня с почвой обычно отмечалась высокая активность насекомых (колонии *Myrmica rubra*, *Scolopendra cingulata* и др.). Из-за того, что под камнями меньше роль корней как фактора структурообразования, но наблюдалась активная роющая деятельность мезофауны, плотность сложения почвы под камнем ($1,04\text{ г/см}^3$) незначительно отличалась от объемной массы на аналогичной глубине почвы ($0,92\text{ г/см}^3$) в фоновых условиях залежей, где проявляется разрыхляющая деятельность корневых систем.

В степных условиях, где лимитирующим фактором биологических процессов выступает недостаток влаги, каменистость создает особую мозаичность гидротермических условий на локальном уровне. Исходный цвет сарматских известняков по атласу цветов Манселла очень слабо коричневый (10 YR 8/3) или розовый (7.5 YR 8/4), и первоначально после вспашки светлые известняки увеличивают отражательную способность поверхности (альбедо). Но со временем (в режиме залежи) большая часть щебня покрыта накипными лишайниками (*Xanthoria parietina*) или их отмершими слоевищами. Сарматские известняки в районе исследования содержат 25% кремнезема, $2,1\%$ оксидов железа, $0,72\%$ оксидов марганца³¹, и за счет именно этих соединений, выпадающих из раствора при попеременном увлажнении и высыхании, формируется со временем корка на поверхности обнаженного щебня. В результате этого накипные лишайники и темные пленки «пустынного загара» снижают отражательную способность не погруженной в почву поверх-

²⁹ Кочкин 1967, 12.

³⁰ Смекалова, Кутайсов 2014, 20.

³¹ Lisetskii, Stolba, Marinina 2015, 308.

ности, площадь которой уменьшается с возрастом залежи. Однако экранирующий эффект камней, препятствующий испарению, благоприятствует поселению под ними мезофауны с высокой роющей активностью. Среднемноголетняя установившаяся скорость погружения камней в почву (по пл. 12) составляет 2,5 мм/100 лет.

Анализ результатов апробации метода поблизости от Керкинитиды на дальней хоре Херсонеса (в системах размежевания земель и на их периферии) показал, что учет общих параметров камней (массы и объема) в расчете доли заглубления камней по высоте и объему несколько искажает объективную картину зависимости от длительности залежи. Абсолютные параметры внутрипочвенных характеристик камней наиболее верно диагностируют результаты залежного режима. При помощи анализа длительности залежи в качестве критерия оценки информативности основных характеристик камней, которые можно определить в полевых условиях, установлено, что более простой способ измерения глубины погружения камня в почву (в см) уступает по точности методу определения внутрипочвенного объема камней. По результатам обработки полевых измерений методами корреляционно-регрессионного и дисперсионного анализов установлено, что наиболее объективным показателем, который может использоваться для датирования разновозрастных залежных земель, является среднее значение внутрипочвенного объема камней на основе большой выборки (30 и более измерений).

Между средней величиной внутрипочвенного объема камней по фактической выборке и средневзвешенной величиной объема, рассчитанной по интервалам 47–59, 60–70 и >70%, наблюдается практически функциональная связь (коэффициент корреляции – 0,987), но представление результатов в виде градации из трех интервалов имеет большой смысл. Это позволяет наглядно увидеть репрезентативность каждой из учетных площадок, что особенно показательно по наличию и представительности частоты встречаемости как максимальных значений (>70%), так и минимальных (<59%) (рис. 3). На диаграмме расположение площадок учета степени погружения камней по оси абсцисс слева направо соответствует ранжированному ряду зацеplения залежей.

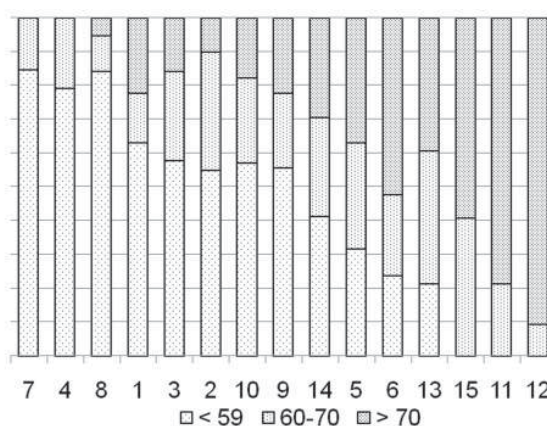

Рис. 3. Диаграмма частоты встречаемости камней на залежах (пл. 1–15) с внутрипочвенным объемом их погружения <59%, от 60 до 70% и > 70%. Номера соответствуют местоположению учетных площадок на рис. 2

В условиях целинной растительности при умеренной пастбищной нагрузке только статистически незначимое количество камней может быть на поверхности, а частота встречаемости камней с внутрипочвенным объемом их погружения > 70% оценивается в 90 и более %.

На рис. 3 под номером 15 представлены данные о постантичной залежи на винограднике, который был выявлен геомагнитной съемкой на площади 220 x 270 м (20 гектарюгов) и получил название Мамай-Тюп³².

На всех учетных площадках в настоящее время представлена степная растительность различной степени зрелости (при умеренной пастбищной нагрузке мелким рогатым скотом), и их можно классифицировать как постагрогенные (пл. 1–11, 13–15), постселитебные (12 площадок на рис. 2), посттурбационные (пл. 12) залежи. Площадка в привершинной части уплощенного кургана (пл. 12), возраст которого был оценен сравнением археологических и педохронологических данных, использована в качестве надежного контроля длительности залежи. Исследования в Крыму своеобразных низких насыпей, которые состоят из камней мелкого и среднего размеров и небольшого количества грунта с археологическими раскопками кургана такого типа, а также находкой фрагмента синопской амфоры вблизи грабительского раскопа, позволили предположить время создания в нем каменного склепа IV в. до н.э. Но, кроме того, использован разработанный метод почвенно-генетической хронологии – метод датирования антропогенных сооружений, основанный на математической зависимости необратимых генетических почвенных свойств от времени³³, что позволило по мощности почвы на вершине кургана заключить, что курган относится к античной эпохе и не был подвержен распашке.

При сравнении средних величин геохимических коэффициентов определено, что основными индикаторами специфических процессов, отличающих постселитебные земли от постагрогенных залежей, являются большая степень загрязнения тяжелыми металлами (по сумме содержания As, Co, Cr, Cu, Pb, Zn, Sr), меньшие карбонатность и уровень плодородия (по соотношению $\text{CaO} + \text{MgO} + 10 \cdot \text{P}_2\text{O}_5 / \text{SiO}_2$). В свою очередь, залежи отличает более высокая подвижность элементов за счет активной потери из верхних горизонтов подвижных (Na, Mg) и слабоподвижных (K) оксидов; соответственно большая степень выщелачивания, обеднение микроэлементами и более низкое качество почв (на 12%).

Установлен объективный критерий отнесения залежей к постантичным и более раннего времени: если доля внутрипочвенного объема камней в диапазоне 47–59% не превышает 40% объема выборки и доля внутрипочвенного объема камней свыше 60% превышает 60% объема выборки.

Таким образом, старозалежные земли, а наиболее интересны для изучения постантичные залежи, могут быть выявлены предложенным авторами способом, если залежи формируются на поверхностно-каменистых почвах (камни появляются на глубинах 0–30 см) или постагрогенные почвы имеют хотя бы минимальную степень каменистости (>5–10% покрытия поверхности). У этого метода обнаружен эвристический потенциал, т.к. анализ зависимости среднего значения внутрипочвенного объема камней от длительности залежного режима позволяет выявить гетерохронные объекты с латентными периодами земледельческого освоения.

³² Кутайсов, Смекалова 2014, 91.

³³ Лисецкий, Голусов 2002, 102.

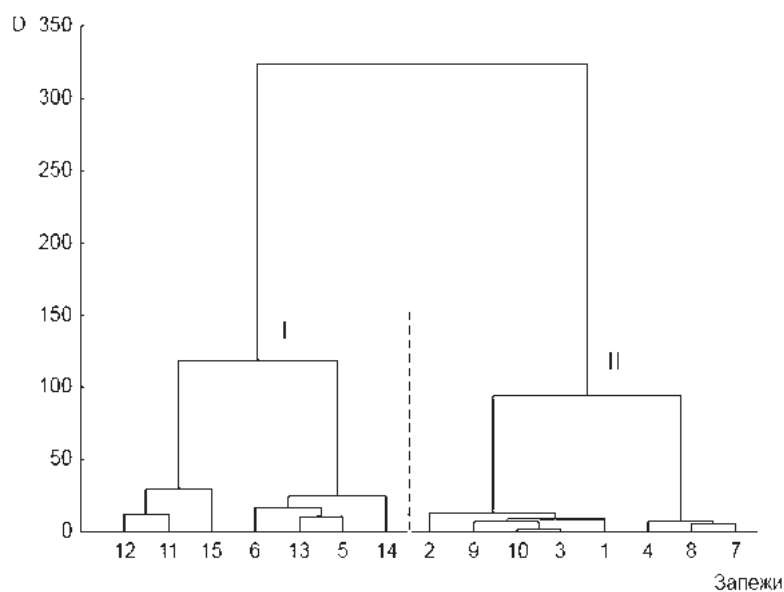

Рис. 4. Дендрограмма типизации разновременных залежей по частотам распределения внутрипочвенного объема камней: D – расстояние объединения; 12 – курган IV в. до н.э.; I – постантичные залежи; II – залежи нового времени

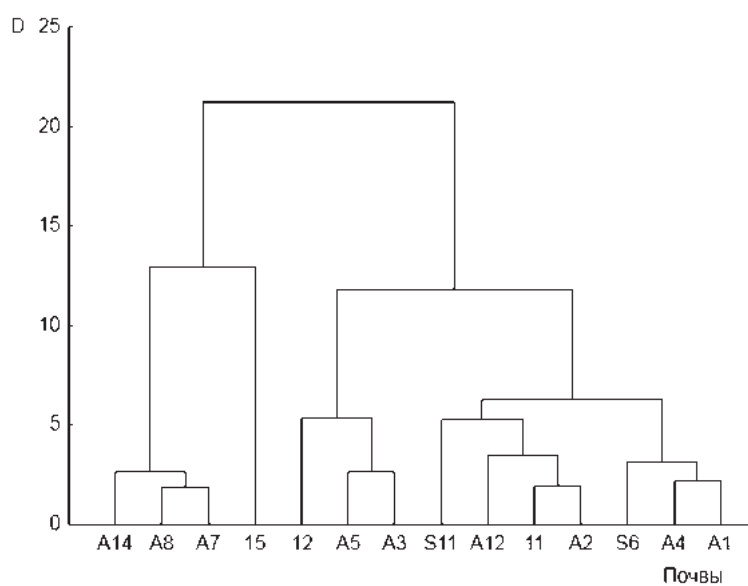

Рис. 5. Дендрограмма типизации почв разновременных залежей по совокупности 25 геохимических показателей: D – расстояние объединения; № – площадки отбора камней (см. рис. 2); А№ – археологические памятники (см. табл. 2); S№ – почвы на постселитебных землях (А 1–8, 12, 14) и на постагрогенных (S6, S11) залежах (см. рис. 2)

По картографическим материалам расположение пл. 9 определяется вне пашни, даже в 1957 г., но по средней величине V это участок должен быть отнесен к залежи возрастом не менее 50 лет. Привлечение разновременных космических снимков (табл. 1) показало, что периферия поля, использовавшегося как минимум в 1986 и 2000 гг., могла быть припахана к основному массиву.

Удостоверяемые по топокарте 1957 г. и материалам ДЗЗ в 1973 и 1992 гг. факты распашки поля с пл. 4 отражаются в оценке каменистости залежи, которая близка с оценками для поля с пл. 7 и 8, где по периодичности формирования растительности залежей (табл. 1) восстанавливаются невыявленные фазы распашки.

Величина ошибки выборочной средней зависит от степени изменчивости признака и от объема выборки. Так как разработка метода определения возраста залежей по внутриверхнему объему камней была ориентирована на его использование в полевых условиях, то стремились ограничиться в поле близким числом измерений – 25–35. Поэтому оценка стандартной ошибки в данном случае может выступать мерой варьирования изучаемого признака. Обработка данных, полученных в 2015 г., для ранее неизвестного района дальней херсонесской хоры (северное побережье оз. Сасык-Сиваш) и установленная зависимость погрешности оценки внутриверхнего объема камней от длительности режима ренатурации показали, что величина стандартной ошибки при размахе величин от 1,18 до 3,57% имела минимальные значения для контроля постантичного режима залежи (вершины кургана) и участка у поселения поздней бронзы Тюмень 3, а латентный период обработки удалось обнаружить для двух новых (не выявленных геомагнитной съемкой и методами ДЗЗ) площадей: земельного массива на левом склоне Тюменской балки (с ним, видимо, связана античная усадьба Тюмень-Хутор (№2 на рис. 2) к югу и вокруг размежеванного участка у поселения Тюмень 2 (IV–II вв. до н.э.), а также участка на правом склоне, напротив античной усадьбы Тюмень 1. Это существенно уточнило представление об истинных размерах изучаемого древнеземледельческого района.

По результатам, отраженным на рис. 2 и 3, установлено, что пл. 5, 6 и 14 относятся к древним постагрогенным залежам. Они тяготеют к поселениям: пл. 14 напротив, а пл. 5 к востоку от усадьбы Тюмень-Хутор (IV в. до н.э.), а пл. 6 у античной усадьбы Тюмень 1 и в непосредственной близости к системе землеустройства у поселения Тюмень 2.

Система земледелия и связанная с ней практика размежевания государственных или подконтрольных государству земель, используемые в том или ином регионе античного мира или на том или ином историческом этапе, в любом случае требовали соблюдения определяющего правового и производственного принципа – обеспечения равновеликости полей (Лисецкий, 2015, с. 98). Реконструкция топологической структуры системы землеустройства у поселения Тюмень 2, которое возникло в середине IV в. до н. э.³⁴ и погибло примерно во II в. до н. э., позволила определить, что площадь стандартного земельного участка со сторонами $48,1 \pm 0,83$ и $29 \pm 0,92$ м составляла $0,133\text{--}0,146$ га, т.е. в среднем $1394,5 \text{ м}^2$ ³⁵. Хотя у этих участков достоверно выявлены и внутриверхние границы, по-видимому, обусловленные агротехническими особенностями землепользования.

³⁴ Кутайсов, Смекалова 2014, 89.

³⁵ Смекалова, Лисецкий, Маринина 2015, 156.

Таким образом, достоверно может быть определена площадь единичного (неделимого) земельного участка в античном парцеллярном хозяйстве. Но представления об его интеграции в поля севооборота или земельный массив, уже находящийся в земельно-правовой сфере регулирования отношений землевладельца и землепользователя, могут носить лишь гипотетический характер, так как опираются на расчетные оценки. Для этого обратимся к имеющимся данным по организации землепользования в сельских округах античных полисов с зерновой направленностью растениеводства.

В результате анализа гистограммы распределения площадей 350 земельных наделов в северо-западной части Таманского п-ва установлена величина стандартного участка (модуля) – 2,51 га, соответствующего самому малому из выделенных при дешифрировании аэрофотоснимков наделу, а также то, что большинство земельных участков по своей площади близки целому количеству модулей – от 2 до 4, т.е. от 5,01 до 10,3 га³⁶. Если применить указанный модуль для массива у Тюменской балки, то из парцеллярных участков могут формироваться два массива по 9 участков (3×3) по 1,255 га. Возможно, это может послужить косвенным аргументом в пользу одновременного выращивания здесь яровых и озимых зерновых культур, что характерно для трехпольной системы земледелия, практиковавшейся в зерновом хозяйстве Ольвийской хоры³⁷.

Результаты дешифрирования крупномасштабных аэрофотоснимков для южной части Ольвийской хоры³⁸ показали, что площадь единичного земельного надела оценивается в 0,3 га, а наиболее часто встречаемый размер поля севооборота составляет 1,05 га (280×37,5 м). В системе землеустройства у поселения Тюмень 2 наименьшее расстояние между соседними межами составляет в среднем 24,2 м (21÷30 м) и площадь стандартного участка в 2 раза меньше, чем у Ольвии, т.е. площадь двух смежных полей (или 4-х неделимых участков) у Керкинитиды оценивается в 0,27–0,29 га.

Предполагаемая зона древнего земледелия включает размежеванный в середине IV в. до н.э. земельный массив, а также прилегающие земли в приводораздельной зоне, а также вдоль левого и частично правого склона Тюменской балки (рис. 2).

Общий потенциал земельных ресурсов как пространственного базиса составил 311 га, в том числе 265 га на водоразделе и левом склоне Тюменской балки и отдельный массив в 46 га без видимых следов межевания земель напротив усадьбы Тюмень 1 на правом склоне балки, что при единичном наделе площадью 0,133–0,146 га обеспечивало формирование порядка 2200 участков в парцеллярном хозяйстве.

Имеется опыт применения для сельской округи Керкинитиды оценок трудозатрат земледельца, используя норматив Колумеллы (один человек способен обработать 25 югеров поля под зерновые культуры)³⁹, т.е. 6,3 га. В таком случае земледельческую зону в верховье Тюменской балки при ее максимальном освоении должен был обеспечивать труд порядка 50 работников.

³⁶ Паромов 2000, 317.

³⁷ Одрін 2011, 60.

³⁸ Лисецкий 2000, 117.

³⁹ Внуков 2006, 239.

Основной земельный массив античного земледелия расположен на левом склоне Тюменской балки, который имеет среднюю крутизну $2,52^\circ$ и северо-западную экспозицию. Соответственно, основное направление длинных сторон земельных наделов ориентировано с северо-востока на юго-запад, т.е. субпараллельно изогипсам балочного рельефа. Это обеспечивало создание борозд при обработке и рядков посевов перпендикулярных линии тока воды, что, как известно, относится к наиболее эффективной форме организации землеустройства, обеспечивающей регулирование водно-эрозионных процессов и проведение (неясно, насколько осознанно) «сухой» мелиорации агроландшафтов.

В древнеземледельческих районах при отсутствии документированных сведений (истории полей) для создания пространственно-временных моделей землепользования могут быть использованы разновременные источники данных: планы и карты Генерального межевания, топографические карты, материалы аэрофото- и космической съемки, что позволяет разработать карту-гипотезу. В полевых условиях ее верификация может быть проведена с помощью временной координации этапов восстановительных сукцессий на период, пока формируются растительные смены (в степной зоне до 30–80 лет), а в дальнейшем по степени зрелости сообществ и диагностике почвенно-регенерационных процессов, а также предлагаемым методом оценки длительности залежного режима по определению внутрипочвенного объема камней. Это позволяет методом исключения определить целинные участки и потенциальные территории доантичного и античного землепользования.

Предложенный авторами способ реконструкции истории землепользования, основанный на интеграции картографических данных, материалов дистанционного зондирования и оценок внутрипочвенного объема камней, может быть успешно применен, если залежи формируются на поверхностно-каменистых почвах (камни появляются на глубинах 0–30 см) или постагрогенные почвы имеют хотя бы минимальную степень каменистости ($>5\text{--}10\%$ покрытия поверхности). Это позволяет идентифицировать в полевых условиях старозалежные земли, включая постантичные, а также датировать те из них, которые испытывали в последние несколько столетий неоднократные трансформации. Наиболее объективным показателем, который может использоваться для датирования разновозрастных залежных земель, следует признать распределение в большой выборке доли внутрипочвенного объема камней по грациям частоты встречаемости <60 , $60\text{--}70$ и $>70\%$. Используемая методика обладает эвристическим потенциалом, так как анализ зависимости среднего значения внутрипочвенного объема камней от длительности залежного режима позволяет выявить гетерохронные объекты с латентными периодами земледельческого освоения.

ЛИТЕРАТУРА

- Винокуров, Н.И. 2007: Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. *БИЗ*. Симферополь–Керчь.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. - II в. н.э.* Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.

- Егоров, В.В., Иванова, Е.Н., Фридланд, В.М., Розов, Н.И. 1977: *Классификация и диагностика почв СССР*. М.
- Когель, Н.С. 1969: *Почвы Крымской области*. Симферополь.
- Кочкин, М.А. 1967: *Почвы, леса и климат Горного Крыма и пути их рационального использования*. М.
- Кочкин, М.А., Важов, В.И., Иванов, В.Ф. и др. 1972. *Основы рационального использования почвенно-климатических условий в земледелии*. М.
- Кутайсов, В.А. 2013: *Античный полис Керкинитида*. Симферополь.
- Кутайсов, В.А., Смекалова, Т.Н. 2014: Второй год археологических исследований херсонесской усадьбы Ортли. *История и археология Северо-Западного Крыма*. Симферополь, 165–218.
- Лебедева, И.И., Тонконогов, В.Д., Шишов, Л.Л. 1996: Агрогенно-преобразованные почвы: эволюция и систематика. *Почвоведение* 3, 351–358.
- Лисецкий, Ф.Н. 1998: Автогенная сукцессия степной растительности в постантичных ландшафтах. *Экология* 4, 252–255.
- Лисецкий, Ф.Н. 2000: *Пространственно-временная организация агроландшафтов*. Белгород.
- Лисецкий, Ф.Н. 2015: Реликтовая инфраструктура агроландшафтов Северного Причерноморья и ее датировка. *География и природные ресурсы* 3, 94–99.
- Лисецкий, Ф.Н., Голеусов, П.В. 2002: Почвенно-хронологические исследования археологических памятников Таманского полуострова. *Донская археология* 3–4, 102–112.
- Лисецкий, Ф.Н., Смекалова, Т.Н., Маринина, О.А. 2016: Биогеохимические особенности разновременных залежей в степной зоне. *Сибирский экологический журнал* 3, 436–448.
- Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А. 2010: *Динамика сельскохозяйственных земель России в XX веке и постагрогенное восстановление растительности и почв*. М.
- Маринич, О.М. (відпов. ред.) 1990: *Географічна енциклопедія України*: в 3-х т. Т. 2. К.
- Одрін, О. 2011: Зернове господарство Ольвійського поліса в VI – першій половині III ст. до н. е. *Україна в Центрально-Східній Європі* 11, 47–71.
- Павлюк, С.П. 1991: *Традиційне хліборобство України: агротехнічний аспект*. Київ.
- Паромов, Я.М. 2000: О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове. *Археологические вести* 7, 309–319.
- Полупан, Н.И. 1986: Характер и интенсивность гумусообразования в почвах зоны южной и сухой Степи Украины при различных антропогенных воздействиях. *Агрохимия* 12, 62–72.
- Постников, В.Е. 1891: *Южно-русское крестьянское хозяйство*. М.
- Рогов, Е.Я. 1996: Экология Западного Крыма в античное время. *ВДИ* 1, 70–84.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А. 2013: Пастухи и земледельцы раннего железного века в Северо-Западном Крыму. *Материалы к археологической карте Крыма*. Т. VIII. Ч. 2. Симферополь.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А. 2014: Два новых античных виноградника в Северо-Западном Крыму. *ВДИ* 2, 54–78.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А., Чудин, А.В. 2013: Археологическая карта окрестностей Керкинитида. *Ортли. Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса*. Симферополь, 136–150.
- Смекалова, Т.Н., Лисецкий, Ф.Н., Маринина, О.А., Чудин, А.В., Гарипов, А.С. 2015: Изучение пространственной организации древнего землепользования в Северо-Западном Крыму геоархеологическими методами. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 1(28), 150–160.
- Щеглов, А.Н. 1978: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Л.

REFERENCES

- Egorov, V.V., Ivanova, E.N., Fridland, V.M., Rozov, N.I. 1977: Klassifikacija i diagnostika pochv SSSR. Moscow.
- Goldberg, P., MacPhail, R. 2006: *Practical and Theoretical Geoarchaeology*. Blackwell Publishing Limited. New York.
- Kochkin, M.A., Vazhov, V.I., Ivanov, V.F. i dr. 1972: *Osnovy racional'nogo ispol'zovanija pochvenno-klimaticheskikh uslovij v zemledelii*. Moscow.
- Kochkin, M.A. 1967: *Pochvy, lesa i klimat Gornogo Kryma i puti ih racional'nogo ispol'zovanija*. Moscow.
- Kogel', N.S. 1969: *Pochvy Krymskoj oblasti*. Simferopol.
- Kutaisov, V.A., Smekalova, T.N. 2014: Vtoroj god arheologicheskikh issledovanij hersonesskoj usad'by Orli. *Istorija i arheologija Severo-Zapadnogo Kryma*. Simferopol, 165–218.
- Kutaisov, V.A. 2013: *Antichnyj polis Kerkinitida*. Simferopol.
- Lebedeva, I.I., Tonkonogov, V.D., Shishov, L.L. 1996: Agrogenno-preobrazovannye pochvy: jevoljucija i sistematika. *Pochvovedenie* 3, 351–358.
- Lisetskii, F.N., Stolba, V.F., Marinina, O.A. 2015: Indicators of agricultural soil genesis under varying conditions of land use, Steppe Crimea. *Geoderma*. 239–240, 304–316.
- Lisetskii, F.N., Goleusov, P.V. 2002: Pochvenno-hronologicheskie issledovanija arheologicheskikh pamjatnikov Tamanskogo poluostrova. *Donskaja arheologija* 3–4, 102–112.
- Lisetskii, F.N., Marinina, O.A., Jakuschenko, D.G. 2014: A new approach to dating the fallow lands in old-cultivated areas of the steppe zone. *Research Journal of pharmaceutical, biological and chemical sciences* 5. 6, 1325–1330.
- Lisetskii, F.N., Smekalova, T.N., Marinina, O.A. 2016: Biogeohimicheskie osobennosti raznorennykh zalezhej v stepnoj zone. *Sibirskij jekologicheskij zhurnal* 3, 436–448.
- Lisetskii, F.N. 1998: Avtogenijaja sukcesija stepnoj rastitel'nosti v postantichnykh landshaftah. *Jekologija* 4, 252–255.
- Lisetskii, F.N. 2000: *Prostranstvenno-vremennaja organizacija agro-landshaftov*. Belgorod.
- Lisetskii, F.N. 2015: Reliktovaja infrastruktura agrolandshaftov Severnogo Prichernomor'ja i ee datirovka. *Geografija i prirodnye resursy* 3, 94–99.
- Ljuri, D.I., Gorjachkin S.V., Karavaeva N.A. 2010: *Dinamika sel'skoho-zhajstvennykh zemel' Rossii v HH veke i postagrogennoe vosstanovlenie rastitel'nosti i pochv*. Moscow.
- Marinich, O.M. (vidpov. red.) 1990: Geografichna enciklopedija Ukraïni: v 3-h t. K.: URE. T. 2.
- Munsell Color 1990: *Munsell soil color charts*. Baltimore.
- Odrin, O. 2011: Zernove gospodarstvo Ol'vijs'kogo polisa v VI – pershij polovini III st. do n. e. *Ukraïna v Central'no-Shidnij Evropi* 11, 47–71.
- Paromov, Ja.M. 2000: O zemel'nykh nadelakh antichnogo vremeni na Tamanskom poluostrove. *Arheologicheskie vesti* 7, 309–319.
- Pavljuk, S.P. 1991: *Tradiciijne hliborobstvo Ukraïni: agrotehničnij aspekt*. Kiïv.
- Polupan, N.I. 1986: Harakter i intensivnost' gumusoobrazovanija v pochvah zony juzhnoj i suhoj Stepi Ukraïny pri razlichnykh antropogennykh vozdeystvijah. *Agrohimija* 12, 62–72.
- Postnikov, V.E. 1891: *Juzhno-russkoe krest'janskoe hozhajstvo*. Moscow.
- Resina, S.P. 1991: Sobre un tratado de agrimensura del siglo I (1ª parte). *Topografia y Cartografia* 3. 46, 9–26.
- Rogov, E.Ja. 1996: Jekologija Zapadnogo Kryma v antichnoe vremja. *Vestnik drevney istorii* 1, 70–84.
- Shhegllov, A.N. 1978: *Severo-Zapadnyj Krym v antichnuju jepohu*. Leningrad.
- Smekalova, T.N., Bevan, B.W., Chudin, A.V., Garipov, A.S. 2015: The discovery of an ancient Greek vineyard. *Archaeological Prospection*, 22, 15–26.

- Smekalova, T.N., Kutajsov, V.A., Chudin, A.V. 2013: Arheologicheskaja karta okrestnostej Kerkinitidy. *Ortli. Antichnye usad'ba i vinogradnik na dal'nej hore Hersonesa*. Simferopol, 136–150.
- Smekalova, T.N., Kutajsov, V.A. 2013: Pastuhi i zemledel'cy rannego zheleznogo veka v Severo-Zapadnom Krymu. *Materialy k arheologicheskoy karte Kryma*. T. VIII. Ch. 2. Simferopol
- Smekalova, T.N., Kutajsov, V.A. 2014: Dva novyh antichnyh vinogradnika v Severo-Zapadnom Krymu. *Vestnik drevney istorii* 2, 54–78.
- Smekalova, T.N., Lisetskii, F.N., Marinina, O.A., Chudin, A.V., Garipov, A.S. 2015: Izuchenie prostranstvennoj organizacii drevnego zemlepol'zovaniya v Severo-Zapadnom Krymu geoarheologicheskimi metodami. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* 1(28), 150–160.
- Stolba, V.F. 2012: La vie rurale en Crimée antique: Panskoe et ses environs. *Études de lettres* 1–2, 311–364.
- Vinokurov, N.I. 2007: Vinogradarstvo i vinodelie antichnyh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ja. *Bosporskie issledovaniya* 3. Simferopol–Kerch.
- Vnukov, S.Ju. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.je. – II v. n.je. Chast' II: Petrografija, hronologija, problemy trgovli*. Saint-Petersburg.

EXPERIENCE OF COMPLEX MULTI-TEMPORAL MAPPING OF DEPOSITS ON GRAVELLY SOILS IN THE RURAL DISTRICT OF KERKINITIS

Fedor N. Lisetskiy*, Olga A. Marinina**, Edgar A. Terekhin***

*Belgorod State National Research University, Russia,
liset@bsu.edu.ru

** Belgorod State National Research University, Russia,
marinina@bsu.edu.ru

*** Belgorod State National Research University, Russia,
terekhin@bsu.edu.ru

Abstract. The experience of mapping of different time-deposits in the little-studied area of Kerkinitis chora using geoarchaeological (remote, geoinformation, geophysical, soil-genetic) methods, which are supplemented by estimates of the scope of the definitions of subsurface rock deposits duration mode is presented in this article. Objective criteria for classifying deposits to the post-antique and earlier time (on a statistical evaluation of the degree of immersion into the soil gravel) for widespread steppe Crimea in the conditions of formation of deposits on the surface of rocky soils were installed. Heterochrony model of territorial development of the land use system with the kernel in the form of a system of delimitation of land for field crops for the bee-keeping during the 4th – 2nd centuries BC was developed.

Key words: ancient land use, ancient arable farming, satellite imagery, deposits, Northwest Crimea, Kerkinitis

---

ЕЩЕ РАЗ О БОСПОРСКИХ КЛЕЙМАХ

Н.Ф. Федосеев

*Институт археологии Крыма РАН, Симферополь,
bospor@bk.ru*

Аннотация. В статье автор дискутирует с А.В. Ковальчук, опубликовавшей рецензию на каталог боспорских клейм из собрания Керченского музея. Автор не соглашается со многими замечаниями рецензента и приводит свои контраргументы. В некоторых случаях претензии рецензента не обоснованы.

Исправления А.В. Ковальчук клейм ПК на ПК и ПА на ΣΠΑΡ не отвечают реальности. Также нельзя согласиться с добавлением А.В. Ковальчук [ΙΔΙΩ]ΤΙΚΟΣ. Ближайшие аналогии (не прямые) найдены в Фанагории, а речь идет о Пантикапее.

Сопоставление номеров рукописи IOSPE III с музейными номерами – инициатива автора, и не факт, что удалось вывить все номера каталога. Эта работа может быть продолжена будущими исследователями. Структура каталога построена по примеру корпуса IOSPE III, но А.В. Ковальчук нашла несоответствия. Это не соответствует действительности.

Черепичные клейма, в отличие от амфорных, не могут служить надежным индикатором для датировки археологических слоев. Черепица во все времена была продуктом долгого использования и ее, часто употребляли во второй, а то и третий раз.

Автор исправляет множество ошибок в опубликованной А.В. Ковальчук коллекции черепичных клейм из раскопок Восточно-Крымской экспедиции.

Исправления А.В. Ковальчук в чтении имен в амфорных клеймах не имеют под собой основания. На рис. 3 приведены все боспорские амфорные клейма. Список боспорских амфорных клейм добавлен двум новыми оттисками с именами Хреста и Аполлония.

Ключевые слова: Боспор, Керченский музей, керамические клейма, черепица, амфоры, хронология

В сборнике «Древности Боспора» №19 опубликована статья А.В. Ковальчук «Н.Ф. Федосеев «Керамические клейма. Боспор». Киев, 2012»¹; вернее, это рецензия на мою книгу, но определение «рецензия» нигде в статье не встречается. Речь идет о публикации самой большой музейной коллекции черепичных клейм Боспора, насчитывающая более 3,5 тысяч единиц. Это первая книга из серии «Керамические клейма Керченского музея». Планируется издать всю коллекцию. В своих критических замечаниях А.В. Ковальчук явно переусердствовала, и я не могу согласиться с большей частью ее критики.

В первом абзаце автор говорит о «больших потенциальных возможностях, заложенных в черепичных клеймах для датирования археологических слоев и объ-

---

Федосеев Николай Федорович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма. E-mail: bospor@bk.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-10128 по теме «Греческие амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний музеев Крыма».

¹ Ковальчук 2015.

ектов» (С. 207). Это не так: черепица во все времена была продуктом долгого использования, и ее часто употребляли во второй, а то в третий раз – очень часто ее использовали для ремонта крыши, для устройства гробниц, известны случаи использования черепицы в качестве сковород и т.д. Например, из огромного комплекса черепицы с клеймами листовидной формы ВАК-ІД (явно крыши) на поселении Генеральское Западное руководителем раскопок А.А. Маслениковым не было сдано в фонды Керченского музея ни одной целой черепицы. Но вместе с тем среди мест находок черепицы с этим штампом значится Киммерик². Это говорит лишь об одном: всю черепицу, которую можно было бы использовать, собирали и увозили на другие объекты. Так, к примеру, на Неаполе Скифском обнаруженная черепица явно старше самого памятника³. Аналогичная ситуация и на Чайке⁴. Так что возможности для датировки археологических слоев у черепичных клейм, в отличие от амфорных, весьма скромные.

А.В. Ковальчук смущают разные числа клейм, указанные в каталоге: «Общее количество черепичных клейм 3509, а на С.8 упоминается 3540, хранящихся в фондах Керченского заповедника». Здесь никакого противоречия нет: в фонды поступают вещи под своими коллекционными номерами, в процессе постановки на учет они получают номер КП (книга поступлений) и лишь затем их записывают под коллекционным номером ККК («Керчь. Клейменная керамика»). Соответственно, что для прохождения всех трех этапов необходимо время, отсюда и разность чисел. Между поступлением вещи в фонды и получением ею коллекционного номера должно пройти время. К примеру, к 2014 году число боспорских черепичных клейм в Керченском музее составляло уже 3775⁵.

Сожаление у А.В. Ковальчук вызвало «формальное описание размеров черепиц», она считает это «важным упущением при описании внешнего вида боспорских черепиц» (С. 208). В моем тексте есть информация о размерах керамид, их весе, наличии бортика и валика, поперечного выступа, который цепляется за валик, площади перекрываемой крыши, размеры калиптеров et cetera. Я упомянул сводную таблицу керамических строительных деталей Северного Причерноморья, которую составил С.Д. Крыжицкий⁶, и «Свод археологических источников. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы» (САИ)⁷, где содержится подробное описание всех типов керамических изделий Боспора, и отослал всех заинтересованных лиц к этим работам (С. 8). Передо мной стояла задача не всестороннего изучения боспорской черепицы, а только издание каталога керамических клейм. Поэтому за рамками моего каталога остались слова про «зуб, расстояние до валика, ширина борта и т.д.». Первоначальный вариант каталога содержал еще главу «Производство клейменной черепицы

² Федосеев 2012, №294, 464, 465.

³ Голенцов, Голенко 1977.

⁴ Попова, Коваленко 2005, 107.

⁵ Необходимо пояснить, что каталог был готов в 2006 году и туда вошли материалы по 2005 год включительно и лишь отдельные клейма были учтены за 2006 год. Опубликован он лишь в 2012 году.

⁶ Кошеленко, Кругликова, Долгоруков 1984, табл. LXXXVII.

⁷ А.В. Ковальчук считает, что эта работа не упоминается мной: «Отметим лишь отсутствие сборника под редакцией И. Б. Зеест, посвященного античным керамическим строительным материалам (Зеест 1966)» (с. 209), но тут же пишет: «На который автор ссылается в предыдущей части (Федосеев 2012, 8)» и «эта работа и не связана напрямую с клеймением».

в античном мире и на Боспоре», которую я вынужден был убрать по требованию кураторов программы Виктора и Елены Зинько и которую я опубликовал отдельной статьей⁸. Возможно именно этой информации и не хватает А.В. Ковальчук?

А.В. Ковальчук считает важным выявить отличия в составе глиняного теста горгиппийской и пантикапейской черепицы. В другой своей работе я указывал на странную особенность черепиц, происходящих из Загородной усадьбы: «Часть клейменной черепицы, найденной здесь, изготовлена из типично боспорской (пантикапейской) глины, а часть из глины внешне схожей с горгиппийской. Она менее прочная, оранжевого цвета и несколько тоньше (ок. 16 мм), чем традиционные боспорские керамиды. Интересно, что из этой глины изготовлены не только многочисленные черепицы с клеймами Сатириона, но и с другими штампами, в том числе и Горгия. Чем объяснить этот феномен? Тем, что для изготовления отдельных партий глина доставлялась из района Горгиппии? Маловероятно. Да и толщина керамид говорит о том, что они изготовлены по стандартам горгиппийских черепиц, следовательно, логично предположить, что эта черепица была произведена в Горгиппии. Более того, это была не одноразовая акция, а, как следует из набора черепиц с различными клеймами, практика за весь период существования Загородной усадьбы»⁹. Для меня было бы интересно мнение А.В. Ковальчук по этому вопросу, но, к сожалению, этот пассаж не заинтересовал Анну Витальевну.

Удивление у А.В. Ковальчук вызвало и то, что на диаграмме статистического распределения черепичных клейм¹⁰ вслед за Пантикапеем и Мирмекием следует поселение Генеральское Западное и лишь затем Нимфей. В данном случае можно лишь рассуждать, почему так получилось.

По мнению А.В. Ковальчук, я зачастую опускаю основное содержание статей, приводя лишь факты, привлекая мое внимание (С. 209). Автор утверждает, что ее заметка¹¹ посвящена публикации штампа для клеймения черепиц, а не разбору знаков сокращения (С. 209). Между тем рассуждениям о «знаке сокращения в виде лунарной сигмы» посвящена целая страница из небольшой заметки. Там же А.В. Ковальчук разделяет клейма на две группы, в которых смешивает лунарную сигму со знаком сокращения. А если признать что «лунарная сигма» – это не знак сокращения, а эмблема «полумесяц»¹², то классификация А.В. Ковальчук вовсе становится абсурдной.

Я ранее высказал все свои замечания¹³, но А.В. Ковальчук их оставила в стороне. Нет в этой заметке ни слова о центре производства амфоры, из ручки которой был изготовлен штамп. Анна Витальевна с ошибками восстановила легенды клейм, на основании которых она датировала этот штамп. Там же А.В. Ковальчук пишет, что «Б.Н. Гракову, при составлении IOSPE III, было известно 9 различных штампов с именем Теодор, а сейчас их уже 12». При всем старании я насчитал только 5 штампов, которые можно было бы интерпретировать как имя Тео(у)дор. Видимо, А.В. Ковальчук согласна с моими замечаниями.

⁸ Федосеев 2011, 1.

⁹ Федосеев 2013, 370.

¹⁰ Федосеев 2012, рис.3.

¹¹ Ковальчук 2006.

¹² Федосеев 2014, 157.

¹³ Федосеев 2011.

Перу А.В. Ковальчук и А.А. Масленникова¹⁴ принадлежит публикация черепичного завала с поселения Генеральское Западное. Авторы в табличном списке опубликовали 74 черепичных клейма и маюскалами: гераклейское, фасосское и три синопских клейма, которые авторы считают одномоментным сбросом строительного мусора, фиксирующим масштабные перестройки на поселении. Я полагаю, что было правильным опубликовать все двести найденных там амфорных клейм (а не только пять) и всех черепичных клейм. Замечания к этой статье касаются не только списка черепичных клейм, но и восстановления легенд амфорных клейм¹⁵. Но А.В. Ковальчук считает необоснованным этот призыв.

Структура каталога построена по примеру корпуса IOSPE III. Но А.В. Ковальчук нашла несоответствия: она утверждает, что в IOSPE III Б.Н. Граков размещал сначала штампы без знака сокращения, потом с ним (С. 210). Это не соответствует действительности. Раздел «Боспор Киммерийский» в рукописном корпусе клейм начинается с главы «Клейма, содержащие сокращения и полные имена гончаров, боспорских архонтов, царей и других магистратов, по одному и по два», затем клейма, содержащие слова βασιλική и βασι βασιλικός. Именно по этой структуре создан мой каталог, и это зафиксировано последовательностью ссылок на номера корпуса клейм.

А.В. Ковальчук утверждает, что в моем тексте присутствуют «многочисленные ошибки в ссылках на номера IOSPE III» (С. 210). Надо заметить, что соотносить номера рукописи IOSPE III с музейными – это была моя инициатива. В свое время с коллекцией керченского музея работал и Е.М. Придик, и Б.Н. Граков, и большая часть материала была включена в рукопись корпуса. Ссылки на рукопись корпуса керамических клейм ни в одну музейную опись не внесены. Там, где это было возможно, я сопоставил номер IOSPE III с музейными номерами. Это позволило частично уточнить (а порой и исправить) паспорта тех клейм, которые зачастую числились как в музейных книгах как «место находки неизвестно», а в случае с черепичными клеймами даже изменять паспорт: например, Мирмекий на Мирмекийская (Загородная) усадьба. Возможно, А.В. Ковальчук права, это надо было сделать и для клейма № 1190 моего каталога, который записан как место находки «Мирмекий, 1951, №17», но что-то меня остановило идентифицировать его с №784 IOSPE III, где записано «Мирмекий (усадьба), 1951. (без №)».

В ряде случаев А.В. Ковальчук справедливо делает замечания, что некоторые номера я не смог идентифицировать. Но я уверен, что другой исследователь, которые придет после нас, тоже найдет еще номера IOSPE III, которые остались не замеченными мной и А.В. Ковальчук.

А.В. Ковальчук пишет, что клейма № 1289–1303 каталога соответствуют IOSPE III № 489–493. Но как могут соответствовать 15 номеров моего каталога 5 номерам рукописи IOSPE III с указанием «Пантикапей и окр.»? В качестве аналога – возможно, но не соответствия.

В ряде случаев замечания А.В. Ковальчук следует отнести не к конкретным клеймам, а к аналогичным оттискам. Так, утверждение, что клейма ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ № 2560–2575 моего каталога соответствуют № 1208–1211 IOSPE III, спорно, поскольку в IOSPE III эти клейма разделены на два штампа, а у меня на четыре.

¹⁴ Ковальчук, Масленников 2006.

¹⁵ В частности к клейму 2004, 144.

Про клейма ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ в рукописи IOSPE III № 1714–1793 Б.Н. Граков пишет, что эти номера содержат «два почти тождественных штемпеля этого содержания», в то время как у меня выделен третий штамп (№№ каталога 3322–3401, 3402–3469, 3470–3478), поэтому ссылка А.В. Ковальчук на IOSPE III № 1714–1793 некорректна.

В ряде случаев требуют корректировки ссылки А.В. Ковальчук (сс. 3 на С. 210) на номера IOSPE III: надо № 1686–1707, а не №1685–1707, №1674–1685, а не №1685–1707. По мнению автора статьи, № 1330 каталога соответствует IOSPE III № 501. Однако в IOSPE III указано место хранения ГМИИ, а не Керченский музей, так что выявленное соответствие мнимое.

Замечание, что номера IOSPE III в моем каталоге (№ 974–978, 1275–1288) отсутствуют, не соответствует действительности. Советую А.В. Ковальчук внимательнее ознакомиться с каталогом.

Большинство «исправлений» А.В. Ковальчук таковыми не является: так, она дважды утверждает (на С. 209 и 210), что штамп ПА¹⁶ является плохо отпечатанным штампом ΣΠΑΡ. Это не так. На фото¹⁷ и на протирке, которую я специально сделал (рис. 1), четко видна граница клейма, не оставляющая сомнений в правильности моего чтения – ПА. Интересно, что ранее А.В. Ковальчук не смогла прочесть данный оттиск¹⁸.

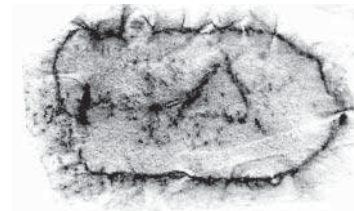

Рис. 1. Протирка с клеймом ПА

А.В. Ковальчук утверждает, что в клейме №235 я «вслед за В. В. Веселовым реконструирую [ΑΡΧΟΝ?]ΙΚΟΣ», и предлагает собственное восстановление [ΙΔΙΩ]ΤΙΚΟΣ, по аналогии с найденным в Фанагории клейме на керамиде ΙΔΙΩΤΙΚΗ (частная).

Во-первых, я написал «восстановление В.В. Веселова беспрецедентное» и предложил варианты различные восстановления на -τικός: Ευφραντικός, Κρητικός, Πολιτικός, Повτικός, Σκεπτικός. «В настоящее время у меня нет никаких данных для достоверного восстановления легенды этого уникального клейма» (с.35). Именно поэтому я поставил на восстановление В.В. Веселова знак вопроса.

Во-вторых, предположение А.В. Ковальчук в чтении легенды этого оттиска оригинально, но тоже небесспорно: черепица найдена в Пантикапее, а не в Фанагории, которой присущ штамп ΙΔΙΩΤΙΚΗ, и изготовлена она из типично пантикапейской глины. Нам не известны находки со штампом ΙΔΙΩΤΙΚΗ в Пантикапее, тем более оттиск на калиптере с клеймом «частный». Так что чтение легенды этого клейма остается прежним – [---]ΤΙΚΟΣ.

А.В. Ковальчук утверждает, что ретроградное монограммное клеймо ПК из Тиритаки (№ 1814) – это вариант известного штампа ΠΚ (С. 209). На фото каталога (С. 126) четко видно правую границу клейма, где нет буквы йота. На мой взгляд, интересно другое – клеймо оттиснуто не на черепице, а на налесте (sic!) на черепицу. Это единственный случай подобного рода клеймения продукции.

¹⁶ Каталог №1709. Генеральское Западное 1986. № 326. Кп108550/ккк14649.

¹⁷ См. каталог №1709.

¹⁸ Ковальчук 2012, 32.

Неизвестно, что вызвало возмущение А.В. Ковальчук в чтении клейма № 268. Она предлагает читать легенду ΑΣΤΥΔ в ретроградном написании. Сравни у меня: «№268–272 ΑΣΤΥ/Δ ретроградно».

А.В. Ковальчук пишет, что «№ 1727 фотография не соответствует действительности, так как иллюстрируется оттиск ΠΑΙΡΙΣ, а фотография с клеймом ΠΠΟΚΡΑΣ». Напомню уважаемому оппоненту, что клейма №№1724–1735 относятся к так называемым «двойным фирмам», что подразумевает наличие двух клейм. У меня в каталоге сказано (с. 69): «Данный оттиск всегда в сочетании с клеймом ΠΠΟΚΡΑ(» (»». И если бы А.В. Ковальчук была более внимательна, то рядом с фотографией №1727 находится как раз фото №1721–1, иллюстрирующая оттиск ΠΑΙΡΙ(.

Что касается «клейма» под № 1831, которое, по мнению А.В. Ковальчук, не является клеймом – это прорезанный круг, уже после обжига черепицы. Этот же оттиск (1995 г., оп. № 192) ранее сама же А.В. Ковальчук относила к клеймам, который «в силу плохой сохранности не удалось реконструировать»¹⁹. Это же «клеймо» фондовая комиссия Керченского заповедника взяло на учет в коллекцию керамических клейм.

Необходимо заметить, что А.В. Ковальчук опубликовала достаточно большую коллекцию из 503 черепичных клейм, происходящих из раскопок Восточно-Крымской экспедиции²⁰. Поскольку эти клейма хранятся в Керченском музее и публикация имеет прямое отношение к каталогу черепичных клейм, позволю себе проанализировать ее.

В данной публикации много ошибок как в нумерации, так и по сути: на с. 35 №1 ошибочно указан полевой № 152, на с. 35 в №22 А.В. Ковальчук ошибочно указала пол. №60, на с.36 в №55 ошибочно указала пол. №116, на с. 39 в №206 ошибочно указан полевой № 44, на с.42 в №317 ошибочно указан пол. №141, на с.42 в №324 ошибочно указан пол. №591, на с.42 в №323 ошибочно указан полевой №323 на с. 28 в №55 ошибочно указан полевой №196, на с. 35 в №21 ошибочно указан ккк11991, на с. 43 в №340 ошибочно указан номер ккк14941, на с. 36 №66 ошибочно указан № кп100454, на с. 36 №56 ошибочно указала № кп100453. Несколько клейм А.В. Ковальчук опубликовала дважды, причем как находки в разных местах: первый раз как находку на поселении Генеральское юго-западный склон, с неверно указанным годом находки (С. 29, №101), а второй – как из раскопок Генеральское Западное (С. 43; № 343); клеймо с поселения Генеральское юго-западный склон (С. 27. №30) второй раз как находку с Генеральского Западного (С. 41, №257); черепицу из раскопок поселения Чокракский мыс (С. 20, №1) как находку с Генеральского Западного с неверным номером кп (С. 40, №235). В ретроградном оттиске (ΘΕΥΔ А.В. Ковальчук ошибочно восстановила легенду LE. (С. 41, №286). Девять оттисков клейма с легендой ΒΑ-ΚΙΔ (С. 40, №207–215) ошибочно перечисляет дважды, причем второй раз как штамп ΙΗ (С. 41, №259–267). Ретроградный оттиск ME она опубликовала дважды (С. 29, №93): один раз как с поселения Генеральское юго-западный склон, и как с поселения Генеральское Западное (С. 42, №311). Аналогично и для второго оттиска этого же штампа (С. 29, №94 = С. 42, №312). Известны случаи просто повтора – на с. 27 №41=42.

¹⁹ Ковальчук 2012, 32.

²⁰ Ковальчук 2012.

В ряде случаев А.В. Ковальчук не разделяет оттиски на штампы (С. 42. №301, С. 43. №335) либо ошибочно относит к другим штампам (С. 41, №272; С. 35, №2; С. 40, №223–225, №237). В ряде случаев не восстановленная ранее легенда²¹ послужила поводом для невключения этих клейм в каталог²².

Некоторые клейма А. Ковальчук определила неверно: вместо ИН надо ретроградное ΝΙ (С. 27. №37); в №3 на с. 35. А.В. Ковальчук увидела несуществующую лигатуру; в №18 на с. 35 вместо ΑΣΤΥ (, надо ΑΣΤΥΔ.

В некоторых случаях претензии А.В. Ковальчук не обоснованы. Так, она пишет, что я в публикации клейма [(ΘΕ)]ΥΔ не отметил в восстановлении знак сокращения²³. Как видно по фотографии, я этого сделать и не мог. Напомню, что в публикации я указал, что это новый штамп и половина клейма, где необходимо было восстановить знак сокращения, не сохранилась. Полная реконструкция этого штампа сделана позднее, на основании другого оттиска, хранящегося в фондах КИКЗ. В качестве иллюстрации А.В. Ковальчук (рис. 18 на С. 53) приводит фото целого штампа неизвестного происхождения. На поселении Бакланья скала был найден фрагментированный оттиск. В комментарии к нему на с. 45 №238 А.В. Ковальчук пишет, что это ретроградный штамп, хотя на опубликованной ею фотографии видно прямое написание.

В подаче материала нарушен алфавитный порядок – на с. 29 после ΣΚΥΘΑ идет ΣΑΤΥ(.

В данной публикации все чтения даны только маюскулами, фотографии и рисунки не привязаны к клеймам, отсутствуют индексы мест находок, имен, обратный индекс имен – общепринятые требования к публикации керамических клейм²⁴.

Что касается иллюстраций, то мне уже доводилось делать замечание А.В. Ковальчук относительно публикации материалов из Пантикапея²⁵: прорисовки даны без масштаба, буквы переданы двойной линией, что принято только для английских клейм, а для рельефных необходима заливка. Характерно, что в другой публикации А.В. Ковальчук английское клеймо «ΒΑΚ-ΙΔ» и рельефные клейма²⁶ передает одинаково – двойной линией, что также недопустимо²⁷. Те же слова относятся и к публикации 2012 года²⁸.

Интересно, что в статье, посвященной черепичным клеймам из цистерны № 143 Пантикапея, В.П. Толстиков и А.В. Ковальчук предлагают уточнить датировку клейм с надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ / ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ²⁹. Рискну предположить, что данный раздел принадлежит перу А.В. Ковальчук, а В.П. Толстиков описывал обстоятельства раскопок цистерны. А.В. Ковальчук на основании отсутствия черепицы с клеймами «Царская» на поселении Генеральское Западное делает вы-

²¹ Ковальчук, Масленников 2006, 202; № 72–74.

²² Ковальчук 2012.

²³ Ковальчук 2012, 22.

²⁴ Гарлан, Боду 2011, 423.

²⁵ Толстиков, Ковальчук 2005.

²⁶ Ковальчук, Масленников 2006, 217 = Kovaltschuk, Maslennikov 2011.

²⁷ Федосеев 2012, 19.

²⁸ Ковальчук 2012.

²⁹ Толстиков, Ковальчук 2005.

вод, что она изготовлялась после 265 года до н.э., то есть после гибели поселения (265–240 гг. до н. э.), со ссылкой на А.А. Масленникова³⁰.

Здесь явное нарушение закона логики достаточного обоснования. Нельзя объяснить вещь при отсутствии ее. Нет в комплексе Генеральского поселения поливной керамики, как нет и синхронных ему по времени и херсонесских черепичных клейм. Но никто не пытается определить дату их существования лишь на факте отсутствия их в комплексе находок из Генеральского. Здесь налицо недочеты обоснования.

Боспорским черепичным клеймам посвящена диссертация А.В. Ковальчук, в автореферате к которой она утверждает, что ею создана новая хронологическая классификация этих клейм. Однако, кроме констатации этого факта, в ее публикациях найти обоснование этой хронологии мне не удалось³¹.

Уделила А.В. Ковальчук внимание и выделенной мною группе боспорских амфорных клейм. Непонятно только, отчего она посчитала, что выделение этой группы было «предварительным». «Он [Федосеев], опираясь на стиль, палеографию и состав глиняного теста, определяет в отдельную группу 10 амфорных клейм из коллекции Керченского музея, которая, по его мнению, относится к боспорскому производству и датируется II в. н. э.» (С. 210). Ключевое словосочетание здесь – «по его мнению». Так уж повелось в нашей науке, что определениям специалистов принято доверять. Конечно, другой специалист может иметь отличное мнение, но в таком случае принято приводить аргументы *contra*. Конечно, было бы хорошо приложить анализ глин, как предлагает А.В. Ковальчук, но его нет и у нее самой в таком спорном и важном вопросе, как принадлежность мерной ойнохой с клеймом Аполлодора к производству Боспора³².

Замечания А.В. Ковальчук касаются двух клейм: она считает чтение имени

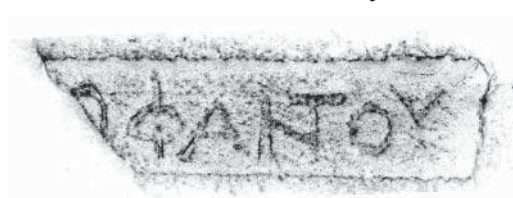

Рис. 2. Протирка амфорного клейма с именем Диофанта

Диофант спорным, поскольку «фи предшествует не омикрон, а, скорее, ипсилон или лунарный эpsilon». Соответственно восстановление имени Диофант, по ее мнению, спорно (С. 211). Предлагаю читателю, в дополнение к фотографии приведенной в моем каталоге (С. 145), ознакомиться с протиркой данного клейма (рис. 2) и самим сделать вывод – какое имя сле-

дует восстановить в данном оттиске. Характерно, что А.В. Ковальчук не приводит своего варианта чтения этого клейма.

Клеймо №5 фрагментарное, все восстановления у меня даны со знаком вопроса, и восстановление ΧΡΗ(ΣΤΟΥ)? я сопроводил словом «возможно» (С. 100). Между тем А.В. Ковальчук утверждает, что в клейме после эти вырезана еще одна буква (С. 211). Интересно спросить у А.В. Ковальчук – какая же это буква?

³⁰ Масленников 1998, 59.

³¹ Федосеев 2012, 24.

³² Ковальчук 2012а.

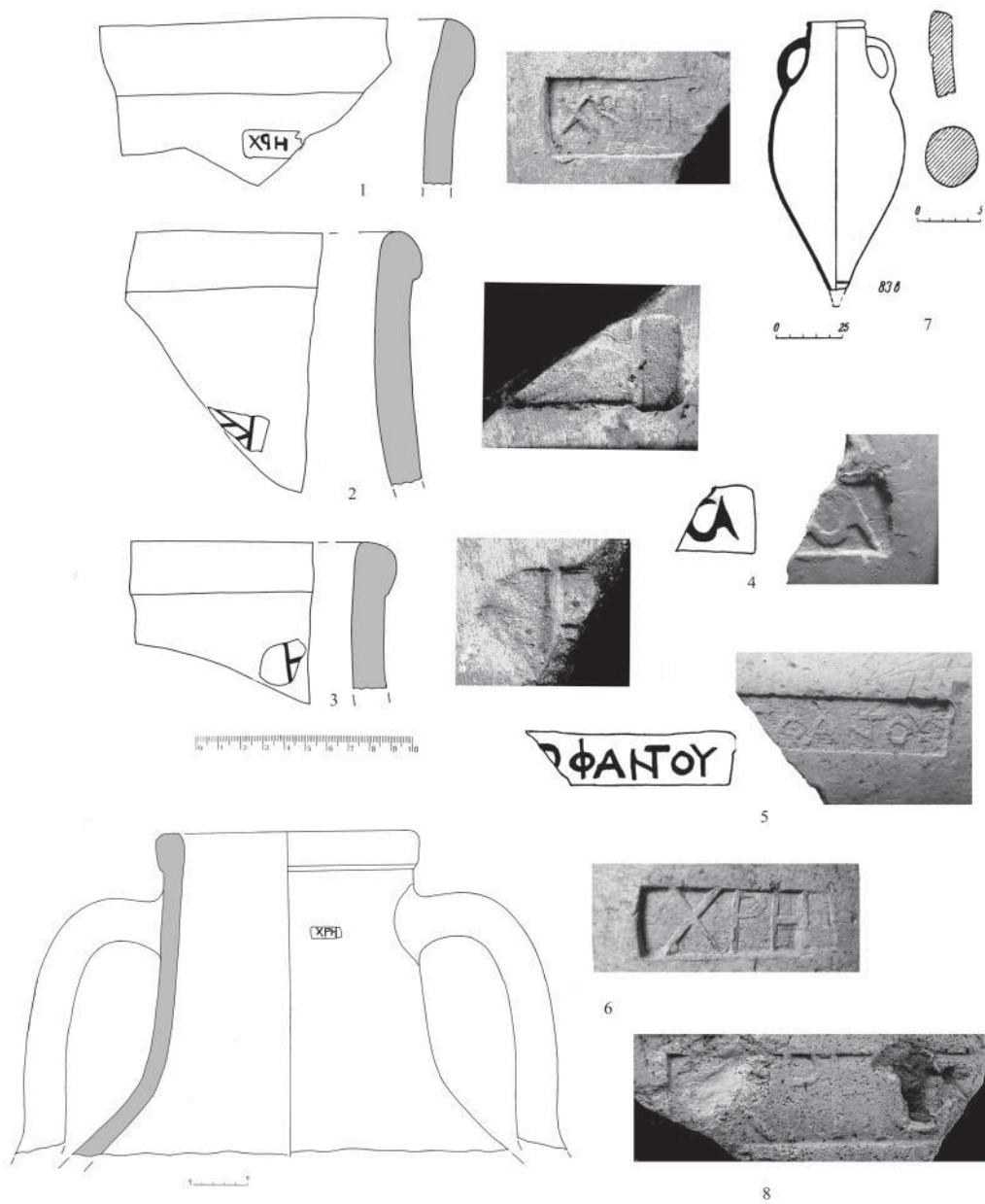

Рис. 3. 1–4. Боспорские амфорные клейма из раскопок КОАЭ по ул. Маркса 25, в Керчи. 5–6. Боспорские амфорные клейма из коллекции КИКЗ. 7. Боспорская амфора по Зеест, 1960. Таб. XXXIV. 83в. 8. Синопское черепичное клеймо из раскопок КОАЭ ул. Маркса 25

Рис. 4. Боспорское амфорное клеймо с именем Хрест

Между тем, эти замечания – повод еще раз обратиться к боспорским амфорным клеймам. Мною планировалась издать отдельную статью, посвященную этому материалу, для которого были изготовлены рисунки профилей амфор (рис. 3), но сборник не состоялся. Пользуясь случаем, я публикую эти рисунки. На таблице изображены не только боспорские клейма, но и рисунок амфоры (рис. 3.7), предположительно на которую наносились эти клейма³³, горло амфоры с клеймом ХРН (рис. 3.6) и аналогичное клеймо на синопской черепице с именем Хрест. Новое боспорское клеймо с этим именем я привожу на рис. 4. Клеймо из раскопок Артезиана в 1995 г. (№46, кп134341/ккк17880)³⁴, рельефное, расположено на горле, под венчиком. Легенда ХРНΣ-ΤΟ[Υ]. Имя уже встречено среди других боспорских клейм. Обращает на себя внимание написание буквы омикрон – она такая же крупная, как и в клейме Диофант, в восстановлении которого сомневается А.В. Ковальчук.

Еще один оттиск поздних боспорских клейм найден на городище Пантикапей. Он также рельефный и расположен на горле амфоры с валикообразным венчиком, который слабо выделен и слегка отогнут. Чтение легенды [ΑΠΟΛΛ]ΩΝΙΟ[ΥΥ] (рис. 5). Омега в клейме курсивная.

Забавна фраза А.В. Ковальчук относительно списка литературы: «Также приводит в замешательство отступление от принципа хронологического ранжирования работ внутри алфавитной последовательности имен. Лишь после анализа всех исследований становится ясно, что автор внутри каждого имени приводит работы также согласно алфавитному принципу» (С. 211). Чтобы облегчить А.В. Ковальчук осознание материала, заранее сообщаю ей, что список литературы во всех моих каталогах (настоящих и будущих) Керченского музея составлен по алфавитному принципу и я не вижу здесь повода для замечаний.

Непонятным осталась такая претензия А.В. Ковальчук, как «размещение серых фотографий на черном фоне». В данном случае я мог бы отослать ее к автору макета Андрею Прибега, но мы постараемся учесть непонятливость читателя и в следующий раз попробуем сделать синие фотографии на желтом фоне.

³³ Зеест 1960, таб. XXXIV.83в.

³⁴ Я благодарю Н.И. Винокурову за возможность публикации клейм из его раскопок.

И последнее: в сборнике «Древности Боспора», т.17, опубликована статья А.В. Ковальчук, которая не имеет отношения к теме боспорских черепичных клейм³⁵. Но все же. В данной статье содержится информация об 22 амфорных клеймах (восстановлено 15), планы поселения, строительных остатков, фото раскопок, чертежи находок. Работа вводит в научный оборот памятник «Казантип-восточный 2», который автор раскопок, покойный И.М. Безрученко, не успел подготовить к печати сам. Я не помню А.В. Ковальчук среди участников экспедиции и не помню, чтобы И.М. Безрученко просил ее опубликовать его материал. Но помню, как И.М. Безрученко просил меня определить ему клейма. Что и было сделано, определены были 41 клеймо (а не 15, как у А.В. Ковальчук).

Если бы рядом с фамилией Ковальчук я увидел фамилию Безрученко, вопросов не было бы. Так, например, поступает С.В. Полин, публикуя материал ушедших от нас товарищей, ставя второй свою фамилию второй. В данном случае нет даже ссылки на отчет И.М. Безрученко!

Умиляет подсчет А.В. Ковальчук количества строк, которое я уделил каждому автору. Напомню Анне Витальевне, что каталог подписан моей фамилией и это авторский текст, который не нормируется количеством строк. А с другой стороны, вот какое количество строк я посвятил А.В. Ковальчук!

Рис. 5. Боспорское амфорное клеймо с именем Аполлоний

ЛИТЕРАТУРА

- Гарлан, И., Бадю, Н. 2001: Греческие амфорные клейма. *АМА* 15, 411–425.
 Голенцов, А.С., Голенко, В.К. 1977: Из керамической эпиграфики Неаполя. *КСИА* 159, 74–84.
 Зеест, И.Б. 1960: Керамическая тара Боспора. *МИА* 83, М.
 Зеест, И.Б. 1966: Боспор. *Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ Г1–20*. М.
 Ковальчук, А.В. 2012: Керамические строительные материалы, происходящие с сельских поселений Восточного Крыма (IV – начало III в. до н. э.). В кн.: *Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. Т.2. *Индивидуальные находки*

³⁵ Ковальчук 2013.

- и массовый археологический материал. Древности Боспора. Supplementum III.* М. 19–60.
- Ковальчук, А.В. 2012а: Боспорские мерные сосуды IV–III вв. до н. э. *ДБ* 16, 220–238.
- Ковальчук, А.В. 2013: Поселение Казантип-восточный 2. Общая характеристика и датировка. *ДБ* 17, 186–204.
- Ковальчук, А.В. 2015: «Н. Ф. Федосеев «Керамические клейма. Боспор». Киев, 2012. *ДБ* 19, 207–212.
- Ковальчук, А.В. 2006: Керамический штамп с пос. Генеральское-Западное. *ПИФК* 3, 3–7.
- Ковальчук, А.В., Масленников, А.А. 2006: Керамический комплекс с поселения «Генеральское-Западное» (раскоп Юго-Западный склон). *ДБ* 9, 198–227.
- Кошеленко, Г.А., Кругликова, И.Т., Долгоруков, В.С. (ред.) 1984: Античные государства Северного Причерноморья. *Археология СССР* 9. М.
- Масленников, А.А. 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены. М.
- Попова, Е.А., Коваленко, С.А. 2005: *Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища)*. М.
- Толстиков, В.П., Ковальчук, А.В. 2005. Черепичные клейма из раскопок Пантикапея в 1990–1991 гг. *ДБ* 8, 377–392.
- Федосеев, Н.Ф. 2011: Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском. *ПИФК* 4 (34), 277–308.
- Федосеев, Н.Ф. 2012: Керамические клейма. Боспор. *Из собрания Керченского историко-культурного заповедника*. Том I. Киев.
- Федосеев, Н.Ф. 2013: Черепичные боспорские клейма с предлогом ЕП в контексте истории Боспора. *ДБ* 17, 366–376.
- Федосеев, Н.Ф. 2014: Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства. В сб.: *Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства*. М. 141–174.
- Kovaltschuk, A.W., Maslennikov, A.A. 2011: Der keramische Fundkomplex aus der Siedlung «Generalskoe-Zapadnoe». In: *Altertümer Phanagorias. Bd. 1. Phanagoreia, Kimmerischer Boporos, Pontos Euxeinos*. Göttingen. 155–173.

REFERENCES

- Fedoseev, N.F. 2011: Proizvodstvo kleymenoy cherepitsyi v antichnom mire i na Bospore Kimmeriyskom. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4 (34), 277–308.
- Fedoseev, N.F. 2012: Keramicheskie kleyma. Boppor. *Iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kulturnogo zapovednika*. Tom I. Kiev.
- Fedoseev, N.F. 2013: Cherepichnyie bosporskie kleyma s predlogom EPI v kontekste istorii Bospora. *ДБ* 17, 366–376.
- Fedoseev, N.F. 2014: Nekotoryie diskussionnyie voprosyi organizatsii i razvitiya Bosporskogo gosudarstva. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2012 god. Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva*. Moscow. 141–174.
- Garlan, I., Badoud, N. 2001: Grecheskie amfornyye kleyma. *AMA* 15, 411–425.
- Golentsov, A.S., Golenko, V.K. 1977: Iz keramicheskoy epigrafiki Neapolya. *KSLA* 159. 74–84.
- Koshelenko, G.A., Kruglikova, I.T., Dolgorukov, V.S. (red.) 1984: Antichnyie gosudarstva Severnogo Prichernomorya. *Arheologiya SSSR* 9. Moscow.
- Kovalchuk, A.V. 2006: Keramicheskiy shtamp s pos. Generalskoe-Zapadnoe. *PIFK* 3, 3–7.
- Kovalchuk, A.V. 2012: Keramicheskie stroitelnyie materialy, proishodyaschie s selskih poseleniy Vostochnogo Kryima (IV – nachalo III v. do n. e.). *Tsarskaya hora Bospora (po materialam raskopok v Kryimskom Priazove). T.2. Individualnyie nahodki i massovyyiy arheologicheskiy material. Drevnosti Bospora. Supplementum III*. Moscow. 19–60.

- Kovalchuk, A.V. 2012a: Bosporskie mernye sosudy IV–III vv. do n. e. *DB* 16, 220–238.
- Kovalchuk, A.V. 2013: Poselenie Kazantip-vostochniy 2. Obschaya harakteristika i datirovka. *DB* 17, 186–204.
- Kovalchuk, A.V. 2015: «N. F. Fedoseev «Keramicheskie kleyma. Bospor». Kiev, 2012. *DB* 19, 207–212.
- Kovalchuk, A.V., Maslennikov, A.A. 2006: Keramicheskiy kompleks s poseleniya «Generalskoe-Zapadnoe» (raskop Yugo-Zapadnyiy sklon). *DB* 9, 198–227.
- Kovaltschuk, A.W., Maslennikov, A.A. 2011: Der keramische Fundkomplex aus der Siedlung «Generalskoe-Zapadnoe». *Altertümer Phanagorias. Bd. 1. Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos*. Göttingen, 155–173.
- Maslennikov, A.A. 1998: Ellinskaya hora na krayu Oykumenyi. Moscow.
- Popova, E.A., Kovalenko, S.A. 2005: *Istoriko-arheologicheskie ocherki grecheskoy i pozdneskifskoy kultur v Severo-Zapadnom Kryimu (po materialam Chaykinskogo gorodischa)*. Moscow.
- Tolstikov, V.P., Kovalchuk, A.V. 2005. Cherepichnyie kleyma iz raskopok Pantikapeya v 1990–1991 gg. *DB* 8, 377–392.
- Zeest, I.B. 1960: Keramicheskaya tara Bospora. *MIA* 83. Moscow.
- Zeest, I.B. 1966: Bospor. *Keramicheskoe proizvodstvo i antichnyie keramicheskie stroitelnyie materialy*. SAI GI–20. Moscow.

ONCE AGAIN ON THE BOSPORAN STAMPS

Nikolay F. Fedoseev

Institute of Archaeology of the Crimea, RAS, Russia,
bospor@bk.ru

Abstract. The author discusses with A. Kovalchuk, who published a review of his catalog of Bosporan stamps in the collection of the Kerch Museum. The author does not agree with many comments of the reviewer and gives his counterarguments. In some cases, the reviewer claims have not been substantiated.

A. Kovalchuk's attribution of the stamps ΠΚ as ΠΙΚ and ΠΑ as ΣΠΑΡ do not meet reality. Also it is impossible to agree with A. Kovalchuk's conjecture [ΙΔΙΩ]ΤΙΚΟΣ. The nearest analogy (not straight) found in Phanagoria, while the author described Panticapaeum finds.

The comparison of IOSPE III with museum numbers is the author's initiative, and maybe he had not been able to reveal all inventory numbers. This work can be continued by further researchers. The directory structure is based on the example of the housing IOSPE III, but A. Kovalchuk has found discrepancies. It doesn't correspond to the facts.

Tile stamps, unlike the amphorae, can not serve as a reliable indicator for the dating of archaeological layers. Tile has always been a product of long-term use, and it is often used in the second or even the third time.

The author corrects a set of errors in the collection of tile stamps published by A.V. Kovalchuk from excavation of the East-Crimean Mission. A.V. Kovalchuk's corrections of readings names on amphorae stamps are without grounds. All the Bosporan amphorae stamps are shown in fig. 3. The list of Bosporan amphora stamps is added with two new imprints named Chrestus and Apollonius.

Key words: Bosporus, Kerch Museum, ceramic stamps, tiles, amphorae, chronology

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 260–267
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 260–267
© Автор(ы) 2016

КЛАД МЕДНЫХ БОСПОРСКИХ МОНЕТ IV–I вв. до н.э. С АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ «ВЕСЕЛОВКА 5» (2014 г.)

М.Г. Абрамзон*, С.Н. Остапенко**

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,*
Магнитогорск,

abramzon-m@mail.ru

** *Институт археологии РАН, Москва,*
sao_nasledie@mail.ru

Аннотация. В статье публикуется небольшой клад медных боспорских монет IV–I вв. до н.э., найденный в 2014 г. в окрестностях античного сельского поселения «Веселовка 5», расположенного на расстоянии около 1 км к юго-западу от современного пос. Веселовка (Темрюкский р-н Краснодарского края). Клад включает 26 монет, из которых 19 принадлежит чекану Пантикапея, 7 – Фанагории. Он примыкает к группе сходных по составу боспорских кладов медных монет, зарытых во время правления Митридата VI Евпатора, в которых наиболее поздним является пантикапейский тип «звезда/треножник», датированный началом I в. до н.э. Клад из «Веселовки 5» был зарыт предположительно накануне I Митридатовой войны (88–85 гг. до н.э.). Он является ценным свидетельством политической и экономической ситуации на Боспоре в начале I в. до н.э. и имеет важное значение для уточнения хронологии поселения «Веселовка 5», подтверждая предложенную ранее датировку памятника IV–I вв. до н.э.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Митридат VI Евпатор, денежное обращение, монетные клады, Веселовка 5

Летом 2014 г. в Фанагорийскую археологическую экспедицию сотрудниками правоохранительных органов Темрюкского района был передан небольшой клад, состоявший из 26 боспорских монет. Клад был найден случайно при земляных работах в окрестностях античного сельского поселения «Веселовка 5», расположенного на расстоянии около 1 км к юго-западу от современного пос. Веселовка (Темрюкский р-н Краснодарского края). В недавнее время в охранной зоне памятника разработан песчаный карьер, который нивелирует небольшие холмы на гряде. Монеты происходят из разрушенной работами части территории поселения.

Поселение «Веселовка 5» локализуется на уплощённых вершинах гряды, протянувшейся с юго-запада на северо-восток. Первоначально оно было исследовано Я.М. Паромовым, собравшим здесь подъемный материал, позволивший

Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: abramzon-m@mail.ru

Остапенко Сергей Николаевич – аспирант Отдела классической археологии Института археологии РАН. E-mail: sao_nasledie@mail.ru

датировать памятник IV–I вв. до н.э.¹ В дальнейшем данное поселение привлекло внимание Г.П. Гарбузова и А.А. Завойкина², анализирующих хронологию распределения находок на ряде сельских памятников Таманского полуострова. Произведя калибровку хронологии подъемного амфорного материала на основании новейших исследований, исследователи пришли к выводу о том, что на поселении «Веселовка 5» не встречается подъемный материал III – первой половины I в. до н.э.³ В то же время Г.П. Гарбузов и А.А. Завойкин выделяют признаки существования поселения «Веселовка 5» в IV – начале III в. до н.э.⁴ Между тем находка клада позволяет уточнить хронологию памятника. Состав комплекса представлен следующими типами монет:

Группа 1. Пантикапей

1) Голова безбородого сатира вправо/протома Пегаса, ПАН (Анохин 1986, № 112) – 2 экз. (№ 1–2);

2) голова безбородого сатира влево/лук и стрела, ПАН (Шелов 1956, табл. VI, 66; Анохин 1986, № 133) – 3 экз. (№ 3–5);

3) голова Аполлона вправо/лук в горите, ПАН (Анохин 1986, № 169) – 6 экз. (№ 6–11);

4) голова безбородого сатира вправо/шапки Диоскуров, ПАНТИ (Анохин 1986, № 176) – 1 экз. (№ 12);

5) голова Афины/прора, ПАН (Анохин 1986, № 183) – 1 экз. (№ 13);

6) восьмилучевая звезда, П–А–N–T–I–K–A–П/треножник (Анохин 1986, № 203) – 6 экз. (№ 14–19);

Группа 2. Фанагория

7) голова бородатого сатира вправо/лук и стрела, ФА (Анохин 1986, № 147) – 7 экз. (№ 20–26).

Итак, монеты в кладе «Веселовка 5» принадлежат двум боспорским центрам – Пантикапею (19 экз.) и Фанагории (7 экз.). Самым ранним является пантикапейский тип «голова сатира/протома Пегаса, ПАН»⁵, датируемый временем около 330–315 гг. до н.э. Он представлен двумя экземплярами (рис. 1, 1–2).

Следующая хронологическая группа из трех монет относится к периоду денежного кризиса на Боспоре III в. до н.э. Все экземпляры принадлежат типу «голова сатира/лук и стрела, ПАН»⁶ (рис. 1, 3–5), датируемому периодом около 275–250 гг. до н.э.

Известны и другие находки боспорских типов IV–III вв. до н.э. в кладах, закрытых в I в. до н.э.⁷ Некоторая часть таких монет избежала перечековки и продолжала находиться в обращении в течение весьма длительного времени⁸, вплоть до конца митридатовского периода.

¹ Паромов 1992, 508–510.

² Гарбузов, Завойкин 2012, 144–149; 2015, 94–134.

³ Гарбузов, Завойкин 2015, 126.

⁴ Гарбузов, Завойкин 2012, 118, 135.

⁵ Анохин 1986, №112.

⁶ Анохин 1986, №133.

⁷ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 31, 210.

⁸ Шелов 1982, 48.

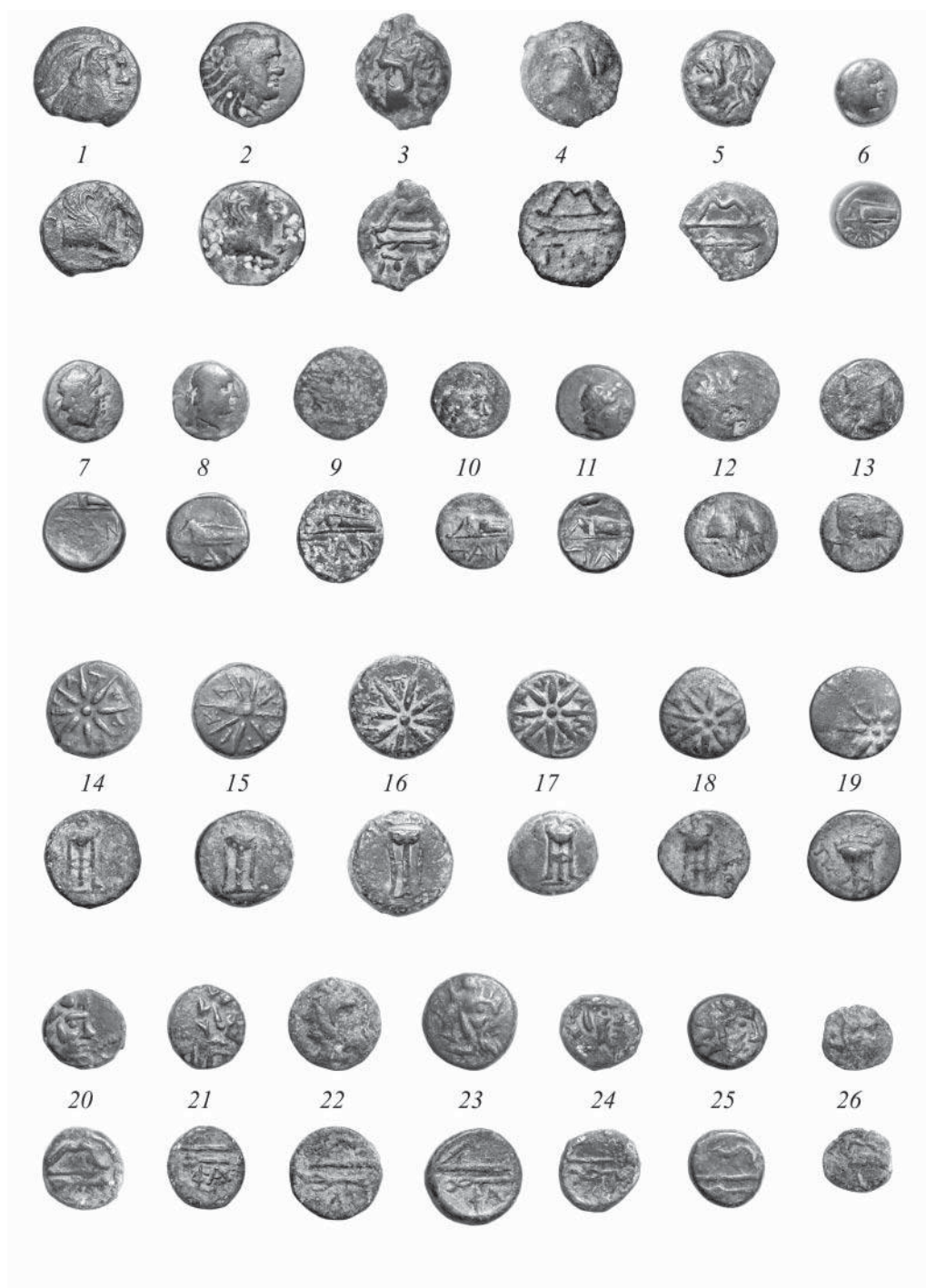

Рис. 1. Веселовка 5. Клад боспорских монет IV–I вв. до н.э.

Пантикапейская чеканка II – начала I в. до н.э. составляет более половины комплекса. Шестью экземплярами представлен самый массовый тип II в. до н.э. «голова Аполлона/лук в горите, ПАН»⁹ (рис. 1, 6–11). По одной монете принадлежит типам «голова сатира/шапки Диоскуров, ПАНТИ»¹⁰ (рис. 1, 12) и «голова Афины/прора, ПАН»¹¹ (рис. 1, 13). Наконец, позднейшим в кладе является тип «звезда/треножник»¹² (рис. 1, 14–19), появившийся в самом начале I в. до н.э., после 95 г. до н.э.¹³ Из шести монет со звездой и треножником в кладе одна носит следы перечеканки из пантикапейской монеты (рис. 1, 19).

Чекан Фанагории II в. до н.э. представлен семью однотипными монетами с головой сатира на л.с. и луком со стрелой¹⁴ на о.с. (рис. 1, 20–26). Монеты № 21 и 23 перечеканены на прежних типах.

Публикуемый клад примыкает к большой группе боспорских кладов, тезаврация которых приходится на время правления Митридата VI Евпатора. К настоящему моменту нам известен 31 комплекс митридатовской эпохи (включая публикуемый)¹⁵. Среди них выделяется подгруппа из 13 кладов медных монет, в которых наиболее поздним является тип «звезда/треножник» (реже понтийские монеты 85–65 гг. до н.э.). Это синхронные клады из окрестностей г. Судака (1959 г.)¹⁶, Пантикапея (1996 г.¹⁷, 2000 г.¹⁸), района оз. Чокрак (1999 г.)¹⁹, с хоры Фанагории (клад неизвестного происхождения 2000 г.²⁰, с поселения «Соленый 3» (2003 г.²¹, 2007 г.²²), из античной усадьбы 2013–11 (2007 г.)²³), а также «Веселовки 5». Возможно, несколько позднее, но тоже во время I и II Митридатовых войн, были зарыты входящие в ту же подгруппу клады из урочища Куматырь (1996 г.)²⁴, хут. Фадеево (1977 г.)²⁵, сел. Молдаванское (2014 г.) и ст. Северская (2014 г.)²⁶, в которых тип «звезда/треножник» соседствует с понтийскими монетами митридатовского времени.

Заметим, что абсолютное большинство кладов происходит с хоры, включая и те пять кладов, что найдены на Тамани. При этом клад с поселения «Веселовка 5» является первым известным нам комплексом, найденным в юго-восточной части

⁹ Анохин 1986, № 169.

¹⁰ Анохин 1986, № 176.

¹¹ Анохин 1986, № 183.

¹² Анохин 1986, № 206.

¹³ Фролова, Ireland 1999, 232.

¹⁴ Анохин 1986, № 147.

¹⁵ Абрамзон 2011, 185–186. До находки клада из «Веселовки 5» мы располагали сведениями о 28 закрытых комплексах – 18 кладах и 10 кошельках. Еще два клада (из с. Молдаванское и ст. Северская) поступили в Анапский музей в 2014 г., о чем готовится сообщение А.М. Новичихина на V Международной конференции «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» (Саратов, сентябрь 2016 г.).

¹⁶ Казаманова 1963, 144–151.

¹⁷ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 189–207.

¹⁸ Абрамзон 2011, 95–108.

¹⁹ Абрамзон 2011, 57–93.

²⁰ Lagos 2000, 268–270; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 207–209.

²¹ Абрамзон, Кузнецов 2015, 60–83.

²² Абрамзон, Кузнецов 2015, 84–92.

²³ Абрамзон, Кузнецов 2015, 95–315.

²⁴ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 235–242.

²⁵ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 209–235.

²⁶ См. прим. 15.

Таманского полуострова. Близки к нему по составу другие таманские клады боспорской меди IV–I вв. до н.э., например, клад с поселения «Солёный 3» (2007 г.), расположенного на юго-восточной хоре Фанагории²⁷, и небольшой клад неизвестного происхождения из округа Фанагории (до 2000 г.)²⁸, имеющие практически такой же набор типов, что и клад из «Веселовки 5»²⁹.

Массовое зарытие на Боспоре монетных кладов митридатовского времени, «угасание интенсивности жизнедеятельности» поселений и запустение хоры в конце II – начале I в. до н.э.³⁰ связаны с целым рядом военно-политических причин, главными из которых являются войны Митридата VI, сопровождающиеся чрезмерными поборами с сельского населения (Strabo. VII. 4, 6; App. Mithr. 107), производимыми царскими сборщиками налогов. В ходе деструктивных процессов формируется новый этап в развитии поселенческой структуры, который теснейшим образом связан с коренными инновациями в государственном устройстве и поземельных отношениях Боспора после его вхождения в Понтийскую державу Митридата VI³¹.

Таким образом, публикуемая находка представляет собой типичный клад митридатовского времени. Как и многие другие синхронные комплексы с хоры, в которых наиболее поздним является пантикапейский тип «звезда/треножник», клад из «Веселовки 5» был сокрыт в начале I в. до н.э., предположительно накануне I Митридатовой войны (88–85 гг. до н.э.). Несмотря на свой малый размер, он является ценным свидетельством денежного обращения, политической и экономической ситуации на Боспоре и имеет важное значение для уточнения хронологии поселения «Веселовка 5», подтверждая предложенную изначально датировку памятника IV–I вв. до н.э.³²

КАТАЛОГ

1. Пантикапей

Ок. 330–315 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира вправо. *О.с.* Протома Пегаса вправо; ПАН. Анохин 1986, № 112; SNG BM 872–873.

1. B5–14–1; 2,18 г; 15 мм.
2. B5–14–2; 2,43 г; 15 мм.

Ок. 275–250 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. *О.с.* Лук и стрела вправо; ПАН. Шелов 1956, табл. VI, 66; Анохин 1986, № 133; SNG BM 901–903.

3. B5–14–3; 2,44 г; 16 мм. Обруб литника.
4. B5–14–4; 1,84 г; 16 мм. Обруб литника.

²⁷ Паромов 1992, 339–342; Гарбузов, Завойкин 2009, 144; Абрамзон, Кузнецов 2015, 84.

²⁸ Lagos 2000, 268–270.

²⁹ Абрамзон, Кузнецов 2015, 84–93.

³⁰ Гарбузов, Завойкин 2009, 166.

³¹ Sarykin 2004, 207–210; Højte 2009, 102–103; Абрамзон, Кузнецов 2015, 7.

³² Паромов 1992, 510.

5. B5–14–5; 1,87 г; 14 мм.

Ок. 200–120 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо. *О.с.* Лук в горите влево; ПАН.
Анохин 1986, табл. 5, 169; *SNG BM* 920–922.

6. B5–14–6; 2,12 г; 10 мм.

7. B5–14–7; 2,35 г; 12 мм.

8. B5–14–8; 3,37 г; 12 мм.

9. B5–14–9; 1,94 г; 13 мм.

10. B5–14–10; 1,17 г; 11 мм.

11. B5–14–11; 1,74 г; 11 мм.

Ок. 120–110 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке вправо. *О.с.* ШАПКИ ДИОСКУРОВ, увенчанные звездами; ПАНТИ. *Анохин*, 1986, № 176; *SNG BM* 926.

12. B5–14–12; 2,11 г; 14 мм.

Ок. 110 г. до н.э.

Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме с гребнем вправо. *О.с.* Прора вправо; ПАН. *Анохин* 1986, № 183; *SNG BM* 927.

13. B5–14–13; 2,40 г; 12 мм.

Нач. I в. до н.э. (после 95 г. до н.э.)

Л.с. Восьмилучевая звезда, между лучами П–А–N–T–I–K–A–Π. *О.с.* Треножник. *Анохин* 1986, № 203; *SNG BM* 941–944; *SNG Stancomb* 587–588; *Frolova, Ireland* 1999, pl. I, 1–26.

14. B5–14–14; 3,02 г; 14 мм.

15. B5–14–15; 2,66 г; 14 мм.

16. B5–14–16; 3,26 г; 15 мм.

17. B5–14–17; 1,95 г; 13 мм.

18. B5–14–18; 2,06 г; 13 мм.

19. B5–14–19; 1,16 г; 13 мм. Перечеканка.

2. Фанагория

II в. до н.э.

Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо. *О.с.* Лук и стрела с опереньем в виде кадуцея вправо; ФА. *Анохин* 1986, № 147; *SNG BM* 990–994.

20. B5–14–20; 1,37 г; 12 мм.

21. B5–14–21; 1,44 г; 12 мм. Перечеканка.

22. B5–14–22; 2,07 г; 13 мм.

23. B5–14–23; 2,70 г; 14 мм. Перечеканка.

24. B5–14–24; 1,46 г; 12 мм.

25. B5–14–25; 1,93 г; 11 мм.

26. B5–14–26; 0,76 г; 10 мм.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2011: *Корпус боспорских кладов античных монет*. Т. 2. *Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.)* (БИ Suppl. 7). Симферополь–Керчь.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2015: *Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории* (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. III). М.
- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2007–2008: *Корпус боспорских кладов*. Т. I. 1834–2005 гг. (БИ Suppl. 2). Симферополь–Керчь.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А. 2009: Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации. *ДБ* 13, 141–175.
- Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А. 2012: Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI–V вв. до н.э.) и в составе державы Спартокидов (IV – начало III в. до н.э.). *ДБ* 16, 144–149.
- Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А. 2015: Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов. *ДБ* 19, 94–134.
- Казаманова, Л.Н. 1963: Клад монет IV–II вв. до н.э. из Судака. *ВДИ* 4, 144–151.
- Паромов, Я.М. 1992: *Археологическая карта Таманского полуострова*. Депон. в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г. М.
- Фролова, Н.А., Ireland, S. 1991: О хронологии эмиссий монет на Боспоре в митридатовский период (110/109–63 гг. до н.э.). *ДБ* 2, 232–265.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.
- Frolova, N.A., Ireland, S. 2002. *The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD* (BAR International Series 1102).
- Højte, J.M. 2009: The Administrative Organization of the Pontic Kingdom. In: J.M. Højte (ed.), *Mithridates VI and the Pontic Kingdom* (BSS 9). Aarhus, 85–107.
- Lagos, C. 2000: Two Second Century BC Bronze Hoards from the Black Sea. *NC* 160, 268–274.
- Saprykin, S. 2004: Chora and Polis in the Kingdom of Bosporus in the Classical and Hellenistic Periods. In: F. Kolb, E. Müller-Luckner (Hrsg.), *Chora und Polis*. München, 185–210.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2011: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet*. Т. II. *Klady iz novykh postupleniy v Kerchenskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik (2009–2010 gg.)* (Bosporskie issledovaniya. Supplementum. 7). Simferopol–Kerch.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007–2008: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet*. Т. I. (1834–2005 gg.) (Bosporskie issledovaniya. Supplementum. 2). Simferopol–Kerch.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2015: *Monetnye klady vremeni Mitridata VI Evpatora s khoroy Fanagorii* (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. Т. III). Moscow.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora*. Kiev.
- Frolova, N.A., Ireland, S. 1991: O khronologii emissiy na Bospore v mitridatovskiy period (110/109–63 gg. do n.e.). *Drevnosti Bospora* 2, 232–265.
- Frolova, N.A., Ireland, S. 2002. *The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD* (BAR International Series 1102).
- Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A. 2009: Antichnaya sel'skaya territoriya: formal'noe opisanie i vozmozhnosti istoricheskoy interpretatsii. *Drevnosti Bospora* 13, 141–175.
- Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A. 2012: Sel'skaya territoriya tsentrov Aziatskogo Bospora v period avtonomii (vtoraya polovina VI–V vv. do n.e.) i v sostave derzhavy Spartokidov (IV – nachalo III v. do n.e.). *Drevnosti Bospora* 16, 144–149.

- Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A. 2015: Sel'skaya territoriya Tamanskogo poluostrova posle Spartokidov. *Drevnosti Bospora* 19, 94–134.
- Højte, J.M. 2009: The Administrative Organization of the Pontic Kingdom. In: J.M. Højte (ed.), *Mithridates VI and the Pontic Kingdom* (BSS 9). Aarhus, 85–107.
- Kazamanova, L.N. 1963: Klad monet IV–II vv. do n.e. iz Sudaka. *Vestnik drevney istorii* 4, 144–151.
- Lagos, C. 2000: Two Second Century BC Bronze Hoards from the Black Sea. *NC* 160, 268–274.
- Paromov, Ya.M. 1992: *Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova. Depon. v. INION RAN. № 47103 ot 01.10.1992 g.* Moscow.
- Saprykin, S. 2004: Chora and Polis in the Kingdom of Bosphorus in the Classical and Hellenistic Periods. In: F. Kolb, E. Müller-Luckner (Hrsg.), *Chora und Polis*. München, 185–210.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e.* Moscow.

A HOARD OF THE 4th – 1st CENTURIES BC COPPER BOSPORAN COINS FROM
THE SETTLEMENT “VESELOVKA 5” (2014)

Mikhail G. Abramzon*, Sergey N. Ostapenko**

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
abramzon-m@mail.ru

** *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia,*
sao_nasledie@mail.ru

Abstract. The authors publish a little hoard of the copper Bosporan coins from the 4th – 1st centuries BC found in 2014 in the outskirts of the settlement “Veselovka 5”. The site lies one km south-east of the modern village of Veselovka (Temryuk District, the Krasnodar Territory). The hoard contains 26 coins belonging to Panticapaeum (19) and Phanagoreia (7). It joins the group of several closely resembled copper hoards concealed during the reign of Mithradates VI Eupator. The latest issue in these hoards is the Panticapaeum type with a star/tripod dated from the beginning of the 1st century BC. The Veselovka Hoard was probably concealed on the eve of the I Mithradatic War (88–85 BC). It is a precious evidence for the economic and political situation in the Bosphorus in the early 1st century BC. It is also of great importance to certain the chronology of the Veselovka 5 Settlement and to reaffirm the date of the settlement by the 4th – 1st centuries BC

Key words: Bosphorus Kimmerian, Mithradates VI Eupator, currency, coin hoards, Settlement Veselovka 5

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ГЕРАКЛЕЕ ПОНТИЙСКОЙ ПРИ ТИРАНАХ ТИМОФЕЕ И ДИОНИСИИ

Ю.В. Бабенкова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
juily.babenkova@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется наиболее яркий период тирании в Гераклее Понтийской – создание территориального государства Тимофея и Дионисия. Гераклея Понтийская являлась одним из влиятельных экономических и политических центров в Южном Причерноморье. Тирания в Гераклее Понтийской представляет собой один из наиболее ярких примеров авторитарного режима в полисе позднеклассического и раннеэллинистического времени. В науке проблема определения сущности режима правления гераклейских тиранов остается нерешенной, существуют различные точки зрения. После смерти Сатира власть в полисе унаследовал Тимофей, который правил с 345 по 338/7 гг. до н. э., в последние годы совместно со своим братом Дионисием (338/7–305 гг. до н.э.). В Гераклее в тот период соправительство выступает как инструмент более надежной передачи власти. Взвешенные и продуманные шаги Тимофея во внутренней политике привели к укреплению единства гражданского коллектива. Поддержка гераклеотов своего полисного лидера показала изменение отношений подданного и правителя. При Дионисии тенденции усиления авторитарной власти в организации политической жизни продолжали развиваться. В 306/5 г. до н.э. он принял титул βασιλεύς. Изменение положения гераклейского лидера подтверждается письменной традицией и гераклейским монетным чеканом. При этом полисные институты скорее всего продолжали существовать в повседневной жизни. В правление тиранов происходило наиболее интенсивное расширение территории государства: владения Гераклеи Понтийской простирались от р. Ребы или р. Псилис в Вифинии до г. Китора в Пафлагонии. В состав гераклейского государства вошли новые города и территории. Это придавало созданному политическому единству качество территориальной монархии. Власть тиранов трансформировалась в монархию, а полис превратился в центр архе.

Ключевые слова: тирания, Гераклея Понтийская, соправительство, Тимофей, Дионисий, βασιλεύς, политический дуализм, архе, территориальное государство

Тирания в Гераклее Понтийской представляет собой один из наиболее ярких примеров авторитарного режима в полисе позднеклассического и раннеэллинистического времени. До установления единоличного правления в Гераклее существовала республиканская форма власти, где исполнение законодательных, исполнительных и судебных функций было сосредоточено в руках народного собрания, совета и выборных должностных лиц. После установления единоличной власти

Бабенкова Юлия Владимировна – аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: juily.babenkova@gmail.com.

в полисе изменилось традиционное соотношение политических сил, сложилась особая система отношений между авторитарной и республиканской моделями гераклеийской государственности. В данной статье мы рассмотрим, как развивался авторитарный режим в период второго поколения тиранов в Гераклее Понтийской во второй половине IV в. до н.э.

В науке проблема определения сущности тиранического режима при Тимофее и Дионисии остается нерешенной. По этому поводу во взглядах ученых имеются определенные различия. Ст. М. Берстейн пришел к выводу, что в Гераклее тирания постепенно стала превращаться в монархию. Исследователь считает, что во время правления Клеарха и Сатира существовал некий «демократический фасад» (имеются в виду республиканские органы власти), скрывавший подлинное автократическое правление, а со времени Тимофея авторитарная сущность власти начала проявляться открыто¹. По мнению С.Ю. Сапрыкина, считать тиранию Тимофея и Дионисия монархией не верно. Вместе с тем исследователь высказывает суждение, что правление тиранов необходимо рассматривать в контексте феномена протоэллинизма, то есть в связи с возникновением предпосылок для перехода от полисного устройства к монархическому государству². А. Биттнер считает, что можно выделить две природы гераклеийской тирании³. В начальный период автократическое правление в Гераклее Понтийской представляло собой обычную тиранию, характеризующуюся насильственной узурпацией власти и неприятием тиранов со стороны горожан. Второй период исследовательница связывает с проявлением монархического характера власти, а также с принятием горожанами установившегося режима в результате гибкой внутренней и внешней политики самодержца.

На сегодняшний день мы не располагаем документально подтвержденной терминологией власти тиранов⁴. В самой античной традиции для характеристики государства Тимофея и Дионисия используется термин «ἀρχή» (Memn. III. 1), а также сообщается, что Дионисий незадолго до смерти принял титул «βασιλεύς» (Memn. IV. 6). Имеется достаточно богатый нумизматический материал второй половины IV в. до н.э., но он, как известно, не всегда предоставляет возможность установить официальный статус правителей и характер их власти⁵.

После смерти Сатира власть в полисе унаследовал Тимофей, который правил с 345 по 338/7 гг. до н. э., в последние годы совместно со своим братом Дионисием (338/7–305 гг. до н.э.) (Diod. XVI. 36. 6; Memn. II.4)⁶.

Известно, что незадолго до смерти своего дяди Сатира (ок. 345 г. до н.э.) Тимофей стал его соправителем (Memn. II.4; Diod. XVI. 36. 6)⁷. Позже таким же образом он ввел в правление своего младшего брата Дионисия. В Гераклее, по-видимому, оставалась часть аристократического населения, которая была не согласна с установившимся единовластием тиранов. Факт совместного участия в управлении государством сразу двух представителей династии должен был

¹ Burstein 1976, 63.

² Сапрыкин 1986, 115.

³ Bittner 1998, 151.

⁴ Jonnes 1994.

⁵ <http://www.sylloge-nummorum-graecorum.org.html>.

⁶ Beloch 1912, III 2, 94; Дзагурова 2007, 82; Burstein 1976, 67.

⁷ о хронологии Beloch 1912², III 2, 94 f.

способствовать уменьшению трудностей при переходе власти следующему правителю. Таким образом, в Гераклее в тот период соправительство выступает как инструмент более надежной передачи власти. Отметим, что данное явление характерно и для Боспорского царства, и для некоторых эллинистических династий. Например, известно, что на Боспоре Спарток III всю полноту власти, унаследованную от Левкона I, разделял со своим средним братом, будущим Перисадом I⁸. В Гераклее Понтийской наличие на монетах имен Тимофея и Дионисия наводит на мысль об их равном положении в полисе в тот период (SNG. IX, 1605–1609 BM. V, 385–386 Ashmolean Museum. XI 817–818 William Stancomb Collection). Первый же пример соправления Сатира и Тимофея не предполагает равнозначного положения, так как имя последнего не встречается в официальных документах рядом с законным правителем Гераклеи. В более позднее время примеры соправительства встречаются в царстве Атталидов и Селевкидов. В государстве Атталидов в 160 г. до н.э. при действующем царе Эвмене II его брат, будущий Аттал II, получил царский титул⁹. Аналогичная практика при передаче власти предполагаемому наследнику встречается также и у Селевкидов, они часто к ней прибегали. Примечательно, что там наряду с тем, что оба правителя официально носили титул царя, в документах и на монетах помещалось имя только одного, суверенного монарха¹⁰.

В своих знаниях о Тимофее мы по-прежнему полагаемся на свидетельство Мемнона, в труде которого враждебное отношение Нимфида, главного его источника по истории гераклеийской тирании, к Клеарху и Сатиру контрастирует с его позитивными оценками правления Тимофея (Memn. III. 1). Данный факт может отражать определенную трансформацию политики тиранов и изменение отношения общества к установившейся власти. Письмо Исократы Тимофею, заключавшее в себе послание о том, как лучше можно использовать власть, чем его отец, подтверждает различие между первым и вторым поколением тиранов в Гераклее (Isocr. Ep. 7.1). Таким образом, в античной традиции правление Тимофея представлялось менее одиозным, чем деятельность предшественников.

В начале своего правления Тимофей сталкивается с проблемой тяжелого социального положения населения и упадка экономики полиса (Diod. XVI. 36, 2–3; Memn. III. 1), поэтому он предпринимает ряд реформ, позволивших улучшить гераклеийским гражданам свое благополучие. Тимофей погасил долги граждан (Memn. III. 1), провел мероприятия, направленные на поощрение торговой деятельности: гражданам были предоставлены беспроцентные кредиты (Memn. III. 1); была произведена реконструкция гераклеийского порта, где было оборудовано две гавани (военная и торговая) (Memn. III. 1)¹¹. Согласно свидетельству Мемнона, экономические преобразования Тимофея нашли широкое признание среди граждан Гераклеи. Полис даровал своему правителю эпитеты *ἐὐεργέτης* и *σωτήρ* (Memn. III. 1). Улучшение экономического положения полиса находит подтверждение на примере археологического материала. Масса новых имен фабрикантов по сравнению с предыдущим периодом, помещавших свое имя в клейме на горлах амфор,

⁸ Гайдукевич 1949, 68; Молев 1997, 83.

⁹ Климов 2010, 111.

¹⁰ Бикерман 1985, 23–24.

¹¹ о гераклеийской гавани см.: Lehmann- Hartleben 1923, 130–131; Hoepfner 1966, 22–24.

указывает на появление к третьей четверти IV в. до н.э. множества керамических эргастериев¹².

Политика Тимофея не была направлена на какие-либо фундаментальные изменения в организации жизни полиса, преобразования касались лишь социальной сферы. Погашение долга, создание импульсов для развития торговли и другое было необходимо для стабилизации экономического положения ремесленного и торгового населения полиса. Стабильная политика в интересах общества и личные добродетели Тимофея оказались той программой правления, которая предписывалась истинному монарху выдающимися мыслителями того времени (Платоном, Исократом и др.). Данная тактика гарантировала самое важное после массового террора и недовольства населения правлением первого поколения тиранов – стабильность гераклейского единовластия. На данном этапе правитель в Гераклее Понтийской приобрел более прочные позиции для своего единоличного нахождения у власти, чем прежде.

Во время своего правления Тимофей продолжает выпускать традиционный тип монет с надписью ΗΡΑΚΛΕΙΑ и изображениями Геракла в львиной шкуре и Геры, украшенной диадемой (SNG. IX, 1573–1601, BM). Причем на некоторых монетах этого типа на аверсе можно найти изображение трофея (SNG. IX, 1602 BM. XI, 813–814 William Stancomb Collection). Образ трофея запечатлен также и в другой серии монет, выпущенной в честь установления соправительства Тимофея и Дионисия. На месте традиционных типов Геры и Геракла на аверсе был помещен образ Диониса, на реверсе — Геракла, воздвигающего трофей (SNG. IX, 1605–1609 BM. V, 385–386 Ashmolean Museum. XI, 817–818 William Stancomb Collection). Появление на гераклейских монетах периода правления Тимофея изображения трофея ряд исследователей считает неслучайным. Выдвигаются предположения, что Тимофей мог вести войну с мариандинами и расширять территорию гераклейской хоры на востоке, в связи с тем, что на монетах Кромны и Амиса того времени заметно влияние гераклейской чеканки¹³. Кроме того, как сообщает Псевдо-Скилак, Тимофей подчинил о. Тиниду (Ps-Scyl., 92), а по пафлагонскому побережью распространил свою власть до г. Тиоса. Таким образом, предполагая, что укрепление единоличного положения правителя внутри полиса могло способствовать активизации внешней политики, естественным будет думать, что уже в правление Тимофея мог начаться процесс трансформации гераклейского полиса в территориальное государство.

При Дионисии (338–306/5 гг. до н. э.) тенденции усиления авторитарной власти продолжают развиваться. Подобно брату, правитель выпустил монеты, на легенде которых значилось его имя (SNG. IX, 1610–1614 BM), что подчеркивает высокую степень его власти и авторитета в полисе. В традиции сохранилась память о Дионисии как правителе, способствующем увеличению благосостояния полиса: «καὶ εὐπραγία καὶ εὖνοια τῶν ὑπηκόων καὶ πολλῶν ὧν οὐκ ἐπεκράτει πρότερον ἢ κυριότης» (Memn. IV.6). Наделение Дионисия прозвищем χρηστός, отсутствие сведений о каких-либо протестах против тиранов и фиксируемая традицией печаль гераклейского населения после его смерти позволяют предполагать проведение им благополучной внутренней политики (Memn. IV. 8–9; Paus. VIII. 27.

¹² Монахов 1999, 322–371.

¹³ Berve 1967/I, 319–320; Burstein 1971, 70.

36.5)¹⁴. Таким образом, хотя до нас не дошли свидетельства о внутренней политике Дионисия в Гераклее, на основании сказанного выше можно заключить, что он сохранил поддержку граждан в полисе, достигнутую еще Тимофеем.

Дионисий продолжает предпринимать шаги, направленные на укрепление своей власти и международного влияния государства. Одним из них стало принятие Дионисием незадолго до смерти титула βασιλεύς примерно в 306/5 г. до н.э. (Memn., IV.6)¹⁵. Утверждение царской власти в полисе состоялось под влиянием политики диадохов, которые именно в 306–305 гг. до н.э. объявили себя царями (в 306 г. до н.э. – Антигон и Деметрий, в 305 г. до н.э. – Птолемей, Кассандр, Лисимах и Селевк)¹⁶. Дополнительным основанием к тому стала женитьба Дионисия на Амастриде, персидской принцессе и сестре первой жены Александра, Статиры. Тиран стал мужем персидской принцессы, хозяином большой территории и обладателем царского титула.

В правление Дионисия начинается наиболее интенсивные завоевания земель на южном побережье Черного моря. Значительные территориальные приобретения были сделаны после его женитьбы на Амастриде и установления союза с Антигоном Монофталмом (Memn. IV. 7) с помощью умелого комбинирования дипломатии и военной силы. Границы завоеванных им территорий достаточно условны. На востоке, можно предполагать, рубеж проходил вблизи г. Китор, так как в следующий период он станет частью основанного Амастридой полиса. Что касается западной границы, одни ученые, опираясь на свидетельство Евстафия, считают, что граница между гераклейским государством и Вифинским царством проходила по р. Ребе¹⁷; другие же, основываясь на данных Стефана Византийского, разграничивают Вифинию и Финию по р. Псилис¹⁸.

В период правления Дионисия достаточно ярко проявились черты дуализма в политической системе государства. Во-первых, для того времени характерно наличие монет с надписью ΗΡΑΚΛΕΙΑ предыдущей истории гераклейского чекана, срок их действия нумизматы определяют в диапазоне 400–300 гг. до н.э.¹⁹ Среди них есть такие, выпуск которых датируют правлением Тимофея (SNG. IX, 1595–1602)²⁰. Присутствие на монетах имени города, вероятно, может свидетельствовать о сохранении в нем полисных черт и институтов. Данное положение могут подтвердить многочисленные примеры изучения греческих полисов Причерноморья. Приведем здесь следующий. В.Ф. Гайдукевич утверждает, что во времена Боспорского царства монеты, выпускавшиеся с надписью ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΩΝ, чеканились от имени общины граждан Пантикапея²¹. Таким образом, для правления Дионисия, к слову, как и для правления Тимофея, с известной долей вероятности можно предполагать сохранение полисных институтов. Но, с другой стороны, происходит сосредоточение широкого круга властных полномочий в руках тирана. Данный процесс фиксируют официальные документы того времени, которые

¹⁴ Berve 1967/I, 401.

¹⁵ Beloch 1912/III, 2, 94; Burstein 1976, 77.

¹⁶ Бикерман 1975, 258.

¹⁷ Tomaschek 1889/I, 63; Burstein 1976, 74.

¹⁸ Hoepfner 1966, Abl. 1; Сапрыкин 1986, 31; Габелко 1999, 115–116.

¹⁹ <http://www.sylloge-nummorum-graecorum.org.html>.

²⁰ Burstein 1976, 71.

²¹ Гайдукевич 1946, 63.

открывают возможность провести сравнение. В период правления Клеарха народное собрание встречает посольства (IG. 2², 117, строки 19–23). Согласно же афинскому декрету 330 г. до н.э. посольство отправляется к Дионисию (SIG³, 1, 304, строки 39–40).

Конкретные формы управления присоединенными территориями от р. Ребы или р. Псилис в Вифинии до г. Китора в Пафлагонии точно не известны и потому служат предметом дискуссии. На такой большой территории проживало весьма неоднородное по составу население. К западу от гераклеяского полиса преимущественно проживало местное население мариандинов, основой организации которого была община или кома (Xen. Anab. VI. 3. 1, 4.3, 4.5; Theopomp. FgrH 2B, 115F15). На пафлагонском же побережье находились как туземные племена, так и греческие полисы (Тиос, Сесам, Кромны и Китор). По-видимому, административная система была построена с учетом особенностей жизни обитателей присоединенных территорий. Одним из дискуссионных вопросов является вопрос относительно положения перечисленных выше полисов. Так, например, Б. Низе считал, что эти города были связаны с Гераклеей договором, по которому они сохраняли свою автономию. Свою позицию ученый основывал на том, что в договоре Никомеда I с галатами 279 г. до н.э. Киер и Тиос упоминаются в одном ряду с Гераклеей²². Против этой точки зрения выступает А. Джонс, объясняя данный факт тем, что на момент заключения договора с вифинским царем Гераклея уже не управляла указанными в нем территориями²³. Ст. М. Берстейн, продолжая эту мысль, утверждает, что реальное положение Тиоса, Сесама, Кромны и Китора носило подчиненный характер. Ученый обосновывает этот вывод тем, что, во-первых, Мемнон упоминает о Тиосе как о подвластной территории (Memn. FgrH 434F5, 6–7). Во-вторых, исследователь считает, что легенда серии монет «ΕΛΕΥΘΕΡΙΑ» чекана города Тиоса после битвы при Курупедионе (281 г. до н.э.) символизировала начало периода его политической автономии, так как в греческой терминологии такое понятие отмечало конец периода зависимости (δουλεία)²⁴. Позиция Ст. М. Берстейна представляется более убедительной по сравнению с мнением Б. Низе. Подчиненное положение городов могло выражаться в выплате налогов гераклеяскому государству и (или) наличии наместников, присланных из центра. Ввиду недостатка информации в сохранившейся традиции все это, к сожалению, является лишь предположениями.

Гераклеяская тирания времени Тимофея и Дионисия представляет собой сложное явление. Политика Тимофея оказалась продуманной и слаженной. Признание со стороны гражданского населения отличает его правление от предшественников. В результате успешных политических мероприятий Тимофея внутренняя ситуация в Гераклее стабилизировалась, становилось возможным само дальнейшее существование правящего режима. Вместе с тем ничто не указывает на изменение характера тиранической власти в полисе. В тот период некоторые авторитарные тенденции лишь намечаются. Так Тимофей получил эпитеты, которые выявляют природу почитания, на которое претендовали позже цари. Территориальные приобретения в этот период также могли способствовать усилению позиции ге-

²² Niese 1963/2, 75.

²³ Jones 1971, 419.

²⁴ Burstein 1976, 79.

раклейского лидера в полисе. После смерти Тимофея при Дионисии усиление авторитарных тенденций в организации политической жизни. Правление Дионисия приобретает черты монархии. Дальнейшая территориальная экспансия придала новый характер положению Гераклеи. В дополнении к городской территории и ее хоре были завоеваны сельские районы, вероятно, с коренным населением мариандинами (Мемн. IV. 6). Создание обширного политического единства стало результатом многолетних устремлений Тимофея и Дионисия. В состав гераклейского государства вошли новые города и территории, правовой статус которых нуждается в уточнении. Насколько сложной была структура самой архе, можно будет выяснить только с появлением дополнительного материала. Исходя из изменения положения гераклейского лидера, которое подтверждается письменной традицией и гераклейским монетным чеканом, новые территории были связаны прежде всего с самим главой авторитарного режима, а не с полисом. Это придавало созданному политическому единству качество территориальной монархии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикерман, Э. 1985: *Государство Селевкидов*. Пер. с франц. Л.М. Глускиной. М.
- Бикерман, Э. 1975: *Хронология древнего мира. Ближний Восток и Античность*. Пер. с англ. И.М. Стеблин-Каменского. М.
- Габелко, О.Л. 1999: Гераклея Понтийская и Вифиния в раннеэллинистический период: политико-географический аспект. *ВДИ* 2, 115–116.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.-Л.
- Дзагурова, В.П. 2007: *Гераклея Понтийская (в период ее автономии IV-I вв. до н. э.)*. М.
- Климов, О.Ю. 2010: *Пергамское царство: проблемы политической истории и государственного устройства*. СПб.
- Молев, Е.А. 1997: *Политическая история Боспора VI-IV вв. до н.э.* Нижний Новгород.
- Монахов, С.Ю. 1999: *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII-II вв. до н.э.* Саратов.
- Сапрыкин, С.Ю. 1986: *Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии VI-I до н.э.* М.
- Фролов, Э.Д. 1983: Младшая тирания. В сб.: Л.М. Глускина, В.И. Исаева, Э.Д. Фролов и др. (ред.), *Античная Греция*. Т. II, М., 121–156.
- Beloch, K. J. 1912–1927: *Griechische Geschichte*. 2. Aufl. Bd. I-IV. Abt. 1–2. Strasburg–Berlin–Leipzig.
- Berve, H. 1967: *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. I-II. München.
- Bittner, A. 1998: *Gesellschaft und Wirtschaft in Herakleia Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung. Asia-Minor-Studien*. Halbelt–Bonn.
- Burstein, St.M. 1976: *Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Hoepfner, W. 1966: Herakleia Pontike-Eregli. Eine Baugeschichtliche Untersuchung. In: D. Asheri, W. Hoepfner, A. Erichsen (eds.), *Forschungen an der Nordküste Kleinasien*. Bd. 2. Wien.
- Jones, A.H.M. 1971: *The Cities of the Eastern Roman Empire*. Oxford.
- Jonnes, L. 1994: The Inscriptions of Heraclea Pontica. With a Prosopographia Heracleotica by Walter Ameling. In: L. Jonnes, W. Ameling (eds.), *Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien*, www.epigraphy.packhum.org/inscriptions/main.html.
- Lehmann-Hartleben, K. 1923: Die Antiken Hafenanlagen des Mittelmeers. *Klio* XIV, 130–131.

- Niese, B. 1963: *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea*. Gotha, 1893–1903. rpt. Vol. II. Darmstadt.
- Tomaschek, W. 1889: *Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden*. Bd. I. Tempsky.

REFERENCES

- Bikerman, E. 1985: *Gosudarstvo Selevkidov*. Per. s frants. L.M. Gluskinoy. Moscow.
- Bickerman, E. 1975: *Hrronologiya Drevnego mira. Blizhniy Vostok i Antichnost'*. Per. s angl. I.M. Steblin-Kamenskogo. Moscow.
- Gabelko, O.L. 1999: Gerakleya Pontiyskaya i Vifiniya v ranneellinisticheskiy period: politiko-geograficheskiy aspekt. *Vestnik drevney istorii* 2, 115–116.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe Tsarstvo*. M.-L.
- Dzagurova, V. P. 2007: *Gerakleya Pontiyskaya (v period eye avtonomii IV–I vv. do n. e.)*. Moscow.
- Klimov, O.Yu. 2010: *Pergamskoe tsarstvo: problemy politicheskoy istorii i gosudarstvennogo ustroystva*. Saint-Petersburg.
- Molev, E.A. 1997: *Politicheskaya istoriya Bospora VI–IV vv. do n.e.* Nizhniy Novgorod.
- Monachov, S.Yu. 1999: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: komplekсы keramicheskoy tary VII–II vv. do n.e.* Saratov.
- Saprykin, S.Yu. 1986: *Gerakleya Pontiyskaya i Hrersones Tavricheskiy. Vzaimootnosheniya metropolii i kolonii VI–I do n.e.* Moscow.
- Frolov, E.D. 1983: Mladshaya tiraniya. V sb.; L.M. Gluskina, V.I. Isaeva, E.D. Frolov i dr. (red.), *Antichnaya Gretsiya*. T. II. M., 121–156.
- Beloch, K. J. 1912–1927: *Griechische Gescichte*. 2. Aufl. Bd. I–IV. Abt. 1–2. Strasburg–Berlin–Leipzig.
- Berve, H. 1967: *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. I–II. München.
- Bittner, A. 1998: *Gesellschaft und Wirtschaft in Herakleia Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung. Asia-Minor-Studien*. Halbelt–Bonn.
- Burstein, St.M. 1976: *Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Hoepfner, W. 1966: Herakleia Pontike-Eregli. Eine Baugeschichtliche Untersuchung. In: D. Asheri, W. Hoepfner, A. Erichsen (eds.), *Forschungen an der Nordküste Kleinasiens*. Bd. 2. Wien.
- Jones, A.H.M. 1971: *The Cities of the Eastern Roman Empire*. Oxford.
- Jonnes, L. 1994: The Inscriptions of Heraclea Pontica. With a Prosopographia Heracleotica by Walter Ameling. In: L. Jonnes, W. Ameling (eds.), *Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien*, www.epigraphy.packhum.org/inscriptions/main.html.
- Lehmann-Hartleben, K. 1923: Die Antiken Hafenanlagen des Mittelmeers. *Klio* XIV, 130–131.
- Niese, B. 1963: *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea*. Gotha, 1893–1903. rpt. Vol. II. Darmstadt.
- Tomaschek, W. 1889: *Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden*. Bd. I. Tempsky.

THE EVOLUTION OF STATE POWER IN HERACLEA PONTICA UNDER
TYRANTS TIMOTHEUS AND DIONYSIUS

Yulia V. Babenkova

*Saint-Petersburg University, Russia,
juily.babenkova@gmail.com*

Abstract. The article analyzes one of the most important periods of the tyranny in Heraclea Pontica – the period of the evolution of a state under Timotheus and Dionysius. Heraclea Pontica is one of the authoritative economic and political center in the South Black Sea Coast. The tyranny in Heraclea Pontica is one of the most shining example of the authoritarian regime in the polis during the Late Classic and the Early Hellenistic periods. There are different scientific views concerning the nature of their rule which still remains undetermined. Timopheus inherited power in the polis on the death of Satyrus and ruled from 345 to 338/7 BC, in recent years in affiliation with his brother Dionysius (338/5–305 BC). Co-regency was an instrument of more firm power devolution in the period in Heraclea Pontica. The result of accurate and mature internal policy of Timotheus was that different social strata of the Heracleots supported tyrant. The support given to Timotheus by the Heracleots showed the changing of the relations between the ruler and the subjects. Under the rule of Dionysius tyrant's power became much stronger. In 306/5 BC he assumed the title “βασιλεύς”. Repositioning of Heracleian leader is confirmed by the written tradition and the Heracleian coinage. However polis institutes most likely survive. The results of the intensive changes were that the power of tyrant in Heraclea Pontica transformed into the monarchy, the territory of the state extended from the river Rhebas or Psilis in Bithynia to Kytoros in Paphlagonia and the city of Heracleia became the center of *arche*.

Key words: tyranny, Heraclea Pontica, co-regency, Timotheus, Dionysios, βασιλεύς, political dualism, arche, territorial state

---

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 277–284
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 277–284
© Автор(ы) 2016

СТЕФАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ – ПОСЛЕДНИЙ СХОЛАРХ

Н.Н. Болгов*, А.М. Болгова**

* *Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
bolgov@bsu.edu.ru*

** *Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
bolgova@bsu.edu.ru*

Аннотация. В работе предпринята попытка дать общий очерк места и роли Стефана Александрийского в истории позднеантичной школы и учености, по всей видимости, последнего схоларха Александрийской философской школы VII в. Этот ученый и писатель отличился в целом ряде областей знания, оставив сочинения по философии, медицине, астрономии, астрологии, алхимии, а также несохранившиеся по математике, музыке, риторике, грамматике. Главное призвание Стефана было, видимо, в преподавании. Две основные его научные ипостаси – философ и медик. Последний отрезок жизни он провел в Константинополе в качестве общественного преподавателя по распоряжению императора Ираклия. Авторы делают вывод о том, что Стефан Александрийский был одной из ключевых фигур культуры и мысли заключительной части поздней античности (2 половина VI – начало VII вв.). Несколько эклектичный и широкий характер научных и преподавательских интересов Стефана Александрийского можно объяснить общей медиевализацией знания накануне Средневековья. Обучение в высших школах приобретало все более элементарный характер, а глубина преподавания сокращалась. По всей видимости, Стефан

Болгов Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

Болгова Анна Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

был последним известным нам главой Александрийской философской школы неоплатонизма. Современная наука очень мало интересовалась наследием Стефана Александрийского. Нет полного научного издания всех его сочинений, а в отечественной науке он вообще не привлек никакого внимания специалистов. Перед исследователями стоит задача актуализации наследия позднеантичного ученого и преподавателя, всестороннее изучение его места и роли в культуре Ранней Византии.

Ключевые слова: школа, преподавание, философия, Стефан Александрийский, схолярх, Александрия, Константинополь

Стефан Александрийский – одна из ключевых фигур культуры и мысли «поздней Поздней античности» (late Late Antiquity), философ, врач, математик, алхимик и астролог. Родился, скорее всего, в Афинах между 550 и 555 гг., умер в Константинополе (?) после 620 г. В. Вольска-Конюс¹ считает, что он является тем же лицом, что и ученый Стефан Афинский.

Карьера. Его преподавательская деятельность в Александрии засвидетельствована Иоанном Мосхом (PG 87.3: 2929D). Стефан учил в Александрии с последнего десятилетия VI в.

Стефан – представитель Александрийской философской школы², один из образованнейших людей своего времени, обладавший обширными познаниями в области философии, риторики, грамматики, медицины, а также алхимии и астрологии. Предполагают, что он был учеником неизвестного александрийского математика Олимпиодора. Он был близок к кружку Иоанна Филопона.

Рукописи называют его φιλόσοφος, или μέγας φιλόσοφος и οἰκουμένικος, или καθολικὸς διδάσκαλος, один раз -- οἰκουμένικος φιλόσοφος.

Это, вероятно, тот самый Στέφανος ὁ Μαθηματικὸς, о котором Vita Basilii (Th. Cont., 338, l. 10–12) говорит, что он составил гороскоп Ираклия и предсказал, что тот погибнет от воды.

Он преподавал, с одной стороны, философию Аристотеля и Платона, а с другой – арифметику, геометрию, астрономию, музыку, медицину. П. Лемерль задается вопросом, не составляет ли это почти полную учебную программу высшей школы того времени. И в какой мере она соотносится с реальностью?³

Возможно, Стефан был не просто преподавателем, а одним из последних до арабов главой Александрийской философской школы, схолархом.

На протяжении всего позднеантичного периода устойчивый поток христианских студентов тек в языческие философские и риторические школы, чтобы получить высшее образование. Сохранение этих студентов привело к тому, что они заставили александрийский христианский высший слой непосредственно участвовать снова в языческих школах. В то время как церковь и христианские интеллектуалы обратили свое внимание в эту сторону, религиозное содержание александрийского языческого учения было еще более подчеркнуто.

Христиане ответили на это, создав схоластическую группу *philoponoï* (филопонов, «трудолюбив»), посвященную восстановлению институциональных связей между языческой философской школой и христианской духовной культурой.

¹ Wolska-Conus 1989, 5–89.

² Watts 2006, 257–261.

³ Лемерль 2012, 114–116.

Были также предприняты усилия по реформированию философской учебной программы таким образом, чтобы это было бы удобнее для потребностей христиан. Несмотря на враждебность, которую этот процесс породил со стороны некоторых кругов церкви, александрийские языческие учителя поняли, что большое количество христианских студентов посещали их занятия. Все больше наиболее разумных среди них признавали, что эта реальность не изменится и что она лучше всего послужит адаптации старого к новому. В то же время обычные христиане, с их долгой историей взаимодействия с языческими учителями, были готовы принять реформированное языческое учение в городе. Следовательно, запрос населения на закрытие языческих школ был невелик.

Империя еще оставалась обществом, в котором традиционная культура ценилась до тех пор, пока она активно не противодействовала местным христианским нормам. Преподаватели, которые понимали это и делали свою деятельность, не угрожая христианам в их городе, процветали. Крайние язычники и христиане, которые нападали на умеренность этих людей, не достигли успеха.

К концу VI в. обучение в Александрийской школе принимало все более элементарный характер. Школа была христианизирована, и в ней изучение Аристотеля все больше распространялось за счет изучения Платона.

Стефан учил в Александрии приблизительно до 610 или 618 г., когда он был призван императором Ираклием (610–641) на должность общественного преподавателя в Константинополь⁴, для обучения философии и предметам квадривиума (геометрии, астрономии, арифметике и музыке). Эта гипотеза была отвергнута Х.-Г. Беком, но с 1970-х гг. нашла новых сторонников и ныне стала общепринятой.

Стефан был назначен «вселенским учителем» (οἰκουμηνικός διδάσκαλος). В Царском портике ученый читал лекции о Платоне и Аристотеле, преподавал в учебных заведениях Константинополя. Главным из них была, видимо, Императорская академия.

Почему Стефан Александрийский назван οἰκουμηνικός διδάσκαλος и где именно он давал свои уроки в столице? Одни считают, что он преподавал прежде всего в патриаршей Академии, которую патриарх Сергий якобы основал вместо закрытого Фокой Университета, затем вновь открытого Ираклием. Другие полагают, что он преподавал одновременно философию и в Императорском Университете (или Базилике), и в патриаршей Школе, которая будто бы обозначается выражением οἰκουμηνικὸν διδασκαλεῖον⁵.

На самом деле нет никакого основания не верить в то, что основное высшее образование в столице продолжало даваться в светских рамках Императорского Университета. Ф. Фюхс⁶ делает Стефана главой экуменического (патриаршего) дидаскалейона, так как одна рукопись называет его хартофилаксом, но эта должность прямо не связана с образованием. Должность же «вселенского учителя» зафиксирована уже в V в. в Беритской школе права и означает «преподаватель в системе высшего образования». Связь между званием «вселенского учителя» и

⁴ Westerink 1990/XL; Лемерль 2012, 114.

⁵ Schemmel 1912, 9–10.

⁶ Fuchs 1926, 14–15.

церковной иерархией, на вершине которой находится вселенский патриарх, ошибочна, как и идея о том, что при Ираклии патриарх возглавил университет⁷.

Сочинения. Список работ Стефана все еще точно не установлен. Большинство его сочинений не имеют научного комментированного издания.

Считается, что он как *философ* написал комментарии к нескольким трактатам Аристотеля (наиболее важный – «Об истолковании»), к «Введению» Порфирия. Р. Ванкур считает, что приписываемый Иоанну Филопону комментарий к сочинению Аристотеля «О душе» принадлежит Стефану Александрийскому⁸, но это мнение не получило широкой поддержки.

Его главными сохранившимися произведениями считают обычно *медицинские* сочинения – комментарии к «Прогностикону»⁹ и к «Афоризмам» Гиппократа, а также к «Терапевтике» Галена (в названии которых Стефан именуется Афинянином)¹⁰. В качестве врача он написал также трактат о воздействии лекарств на больных лихорадкой. Комментарии Стефана были предназначены для того, чтобы просветить студентов в теории, что является основой для медицинской практики гиппократовой фармацевтической традиции. В области медицины Стефан Александрийский (Афинский) был учеником Феофила Протоспафария¹¹. В ряду ранневизантийских медиков Стефан занимает важное место в непрерывном ряду, идущем от Орибасия (IV в.). Также, наряду с Феофилом, точные даты жизни которого неизвестны, он замыкает этот непрерывный ряд на VII столетии.

В соавторстве с императором он написал комментарии к *астрономическому* комментарию-трактату Феона Александрийского «Объяснение метода удобных таблиц Феона посредством индивидуальных приемов» (по хронологии и церковному календарю). К астрономическим трудам относится также комментарий к сочинениям Птолемея, приписываемый Иоанну Цецу, в действительности же принадлежащий Стефану¹².

Неаутентичен *астрологический* трактат (очевидно, 775 г.) с гороскопом, якобы предсказывающий судьбу династии Мухаммада и будущее Византии: «Эти люди [сарацины] изгонят ромеев из Сирии ... завоюют Киликию, опустошат всю Каппадокию, ибо такова позиция Марса. Однако они не разрушат само Ромейское царство, ибо таково положение Солнца и потому что Марс стоит в небе выше прочих планет. Но всё же Марс закатывается, он в созвездии Рака, и поэтому сарацины унижат народ Марса. А поскольку Марс находится в середине небосвода, царства народов, находящихся под этим знаком – ромеи, тюрки, хазары, болгары и им подобные – устоят навсегда». Примечательно, что язычество тюрков, хазар и болгар астролога не беспокоило – важнее, что они под Марсом. Экумена – это по-прежнему старая добрая античная «вселенная», место, где живут вменяемые люди, в отличие от окружающего пространства. Это «Астрологическое предсказание»¹³ написано, вероятно, около 775 г., но приписывается Стефану. Аутентичных астрологических сочинений Стефана не сохранилось.

⁷ Лемерль 2012, 122.

⁸ Vancourt 1941.

⁹ Stephanus the Philosopher 1983.

¹⁰ Stephanus of Athens 1985.

¹¹ Theophilus Protospatharius, Damascius et Stephanus 1834.

¹² Browning 1965, 262f.

¹³ Usener 1880, 17–32.

Сохранились свидетельства о том, что Стефан Александрийский разрабатывал общие теоретические положения *алхимии*, которые он изложил в девяти лекциях («Девять уроков химии») и в трактате «Об изготовлении золота», в основу которого была положена концепция о циклическом движении Солнца, Луны и планет вокруг Земли. Несмотря на заглавие, в ней нельзя найти сведений о наилучшем способе его производства. Это сочинение Стефана, хорошо знакомого с философией Платона и Пифагора, но тем не менее бывшего христианским мистиком, являет собой переходное звено от древней алхимии к средневековой. Приписывание Стефану нескольких других алхимических работ, сохранившихся под его именем, весьма спорно¹⁴.

Хотя у Стефана было прозвище Математик и известность в качестве такового, его специальных *математических* работ до нас не дошло, как и сочинений по *музыке, риторике и грамматике*.

Единственной значительной специальной работой, посвященной Стефану, остается диссертация Х. Узенера. В ней изданы два трактата (рукописи – cod. Laurent. gr. XXVIII, 14 (XIV в.): *ἀποτελεσματικὴ πρᾶγματεία* с предсказанием будущего династии Мухаммада, который ложно приписывается Стефану и на самом деле является гораздо более поздним произведением, и астрономический трактат-комментарий по хронологии и церковному календарю, который, по-видимому, принадлежит ему, хотя некоторые части Узенер приписывает самому императору Ираклию. Кедрин (Cedr., I. 717) сообщает нам, что «на 12-м году (царствования Ираклия), от сотворения мира 6131-м, 3 сентября, в среду, был составлен *θεμᾶτιον τῶν Σαρακηνῶν* Стефаном Александрийским», который сделал вывод, что их владычество будет процветать в течение 309 лет и т.п.; но 3 сентября 622 г. выпадает на пятницу, а на среду оно попадает в 621 г. (который тоже, и даже скорее, может считаться 12-м годом царствования Ираклия): отсюда исправление года от сотворения мира с 6131-го на 6130-й, предложенное Узенером.

В своих комментариях к Аристотелю Стефан безусловно следовал христианскому преподаванию и признавал авторитет Библии (Ps.-Philoponus = Stephan. De anima 527. 29–32; 547.11–14). В то же время он также подтвердил представление Аристотеля о вечности мира (De anima 540.27), существовании пятого элемента Аристотеля (De anima 448. 6–7) и другие ключевые доктрины, которые лежат в основе учения традиционной платонической философской системы. Л. Вестеринк подметил, что лучший путь соединения христианства Стефана с исповедуемой им доктриной есть понимание того, что, в отличие от Иоанна Филопона, Стефан был частью системы классического философского образования.

Как «официальный представитель» классической философии, Стефан не мог критиковать ее¹⁵. В Стефане, как видно, сочетались языческая доктрина и филопоновские устремления. Он был христианским схолархом, который, тем не менее, учил философии традиционным способом. Это было возможно потому, что обращение Стефана в христианство превратило его в защитника вечного мира, безобидного для христиан¹⁶. Следует помнить, что оппозиция филопонов заключалась

¹⁴ Византийский словарь 2011. 2, 345.

¹⁵ Westerink 1990/XL.

¹⁶ Стефаново учение об этом частично известно в свете его возобновляемых апокалиптических страхов, что христиане захватили все вокруг в VII веке. Об этих страхах см.: Theophyl. Simocat. Hist.

в попытке отвращения христиан-студентов от обращения в язычество при обучении в философской школе. Когда эта доктрина исходила от схоларха, который публично декларировал свое христианство в своих сочинениях, это не должно было вызывать серьезного беспокойства. Философских пуристов (и язычников, которые сохранились) приверженность Стефана традиционным интерпретациям одинаково обнадеживала. Очевидно, что его публичная защита христианства никоим образом не мешала ему обучать классическим философским доктринам. В конце концов, этот языческо-христианский конфликт, в который было вовлечено так много людей, стал причиной написания такого количества текстов и, разрушив так много судеб и карьер, со временем просто растаял, улетучился. На своем уникальном пути Стефан мирно осуществлял христианизированное философское обучение.

Как учитель, который смог успешно понять потребности своего города и мирно реализовать как языческие, так и христианские надежды на философское обучение, Стефан – и его карьера – иллюстрирует основополагающие тренды эпохи. В то же время Стефан приводит нас в эпоху, когда напряженность, воодушевлявшая этот нарратив, становится больше не актуальной. В VII веке локальные конфликты по поводу роли языческих учителей в значительной степени прошли. Оставалось буквально несколько таких учителей, и даже меньше, кто еще учил христианских студентов. Это «медленное увядание в ненужности» представляет печальный момент финала языческой интеллектуальной культуры¹⁷.

По мнению А.Ф. Лосева, «Стефан Византийский»¹⁸ является малоизвестным, имевшим, вероятно, не очень большое значение и совершенно до сих пор не изученным автором. Но он достоин упоминания потому, что это был последний александрийский комментатор Платона и Аристотеля¹⁹.

В многотомном и весьма подробном сочинении А.Ф. Лосева Стефану нашлось место в объеме лишь одного абзаца. Это досадно, так как Стефан явно достоин лучшей участи в историографии, особенно на фоне весьма подробного анализа неоплатонизма в той же «Истории античной эстетики». Возможно, ее автор считал Стефана скорее аристотеликом, нежели неоплатоником.

П. Лемерль назвал Стефана олицетворением переходного периода и «загадочной личностью», чье изучение должно быть предпринято заново и в ком сошлись странные противоречия: он полностью принимает авторитет христианских догматов и Библии, но в то же время сохраняет старые убеждения относительно вечности мира, предсуществования души и т.д., не пытаясь их примирить²⁰.

В любом случае, Стефан фактически завершил собой ряд схолархов Александрийской классической философской школы и тем самым достоин более пристального изучения и специального современного исследования. Подобно «последним римлянам» или «последним эллинам», его можно назвать «последним схолархом» – преподавателем (главой) высшей школы, классической античной по происхождению содержанию и христианизированной по руководству и задачам.

5.15.3–4; Magdalino 1993, 18–19.

¹⁷ Watts 2006, 261.

¹⁸ Так у автора. Очевидно, что речь идет о Стефане Александрийском. Стефан Византийский – грамматик из Константинополя эпохи Юстиниана, автор словаря «Этника».

¹⁹ Лосев 1992, 1, 46.

²⁰ Лемерль 2012, 313.

Его нарочитая научная эклектика (философ, врач, математик, астроном, астролог, алхимик, а также преподаватель музыки, риторики и грамматики) вполне элиминируется тем, что все вышеназванное он в первую очередь преподавал, а не разрабатывал теоретически. Поэтому не глубина научного поиска, а гибкость и разносторонность в целях адаптивного преподавания делают Стефана Александрийского одной из наиболее крупных фигур ранневизантийской высшей школы конца VI–VII вв. Завершение его карьеры в столице и приглашение туда от лица самого императора говорят здесь о многом.

Для этого периода сопоставимой фигуры того же масштаба мы не знаем. Поэтому в плане изучения культурного континуитета между античностью и средневековьем такая компилятивно-схоластическая ученость в канун «Темных веков», когда активно шла медиевализация картины мира и знания, вызывает неподдельный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

- Лемерль, П. 2012: *Первый византийский гуманизм*. СПб.
- Лосев А.Ф. 1992: *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития*. Кн. 1. М.
- Филатов, К.А. 2011: *Византийский словарь*. Т.2. СПб.
- Browning, R. 1965: Stephanos. *Classical Review* 15, 262–269.
- Fuchs, F. 1926: *Die hoheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter*. Leipzig.
- Magdalino, P. 1993: The History of the Future and Its Uses: Prophecy, Policy, and Propaganda. In: R. Beaton, C. Roueche (eds.), *The Making of Byzantine History: Studies Dedicated to Donald M. Nicol*. Aldershot.
- Schemmel, F. 1912: *Die Hochschule von Konstantinopel vom V. bis IX. Jahrhundert*. Berlin.
- Usener, H. 1880: *De Stephano Alexandrino. Stephani Alexandrini quod fertur opusculum apotelesmaticum, Index scholarum in universitate Fredericia Guilelmia Rhenana per menses hibernos anni 1879–1880*. Bonnae.
- Vancourt, R. 1941: *Les derniers commentateurs alexandrins d'Aristotle, l'ecole d'Olympiodore, Etienne d'Alexandrine*. Lille.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley - Los Angeles.
- Westerink, L.G. 1990: *Prolegomenes a la philosophie de Platon*. Paris.
- Wolska-Conus, W. 1989: Stéphanos d'Athènes et Stéphanos d'Alexandrie. In: *Revue des études byzantines* 47, 5–89.

REFERENCES

- Browning, R. 1965: Stephanos. *Classical Review* 15, 262–269.
- Filatov, K.A. 2011: *Vizantijskij slovar'*. T.2. Saint-Petersburg.
- Fuchs, F. 1926: *Die hoheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter*. Leipzig.
- Lemerl', P. 2012: *Pervyj vizantijskij gumanizm*. Saint-Petersburg.
- Losev A.F. 1992: *Istoriya antichnoj ehstetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya*. Kn. 1. Moscow.
- Magdalino, P. 1993: The History of the Future and Its Uses: Prophecy, Policy, and Propaganda. In: R. Beaton, C. Roueche (eds.), *The Making of Byzantine History: Studies Dedicated to Donald M. Nicol*. Aldershot.
- Schemmel, F. 1912: *Die Hochschule von Konstantinopel vom V. bis IX. Jahrhundert*. Berlin.
- Usener, H. 1880: *De Stephano Alexandrino. Stephani Alexandrini quod fertur opusculum apotelesmaticum, Index scholarum in universitate Fredericia Guilelmia Rhenana per menses hibernos anni 1879–1880*. Bonnae.

- Vancourt, R. 1941: *Les derniers commentateurs alexandrins d'Aristotle, l'école d'Olympiodore, Etienne d'Alexandrine*. Lille.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley - Los Angeles.
- Westerink, L.G. 1990: *Prolegomenes a la philosophie de Platon*. Paris.
- Wolska-Conus, W. 1989: Stéphanos d'Athènes et Stéphanos d'Alexandrie. In: *Revue des études byzantines* 47, 5–89.

STEPHANOS OF ALEXANDRIA – THE LAST SCHOLARCH

Nikolay N. Bolgov*, Anna M. Bolgova**

* *Belgorod State National Research University, Russia,*
bolgov@bsu.edu.ru

** *Belgorod State National Research University, Russia,*
bolgova@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with an attempt to give a general outline of the place and the role of Stephanos of Alexandria in the history of late antique school and learning, most likely, of the last scholarch of the Alexandria philosophical school of the 7th century is made. This distinguished scholar and writer excelled in a number of areas of knowledge, leaving works on philosophy, medicine, astronomy, astrology, alchemy. Unfortunately his works in mathematics, music, rhetoric, grammar did not remain. Stephanos's main mission was, apparently, teaching. His two basic scientific alter egos were a philosopher and a medical man. The last part of his life he spent in Constantinople as a public teacher, by order of Emperor Heraclius. The authors conclude that Stephanos of Alexandria was one of the key figures of culture and thought the final part of the Late Antiquity (2nd half of the 6th – early 7th centuries AD.). Slightly eclectic and broad scientific nature of research and teaching interests of Stephen of Alexandria can be explained by the general medievalizing of knowledge on the eve of the Middle Ages. Education in high schools gained more and more elementary character, and depth of teaching was reduced. Apparently, Stephanos was known to us as the last head of the Alexandrian neo-Platonic school of philosophy. Modern science has very little interest in the legacy of Stephanos of Alexandria. There is no full scientific publication of his writings, and in domestic science, he has never attracted any professional attention. The researchers are faced with the challenge of updating the heritage of the late antique scholar and teacher, a comprehensive study of its place and role in the culture of the early Byzantine Empire.

Key words: school, teaching, philosophy, Stephanos of Alexandria, scholarch, Alexandria, Constantinople

---

МЕТРОЛОГИЯ И НАЗВАНИЯ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ГЯНДЖИНСКОГО ХАНСТВА

А.В. Акопян

*Институт истории им. Ш. Марджани, Казань,
alexakopyan@gmail.com*

Аннотация. В работе проанализирована динамика изменения веса серебряных монет Гянджинского ханства, а также установлены названия этих монет. Показано, что несмотря на снижение веса, основным номиналом в течение всей чеканки в Гянджинском ханстве продолжал оставаться аббаси.

Выявлено пять стандартов веса гянджинского аббаси. В начале самостоятельной ханской чеканки, в 1764–1781 гг. аббаси выпускались практически такого же веса, как и в Иране (ок. 4,50 г, I весовой стандарт). Затем, в 1768 г., вслед за изменением в Иране числа шахи в аббаси с 4 до 5, в Гяндже стали чеканить 4-шаховые аббаси в 3,69 г (II весовой стандарт, 1768–1774 гг.), весом в 4/5 от иранского стандарта. Следующие два стандарта также отражали изменения числа шахи в иранском аббаси. Аббаси III весового стандарта чеканятся в 1774–1776 гг. и весят 3,38 г (вес четырех шахи в аббаси, содержащем 5,5 шахи). В 1774–1781 гг. чеканятся аббаси IV весового стандарта с весом 3,07 г (вес четырех шахи в шестишаховом аббаси). В связи с проведенным исследованием уточнена хронология изменения числа шахи в иранском аббаси в 1774–1775 гг. Аббаси последнего V весового стандарта (2,46 г, на 20% или один шахи легче предыдущего стандарта) чеканятся, возможно, с 1781 г. по 1792 г. после начала карабахско-грузинской оккупацией Гянджи. Выявлено, что изменение типа монеты в 1768–1792 гг. не соответствовало изменению весовых стандартов. Под влиянием введенных в Персии в обращение крупных серебряных номиналов в Гяндже в 1792–1800 гг. чеканились пятиаббасовые монеты местных типов и весовых стандартов – V весового стандарта в 1792–1798 гг. и IV весового стандарта в 1799–1800 гг. Показано, что прежнее наименование этих монет «риал» не может считаться корректным, а называться они должны согласно сообщению 1840 г. «миналтун» или «михазар» (или «гянджинский рубль»).

Ключевые слова: метрология, серебряные монеты, аббаси, рубль, Афшариды, Зенды, Каджары, Гянджинское ханство, Закавказье, Иран

Вслед за разработанной ранее типологией серебряных монет Гянджинского ханства¹ (существовало в 1160–1218/1747–1804 гг.)² в предлагаемой работе бу-

Акопян Александр Владимирович – аспирант Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. E-mail: alexakopyan@gmail.com

¹ Акопян 2011 (за подробными описаниями упоминаемых в статье монетных типов и их вариантов отсылаем читателя к указанной статье).

² Здесь и далее в статье через дробь приводятся года по мусульманскому календарю (года лунной хиджры) и года нашей эры. Начало года лунной хиджры подвижно относительно начала года нашей эры, поэтому он может начинаться в один год нашего летоисчисления, а заканчиваться в следующем. При переводе года хиджры в наше летоисчисление приводятся оба соответствующих

дет рассмотрен вопрос о стандартах веса этих монет и их названии. Несмотря на нумизматические работы по монетам Гянджинского ханства (среди прочих необходимо отметить каталог Краузе³, специальную работу Е.А. Синициной⁴, а также обзорные работы С. Албума⁵ и А. Раджабли⁶), вопросы весовых стандартов и названий местных номиналов в течение долгого времени привлекали к себе лишь эпизодическое внимание исследователей и, несмотря на исследование Е.А. Синициной⁷, так и остались, на наш взгляд, нерешенными. Этому, а также некоторому уточнению типологии монетных выпусков, посвящена предлагаемая статья.

После смерти Надир-шаха Афшарида в 1747 г. и образования самостоятельно-го Гянджинского ханства на гянджинском монетном дворе продолжили чеканиться монеты общеиранского типа – сначала с именем Ибрагима Афшарида (только в 1162/1748–9 г.), а затем Шахруха Афшарида (датированные выпуски известны для 1162–1168/1748–1755 гг.)⁸. Последовавшее в 1755 г. падение афшаридской династии в Персии вынудило гянджинского Шах Верди-хана (1747–1760) чеканить монету собственных типов. Сначала им выпускались монеты типа *A*, имевшие надпись *ас-султан Надир* (в 1169–1171/1755–1758 гг. с обозначением «замороженной» даты «1155» г. х., а затем правильно датированные выпуски 1172–1181/1758–1768 гг.)⁹. Два года спустя, после усиления в землях к югу от Аракса Карим-хана Зенда¹⁰, в Гяндже начался параллельно выпуск монет типа *B* с надписью *йа Карим* (чеканились в 1174–1181/1760–1768 гг.). Сравнение средних весов и медиан по годовым выборкам, типам и вариантам для монет 1162–1181/1748–1768 гг. не показывает каких-либо существенных отклонений от общеиранского стандарта (см. табл. 1), что позволяет считать монеты с именами Ибрагима и Шахруха Афшаридов, а также местных типов *A* и *B* чеканенными по единому стандарту, называемому далее I весовым стандартом.

наших года (но надо отметить, что монеты с датой нового года в Иране обычно начинали чеканиться не с первого дня лунного года, а с иранского нового года – Новруза – в весеннее равноденствие). При переводе *сроков* в годах хиджры в наше летоисчисление есть определенная условность – начальному году хиджры приводится в соответствие первый из двух годов нашего летоисчисления, на который он попадает, а последнему году хиджры соответствует год его окончания по нашему летоисчислению (поэтому *n* годам хиджры могут соответствовать *n* + 1 наших лет). При упоминании только года лунной хиджры он дается с пометкой «г. х.».

³ Krause, Mishler 1999, 716; 2010, 100, 904–905.

⁴ Синицина 1992, 37–48.

⁵ Album 2013, 297–298.

⁶ Раджабли 1997; 2009.

⁷ Синицина 1992, 37–48.

⁸ См. их описание в Krause, Mishler 2010, 904–905. Взвешенных монет 1167/1753–4 г. обнаружить не удалось.

⁹ Пользуясь случаем, необходимо исправить собственную неточность (Акопян 2011, 30): монеты типа *A* перестали чеканиться в 1181 г. х., а не в 1188 г. х., в котором уже выпускались монеты других весовых стандартов, а сам год «1188» (١١٨٨) надо читать на монетах как 1177 г. х. (١١٧٧) с перевернутым написанием персидской цифры «8» (٨), что является довольно частой ошибкой в позднейиранском монетном деле (см.: Album 2001, 100, n. 1349).

¹⁰ Perry 2009, 43–46.

Таблица 1. Статистические данные аббасы Гянджи I весового стандарта (1162–1181/1748–1768 гг.)¹¹.

Тип, вариант	г. х.	<i>N</i>	$\langle m \rangle$	σ	$\mu_{1/2}$
От имени Ибрагима	1162	9	4,59	0,0379	4,58
От имени Шахруха	1162	6	4,61	0,0506	4,63
От имени Шахруха	1163	4	4,59	0,0722	4,63
От имени Шахруха	1164	8	4,58	0,0801	4,60
От имени Шахруха	1165	9	4,60	0,0469	4,60
От имени Шахруха	1166	1	4,56	–	–
От имени Шахруха	1168	2	4,59	0,0700	4,59
<i>A</i>	«1155»	11	4,56	0,0458	4,55
<i>A</i> , «грубая надпись» ¹²	«1155»	3	4,58	0,0655	4,57
Все варианты «1155»		14	4,56	0,0514	4,55
<i>A</i>	1172	12	4,56	0,0599	4,57
<i>A</i>	1173	6	4,63	0,1205	4,58
<i>A</i>	1174	2	4,58	0,0200	4,58
<i>B</i>	1174	2	4,61	0,0050	4,61
Все варианты 1174		4	4,59	0,0192	4,60
<i>A</i>	1175	3	4,49	0,0638	4,45
<i>A</i> , включая монеты с «грубой надписью»	1176	7	4,48	0,1986	4,55
<i>B</i>	1176	4	4,24	0,2047	4,26
Все варианты 1176		11	4,39	0,2314	4,43
<i>A</i>	1177	8	4,54	0,2506	4,51
<i>A</i> , ошибочный год «1188»	1177	2	4,30	0,0900	4,30
<i>B</i>	1177	5	4,46	0,0349	4,46
Все варианты 1177		14	4,48	0,2092	4,46
<i>A</i>	1178	2	4,45	0,0050	4,45
<i>A</i> , ошибочный год «1187»	1178	7	4,43	0,1156	4,41
Все варианты 1178		9	4,43	0,1022	4,44
<i>B</i>	1179	3	4,70	0,1414	4,60
<i>B</i> , год «117P»	1179	2	4,27	0,1200	4,27
Все варианты 1179		5	4,53	0,2493	4,60
<i>A</i>	1180	1	3,70	–	–
<i>B</i>	1181	1	4,32	–	–
<i>A</i>	без даты	2	4,00	0,5750	4,00
Все годы		122	4,50	0,2015	4,54

¹¹ Здесь и далее *N* – число монет, $\langle m \rangle$ – средний вес, σ – стандартное отклонение, $\mu_{1/2}$ – медиана. В случае с известными только по одной монете данными этот вес приведен в столбце $\langle m \rangle$. Все приведенные в статье расчеты основаны на весовых данных монет из: Синицина 1992 (в этой работе учтены монеты из Государственного Эрмитажа, Музея истории Азербайджана, Гянджинского историко-краеведческого музея и Историко-архитектурного музея «Комплекс Дворца Ширваншахов»), Акоруян 2008, Album 2001 (коллекция Эшмолеанского Музея), Mayer 2005 (коллекция Восточного минцкабинета Йены), Poole 1887 (коллекция Британского Музея); электронных ресурсов American Numismatic Society, The Online Coins Show VCoins, Zeno.ru – Oriental Coins Database; различных частных коллекций, авторской базы данных и лично осмотренных монет в собрании Университета Тюбингена.

¹² Монеты с «грубыми надписями» типа *A* представляют собой официальные выпуски, выполненные подправленными штемпелями. В результате такой правки исчезала плавность линий монетных надписей и она приобретала заметный угловатый вид.

Среднее значение веса монет местных типов (4,50 г) несколько меньше веса нормативного персидских монет Карим-хана тех же лет, равного согласно справочнику 4,61 г, т. е. одному мискалю¹³, но очень близко к их среднему весу в 4,55 г, согласно нашим расчетам¹⁴. Несколько меньший вес гянджинских аббаси сближает его с легкими аббаси других ханств, например, нахичеванскими аббаси 1180–1183/1766–1770 гг. со средним весом в 4,37 г. Нормативный вес монет типа *A* и *B* должен составлять те же 4,61 г, что и нормативный вес персидских аббаси того же времени, однако отклонение средних значений весов от нормативного среди гянджинских монет выше, чем среди персидских. Несмотря на такое отклонение, нет поводов сомневаться в том, что гянджинская монета, как и персидская, называлась аббаси и содержала в себе четыре шахи¹⁵.

Введенный гянджинским Мухаммад Хасан-ханом (1760–1780) в 1182/1768–9 г. тип *C* с двустушием, использовавшимся на монетах Карим-хана *шод афтаб о мах зар о сим дар джахан, аз секке-йе Эмам бе-хаг Сахед оз-Заман*, разительно отличается от монет типа *A* и *B* как по своему внешнему виду, так и по весу. Вес новых гянджинских монет типа *C* ниже веса предыдущих монет типа *A* и *B* и своеобразно отражает изменение монетного стандарта, произошедшее в Персии в 1181/1767–8 г., когда впервые с конца XVI в. число шахи в аббаси выросло с четырех до пяти (при сохранении прежнего веса монеты в 4,61 г)¹⁶. Однако в Гяндже новые монеты типа *C* весили в среднем 3,69 г, т. е. составляли $\frac{4}{5}$ иранского аббаси в пять шахи и содержали в себе только четыре (новых) шахи. Таким образом, по старой привычке в Гяндже продолжался выпуск монеты в четыре шахи, называемой аббаси¹⁷. Монеты типа *C* с номинальным весом в 3,69 г (II весовой стандарт) известны для 1182–1187/1768–1774¹⁸ гг., все они подтипа *C-1a*¹⁹ (см. табл. 2).

¹³ Album 2013, 289.

¹⁴ $N = 89$, $\sigma = 0,0850$, $\mu_{\frac{1}{2}} = 4,58$ г.

¹⁵ До 1181/1767–8 г. система номиналов серебряных персидских монет, основанных на аббаси, была следующей: 1 аббаси = 2 мухаммади = 4 шахи. Аббаси состоял из 200 счетных динаров (монеты в 5–20 динаров чеканились в меди). Существовали более крупные счетные единицы для серебра: 5 аббаси составляли йеказар (перс. «одна тысяча [динаров]»), а 50 аббаси – туман (монг.-перс. «десять тысяч [динаров]»).

¹⁶ См. исследование Р.Р. Фасмера (Vasmer 1933, 180), на котором основывались последующие классификации Г.Л. Рабино ди Боргомале (Rabino di Borgomale 1945, 8) и С. Албума (Album 2013, 288–289). За пределами работы остается выяснение причины этого изменения, не получившее еще удовлетворительного объяснения. Неубедительной, на наш взгляд, выглядит попытка связать уменьшение числа шахи в счетном тумане с падением в Индии курса серебра по отношению к золоту на 17% с 1:14 до 1:16,4 (Matthee, Floor, Clawson 2013, 174–176), поскольку совершенно неясно, как изменение каких-либо параметров кратности счетной (!) единицы, каковой являлся туман, при сохранявшемся весе иранских аббаси может быть связано с изменением стоимости реальных металлов.

¹⁷ На это указывал еще Р.Р. Фасмер (Vasmer 1933, 154).

¹⁸ Единственная известная взвешенная монета типа *C* 1181 г. х. весит всего 3,10 г (Синицина 1992, б/с, №46 каталога) и, несомненно, относится к более поздним годам. Последняя «1» (1) в дате этой монеты – какая-то другая цифра, недорезанная гравером (такая же монета в: Krause, Mishler 2010, 100, №32). Та же причина обусловила «появление» уникальной монеты типа *D* «1191» г. х. (Акопян 2011, 33), см. об этом далее.

¹⁹ В работе Е.А. Синициной типология монет основывается на других принципах, но по всей видимости монеты I подтипа III типа ее классификации (Синицина 1992, б/с, №111–123 каталога) соответствуют подтипу *C-1a* и учтены в табл. 2.

Таблица 2. Статистические данные аббаси Гянджи II весового стандарта (1182–1187/1768–1774 гг.).

Тип, вариант	г. х.	N	<m>	σ	$\mu_{\%}$
C-1a	1182	9	3,64	0,2288	3,69
C-1a	1183	11	3,69	0,1676	3,70
C-1a	1184	26	3,72	0,1093	3,72
C-1a	1185	2	3,74	0,0636	3,74
C-1a	1186	3	3,69	0,0493	3,67
C-1a	1187	4	3,67	0,0222	3,67
Все годы		55	3,69	0,1685	3,70

Известно, что следующая реформа, проведенная в Персии в 1190/1776–7 г., опять увеличила число шахи в аббаси – на этот раз с пяти до шести. Как и на предыдущую реформу, в Гяндже отреагировали на это снижением веса монеты до $\frac{4}{6}$ аббаси (3,07 г), т. е. чеканкой привычной четырехшаховой монеты (аббаси). Однако, по всей видимости, реформе 1190/1776–7 г. предшествовал еще один этап изменения содержания шахи в аббаси, отражение которого мы находим в весе гянджинских монет 1187–1189/1773–1776 гг. (см. табл. 3).

Таблица 3. Статистические данные аббаси Гянджи II, III и IV весовых стандартов 1187–1189/1773–1776 гг.²⁰

Тип, подтип	г. х.	N	<m>	σ	$\mu_{\%}$
C-1a	1187	4	3,67	0,0222	3,67
C-1a	1187	5	3,39	0,1180	3,40
C-1a	1188	3	3,37	0,0643	3,40
C-1a (?) ²¹ , C-1b, C-2b, C-1a с надчеканкой <i>райидж</i>	1188	19	3,06	0,0773	3,03
D	1189	3	3,40	0,0603	3,39
D	1189	112	3,03	0,1418	3,00
C-2b, C1-a (?)	1189	40	3,05	0,1391	3,04

21

Монеты, датированные этими тремя годами, показывают следующую, довольно запутанную картину. 1187/1773–4 годом, наряду с монетами нормативного веса 3,69 г (II весового стандарта), датированы монеты того же подтипа C-1a, но с нормативным весом в 3,38 г (назовем его III весовым стандартом). 1188/1774–5 годом вместе с монетами нормативного веса 3,38 г (тоже подтипа C-1a) датированы и более легкие монеты нормативного веса 3,07 г (назовем его IV весовым стандартом). Монеты IV весового стандарта 1188/1754–5 г. известны подтипов C-1b и C-2b, а также подтипа C-1a с верифицирующей надчеканкой *райидж* «ходячая». Известные монеты разного веса этого года различались и по своему дизайну – все подтипы типа C могут быть легко обособлены друг от друга. 1189/1775–6 годом датированы опять-таки монеты двух стандартов – как IV стандарта (и нового типа

²⁰ Первая строка табл. 3 повторяет последнюю строку табл. 2.

²¹ Неуверенность в уточнении подтипа монет этих годов основывается на недостаточно точном их описании в работе Е.А. Синициной (Синицина 1992, б/с, [Типологическая классификация]).

D с надписью *йа Сахёб оз-Заман* и предыдущего типа *C*), так и монеты III весового стандарта типа *D*.

Таким образом, оказывается, что монеты II весового стандарта прекращают чеканиться в 1187/1773–4 г., монеты III весового стандарта чеканятся в 1187–1189/1773–1776 гг., а монеты IV весового стандарта начинают чеканиться в 1188/1774–5 г. Чеканку в 1187/1773–4 г. монет двух весовых стандартов можно объяснить либо сменой стандарта в середине этого года, либо тем, что монеты 1188 г. х. относятся к 1187 г. х., что может быть объяснено перепутанными цифрами «7» (v) и «8» (λ). Выпуск же в 1188–1189/1774–1776 гг. одновременно монет III и IV весовых стандартов, скорее всего, был вызван ошибочным чеканом монет, датированных 1189 г. х., штемпелями типа *D* на сохранившихся заготовках III, а не IV весового стандарта, который был введен в предыдущем 1188/1774–5 г. В пользу этого предположения свидетельствует совсем небольшое известное число таких ошибочных экземпляров (всего три монеты).

Два новых весовых стандарта (III и IV) являются весами четырех шахи в аббаси, содержащем $5\frac{1}{2}$ шахи (3,38 г составляет $\frac{4}{5,5}$ от аббаси в 4,61 г) или 6 шахи (3,07 г составляет $\frac{4}{6}$ от веса 4,61 г). Таким образом, оба весовых стандарта представляют собой гянджинские четырехшаховые монеты (аббаси), базирующиеся на персидских аббаси в пять с половиной или шесть шахи соответственно. Надо отметить, что аббаси в $5\frac{1}{2}$ шахи не был известен предыдущим исследователям, но, с учетом увеличения со временем числа шахи в аббаси, вес 3,38 г не может быть никак выражен из веса 4,61 г, кроме как с привлечением предположения о существовании аббаси в $5\frac{1}{2}$ шахи²². Принимая во внимание выявленное следование монетарной политики Гянджи за изменениями в Персии, мы вынуждены предположить, что в Персии в 1187–1188 гг. х. (или только в один из этих годов, т. к. цифры «8» (λ) и «7» (v) в дате на монете могут быть перепутаны) был введен аббаси в $5\frac{1}{2}$ шахи. Еще одно уточнение общепринятой классификации С. Албума, следующее из анализа гянджинских весовых стандартов, заключается в определении года введения шестишахового аббаси, что произошло в 1188 г. х., а не в 1190 г. х. Таким образом, гянджинские монеты корректируют хронологию изменения числа шахи в аббаси собственно в Иране, приведенную С. Албумом, подтверждая первоначальные данные Р.Р. Фасмера²³.

Начиная с 1188/1774–5 г. в Гянджинском ханстве выпускались аббаси IV весового стандарта с номинальным весом 3,07 г (см. табл. 4). Как и в случае введения III весового стандарта, изменение веса не вызвало смены монетного типа – в 1188/1774–5 г. чеканились монеты различных подтипов типа *C*, а в 1190/1776–7 г. выпускались монеты двух типов – *C-Ib* и *D*.

После 1191/1777–8 г. годы монеты типа *D* чеканились только номинального веса 3,07 г – средний вес монет 1192/1778–9 г. составляет 3,03 г, а позднее, по-видимому, тот же стандарт монетной чеканки сохраняется для монет 1193–1195/1779–1781 гг. (из-за небольшого числа доступных экземпляров у нас несколько более низкие средние значения весов для этих годов, см. табл. 4).

²² Бесмысленно было бы выражать вес монет 1187–1188 гг. х. в 3,38 г как $\frac{3}{4}$ от персидского аббаси в 4,61 г, т. к. счет на четырехшаховые аббаси в Персии был прекращен еще в 1181 г. х.

²³ Vasmer 1933, 180.

Таблица 4. Статистические данные аббасы Гянджи IV весового стандарта (1188–1195/1774–1781 гг.)²⁴.

Тип, подтип	г. х.	N	<m>	σ	$\mu_{1/2}$
C-1a (?) ²⁵ , C-1b, C-2b, C-1a с надчеканкой рай-идж	1188	19	3,06	0,0773	3,03
C-2b, C1-a (?)	1189	40	3,05	0,1391	3,04
D	1189	112	3,03	0,1418	3,00
C-1b	1190	22	3,07	0,0916	3,00
D	1190	88	3,02	0,1577	3,00
D	1191	6	3,02	0,0701	3,00
D	1192	26	3,03	0,0981	3,00
D	1193	4	3,03	0,0500	3,00
D	1194	5	2,92	0,0873	2,90
D	1195	5	2,91	0,1104	2,90
Все годы		338	3,03	0,1380	3,00

С датой «1191» чеканились гянджинские аббасы типа D двух весовых групп – номинального веса 3,07 г (средний вес 3,02 г) и со средним весом в 2,60 г. По имеющемуся описанию, монеты с разными весами внешне не отличались. Судя по тому, что монеты весом 2,60 г известны начиная лишь с 1200/1785–6 г., монеты типа D «1191» г. х. этого стандарта необходимо датировать ближе к 1199/1784–5 г., поскольку последняя цифра в дате, по-видимому, осталась недорезанной резчиком и выглядит как «1» (١) вместо «6» (٦), «7» (٧), «8» (٨) или «9» (٩).

Таблица 5. Статистические данные аббасы Гянджи V весового стандарта («1191» = 1196–1199/1781–1785, 1200–1206/1786–1792 гг. х.).

Тип, подтип	г. х.	N	<m>	σ	$\mu_{1/2}$
D	«1191» (1196–1199)	4	2,60	0,2566	2,48
E1	1200	2	2,50	0,1768	2,50
E1	1201	2	2,52	0,0354	2,52
C-1a	1203	2	2,68	0,4525	2,68
E1	1203	3	2,61	0,0115	2,60
E1	1204	1	2,54	–	–
E1	1205	3	2,64	0,6435	2,64
E1	1206	4	2,59	0,3342	2,54
Все годы		21	2,59	0,2552	2,54

Для периода 1196–1199/1781–1785 гг. нам известны четыре монеты «1191» г. х. и лишь одна монета 1197 г. х. (к сожалению, она с припаянным ушком, вследствие чего не может учитываться для расчета веса²⁶) – все они типа D и нового

²⁴ Три первые строки табл. 4 содержатся и в табл. 3.

²⁵ Неуверенность в уточнении подтипа монет этих годов основывается на недостаточно точном их описании в работе Е.А. Сенициной (Сеницина 1992, б/с, [Типологическая классификация]).

²⁶ Я искренне признателен К.В. Кравцову (Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа) за фотографию и уточнение сведений об этой монете, некорректно описанной ранее как выпуск

V весового стандарта. Причиной такого «замирания» монетной активности была карабахско-грузинская оккупация Гянджинского ханства в 1780–1783 и 1785 годах. Учитывая выявленную ориентированность монетной системы Гянджинского ханства на персидскую, разумно было бы сопоставить этот вес с использовавшимися в Персии. Однако это оказывается бесперспективным: вес 2,46 г не имеет рационального выражения из веса монет, использовавшихся в Персии в правление Ага-Мухаммад-хана Каджара (1779–1797) – риала в 12,67 г или рупии в 11,52 г. По всей видимости, и в этот раз по старому алгоритму прошлых реформ произошло увеличение числа шахи в старых аббаси с 4 до 5 и чеканка новых четырехшаховых аббаси со сниженным на 20% весом (в 1182 г. х.: 4,61 г – 20% = 3,69 г; в 1188 г. х.: 3,69 г – 20% = 3,07 г). Но если прежние изменения веса следовали за изменениями в иранской денежной системе, то в этот раз снижение веса монеты было обусловлено скорее всего тяжелой экономической ситуацией, в которой оказалось оккупированное Гянджинское ханство.

Правильно датированные выпуски аббаси возобновились при Джа‘фар Джавад-хане (1200–1218) после окончания карабахско-грузинской оккупации в 1200/1785–6 г. и продолжили чеканиться до 1206/1791–2 г. Это были монеты типов *E1* и *C-1a* с того же V весового стандарта, но их чеканка производилась с ремедиумом около 2,61 г, что, возможно, связано со снижением пробы серебра в монете до 95% (при выросшем разбросе весов монет этого стандарта – от 2,18 г до 3,01 г – и относительно небольшой доступной выборке более характерной величиной для оценки веса может быть медиана 2,54 г)²⁷. Для монет V весового стандарта Джавад-ханом был введен новый тип *E1* с надписями *йа Карим* в центральном поле и *йа Аллах* в маленьком картуше. Эти, самые последние, монеты Гянджи – наиболее редкие среди всех гянджинских монет. Связано это с тем, что если более ранние монеты успели тезаврироваться в виде сокровищ, благодаря чему и стали нам известны из кладов, то монеты, близкие по датам выпуска к русскому завоеванию Гянджи, по всей видимости, активно обменивались новой администрацией для замещения их в обращении русской монетой.

Надо отметить, что выяснение номинального веса гянджинских монет было сопряжено с многими недоразумениями. Еще Р.Р. Фасмер подметил закономерность во введении II весового стандарта для новых аббаси, чеканившихся в $\frac{4}{5}$ от персидского пятишахового аббаси²⁸, однако не продлил эту закономерность на последующие изменения веса гянджинских монет. Е.А. Сеницина, используя богатейший фактический материал, в своей работе выделила только *три* стадии изменения веса гянджинской монеты (не всегда совпадающие в цифровом выражении с выделенными нами), а не *четыре*, как нами было показано выше. Еще одна

1199 г. х. с весом 3,05 г (Сеницина 1992, б/с, №109 каталога).

²⁷ На одном не сохранившем даты аббаси типа *E*, весящем 2,30 г, проставлена надчеканка *райидж*. Вряд ли имеет смысл видеть в таком надчеканивании инициативу соседних государств (Пагава 2013, 226), поскольку в таком случае мы имели бы огромное число надчеканенных гянджинских монет, так как количество их, найденных за пределами Гянджинского ханства, действительно велико – это были одни из самых распространенных монет в Закавказье. Как показывают оба рассмотренных случая со взвешенными монетами, несущими надчеканку *райидж*, последняя верифицирует обращение старой монеты по использовавшемуся во время надчеканивания весовому стандарту (весом 2,30 г по V стандарту, или типа *C-1a* по IV стандарту и т. д.) .

²⁸ Vasmer 1933, 154.

ее неточность заключалась в неучтенности работы Р.Р. Фасмера по весу иранских монет и постулировании неизменного содержания шахи в иранских аббаси, что привело к неверному выводу о постепенном уменьшении номинала гянджинских монет при сохранении весового стандарта – сначала чеканились аббаси в 4,61 г (мискаль), а затем якобы номиналы «3 шахи» («весом $3\frac{3}{4}$ данга²⁹ мискаля»), «2 шахи» («весом $2\frac{1}{2}$ данга мискаля») и, в конце концов, «шахи» («весом $1\frac{1}{4}$ данга мискаля»)³⁰. Другие исследователи (например, С. Албум³¹ или А. Раджабли³²) называли все гянджинские монеты аббаси без указания на нормативные веса, и, несмотря на отсутствие доказательств, такое интуитивное решение было верным, что подтверждается следующим образом.

Во-первых, несомненно, что гянджинские монеты I весового стандарта (4,61 г) назывались так же, как и иранские монеты того же веса – аббаси. Во-вторых, монеты II (3,69 г), III (3,38 г) и IV (3,07 г) весового стандартов, как было показано выше, также содержат по четыре аббаси каждый и, соответственно, являются аббаси в старом смысле этого слова (поскольку ранее всегда четыре шахи составляли аббаси). В третьих, касательно монет IV и V весовых стандартов известно сообщение К. Воронкевича-Бассанца, датированное 1840 г.³³ Он приводит названия для двух известных ему гянджинских монет, обращавшихся в это время – «инк-шай», т. е. «пять шахи» (по-армянски *hinc shahi*, или на гянджинском диалекте *йинк шайи*) и на 20% более дешевый «ганжинский абаз». «Инк-шай» равнялся $17\frac{1}{2}$ копейкам серебра, что на 1840 г. составляло 3,02 г чистого серебра (ср. с номинальным весом IV стандарта 3,07 г), а «ганжинский абаз» равнялся 14 копейкам серебра, т. е. 2,42 г чистого серебра³⁴ (ср. с номинальным весом V стандарта – 2,46 г). Таким образом ясно, что изменение весового стандарта аббаси повлекло за собой и изменение названия монеты предыдущего стандарта – более легкие монеты V весового стандарта опять-таки стали называться аббаси (потому что, как и раньше, в них было четыре шахи), а выраженные *через них* старые, на 20% более тяжелые (IV весового стандарта) – «пять шахи». Возможно, по такому же алгоритму строились и названия более ранних монет, но сведений об этом к 1840 г. не сохранилось.

Постоянство персидской системы номиналов 1 аббаси = 4 шахи = 200 динаров сохранилось в Гяндже до середины XIX в. (сводная диаграмма изменений весовых стандартов в Гяндже в сравнении с персидской системой представлена на рис. 1³⁵). Так, один гянджинский рубль (см. о нем далее), называемый в 1840 г.,

²⁹ Перс. *данг* (араб. *даник*) – $\frac{1}{6}$ часть любой единицы (Хинц 1970, 20).

³⁰ Согласно: Синицина 1992, 25–27. При этом надо отметить, что во время использования каждого из весовых стандартов чеканились фракции аббаси (половинки и четвертинки), что опять-таки свидетельствует против изменения номинала основной единицы, т. к. странно ожидать чеканку монет с номиналом, например, «четверть от трех шахи».

³¹ Албум 2013, 297–298.

³² Раджабли 2009, 5–6.

³³ Воронкевич-Бассанец 1840, 26–27.

³⁴ Такой пересчет легко произвести, учитывая что проба российских монет в 1813–1860 гг. была $83\frac{1}{2}$ (см.: Узденников 1995, 417).

³⁵ Похоже, что схожим или даже таким же образом изменялся вес аббаси и в соседних с Гянджинским ханством ханствах – Ширванском, Шекинском, Кубинском и Дербентском, однако обзорение этих процессов выходит за рамки данной работы. В то же время монетная система Карабахского ханства, базируясь на русской монете, состояла из монет совершенного иных номиналов и

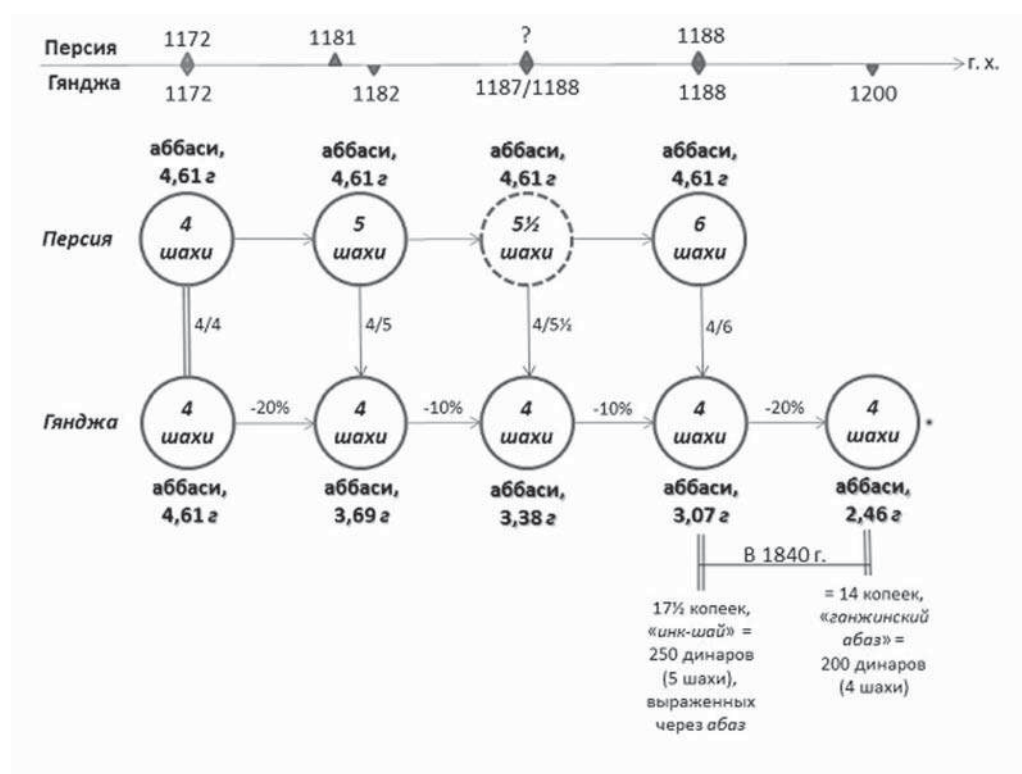

Рис. 1. Изменение весовых стандартов гянджинских аббаси в сравнении с персидской системой (указаны года введения весовых стандартов)

согласно свидетельству К. Воронкевича-Бассанца, «по-татарски *миналтун*, а по-армянски *меазар*»³⁶, содержал в себе тысячу счетных динаров (или алтынов – и то и то раннее название золотой монеты, девальвировавшейся к XIX в. в мельчайший счетный номинал). При этом «ганжинский или джавад-ханский рубль», как пишет К. Воронкевич-Бассанец, состоял из 4 «инк-шаев» (4 монеты × 5 шахи × 50 динаров) или 5 «ганжинских абазов»³⁷ (5 монет × 4 шахи × 50 динаров) и равнялся 70 копейкам серебром.

Отдельно необходимо рассмотреть весовые нормы трех особых типов монет (*T1*, датированного 1201–1205/1786–1791 гг., *T2*, датированного 1204–1205/1789–

весов (см. Акопян, Петров 2014). В двух оставшихся ханствах Закавказья – Ереванском и Нахичеванском – чеканка серебряной монеты была исключительно редкой, а в Бакинском, Талышском и Джавадском ханствах монета вовсе не чеканилась.

³⁶ Арм. *мек хазар*, простореч. *ми хазар* значит «одна тысяча». Достоинно особого замечания, что термины *инк-шай* и *меазар*, употреблявшиеся в Елизаветпольском округе – единственные армянские по происхождению названия денежных единиц XVIII–XIX вв. в Закавказье, упомянутые К. Воронкевич-Бассанцом.

³⁷ В работе А.М. Мамедовой (Мамедова 2007, 115) «джеватханский рубль» без указания на источник назван «беш аббаси» (т. е. «пять аббаси»). Однако неясно, историческое это название или современный перевод на азербайджанский язык количества аббаси в гянджинском рубле, называвшемся, согласно К. Воронкевичу-Бассанцу, «по-татарски миналтун».

1791 г. и *T3*, датированного 1201/1786–7 г. и 1203–1205/1788–1791 г.), выпускавшихся в Тифлисе с обозначением монетного двора «Гянджа»³⁸. Несмотря на то что данных о весах этих редких монет совсем мало, их весовые стандарты вполне ясны – типы *T1* и *T3* чеканились по V гянджинскому весовому стандарту, а тип *T2* чеканился по стандарту грузинских сирма-абазы³⁹ (см. табл. 6).

Таблица 6. Статистические данные аббасы Гянджи типов *T1*, *T2* и *T3* (1201–1205/1786–1791 г.).

<i>Tun</i>	гг. х.	<i>N</i>	$\langle m \rangle$	σ	$\mu_{1/2}$
<i>T1</i> и <i>T3</i>	1201, 1202, 1203, 1205	6	2,58	0,0929	2,58
<i>T2</i>	1204, 1205	3	2,98	0,1015	2,96

В 1206/1791–2 г. заканчивается чеканка анонимных аббасы того или иного веса в Гяндже⁴⁰, уступая место выпуску монет, принимавшихся ранее за риалы Ага Мухаммад-хана Каджара. Все монеты этого правителя были анонимны и относятся к его выпускам лишь на основании помещенной на монету инвокации к Пророку *йа Мухаммад*, служащей аллюзией на имя правителя. Однако в Гяндже указанные монеты выпускались сначала без такой инвокации (тип *E** в 1207/1792–3 г., ранее не выделялся в классификациях), затем с ней (типа *E* в 1208–1213/1793–1799 гг.⁴¹ и типа *D* в 1214/1799–1800 г., в т. ч. посмертные выпуски 1212–1214/1797–1800 гг.⁴²), а в последний год выпуска этих монет – опять без инвокации (типа *D** в 1214/1799–1800 г., ранее не выделялся)⁴³. Весовые данные этих монет приведены в табл. 7. Монеты типов *E*, *E** и *D** чеканились только в Гяндже, монеты же типа *D* (но иных весов и номиналов) известны и для других монетных дворов Ирана.

³⁸ Тематика статьи не позволяет развернуто оппонировать И.К. Пагаве, предлагающему не тифлисское, а гянджинское происхождение этих типов, локализуя их производство на предположительно разных монетных дворах в Гяндже (Пагава 2013, 233). Ограничимся лишь указанием на то, что исследователь, проведя нумизматический анализ монет этих типов и подтвердив их типологическое сходство с тифлисской монетой, а также факты находок этих монет в Тбилиси, полностью оставил в стороне *политический* аспект эмиссии этих монет и тот факт, что все источники в один голос утверждают постоянные притязания Грузии на территорию Гянджинского ханства – переписка русского командования в Грузии с Джавад-ханом и русские отчеты из Грузии буквально наполнены спорами о том, кому – Джавад-хану или Ираклию II – принадлежит Гянджа, а кн. П.Д. Цицианов требовал подчинения гянджинского хана грузинскому царю, возводя притязания Грузии на Гянджу ко времени царицы Тамары, что и послужило *causa formalis* для взятия им Гянджи. Поэтому выпуск в Тифлисе монет специфических тифлисских типов, чеканившихся якобы в Гяндже, является естественным отражением экспансионистской политики Ираклия II, считавшего Гянджу частью своих владений (см. переписку кн. П.Д. Цицианова с Джавад-ханом накануне взятия Гянджи в: АКАК II, 588–590).

³⁹ Пахомов 1970, 238.

⁴⁰ Предыдущая датировка монеты 12[...]6 г. х. как выпуска 1216 г. х. (Акопян 2011, 35) должна быть пересмотрена, поскольку монет типа *E*, выпущенных после 1206 г. х., до сих пор не было обнаружено. Указанную монету надо считать выпуском 1206 г. х., а монету «1211» г. х., на которой год написан как «211», надо считать выпуском 1202 г. х. с зеркально написанным годом.

⁴¹ Монета типа *E* «1201» г. х. (Акопян 2015, 120) при исследовании фотографий лучшего качества оказалась выпуском 1212 г. х.

⁴² Наименования типов *E* и *D* согласно: Album 2013, 291–292.

⁴³ Монета типа *D* «1204» г. х. (Krause, Mishler 2010, 914, №632.1) в действительности является монетой 1214 г. х., снятой с украшения и имеющей повреждения в районе третьей цифры года (хранится в Тюбингенской коллекции), а монет этого года весом в 12,67 г (как указано в каталоге Краузе) вообще неизвестно.

Таблица 7. Статистические данные миналтунов (михазаров) Гянджи IV и V весовых стандартов (1207–1214/1792–1800 гг.)⁴⁴.

<i>Тип</i>	<i>г. х.</i>	<i>N</i>	<i><m></i>	<i>σ</i>	<i>μ_{1/2}</i>
<i>E*</i>	1207	2	12,13	0,2263	12,13
<i>E</i>	1208	2	11,95	0,1556	11,95
<i>Презентационный тип</i>	1209	1	60,57 (5 × 12,11)	—	—
<i>E</i>	1210	1	<i>вес неизвестен</i>	—	—
<i>E</i>	1211	3	12,02	0,0416	12,01
<i>E</i>	1212	2	11,76	0,0212	11,76
<i>E</i>	1213	2	11,64	0,6152	11,64
<i>Все монеты E + E*</i>		<i>11</i>	<i>11,91</i>	<i>0,2821</i>	<i>11,99</i>
<i>D</i>	1214	1	13,22 ⁴⁵	—	—
<i>D*</i>	1214	1	15,18	—	—

В весовом отношении монеты типов *E** и *E* представляют собой монеты в 5 аббаси гянджинского V весового стандарта. Причиной появления серебряных монет таких крупных номиналов, вероятнее всего, стало преобладание доли тяжелых серебряных монет среди иранских монет при первых правителях Каджарской династии. В этом же стандарте была отчеканена в 1209/1794–5 г. презентационная монета в 25 аббаси⁴⁶. Следование нормативному весу пятиаббасовой монеты в 12,30 г (5 × 2,46 г) было довольно нестрогим, и отклонение от него в меньшую сторону достигало полуграмма (см. табл. 7). Тем не менее, монеты типов *E* и *E** нельзя рассматривать ни как иранские риалы со стандартным весом в 12,67 г (*contra* мнения С. Албума⁴⁷), ни как иранские же рупии стандартного веса 11,52 г, поскольку вес одного из лучших по сохранности экземпляра гянджинских монет составляет 12,29 г, точно совпадая с вычисленным значением, а население не называло их ни риалом, ни рупией.

Монеты типов *D* и *D** 1214/1799–1800 г. отличаются по весу от монет 1207–1213/1792–1799 гг. и представляют собой пятиаббасовые монеты предыдущего IV гянджинского стандарта (номинальным весом в 5 × 3,07 = 15,35 г). Возврат к IV весовому стандарту мог быть обусловлен удобством выражения через него рупий Фатх-Али-шаха Каджара, чеканившихся в Иране по весовому стандарту в 10,36 г, т. к. пять аббаси IV гянджинского стандарта оказались практически равны полутора таким рупиям.

Выше уже указывались бытовавшие в Елизаветпольском округе в 1840 г. названия гянджинских монет в пять аббаси – *миналтун* или *михазар* (или же, по-русски, *гянджинский рубль*). Ранее исследователями было принято называть все монеты типов *E*, *E**, *D* и *D** сплошь «риалами» без выделения различных весов внутри этой группы тяжелых монет и каталогизировать их с единым нормативным весом в 12,67 г⁴⁸. Однако, как показывают данные табл. 7, это неверно. Дело в том, что в 1201–1204/1786–1790 гг. в Иране действительно чеканились рупии,

⁴⁴ Вес презентационного типа не учитывался в данных строки *E + E**.

⁴⁵ Вес без удаленного ушка.

⁴⁶ См. Акопян 2011, 36. Неверно назывался ранее «5 риалов».

⁴⁷ Album 2013, 292.

⁴⁸ Album 2013, 292.

содержащие 20 шахи (т. е. пять четырехшаховых аббаси), но гянджинские монеты в пять аббаси начали чеканиться лишь в 1207/1792–3 г., когда в Иране уже выпускались риалы в 25 шахи и рупии в $\frac{10}{11}$ от 25 шахи ($\frac{22^8}{11}$ шахи), весом 11,52 г. В 1211/1796–7 г. риал и рупия были приравнены друг к другу с содержанием в каждом 25 шахи⁴⁹. Но ни один из этих мультипликаторов ($\frac{22^8}{11}$ или 25) при умножении на значения нормативного веса IV или V стандарта не дают значений, близких к полученным в табл. 7. Собственно же монет в 20 шахи (пять аббаси) в 1207–1214/1792–1800 гг. в Иране не чеканилось. По всей видимости, впервые эти гянджинские монеты были названы «5 аббаси» А. Раджабли⁵⁰, который исправил таким образом свое прежнее определение их как «3 аббаси»⁵¹. Но на наш взгляд правильнее эти тяжеловесные монеты называть так, как их называли современники – *миналтун*, *михазар* или *гянджинский рубль* (а особый презентационный выпуск, соответственно – пять миналтунов или михазаров, или пять рублей).

Согласно нумизматическим данным, гянджинский Джавад-хан вступил под протекторат Ага-Мухаммад-хана Каджара в 1208/1793–4 г., что выразилось в помещении на гянджинские монеты инвокации *йа Мухаммад*. Такой шаг явился следствием указанных уже выше постоянных притязаний на Гянджу со стороны грузинского царя, находившегося с 1783 г. под российским протекторатом, а также соседних карабахского и кубинского ханов. Вассалитет по отношению к Ага-Мухаммад-хану стал фактическим оформлением всегдашней ориентации гянджинских ханов родом из Каджар на своих иранских соплеменников. Надо отметить, что исследования общеисторического характера, основанные лишь на письменных документах, не отмечают даты этого существенного политического акта Джавад-хана⁵². Момент для такого действия был выбран не случайно – в 1790 г. все усиливавшийся Ага-Мухаммад-хан разрушил зендскую столицу Шираз, а в 1791 г., прочно владея к этому времени Кумом и Тебризом, он совершил ряд походов и подчинил себе ханства Иранского Азербайджана.

В течении трех лет, начиная с 1214/1799–1800 г., в Гянджинском ханстве в небольших количествах чеканились монеты особых типов, чей вес также был основан на IV гянджинском весовом стандарте в 3,07 г (см. табл. 8). Это шахи 1215/1800–1 г. (тип F1, с надписью *йа Али*), махмуди 1216/1801–2 г. (тип F2, с надписью *ал-миннату Лиллах*), аббаси 1217/1802–3 г. (тип F3, с надписью *ас-султан Фатх-Али Каджар*) и миналтун (михазар) 1215/1800–1 г. (того же типа F3)⁵³. Надо отметить неправомерность бытовавшего ранее отнесения этих монет к кадjarским⁵⁴, т. к. кадjarского в них только имя сюзерена, да и то лишь на старших номиналах, тогда как их весовая система самобытно-гянджинская.

⁴⁹ Album 2013, 292.

⁵⁰ Раджабли 2009, 6.

⁵¹ Раджабли 1997, 164.

⁵² Бабаев 2013, 47–53.

⁵³ Ранее классифицировались как типы E2, E3 и F соответственно (Акопян 2011, 36–38).

⁵⁴ Album 2013, 294.

Таблица 8. Статистические данные монет Гянджи IV весового стандарта (1215–1217/1800–1803 гг.).

<i>Tun</i>	г. х.	<i>N</i>	$\langle m \rangle$	σ	$\mu_{1/2}$
<i>F1</i>	1215	1	0,78 ($1/4 \times 3,12$)	—	—
<i>F3</i>	1215	2	15,23 ($5 \times 3,05$)	0,1131	15,23
<i>F2</i>	1216	2	1,41 ($1/2 \times 2,82$) ⁵⁵	0,0707	1,41
<i>F3</i>	1217	1	2,94 ⁵⁶	—	—

Последние монеты Гянджи датированы 1217/1802–3 годом. Монет 1218 г. х. неизвестно, и, судя по всему, они не чеканились – Новруз 1217 г. х. приходится на 21 марта 1803, а к Новрузу 1218 г. х. Гянджа уже была взята русскими войсками (что произошло в январе 1804 г.). После военного завоевания Гянджинского ханства и последовавшего в этой связи немедленного упразднения в нем ханской власти монетная чеканка в Гяндже русской администрацией не производилась.

Проведенный нами анализ эволюции весовых систем серебряных монет Гянджинского ханства показывает внутренний смысл происходивших изменений в монетной политике местных властей. Система весов гянджинских монет, представлявшаяся ранее исследователям хаотично изменявшейся и не имевшей внутренних закономерностей, оказывается обладающей своей внутренней логикой. Следуя ей и ориентируясь на изменения в персидской монетной системе, в Гянджинском ханстве на протяжении 1162–1217/1749–1803 гг. производилась чеканка самой привычной для населения монеты – четырехшахового аббаси, а также его фракций и кратных ему номиналов. При этом вес гянджинского четырехшахового аббаси снижался, следуя за изменением веса четырех шахи в Персии. Под влиянием введенных в Персии в обращение крупных серебряных номиналов в Гяндже в 1207–1214/1792–1800 гг. также стали чеканиться пятиаббасовые монеты – *миналтун* (или *михазар*) местных монетных стандартов (он же – *джавад-ханский* или *гянджинский рубль*). Важно отметить постоянство ориентации Гянджинского ханства в монетной политике на Персию, что кардинально отличается от ситуации в соседнем Карабахском ханстве, монетная система которого ориентировалась на российские стандарты. В заключение надо отметить, что выяснение хронологии смены весовых стандартов является важным вспомогательным инструментом датировки монет с несохранившимися или неаккуратно вырезанными годами выпуска.

ЛИТЕРАТУРА

- Акопян, А.В. 2011: Серебряный чекан Гянджинского ханства. В сб.: В.В. Наумкин, Д.Д. Васильев, Е.А. Давидович, Э.Е. Кормышева, В.Н. Настич, А.А. Столяров (ред.), *Эпиграфика Востока XXIX*, 29–38.
- Акопян, А.В. 2015: Новые данные о монетных находках из Армении и прилегающих областей. *Нумизматика Золотой Орды* 5, 116–124.
- Акопян, А.В., Петров, П.Н. 2014: Этапы монетного обращения и денежная политика в Карабахском ханстве (1747–1822 гг.) в связи с российским влиянием. В сб.: И.В. Волков,

⁵⁵ Одна из монет пробита, вторая снята с украшения.

⁵⁶ Пробита.

- В.В. Зайцев, Е.В. Захаров, С.С. Левин, Т.Ю. Стукалова, И.С. Шиканова, И.В. Ширяков (ред.), *Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2014 года. Москва, 24–25 ноября 2014 г. Материалы докладов и сообщений*. М., 33–38.
- Бабаев, Э. 2013: *Из истории Гянджинского ханства*. Баку.
- Воронкевич-Бассанец, К. 1840: Описание мер, весов и монет Закавказского края. *Журнал Министерства внутренних дел* XXXVII, 379–416.
- Мамедова, А.М. 2007: Применение единого измерения, веса и денежной системы в Азербайджане (I половина XIX в.). *Bakı Universitetinin xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası* 4, 113–121.
- Пагава, И.К. 2013: Восточногрузинское царство и Гянджинское ханство (вопросы регионального нумизматического взаимодействия). В сб.: В.В. Наумкин, Д.Д. Васильев, В.Н. Настич, А.А. Столяров (ред.), *Эпиграфика Востока*. Вып. XXX. М., 201–242.
- Пахомов, Е.А. 1970: *Монеты Грузии*. Тбилиси.
- Раджабли, А. 1997: *Нумизматика Азербайджана*. Баку.
- Раджабли, А. 2009: Монетное дело во второй половине XVIII – начале XIX века (чеканка монет и денежное обращение в азербайджанских ханствах). *İRS-Наследие* 3(39), 4–9.
- Синицина, Е.А. 1992: *Денежное обращение Азербайджана (Гянджинского, Карабахского, Шемахинского, Шекинского, Бакинского, Дербендского и Кубинского ханств) во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.*: дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. Баку.
- Узденников, В.В. 1995: *Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1917*. М.
- Хинц, В. 1970: *Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему*. М.
- Акopyан, А. 2008: Coinage of Ganja Khānate of Georgian types, 1200–1205 AH. *Caucasian Numismatics – Papers on the Coinage of Kartl-Kakheti (Eastern Georgia) – 1744–1801. Supplement to Journal of Oriental Numismatic Society* 197, 47–51.
- Album, S. 2001: *Sylloge of Islamic coins in the Ashmolean. Vol. 9. Iran after the Mongol invasion*. Oxford.
- Album, S. 2013: *A Checklist of Islamic coins*. Santa Rosa (CA).
- Krause Ch.L., Mishler, C. 1999: *Standart Catalog of World Coins. 1801–1900*. Iola (WI).
- Krause, Ch.L., Mishler, C. 2010: *Standart Catalog of World Coins. 1701–1800*. Iola (WI).
- Matthee, R., Floor, W., Clawson, P. 2013: *The Monetary History of Iran. From the Safavids to the Qajars*. London.
- Perry, J.R. 2009: *Karim Khan Zand*. Oxford.
- Poole, R.S. 1887: *The Coins of the Shāhs of Persia, Safavis, Afghāns, Efshāris, Zands, and Kājārs*. London.
- Rabino di Borgomale, H.L. 1945: *Coins, medals, and seals of the Shāhs of Īrān*. Hertford.
- Mayer, T. 2005: *Sylloge der Münzen des Kaukasus und Osteuropas im Orientalischen Münzkabinett Jena*. Wiesbaden.
- Vasmer, R. 1933: Zur Münzkunde der Persischen Shahe. *Islamica* Sechster Band, Heft 2, 137–181.

REFERENCES

- Akopyan, A. 2008: Coinage of Ganja Khānate of Georgian types, 1200–1205 AH. *Caucasian Numismatics – Papers on the Coinage of Kartl-Kakheti (Eastern Georgia) – 1744–1801. Supplement to Journal of Oriental Numismatic Society* 197, 47–51.
- Akopyan, A.V. 2011: Serebryanyy chekan Gyandzhinskogo khanstva. In: V.V. Naumkin, D.D. Vasil'ev, E.A. Davidovich, E.E. Kormysheva, V.N. Nastich, A.A. Stolyarov (eds.), *Эпиграфика Востока* XXIX, 29–38.
- Akopyan, A.V. 2015: Novye dannye o monetnykh nakhodkakh iz Armenii i privileyushchikh oblastey. *Numizmatika Zolotoy Ordyy* 5, 116–124.

- Akopyan, A.V., Petrov, P.N. 2014: Etapy monetnogo obrashcheniya i denezhnaya politika v Karabakhskom khanstve (1747–1822 gg.) v svyazi s rossiyskim vliyaniem. In: I.V. Volkov, V.V. Zaytsev, E.V. Zakharov, S.S. Levin, T.Yu. Stukalova, I.S. Shikanova, I.V. Shiryakov (eds.), *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya 2014 goda. Moskva, 24–25 noyabrya 2014 g. Materialy dokladov i soobshcheniy*. M., 33–38.
- Album, S. 2001: *Sylloge of Islamic coins in the Ashmolean. Vol. 9. Iran after the Mongol invasion*. Oxford.
- Album, S. 2013: *A Checklist of Islamic coins*. Santa Rosa (CA).
- Babayev, E. 2013: *Iz istorii Gyandzhinskogo khanstva*. Baku.
- Hinz, W. 1970: *Musul'manskie mery i vesa s perevodom v metricheskuyu sistemu*. M.
- Krause, Ch.L., Mishler, C. 1999: *Standart Catalog of World Coins. 1801–1900*. Iola (WI).
- Krause, Ch.L., Mishler, C. 2010: *Standart Catalog of World Coins. 1701–1800*. Iola (WI).
- Mamedova, A.M. 2007: Primenenie edinogo izmereniya, vesa i denezhnoy sistemy v Azerbaydzhane (I polovina XIX v.). *Baki Universitetinin xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası* 4, 113–121.
- Matthee, R., Floor, W., Clawson, P. 2013: *The Monetary History of Iran. From the Safavids to the Qajars*. London.
- Mayer, T. 2005: *Sylloge der Münzen des Kaukasus und Osteuropas im Orientalischen Münzkabinett Jena*. Wiesbaden.
- Paghava, I.K. 2013: Vostochnogruzinskoe tsarstvo i Gyandzhinskoe khanstvo (voprosy regional'nogo numizmaticheskogo vzaimodeystviya). In: V.V. Naumkin, D.D. Vasil'ev, V.N. Nastich, A.A. Stolyarov (eds.), *Epigrafika Vostoka XXX*, 201–242.
- Pakhomov, E.A. 1970: *Monety Gruzii*. Tbilisi.
- Perry J.R. 2009: *Karim Khan Zand*. Oxford.
- Poole, R.S. 1887: *The Coins of the Shāhs of Persia, Safavis, Afghāns, Efqhāris, Zands, and Kājārs*. London.
- Rabino di Borgomale, H.L. 1945: *Coins, medals, and seals of the Shāhs of Īrān*. Hertford.
- Rəcəbli, Ə. 1997: *Numizmatika Azerbaydzhana*. Baku.
- Rəcəbli, Ə. 2009: Monetnoe delo vo vtoroy polovine XVIII – nachale XIX veka (chekanka monet i denezhnoe obrashchenie v azerbaydzhanskikh khanstvakh). *İRS-Nasledie* 3(39), 4–9.
- Sinitsina, E.A. 1992: *Denezhnoe obrashchenie Azerbaydzhana (Gyandzhinskogo, Karabakhskogo, Shemakhinskogo, Shekinskogo, Bakinskogo, Derbendskogo i Kubinskogo khanstv) vo vtoroy polovine XVIII – pervoy chetverti XIX v.*: PhD dissertation. Baku.
- Uzdennikov, V.V. 1995: *Ob "em chekanki rossiyskikh monet na otechestvennykh i zarubezhnykh monetnykh dvorakh. 1700–1917*. M.
- Vasmer, R. 1933: Zur Münzkunde der Persischen Shahe. *Islamica*. Sechster Band, Heft 2, 137–181.
- Voronkevich-Bassanets, K. 1840: Opisanie mer, vesov i monet Zakavkazskogo kraya. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del XXXVII*, 379–416.

THE METROLOGY AND NAMES OF SILVER COINS OF GANJA KHANATE

Alexander V. Akopyan

*Institute of History, the Tatarstan Academy of Sciences, Russia,
alexakopyan@gmail.com*

Abstract. The paper analyzes dynamics of the weight of Ganja Khānate's silver coins and their face value. It is shown that despite the reduction of the weight, the main face value of Ganja Khānate's coinage remained 'abbāsī.

Five standards of the weight of Ganja ‘abbāsī were fetched out. At the beginning of an independent coinage ‘abbāsī, which were struck in 1764–1781, produced almost of the same weight as Iranian ones (I weight standard, *ca.* 4.50g). In 1768, following the increasing of the number of shāhī in Iranian ‘abbāsī from 4 to 5, in Ganja again were struck 4-shāhī-‘abbāsī weights 3.69g (II weight standard, used in 1768–1774), that was $\frac{4}{5}$ of the Iranian standard. The following two standards also reflected changes of the quantity of shāhīs in Iranian ‘abbāsī. Ganja ‘abbāsī of III weight standard (3.38g, which is the weight of the four shāhī in ‘abbāsī containing 5.5 shāhī) were minted in 1774–1776. Ganja ‘abbāsī of IV weight standard (3.07g, which is the weight of the four shāhī in ‘abbāsī containing 6 shāhīs) were minted in 1774–1781. During this reasearch, the refinement of the chronology of changes of the quantity of shāhī in Iranian ‘abbāsī in 1774–1775 was done.

Ganja coins of the last V weight standard (2.46g, *i. e.* one shāhī less, or –20% of previous standard weight) minted in probably from 1781 and until 1791, after the start of Qarabagh-Georgian occupation of Ganja. It was found that a change in the type of coins was not correspond with a change of the weight standard in 1768–1792. Under the influence of introduced in Persia silver coins of heavy denominations, in Ganja in 1792–1800 were struck 5 ‘abbāsī coins of local types and local weight standards – of V standard in 1792–1798 and of IV standard in 1799–1800. It has been shown, that their prevoius designation as *riyāls* was incorrect, and they must be called as *minaltun* or *mihazar* (or *Ganja rouble*) in accordance with report dated by 1840.

Key words: metrology, silver coins, ‘abbāsī, rouble, Afshārid, Zand, Qājār, Ganja Khanate, Southern Caucasus, Iran

---

ИСТОРИЯ РОССИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 302–314
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 302–314
© Автор(ы) 2016

«МАГНИТОГОРСКОЕ ДЕЛО» 1949 г.: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

А.Н. Федоров

Челябинский государственный университет, Челябинск,
alnikfedorov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются условия работы местных партийных органов в послевоенный период. На примере Магнитогорского горкома ВКП(б) показано, что основными проблемами были кадровый голод, большой объем работы и активность рядовых коммунистов. В этих условиях минимизировать неизбежные ошибки позволял подбор кадров по знакомству и личные связи с высшим руководством. Однако перестановки на высшем уровне наряду с халатностью местного руководства привели к тому, что запущенность партийной работы в Магнитогорске получила огласку. И поскольку «магнитогорское дело» появилось одновременно с «делом Зальцмана», оно стало причиной замены партийного руководства не только города, но и Челябинской области.

Ключевые слова: послевоенный период, Магнитогорский горком ВКП(б), Челябинский обком ВКП(б), ЦК ВКП(б), А.А. Белобородов, Н.С. Патоличев, Г.М. Маленков

Период «позднего сталинизма» несмотря на обилие исследований по нему продолжает привлекать отечественных историков. В центре их внимания обычно оказываются высшие органы власти и перипетии политической борьбы, развернувшейся на фоне восстановления хозяйства и начала «холодной войны». И особое значение при этом уделяется изложению обстоятельств и последствий различных резонансных «дел» – «авиационного», «ленинградского», Госплана, «врачей», – в которых сплелись как объективные, так и субъективные факторы

Федоров Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Челябинского государственного университета. E-mail: alnikfedorov@yandex.ru

общественно-политической жизни первых послевоенных лет¹. Однако помимо этих общеизвестных эпизодов были и другие, менее масштабные, но столь же знаковые события, по которым можно проследить специфику и эффективность работы местных властей². К их числу относится и замена всего партийного руководства Магнитогорска в 1949 г., которую в соответствии с устоявшейся историографической традицией уместно называть «магнитогорским делом».

Магнитогорский казус примечателен по целому ряду причин. Во-первых, он произошел в крупном индустриальном центре страны, на глазах не только областного, но и высшего руководства, что позволяет прояснить факторы и механизмы работы партийных органов всех уровней (местного, регионального и высшего). Во-вторых, он наглядно проявил те проблемы, с которыми местные партийные органы постоянно сталкивались в послевоенные годы. В-третьих, магнитогорские события не только сказались на жизни города, но и стали одной из причин резонансного «челябинского дела»³. Наконец, в научной литературе «магнитогорское дело» еще не освещалось, и данная статья призвана устранить этот пробел.

Выяснение обстоятельств «дела» следует начать с уточнения того, что же представлял собой Магнитогорск в послевоенные годы. Это был крупный город с 230–250 тыс. жителей по численности населения превосходивший такие областные центры Урала как Курган и Оренбург, и лишь немного уступавший Уфе⁴. Основу его промышленного потенциала составлял Магнитогорский металлургический комбинат, чей удельный вес в общесоюзном производстве на конец войны составлял 27,5 % чугуна, 22,8 % стали и 24,0 % проката⁵. Из-за конверсии и восстановления металлургических предприятий Юга эта доля уменьшилась, но за счет усовершенствования технологии и введения новых мощностей ММК в 1946–1950 гг. в 1,5 раза увеличил объемы производства и сохранил ведущие позиции в отрасли⁶. Помимо комбината в городе имелся десяток заводов (калибровочный, метизный, сеточный, горного и подъемно-транспортного оборудования) и весьма крупный строительный трест. И все это обусловило особое внимание к городу со стороны не только областных, но и высших партийных и государственных органов.

В годы войны в Магнитогорск регулярно наведывались и члены ГКО, и нарком черной металлургии с заместителями, и секретари обкома, благодаря чему ММК и город получали достаточное количество ресурсов. Но с переходом страны на мирные рельсы ситуация резко поменялась. Во-первых, заметно уменьшились объемы централизованного финансирования и снабжения. Во-вторых, текущие вопросы передали в ведение местных органов, которые располагали весьма скромными возможностями, а все перспективные дела стали решать путем долгих и сложных согласований. Конечно, правительство почти ежегодно оказывало серьезную помощь Магнитогорску⁷, но она доходила с опозданием и отнюдь не в

¹ Ваксер 2012, 23–41; Костырченко 2003, 629–694; Пыжиков, Данилов 2002, 208–286; Соболев 2000, 44–58; Хлевнюк, Горлицкий 2011, 84–112.

² Лейбович 2008, 114–177; Сушков 2011, 89–95.

³ Хлевнюк 2004, 240–244.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 164. Л. 2; Генин 1956, 24.

⁵ Запарий 2001, 286, 288.

⁶ Галигузов, Чурилин 1978, 83.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 337. Л. 97–104; Д. 353. Л. 224–233; Д. 357. Л. 226–233; Д. 400. Л. 374–377.

полном объеме⁸. И компенсировать эти издержки позволяли личные связи местного и высшего руководства. Благо, что одним из секретарей ЦК ВКП(б) в 1946–1947 гг. был прежний первый секретарь Челябинского обкома партии Н.С. Патоличев, а Магнитогорский горком в то же самое время возглавил его недавний помощник А.В. Лесков. Это позволяло не только ускорить принятие важнейших решений в правительстве, но и разрешать даже такие «мелочи», как получение средств на сохранение любительского хореографического ансамбля и возвращение бригады монтажников «Магнитостроя», которую министерство перебросило на другие стройки⁹.

Местная власть в Магнитогорске была представлена горкомом партии, городским Советом и крупными хозяйственниками, прежде всего, директором ММК и управляющим «Магнитостроя». Взаимоотношения этих ветвей власти были сложными из-за своеобразного распределения между ними обязанностей и ресурсов. Официальным органом являлся горсовет, на который возлагалось обеспечение нормальной жизни горожан, однако финансами и силами для этого он не располагал. Средств не хватало даже на текущий ремонт жилья, а планы по строительству дорог городские организации выполняли лишь на 25–30 %¹⁰. И приходилось обращаться либо прямо в правительство, либо к директору ММК Григорию Ивановичу Носову. Последний был на хорошем счету у высшего руководства, потому что, возглавив комбинат весной 1940 г., вскоре вывел его в передовики, в годы войны организовал здесь производство броневых металлов, а после успешно провел конверсию¹¹. И поскольку от ММК напрямую зависела жизнь половины магнитогорцев (от зарплаты и снабжения хлебом до жилья и культуры), а косвенно и всех остальных, то неудивительно, что Носов слыл за «хозяина» города, а южную часть Челябинской области в шутку называли Носовградской¹². Но поскольку у директора был тяжелый характер, он не терпел возражений, пресекал любую критику в свой адрес и считал советских работников бездельниками, деловых отношений между ним и горисполкомом не сложилось¹³.

Политическое управление осуществлял горком ВКП(б). Согласно Уставу партии его функции сводились к созданию местных организаций, регистрации коммунистов, руководству партийными учреждениями и печатью. На деле же, особенно в военное время, горком занимался буквально всем, подменяя Советы и полностью контролируя хозяйственников средней и малой руки. После войны в связи с «перестройкой» работы партийных органов, от них стали требовать «правильного сочетания политической и хозяйственной работы» и отказа от «мелочной опеки советских органов»¹⁴. Но в 1947 г. эта кампания сошла на нет, и горкому вновь пришлось решать массу «непрофильных» вопросов. Он контролировал выполнение заводами планов, строительство моста через Урал, выпуск научного вестника, подготовку школ к учебному году, помощь милиции, ход посевной и многое дру-

⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 167. Л. 64–70.

⁹ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 20. Д. 1. Л. 188, 194; Д. 3. Л. 135; Д. 7а. Л. 101–101 об.; Оп. 21. Д. 2. Л. 68, 160.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 22. Д. 6. Л. 22.

¹¹ Кучер 2003, 221, 225, 227–231, 236–239.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 596. Л. 135.

¹³ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 20. Д. 2. Л. 15–65; Ф. П-288. Оп. 12. Д. 20. Л. 150.

¹⁴ Федоров 2005, 104.

гое. При этом штаты горкома неуклонно уменьшались: если в 1945–1947 гг. они включали 42 ответственных работника, то в 1948–1949 гг. – 35¹⁵. И если к этому прибавить дефицит подготовленных кадров и их текучку, доходившую порой до 60–70 %, то становится понятно, что горком партии в принципе не мог справиться со своими большими и столь разнообразными делами.

После войны партийные органы столкнулись еще с одной трудностью. В соответствии с нормами внутривнутрипартийной демократии возобновились отчеты и выборы комитетов, а критика и самокритика вновь стали лозунгом дня. И это доставило руководителям немало хлопот, т.к. рядовые коммунисты принялись «прокатывать» на выборах даже секретарей горкома (так, в декабре 1946 г. при тайном голосовании был забаллотирован Ф.З. Борзиков, а в январе 1948 г. – О.С. Меженный)¹⁶. К тому же коммунисты стали гораздо чаще, чем в войну сообщать в ЦК ВКП(б) о безобразиях в городе, и такие «сигналы» часто давали ощутимый результат. Например, в феврале 1948 г. строго наказали начальников «Магнитостроя», построивших себе дома за государственный счет¹⁷.

И все-таки партийное руководство Магнитогорска первое время вполне справлялось со своими задачами. Степан Маркович Пилипец (февраль 1945 г. – апрель 1946 г.) и Александр Васильевич Лесков (апрель 1946 г. – июль 1947 г.), возглавлявшие тогда горком партии, обладали для этого всеми необходимыми качествами: хорошо знали производство, имели солидный опыт партработы и были дружны с секретарем ЦК ВКП(б) Н.С. Патоличевым¹⁸. К тому же Лесков в 1931–1941 гг. работал на ММК и поэтому хорошо знал Носова и умел ладить с ним. Но в Магнитогорске Пилипец и Лесков секретарями недолго. Первый не сработался с директором ММК и по настоянию последнего его освободили от должности¹⁹, а вскоре после этого, видимо в качестве компенсации, перевели в ЦК ВКП(б)²⁰. А вот Лескова «забрал» к себе первый секретарь Челябинского обкома Александр Андрианович Белобородов, который нуждался в надежном помощнике.

Подобрать нового главу горкома оказалось непросто. Обычно подобную вакансию закрывали, выдвигая второго или третьего секретаря или присылая человека со стороны. Но в обкоме кадрового резерва не было, а имевшиеся секретари Магнитогорского горкома на первого «не тянули». Ведь С.М. Абу хоть и подвизался в партийных органах более десяти лет, по образованию был историком и склонялся к преподаванию. А О.С. Меженный, отлично знавший промышленность, наоборот, опыта партийной работы практически не имел²¹. В такой ситуации Лесков, лучше других знавший местные кадры, предложил выдвинуть парторга ЦК ВКП(б) на ММК Петра Яковлевича Кулешова. И обком утвердил неожиданного кандидата, т.к. он удачно сочетал производственный (начальник цеха на Днепропетровском коксохимзаводе и ММК) и партийный (за 5 лет побывал секретарем партбюро цеха, заместителем секретаря горкома, парторгом ЦК) опыт²².

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 19. Д. 76. Л. 1; Оп. 20. Д. 82. Л. 2; Оп. 21. Д. 49. Л. 8–9; Оп. 22. Д. 70. Л. 13.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 66. Д. 1743. Л. 19; Ф. П-234. Оп. 22. Д. 4. Л. 290.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 22. Д. 1. Л. 85–86.

¹⁸ Коновалов 2004, 160–204; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 69. Д. 249. Л. 2, 4 об.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 596. Л. 135; ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 20. Д. 2. Л. 80–80 об.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 262. Л. 6, 98.

²¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 69. Д. 1552. Л. 4–4 об., 17.

²² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 68. Д. 2420. Л. 2, 12, 16.

Сначала многим казалось, что Кулешов – весьма толковый руководитель. По крайней мере, сослуживцы отзывались о нем так: «Он хорошо осведомлен и хорошо разбирается во всех вопросах партийной и производственной деятельности партийной организации. Много работает сам, любит работать и предъявляет суровые требования к работникам, как аппарата горкома, райкомов, а также советских и хозяйственных органов». Но вскоре проявились «самоуверенность, превосходство над всеми остальными работниками» и он «стал игнорировать советы других товарищей по работе, перестал замечать, как его требовательность перерастает в грубость»²³. А в конце 1947 г. у Кулешова испортились отношения с директором ММК и председателем горсовета.

Поведение Носова, который месяцами не посещал бюро горкома партии и фактически игнорировал Кулешова, объяснить просто. Вопросы комбината он успешно решал и без местных органов, а к зарвавшемуся секретарю горкома испытывал неприязнь, что заметно хотя бы по его колкостям в адрес Кулешова. К тому же у директора появился союзник в лице нового парторга на ММК Николая Александровича Корнилова, который тоже не жаловал Кулешова и заодно мог составить компанию в редкие часы отдыха²⁴. А вот напряженность между первым секретарем горкома и председателем горисполкома появилась из-за обиды. Дело в том, что Петр Васильевич Корнилов еще до войны успел побывать и третьим секретарем обкома, и первым секретарем Магнитогорского горкома, а после учебы в Высшей школе парторганизаторов и заместителем председателя облисполкома. В 1942 г. он отправился на фронт и после контузии вернулся в Челябинск. Но в структурах власти места ему почему-то не нашлось, и он устроился инженером-калибровщиком на ММК²⁵. Скорее всего, причина «опалы» заключалась в том, что Корнилов был, правдуром и поэтому начальники, в том числе Белобородов, его не жаловали. Интересно, что его даже зачислили в резерв на первого секретаря Магнитогорского горкома²⁶, но только весной 1947 г. назначили председателем горисполкома, потому как других кандидатов попросту не нашли. И тот факт, что первым секретарем горкома выдвинули менее опытного человека, наверняка возмущал Петра Васильевича. Кулешов же узнал об этом и в долгу не остался: всячески надсмехался над Корниловым, пренебрегал его мнением и выставлял в невыгодном свете перед руководством области²⁷.

Сначала такая «холодная война» мало сказывалась на работе городских властей: трудности 1946–1947 гг. остались позади и каждый из руководителей решал свои задачи в штатном режиме. Но вскоре ситуация стала ухудшаться. Ведь в конце 1947 г. в области прошла цековская проверка, показавшая помимо прочего, что у всех трех секретарей Магнитогорского горкома имеются изъяны. В частности, инспектор ЦК заметил, что Кулешов – «слабый работник, не обладает необходимыми организационными способностями, нетребователен и не в состоянии создать напряжение в работе городской парторганизации», Абу – «промышленность знает плохо, работу аппарата горкома организовать не умеет», а Меженный

²³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 68. Д. 2420. Л. 18–19.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 596. Л. 135 об.

²⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 68. Д. 2315. Л. 3–4 об.

²⁶ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 19. Д. 76. Л. 43.

²⁷ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 2. Л. 60; Ф. П-288. Оп. 68. Д. 2420. Л. 19.

– «слабый, безынициативный работник» и «выдвинут ошибочно»²⁸. Руководство области сумело доказать, что критические оценки преувеличены, но на всякий случай провело перестановки: С.М. Абу отправили на учёбу, назначив вместо него старого работника обкома А.А. Потребича, а О.С. Меженного, забаллотированного на конференции, заменили заместителем парторга на ММК А.К. Соловковым. Впрочем, новая команда оказалась не многим лучше прежней, ведь слишком активный Потребич пришелся не по душе первому секретарю, а Соловкову явно недоставало опыта и сноровки.

Пребывая в состоянии внутреннего и внешнего разлада, горком серьезно запустил даже такие важные дела как подбор кадров, руководство комсомолом и партийное просвещение²⁹. А осенью 1948 г. он и вовсе оказался бессилем что-либо предпринять, чтобы смягчить критическое положение с продовольствием (исчез белый хлеб, не было крупы, масла и сахара) в городе³⁰. Единственно, в чем тогда преуспели партийные чиновники, так это в поисках тех, кто задумал напрямую обратиться в правительство, полагая что «коллективному письму больше доверия, чем письмам местных органов»³¹. И кризис преодолели только благодаря Носову, который добился помощи от министерства металлургии, и правительству, которое выделило продовольствие для Магнитогорска.

Очевидная недееспособность горкома вынудила областное руководство принять «решительные» меры. Однако здесь предстояло разрешить непростую дилемму. С одной стороны, Кулешов был «своим» человеком, поддерживал все инициативы Челябинского обкома, вместе с другими верными людьми создавал нужный настрой на партийных мероприятиях, да и с обязанностями справлялся не намного хуже остальных. И с точки зрения Белобородова строго наказывать его не стоило. Но с другой стороны, требовалось показательно «выпороть» горком, чтобы снизить накал критики снизу и заодно продемонстрировать ЦК ВКП(б) приверженность основам внутрипартийной демократии. Поэтому уже в ноябре 1948 г. магнитогорские события вынесли на обсуждение пленума обкома партии, но саму дискуссию организовали так, чтобы отвести удар от Кулешова. Для этого вопрос о работе горкома поставили под самый конец пленума, когда присутствовавшие устали и не хотели вникать в суть дела. К тому же акцент с ошибок горкома сместился на недостатки в торговле и ЖКХ, за которые отвечал горсовет, поэтому виновником всех затруднений неожиданно для всех оказался Корнилов³². Выставить его в такой роли было несложно, поскольку он совершил «политическую» ошибку: честно поведал рабочим, что его просьбы к Сталину о выделении продовольствия городу остались без ответа, а приказ добавлять примеси в хлеб исходил от правительства³³.

Пленум, прошедший по заранее составленному плану, позволил в какой-то степени смягчить скандал вокруг Магнитогорска. Но главным испытанием для обкома и горкома стала XII городская партийная конференция, прошедшая 19–20

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1700. Л. 126.

²⁹ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 22. Д. 1. Л. 12; Ф. П-288. Оп. 12. Д. 21. Л. 11–12, 19–21, 31–32, 150–159; Д. 28. Л. 24–28.

³⁰ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 22. Д. 6. Л. 59–60, 70 об.

³¹ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 15. Л. 90.

³² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 19. Л. 13–18.

³³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 68. Д. 2315. Л. 17–18.

февраля 1949 г. Ведь местные коммунисты были настроены на то, чтобы «прокатить» зарвавшегося Кулешова, а открыто подавить их недовольство не позволяло присутствие инспектора ЦК ВКП(б). Поэтому руководству обкома пришлось проявить все свое умение и применить весь набор методов, которые позволяли нейтрализовать непредсказуемую внутрипартийную демократии. Во-первых, обком партии на конференции представлял сам Белобородов, хотя обычно приезжал менее авторитетный второй секретарь. Во-вторых, Кулешов был на удивление самокритичен, озвучил недостатки горкома и признал свои личные ошибки, чем произвел на делегатов благостное впечатление. В-третьих, в прениях приняли участие люди, так или иначе связанные с руководством города и области. Например, председатель Сталинского районного исполкома И.С. Нефедов был приятелем Кулешова, парторг ЦК на ММК Н.А. Корнилов – кратурой Белобородова, а управляющий «Магнитостроем» М.Е. Гуревич, которого ругали за плохую работу, возможно, согласился помочь в обмен на сохранение ему должности. Эту игру невольно поддержала даже секретарь Кировского райкома партии З.И. Сочнева, которая не выносила Кулешова, но еще больше была недовольна горсоветом. Все они обошли вниманием горком, зато описали недочеты горисполкома. А Корнилов, будучи человеком горячим, пылко отверг все обвинения, расписал свои достижения и обвинил Кулешова в бессистемном руководстве, неуважении к критике и разгоне старых кадров³⁴. Но «забыл» признать свои ошибки, что вкупе с мелочными придирками вроде отобранного у исполкома единственного автомобиля, вызвало у делегатов явное отторжение.

Под самый занавес конференции Белобородов подвел итоги обсуждения и оповестил делегатов об освобождении Корнилова от должности. Но в списке кандидатов в члены горкома партии уже бывшего председателя горисполкома оставили. Потому что руководство области, желая доказать столичному гостю свою приверженность внутрипартийной демократии, впервые за несколько лет устроило альтернативные выборы. Для этого в список голосования, в котором количество кандидатов равнялось количеству будущих членов горкома, внесли еще одного, лишнего кандидата. А чтобы в ходе выборов не «вылетел» нужный человек, как раз и понадобился такой заведомо провальный претендент, каким был Корнилов. И результаты тайного голосования полностью оправдали такой расчет. Ведь больше всего голосов «против» получил Корнилов (108 из 307 или 35 %), а следующим после него был Кулешов (59 голосов «против» или 19 %)³⁵.

Казалось бы, после такой конференции, прошедшей на грани провала, и Кулешову, и его покровителям следовало всерьез заняться Магнитогорском. Но Белобородов и Лесков весной 1949 г. были озабочены скандалом вокруг Челябинского Кировского завода, а секретари горкома настолько расслабились после февральского «триумфа», что перестали заниматься не только текущими делами, но даже мероприятиями, спущенными сверху. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что они даже не удосужились обсудить постановление СМ СССР от 20 января 1949 г. «О мероприятиях по жилищно-коммунальному и культурно-бытовому

³⁴ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 2. Л. 72–136.

³⁵ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 3. Л. 216–220 об., 237–237 об.

строительству в г. Магнитогорске»³⁶. И неудивительно, что очередные проблемы, обрушившиеся на горком в мае–июне 1949 г., вновь «парализовали» его.

Сначала Кулешов прошляпил ходатайство рабочих доменного цеха ММК о смягчении наказания бухгалтеру цеха, заслуженно получившему за хищения 8 лет лишения свободы. Проблема заключалась в том, что столь неуместную народную инициативу поддержала не только цеховая первичка, но и райком, а в горкоме о ней узнали только благодаря обкому. Причем Кулешов так медлил с проведением разъяснительной работы и наказанием провинившихся, что обком сам взялся за это рутинное дело, указав ему на «аполитичное поведение» и «медлительность»³⁷. А неделю спустя, 23 мая, от работы освободили секретаря Магнитогорского горкома по пропаганде А.А. Потребича, который якобы плохо воспитывал сына³⁸. Трудно сказать, чем именно был вызван этот кульбит – желанием Кулешова заменить неудобного коллегу, или же попыткой обкома продемонстрировать свою щепетильность в кадровых вопросах, – но горком, и без того не блиставший работоспособностью, надолго лишился одного из трех руководителей. Наконец, в начале июня, после тщательных проверок на чистую воду вывели комсомольских вожakov Магнитогорска, растративших немалые по тем временам суммы. Сведения о злоупотреблениях этих работников давно лежали в горкоме, но доверие Кулешова, основанное на дружеских отношениях и совместных застольях, позволяло им избегать наказания. И только весной 1949 г., когда преступления стали слишком заметными и могли обернуться грандиозным скандалом, горком взялся за «комсомольцев»: виновных сняли с должностей, исключили из партии и отдали под суд³⁹.

Конечно, Челябинский обком ВКП(б) не мог пройти мимо целой череды упущений и безобразий, творившихся в Магнитогорске. Поэтому в начале июня на закрытом заседании бюро обсудили поведение Кулешова – его грубость к работникам горкома, склонность к единоличным решениям, продвижение приятелей на ведущие посты в горсовете, – а также его затянувшуюся вражду с директором ММК. В итоге приняли довольно странное решение: Кулешова от должности освободить, но сделать это позже, на следующей городской партконференции⁴⁰. И к такому странному решению секретари обкома пришли неспроста. Ведь именно в то время в Челябинске находилась комиссия ЦК ВКП(б), проверявшая компромат на директора Челябинского Кировского завода И.М. Зальцмана. И в такой ситуации придавать огласке положение дел в Магнитогорске было чревато ненужными осложнениями. К тому же Кулешов, несмотря на все прежние промахи, оставался для Белобородова и Лескова «своим» человеком, и мог пригодиться в дальнейшем.

Однако надежды и расчеты челябинского руководства не оправдались. В конце июня – начале июля «Дело Зальцмана» приняло самый неблагоприятный оборот: директора завода-гиганта сняли с должности, Лескова, защищавшего его в

³⁶ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 6. Л. 3–58; Д. 10. Л. 1–61.

³⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 58. Л. 3–5, 26.

³⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 60. Л. 13–15.

³⁹ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 8. Л. 88–89, 130–132.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 485. Л. 207; ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 24. Д. 2. Л. 63; Ф. П-288. Оп. 14. Д. 2. Л. 34, 161.

ЦК ВКП(б), отчитали, а Белобородова, находившегося в отпуске, вызвали в Москву для объяснений⁴¹. Заодно через ЦК ВЛКСМ до ЦК ВКП(б) дошли сведения о безобразиях, творившихся в комсомольских организациях области, в том числе и в Магнитогорске⁴². В записке, которую Н.А. Михайлов направил Г.М. Маленкову, помимо всего прочего значилось, что «бюро Магнитогорского горкома ВКП(б) за последний год не обсуждало ни одного вопроса о работе комсомольских органов», а его глава «потерял партийную принципиальность в решении вопросов, проявляет недопустимую грубость к активу, окружил себя подхалимами»⁴³. Поэтому Белобородову пришлось отчитываться не только за Зальцмана, но и за Кулешова. И он уже не рискнул, как это было в 1948 г., заступаться за подчиненного.

В критической обстановке и челябинские, и магнитогорские начальники бросились экстренно исправлять свои ошибки. Например, обком наконец-то обратил внимание на то, что горком совершенно не контролирует реализацию постановлений правительства, не занимается высшими учебными заведениями и к тому же «протащил» на ответственные должности неподходящих людей⁴⁴. А в конце августа, во избежание очередного скандала поспешил снять с работы секретаря горкома по кадрам А.К. Соловкова и объявить ему строгий выговор с предупреждением за «недостойное поведение»⁴⁵. В свою очередь горком, в котором из руководителей остался только Кулешов, принялся наводить порядок в комсомольских организациях, улучшать торговлю хлебом в городе и снимать «негодных» работников⁴⁶. Но все эти усилия уже не могли отсрочить и тем более исключить неизбежный финал.

Чтобы как-то загладить свою ошибку Белобородов в конце августа направил в ЦК ВКП(б) предложение о снятии Кулешова с работы. Однако выдвигать нового кандидата он не рискнул: проблем в городе хватало, а подходящих людей не было. Однако 12 сентября 1949 г. ЦК ВКП(б) проявил неожиданную милость: П.Я. Кулешов без каких-либо взысканий был освобожден, а не снят с должности, и вместо него назначен инструктор Отдела партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК ВКП(б) Г.С. Павлов⁴⁷. Еще через две недели Белобородов довел решение высшего органа партии до членов Магнитогорского горкома. На пленуме он признался, что в обкоме «не сумели до конца вскрыть ошибки горкома» и «затянули» с освобождением секретарей «примерно на месяц», и предложил магнитогорцам вскрыть ошибки прежнего руководства⁴⁸. Однако его призыв особого энтузиазма не вызвал: из 64 участников пленума в прениях выступило лишь семеро, причем все они предпочитали критиковать парторга ЦК ВКП(б) на ММК Н.А. Корнилова и директора Г.И. Носова, не трогая П.Я. Кулешова. Ведь настоящий разбор его поступков наверняка бы обернулся критикой секретарей обкома, положение которых в сентябре 1949 г. казалось еще прочным. Зато сам Кулешов признал все свои грехи и пообещал: «На какую бы работу меня ни направи-

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 124–125.

⁴² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 600. Л. 6–8.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 467. Л. 23–24.

⁴⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 82. Л. 25–29; Д. 86. Л. 21–26; Д. 167. Л. 64–70; Д. 271. Л. 42–44.

⁴⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 101. Л. 10–11.

⁴⁶ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 8а. Л. 143; П-288. Оп. 69. Д. 2045. Л. 5–16.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 522. Л. 25–26.

⁴⁸ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 6. Л. 93–106, 108–109.

вили, впредь таких ошибок не допущу»⁴⁹. В тот день его партийная карьера завершилась, но дальнейшая судьба сложилась благополучно: он вернулся на родную Украину, работал на Запорожском коксохимзаводе сначала начальником цеха, а затем в 1954–1968 гг. директором, и даже защитил кандидатскую диссертацию⁵⁰.

В отличие от Кулешова секретари обкома не стали публично признавать свои ошибки и вообще попытались замолчать «магнитогорское дело». Ни на партийных мероприятиях, ни в местной прессе никаких подробностей о нем не сообщалось. И тем самым Белобородов и Лесков еще больше навредили себе. Ведь нашлось немало таких, кто посчитал, что виновники безобразий остались без должного наказания, поэтому в высшие инстанции хлынул поток заявлений на бывших и оставшихся руководителей. Самым резонансным из них оказалось письмо бывшего заместителя директора ММК Я.А. Козлова об упущениях и злоупотреблениях Г.И. Носова. Приведенные в письме факты, в том числе и то, что Лесков по просьбе Носова «убрал» Козлова с комбината, подтвердились и в январе 1950 г. хозяйственнику пришлось давать объяснения в ЦК ВКП(б)⁵¹. Но важнее было то, что молчание областных руководителей наверху восприняли как отсутствие самокритики и нежелание делать необходимые «политические выводы» из факта «освобождения от работы трех секретарей горкома в крупнейшей партийной организации области». Поэтому в январе 1950 г. этот недостаток оказался вторым в длинном перечне претензий, предъявленных Челябинскому обкому партии и ставших поводом для отстранения от работы его секретарей⁵².

Замена всего партийного руководства города породила у магнитогорцев вполне понятные надежды на скорое улучшение жизни. Тем более что горком возглавил работник ЦК, человек по определению опытный и энергичный, а количество секретарей возросло до четырех, что позволяло охватить больше дел. Но с приходом новой команды заметных изменений в работе комитета не произошло. Ведь все секретари за исключением А.Е. Залавина были «варягами» (Г.С. Павлов из ЦК, П.Н. Губкин из Миньярского райкома, В.А. Зубова из обкома) и в местной специфике не разбирались. Большую часть времени они сидели в кабинетах, с рядовыми коммунистами общались мало, да и друг с другом ладили не всегда. За все это их нещадно критиковали на отчетно-выборной конференции, состоявшейся в феврале 1950 г. И все, кроме Павлова, которого выручило цеховское прошлое и высокий пост, на выборах горкома получили немало голосов «против»⁵³.

В 1950 г. состав Магнитогорского горкома вновь обновился – Павлов стал вторым секретарем обкома, а Зубову перевели в другой город, – и теперь трое из четырех секретарей оказались магнитогорцами (И.Л. Баханов, А.Е. Залавин и А.И. Хрусталеv). К тому же горком возглавил П.Н. Губкин, который прежде успешно руководил разными металлургическими заводами страны. Одним словом, этот команда казалась более подходящей. Но вскоре выяснилось, что занимаясь промышленностью, секретари позабыли об остальных делах, что у них «отсутствует необходимая живая связь с первичными парторганизациями», а Губкин зазнался

⁴⁹ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 6. Л. 80.

⁵⁰ ГА РФ. Р-9506. Оп. 107. Д. 7335. Л. 79–79 об.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 596. Л. 131–135 об.; Д. 705. Л. 4–11.

⁵² Хлевнюк 2004, 241.

⁵³ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 24. Д. 2. Л. 115–117, 122–130, 139–150, 160–167, 172–177, 226–228.

и неправильно реагирует на замечания⁵⁴. К тому же именно он необдуманными действиями усугубил конфликт между новым директором ММК А.Ф. Борисовым и управляющим «Магнитостроя» М.Е. Гуревичем. И если учесть, что Губкин нередко грубил и игнорировал чужое мнение, то станет понятно, почему от конференции к конференции его ругали все чаще и резче. И особенно сильно ему доставалось за «гладкие», бессодержательные доклады, которые кое-кто даже сравнил с диалогами Штепселя и Тарапуньки⁵⁵.

Показательно, что обком мало обращал внимания на то, что происходило в Магнитогорском горкоме. Изредка его секретарям, как то было летом 1951 г., указывали на «отдельные недостатки» или же вызывали на приватные беседы, но не более того. И связано это было не только с тем, что комбинат в последние «сталинские» годы работал успешно, а снабжение города заметно улучшилось, и, следовательно, явных провалов в работе горкома не было. Секрет заключался в том, что члены бюро горкома, несмотря на свое скептическое отношение к Губкину, предпочитали не распространяться о его «недостатках» и фактически покрывали его⁵⁶. К тому же у него, как прежде у Кулешова, имелся покровитель в лице второго, а затем и первого секретаря Челябинского обкома Н.В. Лаптева. Именно он, памятуя еще довоенное знакомство с Губкиным, сначала защищал «магнитогорца», а когда недовольство местных коммунистов стало расти, то в марте 1953 г. устроил показательный пленум обкома, точь-в-точь как когда-то Белобородов. Однако и на этот раз «хитрость» не дала результата, поскольку на последовавшей вскоре городской партконференции Губкин получил «против» 70 голосов из 390 (17,9 %) и удержался только благодаря негласной поддержке обкома⁵⁷. Лишь когда сведения о недостойном поведении Павлина Николаевича в декабре 1953 г. достигли ЦК КПСС, обком партии немедленно снял давно скомпрометированного секретаря и публично признал свою нерасторопность по отношению к нему⁵⁸. И, пожалуй, только это позволило руководству области избежать почти полного повторения скандала 1949 г.

Подводя итог исследованию, следует отметить, что «магнитогорское дело» 1949 г. стало возможным из-за типичных для послевоенного времени проблем в работе местных партийных органов. Наиболее острыми из них были дефицит кадров, отсутствие нормального взаимодействия с хозяйственниками и советскими органами, а также огромный объем работы, справляться с которым попросту не было сил. Положение партийного руководства осложняла также возросшая в связи с восстановлением внутрипартийной демократии активность масс, для нейтрализации которой приходилось прибегать к зажиму критики и разного рода выборным технологиям. И в такой ситуации одним из выходов, позволявших заметно снизить риски, оказалось выстраивание и использование личных (патрон-клиентских) связей, позволявших получать поддержку сверху, налаживать отношения с другими «ветвями» власти и прикрывать неизбежные провалы в работе. Как показал опыт Магнитогорского горкома ВКП(б), такая система давала эффект

⁵⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 15. Д. 63. Л. 180–187.

⁵⁵ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 32. Д. 5. Л. 125–126.

⁵⁶ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 34. Д. 15. Л. 40–42, 79–81.

⁵⁷ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 33. Д. 5. Л. 201–203.

⁵⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 18. Д. 23. Л. 3–4, 47–126; Ф. П-234. Оп. 34. Д. 15. Л. 1–91.

при наличии у местного руководства покровителей как на региональном (А.А. Белобородов и А.В. Лесков), так и высшем уровне власти (Н.С. Патоличев). И если последнее звено по конъюнктурным причинам выпадало, надеяться на помощь центра и скрывать практически неизбежные ошибки и недостатки на местах становилось практически невозможно.

Уникальность «магнитогорского дела» состоит в том, что ключевую роль в нем сыграли чрезвычайная халатность местного партийного руководства и ряд случайностей, из-за которых типичные злоупотребления привлекли слишком пристальное внимание вышестоящих органов. К тому же, несмотря на локальный масштаб, это «дело» в совокупности с другими скандалами («дело Зальцмана», «дело челябинского комсомола») способствовало раскручиванию «челябинского дела», из-за которого в начале 1950 г. должностей лишилось почти все партийное руководство области. Наконец, рассмотренное событие уникально и тем, что через несколько лет после 1949 г. оно вновь повторилось в Магнитогорске вплоть до мельчайших деталей. И этот факт доказывает, что балансирование между снисходительным отношением к местным кадрам, с которыми были установлены личные связи, и жесткими мерами к ним, которые принимались только под давлением сверху, являлось одним из неперенных условий успешной деятельности регионального партийного руководства в период «позднего сталинизма».

ЛИТЕРАТУРА

- Ваксер, А.З. 2012: *«Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты*. СПб.
- Галигузов, И.Ф., Чурилин, М.Е. 1978: *Флагман отечественной индустрии*. М.
- Генин, С.Я. (отв. за вып.) 1956: *Народное хозяйство СССР. Статистический сборник*. М.
- Запарий, В.В. 2001: *Черная металлургия Урала. XVIII–XX века*. Екатеринбург.
- Коновалов, А.Б. 2004: *История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991)*. Кемерово.
- Костырченко, Г.В. 2003: *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*. М.
- Кучер, В.Н. 2003: *Магнитка – это навсегда. Ч. 1. Дела и судьбы сталинских директоров*. М.
- Лейбович, О.Л. 2008: *В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг.* М.
- Пыжиков, А.В., Данилов, А.А. 2002: *Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы*. М.
- Соболев, Д.А. 2000: Репрессии в советской авиапромышленности. *Вопросы истории естествознания и техники* 4, 44–58.
- Сушков, А.В. 2011: Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.). *Уральский исторический вестник* 3, 89–95.
- Федоров, А.Н. 2005: Перестройка партийных органов Урала в 1948–1949 гг. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки* 7, 104–107.
- Хлевнюк, О.В., Горлицкий, Й. 2011: *Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры*. М.
- Хлевнюк, О.В. (ред.) 2004: *ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953*. М.

REFERENCES

- Fedorov, A.N. 2005: Perestrojka partijnyh organov Urala v 1948–1949 gg. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki* 7, 104–107.
- Galiguzov, I.F., Churilin, M.E. 1978: *Flagman otechestvennoj industrii*. Moscow.
- Genin, S.Ja. (otv. za vyp.) 1956: *Narodnoe hozjajstvo SSSR. Statisticheskij sbornik*. Moscow.
- Hlevnjuk, O.V. (red.) 2004: *CK VKP(b) i regional'nye partijnye komitety. 1945–1953*. Moscow.
- Hlevnjuk, O.V., Gorlickij, J. 2011: *Holodnyj mir: Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury*. Moscow.
- Konovalov, A.B. 2004: *Istorija Kemerovskoj oblasti v biografijah partijnyh rukovoditelej (1943–1991)*. Kemerovo.
- Kostyrchenko, G.V. 2003: *Tajnaja politika Stalina. Vlast' i antisemitizm*. Moscow.
- Kucher, V.N. 2003: *Magnitka – jeto navsegda. Ch. 1. Dela i sud'by stalinskih direktorov*. Moscow.
- Lejbovich, O.L. 2008: *V gorode M. Ocherki social'noj povsednevnosti sovetskoj provincii v 40–50-h gg*. Moscow.
- Pyzhikov, A.V., Danilov, A.A. 2002: *Rozhdenie sverhderzhavy. 1945–1953 gody*. Moscow.
- Sobolev, D.A. 2000: Repressii v sovetskoj aviapromyshlennosti. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki* 4, 44–58.
- Sushkov, A.V. 2011: Vlast' i korrupcija: rukovodstvo Krasnojarskogo kraja i delo o hishhenijah produkcii na Krasnojarskom zavode plodovo-jagodnyh vin (1949 g.). *Ural'skij istoricheskij vestnik* 3, 89–95.
- Vakser, A.Z. 2012: *«Leningradskoe delo». Itogi izuchenija i novye aspekty*. Saint- Petersburg.
- Zaparij, V.V. 2001: *Chernaja metallurgija Urala. XVIII–XX veka*. Yekaterinburg.

«MAGNITOGORSK CASE» IN 1949: ACTIVITY OF LOCAL PARTY BODIES
IN THE POST-WAR PERIOD

Aleksey N. Fedorov

Chelyabinsk State University, Russia,
alnikfedorov@yandex.ru

Abstract. The article examines the working conditions of local party bodies in post-war period. The case of Magnitogorsk city committee of VKP(b) shows that the main problems were the staff shortage, a large amount of work and activity of communists. In these conditions, recruitment by acquaintance and personal relationships with supreme management allowed to minimize inevitable errors and omissions. However, permutation in the supreme management along with the negligence of local authorities led to the fact that neglect of party work in Magnitogorsk became public. Simultaneous appearance of «Magnitogorsk case» with «Zaltzman's case», caused the replacement of the party leadership of the city and also Chelyabinsk region.

Key words: post-war period, Magnitogorsk city committee of VKP(b), Chelyabinsk regional committee of VKP(b), Central Committee of VKP(b), A.A. Beloborodov, N.S. Patolichev, G.M. Malenkov

ЭТНОЛОГИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 315–327
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 315–327
©Автор(ы) 2016

КОРЯКСКИЕ БУБНЫ: БЫТОВАНИЕ В ЭТНОЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Л.Н. Хаховская

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н.А. Шило ДВО РАН, Магадан,
hahovskaya@mail.ru*

Аннотация. В статье привлечено внимание к материальной составляющей духовных практик коряков. Автор применяет метод формального описания вещественных источников, а также антропологический метод, соотносящий событийную историю с культурными традициями этнолокального сообщества. Автор анализирует конструкцию 18 бубнов, бытовавших у коряков-оленьеводов Магаданской области. Данные артефакты показывают значительную вариативность по таким признакам, как размер и форма обечайки, форма и количество скоб, расположение и материал рукояти, набор привесов. Вариативность отражает известную автономность мира детства в сакральных представлениях коряков, гендерную и социальную градацию этнолокального сообщества. Автор впервые в историографии фиксирует наличие антропоморфных подвесок на бубнах, связывает их с ритуалами, относящимися к детям. Культурные традиции коряков предписывали циклический характер функционирования бубнов, устанавливали порядок их изготовления, бытования и вывода из обихода. «Правила» обращения с бубнами и их сакральная ценность среди коряков в XX веке подверглись сильной трансформации, именно поэтому исследователи и любители могут их приобретать. Отмечено выраженное угасание корякского шаманизма, в том числе практик камланий с бубном.

Ключевые слова: бубны, коряки, этнолокальное сообщество, Магаданская область, конструкция, вариативность, антропоморфные подвески, шаманизм, ритуалы

Введение. Корякские бубны в этнографическом сибиреведении представлены в различных аспектах. Е.Д. Прокофьева в фундаментальном исследовании опре-

---

Хаховская Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан. E-mail: hahovskaya@mail.ru

делила место корякских бубнов в их общей типологии¹. Ю.И. Шейкин предложил региональную классификацию бубнов, в том числе корякских, осветил их функции как музыкальных инструментов². Об использовании корякских бубнов как атрибутов шаманского культа и внешаманских ритуалов писали исследователи-североведы³. Вместе с тем материалы по конкретным корякским бубнам в литературе практически отсутствуют, вследствие чего длительное время существовало представление об условно-типичном инструменте с такими признаками: овальная форма, размер до 70 см (в продольном диаметре), узкая обечайка (5 см), приклеенная мембрана из оленьей кожи⁴. Много позже Шейкин написал, что корякские бубны имеют преимущественно круглую форму; кроме того, он уточнил диапазон их размерности по двум параметрам: диаметр (от 50 до 100 см) и высота обечайки (от 4 до 6 см)⁵. С.В. Иванов, классифицируя бубны по способу крепления рукояти на подвижные и неподвижные, отнес корякский инструмент к такой разновидности подвижных рукояток, у которых в центре размещено металлическое кольцо⁶. Поскольку ни один корякский бубен подобной конструкции неизвестен, данное положение Иванова, скорее всего, основано на недоразумении.

Мы располагаем сведениями по 18 бубнам⁷, которые бытовали у коряков Магаданской области и ныне еще используются ими. Данное этнолокальное сообщество представляет собой западную группу оленных коряков, которые прежде осваивали бассейн р. Парень, верхние притоки р. Омолон, левобережье р. Гижига. Эта группа культурно близка корякам Камчатки⁸. В настоящее время представители этой группы проживают в основном в с. Верхний Парень и пос. Эвенск Северо-Эвенского р-на Магаданской обл.

Наши сведения показывают значительную вариативность инструментов по таким признакам, как размер и форма обечайки, форма и количество скоб, расположение и материал рукояти, набор привесов. Сведения эти актуальны с точки зрения накопления данных о материальной составляющей корякской культуры, вещественном мире, без чего невозможно сравнительное изучение локальных этнических сообществ и обобщающие выводы. Не менее важно и другое – выявленная вариативность не только служит основанием типологизации артефактов в отвлеченной схеме «без человека», но и показывает живую культуру, в которой действуют люди. Ведь размерный диапазон бубнов, а иногда и морфологические особенности инструментов и их принадлежностей указывают на половозрастные и социальные позиции владельцев. Важны также обстоятельства, при которых они изготавливались, использовались и выводились из обихода.

Все это вместе взятое обусловило наш интерес к этой категории культурных артефактов. Источники, на которых строится данное исследование, – полевые материалы, полученные в Северо-Эвенском районе Магаданской области; изучение

¹ Левин, Потапов 1961, 442.

² Шейкин 2002, 72–76.

³ Беретти 1929; Горбачева 2004; Линденау 1983; Jochelson 1905.

⁴ Левин, Потапов 1961, 442.

⁵ Шейкин 2002, 74.

⁶ Иванов 1975, 217.

⁷ Сведения по 6 предметам предоставил Игорь Евгеньевич Воробей, за что автор выражает ему глубокую признательность.

⁸ Гурвич 1980, 113.

экспонатов в музеях и на руках у владельцев; привлечение архивных сведений и опубликованной литературы. В отношении бубнов как вещественных артефактов применен метод формального описания, а для выявления их функционирования в контексте этнической культуры – антропологический метод, соотносящий событийную историю с культурными традициями этнолокального сообщества.

Конструктивные особенности корякских бубнов. Корякский бубен – составной инструмент, состоящий из обечайки, мембраны, рукояти, скоб и привесов. Основой бубна является *обечайка*, или баран (по терминологии коряков северо-восточной части Камчатки⁹). Ее размер и конструкция определяют форму бубна. Обечайка сгибается в круг (рис. 1), слабо выраженный (рис. 2) или выраженный овал, в последнем случае прослеживается грушевидная (рис. 3) и яйцевидная (рис. 4) форма. Рассмотренные нами 18 экземпляров распадаются на три равные части: по 6 круглых, слабоовальных и овальных бубнов. Таким образом, тезис об овальной форме корякских бубнов не подтвердился, тогда как мнение Шейкина о преобладании круглой формы находит обоснование. Более того, можно судить о соотношении геометрии обечаек: если допустить, что слабоовальные бубны изначально мастерили как круглые, но они не имеют этой формы в силу разных причин (несовершенство технологии изготовления, последующая деформация), то соотношение круглых и овальных корякских бубнов выглядит как 2:1.

В поперечном сечении обечайка обычно линзовидная, односторонне-выпуклая с внешней стороны, редко двояковыпуклая; достаточно часто встречается подтрапецевидная форма с тремя гранями на выпуклой стороне. Концы обечайки клинообразно скошены и наложены друг на друга. Размерный диапазон корякских бубнов варьирует от 27,3 до 72 см (в продольном диаметре), так что разброс крайних параметров составляет почти 45 см. Высота обечайки составляет от 3 до 7,5 см. Эти данные идут вразрез с опубликованными сведениями¹⁰ и говорят о том, что устанавливать строгие границы размерного диапазона по меньшей мере преждевременно. Более существенным представляется выявление соотношения диаметра к высоте обечайки, которое для изученных нами корякских бубнов выдерживается достаточно строго (9:1 или 8:1).

Весьма важно, что удалось установить наличие детских бубнов (3 экземпляра из 18), которыми, согласно сведениям информантов и музейной документации, являются самые маленькие инструменты (см., например, рис. 1 (маленький бубен) и рис. 2). На маленькие бубны как на детские инструменты указывает и Елизавета Порфирьевна Орлова, работавшая среди коряков Камчатки в 1926–1927 гг.: «Размер бубна колеблется от 80 и даже 90 см до 25 (детский бубен)»¹¹. Переходную границу от детского бубна ко взрослому мы обозначаем как 40 см по продольному диаметру.

Размерная градация существовала и в мире взрослых: Шейкин установил, что у коряков-оленьеводов мужские бубны были небольшого размера, а женские побольше¹². Эти сведения находят подтверждение в литературе: изображения корякских женщин с бубнами большого размера, явно превосходящими среднюю их

⁹ ГАРФ.Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 448. Л. 110.

¹⁰ Левин, Потапов 1961, 442; Шейкин 2002, 74.

¹¹ ГАРФ.Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 448. Л. 110.

¹² Шейкин 2002, 74.

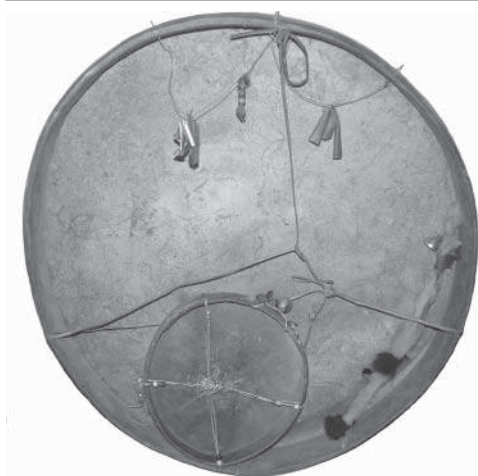

Рис. 1. Бубны корякские. Владелица корячка Стеколыщикова Н. А., уроженка с. Верхний Парень. В настоящее время переданы и хранятся в Магаданском областном краеведческом музее, инв. № КП-33424, 33425. Размер бубнов: большой 70х65х7,5 см; маленький 28х25х3,5 см. Фото автора

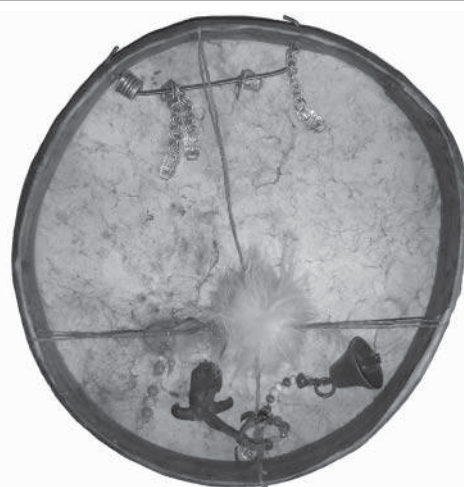

Рис. 2. Бубен корякский детский. Владелец коряк Инылив Ю. В., с. Верхний Парень. Размер 38х36,5 см. Фото автора

Рис. 3. Бубен корякский. Владелец коряк Инылив Ю.В., с. Верхний Парень (ранее принадлежал шаману Захару Тумухаю). Передан и хранится в музее пос. Эвенск, инв № 1996/1, этн-193/1. Размер 50х48х5,3 см. Фото И.Е. Воробья

Рис. 4. Бубен корякский. Владелица корячка Итыкьева В. Я., оленеводческая бригада, Северо-Эвенский район (изготовил ее дядя, коряк Эткин). Размер 45,5х39 см. Фото И.Е. Воробья

Рис. 5. Корячка Пойтыле О.М. демонстрирует игру на бубне. 12.08.2011 г., с. Верхний Парень. Фото автора

величину (если принять за таковую диаметр ~60 см), встречаем у исследователей начала XX в.: это фотографии приморской корячки Килу-кены (Клюкенги) из селения Куэль, сделана в 1900 г.¹³, и шаманки из Гижигинского округа, сделана в 1915 г. В.К. Арсеньевым¹⁴. Во второй половине XX в. исследователи фиксируют корячек, играющих на бубнах большого размера: это фотографии В.В. Горбачевой (сделана в 1979 г. в селе Ачайваям КАО¹⁵); Д.С. Дугарова (сделана в с. Лесная Камчатского края¹⁶); М. Куребито (сделана не ранее 2001 г., в оленеводческой бригаде № 13, Северо-Эвенский район Магаданской области¹⁷); Э. Кастена (сделана в 2000 г. в селе Лесная КАО¹⁸) и наша (рис. 5).

Показательны разноразмерные бубны, бытовавшие в одной семье (рис. 1). По словам владелицы, изначально бубнов было семь, размер которых нарастал более или менее равномерно («как матрешки»), но сохранились лишь два, самый большой и самый маленький (информант Стеколыщикова Надежда Александровна,

¹³ Jochelson 1905, pl. III.

¹⁴ Горбачева 2004, 65;

¹⁵ Горбачева 2004, 44.

¹⁶ Батянова, Тураев 2010, 353.

¹⁷ Аятгинина, Куребито 2006, 84.

¹⁸ Уркачан 2010, 149.

Рис. 6. Бубны, обечайка бубна и колотушка корячки Пойтыле О. М, с. Верхний Парень. Размер не установлен. Фото автора

1966 г. р., корячка)¹⁹. Весьма вероятно, что бытующие сегодня среди коряков инструменты представляют собой не весь существовавший прежде их размерный массив, а лишь случайным образом уцелевшие экземпляры (рис. 6). Таким образом, множественность и размерная вариативность корякских бубнов связана с половозрастной градацией: она указывает на известную автономность детей в использовании этого инструмента и отражает гендерные особенности ритуальных практик коряков.

Мембрана всех изученных нами бубнов изготовлена из оленьей кожи,

на обечайку она приклеена, по сведениям информантов, с помощью рыбьего клея (вываренного из кожи рыб лососевых пород). Такая однородность материала мембраны связана с оленеводческой хозяйственной специализацией этой группы коряков, тогда как у береговых жителей на мембрану шли оболочки внутренних органов кита (см. ниже) и кожа собаки. О последнем говорят материалы дневника Дины Лазаревны Бродской, супруги и спутницы В.И. Иохельсона в Джезуповской экспедиции, где она описывает корякский бубен, виденный в селении Куэль 04.10.1900 г.: «Бубен сделан из собачьей кожи, которая натянута на большой круглый деревянный ободок, с внутренней стороны на нем на проволоке висят жестяные погремушки, которые звенят, когда колотят в бубен»²⁰.

Рукоять всех бубнов (кроме одного) по конструкции крестообразная, размещена асимметрично: вертикальная часть протянута вдоль большого диаметра по центру, а горизонтальная (вдоль меньшего диаметра) – со смещением к нижнему краю. Имеется лишь один бубен с Х-образной рукоятью с перемычкой (рис. 1), но такое крепление образовалось в результате починки. В то же время собранные Иохельсоном экземпляры корякских бубнов имеют именно Х-образные рукояти с перемычками²¹, что резко отличается от наших данных. Связано это с тем, что Иохельсон, скорее всего, приобрел бубны береговых коряков, тогда как мы рассматриваем инструменты оленеводов. Возможно, разница в конструкции рукояти связана с манерой игры на бубне: Х-образное перекрестие с перемычкой, скорее всего, держали в горизонтальной плоскости, ударяя колотушкой снизу или, наоборот, ударяя краями обечайки по колотушке. Такое положение играющего можно видеть на корякской скульптуре начала XX века²². Бубен же с крестообразной рукоятью держат в субвертикальной плоскости под небольшим наклоном (рис. 5).

По материалу рукоять чаще всего однородная, то есть на всем протяжении состоит из одного и того же материала: нитей (синтетических, сухожильных, хлоп-

¹⁹ ПМА 2010, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, пос. Эвенск.

²⁰ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 128. Л. 62об.

²¹ Фонд АМЭИ б/г; инв. №№ 70/3184А; 70/3826; 70/3827А; 70/3920.

²² Горбачева 2004, цветная вклейка, № 2332–1.

чатобумажных) или кожаных ремешков. В четырех случаях рукоять комбинированная, при этом на трех бубнах имеется выраженное перекрестие, выполненное из кожи (рис. 4) или металла, концы которого прикреплены к обечайке тонкими двойными и/или одинарными кожаными ремешками. Перекрестие рукояти обмотано мехом зайца, мотком ниток, куском кожи, овчины, ткани, ткани и кожи, есть и бубны без обмотки.

Скобы на бубне располагаются с внутренней стороны у верхнего края, как правило, симметрично по обе стороны от центральной оси. Выполнены они из железных прутьев или проволоки различного диаметра. Количество скоб варьирует от одной до четырех. Правда, наличное число скоб не всегда отражает изначальное их состояние: на многих бубнах скобы утрачены частично или полностью и заменены другими, обычно из более тонкой проволоки или даже нити. Скобы имеют вид рамки или дуги, при этом очень часто в средней части скоба выгнута дважды (рис. 3), что, по нашему мнению, указывает на ее изначальную парную симметричность.

Подвески на скобах обычно распределены равномерно, они представлены такими металлическими изделиями, как полые конусовидные подвески (изготовлены из листового металла, иногда вырезаны из консервных банок); цепочки разнообразного плетения и размера; кольца, S-образные полоски, пластины, медальоны, детали замков и другие утилизированные мелкие железные предметы. Иногда к скобе подвешивали колокольчики (рис. 1 (малый бубен), рис. 4). Сила бубна, по Иохельсону, заключалась в производимом звуке, который связан со сверхъестественной сущностью этого предмета²³. Наличие железных шумовых подвесок на скобах, вероятно, имело целью усилить жизненную и сакральную силу бубна посредством усиления его «голоса».

Привесы. О привесах корякских бубнов Иохельсон (а вслед за ним Прокофьева) не пишет, и это неслучайно. На тех экземплярах, которые ему удалось приобрести, привесов нет (но на сделанной им фотографии коряка с бубном²⁴ заметны, по крайней мере, низки бусин). Скорее всего, отдавая исследователю бубны, коряки сняли с них все, кроме скоб и некоторых железных предметов на них. Это обстоятельство указывает на особый статус привесов – это были не просто украшения или шумовые предметы, а приношения, дары, которыми отмечалась положительная роль бубна в жизни семейства, поэтому их стремились сохранить. Среди изученных нами инструментов привесы отсутствуют на семи.

Локализация привесов на остальных говорит о том, что чаще всего они располагались в нижней части: их привязывали изнутри бубна к рукояти в месте ее соединения с обечайкой. Сюда же крепили ремешок, идущий к колотушке (рис. 3). Изредка привесы располагались у левого и верхнего края и никогда – у правого. Сама рукоять украшалась редко, в основном на нее нанизывали бусины. В качестве привесов выступают обычно колокольчики и низки бусин. Заслуживает внимание наличие на бубнах (в наиболее значимой нижней позиции) антропоморфных фигурок в виде литой медной подвески, мягкой объемной куколки (рис. 2) и плоской бисерной розетки²⁵. В данной статье нет возможности детально рассмо-

²³ Jochelson 1905, 54.

²⁴ Jochelson 1905, 54, pl. II, fig. 1.

²⁵ Хаховская 2013.

треть эти артефакты, отметим лишь, что они имеют отношение к миру детства: куколка располагается на детском инструменте и, по сведению владельца, именно этим обусловлено ее наличие (информант Инылив Юрий Викторович, 1981 г. р., коряк)²⁶, а розетка сама представляет маленького ребенка²⁷.

Изготовление и использование бубнов. Бубен начинался с изготовления обечайки, которая представляет собой как бы прообраз будущего инструмента, некоторое время находясь в стадии «предбубна». Согласно нашим полевым данным, обечайку вырезают из ольховника или из лиственницы весной, когда дерево влажное. Его рубят, срезают полосу, которую сгибают в обруч, связывают концы и возят все лето. Когда древесина как следует подсохнет, начинают подгонять обечайку под правильный круг или овал, выпрямляя неровности. Неровные участки древесины распаривают и вставляют в специальные засечки-пазы на «станке» – крупной поваленной лесине (информант Хардани Илья Иванович, эвен, 1953 г. р.)²⁸.

На подготовленную и просушенную обечайку (баран) натягивают мембрану: «... убивают оленя-годовика, снимают с него шкуру, парят ее над огнем, специально для этого разведенным, освобождаются от шерсти. Распаренную кожу натягивают на баран, затем ремнями, продетыми через края шкуры, три раза стягивают ее, чтобы плотно облегла баран – новый бубен, – и невысоко подвешивают над специально для того разведенным огнем – аршина на полтора-два от огня – и сушат бубен в течение трех часов. Баран предварительно смазывают рыбьим клеем, и поэтому кожа плотно пристает к нему во время натяжки, а во время просушки приклеивается так плотно, «что не оттащить». Когда кожа просохнет над огнем, то выступающие края кожи обрезаются около барана и получается законченный бубен»²⁹. В обечайке делают отверстия, прикрепляют скобы, рукоять, навешивают подвески.

Если же бубен пришел в негодность, его «раздевают» в обратном порядке: снимают и утилизируют подвески и скобы, они пригодятся для другого бубна или иных целей – например, скоба от бубна была использована в качестве ограничителя (нижней подвески) игольника из погребального женского набора³⁰. Удаляют рукоять и мембрану, и эти вещи также не пропадают: по словам корячек, изношенная мембрана бубна служила отличным материалом для шитья сумочек. Большие бубны ценились как раз потому, что из них получалось много кожи (информант Аткувыи Альбина Хотавынниновна, 1949 г. р., корячка)³¹.

Обечайку же утилизировать нельзя, поскольку она символизирует бубен в целом. Бубен живет ровно столько, сколько функционирует его основа, баран. Изорвавшуюся мембрану и рукоять можно заменить, потерянные привесы восполнить. Если же в негодность пришла обечайка, после «раздевания» бубна ее следует «отпустить в тундру». Эти сведения известны от информанта Хечая Сергея Эляковича (1950 г. р., коряк)³²; такие же данные сообщает Орлова: «Если бубен испортится, его увозят подальше от яййги (яранги – Л. Х.) в лес и вешают как

²⁶ ПМА 2011, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, с. Верхний Парень.

²⁷ Хаховская 2013.

²⁸ ПМА 2002, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, с. Гарманда.

²⁹ ГАРФ.Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 448. Л. 110.

³⁰ ПМА 2011, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, с. Верхний Парень.

³¹ Полевые материалы И.Е. Воробья 2014, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, пос. Эвенск.

³² Полевые материалы И.Е. Воробья 2014, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, пос. Эвенск.

можно выше на сучок березы. Ительмен Иван Петрович Данилов, житель селения Хайрюзово, рассказал мне, как он однажды при коряке хотел бросить отслуживший, треснувший, стертый «баран» в огонь. Коряк неистово закричал на него и велел немедленно повесить баран обратно на сучок. <...> На землю бросить треснувший бубен тоже нельзя – худо будет, и ниже на дерево вешать его тоже нельзя, чтобы другие, не зная этого, не наделали беды»³³.

Но все же «правила» обращения с бубнами и их сакральная ценность среди коряков, особенно береговых, уже в начале XX в. не были безусловными, именно поэтому собирателям удавалось приобрести их. В дневнике Бродской (запись от 5 ноября 1900 г.) содержатся сведения о том, как собирались бубны для коллекции: «Когда Ига (коряк селения Каменского – Л. Х.) <...> увидел браслет, он уже не захотел с ним расстаться, за браслет да за серьги он отдал старый отцовский бубен, который грех отдавать, как сказала его сестра Пакха; но браслет, а также то, что бубен будет там, где живет сам царь, взяли верх и Вл[адимир] Ил[ьич] получил бубен. Когда Аюнгаут это увидела, то за пуговицы отдала свой бубен»³⁴. Эти бубны и колотушки к ним сейчас хранятся в коллекции Американского музея естественной истории (АМЕИ) под инвентарными номерами 70/2880AB и 70/3184AB³⁵. Наши полевые данные также говорят об отступлении от предписанных норм: пришедшая в негодность (треснувшая) обечайка продолжает сохраняться (рис. 6).

Историографически игра в бубен связывается с шаманской практикой коряков, с ритуальными праздниками, а также с нерелигиозными событиями. Первые сведения о корякских шаманских камланиях с бубнами доставил В.В. Атласов (1697 г.): «На Пенжинской стороне живут коряки <...> имеют из своей братии шаманов, и что им надобно, о том и шаманят: бьют в бубны и кричат»³⁶. Прочная ассоциация шаманского действия и игры на бубне подтверждается многочисленными источниками – так шаманы лечили, гадали, предсказывали будущее.

Линденау сообщает о камланиях корякского шамана при похоронной кремации: «... шаман принимается скакать вокруг огня, ударяя в бубен»³⁷, – а также во время свадебного обряда и при рождении ребенка³⁸. Но подобные сведения в других источниках не обнаруживаются, поэтому приходится признать: либо эти случаи были единичными, либо традиция оказалась утраченной. Так, Иохельсон пишет, что оленные коряки били в бубен сразу после похоронной церемонии, а приморские спустя десять дней, но указаний на то, что это было шаманское действие, нет³⁹. Более того, участники Джезуповской экспедиции столкнулись с выраженным угасанием корякского шаманизма, в том числе практик камланий с бубном. Лишь несколько раз им удалось наблюдать камлания, да и те были специально организованы. Об этом пишет Бродская (запись от 23.12.1900 г., селение Каменское): «Вечером были в юрте Хагелена, где один олюторский коряк шаман шаманил для нас. Потушили огни, стало в юрте совсем темно. Только слабый свет луны пробивался через отверстие в потолке. Шаман долго колотил в бубен,

³³ ГАРФ.Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 448. Л. 111.

³⁴ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 129. Л. 3об.

³⁵ Фонд АМЕИ б/г.

³⁶ Сгибнев 2008, 11.

³⁷ Линденау 1983, 122.

³⁸ Линденау 1983, 120, 121; см. также Вдовин 1973, 206, 207.

³⁹ Jochelson 1905, 113.

подражал рычанию медведя...»⁴⁰. Позднее, весной 1901 г., в стойбище оленных коряков на р. Малая Чайбуха им довелось видеть камлание приехавшего туда чукотского шамана: «В воскресенье 22 апреля шаманил у нас шаман чукча (отец его был знаменитый шаман). Он кажется большим плутом. Сидел в углу палатки и колотил в бубен, издавая какое-то рычание»⁴¹.

Согласно ведением Иохельсона, бубен у коряков почитался как хозяин полога, где и размещался. Беретти также указывает, что кочевые и береговые коряки держали бубен в пологе: «Под потолком натянуты ремни, на которых висит одежда и бубен»⁴². Кроме того, бубен почитался как охранитель семейства, и в этой своей последней ипостаси бубен приравнивался к священной огнивной доске, которая имела также функцию хозяина оленьего стада⁴³. Столь тесная связь бубна, жилища и семьи затмевала его роль как шаманской принадлежности: «Не все шаманы имеют свои собственные бубны. Большей частью они пользуются бубнами семейств, в которых шаманят <...> Перед приходом приглашенного шамана домашние греют перед очагом семейный бубен, чтобы кожа его натянулась и звук стал звучнее. Когда во время сеанса кожа бубна ослабевает, шаман, не переставая петь, бросает его, домашние подхватывают и снова греют его перед очагом»⁴⁴. В некоторых случаях оленеводы могли разочароваться в огнивном приборе как охранителе стада и выдвигали на эту роль бубен, что зафиксировано у коряков-тайгоносцев⁴⁵.

В историографии устоялось мнение о первичности и гораздо большей распространенности внешешаманского бытования бубнов у коряков. Пользоваться бубном мог любой желающий; хотя в каждой семье имелись более искусные в игре люди, чаще всего женщины⁴⁶. Об этом свидетельствовал и практический опыт советских сотрудников, проводивших на Камчатке выборы в родовые советы (лагерные исполнительные комитеты) в середине 1920-х гг.: «В каждой юрте кочевника можно найти бубен или два как главную принадлежность культа, в который хозяин в свободное время бьёт»⁴⁷.

В число внешешаманских ритуалов, на которых применялся бубен, входили церемонии береговых и оленных коряков: праздник кита; закрытие/открытие летнего входа в ярангу; августовский забой тонкошерстных оленей, весенний праздник рогов килвей, хождение с бубном вокруг яранги в день зимнего солнцестояния, церемония после добычи волка⁴⁸. Эти данные хорошо известны, поэтому мы остановимся лишь на некоторых интересных источниках.

Приведем два описания праздника кита, сделанных практически в одной местности, с интервалом в 25 лет. Вот что записала в своем дневнике Бродская (запись от 2 октября 1900 г., корякское селение Куэль): «Завтра коряки отправляют белуху, т.е. деревянное подобие дельфина бросают в море. У хозяина, кото-

⁴⁰ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 129. Л. 25об.

⁴¹ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 129. Л. 85.

⁴² Беретти 1929, 14.

⁴³ Jochelson 1905, 36.

⁴⁴ АИВР. Ф. 631. Оп. 1. Д. 11 Лл. 2, 3.

⁴⁵ Jochelson 1905, 123.

⁴⁶ Jochelson 1905, 55.

⁴⁷ Флёров 1973, 195.

⁴⁸ Беретти 1929; Горбачева 2004; Jochelson 1905.

рый поймал белуху, сегодня бьют в бубен и мы пойдем посмотреть»⁴⁹. Далее она описывает действия, происходившие в этот день в жилище: «Юрту освещали два светильника: на большой круглой сковородке горело много жиру и моху; в другой чашке поменьше горело то же самое. Порой Вилох (хозяин яранги – Л. Х.) бил в бубен и что-то пел, но за оглушительным грохотом большого бубна нельзя было разобрать человеческого голоса. Порой то же проделали Невелхут с сестрой, причем били в два бубна, при этом они очень кричали, т[ак] [что] слышался какой-то гортанный шипящий крик, выделялось: «ала-ла-хой», то же самое, что они пели, когда встречали белуху на берегу. Они приседали, кричали до хрипоты и колотили в бубны...»⁵⁰

Беретти по своим наблюдениям (в середине 1920-х гг. был председателем Гижигинского уездного ревкома) описал китовый праздник береговых коряков: «Удачная охота на кита празднуется несколько дней. Берут оболочки почки, печенки, легких кита, из них делают 12 бубен, раздают их ближайшим родственникам. Начинается праздник, в течение десятка дней бьют в бубны, пугая этим грохотом убитого кита и тем предохраняя себя от мести»⁵¹. Сведения Беретти важны тем, что показывают такой повод к изготовлению серии новых бубнов, как торжества по случаю добычи кита. Среди нерелигиозных торжеств отмечены личные праздники с гонками и пиршеством: «После окончания гонки начинается празднество, бьют в бубен, едят суп из брюшины и другие лакомства, все разговоры сосредоточены исключительно на прошедшей гонке...»⁵²

В настоящее время среди западной группы коряков наблюдается общий латентный характер бытования бубнов – их в основном хранят, иногда на них «играют». Из-за такого нейтрального отношения к бывшим святыням исследователям и любителям достаточно часто удается приобретать их для музейных или личных коллекций. Полный отказ от использования бубнов происходит только под влиянием приобщения к протестантизму и связан с запретами, которые налагает на коряков эта религиозная догматика⁵³.

Заключение. Историографические сведения по корякским бубнам из-за ограниченности использованного круга артефактов оказались не вполне релевантными как обобщающие показатели. Наши данные подтверждают их заключение о типичности конструкции по таким позициям, как высота обечайки (узкая), крепление мембраны (приклеивание), наличие скоб и подвесок на них. Вместе с тем рассмотренные нами материалы показывают гораздо большую, чем отмечено в историографии, вариативность по таким параметрам, как размер бубна, материал и конструкция рукояти, скоб, привесов. Обусловлено это тем, что «жизнь» бубна в корякской культуре была сложной, связанной с возрастными и гендерными аспектами, локальной и хозяйственной спецификой. Показан циклический характер функционирования бубнов – существовали достаточно строгие правила их «ухода», которые, тем не менее, при известных условиях могли быть и нарушены.

⁴⁹ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 128. Л. 58.

⁵⁰ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 128. Лл. 59, 59об.

⁵¹ Беретти 1929, 41.

⁵² Беретти 1929, 30.

⁵³ Хаховская 2007, 102.

Впервые зафиксировано наличие антропоморфных подвесок на корякских бубнах, связанное, как мы полагаем, с местом ребенка в сакральном мире коряков.

ЛИТЕРАТУРА

- Аятгинина, Т.Н., Куребито, М. 2006: *Коряки-кочевники: их обычаи, обряды и сказки*. Хоккайдо.
- Батъянова, Е.П., Тураев, В.А. (ред.) 2010: *Народы Северо-Востока Сибири*. М.
- Беретти, Н.Н. 1929: *На Крайнем Северо-Востоке. Записки Владивостокского отдела Государственного Русского географического общества*. Владивосток.
- Вдовин, И.С. 1973: *Очерки этнической истории коряков*. Л.
- Горбачева, В.В. 2004: *Обряды и праздники коряков*. СПб.
- Гурвич, И.С. 1980: Коряки Северо-Эвенского района Магаданской области. *Полевые исследования Института Этнографии*, 111–119.
- Иванов, С.В. 1976: Некоторые аспекты изучения сибирских бубнов. В сб.: Л.И. Боженко, В.И. Дудукалов, Л.И. Дремова (ред.), *Из истории Сибири. Западносибирский сборник* 19, 241–233.
- Левин, М.Г., Потапов, Л.П. (ред.) 1961: *Историко-этнографический атлас Сибири*. М.-Л.
- Линденау, Я.И. 1983: *Описание народов Сибири (первая половина XVIII века)*. Магадан.
- Уркачан, А. 2010: Корякский язык и культура. *Культуры и ландшафты Северо-Востока Азии*. Nordenstedt, 147–149.
- Сгибнев, А.С. 2008: Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 год. *Вопросы истории Камчатки*, 5–102.
- Флёров, В.С. (ред.) 1973: Ревкомы Северо-Востока СССР (1922–1928 гг.). *Сборник документов и материалов*. Магадан.
- Хаховская, Л.Н. 2007: Современное социально-экономическое положение аборигенов Северо-Эвенского района Магаданской области. *Вестник СВНЦ ДВО РАН* 4. 98–104.
- Хаховская, Л.Н. 2013: Загадочный сюжет из этнографии коряков (история одного микроисследования). *Этнографическое обозрение* 6, 130–139.
- Шейкин, Ю.И. 2002: *История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование*. М.
- Jochelson, W. 1905: *The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition*. Leiden–New York.

REFERENCES

- Ajatginina, T.N., Kurebito, M. 2006: *Korjaki-kochevnik: ih obychai, obrjady i skazki*. Hokkajdo.
- Bat'janova, E.P., Turaev, V.A. (red.) 2010: *Narody Severo-Vostoka Sibiri*. Moscow.
- Beretti, N.N. 1929: *Na Krajnem Severo-Vostoke. Zapiski Vladivostokskogo otdela Gosudarstvennogo Russkogo geograficheskogo obshhestva*. Vladivostok.
- Fljorov, V.S. (red.) 1973: Revkomy Severo-Vostoka SSSR (1922–1928 gg.). *Sbornik dokumentov i materialov*. Magadan.
- Gorbacheva, V.V. 2004: *Obrjady i prazdniki korjakov*. Saint-Petersburg.
- Gurvich, I.S. 1980: Korjaki Severo-Jevenskogo rajona Magadanskoj oblasti. *Polevyje issledovanija Instituta Jetnografii*, 111–119.
- Hahovskaja, L.N. 2007: Sovremennoe social'no-jekonomicheskoe polozhenie aborigenov Severo-Jevenskogo rajona Magadanskoj oblasti. *Vestnik SVNC DVO RAN* 4. 98–104.
- Hahovskaja, L.N. 2013: Zagadochnyj sjuzhet iz jetnografii korjakov (istorija odnogo mikroissledovanija). *Jetnograficheskoe obozrenie* 6, 130–139.

- Ivanov, S.V. 1976: Nekotorye aspekty izucheniya sibirskih bubnov. V sb.: L.I. Bozhenko, V.I. Dudukalov, L.I. Dremova (red.), *Iz istorii Sibiri. Zapadnosibirskij sbornik* 19, 241–233.
- Jochelson, W. 1905: *The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition*. Leiden–New York.
- Levin, M.G., Potapov, L.P. (red.) 1961: *Istoriko-jetnograficheskij atlas Sibiri*. Moscow-Leningrad.
- Lindenau, Ja.I. 1983: *Opisanie narodov Sibiri (pervaja polovina XVIII veka)*. Magadan.
- Sgibnev, A.S. 2008: Istoricheskij ocherk glavnejshih sobytij v Kamchatke s 1650 po 1856 god. *Voprosy istorii Kamchatki*, 5–102.
- Shejkin, Ju.I. 2002: *Istorija muzykal'noj kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie*. M.
- Urkachan, A. 2010: *Korjaksij jazyk i kul'tura. Kul'tury i landshafty Severo-Vostoka Azii*. Nordenstedt, 147–149.
- Vdovin, I.S. 1973: *Ocherki jetnicheskoj istorii korjakov*. Leningrad.

KORYAK DRUMS: EXISTENCE IN ETHNOLOCAL CULTURE

Lyudmila N. Khakhovskaya

*North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N.A. Shilo, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia,
hahovskaya@mail.ru*

Abstract. The article draws attention to the material component of the Koryak spiritual practices and to the objective world. Author uses the method of formal description of material objects, as well as an anthropological method that relates eventful history with cultural traditions of ethnolocal community. Author analyzes in detail the construction of 18 drums, which existed in the Koryak reindeer herders of Magadan Region. These artifacts show a significant variability on grounds such as the size and shape of the shell, the form and amount of staples, location and composition of the handle, a set of pendants. This variability reflects certain autonomy of the childhood world in the sacred representations of the Koryak, gender and social gradation of ethnolocal community. The first time in the historiography author discover anthropomorphic pendants on the drums, connects them with the rituals related to children. Cultural traditions Koryak prescribed cyclical nature of the functioning of drums, set the order of their production, existence and obliteration. “Rules” dealing with drums and its sacred value among the Koryak in the twentieth century have undergone strong transformation, which is why researchers and enthusiasts can purchase drums. Expressed fading Koryak shamanism, including practices rites with a drum is noted.

Key words: drums, Koryak, ethnolocal community, Magadan Region, construction, variability, anthropomorphic pendants, shamanism, rituals

---

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 328–342
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 328–342
©Автор(ы) 2016

ПЕРСОНОСФЕРА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО АНЕКДОТА XVIII ВЕКА

Е.Е. Приказчикова

Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург,
miegata-logos@yandex.ru

Всматриваясь в особенности его былой жизни,
полной блеска, веселости, скептической иронии, ума и остроты,
испытываешь невольную потребность
реабилитировать этот литературный вид

Л.П. Гроссман

Аннотация. В статье рассматривается персоносфера русского литературного анекдота XVIII века, жанр которого выступал в качестве альтернативного по отношению к господствующим жанрам классицизма. Часто функционируя в составе мемуарного текста, анекдот отражал своеобразие личностного начала «частной честной» жизни при изображении таких знаковых для XVIII века фигур, как фигура императора (императрицы), придворного шута, поэта, вельможи. Автор отвечает на вопрос, какие личные и социально детерминированные качества каждой из данных персон позволили ей стать героем анекдотов и как отразилось в анекдоте своеобразие национальной субкультурной психологии российского дворянства.

Приказчикова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры классической литературы и фольклора «Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии. E-mail: miegata-logos@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные центры РФ (лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор №14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Ключевые слова: русский литературный анекдот, XVIII век, персонификация, субкультурная психология российского дворянства

Литературный анекдот имеет долгую историю жанра. В переводе с греческого термин «*ἀνέκδοτα*» обозначает «неизданный, неопубликованный». Среди 14 основных риторических форм античности хрия – анекдот занимал третье место после басни и апофея, включая в себя рассказ об остроумном ответе, об удивительном и необычном поступке или же одновременно и об остроумном ответе, и о поступке. Особенно часто героями подобных анекдотов становились знаменитые философы, чье эксцентричное поведение и парадоксальные речи оказывались в центре всеобщего внимания. Достаточно вспомнить образ философа Диогена, чья жизнь в «бочке»-пифосе, поиск с фонарем настоящего человека и смелый ответ Александру Македонскому: «Отойди и не загораживай мне солнце», – сделали его символом кинической философии как таковой¹. В эпоху средних веков анекдот сближается по своему содержанию с такими родственными ему по духу европейскими жанровыми формами, как фавля и фавция, а впоследствии через посредничество французской словесности – с максимами, афоризмами и мемуарной литературой. В результате в XVIII и первой половине XIX вв. литературный анекдот переживает свой золотой век не только в Европе, но и в России, переместившись с периферии литературного процесса в его центр. И это происходит в условиях, когда прозаические жанры, особенно в эпоху классицизма, зачастую трактовались как жанры маргинальные (достаточно вспомнить знаменитый «запрет на роман» во Франции 1730-х гг.) по сравнению с доминирующими поэтическими жанрами. При этом если в России Петровской эпохи традиция литературного анекдота являла собой главным образом через жанр апофея, то уже к середине столетия литературный анекдот почти исключительно функционирует в составе так называемой автодокументальной литературы, придавая данному «альтернативному» (Г. Гачев) виду словесности необходимую литературную составляющую. Нельзя отказать в справедливости точке зрения Е. Курганова, автора одной из первых монографий, посвященной литературному анекдоту, что анекдот хотя и не может существовать, «не присасываясь к другому организму, как правило, большому и крупному», но он «не столько питается за счет других жанров, сколько питает сам, освежая, обогащая, привнося разнообразие и глубину»².

В отечественной исследовательской литературе наибольшее внимание всегда привлекал литературный анекдот первой трети XIX в., анекдот пушкинской эпохи. Так, Н.А. Белова выделяла анекдот «в ряду микрожанров, определяющих направление переориентации жанровой системы с поэзии на прозу, происходящую в русской литературе 1800–1830-гг.»³. На наш взгляд, в XIX в. уже происходит подведение итогов почти столетнего развития жанра литературного анекдота на русской почве, оформляются целые циклы анекдотов вроде «потемкинского фоль-

¹ Анекдот с необходимостью входил в состав античных жизнеописаний-биографий, порой включающих в себя целый ряд подобных анекдотов. Самый яркий пример этого дают «Сравнительные жизнеописания знаменитых греков и римлян» Плутарха, где характер того же Александра Македонского последовательно раскрывается через цепь анекдотов, начиная с истории его коня Буцефала и кончая прощанием умирающего царя со своими солдатами, проходящими мимо его ложа.

² Курганов 1997, 7.

³ Белова 2008, 4.

клора», проникнутого «поэзией безграничного», по словам Ю.М. Лотмана⁴. В то время как основные процессы, связанные в том числе с персонификацией русской литературного анекдота, происходили еще в XVIII в., что подтверждается активным функционированием анекдота в составе мемуарно-автобиографических произведений. Илон Фраймон даже советовал видеть в анекдотах циклы «нарративных» мемуаров, повествующих об экстраординарных событиях, для которых была свойственна краткость и пуантировка⁵. Точнее будет сказать, что речь чаще всего идет об экстраординарных личностях, к каким в XVIII в. относились правители (император или императрица), придворные шуты, писатели и поэты, а также ближайший круг вельмож. Подобный отбор персонажей хорошо вписывается в контекст государственной мифологии XVIII столетия, когда, по словам философа Г.П. Федотова, «в пышных дворцах Екатерины, в Царском Селе поэты встречаются с орлами-завоевателями; две линии наследников Петровых еще не разошлись. Лавр венчает меч, Державин поет Потемкина, и все на коленях перед Фелицей... Гармония между властью и культурой, как во дни Августа и Короля-Солнца, ничем не нарушается»⁶. Другое дело, что в литературном анекдоте акценты расставляются не всегда так, как это делается в старших жанрах русского классицизма, — той же торжественной оде, где торжество государственного мифа предстает перед читателем во всем его пиндарическом блеске. Если обратиться к литературным анекдотам о правящих монархах XVIII в.⁷, то легко заметить, что далеко не все из них удостоились чести стать героями анекдотов. Больше всего исторических анекдотов посвящены Петру I и Екатерине II, что в общем совпадает с ролью этих монархов в истории русского XVIII столетия. На третьем месте находится император Павел I, в то время как императрицы Анна Иоановна и Елизавета Петровна оказываются героинями буквально нескольких литературных анекдотов, что совершенно не соответствует той огромной роли, которую именно эти императрицы играют в становлении гинеκραтического извода русского государственного мифа, где они предстают в роли Минервы и Астреи. При этом обращает на себя внимание тот факт, что эти немногочисленные анекдоты полностью лишены какой-либо комической составляющей. Немногие сохранившиеся анекдоты нелицеприятно изображают ее советников и вельмож, вроде генерал-полицмейстера А. Татищева, который предлагает тем осужденным, которым по ошибке на лбу поставили клеймо «вор», добавлять в качестве реабилитации на лбу еще две буквы — «не» вор: «Тогда новые штемпели были разосланы по Империи...»⁸. Единственный анекдот, касающийся фигуры самой императрицы и повторяющийся в нескольких источниках, — анекдот о том, как императрица, встретив стадо быков, которых гнали на бойню, расчувствовалась и приказала гнать их пастись на свои Царицынские луга, заплатив хозяину стада их полную стоимость.

В случае с Анной Иоановной самым известным анекдотом является анекдот о двойнике императрицы, появившемся в тронном зале накануне смерти госуда-

⁴ Лотман 1994.

⁵ Фраймон.

⁶ Федотов 1927, 163.

⁷ Большая часть анекдотов взята из книги Е. Курганова «Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века».

⁸ Бантыш-Каменский 1847, 398.

рыни и занявшем ее престол⁹. Этот анекдот приводит к примечаниям к своим запискам «Взгляд на мою жизнь» поэт И.И. Дмитриев. Кульминация анекдота в передаче Дмитриева выглядит следующим образом: «Кто ты?» – спрашивает она (Анна Иоанновна – *Е. П.*) призрак. Тот молча идет и садится на трон. Императрица спрашивает и другой, и третий раз: нет ответа. Она, возвыся голос, приказывает стрелять. И вмиг призрак исчез. Прибавляют еще, будто государыня затрепетав, сказала Бирону: “Это вестник моей смерти, и что на другой же день слегла в постелью и вскоре потом скончалась”¹⁰. Правда, сам Дмитриев как государственный человек выражает сомнение относительно достоверности данной истории: «Эта сказка, вероятно, выдумана была около двора и разглашена недовольными правлением императрицы»¹¹. Очевидно, что данный анекдот испытал большое влияние фольклорной поэтики. Так, в нем появляется кумулятивная цепочка видевших призрак свидетелей: кавалергарды – капитан – Бирон. При этом никто из них не пытается вступить в контакт с призраком до прихода императрицы. Императрица трижды окликает призрак перед тем, как дать гренадерам команду стрелять, и т. д.

Малое количество анекдотов о правителях, почти тридцать лет управлявших Россией, можно объяснить отсутствием в 1730–1750-х гг. самого представления о «частной честной» (Г. Гачев) жизни монархов. Именно оно могло бы стимулировать творческую активность авторов анекдотов, изображающих своих героев в ситуациях, принципиально отличающихся от тех, в которых предпочитал видеть своих героев стиль «грандиозари» (Ю. Тынянов). Данный стиль, господствующий в русской литературе на протяжении всей эпохи классицизма, не способствовал развитию того личностного начала, которое является важнейшим структурообразующим элементом литературы нон-фикшн.

Ситуация кардинально изменяется во второй половине XVIII в., когда поэтика «частной честной» жизни при создании образа монарха начинает определять своеобразие его изображения в литературном анекдоте. В связи с этим анекдоты об императоре Павле I отличаются известной амбивалентностью. С одной стороны, достаточно много анекдотов, изображающих Павла I самодуром и тираном, отправляющим целые воинские соединения с парада в Сибирь. Чего стоит герценовский анекдот о гвардейском полковнике, попавшем в больницу и которого по ошибке представили Павлу как умершего. Император исключил его как умершего из списков полка, отвечая впоследствии на все просьбы несчастного: «Так как об г. офицере состоялся высочайший приказ, то в просьбе ему отказать»¹². Очевидно, что это анекдот мог подтолкнуть Ю. Тынянова на написание знаменитой повести «Подпоручик Киж». Особенно много исторических анекдотов о самодурстве и жестокости Павла в иностранных мемуарах, где он чаще всего выступает в роли новейшего Нерона. С другой стороны, во многих анекдотах Павел предстает достаточно умным и деятельным правителем, искренне стремящимся улучшить жизнь своих подданных и борющимся со злоупотреблениями, умеющим быть

⁹ При этом не учитываются анекдоты об императрице Анне, присутствующие в иностранных мемуарных источниках, например, в «Письмах леди Рондо», где подчеркивается избыточная мужественность нравов аннинского двора, требующего от светских женщин-придворных хорошего владения искусством стрельбы из ружья.

¹⁰ Дмитриев 1893, 369.

¹¹ Дмитриев 1893, 369.

¹² Герцен 1956, 267.

снисходительным и великодушным. Так, в «Старой записной книжке» П. Вяземского есть анекдот о «двух анператорах», когда лекарь Вилье, состоящий при великом князе Александре Павловиче, был по ошибке завезен ямщиком на ночлег в избу, где уже находился император Павел, так как он назвал себя «оператором» (хирургом). «Врешь, дурак, – смеясь сказал ему Павел Петрович, – император я, а он оператор». – «Извините, батюшка, – сказал ямщик, кланяясь царю в ноги, – я не знал, что вас двое»¹³. Одним из самых известных анекдотов подобного плана, передаваемым еще Д. Давыдовым, а впоследствии напечатанным в журнале «Русская старина» за 1874 г., был анекдот о Павле и майоре Сумского гусарского полка Якове Петровиче Кульневе, впоследствии герое 1812 года, который по причине своей бедности не мог позволить себе три кушанья, полагающиеся по указу императора майору, то есть чину VIII класса. Тем самым Павел хотел приучить своих подданных к умеренности и изгнать излишнюю роскошь. На вопрос императора, какие три кушанья подают за обедом у господина майора, он слышит ответ: «Курица плашмя, курица ребром и курица боком, – отвечал Кульнев. Император расхохотался»¹⁴. В данном случае находчивость подданного поддерживается снисходительностью императора, оценившего остроумный ответ. Кстати, именно эта черта императора отдаленно роднила его с его знаменитым предком императором Петром I, анекдот о встрече с духом которого представляет собой один из самых мистических анекдотов Павловского царствования. Этот анекдот сохранился в записках баронессы Оберкирх, вспоминающей как в Брюсселе 10 июня 1782 г., когда Павел и его супруга Мария Федоровна путешествовали за границей под именем графа и графини Северной, наследник престола рассказал за ужином историю своей встречи с призраком Петра на Сенатской площади. Петр является перед своим потомком в образе высокого незнакомца с орлиным взором, смуглым лбом и строгой улыбкой, завернутым в испанский плащ и с надвинутой на лицо шляпою, который обращается к нему со словами: «Павел! Бедный Павел! Бедный князь!», – предсказывает ему скорую смерть и завещает: «Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Бойся укора совести; для благородной души нет более чувствительного наказания»¹⁵. Призрак предсказывает Павлу скорую новую встречу с ним на этом же месте, что исполняется, когда на площади возводится знаменитый памятник Петру работы Э. Фальконе – Медный всадник.

Этот анекдот, рассказанный самим Павлом, очень примечателен. С одной стороны, в нем проявляется та естественная тяга ко всему таинственному, неизвестному, что составляло характерную особенность характера великого князя, начиная с детских лет. Однако для государственного культурного мифа принципиальным является тот момент, что Павел в этом рассказе намеренно подчеркивает свою непосредственную духовную (мистическую) связь со своим прадедом Петром I, на которую, конечно, не может претендовать его мать Екатерина II, в жилах которой не течет ни одной капли русской крови.

Петр I и Екатерина II являются любимыми героями литературных анекдотов. При этом большинство анекдотов прославляет работоспособность и демократизм Петра (будущий культурный миф о вечном работнике на троне) и снисходитель-

¹³ Вяземский 1883, 73–74.

¹⁴ Русская старина 1874, 170.

¹⁵ Оберкирх 1869, 522.

ность Екатерины II к слабостям своих подданных (поэтическая мифология Фелицы). Большинство анекдотов о Петре I создавалось и записывалось во второй половине XVIII в., когда сама эпоха Петра стала восприниматься как эпоха мифологическая, аналог эпохи «золотого века», на возвращение которого надеется не только Стародум у Д. Фонвизина, но и большинство просвещенных дворян екатерининской эпохи. Творцами первых и наиболее репрезентативных анекдотов о Петре стали младшие современники петровской эпохи, имевшие счастье общаться с ним в свои юные годы. Так, И.И. Неплюев, гардемарин петровской эпохи, будущий губернатор Оренбургской области, в своих записках приводит несколько характерных анекдотов о Петре, в каждом из которых сам мемуарист является деятельным участником происходящих событий. Так, в одном анекдоте Неплюева рассказывается об экзамене вернувшихся из Испании гардемарин в коллегии в присутствии государя, когда Петр показывает мемуаристу свои руки и говорит: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли; а все от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству»¹⁶. В другом анекдоте прославляется терпимость императора по отношению к людям, хотя и совершившим проступок, но нашедшим в себе смелость честно в нем признаться. Опоздавший на работу на верви Неплюев, пришедший туда позже императора, вначале хочет сказать больным, но затем честно признается в истинной причине опоздания: «Вчера был в гостях и долго засиделся и оттого опоздал», – за что заслуживает похвалу Петра: «Спасибо, малый, что говоришь правду. Бог простит. Кто бабе не внук!»¹⁷ Наконец, один из характерных анекдотов петровской эпохи, отражающий специфику национального менталитета россиян, дошел в изложении Д.Н. Бантыш-Каменского. В нем речь идет о заседании Сената, когда Петр, слушая бесконечные донесения о «различных воровствах» своих подданных, приказывает генерал-прокурору Павлу Ягужинскому подготовить от его имени указ: «Что если кто и на столько украдет, что можно купить веревку, тот, без дальнейшего следствия, повешен будет». Ягужинский отказывается писать такой указ, сказав с улыбкой монарху: «Всемилоостивейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». Государь, погруженный в свои мысли, услышав такой забавный ответ, рассмеялся и замолчал»¹⁸.

В случае с императрицей Екатериной II русские авторы неизменно обращали внимание на умение императрицы ладить с людьми, сглаживать острые углы общения при дворе, ее неизменную снисходительность к людским слабостям. Сразу вспоминается шуточное предсказание императрицы о самой себе: «Я умру от услужливости». Примеры подобной снисходительности Екатерины II по отношению к людям, во множестве встречающиеся в мемуарных произведениях, часто в самом тексте принимая жанровую форму анекдота. Так, фрейлина императрицы графиня В. Головина в своих воспоминаниях приводит целый ряд таких анекдотов, относящихся к путешествию императрицы в Крым в 1787 г., во время которого императрица демонстрирует истинно императорское великодушие к

¹⁶ Неплюев 1871, 640.

¹⁷ Неплюев 1871, 642.

¹⁸ Бантыш-Каменский 1847, 568.

рассеянности своих спутников. Головина пишет: «У государыни была прекрасная бархатная шуба; австрийский посол восторгался ею. “Моим гардеробом заведует один из моих лакеев, – сказала ему государыня. – Он слишком глуп для другого занятия”. Граф Сегюр по своей рассеянности услышал только похвалу шубе и поспешил сказать: “Каков господин, таков и слуга”. Это вызвало общий смех. В тот же день за обедом государыня заметила, шутя, находившемуся постоянно при ней графу Кобенцелю, что ему, должно быть, утомительно ее всегдашнее общество. “Соседей не выбирают,” – отвечал тот. Эта новая рассеянность была принята с такою же веселостью, как и первая»¹⁹. Разумеется, эта снисходительности императрицы касается не только ее высокопоставленных иностранных гостей. Такие же черты своего характера и императорской стратегии поведения Екатерина II демонстрирует и по отношению к собственным сановникам и многочисленной прислуге, не забывающей пользоваться своим положением при дворе. В случае с сановниками один из самых ярких анекдотов – анекдот об адмирале В.Я. Чичагове, одержавшем в 1789–1790-х гг. блистательные победы над шведским флотом, за что он был осыпан милостями императрицы, пожелавшей услышать рассказ о сражении из его собственных уст. Адмирал, вначале смущавшийся, рассказывая все подробности решительной битвы, забыл, перед кем он находится, разгорячился и стал употреблять «такие слова, которые можно слышать только в толпе черного народа. “Я их... я их...” – кричал адмирал. Вдруг старик опомнился, в ужасе вскочил с кресел, повалился перед императрицей... «Виноват, матушка, Ваше императорское Величество...». «Ничего, – кротко сказала императрица, не дав заметить, что поняла непристойные выражения, – ничего, Василий Яковлевич, продолжайте; я ваших морских терминов не разумею»²⁰. По сути дела в данном случае Екатерина демонстрирует классическое правило хорошего тона: не только самому не делать неловкостей, но и не замечать, когда подобную неловкость делает другой. По отношению к низшим сословиям лояльность императрицы проявляется прежде всего в том, что она намеренно не замечает их воровства, так же как и Петр I, понимая, что искоренить его полностью в России невозможно и снисходя к человеческим слабостям. Так, в анекдоте из сборника 1879 г. «Черты из жизни Екатерины» императрица, увидев придворного истопника, который увязывает в большой узел гостинцы из дворца для своей семьи и падает перед ней на колени, признавая свою вину, выводит его из дворца по тайной лестнице, чтобы не встретиться невзначай с обер-гофмаршалом, так как в противном случае «боюсь, что детям твоим ничего не достанется...»²¹. В другой раз, гуляя по саду, «императрица заметила, что лакеи несут из дворца на фарфоровых блюдах персики, ананасы и виноград. Чтобы не встретиться с ними, Екатерина повернула в сторону, сказав окружающим: “Хоть бы блюда мне оставили”»²². Эти анекдоты о Екатерине известны куда меньше, чем знаменитый анекдот о «звезде графа Суворова», впервые приведенный в «Загробных записках князя Н.С. Голицына»²³. С другой стороны, анекдоты не скрывают более чем равнодушного отношения

¹⁹ Головина 2006, 15.

²⁰ Русская старина 1874/X, 775.

²¹ Черты из жизни Екатерины 1879, 69.

²² Вейдемейер 1842, 157.

²³ Загробные записки князя Н.С. Голицына 1905.

императрицы, особенно во второй период своего царствования, к «малозначительным» событиям, даже если они касаются страданий конкретных маленьких людей, что не раз возмущало Г.Р. Державина в его бытность статс-секретарем императрицы. Характерен в этом отношении анекдот о полицмейстере Рылееве, которому императрица приказывает, уезжая в Царское Село, в случае какого-нибудь беспокойства в столице сразу явиться к ней в Царское Село с докладом. Ночью Рылеев прискакал в Царское Село, попросил разбудить императрицу по делу государственной важности и доложил ей, что в одной из отдаленных улиц Петербурга случился сильный пожар, в результате чего сгорели 3 мещанских дома в 1000, в 500 и в 200 рублей. «Екатерина усмехнулась и сказала: “Как вы глупы, идите и не мешайте мне спать”»²⁴.

Анекдоты о шутах в большей степени сохранили свою связь со средневековыми фацециями, где победа неизменно оказывается за человеком, владеющим острым словом, независимо от того, на кого направлено это слово, будь это сам монарх. Среди героев анекдотов о шутах первое место по праву занимает шут Петра – Иван Балакирев, который смело обличает перед императором его собственные промахи и неправое, чаще всего корыстолюбивое поведение его любимцев, того же князя А. Меншикова. Например, в анекдоте о ссущей в лужу лошади, которой дерзкий Балакирев уподобляет самого Петра, заставляя императора вспыхнуть от гнева: «“Мало ли в этой луже дряни; а она все еще подбавляет ее; мало ли у Данилыча всякого богатства, а ты все еще пичкаешь”, – сказал Балакирев»²⁵. При этом Балакирев, хоть порой и становится жертвой нетерпеливых кулаков и трости Петра, например, за дерзкий ответ Петру, что народ думает о Петербурге – «Народ говорит: с одной стороны море, с другой – горе, с третьей – мох, с четвертой – ох!»,²⁶ – неизменно одерживает нравственную победу над своими оппонентами.²⁷ Героями анекдотов не раз становились и другие известные шуты Петровской и Аннинских эпох: Ян д’Акоста – образованный португалец, говорящий на шести иностранных языках; Антонио Педрилло – итальянец, приехавший в Россию как музыкант, но сделавший блестящую карьеру придворного шута, любимца императрицы Анна Иоанновны; князь М.А. Голицын (Квасник, Кульковский) – «герой» знаменитой Ледяной свадьбы, разжалованный в шуты за женитьбу на католичке и изменение веры. В отличие от анекдотов Балакирева, анекдоты д’Акосты и Педрилло лишены социально обличительного пафоса, часто приобретая характер языковой игры или откровенной буффонады. Так, Педрилло в ответ на вопрос доктора, лечащего его жену, ела ли она сегодня говядину с аппетитом, простодушно отвечает: «Нет, с хреном»²⁸. А на просьбу своего шурина встретить «не сухо» нового мужа своей дочери окатывает его с ног до головы из двух пожарных труб Измайловского полка. В анекдотах, где действует Ян д’Акоста, очень силен гендерный аспект, что тоже характерно для фацеций. Причем в образе «злой жены» неизменно выступает супруга шута. В результате, когда шута спрашивают,

²⁴ Из старой Сойминовской... книжки 1904, 538.

²⁵ Полные анекдоты о Балакиреве 1837, 20.

²⁶ Русская старина 1871, 686.

²⁷ И это при том, что судьбу Балакирева трудно назвать счастливой. Замешенный в деле Виллама Монса, Балакирев был пытан по приказу Петра и, как сообщник, приговорён к 60 ударам батогами и ссылке в Рогервик на три года.

²⁸ Полное и обстоятельное собрание 1869, 140.

почему он женился на женщине столь малого роста, он отвечает: «Признав нужным жениться, я заблагорассудил выбрать из зол, по крайней мере, меньшее»²⁹, – а когда приходит пора им праздновать серебряную свадьбу, то д'Акоста просит подождать еще пять лет, чтобы можно было «праздновать тридцатилетнюю войну»³⁰. Разнообразны по характеру анекдоты Квасника-Кульковского, который в позднем историко-литературном сознании воспринимался прежде всего как безвинная жертва жестокой шутки императрицы с Ледяной свадьбой (роман И. Лажечникова «Ледяной дом»). Напротив, в анекдотах он предстает как вполне уверенный и довольный своей участью человек, никогда не теряющий присутствия духа. Чего стоит анекдот о Кульковском и Бироне: «Герцог Бирон послал однажды Кульковского быть вместо себя восприемником от купели сына одного камер-лакея. Кульковский исполнил это в точности, но когда докладывал о том Бирону, то сей, будучи чем-то недоволен, назвал его ослом. “Не знаю, похож ли я на осла, – сказал Кульковский, – но знаю, что в этом случае я совершенно представлял вашу особу”»³¹.

Важное место в персонифицированной русско-литературной анекдотической традиции занимали образы поэтов и писателей, выступающих в анекдотах в различных функциях. Прежде всего в анекдотах о писателях неизменно ценится их остроумие и умение постоять за себя, используя острое слово. Это сближает анекдоты о писателях с анекдотами о шутах. Например, Ермил Костров, известный переводчик Гомера в XVIII в., любивший выпить, однажды после веселого обеда сел на диван, опрокинув голову на спинку. «Один из присутствующих, молодой человек, желая подшутить над ним, спросил: “Что, Ермил Иванович, у вас, кажется, мальчики в глазах?”. “И самые глупые,” – отвечал Костров»³². Очень остроумным человеком, который не лезет за словом в карман, выступает в анекдотах баснописец, а в XVIII в. писатель-сатирик Иван Крылов. В одном из них Крылов, страдающий от рожи на ноге, с трудом выходит на Невский, где встречается едущего мимо приятеля, который «не останавливаясь, кричит ему: “А что рожа, прошла?” Крылов же вслед ему: “Проехала!”»³³. В другом случае один из трех студентов, встретивших тучного Крылова на набережной Фонтанки, решает поупражняться в остроумии: “Смотри, туча идет”. “И лягушки заквакали”, – спокойно отвечал баснописец в тот же тон студенту»³⁴. В то же время излишнее тщеславие писателя, желание быть первым стихотворцем неизменно вызывает насмешки. В этом отношении наиболее часто высмеиваемым поэтом в анекдотах является А. Сумароков. У А. Пушкина в «Table talk» сохранился характерный анекдот с участием А. Сумарокова и И. Баркова: «Сумароков очень уважал Баркова как ученого и острого критика и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков пришел однажды к Сумарокову. “Сумароков великий человек! Сумароков первый русский стихотворец!” – сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему:

²⁹ Полное и обстоятельное собрание 1869, 121.

³⁰ Полное и обстоятельное собрание 1869, 121.

³¹ Полное и обстоятельное собрание 1869, 191.

³² Маяк 1840, 138.

³³ Гордин 1982, 269.

³⁴ Гордин 1982, 300.

“Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец – я, второй Ломоносов, а ты только что третий”. Сумароков чуть его не зарезал»³⁵. Совершенно иную функцию выполняют анекдоты писателей о самих себе в составе собственных мемуарно-автобиографических текстов, где они чаще всего способствуют созданию ореола скрытой комплиментарности вокруг писателя, тем более что они сами зачастую принижают в анекдотах свой собственный образ. Так, Д. Фонвизин в «Чистосердечном признании о делах моих и помышлениях» с неподдельным комизмом и иронией описывает выпускные экзамены в гимназии при Московском университете, сдавая которые мемуарист, кстати, удостоился золотой медали. Анекдот об экзамене по географии звучит следующим образом: «Товарищ мой спрошен был: куда течет Волга? “В Черное море”, – ответил тот; спросили о том же другого моего товарища – “В Белое”, – ответил он; сей же самый вопрос был сделан мне – “Не знаю” – сказал я с таким видом простодушия, за что экзаменаторы единогласно мне медаль присудили»³⁶. Разумеется, обучение в гимназии было совсем не так плохо, как это представляет Фонвизин, выдавая себя за новоявленного Митрофанушку, живущего по принципу «а извозчики-то на что». В записках Г. Державина есть забавный случай, сами автором названный анекдотом, касающийся службы будущего поэта рядовым в Преображенском гвардейском полку в 1762 г. Однажды, отправленный в качестве вестового к князю Ф. Козловскому, достаточно известному поэту и переводчику, служащему прапорщиком 3 роты Преображенского полка, он застал у него поэта Василия Майкова, читающего свою новую трагедию. Отдав пакет, юный Державин замешкался у двери, чтобы послушать чтение. Однако Козловский, «приметя, что он не идет вон, сказал ему: “Поди, братец служивый, с Богом, что тебе попусту зевать? Ведь ты ничего не смыслишь” – и он принужден был выйти»³⁷. Можно только предположить, с каким удовольствием Державин, став великим русским поэтом, рассказывал этот анекдот друзьям и приятелем, почитателям его таланта. Ведь имя не только Ф. Козловского, но и Вас. Майкова как знаменитых поэтов XVIII столетия так и не стало известным широкому кругу читателей, что нельзя сказать об имени ничего не смыслящего в поэзии «служивого».

Особое место среди литературных анекдотов XVIII в. занимали анекдоты о Г. Потемкине – самом известном фаворите императрицы Екатерины II, образ которого нашел самое широкое и разностороннее отражение в литературе XVIII в.: от оды «Победитель», являющейся переложением 90 псалма, до сатирического державинского «Вельможи».

Исключительное место, которое занимал Потемкин среди других фаворитов императрицы, во многом объяснялось не только величием его характера, но и тем, что он наиболее полно воплощал собой русский национальный тип со всеми его достоинствами и недостатками. Например, Ш. Массон, французский эмигрант, воспитатель великих князей Александра и Константина, приводил в своих записках мнение принца де Линя, знаменитого государственного деятеля и путешественника, который говорил о Потемкине так: «В этом характере есть

³⁵ Пушкин 1949, 170.

³⁶ Фонвизин 1959, 88.

³⁷ Державин 1871, 439.

и гигантское, и романтическое, и варварское»³⁸. Эта неизменно подчеркиваемая даже иностранцами необычность и исключительность Потемкина впоследствии приведет к созданию так называемого «потемкинского фольклора», которым, как известно, очень интересовался А.С. Пушкин. В этом «фольклоре», образцы которого приводили в своих записках Д. Давыдов и П. Вяземский, было много непристойного, но много и героически-возвышенного, как его понимали в XVIII в. При этом общий пафос анекдотов о Светлейшем не совпадал с той традицией романтизации его образа, которая наметилась в мемуарной литературе XIX столетия – например, у С. Глинки, издателя журнала «Русский вестник». Глинка во многом мифологизирует образ Светлейшего, делая его наиболее полным воплощением «золотого века» Екатерины Великой, культивирует в его образе черты романтической безмерности, что было характерно для литературного мироощущения I трети XIX в.: «И этот исполин... был странником: он жил бесприютно и умер в пустыне, на плаще, под сводом сумрачного неба октябрьского»³⁹.

В литературных анекдотах Потемкин предстает в образе снисходительного вельможи, который не хочет использовать во зло свое почти беспредельное могущество, а, наоборот, с готовностью помогает всем своим старым знакомым. Так, в сборнике «Исторических рассказов и анекдотов из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий» 1885 г. приводится анекдот о сельском дьячке, в свое время учившем Светлейшего читать и писать. Узнав о возвышении своего ученика, дьячок явился в Петербург, ища его покровительства. Но так как оказалось, что никакую должность дьячок по старости и глупости выполнять не в состоянии, то Потемкин находит ему должность... смотрителя Медного всадника, обязав каждое утро доносить, крепко ли памятник стоит на постаменте, производя жалование из доходов самого Светлейшего. «Дьячок до самой смерти исполнял эту обязанность и умер, благословляя Потемкина»⁴⁰. В «потемкинском фольклоре» А. Пушкина, нашедшем отражение в его «Table talk», Потемкин выступает одновременно и как снисходительный вельможа, порой весьма «вольно» обращающийся со словом, и как человек, хорошо знающий человеческую психологию. Пушкин писал: «Надменный в сношениях своих с вельможами, Потемкин был снисходителен к низшим. Однажды ночью он проснулся и начал звонить. Никто не шел. Потемкин соскочил с постели, отворил дверь и увидел ординарца своего, спящего в креслах. Потемкин сбросил с себя туфли и босой прошел в переднюю тихонько, чтоб не разбудить молодого офицера»⁴¹. Это снисходительность по отношению к низшим роднит Светлейшего с императрицей Екатериной II⁴². В качестве образца «стихотворства» Светлейшего Пушкин приводит следующий анекдот: «Когда Потемкин вошел в силу, он вспомнил об одном из своих деревенских приятелей и написал ему следующие стихи:

Любезный друг,
Коль тебе досуг,

³⁸ цит. по: Массон 1996, 69.

³⁹ Глинка 2004, 18.

⁴⁰ Исторические рассказы и анекдоты 1885, 301.

⁴¹ Пушкин 1949, 172.

⁴² Подобный сюжет в анекдотах во многом является интернациональным. Во многих французских анекдотах времен Первой империи чертами подобной снисходительности по отношению к собственным солдатам и младшим офицерам наделяется Наполеон Бонапарт.

Приезжай ко мне;
Коли не так,
Лежи в говне.

Любезный друг поспешил приехать на ласковое приглашение». Как образец знания Потемкиным человеческой психологии Пушкин приводил анекдот о молодом Ш*, который напроказил так, что князь Б* решил пожаловаться на него государыне. Родня повесы просила Потемкина заступиться. Потемкин приказал Ш* приехать к нему на следующий день и быть посмелее: «Ш. явился в назначенное время. Потемкин вышел из кабинета в обыкновенном своем наряде не сказал никому ни слова и сел играть в карты. В это время приезжает князь Б. Потемкин принимает его как нельзя хуже и продолжает играть. Вдруг он подзывает к себе Ш. “Скажи, брат”, – говорит Потемкин, показывая ему свои карты, – “как мне тут сыграть?”. “Да мне какое дело, Ваша Светлость”, – отвечает ему Ш., – “играйте, как умеете”. “Ах, мой батюшка”, – возразил Потемкин, – “и слова тебе нельзя сказать; уж и рассердился”. Услыша такой разговор, князь Б. раздумал жаловаться»⁴³.

Тем не менее, «случай» фаворита был очень изменчив и полностью зависел от благорасположения государыни, чья кажущаяся или действительная немилость сразу же приводили к закату «счастья» временщика. Замечательной иллюстрацией к этим словам может служить анекдот, рассказанный в «Записках» Л. Энгельгардта, племянника и адъютанта Потемкина. Энгельгардт вспоминает, как в 1783 г. в результате интриг княгини Е.Р. Дашковой и молодого фаворита А. Ланского «государыня оказала к Потемкину немилость». В результате «из придворных, так и прочих знатных людей никто у него не бывал; а сему следуя, и другие всякого звания люди его оставили; близ его дома ни одной кареты не бывало; а до того вся Миллионная была заперта экипажами, так что трудно было и проезжать»⁴⁴. Однако затем императрица сменила гнев на милость и, разобравшись с клеветой, возвратила Потемкину свое благорасположение вместе с указом о пожаловании его президентом военной коллегии, то есть фельдмаршалом. Энгельгардт пишет: «...он встал с постели, надел мундирную шинель, повязал на шею шелковый розовый платок и пошел к императрице, как он хаживал к ней по утрам. Не прошло еще двух часов, как уже все комнаты его были наполнены, и Миллионная снова заперлась экипажами; те самые, которые более ему оказывали холодности, те самые более перед ним пресмыкались»⁴⁵. Самое интересное, что и Потемкин, и пресмыкающиеся перед ним придворные, да и сам мемуарист воспринимали подобную «игру фортуны» как само собой разумеющееся. Это как раз та атмосфера, в которой протекала жизнь знаменитого Максима Петровича из комедии А. Грибоедова «Горе от ума» и которая была заклеяна драматургом под именем «века минувшего».

В целом, оценивая персонифицированную русскую литературную анекдотическую XVIII столетия, нельзя не признать, что ее важность в контексте общей поэтики данного литературного жанра во многом была обусловлена своеобразием исторического момента. Часто выполняя функцию субкультурного фольклора российского дво-

⁴³ Пушкин 1949, 171.

⁴⁴ Энгельгардт 1997, 41.

⁴⁵ Энгельгардт 1997, 41.

рянства, анекдот был предельно ориентирован на конкретные имена, каждое из которых в жанровой традиции анекдота превращалось в некий ономотиф – миф имени, обладатель которого «проживал» в анекдоте свою жизнь, отличающуюся как от жизни в старших жанрах классицизма, так и от тех текстов, в составе которых функционировал сам анекдот. Так, анекдоты в «Чистосердечном признании...» Фонвизина по своему пафосу прямо противоположны той традиции христианского исповедального слова, которой мемуарист стремится придерживаться в записках и чему служат библейские эпиграфы каждой из глав. Для сравнения, в русских литературных анекдотах XIX в. место и функции персониферы в общей поэтике литературного анекдота изменятся. При сохранении общей структуры персониферы (анекдоты о правителях, писателях, чудаках, силачах, денди, пришедшие на смену анекдотам о шутах) на смену культу экстраординарной личности приходит традиция изображения экстраординарных событий (анекдоты о войне 1812 года, восстании на Сенатской площади, Польской, Венгерской и Крымской кампаниях). На смену анекдотам, в центре которых находилась замечательная личность, приходят анекдоты, героями которых становятся анонимные персонажи – одна дама, один господин, врач, священник и т. д., что свидетельствует об определенной демократизации анекдота, начале его функционирования за пределами дворянской субкультуры, в широких городских слоях русского общества. Одновременно с этим анекдот теряет свою непосредственную связь с античным анекдотом с его необязательным комизмом, жестко подчиняясь тем законам анекдотического жанра, о которых писал Е. Курганов: краткость, пуантировка, принцип буквально реализованной метафоры и расподобления смыслов, закон недialogа с феноменом рождения «глухонемого слова»⁴⁶. Как следствие, анекдот все более и более принимает привычную для нас форму и смысл, все дальше отходя от тех анекдотов «минувших дней», которые хранил в своей памяти Евгений Онегин у А.С. Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА

- Бантыш-Каменский, Д.Н. 1847: *Словарь достопамятных людей русской земли*. СПб.
Белова, Н.А. 2008: *Литературный анекдот в русской прозе и периодике первой трети XIX века*. Нижневартонск.
Вейдемейер, А.И. 1842: *Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия*. Ч.2. СПб.
Вяземский, П.А. 1883: *Старая записная книжка. Полное собрание сочинений*. Т. VIII. СПб.
Герцен, А.И. 1956: *Полное собрание сочинений*. Т. VIII. М.-Л.
Глинка, С.Н. 2004: *Записки*. М.
Голицын, А.Н. 1859: *Загробные записки князя Николая Сергеевича Голицына, из сказаний дяди его, князя Александра Николаевича Голицына*. СПб.
Головина, В.Н. 2006: *Воспоминания*. М.
Гордін, А.М. (ред.) 1982: *И.А. Крылов в воспоминаниях современников*. М.
Державин, Г. 1871: *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота*. Т. VI. СПб.
Дмитриев, И. 1893: *Взгляд на мою жизнь*. СПб.

⁴⁶ Курганов 1997.

- Из старой Соймоновской записной книжки 1904. *Русский Архив* 3.
- Исторические рассказы и анекдоты из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий*. 1885. СПб.
- Курганов, Е. 1997: *Анекдот как жанр*. СПб.
- Лотман, Ю.М. 1994: *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века)*. СПб.
- Массон, Ш. 1996: *Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правления Павла*. М.
- Маяк 1840: *Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской* 4.
- Неплюев, И.И. 1871: Записки. *Русский архив* 4–5, 579–697.
- Оберкирх, Г.Л. 1869: Рассказ великого князя Павла Петровича о видении ему Петра I. *Русский архив* 3, 517–526.
- Полное и обстоятельное собрание подлинных исторических, любопытных, забавных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов Балакирева, Д’Акосты, Педрилло и Кульковского*. 1869. СПб.
- Полные анекдоты о Балакиреве, бывшем шути при дворе Петра Великого*. 1837. Ч. 2. М.
- Пушкин, А.С. 1949: *Полное собрание сочинений*: в 17-ти т. Т. 12. М.-Л.
- Черты из жизни Екатерины II 1879. *Древняя и новая Россия* I, 66–71.
- Федотов, Г.П. 1927: Трагедия интеллигенции. *Версты*. Париж, 145–184.
- Фонвизин, Д.И. 1959: Чистосердечное признание о делах моих и помышлениях. *Собр. соч.*: в 2 т. Т. 2, М. – Л., 81–109.
- Фраймон, И. Русские мемуары в историко-типологическом освещении к постановке проблемы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>
- Энгельгардт, Л.Н. 1997: *Записки*. М.

REFERENCES

- Bantysh-Kamenskij, D.N. 1847: *Slovar’ dostopamjatnyh ljudej russkoj zemli*. Saint-Petersburg.
- Belova, N.A. 2008: *Literaturnyj anekdot v russkoj proze i periodike pervoj treti XIX veka*. Nizhnevartovsk.
- Cherty iz zhizni Ekateriny II 1879. *Drevnjaja i novaja Rossija* I, 66–71.
- Derzhavin, G. 1871: *Sochinenija Derzhavina s objasnitel’nymi primechanijami Ja. Grot’a*. T. VI. Saint-Petersburg.
- Dmitriev, I. 1893: *Vzgljad na moju zhizn’*. Saint-Petersburg.
- Fedotov, G.P. 1927: *Tragedija intelligencii. Versty*. Parizh, 145–184.
- Fonvizin, D.I. 1959: Chistoserdechnoe priznanie o delah moih i pomyshlenijah. *Sobr. soch.*: v 2 t. Т. 2, М. – Л., 81–109.
- Frajmon, I. *Russkie memuary v istoriko-tipologicheskom osveshhenii k postanovke problemy*, <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>
- Gercen, A.I. 1956: *Polnoe sobranie sochinenij*. T. VIII. Moscow-Leningrad.
- Glinka, S.N. 2004: *Zapiski*. Moscow.
- Golicyn, A.N. 1859: *Zagrobnye zapiski knjazja Nikolaja Sergeevicha Golicyna, iz skazanii djadi ego, knjazja Aleksandra Nikolaevicha Golicyna*. Saint-Petersburg.
- Golovina, V.N. 2006: *Vospominanija*. Moscow.
- Gordin, A.M. (red.) 1982: *I.A. Krylov v vospominanijah sovremennikov*. Moscow.

- Istoricheskie rasskazy i anekdoty iz zhizni russkikh gosudarej i zamechatel'nyh ljudej XVIII i XIX stoletij*. 1885. Saint-Petersburg.
- Iz staroj Sojmonovskoj zapisnoj knizhki* 1904. Russkij Arhiv 3.
- Jengel'gardt, L.N. 1997: *Zapiski*. Moscow.
- Kurganov, E. 1997: *Anekdot kak zhanr*. Saint-Petersburg.
- Lotman, Ju.M. 1994: *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nach. XIX veka)*. Saint-Petersburg.
- Majak 1840: *Zhurnal sovremennogo prosveshhenija, iskusstva i obrazovannosti v duhe narodnosti russkoj* 4.
- Masson, Sh. 1996: *Sekretnye zapiski o Rossii, i v chastnosti o konce carstvovanija Ekateriny II i pravljenja Pavla*. Moscow.
- Nepljuev, I.I. 1871: *Zapiski*. *Russkij arhiv* 4–5, 579–697.
- Oberkirh, G.L. 1869: *Rasskaz velikogo knjazja Pavla Petrovicha o videnii emu Petra I*. *Russkij arhiv* 3, 517–526.
- Polnoe i obstojatel'noe sobranie podlinnyh istoricheskikh, ljubopnyh, zabavnyh i nrovouchitel'nyh anekdotov chetyreh uveselitel'nyh shutov Balakireva, D'Akosti, Pedrillo i Kul'kovskogo* 1869. Saint-Petersburg.
- Polnye anekdoty o Balakireve, byvshem shute pri dvore Petra Velikogo* 1837. Ch. 2. Moscow.
- Pushkin, A.S. 1949: *Polnoe sobranie sochinenij: v 17-ti t.* T. 12. M.-L.
- Vejdemejer, A.I. 1842: *Dvor i zamechatel'nye ljudi v Rossii vo vtoroj polovine XVIII stoletija*. Ch.2. Saint-Petersburg.
- Vjazemskij, P.A. 1883: *Staraja zapisnaja knizhka. Polnoe sobranie sochinenij*. T.VIII. Saint-Petersburg.

THE PERSONSPHERE OF THE RUSSIAN LITERARY ANECDOTE OF THE 18th CENTURY

Elena E. Prikazchikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yelsin, Russia,
miegata-logos@yandex.ru

Abstract. The article discusses personsphere of the Russian literary anecdote of the 18th century, a genre which served as an alternative to the dominant genres of classicism. Often functioning as a part of memoir text, the anecdote reflected the originality of personal beginning start “private honest” life in the depiction of such significant figures of the eighteenth century, as the figure of the Emperor (Empress), court jester, poet and nobleman. The author answers the question, what personal and socially determined qualities of each of these people have allowed one to become the hero of anecdotes, and how the originality of national subcultural psychology of Russian nobility was reflected in the anecdote.

Key words: Russian literary anecdote, 18th century, personsphere, subcultural psychology of the Russian nobility

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 343–355
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 343–355
©Автор(ы) 2016

РОМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КРАСОТЫ В РАССКАЗЕ ЧЕХОВА «КРАСАВИЦЫ»

Т.Е. Абрамзон*, Т.Б. Зайцева**, С.В. Рудакова***

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
ate71@mail.ru*

** *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
tbz@list.ru*

*** *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
rudakovamasu@mail.ru*

Аннотация. В статье впервые анализируется рассказ А.П. Чехова «Красавицы» в аспекте романтической концепции красоты. Автор статьи убедительно доказывает, что две части чеховского рассказа соотносятся между собой как два поэтических представления о красоте, отражающие особенности мировосприятия человека «золотого века» русской литературы и человека двадцатого столетия. Красота в чеховском рассказе предстает как отблеск идеала, абсолюта так же, как у поэтов-романтиков, но разная иерархия времени и вечности кардинально отличает концепцию красоты Чехова. Романтическая концепция утверждала красоту как торжество вечности и доказательство бессмертия души. У Чехова над вечностью торжествует время, показанное как дурная бесконечность. Между человеком и вечностью, знаком которой выступает красота, в чеховском рассказе возникает непреодолимая преграда, разрушить которую романтикам помогала эстетическая способность «посвященной» личности – Поэта, Художника, воспринимающего счастье и даже несчастье как промысел божий и не нуждающегося в доказательстве красоты; но в отличие от лирического героя романтиков, герои Чехова – сплошь «непосвященные». «Непосвященность» – характерная черта новой эпохи, пришедшей на смену XIX веку. Целостность и гармоничность, изящность и эстетичность представлений о мире сменились скучной мозаичной картиной восприятия жизни. Чехову оказывается чужда телеологичность романтических взглядов Жуковского и Пушкина. Редкие случайные проблески красоты в чеховском мире, вопреки романтической концепции, обнаруживают полное отсутствие в земной жизни целесообразности и даже смысла вообще. Показывая общее и особенное

Абрамзон Татьяна Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: ate71@mail.ru

Зайцева Татьяна Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: tbz@list.ru

Рудакова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: rudakovamasu@mail.ru

в восприятии красоты разными эпохами, Чехов опирается на традиции поэзии Пушкина и Жуковского и предваряет концепцию красоты поэтов-символистов, в частности Блока.

Ключевые слова: русская литература, XIX век, А.П. Чехов

Рассказ Чехова «Красавицы» впервые был напечатан в 1888 г. Этот небольшой чеховский рассказ по каким-то загадочным причинам никогда не привлекал особенного внимания исследователей литературы, хотя современники писателя сразу высоко оценили чеховскую миниатюру или очерк, как некоторые из них определяли жанр «Красавиц». Двоюродный брат Чехова, Георгий Митрофанович Чехов, похвалил наблюдательность и реалистическую точность в изображении людей, с которыми братья встречались в детстве; знакомые писателя Чехова в частной переписке отмечали прелестный язык рассказа и его психологическую достоверность в изображении тех душевных переживаний, которые вызывает у человека созерцание красоты¹.

Русская литературная критика XIX века нередко обращалась к рассказу как к наглядному воплощению эстетических представлений Чехова. М. Неведомский на примере «Красавиц» объяснял важнейшую, на его взгляд, особенность художественного метода Чехова, которую назвал «эстетическим страдальчеством», подчеркивая, что у писателя на протяжении всего творчества всегда «эстетическое наслаждение было сопряжено с ощущением муки и грусти»². «Эстетическое страдальчество», по мнению критика, было неизбежным для Чехова в условиях скучной и безысходной («бескрылой») русской жизни. М. Неведомский противопоставил эстетическую одаренность писателя и страшные «овраги» русской действительности как форму и содержание чеховских произведений: «никогда, кажется, за все существование художественного слова, такой ужасающий жизненный материал не облекался в столь благоуханную, столь чарующую форму...»³.

Другой литературный критик, современник Чехова, В. Альбов обратил внимание на романтические тенденции чеховского творчества, заметив, что в рассказе «Красавицы», так же как в знаменитом описании ночи в повести «Степь», «слышится глубокая, затаенная тоска по идеалу, которому нет места на земле, тоска по скрытой в жизни красоте, мимо которой равнодушно проходят люди и которая гибнет, никому не нужная и никем не воспетая»⁴. О романтическом двоемирии (делении на обыденный мир земной и недостижимый мир идеала) как о неотъемлемой черте многих чеховских произведений, в связи именно с рассказом «Красавицы», размышлял критик-импрессионист начала XX века Ю. Айхенвальд: «Никогда не покидало его [Чехова] это платоновское воспоминание, эта светлая печаль о далекой сфере идеала»⁵.

В чеховском рассказе «Красавицы», как мы покажем в нашей статье, проявляется не только такая стилевая черта, как «эстетическое страдальчество», воплощаются не просто романтические мотивы и образуется своеобразное романтическое

¹ Чехов 1974–1983б/ХVII, 652.

² Сухих 2002, 829.

³ Сухих 2002, 830.

⁴ Сухих 2002, 374.

⁵ Сухих 2002, 724.

двоемирие, но и предстает целая чеховская концепция красоты, полемически направленная на романтическую концепцию красоты (ярче всего реализовавшуюся в поэзии В.А. Жуковского) и предвещающая концепцию красоты символистов.

Несмотря на то, что тема «Чехов и романтизм» давно привлекает внимание ученых, она остается актуальной для современного литературоведения, поскольку остаются нерешенными проблемы особенностей воплощения в чеховском творчестве романтизма как художественного метода, влияния наследия «Золотого века» (мотивы, образы), отношения Чехова к традициям и мифам романтической литературы⁶ и т.п. Рассказ «Красавицы» дает исследователям обширное поле для сравнительного анализа чеховских представлений о красоте и романтической концепции красоты. Привлечение к анализу рассказа поэтических текстов обусловлено не только его содержанием, но и его особой художественной формой. Поэт-литературовед Р.Е. Лапушин, отмечая слабое развитие фабулы в рассказе, рассматривает композицию «Красавиц» подобно композиции лирического стихотворения, основанной на системе развивающихся мотивов, в частности, исследователя привлекает мотив облаков, связующий первую и вторую части: в первой части мотив находит воплощения в образах «облаков пыли» мира, «лишенного горизонта», и многокрасочных облаков «на горизонте» в воображаемом романтическом пейзаже рассказчика, во второй части метаморфозы клубов паровозного дыма напоминают цветовую игру облаков первой части. Многообразные воплощения мотива облаков, с одной стороны, придают рассказу характер лирического стихотворения, с другой – «охватывают полноту пространства (от неба до земли) и времени (от древности до современности)»⁷.

Чехов знал и любил поэтов, представителей «Золотого века»: реминисценции из Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Дельвига часто встречаются в его произведениях. Особое место в чеховской библиотеке занимало двухтомное собрание сочинений Жуковского, куда вошли самые известные произведения поэта⁸. В.А. Жуковский как зачинатель и основоположник романтизма в России оказал огромное влияние на многих русских авторов⁹, в том числе и на Чехова.

Романтическая концепция красоты, на наш взгляд, наиболее ярко воплощена в образах «гения чистой красоты», запечатленных в стихотворениях Жуковского «Лалла Рук» (1821) и Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» (1825).

Ах! не с нами обитает
Гений чистый красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты;
Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он! («Лалла Рук»)¹⁰

⁶ См.: Паперный 1973; Зайцева 1996; Жиликова 1999; Лулудова 2001; Зайцева 2003; Назиров 2005; Гусихина 2005; Зайцева 2011; 2012а.

⁷ Лапушин 2011, 111.

⁸ Балухатый 1930.

⁹ Рудакова 2013, 21.

¹⁰ Жуковский 1959–1960/I, 360.

Как известно, Жуковский сделал обширное примечание к стихотворению «Лалла Рук», в котором изложил свое религиозно-философское понимание красоты и ее непреходящей ценности для земного мира и отдельного человека. Подобные высказывания он повторял и в письмах к другу А.И. Тургеневу: «Руссо говорит: *il n'y a de beau que ce qui n'est pas*: прекрасно только то, чего нет; это не значит только то, что не существует. Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам только минутами, для того единственно, чтобы нам сказаться, оживить нас, возвысить нашу душу – но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем; ему нет имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно; оно посещает нас в лучшие минуты нашей жизни: величественное зрелище природы, еще более величественное зрелище души человеческой, поэзия, счастье и еще более несчастье дают нам сии высокие ощущения прекрасного»¹¹.

Через несколько лет А.С. Пушкин обратится к гениальной поэтической формуле-образу Жуковского:

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь («Я помню чудное мгновенье...»)¹².

Образ «гения чистой красоты» Жуковского и Пушкина как апофеоз чистой совершенной красоты соткан из мотивов мимолетности красоты, ее святости, ее благодетельного, животворящего влияния на душу человека. Красота – чудесное явление, воздушный сон, святое воспоминание, небесный гость, божественное откровение, приоткрывающее человеку тайны высших сфер бытия и его земной жизни, дарующее надежду на вечную жизнь. Отблеск абсолютной неземной красоты освещает и освящает красоту земной женщины.

В рассказе Чехова «Красавицы» воссозданы две встречи с «гением чистой красоты». В первой части рассказчик описывает армянскую девушку Машу, дочь хозяина постоялого двора, где по своим воспоминаниям, будучи еще мальчиком-гимназистом, он останавливался на ночевку вместе с бабушкой во время поездки по донской степи: «Передо мною стояла красавица, и я понял это с первого взгляда, как понимаю молнию. Я готов клясться, что Маша <...> была настоящая красавица, но доказать этого не умею»¹³.

Во второй части рассказчик, будучи уже студентом, проездом на одной из станций железной дороги наблюдает за юной русской красавицей: «Весь секрет и волшебство ее красоты заключались именно в этих мелких, бесконечно изящных движениях, в улыбке, в игре лица, в быстрых взглядах на нас, в сочетании тонкой грации этих движений с молодостью, свежестью, с чистотою души, звучавшею в

¹¹ Жуковский 1959–1960/I, 461.

¹² Пушкин 1937–1959/II, 406–407.

¹³ Чехов 1974–1983б/XVII, 160.

смехе и в голосе, и с тою слабостью, которую мы так любим в детях, в птицах, в молодых оленях, в молодых деревьях»¹⁴.

С романтической концепцией чеховское изображение красоты сближают мотивы, сопровождающие «чудные мгновенья», т.е. моменты явления красоты, – мотивы чуда, сна, воспоминания: рассказ «Красавицы» начинается со слова «помню», «обворожительные черты прекраснейшего из лиц» гимназисту уже «чудились во сне»¹⁵ (здесь и далее в цитатах курсив наш); рассказчик второй части пытается разгадать «секрет и волшебство» мотыльковой красоты девушки, одно из последних впечатлений студента – «чудная улыбка»¹⁶ красавицы с железнодорожной станции.

Жуковский подчеркивал невыразимость словами красоты как чудесного отражения высшего мира:

Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие создателя в создание –
Какой для них язык? («Невыразимое»)¹⁷

Невыразимость словами красоты ощущают (на обыденном уровне) и чеховские герои: «Тэк-с... – пробормотал со вздохом офицер, когда мы после второго звонка направились к своему вагону. А что значило это «тэк-с», не берусь судить»¹⁸. Косвенным образом мотив чуда проявляется и в описании пейзажа в первой части рассказа: «Зарево охватило треть неба, блестит в церковном кресте и в стеклах господского дома, отсвечивает в реке и в лужах, дрожит на деревьях; далеко-далеко на фоне зари летит куда-то ночевать стая диких уток... <...> все глядят на закат и все до одного находят, что он страшно красив, но никто не знает и не скажет, в чем тут красота»¹⁹. Такая деталь, как церковный крест и эпитет «страшно красив», обозначающий особенности общего восприятия красоты пейзажа, указывают на общее ощущение страха в виду намека на присутствие чего-то необъяснимого, сверхъестественного, чудесного. Красота у Чехова объединяет людей в едином переживании волшебства, в желании причаститься к красоте, которая предстает так же, как у романтиков, отблеском идеального мира.

И все же Чехов, что характерно для его творчества в целом, не слепо следует традициям романтизма, но вступает в полемику со своими великими предшественниками, представителями минувшей эпохи.

Каждая встреча с красавицами рождает у чеховского рассказчика двойственное чувство: одновременно восхищение, благоговение перед настоящей красотой и «глубочайшую грусть», почти отчаяние. В первой части: «быть может, моя грусть была тем особенным чувством, которое возбуждается в человеке созерцанием настоящей красоты, бог знает!»²⁰ Во второй части: «Около нашего вагона, облокотившись о загородку площадки, стоял кондуктор и глядел в ту сторону, где стояла красавица, и его испитое, обрюзглое, неприятно сытое, утомленное бессонными ночами и вагонной качкой лицо выражало умиление и глубочайшую

¹⁴ Чехов 1974–1983/ХVII, 165.

¹⁵ Чехов 1974–1983/ХVII, 160.

¹⁶ Чехов 1974–1983/ХVII, 166.

¹⁷ Жуковский 1959–1960/І, 336.

¹⁸ Чехов 1974–1983/ХVII, 166.

¹⁹ Чехов 1974–1983/ХVII, 160–161.

²⁰ Чехов 1974–1983/ХVII, 163.

грусть, как будто в девушке он видел свою молодость, счастье, свою трезвость, чистоту, жену, детей...»²¹.

Романтическая концепция красоты объясняет двойственность ощущений тем, что почти всегда с лучшими минутами явления гения чистой красоты, – как писал Жуковский, – соединяется «грусть, но грусть, не лишаящая бодрости, а животворная и сладкая, какое-то смутное стремление: это происходит от его скоротечности, от его невыразимости, от его необъятности – прекрасно только то, чего нет!»²²

Чехов тоже показывает если не животворное, то облагораживающее влияние красоты на человека. Созерцание настоящей красоты рождает добрые намерения, тягу к красоте в собственной душе, заставляет пересмотреть, оценить свою жизнь с точки зрения красоты: «мало-помалу вам приходит желание сказать Маше что-нибудь необыкновенно приятное, искреннее, красивое, такое же красивое, как она сама»²³, – признается рассказчик в первой части, во второй части кондуктор, наблюдая за красавицей, явно раскисает в своей нечистой, нетрезвой жизни.

Однако грусть чеховских героев наделяется эпитетом «тяжелая» и вряд ли может быть названа «сладкой». Чехов заостряет мотив случайности явления красоты и ее недоступности для человека: «И чем чаще она [Маша] со своей красотой мелькала у меня перед глазами, тем сильнее становилась моя грусть. Мне было жаль и себя, и ее, и хохла, грустно провожавшего ее взглядом всякий раз, когда она сквозь облако половы бегала к арбам»²⁴. Красота словно не только не принадлежит красавице Маше, но и кажется по отношению к ней, своему носителю, чем-то инородным. Мотив случайности красоты и ее зыбкости, ее недоступности даже своему носителю усиливается во второй части: «Это была красота мотыльковая, к которой так идут вальс, порханье по саду, смех, веселье и которая не вяжется с серьезной мыслью, печалью и покоем; и, кажется, стоит только пробежать по платформе хорошему ветру или пойти дождю, чтобы хрупкое тело вдруг поблекло и капризная красота осыпалась, как цветочная пыль»²⁵. Мотыльковая красота – красота ускользающая, эфемерная, призрачная, сиюминутная, случайная.

Несмотря на то, что «гений чистый красоты» в мире романтиков тоже редко является человеку («лишь порой он навещает Нас с небесной высоты»²⁶), лирический герой романтической поэзии постоянно живет в предчувствии «лучших мгновений бытия», чеховских же героев красота застаёт всегда врасплох, они к ней просто не готовы. Концепция красоты Чехова внутренне противоречива, на что обратил внимание Р.Е. Лапушин²⁷: она воплощает «что-то важное и нужное для жизни»²⁸ и одновременно «случайна, не нужна и, как все на земле, недолговечна»²⁹. Однако важно подчеркнуть, что красота в чеховском мире не столько воплощает «что-то важное и нужное для жизни» (хотя недостаток красоты ощущается человеком как ущербность, ненормальность), сколько обнару-

²¹ Чехов 1974–19836/XVII, 165.

²² Жуковский 1959–1960/I, 360.

²³ Чехов 1974–19836/XVII, 161.

²⁴ Чехов 1974–19836/XVII, 163.

²⁵ Чехов 1974–19836/XVII, 165.

²⁶ Жуковский 1959–1960/I, 360.

²⁷ Лапушин 2011, 111.

²⁸ Чехов 1974–19836/XVII, 162.

²⁹ Чехов 1974–19836/XVII, 163.

живает отсутствие чего-то важного и необходимого для жизни, чего лишен или лишился земной мир и отдельный человек.

Концепция красоты Жуковского и Пушкина строилась на телеологичности воззрений русских романтиков, ее основания нужно искать в религиозном представлении о целесообразности божественного замысла, в романтической концепции истории, предполагающей движение-возвращение к «Золотому веку»³⁰.

Романтическая концепция цикличности времени и истории у Чехова сменяется векторным представлением времени, превращающемся в дурную бесконечность или антивечность. Обе встречи с красавицами происходят во время пути, по дороге. Неслучайно один из важнейших мотивов рассказа «Красавицы» – мотив дороги, движения, причем движения бесцельного и бесконечного, в том смысле, что мы не знаем ни пункта отправления, ни пункта прибытия чеховских героев, ни того, с какой целью мальчик отправляется в степной путь со своим дедом, ни того, куда и зачем ехал студент по железной дороге. Мотив дороги как символ человеческой жизни традиционен для русской лирики XIX века. Однако Чехов показывает жизненный путь как движение, устремленное в неизвестность. Зачем, куда? – автором не предполагаются ответы ни в буквальном, ни в переносном смысле, поскольку человеческая жизнь представляется случайно, скоротечной, ненужной, как и все на земле.

Красота предстает как отблеск идеала, абсолюта и в романтической, и в чеховской концепции, но разная иерархия времени и вечности кардинально отличает концепцию красоты Чехова.

«Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам только минутами»³¹, – для Жуковского и романтиков это означает: несмотря на то, что в земной жизни красоте свойственна скоротечность, красота – это торжество вечности над временем, доказательство бессмертия. «В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобою, но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется, и чего с ним нет, и что для тебя где-то существует. И это стремление есть одно из невыразимых доказательств бессмертия: иначе отчего бы в минуту наслаждения не иметь полноты и ясности наслаждения!»³²

Вот этой полноты и ясности наслаждения лишены чеховские герои. В рассказе Чехова над вечностью торжествует всепоглощающее равнодушное время, которое предстает как надличностная стихия, враждебная человеку и ему неподвластная. Время – это антивечность, противостоящая красоте, поскольку дробит, незаметно и неизбежно уничтожает, а не восстанавливает и не преображает человека. Время приводит человека к преждевременной старости, затягивает в болото скуки, пошлости, повседневности, неслучайно с указания на томительное течение застывшего времени (антивечности) чеховский рассказ начинается: «Куда ни взглянешь, всюду мухи, мухи, мухи... <...> Я знал, что самовар будут ставить целый час, что дедушка будет пить чай не менее часа и потом заляжет спать часа на два, на три, что у меня четверть дня уйдет на ожидание, после которого опять жара, пыль, тряские дороги. Я слушал бормотанье двух голосов, и мне начинало казаться, что армянина, шкаф с посудой, мух, окна, в которые бьет горячее солн-

³⁰ Федоров 1986.

³¹ Жуковский 1959–1960/I, 461.

³² Жуковский 1959–1960/I, 461.

це, я вижу давно-давно и перестану их видеть в очень далеком будущем, и мною овладевала ненависть к степи, к солнцу, к мухам...»³³. Человек, обреченный на антивечность, напоминает рассказчику карикатуру или куклу-марионетку: «Представьте себе маленькую, стриженую головку с густыми низко нависшими бровями, с птичьим носом, с длинными седыми усами и с широким ртом, из которого торчит длинный черешневый чубук; головка эта неумело приклеена к тощему горбатому туловищу, одетому в фантастический костюм: в куцую красную куртку и в широкие ярко-голубые шаровары»³⁴.

Во второй части рассказа символом человеческой жизни становится железная дорога. Время ускоряет свой ход за счет научно-технического прогресса, но от этого человеческая жизнь становится только суетливее и бессмысленнее. Неслучайно во второй части появляется чеховское обозначение тех, кто движется рядом с рассказчиком – «пассажиры», которые лишены «обыкновенного человеческого, пассажирского счастья»³⁵. Сравните поэтическое наименование Жуковским тех, кто сопровождает по жизни человека: спутники (стихотворение «Воспоминание»):

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию были³⁶.

Интересно, что Чехов называет спутником офицера, с которым вместе путешествует студент, но смысл этого слова, как его объясняет сам автор, в контексте наших рассуждений символичен: тот, «с кем мы знакомимся в дороге случайно и не надолго»³⁷.

Между человеком и вечностью, знаком которой выступает красота, в чеховском рассказе возникает непреодолимая преграда, разрушить которую романтикам помогала эстетическая способность «посвященной» личности – Поэта, Художника, воспринимающего счастье и даже несчастье как промысел божий и не нуждающегося в доказательстве красоты; но в отличие от лирического героя романтиков, герои Чехова – сплошь «непосвященные» (гимназистик, торговцы, возчик, кондуктор, пестрые пассажиры поезда, студент, офицер), то есть обычные люди. Обретение, осмысление или «доказательство» красоты требует больших духовных и творческих сил, неслучайно чеховский рассказчик говорит, «чтобы суметь изваять их [т.е. прекрасные черты Маши], вам кажется, нужно обладать громадным творческим талантом»³⁸. «Непосвященность» – характерная черта новой эпохи, пришедшей на смену XIX веку. Целостность и гармоничность, изящность и эстетичность представлений о мире сменились скучной мозаичной картиной восприятия жизни.

Чехову оказывается чужда телеологичность романтических взглядов Жуковского и Пушкина. Изменяется хронотоп чеховского художественного мира – из-

³³ Чехов 1974–1983б/XVII, 159–160.

³⁴ Чехов 1974–1983б/XVII, 159.

³⁵ Чехов 1974–1983б/XVII, 166.

³⁶ Жуковский 1959–1960/I, 362.

³⁷ Чехов 1974–1983б/XVII, 164.

³⁸ Чехов 1974–1983б/XVII, 161.

меняется концепция красоты. Редкие случайные проблески красоты в чеховском мире, вопреки романтической концепции, обнаруживают полное отсутствие в земной жизни целесообразности и даже смысла вообще. Чехов словно предвещает Пролог блоковской поэмы «Возмездие»:

Жизнь – без начала и конца,
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминуемый,
Иль ясность Божьего лица³⁹.

Противоречивость чеховской концепции красоты проявляется, на наш взгляд, прежде всего в том двойственном влиянии, которое она оказывает на людей: с одной стороны, побуждает их к духовным переменам, обнаруживая, что жизнь лишена чистоты, свежести, грации, изящества, а с другой, пробуждает негативные чувства зависти, беспомощности, сознание собственного ничтожества, уродства, заставляет сердиться, злиться: «А какое, мой друг, несчастье, какая насмешка, быть сутулым, лохматым, сереньким, порядочным и неглупым, и влюбиться в эту хорошенькую и глупенькую девочку, которая на вас ноль внимания!»⁴⁰ Почему так много сердятся герои первой части? Не потому ли, что чувствуют свою чужеродность красоте и собственное бессилие удержать, «доказать», не говоря уже о том, чтобы воссоздать красоту?

В одном из писем к Суворину Чехов и самого себя представлял и, в отличие от своих произведений, лишенных прямых авторских оценок, строго судил себя как беспомощного писателя без цели и общей идеи: «Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: <...> Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель <...>. У одних, смотря по калибру, цели ближайшие – крепостное право, освобождение родины, политика, красота <...>, у других цели отдаленные – бог, загробная жизнь, счастье человечества и т. п. <...> А мы? <...> У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати»⁴¹.

Произаизация и ускорение темпов жизни, демократизация общества (рост «непосвященных») приводят к тому, что красота по-прежнему выступает необходимым и желанным условием человеческого бытия, но становится все более случайной, недоступной, эфемерной, до нее «далеко, как до неба», – как замечает чеховский рассказчик. Человек во второй части «Красавиц» предстает случайным пассажиром поезда времени.

Образ железной дороги, поданный в таком ключе Чеховым, будет подхвачен позднее Блоком. В его стихотворении «На железной дороге» (1910) поезд, мчащийся в неизвестном направлении, становится символом и проносящейся мимо человека (в частности, блоковской героини) жизни, и символом бесполезно мчащегося времени, разрывающего сердце «тоской дорожной, железной»⁴², заставляющего человека привычно и сонно мириться с тем, что красота только изредка мелькает за окнами – «пустыми глазами» – вагонов. Так же, как Чехов, Блок с

³⁹ Блок 1997–2014/V, 21.

⁴⁰ Чехов 1974–1983б/XVII, 166.

⁴¹ Чехов 1974–1983а/V, 133.

⁴² Блок 1997–2014/III, 176.

горечью показывает, что красота бесполезна с точки зрения нового «Железного века»: красота не приносит счастья, заставляя только тревожно мечтать о нем, и даже ведет к отказу от жизни. Вопрос о соотношении красоты и пользы, всегда так или иначе затрагивался русской литературой: в XVIII веке решался в утопическом и желанном образе «полезной красоты» Ломоносова⁴³, в XIX веке поэзия принципиально разводила эти понятия, возвышая красоту⁴⁴, но на рубеже веков красота потерпела фиаско, безнадежно проиграв веку прагматизма.

Первая и вторая части чеховского рассказа соотносятся как сопоставление двух типов красоты: «классической и строгой» красоты армяночки Маши: «Это была именно та красота, созерцание которой, бог весть откуда, вселяет в вас уверенность, что вы видите черты правильные, что волосы, глаза, нос, рот, шея, грудь и все движения молодого тела слились вместе в один цельный, гармонический аккорд, в котором природа не ошиблась ни на одну малейшую черту»⁴⁵, и «мотыльковой красоты» неизвестной русской девушки: «русскому лицу для того, чтобы казаться прекрасным, нет надобности в строгой правильности черт, мало того, даже если бы девушке вместо ее вздернутого носа поставили другой, правильный и пластически непогрешимый, как у армяночки, то, кажется, от этого лицо ее утеряло бы всю свою прелесть»⁴⁶. Представление о «классической и строгой красоте» навеяно Чехову XIX веком, «мотыльковая красота» – признак новой эпохи, века научно-технического прогресса, когда человек особенно остро ощущает уязвимость, хрупкость своей человечности и всей системы человеческих ценностей, духовных и эстетических. В рассказе Чехова персонажи ощущают лишь «тяжелую грусть», но в начале XX века трагедию человека, теряющего свою человечность, резко заострит Блок:

Что ж, человек? – За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
О чем – машин немолчный скрежет?
Зачем – пропеллер, воя, режет
Туман холодный и пустой? («Возмездие»)⁴⁷

Таким образом, чеховская концепция красоты, возникающая на рубеже XIX и XX столетий, объединяет и противопоставляет в полемике два века русской литературы, «Золотой» и «Серебряный», намечает эволюцию художественных представлений о красоте от одной эпохи к другой и обращает читателя к поиску ответов на вечные вопросы о ценностях, смысле и цели человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон, Т.Е. 2010: *«Письмо о пользе стекла» М.В. Ломоносова. Опыт комментария просветительской энциклопедии*. М.

⁴³ Абрамзон 2010, 33.

⁴⁴ Зайцева 2012б, 92.

⁴⁵ Чехов 1974–1983б/XVII, 161.

⁴⁶ Чехов 1974–1983б/XVII, 161.

⁴⁷ Блок 1997–2014/V, 25.

- Балухатый, С.Д. 1930: Библиотека Чехова. В кн.: Н. Ф. Бельчиков (ред.), *Чехов и его среда*. Л., 197–423.
- Блок, А.А. 1997–2014: *Полное собрание сочинений и писем*: в 20 т. М.
- Гусихина, Н.П. 2005: *А.П. Чехов и русская поэзия XIX века*: дисс. ... канд. филол. наук. Тверь.
- Жилякова, Э.М. 1999: В.А. Жуковский и А.П. Чехов. В сб.: О.Н. Бахтина, Н.Е. Разумова, Н.Ж. Ветшева (ред.), *Проблемы литературных жанров*. Ч. 1. Томск, 126–135.
- Жуковский, В.А. 1959–1960: *Собрание соч.*: в 4 т. М.– Л.
- Зайцева, Т.Б. 1996: *А.П. Чехов и И.А. Гончаров: проблемы поэтики*: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.
- Зайцева, Т.Б. 2003: Повесть А.П. Чехова «Черный монах» в контексте «Золотого века» русской литературы. В сб.: *Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе*. Магнитогорск, 300–304.
- Зайцева, Т.Б. 2011: Концепт «Любовь» в творчестве А.П. Чехова (для антологии «художественные константы русской литературы»). *ПИФК* 3, 705–710.
- Зайцева, Т.Б. 2012а: Чехов и Киркегор о любви-воспоминании. *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 5, 82–87.
- Зайцева, Т.Б. 2012б: Драма Чехова «Три сестры» как парафраза стихотворения Лермонтова «Три пальмы». *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 7. 1, 90–93.
- Лапушин, Р.Е. 2011: «Красавицы». В кн.: В.Б. Катаев (ред.), *А.П. Чехов. Энциклопедия*. М., 111–112.
- Лулудова, Е. 2001: Баллады Жуковского и «Черный монах» Чехова (материалы к текстологическому комментарию). В сб.: В.Б. Катаев (ред.), *Молодые исследователи Чехова*. Вып. 4. М., 363–367.
- Назирова, Р.Г. 2005: Чехов против романтической традиции (К истории одного сюжета). В сб.: *Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход*. Уфа, 42–57.
- Паперный, З.С. 1973: Чехов и романтизм. В кн.: *К истории русского романтизма*. М., 437–505.
- Пушкин, А.С. 1937–1959: *Полное собрание сочинений*: в 16 т. М. – Л.
- Рудакова, С.В. 2013: *Основные образно-семантические категории поэтического мира Е.А. Боратынского*. Магнитогорск.
- Сухих, И.Н. (ред.) 2002: А.П. Чехов: pro et contra. М.
- Федоров, Ф.П. Пространственно-временная структура стихотворения А.С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...»). В сб.: *Пушкин и русская литература*. Рига, 4–14.
- Чехов, А.П. 1974–1983а: *Полное собрание сочинений и писем*: в 30 т. *Письма*: в 12 т. М.
- Чехов, А.П. 1974–1983б: *Полное собрание сочинений и писем*: в 30 т. *Сочинения*: в 18 т. М.

REFERENCES

- Abramzon, T.E. 2010: «*Pis'mo o pol'ze stekla*» M.V. Lomonosova. *Opyt kommentariya prosvetitel'skoy enciklopedii*. Moscow.
- Baluhatyj, S.D. 1930: Biblioteka Chehova. In: N. F. Bel'chikov (red.), *Chehov i ego sreda*. Leningrad, 197–423.
- Blok, A.A. 1997–2014: *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*: v 20 tomah. Moscow.
- Chehov, A.P. 1974–1983a: *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*: v 30 t. *Pis'ma*: v 12 t. Moscow.

- Chehov, A.P. 1974–1983b: *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: v 30 t. *Sochineniya*: v 18 t. Moscow.
- Fedorov, F.P. Prostranstvenno-vremennaya struktura stihotvoreniya A.S. Pushkina «K***» («Ja pomnyu chudnoe mgnoven'e...»). In: *Pushkin i russkaya literatura*. Riga, 4–14.
- Gusihina, N.P. 2005: *A.P. Chehov i russkaya poeziya XIX veka*: diss. ... kand. filol. nauk. Tver'.
- Lapushin, R.E. 2011: «Krasavicy». In: V.B. Kataev (red.), A.P. Chehov. *Enciklopediya*. Moscow, 111–112.
- Luludova, E. 2001: Ballady Zhukovskogo i «Chernyj monah» Chehova (materialy k tekstologicheskomu kommentariyu). In: V.B. Kataev (red.), *Molodye issledovateli Chehova*. Vyp. 4. Moscow, 363–367.
- Nazirov, R.G. 2005: Chehov protiv romanticheskoy tradicii (K istorii odnogo syuzheta). In: *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskij podhod*. Ufa, 42–57.
- Papernyj, S.C. 1973: Chehov i romantizm. In: *K istorii russkogo romantizma*. Moscow, 437–505.
- Pushkin, A.S. 1937–1959: *Polnoe sobranie sochineniy*: v 16 t. Moscow-Leningrad.
- Rudakova, S.V. 2013: *Osnovnye obrazno-semanticheskie kategorii poeticheskogo mira E.A. Boratynskogo*. Magnitogorsk.
- Suhikh, I.N. (red.) 2002: *A.P. Chehov: pro et contra*. Moscow.
- Zaytseva, T.B. 1996: *A.P. Chehov i I.A. Goncharov: problemy poetiki*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saint-Petersburg.
- Zaytseva, T.B. 2003: Povest' A.P. Chehova «Chernyj monah» v kontekste «Zolotogo veka» russkoy literatury. In: *Intertekst v hudozhestvennom i publicisticheskom diskurse*. Magnitogorsk, 300–304.
- Zaytseva, T.B. 2011: Koncept «Ljubov'» v tvorchestve A.P. Chehova (dlja antologii «hudozhestvennye konstanty russkoy literatury»). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 3, 705–710.
- Zaytseva, T.B. 2012a: Chehov i Kirkegor o ljubvi-vospominanii. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 5, 82–87.
- Zaytseva, T.B. 2012b: Drama Chehova «Tri sestry» kak parafraza stihotvoreniya Lermontova «Tri pal'my». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 7. 1. 90–93.
- Zhiljakova, E.M. 1999: V.A. Zhukovskiy i A.P. Chehov. In: O.N. Bahtina, N.E. Razumova, N.Zh. Vetsheva (red.), *Problemy literaturnyh zhanrov*. Ch. 1. Tomsk, 126–135.
- Zhukovskiy, V.A. 1959–1960: *Sobranie sochineniy*: v 4 t. Moscow – Leningrad.

THE ROMANTIC BEAUTY CONCEPT IN THE STORY «BEAUTY» BY CHEKHOV

Tatiana E. Abramson*, Tatiana B. Zaytseva**, Svetlana V. Rudakova***

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
ate71@mail.ru

** *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
tbz@list.ru

*** *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
rudakovamasu@mail.ru

Abstract. The paper is first to analyze the story A. P. Chekhov's «Beauty» in the romantic aspect of the concept of beauty. The author persuasively proves that the two parts of Chekhov's story correlate with each other as the two poetic notions of beauty, reflecting the peculiarities of

human perception of the world the "Golden Age" of Russian literature and a person of the twentieth century. Beauty in the story by Chekhov is presented as the reflection of the ideal, the absolute as well as the Romantic poets, but different hierarchies of time and eternity fundamentally differ the concept of beauty by Chekhov. The romantic concept claimed the beauty to be the triumph of eternity and the proof immortality of soul. Chekhov's eternity triumphs over time, shown as the bad infinity. There is an insurmountable barrier in Chekhov's story between a person and eternity, the sign of which is the beauty. The thing which helped romantics to break this barrier was an aesthetic ability to "dedicated" person – poet, artist, perceiving happiness and unhappiness even as the Divine Providence and does not require proofs of beauty; but in contrast to the lyrical romantic, Chekhov's characters are completely "uninitiated". "Uninitiated" means a characteristic feature of the new era, the successor in the 19th century. Integrity and harmony, elegance and aesthetic views of the world were replaced by a boring mosaic picture of the life perception. Teleological romantic views of Zhukovsky and Pushkin are unfamiliar to Chekhov. Rare occasional glimpses of the beauty in Chekhov's world, despite the romantic concept, show a complete lack of expediency in this life and even make sense at all. Featuring the general and the particular in the perception of beauty in different eras, Chekhov bases on the traditions of Pushkin and Zhukovsky's poetry and anticipates the concept of beauty of the Symbolist poets, particularly Bloc.

Key words: Russian literature, 19th century, A.P. Chekhov

ВАРИАТИВНОСТЬ СВЯЗИ «КУКЛА – РОК» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Н.М. Солнцева

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва,
natashasolnceva@yandex.ru*

Аннотация. Лексема «куколка» (биологическая личинка) имеет семантику жизнепорождения и свободы (Н. Мандельштам, Б. Пастернак, С. Соколов, Л. Толстой, М. Цветаева, Л. Шестов и др.); А. Дж. Тойнби видит в ней аллегория смены цивилизаций. Кукла как симулякр человека – символ подчинения року. В «Законах» Платона человек – кукла богов, что воспринимается как данность. Человек-марионетка – не трагедия и в поэзии Хайяма. В «Госте на празднике Бон» В. Пелевина жизнь самурая показана как мгновение: каждый – кукла с механизмом, сотворенным кукольным мастером, человек – мысль Бога-мастера. Но в экзистенциалистском понимании быть куклой – трагическая коллизия воли и несвободы (Л. Андреев, Г. Миллер, Н. Тэффи и др.). Собственно в кукольном мире воплощение рока – человек; например, кондитер в «Щелкунчике» Э.Т.А. Гофмана. Но парадокс в том, что марионетка жива, пока она в руках кукловода (М. Волошин, В. Набоков).

Яркий пример коллизии воли и рока – история Петрушки. Традиционный Петрушка – гедонист, провокатор, грубиян (С. Маршак и др.). В нежном сознании Котика Летаева (А. Белый) он вредное, злое создание. Однако в интерпретации И. Стравинского и А. Беньюа сюжет о несчастной любви Петрушки развернут в философею о смерти и бессмертии. Роль везунчика отдана арапу. Яблоко раздора – балерина. В Петрушке проявились психологические глубины, даже инстинкты, как считал Г. Свиридов. Описана история о пределах души марионетки, о мнимой и настоящей свободе. Фокусник возвращает убитому Петрушке кукольную сущность, но появляется его привидение, оно грозит фокуснику.

Экзистенциальная трактовка Петрушки получила продолжение в «Петрушке» И. Елагина. Здесь есть традиционный народный витализм и народное здравомыслие. Герой справедливо наказывает порочных людей, но его силы иссякают, его последний монолог заканчивается предчувствием настоящей, не сценической, смерти.

Итак, при очевидной вариативности сюжетов о куклах (людях-куклах), вступающих в отношения с роком, в них нет дихотомии, замысел отвечает древнейшей, мультикультурной универсалии: марионетка (человек-марионетка) – игрушка рока. Либо это надо принять, проявив понимание бытия, либо приходится пережить экзистенциальный стресс.

Ключевые слова: Гофман, Елагин, кукла, Пелевин, Петрушка, Соколов, Хайям

В русском узусе лексема «куколка» обрела устойчивое семантическое поле и означает либо живое зоологическое нечто, либо симулякр, маленькое подобие

Солнцева Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: natashasolnceva@yandex.ru

человека. В своде литературных образов зоологическая куколка (кокон, личинка) многозначна. Она выразительна в бытовых описаниях: новорожденного сына Кити и Левина спеленали, как твердую куколку. Она выразительна в поэтике созерцания, как у Б. Пастернака: «Жутко ведь, вея, окутывать / Дымами Кассиопею! / Наутро куколкой тутовой / Церковь свернуться успеет» («С полу, звездами облитого...», <1918–1919>)¹. Она мифогенна, и она порождает ассоциации в философской антропологии. Саша Соколов пишет, что рожден не в Буэнос-Айресе, Иерусалиме или Вифлееме, а «черте где», что оказался «неизвестно кем» – жертвой случайных связей, спеленутым, окукленным; и перед «военными эскулапами» он предстает «дивной куколкой, выросшей из простой личинки», совершенно окукленным; да и народ «рожден в смиренной косоворотке» – и, осознав это, он возлюбил этот народ, «раскуклился и воспарил» маленьким тревожным мотыльком². М. Цветаева писала о своей «душе хлыста и изувера», о своем рывке в безмерность – так бабочка вырывается из куколки: «Как бабочка из хризалиды!» («Душа, не знающая меры...», 1921)³. В двух последних примерах состоялся акт воли: раскуклился сам, вырывается сама. Л.Н. Толстой, формулируя сентенцию о волевом, самостоятельном раскукливании, записал 3 декабря 1856 г.: «Для того чтобы снять с человека форму суеверия, избави Бог на нее действовать прямо, как разбить куколку червяка и оставить его голого; а надо кормить червяка, чтобы он вырос из куколки, и сам сбросил ее, когда он уже бабочка»⁴. Л. Шестов в «Апофеозе беспочвенности» (1905) описал превращение куколки в вольную бабочку. Куколка стала знаком внутренней свободы. Даже когда она оказывается в соседстве с понятием «судьба», в ней нет коннотации принудительности. Например, Н. Мандельштам пишет об «обреченности» О. Мандельштама и Б. Пастернака литературе: «Судьба была заложена, как в куколке бабочки, в духовной структуре этих людей»⁵. Ее семантика настолько неоднородна, что включает в себя даже характеристику цивилизационных переходных состояний. А. Дж. Тойнби пишет: «Мы увидим роль ислама как куколки между древней цивилизацией Израиля и Ирана и современной Исламской цивилизацией Ближнего и Среднего Востока»; или: «<...> христианская Церковь – лишь одна из целого ряда церквей, чьей функцией было служить куколкой для обеспечения воспроизводства цивилизаций и, таким образом, сохранить эту секулярную разновидность общества»⁶.

Образные смыслы зоологической куколки сводятся к жизнепорождению. Куколка как экзистенциалистская аллегория несвободы, бесконечного, дурного, принудительного превращения встречается редко. Например, в «Смысле жизни» (1918) Е. Трубецкого. Напротив, человекоподобная кукла, обреченная подчинению, или подобный кукле человек, обреченный подчинению, – частый образ.

В античности жизнь «управляется божеством, которое само играет без ясно выраженной цели» – оно «чересчур физично, внелично и потому преисполнено избытка сил и безмерной энергии, изливающейся в мир. Отсюда – опасная

¹ Пастернак 1988, 128.

² Соколов 2007, 14, 19 – 20, 22, 23.

³ Цветаева 2000, 443.

⁴ Толстой 2000, 45.

⁵ Мандельштам 2014, 230.

⁶ Тойнби 1995, 138.

безрассудность детски-наивной игры грозного хаоса и нестареющей вечности»⁷. В «Законах» Платона человек – кукла богов, которой не понять, хотят ли боги от него избавиться или просто ищут применения своим силам. Человек как игрушка Бога – сентенция бытийная, неизбежная, что снижает градус трагичности. Так, марионеточность смертного – простая данность для Хайяма: «Кто мы? Куклы на нитках, а кукольник наш – небосвод. / Он в большом балагане своем представление ведёт. / Нас теперь на ковре бытия поиграть он заставит, / А потом в свой сундук одного за другим уберёт»⁸. В основу рассказа В. Пелевина «Гость на празднике Бон» (2009) положены тезы самурая Дзете Ямамото («Хагакурэ»), в которых выражены взгляды на жизнь как мгновение, говорится о том, что человек каждый миг пребывает на грани смерти и что путь самурая есть смерть. Потому в сознании оказавшегося на празднике Бон самурая Юкио Мисимы укоренена мысль: каждый – всего лишь гость в этой жизни. Человек – кукла с механизмом, сотворенным кукольным мастером. Кукла разыгрывает начатое мастером кукольное представление, потом кукла исчезает, а мастер остается. И вот голова Юкио Мисимы уже катится по ковру. Но трагедии не происходит, смерть оправдана исходной сентенцией: человек – это мысль мастера, потому нельзя убить куклу и кукла не умрет, в нее Бог-мастер просто перестает играть. Такая философия убедительна для самурая, когда он осознает, что юность прошла, осталось не оскорбить смерть старческим безобразием и пора разорвать нить жизни своими руками. Такая философия утешительна для тех, кто мучается мыслью о самоубийстве как убийстве Бога в себе: человек-кукла после смерти становится духом.

Но в экзистенциалистском понимании быть куклой – данность трагическая, в лучшем случае – драматическая, конкретизированная в конфликте воли и несвободы. Мучителен сон лирической героини в «Марьонетках» (<1910>) Н. Тэффи: он и она – танцующие марионетки, обреченные судьбой быть путниками вечно-го кружения под взглядами детей. Автоматизм жизни, как правило, невыносим. Ни для кроткого, ни для циника. В «Тропике Козерога» (1938) Г. Миллер пишет: «Сидя за письменным столом, на который я поставил табличку с надписью: “Не оставляй надежд, сюда входящий!”», сидя за этим столом и отвечая “да”, “нет”, “да”, “нет”, я осознал с горячечным отчаянием, что я – марионетка, в чьи руки общество вложило скорострельную винтовку»⁹. Или в рассказе «Он» (1912) Л. Андреева господин Норден желает превратить жизнь домочадцев в спектакль, участниками которого будут послушные куклы. Марионеткой показан и Пугачев в «Истории Пугачева» (1834), но не столько судьбы, сколько сподвижников; А.С. Пушкин назвал «замечательными» строки из письма Бибикова Фонвизину: «Пугачев не что иное, как чучело, которым играют воры, яицкие казаки <...>»¹⁰.

Узы марионеточности обременительны и в литературных историях о самих куклах. Здесь также нарушен баланс между волей и обстоятельствами. Вот цитата из приписанной Г. Маркесу «Куклы» (2000) Д. Уэлча: «Если бы Господь Бог на секунду забыл о том, что я тряпичная кукла, и даровал мне немного жизни, вероятно, я не сказал бы больше того, что думаю, я бы больше думал о том, что

⁷ Тахо-Годи, Лосев 1999, 474.

⁸ Хайям 1972, 63.

⁹ Миллер 1995, 513.

¹⁰ Пушкин 1959 – 1962, 58.

говору»¹¹. Если бы. В известных сюжетах орудие рока в жизни куклы – человек. Мы помним, что он же – кукла Бога. У вкусного царства из «Щелкунчика» (1816) Э.Т.А. Гофмана была одна опасность – «невидимая, но страшная сила»¹² под названием кондитер. Само упоминание кондитера заставляло беспечный народ предаваться раздумьям о жизни.

Но парадокс в том, что марионетка жива, пока она в руках кукловода. Как сказал о марионетках М. Волошин: «Их веревочки можно передернуть, на их лицах можно нарисовать другое выражение, но они не могут жить самостоятельной, непрерывной жизнью вне воли художника»¹³. В начале сюжета «Защиты Лужина» (1929) В. Набокова главный герой приезжает на станцию, подходит к стеклянному ящику с пятью марионетками, ожидающими, что кто-нибудь оживит их толчком монетки, но напрасно: Лужин отворачивается и направляется к краю платформы. Воля у марионетки есть, у марионетки нет свободы.

О коллизии воли и рока особенно пронзительно рассказано в сюжете о Петрушке.

Традиционный Петрушка – не просто гедонист, его шутки злы, он провокатор, грубиян. Понятно, почему в главе «Паяц-Петрушка» «Котика Летаева» (1917–1918) А. Белого он «грудогорбая, злая, пестрая, полосатая финтифлюшка-петрушка», «вредоносное, вострое, пестрое и очень злое созданыице»¹⁴. В морализаторской пьесе С. Маршака «Петрушка-иностранец» он надевает ранец с учебниками на свинью, от родителей прячется в табачном ларьке и в ящике мороженщика, крадет одежду инженера-француза и выдает себя за иностранца. В «Петрушке» этого же автора он крадет у немца шаль, в драке с ним немец погибает, Петрушка пытается утащить его домой под видом мешка с картошкой. Перед нами не менее дикая сцена, чем та, что описана в «Старухе» (1939) Д. Хармса: человек убил старуху – то ли наваждение, как в сне Раскольников, то ли реальную – крокетным молотком, засунул ее в чемодан, притащил на вокзал и т.д. В первом случае преступление как бы должно вызывать смех, оно подано в парадигме комического жанра, в последнем случае патологию сознания принято смягчать эстетической апологией абсурда. В литературоведческих мотивировках эстетика может доминировать над живой жизнью. Но если абстрагироваться от устоявшихся историко-литературных интерпретаций, то перед нами разворачиваются несовместимые с общепринятой моралью события.

Однако среди фольклорных и авторских сюжетов есть одна трогательная история о сердечных страданиях марионетки. В музыке И. Стравинского и либретто А. Бенуа предстает совершенно иной образ Петрушки – с «недрами души». Как сказано в не вошедшем в «Поэму без героя» (1940–1965) фрагменте: «...театр Мариинский / Он предчувствует, что Стравинский, / Расковавший недра души, / Ныне юноша обрученный / С девой Музыкой. Обреченный / Небывалое совершить»¹⁵. В сюжете «Петрушки» (1911) мотив любви перетекает в развернутую философию о смерти и бессмертии.

¹¹ Уэлч 2000, 10.

¹² Гофман 2011, 76.

¹³ Волошин 2003 – 2015, 336.

¹⁴ Белый 1990, 335.

¹⁵ Ахматова 1998 – 2002, 206.

Ш. Схейен, голландский славист и биограф С. Дягилева, справедливо пишет об основе персонажей «Петрушки» – *commedia dell'arte* («Дягилев. “Русские сезоны” навсегда», 2010). Но Петрушка – прежде всего из русского мира, а потом уже намек на *commedia dell'arte*. Потому Стравинский использовал народные мелодии, а Бенуа-художник предложил национальную версию оформления балета, противоположную той, что благодаря Л. Баксту царила в костюмах и декорациях новых балетов. У Бенуа с детства интерес к простонародному веселью балаганов. В 1905-м он выпустил в свет свою книгу «Русские народные игрушки». К слову, увлечение кустарной игрушкой – явление не единичное, назовем М. Якунчикову и Г. Нарбута. Как пишет Р. Нижинская: «Интернационализму Бакста Бенуа противопоставлял мощный славянский национализм. И теперь он вместе со Стравинским создавал русский балет для русских исполнителей»¹⁶. Ничего не осталось и от схематизма персонажей *commedia dell'arte*. Письмо С. Дягилева о замысле «Петрушки» «взбаламутило»¹⁷ Бенуа. В Петрушке Бенуа и Стравинского смеховая лубочность истончилась. Бенуа в принципе не выносил лубочной стилизации, что, например, отразилось на его критическом восприятии церковной живописи В. Васнецова («Ответ г. Философову», 1901). Роль везунчика в либретто отдана арапу. Яблоко раздора – балерина, а в самом Петрушке проявились непривычные психологические глубины. Г. Свиридов услышал в Петрушке даже нечто, близкое инстинкту («Музыка как судьба», 2002). Эмоциональной сложностью «Петрушка» отличался от привычных балетов о куклах. Например, от поставленной на заграничных сценах «Феи кукол» Й. Байера. Там поначалу посетителям демонстрируют механических кукол – китайца, тирольку, японку, испанку, паяца и проч.; наконец, показывают Фею кукол; с приходом ночи она оживляет механических обитателей игрушечной лавки. Сюжет балета – череда танцев, в которых есть и чувственность, и страстность, и интрига с посрамлением зла. «Кукольные» эпизоды только развлекали. 16 февраля 1903 г. состоялась премьера «Феи кукол» в Мариинском театре. Балетмейстеры Н. Легат и С. Легат, художник Л. Бакст русифицировали ситуацию: 1850-е годы, петербургский Гостиный двор, лавка игрушек с оловянными солдатами, паяцами, зайцами и проч. Возможно, из-за психологических и философских коннотаций, предложенных Стравинским и Бенуа, Петрушка Нижинскому на репетициях не давался, он просил Бенуа растолковать замысел.

Жалость Бенуа к бурлескной кукле вызрела в детстве – ему было жаль сходного с Петрушкой балаганного Арлекина, которого Пьеро разрубал на части. Свою роль сыграли и фортепианные импровизации старшего брата Альбера на тему мальчика, похищенного чертями. Жаль было и фольклорного Петрушку, потому что черт утаскивал его в ад. Сильный импульс был получен от сыгранного Стравинским «крика Петрушки» – в нем были «и горе, и бешенство, и какие-то любовные признания, а над всем какое-то беспомощное отчаяние»¹⁸.

Куклы в балете оживают мучительно. Петрушке тяжелее, чем арапу и балерине: он остро осознает свою зависимость от фокусника-кукловода и свой смешной вид. Он ищет любви, а балерина предпочитает злого, но нарядного арапа. Петрушка ревнует, страдает, арап поражает его ударом сабли, и тот умирает на

¹⁶ Нижинская 2005, 116.

¹⁷ Бенуа 1993, 514.

¹⁸ Бенуа 1993, 517.

снегу. Бенуа вспоминал, что и потом не мог «без дрожи слышать эту столь теперь знакомую музыку агонии – жалобное прощание Петрушки с жизнью»¹⁹.

В основе этой истории – коллизия сердца и рока. Но она не только и не столько любовная. Она о пределах души марионетки, мнимой и настоящей свободе. Фокусник – материализация рока – имеет непререкаемую власть над телом Петрушки. Он возвратил ему его кукольную сущность, и все увидели, что раздробленная голова – деревянная, а тело набито опилками. К слову, во времена Французской революции 1789 г. гильотина отрезала Полишинелю голову, она катилась в корзину – к королевским головам; отрезанную голову присоединяли к телу, актер вдыхал в Полишинеля жизнь – и вот он вновь живой, эпатирующий. В случае с Петрушкой оживление тоже балаганное, но и мистическое: над театриком появляется его привидение, оно грозит фокуснику.

Мотивы преодоления куклой смерти и противления куклы року прозвучали в «Петрушке» настолько сильно, что в них увидели не только народный, но и социальный смысл: «Вацлав укрупнил образ, превратив сумасшедшую куклу в символ духа русского народа, угнетенного аристократией, но воскресающего после всех оскорблений и обманов и непобедимого»²⁰. Скорее всего помня «Петрушку», А. Блок высказал недовольство по поводу слабого народного влияния в новой сценической версии Петрушки и ее интеллигентской анемичности («Кукольный театр Оболенской и Кандаурова. Из серии “Петрушка” – “Война королей”. 13 января 1918»).

И все же экзистенциалистская линия балета впечатляла не менее и, на наш взгляд, получила продолжение. В «Петрушке» поэта второй волны эмиграции И. Елагина есть взрывной народный витализм и народное здравомыслие. Герой начинает монолог с вызова «почтеннейшей публике», «дорогим современникам»; он «выскачка», «шаромыжник»²¹, за дело избил цыгана, аптекаря, немца: цыган выдавал вислоухого мерина за коня арабских кровей, «фармазон-аптекарь» за полущку продавал микстуру от всех болезней и «эликсир равенства и братства», а сосед-немец, предлагавший Петрушке немецкий кафтан, – враг: «Сколько раз уже из пушки / Он всерьез палил меня!»²². Но силы Петрушки иссякнут, его последний монолог заканчивается предчувствием настоящей, не сценической, смерти; об этом же и лейтмотив «Во саду ли, в огороде / Галки тучей носятся»²³.

Итак, при очевидной вариативности сюжетов о куклах(людях-куклах), вступающих в отношения с роком, в них нет дихотомии, замысел отвечает древнейшей, мультикультурной традиции, философской универсалии: марионетка(человек-марионетка) – игрушка рока. Но отношение к столь тупиковой ситуации различно: либо ее надо принять, проявив понимание бытия, либо приходится пережить экзистенциальный стресс.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова, А.Н. 1998–2002: *Собр. соч.*: в 6 т. М.

Белый, А. 1990: *Сочинения*: в 2 т. М.

¹⁹ Бенуа 1993, 518.

²⁰ Нижинская 2005, 124.

²¹ Елагин 1998, 108.

²² Елагин 1998, 111, 113.

²³ Елагин 1998, 109, 110, 112, 113, 114.

- Бенуа, А.Н. 1993: *Мои воспоминания*: в 2 т. М.
 Волошин, М.А. 2003–2015: *Собр. соч.*: в 10 т. М.
 Гофман, Э.Т.А. 2011: *Щелкунчик и мышинный король*. СПб.
 Елагин, И.В. 1998: *Собр. соч.*: в 2 т. М.
 Мандельштам, Н.Я. 2014: *Собр. соч.*: в 2 т. Екатеринбург.
 Миллер, Г. 1995: *Тропик рака. Тропик Козерога. Черная весна*. М.
 Нижинская, Р. 2005: *Вацлав Нижинский*. М.
 Пастернак, Б.Л. 1988: *Избранное*: в 2 т. М.
 Пушкин, А.С. 1959–1967: *Собр. соч.*: в 10 т. М.
 Соколов, С. 2007: *Тревожная куколка*. СПб.
 Тахо-Годи, А.А., Лосев, А.Ф. 1999: *Греческая культура в мифах, символах и терминах*. СПб.
 Тойнби, А. Дж. 1995: *Цивилизация перед судом истории*. СПб.
 Толстой, Л. 2000: *Записные книжки*. М.
 Уэлч, Д. 2000: *Куклы*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inpearls.ru/comments/50395>
 Хайям, О. 1972: *Рубаи*. М.
 Цветаева, М. 2000: *Книги стихов*. М.

REFERENCES

- Akhmatova, A.N. 1998–2002: *Sobranie sochineniy*: v 6 t. Moscow.
 Belyy, A. 1990: *Sochineniya*: v 2 t. Moscow.
 Benua, A.N., 1993: *Moi vospominaniya*: v 2 t. Moscow.
 Elagin, I.V. 1998: *Sobranie sochineniy*: v 2 t. Moscow.
 Hofman, E.T.A. 2011: *Shchelkunchik i myshinyy korol*. Saint-Petersburg.
 Khayyam, O. 1972: *Rubai*. Moscow.
 Mandelshtam, N.Ya. 2014: *Sobranie sochineniy*: v 2 t. Ekaterinburg.
 Miller, G. 1995: *Tropik raka. Tropik Kozeroga. Chyernaya vesna*. Moscow.
 Nizhinskaya, R. 2005: *Vatslav Nizhinskiy*. Moscow.
 Pasternak, B.L. 1988: *Izbrannoe*: v 2 t. Moscow.
 Pushkin, A.S. 1959–1967: *Sobranie sochineniy*: v 10 t. Moscow.
 Sokolov, S. 2007: *Trevozhnaya kukolka*. Saint-Petersburg.
 Tarho-Godi, A.A., Losev, A.F. 1999: *Grecheskaya kultura v mifakh, simbolakh i terminakh*. Saint-Petersburg.
 Tolstoy, L.N. 2000: *Zapisnye knizhki*. Moscow.
 Toynbi, A. Dzh. 1995: *Tsivilizatsiya pered sudom istorii*. Saint-Petersburg.
 Tsvetaeva, M. 2000: *Knigi stikhov*. Moscow.
 Uelch, D. 2000: *Kukly*, <http://www.inpearls.ru/comments/50395>
 Voloshin, M.A. 2003–2015: *Sobranie sochineniy*: v 10 t. Moscow.

THE VARIABILITY OF CONNECTION «DOLL – FATE» IN LITERARY TEXTS

Natalia M. Solntseva

Lomonosov Moscow State University, Russia,
natashasolnceva@yandex.ru

Abstract. The token “larva” [chrysalis] has the semantics of life and freedom (B. Pasternak,

S. Sokolov, M. Tsvetaeva, L. Tolstoy, L. Shestov, etc.); A.J. Toynbee sees an allegory of civilization change in it. Doll is a symbol of subjection to the fate. In “The Laws” by Plato man is a puppet of the gods. The situation is perceived as unavoidable, the degree of tragedy is reduced. Man-puppet is not a tragedy in the Khayyam poetry. In “The Guest at the feast of Bon” by V. Pelevin the life of samurai is a moment, just the thought of God, the doll that made puppet master. But in the existentialists sense of being a doll is the tragic collision of will and lack of freedom (L. Andreev, G. Miller, N. Taffy). Actually in the world of the dolls man is a ill fate (the pastry chef in “The Nutcracker” by E.E.A. Hoffmann).

An example of the clash of will and fate is the story of Parsley. Traditional Parsley is hedonist, provocateur, boor (S. Marshak). However, in the I. Stravinsky and A. Benois interpretation the story about unrequited love of Parsley deployed to philosophizing about death and immortality. A blackamoor is lucky. A ballerina is an apple of discord. Parsley reveals the psychological depth, even instincts (G. Sviridov). It's the story of the puppet soul, imaginary and true freedom. The magician returns to the slain Parsley puppet entity, but Parsley grost appears, it threatens the magician.

Existential interpretation was continued in “Petrushka” by I. Elagin. There is tradition folk vitalism and sanity. A hero punishes the evil, but his strength runs out. His last monologue ends with feeling death.

So, the story about puppet is variable. But it saved a multicultural universal: man is ill fate toy. Either to take or to experience the existential stress.

Key words: Hoffman, Elagin, doll, Petrushka, Pelevin, Sokolov, Khayyam

---

ЛИНГВИСТИКА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 364–371
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 364–371
© Автор(ы) 2016

КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ БРИТАНСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ: ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.Э. Арсланбекова

Жалал-Абадский государственный университет, Жалал-Абад,
narslanbekova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена диахроническому исследованию лингвистической и культурной эволюции концепта радость. Автором рассматривается представление о радости в сознании древнеанглийского и древнерусского народов в дохристианскую и христианскую эпохи. В статье рассматривается эволюция представления о радости в английской и русской лингвокультурах на примере этимологического анализа слов, номинирующих это чувство. Рассматривая историю происхождения слов, входящих в структуру концепта радость, автор статьи доказывает, что в английском и русском языках становление концепта радость шло разными путями, хотя понятийная база данного концепта имеет и общие закономерности.

До XI–XII веков древние англосаксы, как и древние славяне, не имели общего слова, номинирующего радость, в своих языках. Значение радости было свойственно многим лексемам. Причем номинации радости были в большинстве своем персонифицированы: радость могла быть увидена, услышана, почувствована.

Начиная с XII века, Радость в английском языке начинает выражаться посредством определенных ключевых слов. Но, несмотря на то что в английский и русский языки лексемы joy и радость проникли примерно в одно и то же время, путь их исторического развития не является идентичным.

В английском языке концепт радость в основном представлен словами, заимствованными из французского языка, что связано с норманнским завоеванием Британских островов. Структура концепта радость в русском языке состоит из слов исконно славянского происхождения, поэтому синонимы лексем радости можно найти во многих родственных языках.

В процессе исследования автор статьи делает вывод, что в русском языке слов, номинирующих радость, намного больше, чем в английском языке. Это говорит о том, что концепт радость в эмоциональной картине мира носителей русского языка играл более значимую роль, чем концепт joy в национально-языковом сознании британцев.

Ключевые слова: концепт, эмоция, норманнское завоевание, дохристианская эпоха, христианская эпоха, картина мира, этимология

Арсланбекова Насыйкат Эркинбаевна – преподаватель кафедры английского языка и литературы Жалал-Абадского Государственного Университета. E-mail: narslanbekova@mail.ru

Концепт *радость* является одним из наиболее значимых эмотивных концептов, входящих в область национальной концептосферы любого языка. Именно в этом концепте в большей степени проявляется антропоцентризм языковой картины мира, т.к. концепт *joy/радость* более, чем какой-либо другой концепт, связан с человеческой личностью, в жизни которой важное место занимает позитивный настрой. Однако в английском и русском языковом сознании концепт *радость* мыслится неодинаково в связи с различными подходами к данному явлению, хотя понятийная база данного концепта предполагает и общие для двух языков закономерности.

Древние англосаксы, как и славяне древнерусского государства, не имели общего слова, номинирующего *радость*, в своих языках. И в древнерусском языке (до XIV века), и в древнеанглийском языке (до XII века) значение радости было свойственно многим лексемам. Причем номинации радости были в большинстве своем персонифицированы.

Анализируя концепцию радости в древнеанглийском языке, немецкий лингвист Карл Остхеерен отмечал, что в дохристианский период эмоция радости, как и другие эмоции, представлялась как нечто, что можно услышать или увидеть¹. Такое отождествление эмоции с ее внешними проявлениями, а также с тем, что ее вызывает, было характерно для всех индоевропейских, в том числе древнегерманских, языков. Древние формы мышления основывались прежде всего на чувственном восприятии мира. Уровень абстрагирующе-обобщающей деятельности был низким, поэтому такие абстрактные понятия, как, например, *радость* понимались через ощущения – как нечто конкретное. В результате, источники удовольствия или чувственного наслаждения (пища, сладкий вкус, красота, одежда), а также события и обстоятельства, способствующие возникновению чувства удовольствия, веселья, радости (пир, изобилие, праздник, свадьба), ассоциировались с этой эмоцией.

Самой первой номинацией радости в древнеанглийском языке было слово *hlōð*, которое ассоциировалось с ношением одежды (совр. англ. *cloth*). Связано это было с тем, что яркая, праздничная одежда, которую англосаксонские племена одевали в период религиозного культа, символизировала *радость* от встречи с божеством. Наверное, поэтому данное слово имело еще одно значение – «утешение»².

Радость в более «мирском» смысле обозначалась словом *dreām* – «Радость, восторг, веселье». В связи с этим значение «Радость, крик восторга» в древнеанглийском языке можно соотнести со значением «экстаз», «сон» в современном английском языке.

Чаще всего концепт *радость* в языке древних англосаксов актуализировался в прилагательном *merry* («веселый»). По одной версии, лексема *merry* восходит к индоевропейскому корню **mer(g)-* («связывать, гнуть»), который имеет синонимы: **gau-* («веселиться») и **geu-* («связывать, гнуть»). Корень **gau-* лег в основу латинского слова *gaudium* («Радость, веселье») и английского слова *gay*, во внутренней форме которого также заложена сема «Радость». Что же касается корня **geu-* и его синонима **mer(g)-*, то значение «Радость» может соотноситься со значением «гнуть» («сокращать мышцы лица»).

¹ Ostheeren 1964, 96.

² Маковский 1999, 93.

Но существует и другая, более правдоподобная, версия происхождения слова *merry*, согласно которой оно произошло от индоевропейского корня *mel- – «экстаз», что можно объяснить следующим образом. Сакральное действо во время религиозных праздников обычно проходило около шеста или дерева, олицетворявших Божество; экстаз, являвшийся конечной стадией сакрального действия, символизировал *радость* общения с Божеством. То, что священное таинство проходило возле дерева, отразилось в еще одном значении английского слова – «черешня, дикая вишня», что наводит на мысль об использовании именно этого вида деревьев для совершения религиозного обряда³.

Таким образом, *радость* в ранний период англосаксонской истории выражалась, как правило, с помощью трех лексем – *hlōð*, *dreām* и *merry*. На основании двух последних развиваются другие номинации радости, носящие характер действия. Это в первую очередь глаголы *drēmen* («ликовать»); *mirien* («кричать от радости, быть счастливым») и существительное *mirthe* («Радость, веселье»). В дальнейшем *радость* у древних англосаксов начинает ассоциироваться с деланием добра, оказанием помощи и проявлением милосердия, о чем говорит взаимосвязь между понятиями «милосердие» и «Радость», актуализированная в наречии *blisfulli* («радостно, добро, благочестиво, милосердно») и прилагательном *blithe* («радостный, счастливый, милосердный»)⁴.

Но с приходом в XI веке на Британские острова нормандцев и установлением их власти многие древнеанглийские слова были заменены французскими аналогами. Это было связано с тем, что изменившиеся политические условия не благоприятствовали сохранению или развитию английской письменности и исконной англосаксонской лексики, в связи с чем большое количество исконных слов было забыто и со временем перешло в другие семантические классы: *hlōð* → *cloth* («одежда»), *dreām* → *dream* («сон, мечта»).

В середине XII века в английский язык из словарного фонда французского языка проникает лексема *joy*. Это была трансформация французского слова *joie/joye* со значением “feeling of pleasure and delight”. Спустя век лексема *joy* стала уже номинировать не только чувство, но и источник удовольствия: “source of pleasure or happiness”⁵.

Производным от имени существительного *joy* является глагол *rejoisen* – «ликовать, радоваться, получать удовольствие, обладать имуществом»⁶. Этот глагол и поныне сохранился в современном английском языке в форме *to rejoice* – «радовать, веселить».

В середине XIII века лексико-семантическое поле *joy* в английском языке расширяется, появляются прилагательные *joyful* и *joyous*, которые являются синонимами, хотя в лексический состав английского языка они пришли разными путями.

Слово *joyful* можно считать англо-французской номинацией. Оно образовано от ставшего уже английским существительного *joy* с помощью присоединенного к нему исконно английского (древнесаксонского) прилагательного *ful*, имеюще-

³ Маковский 1999, 219 – 220.

⁴ Kurath 1999.

⁵ Harper, <http://www.etymonline.com>.

⁶ Kurath 1999.

го значение «полный, законченный, целый», которое впоследствии в английском языке стало суффиксом *-ful*.

А вот лексема *joyous*, как и сама ядерная лексема *joy*, – французского происхождения. В старофранцузском языке слово *joios* (в XII веке оно писалось как *joyeux*), бывшее дериватом от существительного *joie*, имело значение “happy, cheerful, merry, glad”⁷.

В начале XIV века в английском языке появляется глагол *enjoy* («наслаждаться, получать удовольствие»), который, с одной стороны, является дериватом лексемы *joy*, но с другой стороны, восходит к старофранцузскому глаголу *joir* (совр. *jouir*) – «пользоваться, наслаждаться»⁸.

Со временем к словам *joy* и *enjoy* стали присоединяться различные суффиксы (тоже французского происхождения), в результате чего появились слова *joyless* (середина XIV в.) – “without joy or gladness; unhappy”; *enjoyable* (1640) – “capable of being enjoyed”; *enjoyment* – “state of enjoying” (1550) и “that which gives pleasure” (1732). Так, начиная уже с XV века, концепт РАДОСТЬ, номинативно выраженный в лексеме *joy* и производных от нее лексемах, становится полноправным членом лексико-семантической системы английского языка.

В древнерусском языке, как и в древнеанглийском, в XI веке значение радости передавалось через слова материального мира, которые были связаны с радостным состоянием тела и души.

Так, согласно словарю И.И. Срезневского, семантика радости, помимо других значений, входила в лексемы *пища* («Радость, пища, еда, питание, кормление, запас, пропитание, наслаждение, блаженство»); *веселье* («Радость, свадьба»); *праздновати* «радоваться, быть свободным, бездействовать»⁹.

Проявления радости также интерпретировались как сама эта эмоция: смех, подпрыгивания, возгласы, аплодисменты, танцы представлялись как *радость*. Например, древнерусское слово *играти* имело значение «ликовать, веселиться, прыгать, скакать, быть в движении, шутить, насмехаться, играть на музыкальных инструментах»¹⁰. Радостное состояние номинировал глагол *ликовати* – «ликовать, водить хороводы, петь, пением прославлять кого-либо»¹¹. Радость как одно из значений входила в семантическую структуру абстрактного существительного *плескание* – «Радость, рукоплескание, торжество, один из языческих обрядов, игра»¹². Древнерусский глагол *склабитися* означал не только «улыбаться», но и «радоваться». Исследователь отмечает и слово *смехъ*, имевшее значения «Радость, смех, хохот, веселье, насмешка»¹³.

Таким образом, в древнерусском языковом сознании *радость* также понималась через чувственные ощущения, как нечто конкретное, причем эта эмоция не разграничивалась с удовольствием, наслаждением и весельем. Близость данных понятий видна на примере некоторых слов. Так, существительное *наслаждение*, кроме основного своего значения, номинировало еще и Радость; глагол *наслади-*

⁷ Harper, <http://www.etymonline.com>.

⁸ Hoad 1996, 249.

⁹ Срезневский 2003.

¹⁰ Срезневский 2003.

¹¹ Филин 1981, 233.

¹² Срезневский 2003.

¹³ Срезневский 2003.

тися означал «испытывать Радость, наслаждаться»; слово *нега* имело значение «Радость, ласка». Кроме того, существовали еще следующие глаголы с семантикой радости: *осладъчити* – «доставлять Радость, удовольствие»; *угажати ся* – «радоваться, получать удовольствие». Более того, Радость, как и многие другие положительные эмоции, понималась как нечто желательное, поэтому слова со значением «охота» или «желание» также имели значение «радость». Например, в древнерусском языке *охота* означало «Радость, веселье», а *охвота* – «Радость, удовольствие»¹⁴.

С принятием христианства произошли изменения в концептуализации радости. Христианство причисляло мирские удовольствия к греховным делам. Радость стала интерпретироваться как чувство, связанное с милосердием и добротой. И в древнерусском языке появляется слово *милость*, которое понимается не только как «милосердие, благорасположение, жалость», но и как «духовная Радость». В этом же контексте можно рассматривать и слово *утешение*, имеющее значение ««Радость, утешение, поддержка». Более того, глагол *отрадити*, однокоренной современному глаголу *радоваться*, имел значение «утешить, иметь сострадание»¹⁵.

Кроме того, *радость* в христианском представлении отождествлялась со светом, сиянием, или раем. Например, древнерусское существительное *светлость* имело значение «Радость, красота, блеск, сверкание, сияние, благодать», а также «торжество, слава, величие, высота, важность, богатство»¹⁶.

Таким образом, в древнерусском, как и в древнеанглийском, языке семантика радости изначально была свойственна многим языковым единицам, номинирующим как конкретные, так и абстрактные понятия.

Общее слово, актуализирующее *радость* как чувство и эмоциональное состояние, пришло в русский язык в XI веке. Это была лексема *рад*, которая, по данным этимологических источников, имеет соответствия практически во всех славянских языках: укр. *рад* (*рада, радо*), *радий, радість, радувать(ся)*; блр. *рад* (*рада, радо*), *радаець, радаваць, радавацца*; болг. *рад* (*рада, радо*), *радвам(се)*; с.-хорв. *рад* (*рада, радо*), *радост, радовати(се)*; словен. *rad* (*rada, rado*), *radost, radovati(se)*; чеш. *rad* (*rada, rado*), *radost, radovati(se)*; словац. *rad* (*rada, rado*), *radost, radovat'sa*; польск. *rad* (*rada, rado*), *radosc, radovac (sie)*¹⁷.

Считается, что слово *рад* не имеет родственных связей в других индоевропейских языках, что эта лексема – славянского происхождения. Но существуют и другие версии. По одной из них, в основе слова *рад* лежит индоевропейский корень **rēd/rod*, имеющий значения «радостный, веселый» и «ободрять». К этому выводу пришел И. Покорный, сопоставив славянские слова с англосаксонскими словами *rōt* («радостный, благородный») и древнеисландским словом *rotask* («становиться веселым, ясным») ¹⁸. Некоторые исследователи высказывают вообще неправдоподобные версии. Так, как отмечает М. Фасмер, по одной из таких версий, слово *рад* могло произойти из **arda-*, корня греческого имени *Ардагастос* (так звали одного

¹⁴ Срезневский 2003.

¹⁵ Срезневский 2003.

¹⁶ Срезневский 2003.

¹⁷ Черных 1999, 93.

¹⁸ Pokorny 1959, 853.

из вождей славян), по другой версии – из названия местности в округе Лангада (Македония) Radogostь¹⁹. Но такие сопоставления, по мнению большинства исследователей, крайне неудачны.

Обилие версий происхождения слов с корнем *рад-* в русском языке дает право предполагать, что этимология лексемы *радость* до конца еще не выяснена. Но, тем не менее, слово *рад* в значении «радостный, довольный» встречается в памятниках древнерусской письменности уже XI веке. Так, в «Остромировом Евангелии» (1057) есть такие строки: «*Авраамъ отецъ цайшъ радъ бы былъ да бы видель дни мои*»²⁰.

Со временем словообразовательное поле лексемы *рад* расширилось. Три слова с корнем *рад-* появилось уже в XI веке. Это такие лексемы, как *Радость*, *радование*, *радоватися*. В XII веке появилось прилагательное *радостный* и наречие *радостно*, в XIV веке словарный фонд русского языка пополнился еще лексемой *радостивый*, в XV веке в русский язык пришло наречие *радованно*, а в XVI веке – наречие *радостне*. Семантика лексем с корнем *рад-* вплоть до XVII века расширялась, появлялись новые значения этих номинаций.

Так, сама лексема *радость* в XI–XII веках номинировала «Радость, веселье, ликование», а также «событие или лицо, вызывающее это чувство», в конце XV века у нее появляется значение «милость».

Кроме того, корень *рад-* начинает входить в состав многих сложных слов, которые в современном русском языке уже вышли из употребления. Это такие слова, как *радостожеланный* («ожидаемый с Радостью, горячо желанный»), *радостоименный* («носящий имя радости»), *радостотворец* («тот, кто дает Радость»), *радостотворимый* («дающий Радость»), *радостотворный* («доставляющий Радость, веселье») и др.

Итак, как нам удалось установить, в английский и русский языки лексемы *joy* и *радость* проникли примерно в одно и то же время – XI–XII века, но их происхождение и путь исторического развития не является идентичным.

Английская лексема *joy* является прямым заимствованием из французского языка, в результате чего и все словообразовательное поле радости в английском языке носит заимствованный характер. Русскую лексему *радость* и все ее производные можно отнести к исконно славянским единицам. Причем дериватов этой лексемы в русском языке больше, чем в английском. Это говорит о том, что концепт *радость* в эмоциональной картине мира носителей русского языка играл более значимую роль, чем концепт *joy* в национально-языковом сознании британцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Маковский, М.М. 1999: *Историко-этимологический словарь английского языка*. М.
 Богатова, Г.А. (ред.) 1995: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Т. 21. М.
 Срезневский, И.И. 2003: *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*: в 3-х томах. М.
 Фасмер, М. 1987: *Этимологический словарь русского языка*: в 4-х т. Т. 3. М.
 Филин, Ф.П. 1981: *Словарь русского языка XI–XVII веков*. М.

¹⁹ Фасмер 1987, 429.

²⁰ Богатова 1995, 120.

- Черных, П.Я. 1999: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*: в 2-х т. Т. 2. М.
- Harper, D. *Etymology Dictionary*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com>.
- Hoad, T.F. 1996: *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. L.
- Kurath, H., Lewis, R. 1999: *Middle English Dictionary*. Michigan.
- Ostheeren, K. 1964: *Studien zum Begriff der "Freude" und seinen Ausdrucksmitteln in Altrnglischen Texten*. Berlin.
- Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern.

REFERENCES

- Bogatova, G.A. (ред.) 1995: *Slovar russkago yazyka. XI–XVII*. Т. 21. Moscow.
- Fasmer, M. 1987: *Etimologitshesky slovar russkago yazyka*: v 4-h tt. Т. 3. Moscow.
- Filin, F.P. 1981: *Slovar russkago yazyka. XI–XVII vv*. Moscow.
- Harper, D. *Etymology Dictionary*, <http://www.etymonline.com>.
- Hoad, T.F. 1996: *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Leningrad.
- Kurath, H., Lewis, R. 1999: *Middle English Dictionary*. Michigan.
- Makovsky, M.M. 1999: *Istoriko-etimologitshesky slovar angliskogo yazyka*. Moscow.
- Ostheeren, K. 1964: *Studien zum Begriff der "Freude" und seinen Ausdrucksmitteln in Altrnglischen Texten*. Berlin.
- Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern.
- Sreznevsky, I.I. 2003: *Materialy dlya slovary drevnerusskago yazyka po pismennym pamytnikam*: v 3-h tt. Moscow.
- Tshernych, P.J. 1999: *Etimologitshesky slovar sovremennogo russkago yazyka*: v 2-h tt. Т.2. Moscow.

CONCEPT "JOY" IN THE HISTORY, CULTURE AND LANGUAGE OF THE BRITISH AND RUSSIAN PEOPLE: ETYMOLOGICAL ASPECT

Nasyikat A. Arslanbekova

Jalal-Abad State University, Kirghizia,
nikakoz123@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the etymological research of the concept *joy* in the English and Russian languages. The author reviews the linguistic and cultural evolution of the concept *joy* during pre-Christian and pre-Christian periods concerning its historical development in the mentality of the ancient British and Russian people. The research of the concept *joy* in the English and Russian languages includes the etymological analysis of the joy-words. Studying the history of the origin of the words with the meaning "joy", the author of the article proves that the development of the concept *joy* in English and Russian had different historical ways in spite of the common cognitive basis. Before 11th – 12th centuries there were no a common word for the joy in the languages of the ancient Anglo-Saxons and the ancient Slavs both. Many words were used with the meaning "joy". And mostly these words were personified – one could see, hear, feel the joy.

Since the 12th century the joy in English and Russian may be already represented with the certain key-words. But though these words appeared in the languages at the same time, their

historical evolution was different in both cultures. The structure of the concept *joy* in the English language is consisted of the words borrowed from the French language. It is connected with Norman conquest of the British Isles. The structure of the concept *joy* in Russian is consisted of the Slavic-origin words, so one can find synonyms of the joy-words in the all Slavic languages.

Having studied the concept *joy* in English and Russian languages the author of the article came to the conclusion that there are more words with the meaning “joy” in Russian than in English. So one may state that the concept *joy* in emotional worldview of the Russian people played more important part than the concept *joy* did in the language and the national culture of the British people.

Key words: concept, emotion, Norman conquest, pre-Christian period, Christian period, worldview, etymology

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 371–379
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 371–379
©Автор(ы) 2016

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА ЧИНГЁНСАНСУХВА (眞景山水畫)

Е.А. Хохлова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва,
lena.khokhlova@gmail.com*

Аннотация. Чингёнсансухва (眞景山水畫) считается самым ярким явлением корейской пейзажной живописи. Направление зародилось в Корее в конце XVII века, развивалось на протяжении XVIII столетия, приобретая новые оттенки в творчестве сменявших друг друга художников. В отечественном искусствознании и корееведении термин *чингёнсансухва* принято переводить как «изображение реальных видов», направление называют национальным реалистическим пейзажем. *Чингёнсансухва* – это явление сложное, его не просто перевести на русский язык. В данной статье предпринята попытка разобраться, что означает данный термин, предложены варианты его перевода на русский язык, а также выделены особенности направления *чингёнсансухва*.

Ключевые слова: чингёнсансухва, корейская пейзажная живопись

Пейзаж *чингёнсансухва* зародился в Корее в конце XVII века, развивался на протяжении XVIII столетия, приобретая новые оттенки в творчестве сменявших друг друга художников. Самое распространенное определение *чингёнсансухва* (眞景山水畫), используемое в южнокорейском искусствознании, звучит следу-

---

Хохлова Елена Анатольевна – преподаватель Школы Востоковедения НИУ «Высшая Школа Экономики». E-mail: lena.khokhlova@gmail.com

ющим образом: *чингёнсансухва* (眞景山水畫) – это изображения реально существующих в Корее знаменитых видов природы, выполненные в художественной манере, разработанной корейскими художниками на основе традиции китайской Южной школы¹. В отечественном искусствознании и корееведении термин *чингёнсансухва* часто переводят как «изображение реальных видов», направление называют национальным реалистическим пейзажем, его особенностью признается стремление достоверно запечатлеть натуру². Однако *чингёнсансухва* – это явление более сложное, чем только реалистичное изображение существующих видов природы.

Начиная со времени правления династии Корё, для обозначения пейзажей, на которых изображена корейская природа, использовали термин *сильгёнсансухва* 實景山水畫, где *силь* (實) означает «реальный», а *гён* (景) – «пейзаж», т.е. «изображение реальных пейзажей». Корейские художники на протяжении многих веков рисовали в основном китайские ландшафты, поэтому для пейзажей, на которых изображены виды родной страны, использовали термин *сильгёнсансухва*. Понятие *чингёнсансухва* получило широкое распространение на рубеже XVII-XVIII веков. Термин был введен для обозначения пейзажей, на которых в реалистичной манере изображены знаменитые своей красотой корейские ландшафты, но конечной целью которых являлось воспроизведение принципа *чхонги* (天機), о котором речь пойдет ниже. Отличие терминов *сильгёнсансухва* и *чингёнсансухва* отражено в переводе на английский язык: *чингёнсансухва* принято переводить как *true-view landscape* «изображение подлинных (истинных) видов», *сильгёнсансухва* как *real-scenery landscapes* «изображение реальных видов». В отечественном искусствознании и корееведении, насколько нам известно, до настоящего момента не было предпринято попытки разобраться в значении термина *чингёнсансухва* и предложить соответствующий его значению перевод на русский язык. В данной статье мы рассмотрим, какой смысл несет в себе данный термин, и предложим возможные варианты его перевода на русский язык.

Термин *чингёнсансухва* состоит из двух частей: *чингён* + *сансухва*, вторая часть – *сансухва* – не представляет особой трудности для перевода на русский язык, значение также не вызывает споров. *Сансухва* 山水畫 – это дословно изображение гор и вод, т.е. изображение видов природы, или пейзаж. Первая часть термина *чингён* – понятие более сложное и неоднозначное. Иероглиф *чин* (кит. чжэнь) 眞 имеет значение «истинность», «истинный подлинный», а *гён* 景 – «вид, ландшафт»³. Таким образом, *чингён* можно перевести как «подлинный (истинный) вид», а термин *чингёнсансухва* – как «изображение подлинных (истинных) видов гор и вод» или, более доступно, «изображение подлинных (истинных) ландшафтов». Чтобы понять, что значит «подлинный (истинный) ландшафт», и разобраться, какой из вариантов перевода более точно выражает суть явления, необходимо установить, что под ним подразумевали художники Чосон XVIII столетия, когда формировалось и развивалось направление *чингёнсансухва*.

¹ Ким Вонён, Ан Хвиджун 2011, 492.

² Глухарева 1982, 175.

³ Стоит добавить, что корейские интеллектуалы использовали иероглиф *чин* (眞) в различных сочетаниях в значении «идеальный, образцовый», как, например, в слове *чиню* (眞儒) – «настоящий (образцовый) сонби (конфуцианец)» или *чинмук* «тушь высшего качества».

До середины XVIII века термин *чингён* записывали сочетанием иероглифов 眞 «подлинный (настоящий)» и 境 «граница, край». Данное сочетание использовали в значении *сонгён* (仙境) «небожитель + граница, край», т.е. место, где обитают небожители. Позже, в середине XVIII века, иероглиф 境 «граница, край» был заменен иероглифом 景 «вид» и понятие *чингён* «подлинный (настоящий) край» стало обозначать «подлинный, настоящий вид». Такая замена иероглифов предположительно произошла на фоне изменения понимания задач пейзажной живописи.

Чингён «подлинный (настоящий) край» встречается в текстах, написанных представителями группы *норон*, среди которых зарождалось направление *чингёнсансухва* и под влиянием которых происходило становление пионера и наиболее знаменитого художника направления Чон Сона (鄭歆, 1676–1759). До сих пор не обнаружено случаев использования членами этой группы термина *чингён* «подлинный (истинный) вид», в их текстах встречается исключительно *чингён* «подлинный (настоящий) край». Что же подразумевали под *чингён нороны*?

Как было сказано выше, *чингён* «подлинный (истинный) край» – это место, где обитают небожители, некий идеальный мир. Оно имело точное географическое расположение – горы Кымгансан, известные как один из самых живописных уголков на Корейском полуострове. Начиная со времен правления династии Корё, отправляясь в горы, интеллектуалы надеялись понять Дао (道). Поэтому путешествие в Кымгансан называли *симчин* 尋眞 – «поиск истины»⁴. До конца XVII века путешествия в Кымгансан были явлением не столь частым. В XVIII веке они получили широкое распространение среди интеллектуалов, став практически обязательными. Моду на путешествия ввели *нороны* во главе с братьями Ким Чханхёпом (金昌協, 1651–1708), Ким Чанхыпом (金昌翁, 1653–1722), в кругу которых сформировалась новая литература *чинмун* и живопись *чингёнсансухва*.

Поскольку поездки в Кымгансан дарили духовное освобождение, служили способом забыть о повседневности, суе бурно растущих городов, многие *нороны* неоднократно там бывали, невзирая на то, что путешествия были дорогостоящими и небезопасными. Стоя у знаменитого водопада Курён – «Водопад девяти драконов», – Ким Чханхён писал: «Вдруг уши слышат и глаза видят что-то странно-удивительное и величественное, и душа затрепетала и чувствует не то, что вчера. Теперь я знаю, что душа человека меняется в зависимости от атмосферы». Впечатления, полученные во время путешествий, *нороны* описывали в стихах, которые называли *чингёнци* «подлинная (истинная) поэзия», и выражали в живописи. Сохранилось большое количество стихотворений, посвященных Кымгансан, а изображение видов этих гор является главной темой творчества Чон Сона.

Находясь в горах, *нороны* стремились почувствовать и запечатлеть *чхонги* (кит. *тянь цзи*, 天機) – «досл. небесный механизм», движущую силу естества. В.В. Малявин в тексте «Чжуан-цзы» переводит *тянь цзи* как «небесная пружина», поясняя, что «так в даосской литературе обозначается внутренний импульс саморазвития жизни, символически завершённое бытие, сила «таковости» вещей, соотносившаяся с «Небесным», т.е. предвосхищающим все формы, измерением бытия»⁵. Корейские исследователи расшифровывают *чхонги* как «тайну

⁴ Пак Ёнсун 1999, 83.

⁵ Малявин 1995, 412.

природы», «небесный секрет, творящий гармонию», «небесный секрет и тайна гармонии», «творческий секрет всего сущего» и «гармоничная работа природы», «секрет, спрятанный в движении природы». *Чхонги* – это некая первозданность, абсолютная гармония, вне присутствия человеческих страстей. Очень показательное следующее объяснение: «Чхонги – это рыба, плавающая в воде. Не бросайте удочку»⁶. *Чхонги* присутствует во всем, как объяснял Ким Чханхып, почувствовать его можно, спокойно созерцая природу, забыв о всех накопленных знаниях, в состоянии, свободном от каких-либо человеческих желаний и страстей. *Чхонги* невозможно понять, изучая книги, его можно ощутить только наедине с природой. «Как можно понять величие и загадку (истинную сущность) гор и вод (природы), если, невзирая на опасность, не отправляться глубоко в горы?»⁷

Понятия *чхонги* вместе с *чин* (眞) встречаются в главе «Высший учитель» «Чжуан-цзы», где сказано, что *чинин* (眞人) – «настоящий человек» – живет согласно действию небесному, а не человеческому; у «обыкновенных людей», в отличие от «настоящих», «желания проникли глубоко, источник Небесной жизни (天機) лежит на поверхности». Настоящий человек «не вредит Пути умствованием, не подменяет небесное человеческим», он живет согласно небесному истинному знанию, следуя «в своих чувствах четырем временам года, ... сообразуясь со всем сущим»⁸. Т.о., «истинно» только то, что «подобно небесному (*чхонги*), но не человеческому».

Нороны были убеждены, что подлинной (истинной) можно назвать только ту поэзию, которая сама по себе является *чхонги*, поскольку истинно только *чхонги*: «Чин (眞) не может не быть *чхонги* (天機)». Братья Ким Чханхёп и Ким Чханхып – главные проповедники *чиници* «подлинной (истинной) поэзии» – считали, что *чхонги* должен служить основным ориентиром в поэтическом творчестве: «только познав *чхонги*, можно написать хорошие стихи», «поэзия – это движение *чхонги*»⁹. В истинной (настоящей) поэзии все «вытекает» из *чхонги*¹⁰, поэт должен творить подобно тому, как это делает небо, это означало «естественную, инстинктивную работу сознания художника в состоянии вдохновения»¹¹.

Воплощение *чхонги* являлось целью истинного акта творения, и для этого художник, изучая объект, должен был душой понять *чхонги* и выразить его в своем произведении¹². Братья Ким и их сторонники подчеркивали важность непосредственного созерцания, личного опыта общения с природой для воспевания её красот. В поэзии *норонов* часто появляются строки о том, что созерцание гор и ощущение *чхонги* совершает перемену в душе человека и что человек ощущает так называемый *хын* (興) – эмоциональное возбуждение: «Соприкоснувшись с энергией гор и вод ... человек освежается», «душа трепещет и чувствует не то, что вчера»¹³. В поэзии стремились достоверно описать состояние эмоционального возбуждения, переживания, чувства, испытанные при созерцании природы.

⁶ Ко Ёнхи 2007, 145.

⁷ Ко Ёнхи 2007, 131.

⁸ Малявин 1995, 94–95.

⁹ Ко Ёнхи 2007, 159.

¹⁰ Пак Ынсун 1999, 85.

¹¹ Yi Song-mi 2000, 333.

¹² Хо Сонпхё 1999, 259.

¹³ Ко Ёнхи 2007, 160.

Из дошедших до нас немногочисленных рассуждений *норонов* о вопросах живописи ясно, что главной задачей живописи, как и поэзии, признавалось воплощение *чхонги*. *Нороны* писали, что в живописи должно ощущаться *чхонги*, поэтому неперенным условием написания картины являлось познание *чхонги* художником и любовь к нему: «Ученый муж должен рисовать из любви к *чхонги*»¹⁴. Истинное произведение искусства может быть создано только в состоянии, близкому к *чхонги*, состоянии вдохновения, когда сознание художника творит свободно. Отметим, что понимание творчества как откровения и представление о художнике как об инструменте, которым осуществляется «самотворчество» искусства¹⁵, является характерной особенностью всей живописи интеллектуалов, а не исключительно *норонов*. Отличает последних убежденность в необходимости личного опыта общения с природой, в живописи высоко ценилась индивидуальность автора и его способность раскрыть *чхонги*. По этой причине *нороны* настаивали на необходимости отказаться от копирования пейзажей, нарисованных мастерами прошлого. «Если копировать работы древних, ... невозможно выразить *чхонги*, внешний вид выражен слабо, и дух лишен чувственности, ... если не копировать работы древних, то дух оживает естественным образом и в работе сочетаются и внешний вид, и суть»¹⁶. Ли Хагон по поводу картины Чон Сона: «Ким Чханхын говорит, что поэт, который пишет сегодня, намного превосходит даже лучшего из тех, кто писал раньше, я думаю, что это правильно и в отношении художников»¹⁷.

Нороны допускали свободное обращение с формой, считая, что изображение не должно точно воспроизводить исключительно внешний вид предмета. Создание реалистичного изображения являлась задачей художника, однако достоверность реализовалась не копированием формы объекта, а путем выражения его сути, осуществляемого через воспроизведение главной особенности объекта, в которой суть воплощена. Ким Чханхын писал, что пейзаж не должен быть реалистичным и картина может быть красивее реального ландшафта, поскольку смысл живописи в передаче чувства восхищения и восторга, которые испытывал автор во время созерцания красивейших ландшафтов, так как оно помогает выразить *чхонги*¹⁸.

Пейзажи Чон Сона, на которых запечатлены виды гор Кымган и других знаменитых ландшафтов, созданы под влиянием такого понимания задач живописи и творчества в целом. Чон Сон считался лучшим художником группы *норонов*. Мастер создавал альбомы с изображениями ландшафтов, которые вдохновляли и воспевали братья Ким и др. Корейские художники на протяжении многих веков, вдохновляясь произведениями китайских мастеров, создавали так называемые концептуальные пейзажи, виды воображаемые. Чон Сон же рисовал то, что видел сам. При этом очевидно, что его картины – это достаточно трансформированные виды реальных ландшафтов. Художник свободно обращался с натурой, перекраивал её в соответствии со своей задачей воплотить в своем произведении *чхонги*. Чон Сон писал, что художник должен творить свободно в унисон с небом: «Если доверить кисть движению души, пейзаж естественным образом становится смыс-

¹⁴ Ко Ёнхи 2007, 172.

¹⁵ Завадская 1975, 11.

¹⁶ Пак Ынсун 1999, 187.

¹⁷ На Чжонмён 2009, 215.

¹⁸ Ко Ёнхи 2007, 184.

лом неба (*чхончхи*, 天趣) и нет в нем ничего похожего на работу человеческой руки, это есть живая кисть (хвальпхиль, 活筆)»¹⁹. Передача внешнего сходства не являлась главной целью художника, он стремился передать эмоциональное состояние человека, созерцающего тот или иной ландшафт. Этим можно объяснить экспрессивность пейзажей Чон Сона, являющуюся яркой отличительной чертой его произведений.

Современники отмечали особенный индивидуальный художественный язык Чон Сона, разработанный на основе китайских школ. Соединение традиций Южной и Северной школ позволили найти подходящую технику и способ построения композиции. В результате художник вышел за рамки подражания и создал собственный неповторимый язык. Новизна его методов привлекала *норонов*, для которых вопрос оригинального являлся одним из основных в рамках искусства и творчества.

Таким образом, можно сказать, что *чингёнсансхва* с *чингён* «истинный край» – это пейзажи знаменитых и исключительных по красоте видов корейских гор, созданных в состоянии эмоционального возбуждения, находясь в котором художник свободно творил в унисон с *чхонги* и целью которых является выражение *чхонги*. *Чингёнсансхва* разрабатывалось как новая живопись, свободная от подражания и копирования созданного ранее, важное значение отводилось личному опыту автора, т.е. испытанным им чувствам.

Под влиянием идей движения *сирхак* «за реальные знания» и западной художественной школы в первой половине XVIII века был сформирован иной взгляд на задачи пейзажной живописи²⁰. Художники стремились создавать более реалистичные пейзажи и для этого начали осваивать западную живописную технику. *Чингён* в значении «подлинный (истинный) вид» появляется впервые в работах представителя движения *сирхак* Ли Ика (李穡, 1681–1763) – так он называл выполненные в реалистичной манере изображения корейских ландшафтов²¹. Мирозрение Ли Ика сформировалось под влиянием знаний о западной цивилизации, а представление о задачах живописи сложилось после знакомства с европейской живописью. Картины корейских художников представлялись ему «лживыми», поскольку изображенные на них пейзажи не имели ничего общего с реальными ландшафтами: «Когда я смотрю на картины, созданные в прошлом и сегодня, я поражаюсь тем, насколько они странные и лживые. Я уверен, что таких ландшафтов не существует. Они были нарисованы исключительно для удовлетворения зрителя... Эти странные картины можно сравнить с теми, кто говорит неправду и приукрашивает с целью обмануть собеседника»²². Ли Ик настаивал на том, что для создания *чингён* и раскрытия сути необходимо изображать объект как он есть, максимально воспроизводить его внешний вид, поскольку «дух находится внутри формы, если форма изображена недостоверно, как же она сможет пере-

¹⁹ Пак Ынсун 2000, 61.

²⁰ Информация о достижениях западной цивилизации, поступающая в Чосон через Китай, постепенно подвела интеллектуалов к выводу о том, что государственная доктрина – неоконфуцианство – не способно отвечать требованиям нового времени. В итоге сформировалось идейное движение *сирхак* – «за реальные знания», которое пропагандировало заимствование и применение практических знаний европейской цивилизации в области сельского хозяйства, медицины, астрономии и т.д.

²¹ Пак Ынсун 1999, 91.

²² И Сонми 2006, 342.

дать дух?»²³ Ранее конечной целью пейзажа также считалось выражение сути, внешнее сходство было необходимым условием, но не являлось залогом передачи сути. Ли Ик и другие *сирхакисты* подчеркивали необходимость точного воспроизведения внешнего вида предмета, поскольку «как можно говорить о том, что передана суть, если изображение не похоже на оригинал». Такое понимание задачи пейзажной живописи и стремление к реалистичности распространилось как среди художников-интеллектуалов, так и профессионалов во второй половине XVIII – начале XIX веков.

Многие художники второй половины XVIII века считали, что «должно рисовать только то, что видит глаз», как написал на своем пейзаже гор Кымган, что само по себе очень показательно, один из сторонников реалистической живописи художник-интеллектуал Чон Суён (1743–1831)²⁴. Под влиянием идей Ли Ика находился Кан Сэхван (姜世晃, 1713–1791) – главный пропагандист реалистичного пейзажа. Он подчеркивал важность объективной передачи реально существующего ландшафта, сравнивал написания *чингёнсансухва* с созданием портрета: «Как люди хотят, чтобы их портреты были точными копиями их внешнего вида, так же и дух гор, если он существует, хотел бы, чтобы его изображали как есть, в соответствии с действительностью». Кан Сэхван резко критиковал лирику братьев Ким и живопись Чон Сона как недостаточно реалистичные.

Идеалом художника Кан Сэхван называл своего ученика Ким Хондо (金弘道, 1745–1806). Последний служил придворным художником, по заказу короля создал несколько альбомов с изображением знаменитых видов гор Кымгансан. При сравнении работ Ким Хондо с картинами Чон Сона становится очевидно, что первый стремился более реалистично изображать ландшафт, используя законы линейной перспективы для создания эффекта глубокого пространства, а также светотень для передачи объема. Существуют мнения о том, что, стремясь максимально точно запечатлеть виды природы, художник даже пользовался камерой-обскурой.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что на протяжении XVIII столетия происходила эволюция термина *чингён* от значения «подлинный (истинный) край» к более широко распространившемуся *чингён* со значением «подлинный (истинный) ландшафты». Представители группы *норонов*, используя первый вариант, считали, что пейзаж должен воспроизводить эмоциональное состояние автора в момент созерцания природы, в котором он творит в унисон с *чхонги*. При этом точное воспроизведение внешнего вида предмета не являлось целью художников. Авторы, находившиеся под влиянием идей *сирхак*, стремились максимально достоверно запечатлеть тот или иной ландшафт, поскольку были убеждены, что суть можно раскрыть исключительно путем точного копирования внешнего вида предмета. Последние называли свои пейзажи «изображение подлинных (реальных) видов». Важно, что и те, и другие стремились раскрывать в пейзажах суть изображаемого объекта, даже у *сирхакистов* стремление к максимальной достоверности объяснялось желанием передать суть предмета.

Таким образом, нам удалось установить, что *чингёнсансухва* – это явление настолько неоднородное, что его можно разделить на два этапа: конец XVII – начало XVIII века (Чон Сон) и вторая половина XVIII века – начало XIX века (Кан Сэхван,

²³ И Сонми 2006, 342.

²⁴ Ко Ёнхи 2007, 192.

Ким Хондо). Первый этап – это изображения исключительных по своей красоте реально существующих видов корейской природы, увиденных непосредственно автором, целью которых является воплощение *чхонги* и выражение эмоций автора, испытанных в момент созерцания природы. А второй этап – это изображения исключительных по своей красоте реально существующих видов корейской природы, увиденных непосредственно автором, выполненные в реалистичной манере и целью которых является раскрытие сути изображаемого предмета.

Возможно выбрать следующие прилагательные для перевода на русский язык понятия *чингён*: подлинные, настоящие или реальные ландшафты. Предложенный ранее перевод «реальные», на наш взгляд, недостаточно полно раскрывает смысл термина *чингён*, так как имеет значение «действительно существующий, не воображаемый» и в меньшей степени означает «подлинный». Поскольку важно отразить в русском переводе стремление художников запечатлеть суть предмета, представляется возможным предложить использовать прилагательное «подлинный» и переводить *чингёнсансухва* как «изображение подлинных видов». Однако в таком случае теряется смысл «лучший», а это не менее важная составляющая часть понятия *чингёнсансухва*, поскольку рисовали художники исключительно красивые ландшафты. Непросто отразить все составляющие значения данного термина в одном прилагательном русского языка. По этой причине представляется целесообразным предложить не переводить *чингён* и ввести для обозначения *чингёнсансухва* понятие «пейзаж *чингён*», понимая под этим изображения исключительных по своей красоте реально существующих видов корейской природы, увиденных непосредственно автором, выполненные в реалистичной манере, конечной целью которых является раскрытие сути изображаемого предмета.

ЛИТЕРАТУРА

- Глухарева, О.Н. 1982: *Эстетические проблемы живописи старого Китая*. М.
 Завадская, Е.В. 1975: *Искусство Кореи*. М.
 Ким Вонён, Ан Хвиджун 2011: *История искусства Кореи (Хангукмисульса)*. Сеул.
 Ко Ёнхи 2007: *Пейзажная живопись Чосон (Чосон сидэи сансухва)*. Сеул.
 Малявин, В.В. 1995: *Чжуан-цзы*. М.
 На Чжонмён 2009: *Эстетические проблемы искусства Чосон 18 века (18 сэги Чосон есультрон)*. Сеул.
 Пак Ынсун 1999: *Исследование картин с изображением гор Кымгансан (Кымгансанда ёнгу)*. Сеул.
 Хо Сонпхё 2009: *Изучение истории живописи Чосон (Чосон хвехвасарон)*. Сеул.
 Yi Song-mi 2000: *Artistic Tradition and the Depiction of Reality: True-View Landscape Painting of the Choson Dynasty. Arts of Korea*. New York.

REFERENCES

- Gluhareva, O.N. 1982: *Esteticheskie problemy zhivopisi starogo Kitaja*. Moscow.
 Ho Sonphjo 2009: *Izuchenie istorii zhivopisi Choson (Choson hvehvasaron)*. Seoul.
 Kim Vonjon, An Hvidzhun 2011: *Istorija iskusstva Korei (Hangukmisul'sa)*. Seoul.
 Ko Jonhi, 2007: *Pejzazhnaja zhivopis' Choson (Choson sidjei sansuhva)*. Seoul.
 Maljavin, V.V. 1995: *Chzhuan-czy*. Moscow.

Na Chzhonmjon 2009: *Esteticheskie problemy iskusstva Choson 18 veka (18 sjeji Choson esul'ron)*. Seul.

Pak Ynsun 1999: *Issledovanie kartin s izobrazheniem gor Kymgansan (Kymgansando jongu)*. Seul.

Yi Song-mi 2000: *Artistic Tradition and the Depiction of Reality: True-View Landscape Painting of the Choson Dynasty. Arts of Korea*. New York.

Zavadskaja, E.V. 1975: *Iskusstvo Korei*. Moscow.

ON THE MEANING OF CHINGYONGSANSUHWA (眞景山水畫)

Elena A. Khokhlova

Higher School of Economics, Russia,
lena.khokhlova@gmail.com

Abstract. The Chingyongsansuhwa (眞景山水畫) landscape began to form in Korea in the late 17th century, and it was evolving during the 18th century, altering in the works of successive artists. The term chingyongsansuhwa is generally translated into Russian as “the images of the real views”, realistic depiction of nature is recognised to be its main characteristic. However, chingyongsansuhwa is more complex phenomenon than just a realistic depiction of actual nature’s views. In this article we will make an attempt to understand what the term means and suggest possible options for its translation into Russian.

Key words: chingyongsansuhwa, Korean landscape paintings

ЗНАЧИМОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ф.В. Макаричев*, Г.В. Елизарова**

*Санкт-Петербургский академический университет управления и экономики,
Санкт-Петербург,
spbfell@mail.ru
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург,
spbfell@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются различные механизмы отражения культурных ценностей к лексике английского и русского языков. Авторами анализируется лексика с точки зрения содержания культурного компонента, отражающего национально-специфическую составляющую языка. Особое внимание уделяется словам двух типов: во-первых, отражающим понятия, которые характерны исключительно для определенной культуры (безэквивалентная лексика); во-вторых, словам, совпадающим на поверхности в своих лексических значениях, но значительно отличающихся значениями культурными. На основе проделанного анализа обосновывается, почему одной из задач обучения иностранному языку является включение в процесс освоения англоязычной лексики работы по освоению культурного компонента лексического значения. На конкретных примерах демонстрируется, как лексическое значение слова уточняется в словарях, а культурно-обусловленный компонент постигается через анализ системы ценностей, образа жизни, моделей поведения носителей англоязычных культур.

Ключевые слова: культурные ценности, лексическое значение, культурный компонент значения слова, центральные (ключевые) слова, культурно-специфическая лексика

В современных условиях тесно связанного и постоянно меняющегося глобального мира изучение иностранных языков приобретает все большее значение для специалистов в любых областях. Преподавание английского языка для специальных целей требует новых подходов, отражающих сложности современного миропорядка. Одной из таких сложностей является возрастание роли национальной (этнической) культуры общающихся на английском языке. Культура, как известно, находит отражение на всех уровнях языка и речи.

Целью данной статьи является рассмотрение механизмов отражения культурных ценностей к лексике.

Культурные ценности понимаются авторами статьи как сознательно или бес-

---

Макаричев Феликс Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и переводоведения Санкт-Петербургского академического университета управления и экономики. E-mail: spbfell@mail.ru

Елизарова Галина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка РГПУ им. А.И. Герцена. E-mail: spbfell@mail.ru

сознательно разделяемые всеми носителями конкретной культуры представления о целях общественной и личной жизни и средствах их достижения. Это внутренние стандарты для всех возможных действий, состояний, событий, явлений и т.д. и их оценивания. Они выражают коллективное мнение о том, что важно и не важно, хорошо и плохо. Культурный компонент значения всех лингвистических единиц языка отсылает к системе ценностей, отражаемой им культуры¹.

Признание того, что существуют значительные корреляции между вокабуляром и приоритетами общества стало общим местом в лингвистической теории. Говорящие дают названия важным сущностям и явлениям в их физическом и социальном мире. Получив названия, эти сущности и события, в свою очередь, становятся более заметными в культурном плане. В любом языке есть слова, отражающие важные для общества понятия, и отсутствуют слова, обозначающие понятия, не являющиеся существенными.

Внимание лингвистов традиционно привлекали слова, обозначающие реалии, уникальные для исследуемой страны и культуры, такие как географические названия, обозначения культурных икон (Микки Маус, Голливуд в США, самовар или матрешка – в России), названия характерных блюд (гамбургеры, борщ), обозначения событий, традиций и социальных институтов, не имеющих аналогов в других странах. Внимание к лексическим единицам такого рода обусловлено, с одной стороны, их значительной ролью в представлении культурных идей, явлений, артефактов нации, а с другой, их верифицируемостью. Большинство подобных единиц обозначают дискретные физические сущности, и проследить их связь с определенной культурой довольно легко.

Однако гораздо важнее следующее обстоятельство: «то, что приложимо к материальной культуре, социальным ритуалам и институтам, в равной степени приложимо и человеческим ценностям, идеям, отношениям, их способу мышления о мире и собственной жизни в нем»²

Классическое высказывание Ч. Филлмора гласит: «когда вы выбираете слово, вы тащите вместе с ним целую сцену»³. Вопрос в том, какая это сцена. Если учесть глобальное влияние культуры на личность, то при восприятии или выборе слова на иностранном языке, «сцена», вытаскиваемая на поверхность, чаще всего остается принадлежностью родной, а не иноязычной культуры. Р. Ладо еще в 1952 году обосновал эту мысль, описывая процесс усвоения иностранного вокабуляра. Он считал, что при презентации слов, происходит знакомство с новой формой, в то время как «значение уже привычным образом схвачено в родном языке»⁴. Но при том, что некоторые значения слова в одном языке могут иногда быть соотнесены со значениями соответствующего слова в другом языке, существует весьма ограниченное количество слов в любых двух языках, которые будут одинаковыми во всех своих значениях.

Подобно тому, как в речи иностранца звуки всегда искажаются под влиянием артикуляции родного языка и даже самого устройства артикуляционного аппарата, в его речи происходит искажение значений, в ходе замещения моделей

¹ Елизарова 2005.

² Wierzbicka 1997, 2.

³ Fillmore 1975, 114.

⁴ Lado 1966, 84.

иностранного языка и культуры моделями родного, как при говорении, так и при восприятии речи. Опасность в том, что в отличие от произношения, это происходит в большинстве случаев незамеченным. Однако преподаватели, борющиеся с синтаксической или фонологической интерференцией родного языка, должны быть осведомлены об интерференции культурной и владеть методами ее преодоления на всех уровнях, включая лексический⁵.

Исследование лексики в ракурсе представления ею культурных ценностей исключительно важно. Оно позволяет обнаружить и идентифицировать культурно-специфические концептуальные конфигурации, характерные для различных народов мира⁶.

Особую роль играют ключевые, или центральные⁷ слова, т. е. слова, обладающие способностью раскрывать особо значимые концепты конкретной культуры. Одним из признаков ключевых слов является их частотность. Даже если слова двух языков могут быть сопоставимы по объему значений, тот факт, что одно из них существенно более частотно в своей культуре, имплицитно несимметричность выражаемых сопоставляемыми словами понятий в разных культурах. Так, при сравнении группы слов со значением «дурак» А. Вежбицкая выявила следующие закономерности⁸. На тысячу произвольно взятых словоупотреблений в близких по тематике художественных текстах она обнаружила, что слово «fool» встретилось в английских текстах 43 раза, в то время как слово «дурак» в русских – почти в три раза чаще. О подобной тенденции свидетельствуют все ниже-приведенные примеры.

English		Русский	
fool	43	дурак	122
stupid	25	глупый	99
stupidity	2	глупость	34
idiot	4	идиот	29

Такое разительное расхождение в частотности, подтвержденное другими исследованиями, дало основания сделать вывод о гораздо большей категоричности и прямолинейности русских по сравнению с говорящими на английском языке.

Кроме того что ключевые слова частотны, они могут употребляться в определенной специфической и культурно-значимой области и, наконец, они часто входят во фразеологические единства, пословицы, поговорки, тексты популярных песен и т. д.

Особую важность приобретает раскрытие культурного компонента значения в ключевых словах двух типов. Во-первых, это слова, отражающие понятия, характерные исключительно для определенной культуры, но не физические и социальные реалии, которые были достаточно исследованы и к тому же, в силу отсутствия аналогий в другом языке, не провоцируют приписывания им значений родной культуры говорящего. Во-вторых, это слова, совпадающие на поверхности в своих лексических значениях, но резко отличающихся значениями культурными.

В качестве примеров слов первой категории приведем два слова из английского языка и четыре из русского. Английское слово «privacy» в англо-русских

⁵ Byram 1989, 42.

⁶ Wierzbicka 1992a, 22.

⁷ Гуннемарк 2001.

⁸ Wierzbicka 1992.

словарях переводится на русский язык в своем первом значении как «уединение, одиночество, уединенность». В словаре американской культуры языка оно толкуется как «the *desirable* state of being away from other people, so that they cannot see or hear what one is doing, interest themselves in one's affairs, etc. In many western countries this is usual, given particular value and people expect to have their privacy respected by others»⁹. А. Вежбицкая дает словосочетанию «have privacy» следующее толкование: «to be able to do certain things unobserved by other people, as everyone would want and need to... it is assumed that every individual would want... to have a little wall around him/her, at least part of the time, and that it is perfectly natural, and very important»¹⁰. Нетрудно проследить несоответствие двух понятий. Причина расхождения в том, что в российской культуре аналог американского понятия отсутствует вообще. «Privacy» – это не уединенность и тем более не одиночество, это некая независимость и самодостаточность, это приоритет личных интересов в шкале ценностей отдельной личности и утверждение ее права на полный личный контроль над ними без постороннего вмешательства, это стремление сохранять такой компонент жизни, о котором никто никогда ничего не знает. Это одно из слов, наиболее однозначным образом эксплицирующее наличие такой ценности как личная свобода, независимость, автономность и самодостаточность и личности в англоязычных культурах.

Аналогичным образом обстоит дело со словом «community», которое переводится на русский язык как «община, общество, публика» и в таком переводе влечет за собой массу коннотаций, отсутствующих в английском значении слова «community – a group of people living together and/or united by shared interests, religion, nationality, etc.»¹¹. Понятие разделяемых интересов в англоязычных культурах тесно сопряжено с мерой взаимной ответственности и даже взаимного контроля на социальном уровне. Это не просто объединение людей по профессиональным признакам или для осуществления неких проектов, направленных на общее благо, таких как строительство местных дорог, проведение праздников на местном уровне и так далее. Community – это наименьшая единица социального устройства общества, в рамках которой граждане свободны до той степени, до которой их свобода не ущемляет свободы других. Community обеспечивает механизм, который посредством взаимного контроля устанавливает баланс интересов отдельных личностей.

Мало того что в русском языке слово «община» воспринимается как архаичное, ни в каком из своих значений оно не может отсылать нас к описанному механизму общественного контроля баланса личных интересов в силу того, что такого механизма общественного (не государственного, не юридического) контроля на данном этапе развития российской культуры не существует.

Таким образом, при введении в англоязычную речь российских студентов подобных слов, не имеющих аналогов ни в русском языке, ни в российской культуре, их культурное значение, т. е. стоящие за обозначаемыми понятиями социальные институты и лежащие в их основе системы ценностей, должны надежным образом эксплицироваться.

⁹ Longman 1992, 1046.

¹⁰ Wierzbicka 1991, 47.

¹¹ Longman 1992, 353.

Обратимся к русскому языку. Примером «непереводимых» русских слов могут служить детально исследованные А. Вежбицкой «судьба», «душа» и «тоска»¹², а также «пошлость»¹³. Носителям русского языка интуитивно понятно, что глобальность и всеобъемлющий характер этих слов вряд ли может быть передан в других языках. Подтверждением такого положения дел могут служить безуспешные попытки русских объяснить, что эти слова обозначают, а также их значимость для личной жизни каждого и для понимания русской культуры в целом.

Подобно тому, как неадекватно переводятся на русский английские слова «privacy» и «community», перевод русского слова «пошлый» как «vulgar, common, trivial, banal» вряд ли способен дать представление, как о значении самого слова, так и о культурных ценностях, породивших его употребление. Это слово выражает «презрение говорящего и его осуждение» по отношению к «духовному ничтожеству, лишенному высших интересов», причем осуждение осуществляется на «моральных, духовных... эстетических основаниях»¹⁴. С точки зрения носителей англоязычной культуры само это понятие, в таком виде как оно было представлено, может быть приравнено в своей экзотичности к «ухе» и «борщу», в то время как для россиян это неотъемлемый компонент шкалы оценивания. Само существование этого слова, равно как и его ключевой характер, подтверждаемый высокой частотностью употребления, отсылает всех носителей российской культуры к таким ценностям, как приоритет духовного, возвышенного над материальным, высоко художественного над безвкусным, морального над беспринципным. Подобные ценности в прагматически ориентированных англоязычных культурах трудно обнаружить даже на периферии системы ценностей.

Аналогичным образом обстоит дело с другими упомянутыми выше русскими словами. Так, слово «душа» переводится на английский и как «soul», и как «heart», и как «mind», и ни одно из этих слов не передает русского значения полностью, в силу того что подобных концептов в англоязычной этнопсихологии просто не существует. Богатство внутреннего мира, сложный конгломерат чувств и мыслей, осознаваемого и только угадываемого, бессознательного, актуализирующийся в сознании носителя русской культуры при произнесении слова «душа», недоступен носителю культуры англоязычной, и при разговоре на английском языке кальки с русского, типа «I have got the impression that he is a rich soul» (У меня сложилось впечатление, что он богатой души человек) или «I am physically all right but my soul hurts» (Физически со мной все в порядке, но душа болит) не способствуют взаимопониманию и ни к чему, кроме замешательства, англоязычного участника общения не приводят.

Проникновение в культурный компонент значения подобных специфических для конкретной культуры слов исключительно важно.

Обратимся ко второй категории – категории слов, которые не являются культурно-специфичными и встречаются в обоих языках, но обладают при этом разными культурными значениями.

Рассмотрим в качестве первого примера слова «дружба» и «friendship». Существует распространенное мнение о том, что понятия «друг» и «дружба» уни-

¹² Wierzbicka 1992a, 31–116.

¹³ Wierzbicka 1997, 3.

¹⁴ Wierzbicka 1997, 3.

версальны. Однако это далеко не так. Можно проследить динамику изменения представлений о дружбе в англоязычных культурах и ее отражение в значениях соответствующих слов без изменения их формы. Значение английского слова «friend» с течением времени девальвировалось и расширило сферу своего применения. Произошел сдвиг от «вертикальной глубины» к «горизонтальной всеохватываемости»¹⁵. Лингвистически это подтверждается рядом факторов, например, появлением словосочетания «close friend» для обозначения более близких отношений. С ослаблением значения слова «friend» количество «друзей» значительно увеличилось. В современной мобильной Америке, где люди меняют место жительства каждые 4–5 лет, друзья исчисляются десятками. Даже выражение «best friends» часто употребляется в современном английском во множественном числе.

Другим лингвистическим подтверждением «множественности» друзей может служить выражение «a friend of mine», вполне нормативное в отличие от «a son of mine» (даже если сыновей несколько) или «a husband of mine» и свидетельствующее о том, что автор высказывания не вычленяет друга индивидуально, а причисляет его к некой категории, наподобие «a colleague of mine», «a student of mine», «a fan of his». Показательны и изменения сочетаемости этого слова с глаголами. Они также подчеркивают множественность друзей и необходимых для существования такого положения действий. На смену выражениям «to find a friend», «to choose a friend» пришло «to make a friend», обозначающее вполне целенаправленное действие. «Делание друзей» имплицитно также стремление к их большому количеству (нечто напоминающее производственный процесс) и не предполагает большой разборчивости. Друзья не рассматриваются больше как вечные, но как временные; их можно менять как машины, при изменении социального или финансового статуса, условий и места жизни. Такая трансформация не носит негативного характера для самих американцев. Это просто переход от идеала вечной дружбы к идеалу перемен, ведущих к знакомствам с новыми людьми. В американской культуре это вполне позитивное явление, предполагающее способность адаптироваться, изменяться и развиваться.

Причины перемен в культурном компоненте значения слова «friend» коренятся в изменениях, произошедших в англоязычных обществах, нашедших отражение в их культурах. Первая причина такого положения дел состоит в том, что развитие технологий, общение в виртуальном пространстве и унификация пространства жизненного, привели к большой мобильности населения и изоляции отдельной личности. США особенно преуспели в этом, но современное состояние единой Европы не оставляет сомнений в том, что такое направление развития становится доминирующим в развитых странах. Вторая причина также связана с развитием инфраструктуры общества и заключается в следующем. Старая идея постоянства в дружбе была тесно связана с идеей помощи и поддержки друг друга. С течением времени и развитием общества в таких формах, которые обеспечивают все виды поддержки: финансовой, моральной, психологической и т. д. через специальные учреждения, необходимость получения помощи от узкого круга надежных друзей отпала. Культурный компонент семантики слова «friend» изменился. Друзья стали

¹⁵ Wierzbicka 1997, 36.

восприниматься не как люди, к которым обращаются в период трудностей, а как люди, с которыми приятно проводить время. Само понятие дружбы ассоциируется с удовольствием, общим опытом позитивного плана и совместными занятиями. Идеал дружбы как глубоких и длительных отношений, которые требуют большого участия друг в друге, уступил место идеалу дружественности и дружелюбия в ограниченных и краткосрочных отношениях. Слово «friend» стало употребляться в значениях «знакомый», «приятель», «коллега, с которым более близок, чем с остальными», «сосед, с которым можно вместе заняться какими-то делами» и т. д.

Даже без компонентного анализа русского слова «друг» понятно, что оно не соответствует английскому «friend». Россияне ищут не партнера по времяпрепровождению и разговору, но родственную душу, которой можно открыться, поделиться своими несчастьями, трудностями и радостями.

Русский язык вообще обладает исключительно богатым арсеналом для категоризации человеческих взаимоотношений. Лингвистически целый ряд русских слов, обозначающих различную степень близости людей: «друг, подруга, приятель, товарищ, знакомый» покрывает семантику английского слова «friend», но при этом ни одно из слов не совпадает с ним полностью. Там где носитель английского языка, не задумываясь, скажет «friend», носитель русского вынужден анализировать отношения гораздо глубже в поисках адекватного обозначения.

Не подозревая о существующих культурных различиях и приписывая слову «friend» культурное значение русского слова «друг», носители российской культуры впадают в заблуждение при общении с представителями культур англоязычных. Они ожидают от людей, называющих россиян «myfriend», преданности, внимания и поступков, совершаемых р а д и русских, и горько разочаровываются, не получив соответствующей поддержки, помощи, участия. Соответственно, при обучении английскому языку нельзя осваивать значение слова «friend» без экспликации культурных различий двух систем ценностей.

Второй пример соотношения ключевых слов – это «freedom» и «свобода». Первое существенное отличие английского понятия, представленного в слове «freedom», от русского, представленного в слове «свобода», в так называемой «негативной» ориентации первого. Эта «негативная» ориентация носит двойкий характер. Она имеет отношение 1) к возможности не д е л а т ь вещи, которые человек не хочет делать; 2) к способности делать вещи, которые человек хочет делать, б е з в м е ш а т е л ь с т в а со стороны других, т. е. ядро культурного значения в способности *выбора*, в возможности делать то, что хочешь и не делать того, что не хочешь. Развитие «негативной» семантики слова «freedom» и соответствующего понятия приводит к идеалу «non-imposition» – невмешательства, т. е. такой жизненной ситуации, в которой никто не вмешивается в жизнь отдельной личности, которая, в свою очередь, не вмешивается в жизнь других. Фундаментальным для этого концепта является представление о том, что то, что приложимо к мне, приложимо и ко всем остальным: «freedom» не привилегия, которой могут наслаждаться избранные, а всеобщее право. Основная идея этого понятия – иметь право на то, чтобы тебя оставили в покое, не навязывали тебе каких-либо идей или действий.

Лингвистически такое положение подтверждается большой частотностью комбинаций «freedom from»: «freedom from persecution, oppression, tyranny, control,

interruption, etc.». С этого лингвистического расхождения начинаются отличия английского «freedom» от русского слова «свобода». Последнее не допускает сочетания «свобода от вмешательства, от голода, от нужды». Русское слово «свобода» означает отсутствие ограничений, давления и способность расслабиться и следовать своему вдохновению и желаниям. А. Вежбицкая суммирует различия следующим образом. Русское слово концентрируется на том, что нет никаких внешних ограничений, английское – на идее возможности выбора и невмешательства. Русское – на таких элементах, как безграничное пространство, необузданное поведение, беспрепятственное дыхание; английское связано с понятием индивидуальных прав, личного пространства, личной независимости и понятием «оставьте меня в покое»¹⁶. Различия между культурными значениями слов «freedom» и «свобода» и стоящими за ними ценностями разительны. Если носители российской культуры приписывают культурный компонент значения понятия «свобода» английскому «freedom», они не только упускают возможность постичь мир, движимый другими силами, но и строят свое вербальное и невербальное поведение не адекватно его законам.

Культурный компонент значения в лексических единицах любого языка, отсылает носителей культуры к определенным культурным ценностям, и ассоциируются с культурно-значимыми смыслами. Он содержится не только в безэквивалентной лексике, но и в лексике, которая на поверхности предстает как имеющая эквиваленты в иностранном языке. Для обеспечения такого уровня владения английским языком, который обеспечит эффективное общение, необходимо включить в процесс освоения англоязычной лексики работу по освоению культурного компонента лексического значения. Такая работа должна начинаться на этапе презентации с демонстрации того, что словарные дефиниции носят ограниченный характер, а культурно-обусловленный компонент значения того или иного слова необходимо искать в системе ценностей, в образе жизни, в моделях поведения носителей англоязычных культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуннемарк, Э. 2001: *Искусство изучать языки*. СПб.
Елизарова, Г.В. 2005: *Культура и обучение иностранным языкам*. СПб.
Arasaratnam, L.A. 2009: *The development of a new instrument of intercultural communication competence*, <http://www.immi.se/intercultural/nr20/arasaratnam.htm>
Byram, M. 1989: *Cultural studies in foreign language education*. Clevedon.
Fillmore, Ch. 1975: Topics in lexical semantics. In: Cole R. W. (ed.), *Current issues in linguistics*. Bloomington, 76–138.
Lado, R. 1966: *Linguistics across cultures. Applied linguistics for language teachers*. The University of Michigan Press.
Longman Dictionary of English Language and Culture. 1992. Longman.
Stathers, K. 2008: *Enlightenment through understanding*. *IBWorld*, January, <http://www.iboorg/ibworld/jan2008/index.cfm>.
Wierzbicka, A. 1991: *Cross-cultural pragmatics. The semantics of human interaction*. Berlin – New York.
Wierzbicka, A. 1992a: *Semantics, culture and cognition*. New York – Clevedon – Oxford.

¹⁶ Wierzbicka 1997, 142.

Wierzbicka, A. 1997: *Understanding cultures through their key words. English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York–Oxford.

REFERENCES

- Arasaratnam, L.A. 2009: *The development of a new instrument of intercultural communication competence*, <http://www.immi.se/intercultural/nr20/arasaratnam.htm>
- Byram, M. 1989: *Cultural studies in foreign language education*. Clevedon.
- Elizarova, G.V. 2005: *Kultura I obuchenie inostrannym yazikam*. Saint-Petersburg.
- Fillmore, Ch. 1975: Topics in lexical semantics. In: Cole R. W. (ed.), *Current issues in linguistics*. Bloomington, 76–138.
- Gunnemark, E. 2001: *Iskusstvo izuchat yazyki*. Saint-Petersburg.
- Lado, R. 1966: *Linguistics across cultures. Applied linguistics for language teachers*. The University of Michigan Press.
- Longman Dictionary of English Language and Culture*. 1992. Longman.
- Stathers, K. 2008: *Enlightenment through understanding. IBWorld, January*, <http://www.iboorg/ibworld/jan2008/index.cfm>.
- Wierzbicka, A. 1991: *Cross-cultural pragmatics. The semantics of human interaction*. Berlin – New York.
- Wierzbicka, A. 1992a: *Semantics, culture and cognition*. New York –Clevedon–Oxford.
- Wierzbicka, A. 1997: *Understanding cultures through their key words. English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York–Oxford.

THE IMPORTANCE OF A NATIONAL CULTURAL COMPONENT OF LEXICON IN THE COURSE OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Felix V. Makarichev*, Galina V. Elizarova**

Saint-Petersburg Academic University, Russia,
spbfell@mail.ru
Herzen State Pedagogical University, Russia,
spbfell@mail.ru

Abstract. In article various mechanisms of reflection of cultural values to lexicon of English and Russian languages are considered. Authors analyze lexicon from the point of view of the maintenance of the cultural component reflecting a specifically national component of language. The special attention is paid to words of two types: first, reflecting concepts which are characteristic only of a certain culture (non-equivalent lexicon); secondly, to the words coinciding to a certain extent in the lexical meanings, but considerably different in cultural values. Based on the suggested illustration and analysis it is explained why one of problems in teaching a foreign language is inclusion in process of mastering English lexicon the work on development of a cultural component of a lexical meaning. On concrete examples it is shown as the lexical meaning of the word is specified in dictionaries, and the cultural caused component is comprehended through the analysis of system of values, a way of life, behavior models of carriers of English-speaking cultures.

Key words: cultural values, lexical meaning, cultural component of a word meaning, central (key) words, cultural and specific lexicon

КУЛЬТУРА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 389–400
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 389–400
© Автор(ы) 2016

СУРОВЫЙ СТИЛЬ АНДРЕЯ ВАСНЕЦОВА

А.И. Дубов

*Московский государственный университет печати им. И. Федорова, Москва,
andrej.dubov@bk.ru*

Аннотация. Статья затрагивает проблематику преемственности поколений в художественной семье Андрея Васнецова и рассказывает о становлении и особенностях его искусства. Андрей Васнецов работал в станковой живописи и в различных техниках монументального искусства и стал одним из основателей последнего стиля русского искусства второй половины XX столетия – сурового стиля. Рассмотрены причины возникновения сурового стиля. Приведены высказывания художника, иллюстрирующие поставленные им перед собой задачи в живописи и объясняющие решение его работ: колористические и пространственные задачи живописи на примере картин «Натюрморт с черной курицей» и «Завтрак»; отношение художника к завершенности художественного произведения. Обращается внимание читателей на тесную взаимосвязь станкового и монументального искусства в творчестве художника. В конце статьи дан список монументальных работ Андрея Васнецова.

Ключевые слова: Андрей Васнецов, суровый стиль, монохромная живопись, цветовалерное и конструктивное мышление, проблема завершенности художественного произведения, «черная живопись», взаимосвязи станкового и монументального в искусстве, организации среды, коллективность труда монументалистов

В сознании многих наших современников фамилия «Васнецов» ассоциируется с именами двух замечательных русских живописцев последней трети XIX – начала XX столетий – Виктора¹ и Аполлинария² Васнецовых. Однако на них

Дубов Андрей Игоревич – заслуженный художник Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии художеств, доцент кафедры рисунка и живописи Московского государственного университета печати им. И. Федорова. E-mail: andrej.dubov@bk.ru

¹ Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) – русский художник-живописец и архитектор, мастер исторической и фольклорной живописи. Младший брат – художник Аполлинарий Васнецов.

² Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856–1933) – русский художник, мастер исторической живописи, искусствовед.

художественная жизнь семьи не закончилась; она перешагнула вторую половину XX века и даже заглянула в новое тысячелетие, облачась в несхожие формы и обретя иную образность.

Внук Виктора Васнецова, Андрей Владимирович Васнецов, стал одним из основоположников последнего большого стиля русского искусства второй половины XX столетия – сурового стиля.

Профессор Московского полиграфического института и председатель правления Союза художников СССР (1988–1993), он был Народным художником СССР, действительным членом Российской академии художеств и лауреатом государственных премий СССР, РСФСР и РФ, а также являлся почетным председателем Фонда Васнецовых.

Андрей Васнецов оформил росписями, мозаикой, сграффито, рельефом, гобеленами и скульптурными композициями общественные здания в различных городах России. В станковой живописи развивал теорию живописи и композиции.

Свою биографию Андрей Васнецов (1924–2009) считал неотделимой от истории русского искусства XX столетия. Годы юности прошли в доме деда, пропитанном духом его творчества. Дед умер, когда мальчику было только 2 года, но и в самых ранних его воспоминаниях сохранился непререкаемый авторитет Виктора Васнецова в семье. Сам художник признавался: «...влияние семьи и дома было очень сильным. Когда я родился, был 1924 год, что-то такое воспринимать – в том числе и в искусстве – я начал лет в 6–7, это были 30-е годы. Апполинарий Михайлович умер в 33-м году. Мне было уже 9 лет. Так что в самом раннем детстве я захватил кусочек той уходящей жизни. И, как принято сейчас говорить, связь не прервалась. Посвящение в искусство состоялось как нечто само собой разумеющееся: просто я видел портреты Виктора Михайловича, которые висели на стене нашего дома, пейзажи, висевшие в Апполинарьевском доме. Можно сказать, что предки меня к искусству приобщили, они меня на него настроили...»³.

Семейные традиции, общая гуманитарная образованность, воля, характер и яркая индивидуальность Андрея Васнецова позволили ему обрести свой путь в искусстве.

В 12 лет Андрей Васнецов пришел в изостудию московского Дома пионеров, где в течение 5 лет обучался живописи акварелью под руководством талантливого педагога А.М. Михайлова⁴. В 2005 году Васнецов вспоминал: «...он научил нас естественному отношению к натуре, почтению к ней, и серьезному отношению к делу... То, что воодушевляло нас тогда, так это стремление к правде, которое всячески поощрял в нас Александр Михайлович. Его главный урок был в том, что стремление к правде естественно. Вот в этом, мне кажется, самая большая его заслуга...»⁵ Этот ранний период ученичества был очень важен для творческого становления мастера.

Во время Второй мировой войны на Брянском фронте Васнецов уже воспринимался окружающими как художник. «У меня была художественная фамилия и

³ Ашкерова 2005, 159.

⁴ Михайлов Александр Михайлович (1911–2001) – художник, педагог. Больше 20 лет руководил студией изобразительного искусства Московского Дворца пионеров. С 1962 года работал преподавателем в художественной школе имени Сурикова Академии художеств СССР.

⁵ Ашкерова 2005, 159–160.

я в свободное время что-то рисовал в альбом, меня считали художником»⁶, – рассказывал Васнецов. В 1943 году на фронте ему поручили работу над агитационными плакатами. По сути, «монументальные панно», выполненные на металле им самим изготовленными кистями и красками: охрой, сажой и белилами, – явились первым профессиональным опытом решения поставленной задачи исходя из материала. «...Раньше, до войны, покупая краски, бумагу, холсты, кисти, я не очень обращал внимание на их свойства и не очень ценил и понимал их значение. Столкнувшись с необходимостью все сделать самому, я интуитивно прошел серьезную школу понимания материала как ведущего элемента образной структуры»⁷.

После Победы Андрей Васнецов познакомился с Андреем Гончаровым⁸, ставшим для него первым педагогом уже в профессиональном искусстве и преподававшим на факультете монументальной живописи Московского института прикладного и декоративного искусства (МИПИДИ)⁹, куда Андрей Васнецов и поступил учиться в 1946 г. Педагогами Васнецова также стали Александр Дейнека и Павел Соколов-Скаля¹⁰. В 1953 г. Васнецов защитил диплом в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухиной¹¹ и получил профессию художника монументально-декоративного искусства.

На характер его творчества повлияли реалии жизни общества тех лет. В 1950-е со смертью Сталина произошли эпохальные изменения в жизни советской страны, в том числе в ее художественном аспекте. В архитектуре это десятилетие ознаменовалось отказом от помпезности сталинской классики в пользу хрущевской функциональности. Смена стилистических архитектурных вех повлекла за собою

⁶ Базазьянц 1989, 31.

⁷ Базазьянц 1989, 31.

⁸ Гончаров Андрей Дмитриевич (1903–1979) – советский живописец и график, художник книги, театральный художник, педагог. Народный художник РСФСР. Член-корреспондент АХ СССР.

⁹ МИПИДИ – Московский институт прикладного и декоративного искусства (1930). Московский Государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова, основанный в 1825 году графом Сергеем Григорьевичем Строгановым, – старейшее в России учебное заведение, ставшее центром подготовки художников для промышленности России. В 1918 году Строгановское училище было преобразовано в Свободные Государственные художественные мастерские, а потом во ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН. С 1930 года – Московский институт прикладного и декоративного искусства (МИПИДИ). В 1945 году Строгановское училище было воссоздано для подготовки художников, работающих в промышленности и строительстве. В 1996 г. МВХПУ получило статус университета.

¹⁰ Соколов-Скаля Павел Петрович (1899–1961) – советский живописец и график, педагог, профессор. Академик АХ СССР. Народный художник РСФСР.

¹¹ Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухиной. Основано в 1876 году по рескрипту Александра II на средства пожертвования банкиром и промышленником бароном Александром Людвиговичем Штиглицом (1814–1884) как Центральное училище технического рисования. В 1918 г. училище было реорганизовано в Петроградские государственные художественно-промышленные мастерские. В 1922 г. мастерские преобразованы в Училище по архитектурной отделке зданий при городском Исполнительном комитете. В 1945 г. решением правительства школа воссоздается как многопрофильное учебное заведение осуществляющее подготовку художников монументального, декоративно-прикладного и промышленного искусства, в 1948 г. она становится вузом – Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем. С 1953 г. ЛВХПУ носит имя народного художника СССР Веры Игнатьевны Мухиной. В 1994 г. ЛВХПУ им. В.И. Мухиной преобразовано в Санкт-Петербургскую государственную художественно-промышленную академию. В декабре 2006 г. академии присвоено имя Александра Людвиговича Штиглица. Новое название академии – Санкт-Петербургская Государственная Художественно-промышленная Академия имени А.Л. Штиглица (СПГХПА им. А.Л. Штиглица).

рождение сурового стиля в живописи, органично вписавшегося в контекст хрущевской застройки. Ярчайшим его представителем и стал Андрей Васнецов.

Его живопись лаконична и аскетична. Палитра монохромна с преобладанием темных тонов. «Моя же задача построения предметно-силуэтного пространства, – говорит Васнецов, – при конструктивном видении мира наиболее выгодно решается ограниченным набором цветовых слоев. В идеале, конечно, возможно соединение цветовалерного и конструктивного мышления, но это мало кому удавалось. По-моему, многокрасочностью нельзя “затмить” такие недостатки, как непостроенность пространства, мягкость формы, аморфность композиции»¹².

Круг его тем постоянен: это пейзаж, натюрморт, портрет, фигуры в интерьере.

Васнецов «портретирует пространство», выстраивая на плоскости холста трехмерное изображение, работая с планами, глубиной, рельефом, светом и массами. Каждый предмет самоценен; пребывая в собственной среде, он сосуществует с другими предметами в пространстве, при этом не вторгаясь в их «личное» пространство. «Живопись... уничтожает контур, по крайней мере, лишает его активности...»¹³ – считает художник. А в контуре и заключается для него определенная драматургия: контур лепит объем, взаимодействует с пространством, организуя его. Это позволяет художнику поразительно правдиво передавать на холсте окружающий мир. Реальность передаваемой на холсте жизни и есть та правда, к которой художник стремится.

Со студенческих времен художник размышлял над проблемой законченности живописной работы. И уже зрелым мастером сформулировал такое ее определение: «В принципе, завершенность художественного произведения для меня означает такую ситуацию, когда мало сделано, но много сказано. Вот к такой завершенности я стремлюсь. Куда проще добиться формальной завершенности аккуратным выписыванием деталей. Завершенность, выписанность деталей не существуют сами по себе, они определяются художественной задачей. Я, естественно, стремлюсь к совершенству, но я его не достиг и вряд ли достигну. Художники часто говорят: “Я – реалист!” По-моему, это все равно, что сказать: “Я – гений!” Впрочем, может быть, они именно это имеют в виду. Реализм для меня – это цель, к которой каждый должен стремиться»¹⁴.

Первая же работа в черной гамме «Натюрморт с черной курицей» (1955) вызвала растерянность даже в профессиональных кругах. Критика проигнорировала пластические достоинства картины. В ней увидели двусмысленность, обличение советской системы и ее режима. Сам же Васнецов меньше всего подразумевал политические мотивы: «...это просто черная курица: черное на черном»¹⁵. Его покорил цвет – и только цвет курицы, увиденной им однажды у торговки. «Эта курица меня поразила своей необычной красотой. Я решил ее написать. Положил курицу на газету на стол, накрытый серой скатертью, рядом положил три яйца. Сзади повесил черную клеенку и написал за два часа»¹⁶.

¹² Базазьянц 1989, 100.

¹³ Базазьянц 1989, 100.

¹⁴ Базазьянц 1989, 101.

¹⁵ Ашкерев 2005, 165.

¹⁶ Базазьянц 1989, 102.

Через пять лет в картине «Завтрак» (1960) тоже усмотрели идеологическую подоплеку, хотя сам художник решал в ней лишь вопросы художественные: «Натурой я взял парня с нашего двора... Мне хотелось изобразить его предельно просто. Начал писать с натуры стол, стул перед ним и сидящего юношу. Но долго не мог справиться со стеной. Обычно в современных портретах стена не решается никак: либо это воздух, либо какая-то мазня, похожая на стену. К ней приклеивается персонаж, причем расстояние до стены неясно, так как стена лишена плотности и материальности и не связана с моделью»¹⁷. Работая над этой картиной, Андрей Васнецов проверял чистоту композиционного строя картины пространственной осью изображаемых предметов, то есть существует ли возможность мысленно повернуть их вокруг своей оси: «Я заметил, что при этом создается очень ясная пространственность и естественность, “неприклеенность” предметов к фону. Стал смотреть старых мастеров: почти у всех есть такие оси...»¹⁸ Впоследствии он так рассказывал о процессе работы над этой картиной: «...я думал о том, как поместить стол по отношению к мальчику, каково расстояние от стола до стены и каким образом будет выглядеть стена. У нас ведь часто пишут портреты, когда вместо стены что-то зыбкое. Таковы многие портреты времен соцреализма. У старых мастеров по-другому. Там можно рассчитать все. Вот отсюда до этого угла стола столько-то, вот фигура стоит, вот стена, вот картинка висит, здесь два метра, здесь полтора. Пространство было вымерено еще чисто академически – по принципу прямой перспективы. Именно это меня и занимало, а не то, что у кого-то тарелка пустая, а не полная. Для организации пространства картины мне нужно было, чтобы там, где стояла эта тарелка, ямка была. И я не думал, естественно, что для Хрущева она окажется символом положения дел в сельском хозяйстве»¹⁹ (рис. 1).

В творчестве Васнецова слились воедино искусство станковое и монументальное. Взаимопроникновение их любопытно в натюрморте «Кухонная полка с тарелками» (1965). Полка и стоящие на ней вычурные сосуды занимают практически все пространство полотна, не оставляя «воздуха». Работа с такой композицией послужила бы отличной оптической «обманкой», муляжом, который при размещении на стене смотрелся бы не заключенным в раму произведением искусства, а «бутафорией» и «декорацией» посудной полки. Обратная перспектива, тень, отбрасываемая полкой, усиливают этот эффект присутствия нарисованного объекта в реальности (рис. 2).

Васнецов стремился создавать не картины, а вещи, запуская их в самостоятельную «вещную» жизнь, формируя ими окружающее пространство. Предметы, изображенные Васнецовым, существуют в тесной связи друг с другом, и эта вещная взаимосвязь вяжет пространство, вплетается в него.

Живопись Васнецова сложна для восприятия неподготовленного зрителя, потому что в ней отсутствует что-либо дающее толчок зрительскому воображению, нет пищи для эстетического любования.

Живопись Васнецова интеллектуальна – она сжимает окружающий мир до образного обобщения, чтобы раскрыть его во всей полноте в индивидуальном

¹⁷ Базазьянц 1989, 110.

¹⁸ Базазьянц 1989, 110.

¹⁹ Ашкерев 2005, 164–165.

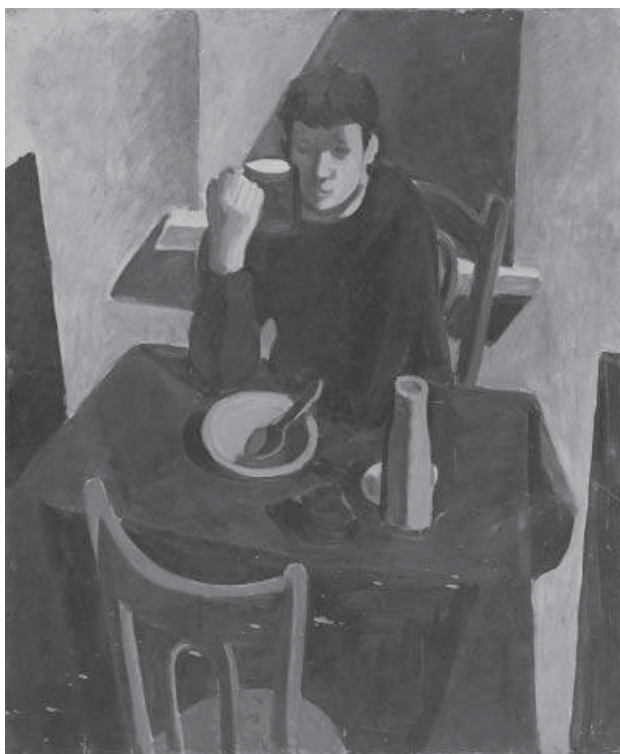

Рис. 1. Завтрак (авторский повтор). Холст, масло. 120 х 100 см. 1962

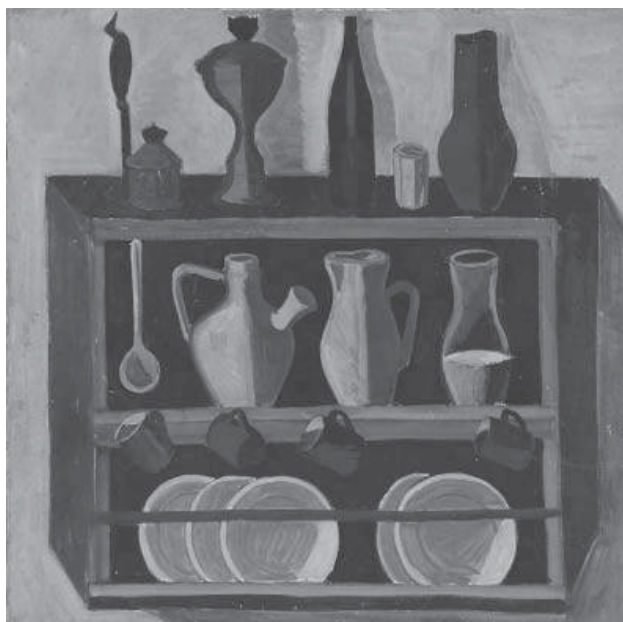

Рис. 2. Кухонная полка с тарелками. Холст, масло. 119 х 120 см. 1965

Рис. 3. Хотьково. Хост, масло. 73 х 92,5 см. 1973

восприятию зрителя, обладающего своим жизненным, художественным и культурным опытом (рис. 3).

Персонажи Васнецова архетипичны. И в этом кроется необычайный психологизм и драматизм его работ, в прямом и непосредственном донесении картины мира художника до сознания зрителя.

Сложная и самобытная живопись Андрея Васнецова вызывает закономерный вопрос об истоках и влияниях, о том, продолжателем каких традиций являлся художник. Говоря о своих пристрастиях в изобразительном искусстве, Васнецов повторял, что считает недостижимой вершиной иконописи, а высшим достижением европейской живописи – искусство XVII века. Особенно близко ему творчество художников испанской школы, в первую очередь Сурбарана. В 1961 году Васнецов пишет вольную копию с работы Франциска де Сурбарана «Молитва святого Бонавентуры об избрании нового папы Римского» размером 105 х 124 см, в 1990-м – вольную копию «Св. Гуго в трапезной. Сурбаран» на холсте 175 х 200 см, копирует картины Эль Греко «Апостолы Петр и Павел» и Караваджо «Святой Матфей и ангел». Пристальное изучение опыта предшественников для него очень важно. «Меня в первую очередь интересуют форма и композиционно-пространственный строй изображения. А классицизм, как известно, провозглашал целесообразность и соразмерность основными эстетическими ценностями. В этом я следую классицизму. Но в том, что к искусству прошлого я отношусь не как к поводу для стилизаций, а как к задаче, которая должна заново решиться в современных условиях, в этом я неклассицист»²⁰. Преемственность – неперенное условие состоятельности серьезного живописца (рис. 4; рис. 5).

²⁰ Базазьянц 1989, 22.

Рис. 4. Ф. Де Сурбаран. Чудо Святого Гуго Гренобльского (фрагмент). Холст, масло. 1635

Рис. 5. А. Васнецов. Чудо Святого Гуго Гренобльского (вольная копия). 115 х 135 см. 1990

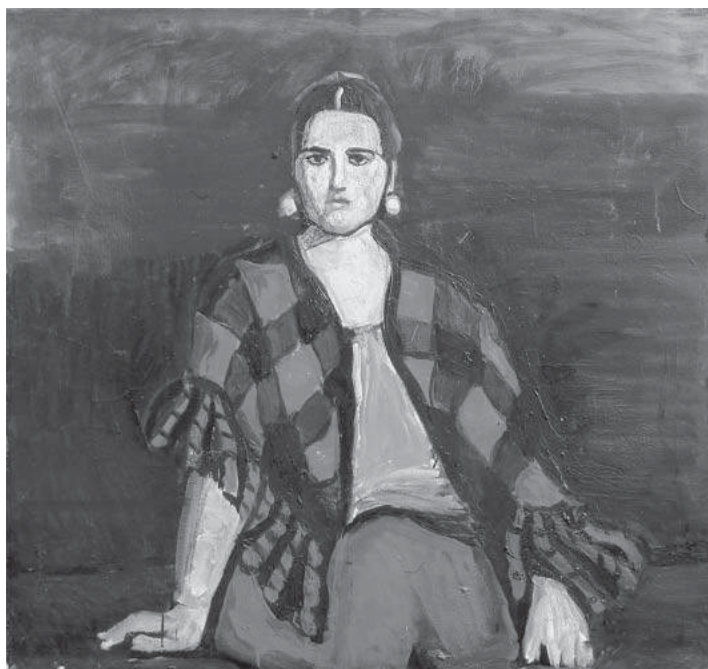

Рис. 6. Портрет Насти Васильцевой. Холст, масло. 93 x 97 см. 1990

Для понимания взаимосвязи станкового и монументального в искусстве Васнецова обратимся к его словам: «Во время работы над станковой картиной происходят накопления художественных средств и приемов, осмысления и открытия, а в монументальном искусстве – их расходование»²¹ (рис. 6).

Монументальное искусство было для Васнецова возможностью создавать произведения, готовые к самостоятельному существованию. Васнецова интересовали «живущие вещи, а не музейные экспонаты», важна была их основная роль – «организация среды». Его произведения живут и ныне, организуя городскую среду.

Талант Васнецова-монументалиста признан всеми. Впечатляет техническая разноплановость монументальных работ Васнецова:

- роспись павильонов «Лесоразведение» (1953, ВДНХ, Москва), совместно с Н. Мироновой²²;
- «Совхозы» (1954, ВДНХ, Москва), совместно с Б. Милюковым²³;
- панно для Международных торговых выставок в Лейпциге (1955), Гааге, Брюсселе (1958), Нью-Йорке (1959), совместно с А. Гончаровым;

²¹ Баззянец 1989, 99.

²² Миронова Нинель Федоровна (р. 1926) – монументалист. Член Союза художников СССР, Заслуженный художник РФ, член Московского союза художников (секция художников монументально-прикладного искусства).

²³ Милюков Борис Петрович – монументалист. Член Союза художников СССР.

- панно «золотая Москва» (1958, Москва), совместно с А. Гончаровым и В. Элькониным;
- сграффито с фресковой подпиской «История стекольного дела в России» в интерьере Дворца культуры стекольного завода им. Володарского (1958, г. Курлов Владимирской обл.), совместно с В. Элькониным;
- сграффито «Москва и Варшава» в вестибюле гостиницы «Варшава» (1960, Москва), совместно с В. Элькониным;
- рельефы и сграффито в зале бракосочетания ЗАГСа Краснопресненского района (1959, Москва), совместно с В. Элькониным²⁴;
- сграффито в кафе «Дружба» (1960–1961, Москва), совместно с В. Элькониным;
- росписи «Наука» и «Спорт» на торцах фасада Дома культуры в Пензе (1961), совместно с В. Элькониным;
- сграффито «Высшее образование в СССР» для советской выставки в Лондоне (1961), совместно с В. Элькониным;
- рельеф «Музыка» на фасаде Концертного зала Дворца пионеров на Воробьевых горах (1961–1962, Москва), совместно с Ю. Александровым²⁵, И. Александровой²⁶, Т. Соколовой²⁷ и В. Элькониным;
- мозаика «Морское дно» и рельеф на фасаде плавательного бассейна аэроклуба ДОСААФ (1962, Москва), совместно с Ю. Александровым, И. Васнецовой²⁸ и В. Элькониным;
- панно «История почты» и «Космос» в вестибюле почтамта при Московском Казанском вокзале (1962, Москва), совместно с В. Элькониным;
- мозаика «Покорители космоса» в вестибюле Государственного музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского (1966, Калуга);
- мозаика «Времена года» в интерьере санатория им. А.И. Герцена (1966, Москва), совместно с Н. Андроновым²⁹;
- мозаика на фасаде кинотеатра «Октябрь» (1967, Москва), совместно с Н. Андроновым и В. Элькониным;
- оформление производственного почтамта Казанского вокзала (1968, Москва) совместно с В. Элькониным;
- скульптурные композиции «Музы» на фасаде Тульского областного драматического театра им. М. Горького (1970, Тула), совместно с И. Васнецовой и Д. Шаховским³⁰;

²⁴ Эльконин Виктор Борисович (1910–1994) – советский художник работавший в станковом, прикладном и монументальном искусстве. Заслуженный художник РСФСР.

²⁵ Александров Юрий Владимирович (1910–1976) – советский архитектор, график, графический дизайнер.

²⁶ Александрова И.А. – советский художник.

²⁷ Соколова Татьяна Михайловна (р. 1930) – скульптор. Действительный член Академии художеств.

²⁸ Васнецова Ирина Ивановна (Анисимова) (1927–2014) – скульптор, монументалист. Член Союза художников СССР. Жена А.В. Васнецова.

²⁹ Андронов Николай Иванович (1929–1998) – русский художник, мастер живописи, представитель «сурового стиля». Член президиума Московской организации Союза художников, председатель секции монументальной живописи МОСХ.

³⁰ Шаховской Дмитрий Михайлович (р. 1928) – скульптор, работавший в станковом, прикладном и монументальном искусстве. Член Союза художников СССР.

- скульптурная композиция «Славы» на фасаде Музея комсомольской славы им. Александра Матросова (1971, Великие Луки), совместно с И. Васнецовой;
- декоративные решетки на сценической коробке Дворца культуры «Химик» (1972, Уфа);
- мозаика на здании кинотеатра «Сатурн» (1973, Тольятти);
- декоративные фонари на пилонах фасада МХАТа им. А.М. Горького (1973, Москва);
- скульптурная композиция «История транспорта» (1977, Тольятти)
- скульптурные композиции «История транспорта» (1978, Тольятти);
- мозаика «Человек и печать» в интерьере здания газеты «Известия» (1978, Москва), совместно с Н. Андроновым;
- оформление интерьера «Русского ресторана» в Международном центре торговли и научно-технических связей с зарубежными странами (1980, Москва);
- фасады и сцена Музыкально-драматического театра Тувинской АССР (1981, Кызыл), совместно с Д. Шаховским);
- мозаики «История отечественного оружия» в вестибюле административного здания Министерства обороны (1985, Москва);
- серия гобеленов «Пейзажи отечества» в интерьере посольства СССР в ФРГ (1989, Бонн, Германия);
- работа в рамках проекта реконструкции старого здания Третьяковской галереи (1986–1995, Москва);
- оформление интерьеров гостиницы «Мариотт» (1994, Москва) и другие.

Как видно, многие монументальные произведения Васнецова создавались совместно с другими художниками, коллегами по творческому цеху. В совместном труде Васнецова привлекала «соборность» работы монументалистов, коллективность их труда.

Поистине универсально было дарование художника, работавшего и в скульптуре, и практически на стыке живописи и архитектуры. В этом нашла отражение и традиция деда, который, помимо удивительной живописи, создавал архитектурные проекты. Это же явилось феноменом большого художника, проявившего себя в разных областях творчества.

Сегодня интерес к искусству Андрея Васнецова продолжает расти. Еще не все оно изучено, не всему найдено объяснение; многое еще предстоит нам осмыслить в его творчестве. И время, несомненно, расставит акценты.

ЛИТЕРАТУРА

Ашкерров, А.Ю. (авт.-сост.) 2005: *Андрей Васнецов. Рисунки. Живопись*. М. Базазьянц, С.Б. 1989: *А. Васнецов*. М.

REFERENCES

Ashkerov, A.Ju. (avt.-sost.) 2005: *Andrej Vasnecov. Risunki. Zhivopis'*. Moscow. Bazaz'janc, S.B. 1989: *A. Vasnecov*. Moscow.

THE AUSTERE STYLE OF ANDREY VASNETSOV

Andrey I. Dubov

*Moscow State University of Printing Arts, Russia,
andrej.dubov@bk.ru*

Abstract. The article considers problems related to the continuity of generations in Andrey Vasnetsov's artistic family and describes the evolvement and specific features of his art. He worked in the easel painting and in various techniques of monumental art and was one of the founders of the austere style – the latest Russian big art style of the second half of the 20th century. The article describes why the austere style emerged and quotes the artist's statements explaining the solution he chose for his works and showing the tasks he set himself in painting – colouristic and spatial tasks illustrated by his works «Breakfast» and «Still Life with a Black Hen». The reader's attention is also drawn to Andrey Vasnetsov's views on the completeness of a piece of art and close interconnections between the easel and monumental art in his works. A list of monumental works by Andrey Vasnetsov is given at the end of the article.

Key words: Andrey Vasnetsov, austere style, monochrome painting, constructive thinking, problem of the completeness of an artwork, «black painting», interconnections between easel and monumental art, organization of the environment and the collective nature of the monumental artists' work

---

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИНМ	–	Археологически известия на народния музей. София
АКАК II	–	Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. II. Тифлис, 1868.
БИ	–	Боспорские исследования. Симферополь–Керчь
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
ГПНБ	–	Годишник на публична национална библиотека. София
ГСУИФФ	–	Годишник на Софийски университет. Филологически факультет. София
ДБ	–	Древности Боспора. Москва
ИАИ	–	Известия на Археологически институт. София
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК	–	Краткие сообщения института истории материальной культуры. Москва
МАИЭТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь
МАКК	–	Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
НЭ	–	Нумизматика и эпиграфика. Москва
ПИФК	–	Проблемы истории филологии и культуры. Москва–Новосибирск–Магнитогорск
РА	–	Российская археология. Москва
СА	–	Советская археология. Москва
САИ	–	Свод археологических источников. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. Москва, 1966.
ХС	–	Херсонесский сборник. Севастополь
АСМТ	–	Anuarul Comisiunii Monumentelor Istorice, Secția pentru Transilvania. Cluj
ActaMN	–	Acta Musei Napocensis. Cluj-Napoca
AIJ	–	Antike Inschriften aus Jugoslawien. Zagreb
AISC	–	Anuarul Institutului de Studii Clasice. Cluj-Napoca
АКАК II	–	Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkheograficheskoyu komissiey. Vol. II. Tiflis, 1868.
An. Ép.	–	L'Année épigraphique.
ANRW	–	Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Berlin–New York, 1972.
Apulum	–	Apulum. Acta Musei Apulensis. Alba-Iulia
Ball	–	Ball, W. avec collaboration de J.-C. Gardin. Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan. T. I–II. P., 1982.
BSS	–	Black Sea Studies. Aarhus
CIL	–	Corpus Inscriptionum Latinarum. Leipzig–Berlin
CQ	–	Classical Quarterly. Cambridge
FgrH	–	Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. I–III. Berlin–Leiden, 1923–1958.
GG(SL)	–	Gardiner A. H. Egyptian Grammar. Oxford, 1927.
HSCPh	–	Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge
IA	–	Iranica antiqua. Leuven
IG ²	–	Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol. I–II/III. Berlin, 1913–1924.
IGBR	–	Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956
ILS	–	Desau, H. Inscriptiones Latinae selectae. Berolini
IOSPE III	–	Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini.

-
Materiale	–	Materiale și cercetări arheologice. București
NBC	–	New Babylonian Collection. Yale University
NC	–	The Numismatic Chronicle. London
PFa	–	Hallock, R.T. Selected Fortification Texts, Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran, 1978.
Potaissa	–	Potaissa. Studii și comunicări. Muzeul de Istorie Turda. Turda
SCIVA	–	Studii și Cercetări de Istorie Veche și arheologie. București
SIG ³	–	Dittenberger, W. (ed.) Sylloge Inscriptionum Graecarum. Vol. I–IV. 3 Auflage. Leipzig, 1915-1924.
SNG BM	–	Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. British Museum. Pt. I. Price M. The Black Sea. L., 1993.
SNG Stancomb	–	Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

<i>Кузьмин К.В.</i> (Москва) – К вопросу о чтении топонима Ir-mg-A в «Стеле сатрапа»	5
<i>Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.</i> (Москва) – Материалы к археологической карте Афганистана. Северный район	17
<i>Двуреченская Н.Д.</i> (Москва) – Юго-восточный входной комплекс и пристань крепости Капыртепа	39
<i>Двуреченская С.О.</i> (Москва) – Предварительные итоги изучения костных останков животных из раскопок на территории крепости Кампыртепа	75
<i>Рунг Э.В., Орлов В.П.</i> (Казань) – Имя «Масист» в истории ахеменидской империи	83

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ. ЭЛЛИНИЗМ.

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ

<i>Кузьмин Ю.Н.</i> (Самара) – Рельеф из района Амфипольской гробницы: предварительные замечания	92
<i>Стоянов Е.О.</i> (Санкт-Петербург) – К вопросу о происхождении Стасанора Солийского	100
<i>Попов М.В.</i> (Магнитогорск) – Традиционные и официальные культы легионов римской Дакии	110
<i>Соловьянов Н.И.</i> (Красноярск) – Об особенностях почитания Геракла в римской армии	121
<i>Барышников А.Е.</i> (Калуга) – Изучение городов римской Британии в новейшей британской историографии	128
<i>Ярцев С.В.</i> (Тула) – Война императора Валента с готами 367–369 гг. н.э.	145
<i>Болгов Н.Н., Болгова А.М.</i> (Белгород) – Гораполлон Младший (ок. 440–500 гг.) и его школа в Менуфисе	152

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Шапцев М.С.</i> (Симферополь) – Экономические связи варварского населения Северо-Западного Крыма во II в. до н.э. – начале II в. н.э. по амфорной таре и краснолаковой керамике	163
<i>Антонов Е.Е.</i> (Москва) – Появление позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму: проблемы датирования и атрибуции	178
<i>Труфанов А.А., Мордвинцева В.И.</i> (Симферополь) – Воинское погребение середины I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-западный Крым)	196
<i>Новиченкова М.В.</i> (Киев) – Римские медицинские инструменты из святилища у перевала Гурзуфское седло в Горном Крыму	213
<i>Лисецкий Ф.Н., Маринина О.А., Терехин Э.А.</i> (Белгород) – Опыт комплексного картографирования разновременных залежей на щебнистых почвах в сельской округе Керкинитиды	227
<i>Федосеев Н.Ф.</i> (Симферополь) – Еще раз о боспорских клеймах	247

<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Клад медных боспорских монет IV–I вв. до н.э. с античного поселения «Веселовка 5» (2014 г.).....	260
<i>Бабенкова Ю.В.</i> (Санкт-Петербург) – Эволюция государственной власти в Гераклею Понтийской при тиранах Тимофее и Дионисии.....	268

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Болгов Н.Н., Болгова А.М.</i> (Белгород) – Стефан Александрийский – последний схолярх.....	277
<i>Акопян А.В.</i> (Москва) – Метрология и названия серебряных монет Гянджинского ханства.....	285

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Федоров А.Н.</i> (Челябинск) – «Магнитогорское дело» 1949 г.: деятельность местных партийных органов в условиях послевоенного времени.....	302
---	-----

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Хаховская Л.Н.</i> (Магадан) – Корякские бубны: бытование в этнолокальной культуре.....	315
--	-----

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Приказчикова</i> (Екатеринбург) – Персоносфера русского литературного анекдота XVIII века.....	328
<i>Абрамзон Т.Е., Зайцева Т.Б., Рудакова С.В.</i> (Магнитогорск) – Романтическая концепция красоты в рассказе А.П. Чехова «Красавицы».....	343
<i>Солнцева Н.М.</i> (Москва) – Вариативность связи «Кукла-рок» в художественных текстах.....	356

ЛИНГВИСТИКА

<i>Арсланбекова Н.Э.</i> (Джалал-Абад) – Концепт «Радость» в языковом сознании британского и русского народов: историко-этимологический аспект.....	364
<i>Хохлова Е.А.</i> (Москва) – Значение термина Чингёсансухва (眞景山水畫).....	371
<i>Макаричев Ф.В., Елизарова Г.В.</i> (Санкт-Петербург) – Значимость национального культурного компонента лексики в процессе межкультурной коммуникации.....	380

КУЛЬТУРА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Дубов А.И.</i> (Москва) – Суровый стиль Андрея Васнецова.....	389
--	-----

HISTORY

ANCIENT HISTORY AND ARCHAEOLOGY

THE ANCIENT ORIENT

<i>K.V. Kuzmin</i> (Moscow) – The Problem of Interpretation of the Toponym Ir-mr in the Satrap Stele.....	5
<i>V.A. Gaibov, G.A. Koshelenko</i> (Moscow) – Materials to the Archaeological Map of Afghanistan. Northern Area.....	17
<i>N.D. Dvurechenskaya</i> (Moscow) – A South-Eastern Entrance Complex and a Pier in the Fortress Kampyrtepa	39
<i>S.O. Dvurechenskaya</i> (Moscow) – A Study of Animal Bone Remains from Excavations at Kampyrtepa Fortress: Preliminary Results.....	75
<i>E.V. Rung, V.P. Orlov</i> (Kazan) – The Name of Masistes in the History of the Achaemenid Empire	83

ANCIENT GREECE AND ROME. HELLENISM.
LATE ANTIQUITY

<i>Yu.N. Kuzmin</i> (Samara) – A Relief from the Area of the Amphipolis Tomb: Preliminary Notes.....	92
<i>E.O. Stoyanov</i> (Saint-Petersburg) – On the Issue of the Stasanor the Solian's Discent.....	100
<i>M.V. Popov</i> (Magnitogorsk) – Traditional and Official Cults of Legions of the Roman Dacia	110
<i>N.I. Solov'yanov</i> (Krasnoyarsk) – Peculiarities of the Worship of Hercules in the Roman Army.....	121
<i>A.E. Baryshnikov</i> (Kaluga) – A Study of the Towns of Roman Britain in Modern British Historiography.....	128
<i>S.V. Yartsev</i> (Tula) – Emperor Valens' War with the Goths During AD 367–369.....	145
<i>A.M. Bolgova, N.N. Bolgov</i> (Belgorod) – Horapollon the Younger (c. 440–500 AD.) and His School in Menouthis	152

THE BLACK SEA REGION

<i>M.S. Shaptsev</i> (Simferopol) – Economic Links of the Barbarian of the North-Western Crimea in the Analysis of Amphorae and Red-Slip Pottery.....	163
<i>E.E. Antonov</i> (Moscow) – The Appearance of the Late Scythian Settlements in the North-Western Crimea: the Problem of Dating and Attribution.....	178
<i>A.A. Trufanov, V.I. Mordvintseva</i> (Simferopol) – A Warrior Grave of the 1 st century AD from the Ust'-Al'ma Necropolis (the South-Western Crimea)	196
<i>M.V. Novichenkova</i> (Kiev) – Roman Medical Instruments a Sanctuary Near the Pass Gurzufskoe Sedlo in the Mountain Crimea	213
<i>F.N. Lisetskiy, O.A. Marinina, E.A. Terekhin</i> (Belgorod) – Experience of Complex Multi-Temporal Mapping of Deposits on Gravelly Soils in the Rural District of Kerkinitis.....	227
<i>N.F. Fedoseev</i> (Simferopol) – Once again on the Bosporan Stamps	247
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>S.N. Ostapenko</i> (Moscow) – A Hoard of the 4 th –1 th Centuries BC Copper Bosporan Coins from the Settlement "Veselovka 5" (2014).....	260
<i>Yu.V. Babenkova</i> (Saint-Petersburg) – The Evolution of State Power in Heraclea Pontica under Tyrants Timotheus and Dionysius	268

THE MIDDLE AGES

- N.N. Bolgov, A.M. Bolgova* (Belgorod) – Stephanos of Alexandria – The Last Scholarch ... 277
A.V. Akopyan (Moscow) – The Metrology and Names of Silver Coins of Ganja Khanate ... 285

RUSSIAN HISTORY

- A.N. Fedorov* (Chelyabinsk) – «Magnitogorsk Case» in 1949: Activity of Local Party Bodies in the Post-War Period 302

ETHNOLOGY

- L.N. Khakhovskaya* (Magadan) – Koryak Drums: Exstence in Ethnolocal Culture 315

PHILOLOGY

LITERARY CRITICISM

- E.E. Prikazchikova* (Yekaterinburg) – The Personsphere of the Russian Literary Anecdote of the 18th Century 328
T.E. Abramson, T.B. Zaytseva, S.V. Rudakova (Magnitogorsk) – The Romantic Beauty Concept in the story «Beauty» by Chekhov 343
N.M. Solntseva (Moscow) – The Variability of Connection “Doll-Fate” in Literary Texts... 356

LINGUISTICS

- N.A. Arslanbekova* (Jalal-Abad) – Concept “Joy” in the History, Culture and Language of the British and Russian People: Etymological Aspect 364
E.A. Khokhlova (Moscow) – On the Meaning of Chingyongsansuhwa(眞景山水畫) 371
F.V. Makarichev, G.V. Elizarova (Saint-Petersburg) – The Importance of a National Cultural Component of Lexicon in the Course of Cross-Cultural Communication 380

CULTURE

ART CRITICISM

- A.I. Dubov* (Moscow) – The Austere Style of Andrey Vasnetsov 389

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л., шрифт Times New Roman, кегль 14.

К статье необходимо прилагать резюме **на русском и английском языках** (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не **менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**), а также **почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность!!!!**

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (начала на языке статьи, потом транслитерированный список – **References**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L. - New York.

Для литературных произведений:

Толстой, Л.Н. 1980-1982: *Полное собрание сочинений*. М.

Пушкин, А.С. 1960-1968: *Собр. соч.*: в 10 т. М.

Пушкин, А.С. 1978: *Избранное*: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106-108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18-26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97 – 145.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In: A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95*. Rome, 57-65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже). Сайт translit.net

Правила транслитерации

Русский язык

а	a	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	"		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	hr	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Примеры:

Для литературных произведений:

Tolstoy, L.N. 1980–1982: *Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow.

Для журнальных статей:

Anninskiy, A.P. 2008: Beseda o strannostyax. *Rodina* 2, 18–26.

Для книг/статей без авторов:

Sayko, E.V. (red.) 2001: *Gorod v protsessakh istoricheskikh perekhodov, teoreticheskie aspekty i sotsiokul'turnye kharakteristiki*. Moscow.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Grantovskiy, E.A. 1981: O nekotorykh materialakh po obshchestvennomu stroyu skifov. "Rodstvenniki" i "druz'ya. In: A. Litvinskiy (red.), *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e*. M., 59–79.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta*, <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956.

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Аббревиатуры для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2016

Сдано в набор 25.05.2016. Подписано в печать 15.07.2016. Дата выхода ???. 2016.
Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-58784 от 28 июля 2014 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования «Магнитогорский
государственный технический университет им. Г.И. Носова»

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514а.
Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.